Сборник научных трудов кафедры глобалистики и геополитики СФУ

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

ВЫПУСК 2.

Актуальные проблемы глобалистики и геополитики. Выпуск 2. / под общей редакцией И.А.Пфаненштиля и М.П.Яценко . – Красноярск, 2013. – 306 с.

Сборник научных трудов посвящен исследованию ряда острых проблем, связанных с современным глобально-геополитическим мироустройством.

Важное место в книге занимает анализ истоков исторических аспектов глобализационных процессов как на уровне мирового сообщества, так и в России. На примере конкретных историических событий показаны особенности их протекания и проблемы, возникающие в мировом геополитическом пространстве. Осмысление современных явлений невозможно без опоры на историю философской мысли, в связи с чем в сборнике исследуется творческое наследие ряда отечественных и зарубежных мыслителей.

Книга предназначена для широкого круга специалистов в области социогуманитарного знания, для студентов, аспирантов и всех, интересующихся современной философской проблематикой глобалистики и геополитики.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ……..5

Раздел 1. ГЛОБАЛИСТИКА КАК АКТУАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ…….7

Урсул А.Д. Глобалистика, глобальные исследования и глобализация науки……..7

Колин К.К. Информатизация общества как цивилизационный процесс……...48

Кефели И.Ф. Перипетии марксизма в глобальных исследованиях……61

Гринченко С.Н. Информатико-кибернетическое моделирование как аппарат теоретической глобалистики……67

Константинов П.А., Константинов И.П. Социально-филосоские аспекты исследования инициативы в глобальном мире……80

Солкина П.А. Влияние процессов глобализации на реализацию социальных норм……89

Раздел 2. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ ……....92

Пфаненштиль И.А., Пфаненштиль Л.Н. Глобализация как претензия на новое геополитическое пространство и мировой порядок……..…92

Светлов В.А. Международный конфликт как теоретическая проблема……101

Максимов С. В. Особенности проявления военного прогресса в глобальном мире: социально-философский аспект……..114

Иванова Л.А. Основы современной геополитики……123

Дуреева Н.С., Галиахметов Р.Н. Евразийство и геополитика……125

Раздел 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ……...129

Чуринов Н.М. Идеология преодоления западничества……129

Яценко М.П. Аксиологические аспекты истории как проблема глобального самосознания…… ……...138

Усольцев В.А. Древняя славянская культура и православие как истоки русского космизма……..146

Раздел 4. ОБРАЗОВАНИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ……...186

Кудашов В.И. Развитие высшего образования в условиях глобализации……...186

Наливайко Н.В.. Глобализация и изменение ценностных ориентиров российского образования……192

Грякалов. А.А. Духовные ценности и космо-антропология детства ……..195

Черных С.И. Глобализация российского образования: смысл и ценности процесса….198

Рассказов Л. Д. Сознание как системообразующий элемент глобального профессионального образования: кризисные аспекты обучения студентов высших учебных заведений……....202

Морозов В.В. Глобальное образование и социализация личности ……..……..213

Борисенко И.Г. Информация и гносеологические аспекты проблем глобального образования……....217

Сидоренко Е.В. Особенности патриотического воспитания в условиях геополитических трансформаций…….....221

РАЗДЕЛ 5. ДУХОВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ…….229

Корольков А. А. Духовные основания педагогической антропологии…….229

Бороноева Н.А.. Антропологический кризис: факторы обострения……238

Григоренко Д. Е. Совершенный ум в процессах созидания……..243

Головей В. Ю. Особенности исследования сакрального в искусстве.. ……...254

Козлова М.В. «Общечеловеческие ценности» в контексте современной глобализации как социально-философская проблема духовности……260

Раздел 6. КОНЦЕПЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МИРОУСТРОЙСТВА ……..270

Московченко А.Д. В.И.Вернадский и проблемы социальной автотрофности (к 150-летию со дня рождения великого русского ученого и мыслителя)……...270

Урсул А.Д., Урсул Т.А..Глобальная демографическая устойчивость: проблемы и перспекти-
вы……..275

Кушелев В.А. Информационная многокачественность материи……..285

Молчанов В.Н. Национальная и международные нормы экологического права: состояние, тенденции, перспективы……300

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……..305

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понимание сущности современных процессов глобализации предполагает исследование данного явления в системе двух основных, различаемых по принципу методологии, проектов науки: метафизического и диалектического. В этом случае становятся отчётливыми истинные цели и перспективы глобализации как объективного исторического процесса и целенаправленность глобалистского давления на самодостаточные культуры.

Область исследований глобализации определяется взаимосвязью основных понятий, которые в той или иной степени имеют отношение к этому явлению. Находясь в единстве и взаимосвязи, различные сферы общественной жизни образуют общество как единую систему, как целое, как особый организм, обладающий не только свойствами, присущими отдельным ее частям, но и такими свойствами, которых нет ни у одной из них. Причем, это целое больше не только количественно, но и качественно, т. е. у системы как целого есть такие качества, свойства, которых нет ни у одной из составляющих частей. Поэтому исследование глобализации предполагает изучение не только форм и методов глобализации, но и выявление особых свойств общественной жизни, сформировавшихся в результате различных глобализационных процессов.

Современная глобализация как попытка реализации идеологии вестернизма осуществляется на основе экономической и культурной интеграции, объединения политических процессов, навязываемых Западом всему мировому сообществу. Как широкая социально-историческая данность процесс вестернизации представляет собой единство противоречивых явлений, включающее в себя: глобализм и антиглобализм, интеграцию и суверенизацию, национальный и религиозный радикализм, сотрудничество и противостояние одних обществ другим. В связи с этим возникает необходимость разработки нового подхода к формированию конструктивных взаимоотношений внутри мирового сообщества, и укрепления преимуществ традиционных обществ в условиях развертывания глобализационных процессов в XXI веке, что значительно актуализировало исследование геополитики.

Процесс формирования концепции глобализации в предметном поле социальной философии осложняется комплексным характером процессов глобализации, их полиструктурной и многофункциональной природой. Тем не менее, накопленный теоретический и эмпирический материал, опыт реальной социальной политики в условиях глобализации создают необходимые предпосылки для ее системной рефлексии и выведения глобалистики на уровень самостоятельного исследования, используя методологические основания социальной философии. Анализируя стремительно меняющийся во второй половине XX в. мир, пронизанный этническими и религиозными конфликтами, испытывающий индустриальные и информационные изменения, свидетельствующий о распаде старых и появлении новых государств, академическое сообщество конструировало различные объяснительные модели таких трансформаций.

Глубокие изменения, происходящие в геополитических структурах мирового сообщества, и трансформации социально-политических систем дают основания говорить о завершении одного исторического периода и вступлении современного мира в качественно новую фазу своего развития. Мир становится более унифицированным, но не безопаснее. Традиционные для мировой истории региональные и локальные конфликты потенциально тяготеют перерасти в геополитические. Особенность нынешнего этапа состоит не только в том, что эпоха постиндустриализма сменяется информационной, но еще и в том, что процесс изменений затронул, наряду с экономической, политическую, социокультурную и духовную сферы. Начинается этап формирования нового типа мирового сообщества. Наиболее зримым проявлением и показателем этих процессов и феноменов является глобализация.

Конец XX – начало XXI в. представляет собой переломный момент истории человечества. Все более явными становятся такие аспекты его развития, которые не укладываются в сложившиеся представления и концепты о всемирной истории, социуме и цивилизации в целом. Исследователи констатируют переход не просто на новый этап глобализации и виртуализации исторического развития, а в новое системное состояние социума. Формируются принципиально новые, отличные от существующих до сегодняшнего дня и признаваемые в качестве всеобщих, существенные, необходимые и достаточные характеристики социальной эволюции в целом.

Глобализация как направление культурогенезиса затрагивает, главным образом, социальный микроуровень, структурированынй на генезис отдельных культурных форм, социокультурных систем и генезис этнокультурных систем. Генезис социокультурных систем в настоящее время определяется формированеим глобального сообщества, или «мирового общества», по Беку, т.е. формирующегося в процессе коммуникации социального пространства, чрезвычайно подвижного и неустойчивого, с размытой идентичностью и системой ценностей – с одной стороны. С другой – возникновением многочисленных субкультур, легитимируемых политикой культурного плюрализма, имеющего наряду с положительными чертами массу негативных последствий, выражающихся, к примеру, в потере целостности, дроблении культурного пространства на множество фрагментов его составляющих. И, наконец, генезис этнокультурных форм, локальных культур в условиях глобализации – это момент их коренного преобразования или нивелирования, закономерно порождающий антиглобалистские волнения.

В своем большинстве – проекты геополитических победителей, обладающих сегодня неоспоримыми преимуществами и стратегической инициативой, которые сходятся в одном: на планете рано или поздно должен восторжествовать универсализм западного типа, т.е. атлантическая, талассократическая система ценностей должна стать доминирующей повсеместно.

Глобализация вызывает интерес представителей различных научных направлений по следующим причинам. Во-первых, ярко выраженные протесты антиглобалистов за границей, особенно в слоях беднейшего и средних слоев населения проходят на фоне относительно индифферентной реакции (за исключением политологов) в российском обществе. Во-вторых, наблюдается фактически полная поддержка глобалистским притязаниям США со стороны стран бывшего соцлагеря. В-третьих, геополитическая глобализация, часто не совсем правомерно, ассоциируется с конкретными проблемными направлениями в развитии человечества, например, в экологии, что приводит к недооценке потенциальной угрозы, которую таит в себе глобализация по отношению к суверенным культурам. В-четвертых, неумение большинства населения отделить закономерность глобализации как общеисторической тенденции от чисто деструктивных поползновений отдельных правительств западных стран.

Данный сборник научных трудов «Акутальные проблемы глобалистики и геополитики»является продолжением важного направления, предпринятого нашей кафедрой в прошлые годы, с целью осмысления и попыток описания сложных, амбивалентных по своей сути современных процессов глобализации, вызвающих серьезные трансформации мирового геополитического пространства.

Надеемся, что сборник поможет научным специалистам, аспирантам и широкому кругу интересующихся социально-политическими проблемами современного мироустройства не только исследовать конкретные проявления глобально-геополитических процессов, но и более четко определить свою мировоззренческую позицию.

И.А. Пфаненштиль, М.П. Яценко.

Раздел 1.

ГЛОБАЛИСТИКА КАК АКТУАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Глобалистика, глобальные исследования и глобализация науки

А.Д. Урсул (г. Москва)

Развитие глобальных исследований оказалось неизбежным научным ответом на глобальные вызовы конца XX и начала XXI века. Осознание важной роли глобализации, глобальных проблем и других общепланетарных феноменов и понимание перспектив дальнейшего развертывания совокупной глобальной деятельности стало важной вехой в современной науке. Глобальные исследования довольно быстро выдвигаются в лидеры научно-образовательного процесса и становятся фундаментом современной научной картины мира и мировоззрения. Однако до сих пор идут оживленные дискуссии о статусе этих исследований в структуре современной науке.

Если ранее приращение научного знания наиболее эффективно происходило в рамках отдельных научных дисциплин, по линии дальнейшей дифференциации и специализации науки, то сейчас на приоритетное место, как показывают многие области научного поиска и научные направления, включая и глобальные исследования, выходят как меж- и трансдисциплинарные процессы знаний, так и этот синтез научных знаний во взаимодействии фундаментальных и прикладных исследований, формируя и распространяя интегративно-глобализационные волны на всю науку и образование. Но не только своим интегративно-общенаучным потенциалом глобальные исследования выдвигаются в лидеры современного научно-образовательного процесса, они становятся новой важной составляющей современной научной картины мира и по ряду других не менее фундаментальных обстоятельств, которые в своей совокупности существенно ускорили рост научного знания в глобальном измерении.

Важно исследовать не только объективно протекающие глобализацию, глобальные проблемы и другие глобальные процессы, но и осознать какую роль в своей системной целостности они играют и могут играть в науке. Когда речь идет о начале глобальных исследований, которые в России концентрируются в основном вокруг глобалистики, не так уж часто вспоминают о том, что глобальные идеи во многих областях знания принадлежат именно В.И. Вернадскому. Между тем истоки исследования глобально-планетарных процессов восходят еще к В.И.Вернадскому, который особое значение для созидания сферы разума (ноосфере) придавал науке, и ее современное развитие подтвердило это предвидение. Причем формирование сферы разума начинается с обретения научной мыслью глобального и даже вселенского масштаба, о чем неоднократно писал В. И. Вернадский. «Под влиянием научной мысли и человеческого труда, - писал ученый, - биосфера переходит в новое состояние – *в ноосферу.*

Человечество закономерным движением, длившимся миллион - другой лет, со все усиливающимся в своем проявлении темпом, охватывает всю планету, выделяется, отходит от других живых организмов как новая небывалая геологическая сила» [1, с. 20-21]. В данной статье я ограничусь лишь идеями ученого, изложенными в этой работе, написанной в основном в 1938 г.. которая, по мнению авторов предисловия к книге А.Л.Яншина и Ф.Т. Яншиной, является вершиной творчества В.И. Вернадского, – это «грандиозный по замыслу итог его размышлений о судьбах научного познания, о взаимоотношении науки и философии, о будущем человечества» [1, с. 9].

Он полагал, что уже в XX веке научная мысль стала уже интернациональной [1, с. 45], охватила всю планету, все находящиеся на ней государства [1, с. 80] и даже играет роль своего рода транснационального актора глобального развития. Становление глобального характера научной мысли В.И. Вернадский сформулировал достаточно четко и применительно к ноосферогенезу. В его трудах учение о ноосфере с самого начала формировалось в общепланетарном ракурсе, т.е. как мировоззрение ноосферного глобализма (нооглобализма), в котором глобализм и идеи становления ноосферы оказались соединенными в целостную форму мировоззрения [2].

Вместе с тем влияние ученого на науку в ее глобальном измерении вовсе не сводится к тому, что он стоял у истоков глобальных исследований и многие его идеи были ориентированы в общепланетарном направлении. Можно, пожалуй, говорить о предвидении им особого – планетарно-глобального этапа и тенденции развития науки в целом, который отражает и предвещает появление глобального периода (по меньшей мере, «века глобализации») совместной истории человечества и природы. Идея В.И. Вернадского о «планетном» характере научной мысли уже обрела свои конкретные очертания как в ныне происходящих глобальных процессах в мире и их осмыслении, так и в предвидении и исследовании будущих социальных и социоприродных эволюционных процессов, о чем также пойдет речь в статье.

Глобализм как форма общепланетарного мировоззрения

Есть мнение, что еще в Осевое время появилось в начально-примитивном виде глобальное мировидение и идея единства человечества [3, с. 7]. С этим вряд ли можно согласиться, ибо представление о глобальном в нашей жизни и в мироздании стало оформляться спустя почти два тысячелетия. В нашей стране истоки глобального мышления и мировоззрения, как показали исследования, восходят еще к М.В. Ломоносову [4]. Фундамент глобального мировоззрения закладывался многими мыслителями, многие из которых упомянуты в новом издании монографии А.Н.Чумакова [5].

Однако, лишь начиная только с В.И. Вернадского, с помощью науки развернулся процесс становления глобального сознания и мышления как нового способа освоения окружающего мира, имеющего свои особенности, на ряде из которых я далее остановлюсь. Сам ученый отмечал во фрагменте «О научном мировоззрении», что «открытие Америки, объезд Африки, открытие Австралии имели огромное значение для научного мировоззрения» [1, с. 195], как и другие кругосветные путешествия великих мореплавателей XVIII столетия сильно отразились на нашем научном мировоззрении [1, с. 196]. Однако глобальное (планетное) миропонимание у ученого сформировалось не только благодаря осознанию этих выявленных им процессов глобализации, но и в ходе других своих собственных исследований, о чем далее и пойдет речь.

В процессе формирования глобального мышления во второй половине прошлого века появился такой мировоззренческий феномен как глобализм, оказывающий существенное, даже определяющее влияние как на глобальные исследования, так и на образование. В общем случае под глобализмом имеется в виду миропонимание, базирующееся на представлении нашего земного мира как единого целого, а человечества как взаимосвязанного мирового сообщества, у которого общая судьба и ответственность за будущее планеты. Глобализм - это способ системного видения этого мира, в котором обитает человечество, именно как глобального мира, в котором общепланетарные характеристики, в том числе и пространственно-временные, превалируют. Именно такое широкое понимание глобализма следует из научного творчества В.И.Вернадского, хотя сам этот термин ученый не употреблял.

Глобализм как системно-общепланетарное мировоззрение, с одной стороны, существенно расширяет пространство-время социальных и социоприродных взаимодействий до общепланетарного объема биосферы. Но, с другой стороны, это расширение наталкивается на планетарные (биосферные) ограничения, которые ставят объективный предел дальнейшему расширению социальных и социоприродных процессов и предполагает их «сжатие» и об-

ретение целостности в границах биосферы (если не считать возможность дальнейшей космической экспансии, что пока сопряжено с огромными трудностями). Причем довольно часто в литературе по глобальным исследованиям пространственные, временные и другие ограничения со стороны природных факторов даже не упоминаются.

Между тем формирующийся глобальный мир обретает свою целостность не только под влиянием деятельности человека, но и природных – глобальных ограничений и особенностей. Глобальный мир оказывается целостным, но ограниченным земным миром социоприродных взаимодействий, воздействующих и даже определяющих все другие процессы на нашей планете. Наиболее зримые ограничения – не только ограничения территориальные, ставящие предел дальнейшему экстенсивному развитию, но и исчерпаемость природных ресурсов, глобальная экологическая угроза и т.д. Это и ограничения темпорального характера, связанные с пространственными пределами, очень часто ставящие временной финал развитию тех или иных процессов на Земле, в том числе и существованию человечества [6].

Эсхатологические темы глобально-катастрофической направленности изобилуют в околонаучной и научной литературе и СМИ. Причем глобальное потепление или предполагаемый очередной малый ледниковый период – далеко не единственные угрозы планете в будущем. Ожидается, что Земле угрожают катаклизмы, вызванные как естественными причинами, например, вулканической деятельностью, поскольку возрастает сейсмическая активность и главную опасность могут представлять не столько вулканы, которых немало на планете, а главным образом супервулканы (их известно более двух десятков на Земле, извергающиеся достаточно редко (примерно один раз в 100 000 лет), а также астероидно-кометная опасность, которая напомнила недавно о себе взрывом «уральского болида». На эти ограничения в конце XIX – начале XX веков обратил внимание К.Э Циолковский, который и предложил их устранить для человечества с помощью изобретения ракеты как транспортного средства для освоения космоса.

На такого рода ограничения, возможно, первым среди философов обратил внимание К. Ясперс [7], причем они ему уже представлялись в форме тех или иных земных катастроф, о которых сейчас говорят экологи и другие ученые, озабоченные деградацией окружающей среды и истощением природных ресурсов. Как свидетельствуют работы немецкого философа, основную угрозу будущему он видел в истощении природных ресурсов, считая, что: «беззаботность, с которой расходуются ограниченные запасы сырья, позволяет, во всяком случае, предположить возможность или вероятность того, что эти запасы будут полностью исчерпаны" [7, с. 159]. Однако сейчас эта угроза «отодвинута» на второй план по сравнению с необходимостью сохранения окружающей природной среды как естественного фундамента существования жизни и разума в биосфере. Впрочем, К. Ясперс говорит не только о возможностях исчерпания природных ресурсов, но и о грядущем охлаждении Земли, «которое приведет к угасанию жизни" [7, с. 413].

Глобализация, глобальные проблемы, другие глобальные процессы, тесно связанные с космическими процессами, возникли именно благодаря пространственной шарообразности и тем самым замкнутости нашей планеты как небесного тела, глобальной ограниченности земного шара и его биосферы, в которой развертывается антропогенная деятельность. Глобализация и ряд других социоприродных глобальных процессов уже были «запрограммированы» природными особенностями земного шара. Глобализация оказалось обусловленной природными характеристиками и особенностями биосферы и даже космическими свойствами планеты как небесного тела. В этом пространственно-природная специфика всех глобальных процессов, включая глобализацию и глобальные проблемы.

Эта особенность глобализма как особого «социоприродного» миропонимания не всегда осознается и очень часто внимание акцентируется лишь на расширительных и связующих фрагменты социума тенденциях, хотя появляющиеся при этом ограничения и пределы оказываются имманентно сопряженными с этим пространственно-темпоральным расширением. Пространственный аспект глобализма начал осознаваться в первую очередь. В свое время Римским клубом был выдвинута своего рода «пространственно-территориальная» максима-

девиз: «мыслить глобально, действовать локально», которая некоторыми учеными считается едва ли не основополагающей в современной глобалистике [8, с. 643-644]. Между тем, этот «принцип глобалистики» уже в своей краткой формулировке содержит явное противоречие и, по сути, «пространственный разрыв» между мышлением и действием.

Гораздо раньше В.И. Вернадский справедливо указывал, что человек как "житель планеты": "должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте. Он, как и все живое, может мыслить и действовать в планетном аспекте только в области жизни – в *биосфере,* в определенной земной оболочке с которой он неразрывно, закономерно связан и уйти из которой он не может. Его существование есть ее функция. Он несет её с собой повсюду" [1, с. 28]. Как видим, российский ученый, осознавая роль человечества как глобального фактора развития, не разрывал мышление и практическую деятельность на локальные и планетарную пространственные составляющие.

Однако кроме пространственного, весьма важен и темпоральный аспект глобального мышления. Вряд ли в понятии глобализма можно ограничиться только пространственным аспектом, что фактически и имело место по «умолчанию». Такое «пространственное» миропонимание глобализма разрывает реальную взаимосвязь пространства и времени (против чего всегда выступал В.И. Вернадский) в мышлении и деятельности. Важно выявить особенности глобального мировоззрения и. кроме того, о чем уже шла речь, в темпоральном ракурсе его можно видеть в том, что будет существенно расширяться временной диапазон, горизонт видения глобальных процессов (как в прошлое, так и в будущее), а также учитываться нелинейное течение и системная взаимосвязь периодов (модусов) времени. Расширение горизонта видения касается как прошлого, так и будущего, не говоря уже о настоящем, но вместе с тем особо стоит сделать акцент на процессах ускорения темпов развития и футуризации, что связано с генерацией опережающих механизмов во всех сферах деятельности [9].

Глобализация (и футуризация) времени проявляется не столь очевидно как в пространственных измерениях, но, следуя за ними, в силу сущностной взаимосвязи пространства и времени, это последнее наполняется новыми характеристиками, которые не столь существенны для «доглобального» миропонимания. Глобальный подход позволяет видеть будущее человечества вовсе не как простое и все продолжающееся расширение Ойкумены, а вносит принципиально новые нелинейные коррективы в перспективы эволюционных процессов с участием человека.

Глобализм как особый глобальный вариант системного миропонимания и подхода оказывает воздействие на становление глобальных исследований как новой формы глобального сознания и мышления, а также на развертывание глобальных тенденций в образовании. Например, глобальное образование и первые концепции этого нового типа образования возникли еще в 70-ые годы в США как «образовательный ответ» на первые осознанные глобальные вызовы и перспективу жизни во взаимосвязанном мире на планете и формирования человека, готового к решению обостряющихся глобальных проблем [10-13]. Здесь глобализм скорее выступал, как удачно выразился Э.Г. Кочетов, как «мироощущение глобальности» [14, с. 7], с акцентом на эмоциональной стороне восприятия этого нового феномена.

И, скорее всего, зачинатели глобального образования исходили еще из синкретического видения глобализма, нежели конкретного глобального знания, которое потом, в процессе глобальных исследований, получит наименование глобальных проблем, глобализации, а теперь и глобальных процессов и систем. Поэтому глобальное образование появилось на этой же «глобальной волне», что и другие интеллектуально-духовные феномены. Это относительно еще не дифференцированное глобальное мировоззрение и знание проявилось и в педагогических науках в виде первых концепций глобального образования.

В последнее время проблемы становления глобального образования связывались с перспективами развития открытого и дистанционного образования, прежде всего с использованием сети Интернет. Но, наряду с формально-организационными и технологическими аспектами, относящимися больше к проблеме глобализации образования, развивалась и концепту-

ально-содержательная сторона глобального образования. И, прежде всего, речь идет о преподавании глобалистики, связанных с ней теорий и концепций, особенно (стратегии) устойчивого развития как уже развертывающегося глобального процесса (пока главным образом в высшей школе [15-18]).

Понятия «глобализм», «глобальные исследования», «глобалистика» и другие происходят от термина «глобальный». Причем важно отметить, что существуют различные трактовки понятия «глобальный». В этой связи замечу, что В.И. Вернадский выделял два значения того понятия для наук, которое сейчас трактуется как глобальность. Во-первых, это науки, объекты которых и, следовательно, «законы – охватывают всю реальность – как нашу планету и ее биосферу, так и космические просторы, - это науки, объекты которых отвечают основным, общим явлениям реальности. Другой тип связан с явлениями, которые свойственны и характерны для нашей Земли.

В этом последнем случае можно теоретически допускать два случая научных объектов, научно изучаемых: общепланетные явления и индивидуальные, чисто земного явления.

Сейчас нельзя, однако, с достоверностью и с достаточной степенью уверенности всегда различать эти два случая. Это дело будущего» [1, с. 145]. Здесь ученый, вероятно, одним из первых в науке выделяет основные варианты термина «глобальный» и «локальный», естественно, без их упоминания.

Смысл понятия «глобальный» может существенно меняться в зависимости от типа глобальных исследований. Следует отметить, что понятие глобальности в литературе по проблемам глобализации, начиная с работ Р. Робертсона, связывают с развитием человеческой деятельности, обретением ею свойства мироцелостности в том или ином смысле [19-20]. В современной глобалистике и глобальных исследованиях, особенно в их широкой трактовке, важно выявлять и учитывать не только это, но и все, или, по крайней мере, основные возможные значения понятия глобальности, от которого в лингвистическом аспекте они берут терминологическое начало.

Но смысл понятия «глобальный» может существенно меняться в зависимости от типа глобальных исследований. В качестве примера можно привести астрономию и особенно такую дисциплину как космология. Так, в разделе коллективной монографии, написанном таким известным ученым как А.Д. Чернин имеется фрагмент, который озаглавлен «Глобальное и локальное» [21, с. 431-434]. Эти понятия имеют в трактовке упомянутого ученого вовсе не те значения, которые используются в глобалистике, они относятся к космосу, причем глобальное относится ко всей Вселенной, а отнюдь не к Земному шару. В этой статье используется и термин «глобальная космология».

Считать же, что во всей науке следует употреблять термин «глобальный» в одном и том же смысле было бы просто нереалистичным. Омонимия и полисемия терминов является обычным феноменом как обыденного, так и научного языка и она отнюдь не уменьшается с развитием науки, она характерна и для всего спектра современных глобальных исследований. Вряд ли возможно использовать во всей науке термины «локальное» и «глобальное» в том же смысле, что и в современной глобалистике. Во французском и даже английском языках термин «global» имеет смысл всеобщего, взятого в целом, простирающегося на Вселенную, все мироздание. Это означает, что глобалистика и глобальные исследования имеют не совпадающие предметные поля исследований, но не только в лингвистическом ракурсе [22].

Отметив многозначность термина «глобальный», далее буду его использовать преимущественно так, как это принято в глобалистике и связанных с нею глобальными исследованиями, т.е. в общепланетарном смысле, понимая, что здесь в первую очередь отдается дань пространственно-территориальному аспекту (хотя далее будут обсуждаться и другие значения и аспекты). В результате разного рода направлений глобальных исследований происходит как глобализация науки, так и производится особая форма междисциплинарно-научного знания, которую имеет смысл именовать глобальным знанием, т.е. знанием, отображающим все глобальные процессы и системы, существующие и развивающиеся на планете Земля в контексте общепланетарной целостности и эволюционной значимости [23].

Глобальный этап развития науки

Формирование глобалистики в отечественной литературе обычно датируется с конца 1960-х начала 1970-х годов. Именно это время, как отмечает А.И. Костин, характеризуется углубленным изучением двух глобальных проблем современности – освоения космоса и охраны окружающей среды [24, с. 214; 25, с. 21]. Это не означает, что другие проблемы, которые позже получили наименование глобальных, никак не освещались в литературе. Просто их не осознавали как именно взаимосвязанные между собой глобальные проблемы, хотя ряд из них исследовался авторами, принадлежавшими к течению мондиализма - идеологии и движению, ставящего целью переход от нынешнего многообразия форм существования народонаселения планеты к единому глобально управляемому целостному миру. Кроме того, для поддержания международного мира и безопасности в 1945 г. была создана ООН, цель которой заключалась в содействии решении приоритетной в то время глобальной проблемы войны и мира.

Как видим, некоторые глобальные проблемы уже исследовались и осознавались с середины прошлого века, но они изучались независимо друг от друга, хотя их общечеловеческий и планетарный статус был очевиден. И если для осмысления проблемы войны и мира были свои известные всем причины и обстоятельства, то для изучения проблемы освоения космоса – это был запуск Советским Союзом первого спутника и первого человека в космос [26]. А для проблемы окружающей среды – это первая в мире конференция ООН по окружающей среде, состоявшаяся в Стокгольме в 1972 г.

Однако начало становления глобалистики и глобальных исследований имеет смысл существенно сдвинуть и перенести даже в первую половину прошлого века. Именно в этот исторический период, еще во второй половине 30-х годов прошлого века В.И. Вернадским уже стал изучаться тот глобальный процесс, который мы сейчас считаем глобализацией, однако, этот процесс еще не обозначался термином «глобализация».

Несмотря на бурное стихийное развитие исследований глобальных процессов и становление соответствующего типа образования в мире, до сих пор отсутствует обоснованная концепция и стратегия их дальнейшего теоретического и практического освоения. Пока остается неопределенными понятия и предметные поля глобалистики и глобальных исследований, недостаточно ясны сущность и перспективы феномена глобализации и в особенности глобализации науки и образования, пока не выявлены и не оценены связи вновь возникающих глобальных областей исследования с уже традиционными дисциплинами. В связи с такой ситуацией становится необходимым создать общую концепцию глобальных феноменов в современной науке и оценить перспективы развития глобалистики и глобальных исследований.

Важно также остановиться на том аспекте процесса глобализации науки, который связан с развитием глобальных исследований, что почти не исследовано в современных публикациях по глобальной проблематике.

В значительной степени под влиянием глобалистики и глобальных исследований многие научные направления уже начинают обретать свой глобальный ракурс. Впрочем, не только глобалистика, но и другие глобальные исследования в целом генерируют глобальное знание, ведут к усиливающейся глобализации науки. Глобализация науки выражается в появлении в науке в целом глобальных характеристик и свойств, которые в «доглобализационный период» отсутствовали либо еще не осознавались (как, например, то о чем говорил В.И.Вернадский, не именовалось глобализацией, хотя сейчас вряд ли сейчас можно отрицать, что речь шла именно об этом).

Формирование глобалистики в отечественной литературе обычно датируется с конца 1960-х начала 1970-х годов. Именно это время, как отмечает А.И. Костин, характеризуется углубленным изучением двух глобальных проблем современности – освоения космоса и охраны окружающей среды [24, с. 214; 25, с. 21]. Это не означает, что другие проблемы, которые позже получили наименование глобальных, никак не освещались в литературе. Просто их не осознавали как именно взаимосвязанные между собой глобальные проблемы, хотя ряд

из них исследовался авторами, принадлежавшими к течению мондиализма - идеологии и движению, ставящего целью переход от нынешнего многообразия форм существования народонаселения планеты к единому глобально управляемому целостному миру. Кроме того, для поддержания международного мира и безопасности в 1945 г. была создана ООН, цель которой заключалась в содействии решении приоритетной в то время глобальной проблемы войны и мира.

Как видим, как минимум упомянутые три глобальные проблемы уже исследовались и осознавались с середины прошлого века, но они изучались независимо друг от друга, хотя их общечеловеческий и планетарный статус был очевиден. И если для осмысления проблемы войны и мира были свои известные всем причины и обстоятельства, то для изучения проблемы освоения космоса – это был запуск Советским Союзом первого спутника и первого человека в космос. А для проблемы окружающей среды – это первая в мире конференция ООН по окружающей среде, состоявшаяся в Стокгольме в 1972 г. В отношении проблемы освоения космоса можно сдвинуть начало ее осмысления с конца 1960-х годов на их середину и даже на начало, когда впервые в мировой литературе появились работы по философским проблемам освоения космоса [27, 28].

Но не это главное, а то, что начало становления глобалистики имело бы смысл существенно сдвинуть и перенести даже в первую половину прошлого века. Именно в этот исторический период, еще во второй половине 30-х годов прошлого века уже стал изучаться тот глобальный процесс, который мы сейчас считаем глобализацией, однако, но тогда этот процесс еще не обозначался термином «глобализация». Так, В.И.Вернадский полагал, что: «В XX в. впервые в истории Земли, человек узнал и охватил всю биосферу, закончил географическую карту планеты Земля, расселился по всей ее поверхности. Человечество своей жизнью стало единым целым» [1, с. 240]. Во многих местах своей книги ученый приводит факты и рассуждения, которые излагают и современные ученые, свидетельствующие о стремлении человечества к своему единству и целостности. Фактически здесь исследуется процесс глобализации, причем В.И. Вернадский его результат несколько предвосхитил.

Но если не употребляется термин «глобализация», можно ли считать, что Вернадский гораздо раньше ученых конца XX века исследовал процесс глобализации? Что важнее – введение термина или исследование процесса по существу? По-видимому, важнее все-таки исследование по существу, хотя найдутся и защитники лингвистического вклада в проблему, которые даже считают начало глобализации с последних десятилетий прошлого столетия.

И это касается не только Вернадского, ведь и другие ученые, например, Ф Бродель. И. Валлерстайн исследовали этот же процесс в своем понимании.

Однако в мировой литературе существует и довольно сильная привязка к термину «глобализация». С этой «терминологической позиции» часто считают, что авторство термина принадлежит Р. Робертсону, который впервые употребил его в 1983 г. В этой связи уместно заметить, что один из авторов этой статьи употреблял термин «глобализация» в ином контексте раньше Р. Робертсона [29, с. 204]. В названии одной из своих статей употребляет термин “globality”, а позднее он же подробнее анализирует и объясняет понятие “globalization”, а в 1992 г. формулирует целостную концепцию, которую излагает в специальном исследовании [19, 20].

Когда читаешь работу В.И. Вернадского «Научная мысль и научная работа как геологическая сила в биосфере» [30, с. 13-190], то невольно приходишь к мысли о том, что ученый обсуждает фактически те же проблемы, которые мы обычно встречаем во многих работах по глобальным исследованиям, в частности по проблемам глобализации (опять-таки замечу, что у Вернадского без употребления терминов «глобальный» и «глобализация»). Однако он вместо этого использует термин «планетный», иногда «вселенский», который имеет почти тот же смысл. Ученый считал, что «впервые в истории человечества мы находимся в условиях *единого исторического процесса, охватившего всю биосферу планеты.* Как раз закончились сложные частью в течение ряда поколений независимо и замкнуто шедшие исторические процессы, которые в конце концов… в нашем XX столетии создали *единое, неразрывно свя-*

занное целое… И, может быть, главное – материальная, реально непрерывная связность человечества, его культуры – неуклонно и быстро углубляется и усиливается… Увеличение вселенскости, связанности всех человеческих обществ непрерывно растет и становится заметным в немногие годы чуть не ежегодно» [30, с. 82].

Я уже обратил внимание, что в трудах ученого концепция ноосферы с самого начала формировалось в общепланетарном ракурсе, как мировоззрение ноосферного глобализма, в котором глобализм и идеи становления ноосферы оказались соединенными в особую целостную форму мировоззрения. В.И. Вернадский на несколько десятилетий опередил в своих научных трудах осознание глобальных процессов в обществе и науке, и это дает нам право считать его не просто одним из основателей глобального миропонимания, с чем все согласны, а даже основоположником глобальных исследований, в которые мы включаем и глобалистику (в её исследовательской «ипостаси») [22, 31, 32].

В дальнейшем, уже во второй половине XX века начался процесс осознания глобальных процессов с исследования глобальных проблем, а в последние десятилетия – с процессов глобализации. Это даже дало повод определить понятие глобалистики как «междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею позитивных и негативных последствий» [33, с. 5].

В последние годы, начиная с публикации монографии «Эволюционная глобалистика» [34], я склонен видеть начало следующего этапа развития глобалистики и шире - глобальных исследований, которые обращают внимание на всю гамму глобальных процессов (включая природные общепланетарные процессы), а не только на глобализацию и глобальные проблемы, в результате которых существенно ускоряется процесс глобализации всей науки. Этот этап можно было бы условно именовать «эволюционным», но поскольку он только начинается, имеет смысл подождать с его более адекватным наименованием.

Глобализация науки, прежде всего, выражается в появлении и развитии глобалистики и глобальных исследований в самом широком смысле. Их влияние на остальную часть научного знания составляет существенную часть процесса глобализации науки, наподобие того как влияет математика (процесс математизации), но пока не столь значительно. Но меж- и трансдисциплинарный потенциал глобальных исследований только начинает реализовываться и процесс глобализации, аналогичный процессу математизации, будет набирать темпы и ширить масштабы прежде всего по концептуально-теоретическому пространству науки.

Но не только в этом трансдисциплинарном ракурсе заключается процесс глобализации науки: ведь «глобальные ростки» в той или иной отрасли науки или проблеме могут появляться спонтанно, независимо от применения результатов уже проведенных глобальных исследований и некоторое время и могут не вызывать появления глобальных направлений областей исследования. Тем самым наука в принципе может постепенно «насыщаться» какими-то, может быть, еще не существенными глобальными знаниями, не приводя сразу к существенным глобальным трансформациям типа становления новой глобальной дисциплины или появлением новой глобальной концепции.

Можно также констатировать, что происходит такой достаточно очевидный процесс глобализации научного знания, когда к уже существующим наукам (дисциплинам) так или иначе добавляется «глобальная приставка»: или форме одного из направлений глобалистики, или перед наименованием отрасли науки появляется термин «глобальная». Опять-таки характерным примером в этом плане выступает экономика, которая все больше становится (и именуется) глобальной экономикой, причем это понятие обобщает те новые явления, которые произошли в мировом хозяйстве за последние десятилетия и еще будут происходить под влиянием глобализации и других глобальных процессов. Примерно в этот же период времени появилась и глобальная экология, глобальная история и ряд других глобальных продолжений уже существующих научных дисциплин.

Идет также речь пойдёт о глобальной политологии, которая исследует глобальную политику, а не только о политической глобалистике, которая входит в предмет глобалистики

[35, 36]. Здесь всё зависит от доминирующего воздействия либо глобалистики, либо политологии. Еще один пример – геополитика, не входящая в состав глобалистики (хотя и тесно связана с ней), но которая уже становится глобальной (и даже претендует на свое космическое продолжение). По этому пути пойдут многие отрасли научного знания, попадая под влияние «глобального аттрактора» приращения знания. Уже очень скоро мы столкнемся с тем, что немало привычных – традиционных отраслей науки получат ту или иную «глобальную» приставку к своему наименованию, как это уже случилось ранее с «космической приставкой» под влиянием космических исследований, развития астрономии и космонавтики. Благодаря глобалистике, все больше научных направлений обретают глобальную ориентацию, включаясь в орбиту глобальных исследований, обогащая и расширяя их. Некоторые из них еще могут войти в глобалистику и за их счет она далее будет расширяться, а другие же останутся вне ее предметного поля, пополняя глобальные исследования. Дальнейшая эволюция глобальных исследований будет происходить как за счет «глобализации» ныне существующих научных дисциплин и направлений, так и развития глобалистики совместно с другими в той или иной степени глобализирующимися областями научного поиска. Тем самым будут происходить процессы глобализации научного знания и на его основе – возникновение принципиально нового – глобального знания [37].

Расширение или сужение предметного поля глобалистики?

До недавнего времени под глобалистикой в отечественной литературе, как выше упоминалось, чаще всего понимали (и это вошло в первое мире энциклопедическое издание по глобалистике) междисциплинарно-интегративную область научного поиска, направленную на выявление сущности глобализации и глобальных проблем, причин появления, законов и тенденций их развития, утверждение позитивных и снижение негативных последствий, с целью обеспечения выживания человечества и сохранения биосферы [38, с. 199; 39].

Однако в недавно опубликованной статье (а затем и во втором дополненном издании монографии «Глобалистика») из авторов приведенного определения А.Н.Чумаков глобалистику уже определяет как «*междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности глобализации, причин ее появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею позитивных и негативных последствий»* [33, с. 5]. Здесь уже глобальные проблемы не упоминаются, поскольку считаются последствием многовекового естественноисторического процесса глобализации, закономерным её результатом. С этим положением о порождении глобализацией глобальных проблем можно было бы согласиться, если бы в литературе имелись доказательства их однозначной причинно-следственной связи. Это было бы действительно так, если бы глобализация была единственным глобальным процессом, порождающим глобальные проблемы. Однако, на наш взгляд, существуют и другие глобальные процессы (о некоторых речь еще пойдет далее), что даже из логических соображений не позволяет считать, что глобальные проблемы оказываются следствием только одной глобализации. Да и странным кажется сейчас, что глобальные проблемы, уже попавшие в поле зрения науки, как-то долго скрывали от ученых «всепорождающие» их глобализационные процессы. Похоже, что не только глобализация оказалась ответственной за появление глобальных проблем.

Есть и другая - более общая точка зрения. Например, У.Бек полагает, что глобальные проблемы оказываются следствием нелинейного характера всего мирового развития [40, с. 23-26]. С этим в принципе можно согласиться: возникновение глобальных проблем – это результат всего исторического развития человечества, в котором определенную роль, конечно, сыграли и процессы глобализации. Вопрос в том - единственную и главную ли роль? Установить же какие глобальные проблемы являются результатом предшествующих процессов глобализации, а какие – других глобальных процессов и общемирового процесса всего цивилизационного развития будет непросто, хотя это можно установить. Вот почему имеют право на существование такие определения понятия глобалистики, которые представляют это направление (а, может быть, и науку в смысле – дисциплину) как изучающее человечест-

во в его общепланетарной целостности [41, с. 129; 42, с. 20; 43]. Это направление трактовки глобалистики мне представляется достаточно перспективным, однако его важно дополнить вопросами взаимодействия цивилизации и природы.

Уместно обратить внимание на факты, свидетельствующие о том, что глобальные проблемы оказываются следствием не только глобализации (если считать, что глобализация началась всего несколько веков назад, например, в евроцентристской версии – с географических открытий). Если углубиться в древнюю историю человечества, то можно обнаружить процессы, аналогичные глобальным проблемам еще в палеолите и при переходе от палеолита к неолиту. Можно считать, что глобальные проблемы в несколько иной форме возникали и ранее, когда глобализации в том смысле, как ее понимают многие ученые сейчас, еще не было.

Эти факты были известны В.И.Вернадскому и прежде всего – это овладением огнем как одной из сил природы, названное им «великим открытием» и даже «планетной революцией» [1, с. 136], которую произвел человек. Это открытие, которое, по мнению ученого, было сделано в одном-двух местах медленно распространялось среди населения Земли. Тем самым постепенно овладение огнем обрело планетарный характер и помогло человечеству выжить в условиях наступления холодов в ледниковую эпоху [1].

Второй приводимый им общепланетарный процесс – переход от собирательско-охотничьего к производящему хозяйству. Вряд ли можно считать переход к неолиту (агронеолитическую революцию) процессом глобализации, хотя есть и такая точка зрения. Однако в том, что это особый системно-глобальный социоприродный процесс развития человечества, растянувшийся на многие тысячелетия, сомневаться не приходится.

Неолитическая революция, начавшаяся в различных, еще не связанных между собой регионах планеты около 12 тыс. лет тому назад, представляла собой глобальный эволюционно-исторический процесс, который, способствовал его выживанию в тот период времени. До начала перехода к производящему хозяйству шло стихийное экстенсивное расширение охотничье-собирательской деятельности по пространству земного шара, и уже здесь произошло «столкновение» этого способа хозяйствования с локально-региональными, но, в принципе, и глобальными ограничениями, которые проявились в каждой экосистеме планеты (охотникам и собирателям требовалось для пропитания несколько десятков кв. км территории в зависимости от ее биоразнообразия). Это и привело к повсеместному кризису этого первоначального способа хозяйствования и типа обеспечения жизнедеятельности человечества в общепланетарном масштабе.

Здесь налицо процесс пространственного расширения этой экстенсивной по своему характеру хозяйственной деятельности и, тем самым, в ней присутствовала тенденция пространственно-географического сближения первобытных племен. Однако экстенсивное развертывание хозяйства столкнулось не только с локальными, но и с глобальными последствиями и ограничениями. Они были связаны отчасти с истреблением мегафауны как основного источника белковой пищи, а также с ее возможным исчезновением в силу изменившихся естественных климатических и экологических условий.

Столкновение охотничье-собирательского хозяйства с упомянутыми локально-глобальными (глокальными) ограничениями привело к общепланетарному продовольственному кризису верхнего палеолита и к существенному сокращению численности населения на земном шаре (примерно на порядок).Одна из предыдущих такого рода глобальных катастроф природного характера произошла примерно 75 тысяч лет тому назад, когда извержение супервулкана Тоба в Индонезии привело к резкому (возможно, на несколько порядков) снижению численности предков человека. Продолжение этого экстенсивного типа хозяйственной деятельности могло бы привести к исчезновению формирующегося человечества и объективно требовало перехода на принципиально новый способ взаимодействия с природой, обеспечивающий выживание народонаселения в разных местах планеты.

Именно в это время возник глобальный кризис не просто того типа хозяйственной деятельности (охотничье-собирательской), но и самого существования человечества, сравни-

мый, пожалуй, с возникновением комплекса современных глобальных проблем, которые также предвещает либо гибель, либо опять-таки переход к новому социоприродному способу хозяйственной деятельности и одновременно – выживания цивилизации. Разрешение верхнепалеолитического комплекса общепланетарных проблем привело к становлению производящего хозяйства как принципиально новому глобальному процессу и развертыванию ряда тех тенденций развития человечества, которые позже будут осознаны как процессы глобализации. Как видим, нечто похожее на современные глобальные процессы уже происходило в древней истории и сейчас человечество фактически стоит перед аналогичной проблемой выживания и формирования нового способа хозяйствования и безопасного обеспечения своего существования на планете.

Глобалистику можно мыслить не только как мульти– и междисциплинарную, интегративно-общенаучную область научных исследований, но и ныне активно развертывающуюся глобальную практическую деятельность (в частности как геологическая активность, продолжая идеи В.И. Вернадского), направленную на упомянутое усиление позитивных и снижение негативных для человека и биосферы последствий этих процессов. В связи с этим глобалистика в широком плане видится не только в научно-исследовательском аспекте, но и в социально-деятельностном, практическом плане. Глобалистика «захватывает» глобальные проблемы, процессы, и системы как объективные феномены, которые она не только изучает, но и имеет к ним прямое отношение через предметно-практическую глобальную деятельность. Тем самым глобалистика как научная мысль и как ее воплощение в глобальной деятельности участвует в процессах глобальной (универсальной) эволюции.

Поскольку глобалистика может трактоваться не только как научное направление, но и как область человеческой деятельности, обретающая или уже имеющая планетарные масштабы, то в этом смысле она аналогична информатике или космонавтике, интенсивное развитие которых несколько предшествовало развертыванию исследуемого здесь феномена. Причем с теми же направлениями научного поиска были также связаны такие тенденции как информатизация и космизация, а также развитие соответствующих индустриально-экономических комплексов. Однако здесь речь будет идти только о научном аспекте глобалистики, а не о проблемах глобальной деятельности, имеющей экономический, политический, правовой и иной характер, поскольку многие ныне существующие практики обретают свое глобальное измерение. Для дальнейшего анализа важно то, что становление глобалистики также связано развитием научных исследований в общепланетарном направлении и с тенденцией глобализации науки.

Место глобалистики достаточно четко не определено в системе научного знания и на уровне научной картины мира. Попытки решить эту проблему можно только приветствовать, о чем идет речь в статье А.Н. Чумакова и ряде других работ [34, 44] (и я также далее подробно на этом остановлюсь). Глобалистика, на наш взгляд, представляет основную предметную область, своего рода «ядро» того направления глобальных исследований, которое в англоязычной литературе, именуется «global studies». Хотя это словосочетание переводится в нашей литературе как «глобалистика», но нам представляется, что это было уместно лишь на начальном этапе «сравнения» отечественных и зарубежных исследований в аналогичных или близких областях.

Если ограничить предметное поле глобалистики лишь глобализацией или добавить сюда еще глобальные проблемы, то другие глобальные феномены, по определению входящие в глобалистику, окажутся на предметном поле глобальных исследований. Здесь находится пока еще неопределенное и не всегда очевидное различие между глобалистикой и глобальными исследованиями: поскольку сейчас никто не может дать окончательное определение понятия глобалистики, то все оставшиеся глобальные процессы войдут в глобальные исследования. Кстати, глобалистика также в этом смысле становится частью глобальных исследований, поэтому в какой-то мере определение ее предметного поля, отличным от глобальных исследований, оказывается не столь принципиальным, как это казалось ранее (хотя это тоже необходимо).

В настоящее время вряд ли можно сказать, стоит ли отождествлять глобалистику и глобальные исследования, как это довольно часто происходит. Время покажет, уместно ли было это делать, но уже сейчас можно считать, что глобальные исследования гораздо шире глобалистики, по крайней мере, хотя бы потому, что ряд направлений этих исследований пока не включены (и не будут включены) в глобалистику (особенно в узких определениях этого понятия). Далее будет понятно, почему от глобалистики имеет смысл переходить к глобальным исследованиям и даже к такому гораздо более широкому процессу как глобализация науки.

Глобалистика, независимо от ее узкого или широкого определения, представляет собой такую междисциплинарно-интегративную область научных знаний, которая как своего рода «глобальный аттрактор» уже стала присоединять к себе другие различные отрасли знания, тем самым расширяя свое предметное поле. В этом смысле глобалистика, даже если она будет изучать лишь феномен глобализации, все равно будет расширять свое предметное поле за счет взаимодействия с другими научными дисциплинами. И это уже эмпирический факт: на стыке ряда наук появились историческая, политическая, информационная, правовая, космическая и другие формы (направления) глобалистики, которые увеличили ее предметно-отраслевое поле и даже создают впечатление, что этот процесс вот-вот захватит если не всю, то большинство отраслей научного знания. А это расширение ведет к использованию методов взаимодействующих наук и формированию своей системы методов, соответствующих новому, расширенному предметному полю этого глобального направления науки.

Это расширение имеет пока неопределенные границы, но ясно, что нельзя в глобалистику «втиснуть» всю науку пусть даже на этапе все усиливающейся её глобализации. Глобальные исследования выходят за пределы глобалистики, в принципе затрагивая если не все, то очень многие науки (заранее, исключая лишь те, которые имеют принципиально локальный или региональный характер). Глобалистика в какой-то степени может разделить судьбу космонавтики, которая в результате практического освоения космоса существенно расширилась, но, вместе с тем, как отмечалось, породила достаточно много отраслей науки с «космической приставкой» - космическая физика, космическая физика, космическая биология и медицина и т.д., что считается процессом космизации науки.

Поэтому, наряду с дальнейшим становлением глобалистики, развернулся процесс глобализации научного знания, которому подвергается все более значительное число его отраслей. По-видимому, подавляющее число отраслей научного знания все же не станет «отдавать» свои области глобальных исследований предметному полю глобалистики, как это уже произошло с глобальной экономикой (пока не встречается наименования «экономическая глобалистика» именно по этой причине). Не исключено, что даже уже получившая наименование «правовая глобалистика» все же сменит свое название на «глобальное правоведение», или продолжит глобальные исследования в этом направлении [45, 46]. Наряду с политической глобалистикой, используется и термин «глобальная политика», особенно в зарубежной литературе [47]. Границы между этими глобализирующимися науками и глобалистикой остается неопределенной, но все они находятся на исследовательском поле глобальных исследований в их широком понимании.

Тем самым происходят два тесно взаимосвязанных, но все же разных процесса – глобализация знаний (в ходе широко понимаемых глобальных исследований) и становления глобального знания в основном благодаря развитию собственно глобалистики. В последние примерно два десятилетия, как часто отмечается в литературе, глобалистика переключилась в основном на исследование процесса глобализации, существенно ослабив изучение глобальных проблем. И если ранее в предметное поле глобалистики включали только исследование глобальных проблем [48], то теперь большинство ученых сосредоточило свои усилия в основном на изучении глобализации. Другие же глобальные феномены на предметном поле глобалистики оставались без должного внимания, во всяком случае, создавалось впечатление, что глобальные проблемы и глобализация составляют предмет основной исследований в области глобалистики.

Если же сейчас свести глобалистику только к изучению глобализации, то не исключено, что через какое-то время появится еще один или несколько глобальных процессов, которые привлекут внимание большинства ученых и тогда придется заново переопределять понятие глобалистики. Либо, как выше отмечалось, все остальные процессы глобального характера переносить на предметное поле глобальных исследований.

Сейчас в ходе дискуссии о глобализации, значительная часть ученых акцентирует внимание на социальном аспекте, полагая, что глобализация представляет мегатенденцию к объединению человечества и обретению глобальной целостности цивилизации [3]. Однако надвигающаяся угроза антропоэкологической катастрофы демонстрирует одновременную необходимость решения всей гаммы как социальных, так и социоприродных проблем и формирования коэволюционных взаимоотношений общества с окружающей природой, т.е. будущая целостность человечества обязательно должна дополняться экологической безопасностью в планетарном масштабе. Глобализация с этой точки зрения предстает как глобальный процесс формирования единства человечества и параллельно - становления коэволюционных отношений с природой, что может реализоваться через глобальный переход к устойчивому развитию ноосферной ориентации.

Глобальные исследования в эволюционном ракурсе

В.И. Вернадский, стоявший у истоков глобальных исследований, прежде всего рассматривает природные планетные, т.е. планетарные, как сейчас их именуют, процессы, особенно геологические, которые до недавнего времени отсутствовали в научном дискурсе в области современных исследований глобальных феноменов. В глобалистику мы с И.В. Ильиным в монографии «Эволюционная глобалистика» предложили включить и глобальные природные процессы, что соответствует мыслям В.И. Вернадского (хотя, возможно, это больше относится к глобальным исследованиям в широком смысле слова). Нужно ли их включать в глобальные исследования и, в частности, в глобалистику? Или же оставить их, как это было до сих пор, специалистам в области естественных наук, например, наук о Земле? А за глобалистикой оставить только поле социально-гуманитарных исследований?

Вопрос о включении глобальных природных процессов в глобалистику долго не ставился исследователями, поскольку многие из них действительно работали в сфере социально-гуманитарного знания, особенно в связи с широким исследованием процессов глобализации. В какой-то форме учет глобальных природных процессов в глобальных исследованиях необходим, поскольку очевидно их влияние на развитие общества (и наоборот). И если их вводить в глобалистику или глобальные исследования, то вовсе не в том качестве, что в науках о Земле, а скорее в плане взаимовлияния на человека и человечество.

В принципе всё существующее множество глобальных процессов (и формируемых в результате глобальных систем) теперь можно разделить на три группы: социальные, социоприродные и природные, возникающие, существующие и проявляющиеся в общепланетарном масштабе (эта классификация отличается от классификации глобальных проблем). В приведенной выше классификации глобальных процессов четко просматривается определенный эволюционный подход: вначале глобальные процессы были природными, а с появлением социальной ступени эволюции появились социальные и социоприродные процессы, причем именно в последних благодаря науке В.И. Вернадский видел геологический антропогенный процесс. Применение эволюционного подхода в глобалистике предполагает становление нового направления или даже этапа в развитии глобальных исследований, который уже получил наименование эволюционной глобалистики [34].

Если применить к глобальным исследованиям эволюционный подход, то придется более аргументированно и определенно ответить на вопрос о целесообразности введения в глобалистику природных глобальных процессов. Возможно, что введение глобальных природных процессов имеет смысл только в предметное поле глобальных исследований в их широкой интерпретации. Но поскольку они уже были введены в эволюционную глобалистику, то они там и останутся, даже в том случае, если с течением времени глобалистика окажется хо-

тя и междисциплинарным, но все же социально-гуманитарным знанием. Но независимо от этих перспектив, в принципе важно выявить, как эволюционируют глобальные процессы, начиная с глобальных природных процессов. Речь идет не только о том, как человек влияет на планетарные процессы и они на него, но и как неживая природа в своей глобальности привела к биологической, а затем и к социальной эволюции, существует ли своего рода преемственность в эволюции глобальных процессов?

Многие природные и другие глобальные процессы в общем-то и не представлялись до появления эволюционной глобалистики в качестве глобальных феноменов, находящихся на предметном поле глобалистики. Они в современной сильно дифференцированной науке считались предметом исследования только естествоиспытателей. Ведь в развитом виде глобализм как способ видения мира, в котором общепланетарные характеристики, в том числе и ограничения, превалируют, появился совсем недавно по историческим масштабам времени, а не в Осевое время, где были лишь «зародыши» многих типов мировоззрений. Но поскольку в глобалистике при использовании эволюционного подхода происходит синтез глобализма и эволюционизма, то важно было вначале расширить "номенклатуру" глобальных процессов, при этом выявив их роль в дальнейшей жизнедеятельности человечества.

И хотя в глобальных исследованиях присутствовала историческая динамика (иногда зарождение и развитие глобального знания рассматривают как историческую глобалистику [49], хотя гораздо раньше исторической глобалистики стала изучаться глобальная история [50]), тем не менее, сознательное использование эволюционных представлений для исследования глобальных процессов не носило целенаправленного системного характера. Отчасти это было связано с тем, что предметное поле глобалистики ограничивалось происходящим, т.е. в основном современными социально-историческими процессами (и акцентом на глобализации), в которых не просматривалось (а иногда даже отрицалось) долговременных мегатрендов и эволюционных горизонтов ни в прошлое, ни в будущее. Однако расширение предметного поля глобалистики и расширяющих ее глобальных исследований потребовало эволюционного видения как уже изучаемых глобальных процессов, так и новых претендентов на ту же «роль».

Эволюционная глобалистика (глобальные исследования) как форма научного знания формируется как междисциплинарно-концептуальный подход к исследованию глобальных процессов и систем в эволюционном ракурсе и, прежде всего, на базе результатов, полученных в глобальном (универсальном) эволюционизме. Уместно в этой связи обратить внимание на соотношение исторического и эволюционного подходов в глобалистике. Историческая глобалистика предстает скорее как описание и, в той или иной степени, фактологически-темпоральное отображение мировой динамики человеческого бытия, а эволюционная глобалистика – как изучение эволюции и коэволюции глобальных процессов и их системно-синергетического феномена – глобального развития.

Как полагает Л.Е. Гринин: «В отличие от исторического метода эволюционный метод анализа процессов и явлений рассматривает не все временные изменения, а только наиболее важные, качественные изменения и трансформации (реорганизации) и оценивает направления таких изменений, например: являются ли они усложнением или упрощением. Новым уровнем эволюции или явлением, аналогичным биологической адаптивной радиации; прослеживается ли историкогенетическая связь или установить ее не удается» [51, с. 106]. Эволюционный подход отличается и от логического, который также противопоставлялся историческому методу.

Исторический подход как более ранний, чем эволюционный, предстает скорее как описание и в той или иной степени осознание экзистенциально-процессуальной динамики человеческого бытия и он вначале не распространялся на природу. Эволюционные представления в той или иной степени были «вплетены» в исторический подход, но на них не акцентируется внимание, их предстоит еще выделять для создания картины развития исследуемого процесса. Ситуация сейчас, однако, меняется, если история как наука будет распространена на природу, то это будет не история общества, а, как минимум социоприродная история. Одна-

ко исторические феномены, которые интересуют именно историческую науку – это, прежде всего, ранее имевшие место события, факты, процессы.

Термин «история» амбивалентен: в его онтологическом понимании история предстает как хронологическая последовательность событий, как уже прошедшие процессы глобального бытия человеческого общества. В теоретико-познавательном плане история – это наука о феномене человека и человечества, обо всех видах и формах человеческой деятельности, реализовавшихся во времени и пространстве исторического процесса. Историю представляют как науку о прошлом: исторические феномены, которые интересуют именно историческую науку – это, прежде всего, ранее имевшие место события, факты, процессы [52]. Однако историку дано не само прошлое, а лишь оставленная им информация в настоящем, которую он анализирует, причем накопление информации в вещественных формах составляет содержание прогресса в истории [53, с. 72; 54].

История как наука предстает как коллективная память о прошлом человечества, она выполняет функцию сохранения знаний о цивилизации и культуре. Сами же историки полагают также, что ретроспективное освоение исторического процесса позволяет понять современное состояние человечества, оно жизненно необходимо для определения перспектив и его места в мироздании, своей судьбы, путей и способов выживания и дальнейшего развития.

Исторические процессы, которые постигаются наукой, в какой-то степени содержат в себе сведения об эволюции предмета (и объекта) исследования. И в той или иной степени исторический подход предполагает изучение процессов зарождения, становления, расцвета, деградации и краха исследуемых феноменов. В прошлом, так или иначе, объективно всегда (или почти всегда) содержатся процессы эволюции понимаемой как развитие в самом широком смысле. Однако на теоретическом уровне они отображаются не всегда адекватно. Известна точка зрения, когда исторический процесс рассматривался исключительно как прогресс либо регресс, или циклический процесс и от этих позиций лишь совсем недавно пришлось отказаться. Стало понятно, что история содержит в себе больший спектр путей и трендов развития, нежели это виделось сторонниками однолинейного движения человечества во времени.

Весьма часто в истории как науке исторический и эволюционный процессы неразрывно связаны, их трудно отделить и разделение зависит от целей исследования. При эволюционном видении исторического процесса акцент делается на результатах реального процесса развития, т.е., как правило, прогресса либо регресса исследуемого объекта.

Сейчас все большее число ученых привлекает точка зрения, о чем выше уже шла речь, когда в историческом процессе уже четко просматриваются усиливающиеся деградационно-регрессивные тенденции, в том или ином смысле предполагающие «конец истории». Если это понимать не иносказательно, а как возможный трагический финал существования человечества, то это, в частности, означает, что приближается время, когда завершается история человеческого рода и, следовательно, не будет и историков (если не предполагать существование их внеземных по происхождению коллег).

Наметившееся противодействие дальнейшей деградации человечества (например, в форме реализации общемировой стратегии устойчивого развития) предполагает отказ от видения будущего как стихийно-линейного продолжения человеческой истории. Появляется новое видение будущего, которое не вписывается в традиционные исторические схемы и требует введения в историческую науку новых взглядов и подходов, имеющих принципиально эволюционные содержание. Предполагаемая «история в перспективе» теперь может видеться как своего рода футурологическая «нормативная эволюция» всей человеческой цивилизации, стратегическая цель которой будет заключаться в ее сохранении в окружающей природной среде.

Линейно-традиционному представлению истории как стихийному процессу тем самым приходит конец, поскольку для продолжения истории придется не просто описывать то, что было, а уже и конструировать «потребное» для выживания цивилизации будущее. История по-прежнему станет акцентировать внимание на экзистенциально-процессуальной динамике

человечества, но будет вынуждена во все большей степени учитывать желаемую эволюционную направленность процесса бытия. Скорее всего, в этом «эволюционном перевороте» в истории будет играть основную роль видение нашего общего безопасного и устойчивого глобального будущего. История как наука, начиная с какого-то момента, вынуждена будет обращать внимание на прошлое и настоящее, учитывая уже и будущую судьбу человечества, причем в мировом и далее космическом масштабе. История станет глобализироваться, становясь как минимум, глобальной историей, и продлеваться не только в пространстве, но и во времени, т.е. футуризироваться и давать свои – исторические прогнозы для научного обеспечения выживания человечества. Придется выявлять негативы и позитивы прошлого для того, чтобы одни из них можно было бы усиливать, а другие уменьшать, как и изыскивать новые пути для возможной полифуркации эволюционно-исторических путей развития, оптимизируя траектории прогресса к желаемому безопасному будущему.

Однако описанную выше «историю в перспективе» трудно включить в традиционно понимаемую историческую науку, в том числе и ее глобальном варианте, поскольку эта последняя имеет дело с фактами и отражением уже прошедших событий. Будущее лишено таких фактов и истин и выступает лишь в качестве предсказаний, прогнозов и возможных сценариев развертывания исследуемого процесса. Но это дает возможность на основе виртуальных результатов исследования будущего формировать из настоящего желаемую (нормативную) эволюцию этих процессов. Отсутствие «фактологических оснований» в «футурологической истории» («исторической футурологии») сопряжено с таким позитивным фактором, как возможность конструирования будущего, в той или иной степени придания ему нормативного характера. А это означает, что в случае исследования будущего эволюционный подход в его «нормативно-потребностном» варианте проявляется более эффективно и рельефно и становится научно-историческим подходом лишь тогда, когда то или иное предполагаемое будущее реализуется, превратившись в исторические факты и события.

Поэтому исследование будущего фактически остается за эволюционным подходом, а прошлое и настоящее глобальных процессов будет по-прежнему исследовать исторический подход в его общепринятом понимании. Поэтому мы для осознания будущего не станем употреблять понятие «универсальная» либо «глобальная» история, относя эти понятия в основном к прошлому и настоящему. В отличие от ряда других авторов, которые не различают (либо отождествляют) историю и эволюцию, мы будем акцентируем внимание на проблеме эволюции, особенно, если речь будет идти о будущем, хотя историки уже достаточно серьезно озабочены созданием исторических прогнозов и проблема исторического будущего была поставлена еще О.Шпенглером [55].

Человечеству необходимо принять скоординированные действия по выходу из того или иного глобального кризиса, порожденного глобальными проблемами и процессами негативного характера. Деградационно-регрессивный характер последствий стихийного развертывания глобальных проблем требует их решения с целью поворота вектора глобального развития на траекторию прогрессивного развития (или, как выяснилось более двух десятилетий тому назад, на траекторию устойчивого развития как нового типа развития, сохраняющего цивилизацию и биосферу). А это требует формирования нового типа управления – глобального управления [56-58]. Эволюционное видение глобальных процессов – это естественный шаг в их познании, и такой подход помогает в более эффективном их использовании в становлении глобальной деятельности и особенно глобального управления.

В эволюции глобальных процессов как формах глобального развития можно четко увидеть взаимодействие прогрессивных и регрессивных процессов и тенденций мирового развития. Одной из задач формирующейся глобалистики (особенно ее прикладных составляющих) станет выявление этих направлений эволюции как глобальных процессов, с целью выдачи рекомендаций для принятия эффективных мер по уменьшению негативных (регрессивных) последствий и усилению позитивных (прогрессивных) тенденций этих процессов.

При акцентировании внимания на исследовании глобального развития как эволюции глобальных процессов они могут и должны рассматриваться в более широком временном

интервале не только как происходящего в настоящее время, но и имевших место в прошлом и появляющихся в будущем. Если выйти в широкие пространственно-временные масштабы, то можно выявить определенные направленные изменения всех глобальных процессов в основном как результат совокупной деятельности человечества и развертывания социального (социоприродного) этапа планетарной эволюции. Подобное ценностное ранжирование имеет смысл не только для дальнейшей исследовательской, но особенно для практической глобальной деятельности, как совокупной деятельности мирового сообщества, направленной на решение глобальных проблем и позитивную ориентацию других глобальных процессов, от которых, в конечном счете, зависит судьба цивилизации и биосферы.

С позиций совместного применения аксиологического и эволюционного подходов в глобальных исследованиях все глобальные процессы имеют прогрессивную, регрессивную, циклическую, волновую либо иную направленность и форму развития. Эволюционная векторность глобальных процессов формирует совокупно-результирующую направленность глобального развития. При формировании глобальной деятельности важно организовать её таким образом, чтобы содействовать утверждению позитивных и преодолению негативных тенденций глобального развития, направив его на сохранение цивилизации и биосферы, их коэволюцию. Переход к коэволюционному безопасно-поступательному типу планетарной эволюции может существенно изменить характер антропогенной активности, оптимизируя ее в антиэнтропийном направлении, поскольку необходимо действовать, следя за тем, чтобы не ухудшались возможности удовлетворения жизненно важных потребностей нынешних и будущих поколений людей. Эти перспективы могут быть реализованы в дальнейшем при глобальном переходе к устойчивому социоприродному развитию.

Речь идет о возможности развития эволюционной глобалистики – одного из направлений глобалистики, а может быть, даже шире – глобальных исследований во всех его аспектах, а также о становлении нового этапа развития самого глобального знания. Возможно, что эволюционная глобалистика будет вначале развиваться как одно из направлений глобалистики, наряду с другими направлениями глобальных исследований. Но по мере осознания необходимости применения эволюционного подхода в глобальных исследованиях эти последние будут «наполняться» идеями развития и не исключено, что наступит новый – «эволюционный» этап развития глобального знания (как это произошло в биологии).

Эволюционный подход в глобальных исследованиях можно рассматривать как способ изучения эволюции и коэволюции глобальных процессов и их системно-синергетического феномена – глобального развития. В этой связи в темпоральном ракурсе идет процесс формирования различных направлений в области глобалистики, в частности, таких как становление палеоглобалистики и футуроглобалистики, наряду с уже существующей современной глобалистикой (глобальных исследований происходящего), что активно обсуждается в литературе. Но не только в темпоральном ракурсе, но и в других, например, пространственном [59-60].

Дальнейшая разработка глобалистики и глобальных исследований имеет не только научно-исследовательский, но и образовательно-методологический аспекты. Научно-исследовательский аспект состоит в том, чтобы в существенно более глубокой степени осознать, разработать и на перспективу предвидеть пути наиболее эффективного развития глобальных исследований и, в частности, глобалистики как новой и фундаментальной области междисциплинарных исследований, влияющей на процесс глобализации всей науки в целом. Образовательный аспект связан с научно-исследовательским и ориентирован на внедрение в учебный процесс, прежде всего факультета глобальных процессов МГУ и других учебных подразделений университета новых знаний, полученных в ходе проводимых исследований. Это выражается как в создании специальных учебных курсов (типа эволюционной глобалистики [61], который уже реализуется на факультете), так и в формировании «глобального» задела в уже реализуемых традиционных курсах, связывая предметы и методы их исследования с глобальным знанием. Речь также идет об установлении собственных образовательных стандартов в области наиболее эффективного освоения глобальных процессов, что открывает

перед МГУ как российским университетом будущего принципиально новые интегративно-междисциплинарные перспективы развития, в определенной степени уходя от традиционного дисциплинарного видения науки и образования, однако и не порывая с ним.

Формирование единой научно-образовательной системы генерации нового глобального знания и его эффективного использовании в образовании поможет дальнейшему превращению ФГП МГУ в ведущий центр развития не только глобальных исследований в России, но и лидера нового типа образования, уже получившего наименование глобального образования. Речь также идет о дальнейшей глобализации научно-образовательного пространства не только на факультете глобальных процессов, но и в целом в Московском университете и распространении этих «глобальных тенденций» на другие высшие учебные заведения и научные учреждения России и прежде всего других стран СНГ. Это будет способствовать привлечению новых зарубежных и отечественных специалистов и высших учебных заведений, ориентирующихся на изучение глобальной проблематики и повышение эффективности научно-образовательных процессов в России, а также оптимального согласования с актуальными глобальными тенденциями развития науки и образования в России и мире.

Дискурс о месте глобалистики в современной науке

Глобалистика и тем более – глобальные исследования, как уже неоднократно отмечалось, оказываются междисциплинарной, захватывающей значительное множество научных дисциплин областью исследований. Причем явно прослеживается тенденция становления многих понятий глобальных исследований не просто меж- и трансдисциплинарным понятиями, а даже общенаучными категориями. Важно также выяснить (а это уже широко дискутируется), что представляет собой продуцируемое исследователями «знание о глобальном» в современном науке: науку (в смысле дисциплины) или же научное направление?

С одной стороны, следуя «логике специализации» и дифференциации науки можно предположить, что появились новые дисциплины (наука, отрасль науки). Ученые уже привыкли к тому, что при появлении новых областей знания имеет смысл говорить о новой науке как отрасли (компонента, единицы) науки как целостного образования, т.е. наука в этом случае мыслится в смысле дисциплины, или отрасли научного знания. Это соответствует уже сложившейся дисциплинарной организации науки, где дисциплина выступает наиболее значимой структурной единицей науки, образующей инвариантную, относительно устойчивую структуру знания, системой отсчета, позволяющей упорядочить все многообразие единиц анализа науки [62-63]. Научная дисциплина имеет общие предмет исследования, принципы и методы исследования, общие социально-организационные институты, образовательные формы и структуры, а также единые способы формальной и неформальной коммуникаций между учеными и между ними и обществом. Дисциплина в целостной системе «наука» выступает естественно сложившейся и необходимой формой существования и систематизации знания, его развития, распределения и потребления.

Причем дисциплина и наука, - как отмечает И.Т. Касавин, - понятия не тождественные, хотя в современном науковедении они нередко не различаются [64]. Именно в этой парадигме научного мышления прежде всего и идет речь при появлении новых областей научного знания, включая и знание о безопасности и устойчивом развитии. В таком ключе рассуждений новое глобальное направление науки получило в нашей стране наименование глобалистики, а за рубежом – глобальных исследований.

Вопрос как именовать эту область исследований – глобалистикой, глобальными исследованиями, или как-то ещё зависит и того, как она позиционируется в системе научного знания. Не исключено, что – это наука в смысле дисциплины, но только в какой-то своей части, которая действительно интегрирует и обобщает самые фундаментальные знания о глобальных феноменах. Не исключено, что в этом смысле глобальные исследования напоминают в какой-то мере синергетику, которая выделилась и развивалась вначале в дисциплинарном ракурсе. Вместе с тем сейчас синергетика, по мнению Е.Н. Князевой, доходит до определенных пределов своего дисциплинарного расширения [65, с. 256].

Герман Хакен назвал синергетику именно дисциплиной, причем как он считал, такое наименование дано не только потому, что в ней исследуется совместное действие многих элементов систем, но и потому, что для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизацией, необходимо кооперирование многих различных дисциплин [66]. Причем именно эти многие дисциплины придают синергетическому подходу своеобразную целостность благодаря именно эффекту синергизма и системности.

«Междисциплинарность и трансдисциплинарность не противоречат статусу синергетики как особой дисциплины, – считает В.С.Степин, – В этом качестве она сегодня конституируется, и с этим связаны дискуссии относительно ее места в современной системе наук. Она должна очертить свою предметную область, определить систему методологических принципов исследования и включить их в состав сложившейся системы научного знания» [67].

Такие же процессы осознания места в науке затрагивают глобалистику и глобальные исследования. Глобалистика, если считать её вновь появившейся дисциплиной, также выходит уже за пределы дисциплинарного расширения и видения. Это обычно подчеркивают, но многие ученые продолжают считать в духе дифференциации и дисциплинарного мышления отраслью знания – дисциплиной (наукой), и кажется, что это выглядит логически противоречивым. Ведь странно было бы называть этот научно-исследовательский феномен «междисциплинарной дисциплиной». Но может быть, стоит именовать (учитывая, что все-таки наука и дисциплина – это не совсем тождественные термины) «междисциплинарной наукой»? Такой термин довольно часто употребляется (по моим данным), например, в Википедии, причем там к таким наукам относят, например, биохимию и биофизику.

Под междисцплинарными науками некоторые ученые, публикующие статьи в упомянутой электронной энциклопедии, понимают научное сотрудничество специалистов разных научных дисциплин с общей целью исследования. Вопрос о том, возможно ли словосочетание «междисциплинарная наука», представляется пока дискуссионным и в «конкурсном отборе» наиболее подходящего наименования дисциплин и для глобалистики и глобальных исследований, и для устойчивого развития еще пройдет некоторое время пока название установится. Но для этого необходимо доказать, или хотя бы предположить в качестве науковедческой или эпистемологической гипотезы, что в принципе могут существовать такие кентаврообразные «дисциплинарно-междисциплинарные» научные феномены.

Если термин «междисциплинарная дисциплина» выглядит логически и редакционно противоречивым, а потому неудачным и вряд ли будет употребляться, то термин «междисциплинарная наука» может в какой-то степени обрести «права гражданства». Но для этого придется ввести новую понятийную нишу для самого термина «наука», который в основном употребляется в двух значениях. Во-первых, в значении науки как целостно-системного образования (независимо от гносеологической, деятельностной и иной ее трактовки), например, как компонента культуры в его отличии от других составляющих. Во-вторых, как отдельной отрасли, или дисциплины упомянутого выше целостного феномена. Эти два значения сложились ещё в рамках дисциплинарного видения науки, когда интегративно-междисциплинарные процессы еще не сильно влияли на понимание термина «наука». В свете же рассматриваемых здесь проблем может появиться и третье – «кентаврообразное» значение термина «наука», когда термин «наука» будет употребляться в значении «междисциплинарная наука». Впрочем, для нас более приемлемым и уже широко употребляемым представляется термин «междисциплинарные исследования» (нежели «междисциплинарные науки»).

Интересную, хотя и спорную точку зрения на глобалистику высказал А.Н. Чумаков, который полагает, что во «избежание неправомерных аналогий и методологической путаницы важно подчеркнуть, что глобалистику не следует понимать как какую-то отдельную или специальную научную дисциплину, которые во множестве возникают, как правило, в результате дифференциации научного знания или на стыке смежных дисциплин. Она рождена противоположными – интеграционными процессами, характерными для современной науки, и представляет собой сферу исследований и познания, где различные научные дисциплины и фило-

софия, по большей части в тесном взаимодействии друг с другом, каждая с позиции своего предмета и метода, анализируют всевозможные аспекты глобализации, предлагают те или иные решения глобальных проблем, рассматривая их как в обособлении друг от друга, так и в качестве целостной системы» [33, с. 4].

Когда речь идет о глобалистике и глобальных исследованиях, то достаточно очевидна мульти- или полидисциплинарность этих областей научного знания, поскольку включаются знания из различных дисциплин. Полидисциплинарность предполагает участие ряда наук в разработке той или иной проблемы, в данном случае глобальных проблем и процессов, но при этом входящие в проблемную область науки (дисциплины) могут лишь «соседствовать» друг с другом, не подвергаясь существенному взаимодействию или синтезу.

Однако фактически все исследователи глобальных феноменов констатируют междисциплинарность этой области исследований, поскольку они включают пересечение и взаимодействие ряда наук (дисциплин, или отраслей научного знания). Междисциплинарные исследования обычно понимаются как такой способ организации научной деятельности, который предполагает взаимодействие в изучении одного и того же объекта представителей различных дисциплин, возможно, даже какую-то форму их интеграции. Глобалистика и глобальные исследования, без сомнения, представляют собой такую форму или способ научного исследования.

Характерной особенностью таких новых исследований является то, что в каком-то смысле, прежде всего, – в теоретико-методологическом эти исследования обладают некоторым дисциплинарным статусом, поскольку они появились не только на пути интеграции, но и дифференциации науки. Выделение глобальных исследований – это уже процесс специализации и дифференциации науки: ведь выделившаяся область научных исследований отличается от уже существующего знания, от тех научных дисциплин, которые были до его появления. Поэтому такое выделение – это все же процесс дифференциации науки (а не только ее интеграции). Но возникшее специальное глобальное знание может обладать определенным междисциплинарно-интегративным потенциалом, как, например, науки о безопасности, экологии, устойчивом развитии или о ноосфере, которыми охватываются значительное количество других существующих дисциплин.

И здесь хотелось бы отметить, что подобные вопросы или проблемы определения места и статуса вновь возникающих научных феноменов в научном знании уже обсуждались и ранее, когда проявлялся достаточно выраженный их интегративный потенциал. Например, в дискурсе о кибернетике, когда задавался вопрос: можно ли считать её частной наукой (дисциплиной) или же научным направлением [29, с. 204-216]? Было высказано мнение, что научное направление представляет собой систему научных дисциплин и проблем, имеющих достаточно общую исследовательскую программу, которая для кибернетики заключалась в познании общих закономерностей информационной связи и управления в биологической и социальных сферах [29, с. 207]. Причем чаще всего не отрицалось, что кибернетика – это одновременно и частная наука (дисциплина) и в тоже время – научное направление.

Такая же проблема возникла и в отношении статуса несколько позже возникшей синергетики. Как видим, эта точка зрения совпадает по своему содержанию с выводами, сделанными ранее на базе исследования кибернетики и некоторых других аналогичных научных феноменов. Эти выводы представляются вполне уместными и для глобалистики, и исследований безопасности, и устойчивого развития, и для экологии. ноосферологии и многих других междисциплинарных исследований. Междисциплинарность и трасдисциплинарность глобалистики вовсе не противоречит её дисциплинарному статусу, но для этого в самой этой дисциплине должны существовать (и они существуют) некоторые необходимые условия.

Есть, правда, одно отличие глобалистики от многих научных дисциплин, на которое обратил внимание А.Н. Чумаков: оно «состоит в том, что осмысление глобальных тенденций и принципиальное преодоление порождаемых ими проблем требует не только теоретических исследований, но и соответствующих им результативных практических действий. Глобалистика тем самым объективно выполняет мировоззренческую и интегративную роль в сфере

науки и практики, заставляя многих ученых, политиков и общественных деятелей по-новому посмотреть на современный мир и осознать свою сопричастность единой судьбе человечества. Она заставляет задуматься над тем, что глобализация и порождаемые ею проблемы не оставляют человечеству иного выбора, как, преодолевая раздробленность и разногласия, идти к своему единству, по возможности сохраняя самобытность культур, вековых традиций и основополагающих ценностей отдельных наций и народов. Но такое единение и согласованность действий может обеспечить лишь адекватное понимание происходящих в современном мире процессов и событий, знания о которых вырабатываются и формулируются в глобалистике, где ближайшие цели и отдаленная перспектива рассматриваются в тесной взаимосвязи» [33, с. 8]. Однако, как отмечалось выше, эта особенность глобалистики (в отличие от глобальных исследований) характерна для ряда междисциплинарно-интегративных направлений, скажем космонавтики, информатики и т.д., которые также представляют собой сплав научных исследований и определенных практик.

Для появления меж- и трансдисциплинарного потенциала и статуса в любой вновь появившейся науке (дисциплине) важно, чтобы основные понятия и концептуальные идеи выделившейся новой научной дисциплины оказались бы достаточно широкими и благодаря этому они начинали свою экспансию по пространству научного знания. Причем чем шире идеи и понятия новой области научного поиска, тем больше возможностей у неё обрести меж- и трансдисциплинарный статус. Если же выделившаяся новая область исследований в своем понятийном поле не выходит за рамки дисциплины, в которой она появилась, то она будет продолжать развиваться по пути специализации, углубляясь в уже существующую сферу исследований. Поэтому на междисциплинарный статус обречены лишь те новые специальные исследования, которые в своем теоретическом арсенале содержат более широкие и фундаментальные понятия и идеи, чем те, которые использовались ранее.

Впрочем, в этом случае нередко междисциплинарность трансформируется в трансдисциплинарность (термин, введенный Ж. Пиаже в 1970 г.), что является очень важной формой (способом) обретения наукой своего единства, о котором мечтал К. Маркс. Трансдисциплинарность предполагает выход той или иной области науки за дисциплинарные границы, предполагает использование универсальных форм и методов научного исследования за пределами конкретной дисциплины в процессе междисциплинарных взаимодействий. Трансдисциплинарные понятия, методы и теории вначале возникают как обобщение определенных дисциплинарных представлений и когнитивных схем прежде всего в физике, химии, биологии, математике. Кстати, математика являет собой классический пример дисциплины, проявляющей свои трансдисциплинарые возможности в ходе математизации научного знания. Другой пример трансдисциплинарности – научная философия, проникающая благодаря своим методологическим средствам в самые различные дисциплины. Когнитивные трансдисциплинарные формы и средства исследования вначале развиваются в дисциплинарном лоне, затем отрываются от истоков и развиваются на своей собственной теоретической основе, проходящей проверку использованием в других областях знания.

Рассмотренный выше путь меж- и трансдисциплинарного движения знаний о глобальных процессах представляется нам лишь одним из возможных направлений формирования упомянутой общей науки. Вместе с тем можно предложить и другой подход, который можно именовать ноосферно-футурологическим подходом.

Например, современные концепции и теории глобализации, отображая принципы и закономерности этого глобального процесса в модели НУР, не являются в полной мере адекватными для предполагаемого ноосферного будущего, которое будет начинать формироваться через устойчивое развитие (УР), как , впрочем и глобализация. Поэтому базирующийся в основном на прошлом и настоящем междисциплинарный синтез научных знаний о глобальных феноменах не может (во всяком случае, в полной мере) способствовать созданию глобальной системы на новых принципах, ориентированных и адаптированных к ноосферно-устойчивому будущему. В том, что упомянутый выше междисциплинарный синтез, учитывающий опыт прошлого и настоящего, полезен и необходим для глобалистики и глобальных

исследований, сомневаться не приходится. Однако понятно, что в той или иной степени он будет отражать лишь прошлое и настоящее глобальных процессов.

Ноосферно-футурологическая методология применительно к формированию глобальных исследований исходит из того, что необходимо предпринять в будущем, чтобы обеспечить ноосферогенез и появление ноосферы как глобального устойчивого общества на длительные времена. Далеко не все способы и формы глобализации пригодны для будущего и, кроме того, в ноосферогенезе должны быть использованы еще не применяемые способы и принципы. Между тем, как справедливо подчеркивает А.Н.Чумаков: «ослабление внимания к глобальным процессам и проблемам, неумение правильно воспринимать и адекватно реагировать на глобальные риски, – чревато большими неприятностями, а то и катастрофой. Это новая реальность, новое качество современного человечества, а поэтому так важно максимально использовать творческий потенциал и ресурсы мирового сообщества на то, чтобы глобализация стала, прежде всего, благом для людей, а ее неизбежные отрицательные последствия представляли по возможности наименьшую угрозу и не подрывали основы существования жизни на Земле» [5, с. 403-405]. Вместе с тем, обсуждая перспективы глобализации, он полагает, что через 10-15 лет пласт научных исследований по глобализации будет окончательно выработан и эта проблематика уступит место другой проблеме. Вполне возможно, что это будет проблематика УР, однако, она этим автором не называется как глобализация через УР.

Поэтому глобальные исследования так или иначе должны будут исходить из футурологических и ноосферологических соображений, из принципов пока воображаемой (виртуально-теоретической) модели и оттуда идти к современности, изыскивая пути и способы трансформации современных способов и форм глобализации в способы ноосферогенеза в пока виртуальной модели ноосферы. Именно такой подход может быть назван ноосферно-футурологическим. Ясно, что реально общая теория (а вначале концепция) глобализации, адаптированная и к настоящему, и к будущему, может сформироваться в процессе совместного действия как меж- и трансдисциплинарного процесса, так и ноосферно-футурологического конструирования соответствующей концепции (не теории) как опережающего моделирования.

Подобный логико-гносеологический подход уместен еще и потому, что общий позитивный эффект глобализации необходимо обеспечить во всех будущих моделях человеческого развития. Ноосферный же подход, поскольку он ориентирован на будущее, вынужден разрабатывать пока лишь модели, принципы и виртуальные формы и способы глобализации, «погруженных» в гипотетическую будущую ноосферную среду. Создаваемая таким образом модель глобализации через УР станет тем аттрактором, к которому через переходный период к УР будет «притягиваться» современная модель развития. Вполне понятно, что речь пока идет лишь о концептуальном моделировании глобализационных процессов в этих двух моделях – современной модели НУР и будущей модели УР ноосферной ориентации.

Одна из центральных проблем сближения двух концептуальных моделей глобализации заключается в том, чтобы понять, как от современного неустойчивого глобального развития перейти к УР и такому их совмещению, когда глобализация станет реализоваться через нерегрессивное (устойчивое) развитие. Однако для этого само развитие, создающее приемлемую безопасную среду, должно будет превратиться в новый тип развития – УР в глобальном масштабе. Именно так сейчас и происходит с глобальными процессами в мировом сообществе, когда оно от модели неустойчивого развития (НУР) начинает переходить к устойчивому развитию (УР) [68-69].

Создание более безопасной среды в глобальном масштабе – это и есть проблема перехода к устойчивому развитию (УР), и важно связать эту проблему с процессами глобализации и глобальными проблемами. И в этой связи уместно заметить, что формирование общей науки об УР совпадает по времени и со становлением глобалистики, и со становлением ноосферологии. Несмотря на, казалось бы, дальнейшую дифференциацию науки в целом, выразившуюся в появлении этих новых направлений научного поиска, все они носят в той или

ной степени интегративный характер и затрагивают многие из существующих отраслей науки и областей научного поиска.

Устойчивое развитие можно определить как такое социоприродное развитие, которое осуществляется в пределах несущей емкости экосистем (а, главное – биосферы в целом), т.е. безопасное развитие, обеспечивающее выживание как нынешних, так и будущих поколений людей, в условиях сохранения биосферы. Еще более широко УР видится как нерегрессивный процесс социоприродной эволюции.

Понятие УР фактически выступает синонимом наиболее безопасного развития, где достигается такой уровень безопасности, который обеспечивает выживание человечества и его неопределенно долгое развитие на нашей планете (а в космической перспективе - и во внеземных пространствах). В этом смысле безопасное развитие систем в модели неустойчивого развития (НУР) и в модели УР различаются именно уровнем и основными способами обеспечения безопасности глобальной социоэкосистемы во всех возможных направлениях и аспектах, которые можно соединить в различные группы, согласно существующим и потенциальным опасностям.

Что касается глобальных проблем и процессов глобализации, то они, конечно, связаны с понятием деятельности, которая в этом случае носит глобальный характер, расширяясь до планетарных размеров и в то же время ограничиваясь этими размерами. Составляющие глобальной деятельности во всех направлениях глобализации и отдельных глобальных проблем наполняется планетарным содержанием. Так, субъект глобальной деятельности – это все человечество в целом – объект, на который направлена деятельность – это те или иные социальные и социоприродные системы и т.д. Можно продолжать этот перечень глобализации деятельностного подхода, но понятно, что это новая методологическая точка зрения в глобальных исследованиях и глобализации науки.

Такой деятельностный подход важен для понимания глобализации и ноосферогенеза через устойчивое развитие, представления их как принципиально планетарных процессов. Как и любая деятельность, глобальная деятельность в каждом направлении и аспекте сопряжена как с созидательно-творческими, позитивными результатами, так и с отрицательными последствиями, вызовами и опасностями, что характерно для глобальных проблем. А это означает, что необходимо правильно ориентировать глобальную деятельность в ноосферном направлении и в то же время важно уменьшать и даже устранять негативные факторы, предотвращать опасности и угрозы и особенно уменьшить риск возникновения омницида. Важно обеспечить безопасность развертыванию этого процесса в прогрессивном направлении, т.е. обеспечить становление ноосферы через УР, но это возможно только в случае гарантии предотвращения и защиты от реальных и потенциальных опасностей и угроз.

Очевидно, что от средств защиты в принципе невозможно будет отказаться, поскольку всегда будут существовать опасности, скажем, внешнего природного характера, от которых придется создавать защитные средства. Однако та часть внутренних угроз, которая зависит от антропогенного фактора, может быть изменена и создана в планетарном масштабе более безопасная среда обитания и развития, что и предполагает переход к УР. Ведь модель УР подразумевает формирование новой формы общественного и социоприродного развития и, соответственно, – планетарной среды, в которой будут существенно снижены масштабы и уровни опасностей и угроз до тех пределов и значений, которые должны обеспечить выживание и дальнейшую эволюцию человечества и сохранение биосферы.

Созидание такой сферы (среды) означает превращение глобальной социоэкосистемы в планетарную несущую емкость, т.е. обеспечивающую двуединую задачу перехода к УР – выживание человечества и сохранение природной среды его обитания. Ведь нужно иметь в виду, что и переход к УР и становление ноосферы – это глобальные процессы, причем новые и будущие процессы, призванные с помощью уже не стихийной, а целенаправленной и рациональной глобальной деятельности перевести эти эволюционные процессы в «русло» безопасного прогрессивного развития, т.е. в траекторию ноосферогенеза.

Ноосферогенез через устойчивое глобальное развитие

Понятие «устойчивое развитие» возникло тогда, когда человечество пришло в XX в. к столкновению с биосферой, что привело к быстрым глобальным изменениям во всех средах и практическому прекращению восстановления возобновимых ресурсов (воздуха, воды, почв, растительного и животного мира) в прежнем виде. Стал необходим пересмотр стратегии развития цивилизации. Для наименования новой стратегии развития цивилизации был использован английский термин «sustainable development», который кроме смысла «устойчивый» имеет и иные значения – долгое, непрерывное, длительное, поддерживающее развитие. Очевидна связь устойчивого развития и становления ноосферы. «Ноосферное развитие», или «ноосферогенез» и «устойчивое развитие», по сути дела, выступают как очень близкие понятия, хотя последнее понятие, пожалуй, лишь начало ноосферного движения. Ноосфера – это зрелый и завершающий этап перехода к устойчивому развитию, – это желаемое будущее состояние коэволюции общества и природы, когда может быть обеспечен непрерывный прогресс цивилизации и прежде всего в интеллектуально-духовном измерении. Само понятие «устойчивое развитие» может быть определено как стратегия постоянно поддерживаемого (регулируемого), не разрушающего окружающую природную среду стабильного социально-экономического развития.

Соединение в одно концептуальное целое идей устойчивого развития и становления сферы разума позволяют использовать ряд ноосферных идей для процессов перехода к глобальному «устойчивому обществу». В этой связи уместно заметить, что выживание цивилизации и сохранение биосферы, – на чём сосредоточено понятие устойчивого развития – это необходимое условие становления ноосферы и оно включается в этот процесс как составная часть. В «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» ноосфера характеризуется как сфера разума, где мерилом национального и индивидуального богатства станут духовные ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей средой [70, с. 5].

Устойчивое развитие должно быть не просто непрерывным движением без цели и изменения качества, а управляемым устойчивым движением к ноосфере как новому качественному состоянию человечества. Видение ноосферогенеза как переходного процесса от устойчивого развития к ноосфере позволяет оценить возможности роли разума и рационального управления этими процессами. Становление ноосферы – это не только выдвижение нравственного разума на приоритетное место в развитии общества, но и обретение им новых качеств, которыми ранее разум не обладал. Вряд ли имеет смысл называть ноосферой прошлую или современную социосферу, где самым совершенным типом разума обладает лишь отдельный нормальный индивид. Это будет лишь простое переименование социосферы в ноосферу, которое никак не изменяет степень разумности всего человечества, которое попрежнему будет стремиться к своей экологической или иной форме самоубийства. Важно сформировать принципиально новый – не только индивидуальный, но и качественно новый, уже общечеловеческий – глобально-ноосферный интеллект, способный вывести цивилизацию из кризиса, предотвратить грозящую планетарную катастрофу.

Социосфера и соответстующая ей система взаимодействия общества и природы) в настоящее время, т.е. в модели неустойчивого развития оказывается с кибернетической точки зрения системой с положительной обратной связью, т.е. саморазрушающейся, все более теряющей свою устойчивость. Поэтому переход к устойчивой цивилизации – это вместе с тем появление в системе «общество-природа» отрицательной обратной связи, которая и сможет обеспечить гомеостазис человечества и биосферы.

В будущей глобальной сфере разума – ноосфере сознание в форме общечеловеческого – ноосферного интеллекта должно в существенной своей части опережать бытие, направлять его по траектории выживания. В этом одно из отличий грядущей сферы разума от современной социосферы, где отставшее от бытия сознание с опозданием на много десятилетий констатирует факт стремительного движения цивилизации к экоомнициду. Переход на путь ноосферогенеза требует кардинальных трансформаций сознания и деятельности людей. Прежде

всего, в науке как сфере деятельности по производству знаний и в образовании – как главной и всеобщей деятельности по их передаче и усвоению, и формирование «ноосферной» культуры.

Выдвижение в качестве одного из важнейших признаков ноосферы опережения сознанием бытия относится пока к некоторому гипотетическому феномену, который, как упоминалось, условно здесь именуется ноосферным сознанием (интеллектом), имеющем планетарно-общечеловеческий масштаб. Будущее ноосферное сознание – это не только новое сознание каждого нормального человека, но и более идеальное, целостное и общепланетарное образование, которое соответствует эпохе ноосферы. Ноосферный интеллект должен обрести свою «планетарную разумность», чего у современной цивилизации пока не имеет места.

Наиболее реальным является путь созидания нового типа интеллекта – ноосферного – на базе индивидуальных сознаний каждого мыслящего человека, средств информатики, глобальных коммуникаций, включая системы искусственного интеллекта. В созидании этой системной целостности интеллекта цивилизации и заключается одна из основных проблем ноосферогенеза. Но речь идет не только об интеграции этих атомарных интеллектов, но и изменении алгоритмов дальнейшей эволюции человечества, которая благодаря новой, пока еще не существующей форме общепланетарного сознания поможет человечеству избежать упадка и гибели.

Сейчас ноосфера в наших оптимистических представлениях как идеал будущего лишена каких-либо отрицательных черт, которые всегда присутствуют при реализации любых проектов, тем более глобальных, опыта сознательной целенаправленной реализации которых у человечества пока не было. И вместе с тем такую идеальную модель необходимо создавать, чтобы на этой основе более уверенно двигаться в «потребное» будущее, управляя его становлением из настоящего. Направленность любых социальных действий на это ноосферное будущее и станет характеризовать процессы управления переходом к устойчивому развитию. Это переход должен сопровождаться определенными управленческими решениями и действиями, которые опережающе будут приниматься в условиях риска и неопределенности. В частности, упреждающе должны развиваться наука и образование, которые в принципе должны в глобальном масштабе определять приоритеты ноосферного развития. Иные же процессы, разрушающие общество и биосферу, должны замедляться.

Научно-образовательная система должна стать одним из самых приоритетных механизмов выхода из глобального кризиса, но не в своем традиционном и современном виде, а в УР-трансформированном, эколого-ноосферном варианте [71, 72]. В перспективе из набора действий, стимулирующих и тормозящих прогресс на пути к устойчивому развитию, можно составить целостную систему, в которой могут быть ранжированы приоритеты и необходимые упреждающие действия, их временные приоритеты, темпы, интенсивность и масштабы необходимых преобразований.

Следует отметить, что в России без возрождения ее духовно-культурного потенциала невозможно реализовать ноосферный вариант обсуждаемой стратегии, который, по сути дела, впервые был концептуально высказан в нашей стране. Вот почему необходимо концепцию устойчивого развития связать с формированием тех духовно-культурных ценностей россиян, которые ориентируются на выживание цивилизации. Для реализации идей устойчивого развития необходимо изменение мировоззрения от простого осознания национальной самобытности до глобального и даже «вселенского» понимания идеи ноосферогенеза не как западной, а подлинно российской, и вместе с тем, общечеловеческой идеи, как составной части российского менталитета.

В нашей стране В.И. Вернадский выдвинул идею становления ноосферы в качестве главного направления дальнейшего развития человечества, которое должно рационализировать цивилизационный процесс. Последователи ученого в СССР и, особенно в последние годы в России, существенно развили его идеи и показали, что эпоха становления ноосферы – это будущее человечества на пути его выживания. Бескризисно-безопасное развитие цивилизации как коэволюции (соразвития, взаимной адаптации) человека и биосферы означает вме-

сте с тем и продвижение человечества к сфере разума, в которой будет обеспечено глобальное рациональное управление взаимодействием общества и природы. Сфера разума сейчас в основном мыслится как будущий наиболее совершенный из результатов эволюции социокультурных и социоприродных процессов, в котором приоритетное место будет занимать человеческий разум в форме ноосферного интеллекта, направляющий социоприродную эволюцию в прогрессивном направлении.

Именно роль и место разумного начала в социальной деятельности определяет становление ноосферной идеи, возможно, начиная еще с античности, а тем более, когда стали применяться такие термины как «царство разума» (просветители), «мир разума» (мондиалисты), информационное общество, общество знания или же более приемлемый и принятый в России термин «ноосфера». Поэтому «ноосферное движение» оказывается более широким, чем те исследования, которые используют ставший уже традиционным термин «ноосфера».

Понятия духа, духовности отличаются от понятий разума, рассудка, интеллекта, поскольку первые не акцентируют свое внимание на рациональном постижении и преобразовании мира. Духовность противоположна материально-природному, а не иррациональному либо эмоциональному. Что же касается нравственного аспекта, то он также не совпадает с рациональным, поскольку выражает форму ценностного сознания, касается аспектов поведения людей в категориальной сетке справедливости, добра, зла и ряда других, этот аспект связан с ценностями, императивами и социальными нормами. Эти отличия обсуждаемых понятий приводят к выводу о том, что в ходе ноосферогенеза будет возрастать не просто рациональное, а именно рационально-нравственное начало. Таким образом, если механизмом оптимизации деятельности при движении к ноосфере и средством ее функционирования является разум, то духовно-нравственные критерии – это скорее оценочные характеристики, которые ориентируют разум в направлении сохранения и развития его носителей.

Важной особенностью ноосферной идеи В.И. Вернадского является выяснение роли разума не только в жизни общества, но и через него в эволюции биосферы (особенно геологической эволюции). В принципе идея ноосферогенеза как становления сферы разума отличается от идеи ноогенеза (которая была предложена П.Тейяром де Шарденом) тем, что в первом случае ноогенез рассматривается совместно с окружающей его средой, в коэволюционном ракурсе. Это напоминает идею биосферы (теория которой была существенно развита Вернадским), когда биота включается в сферу взаимодействующего с ней косного вещества. И такая идея оказывается в эволюционном плане более адекватной, поскольку развитие, тем более прогрессивное, в силу синергетических соображений следует рассматривать как коэволюцию системы совместно со средой, за счет которой оно и происходит. При рассмотрении с глобальной окружающей средой, мы вступаем в область глобальной ноосферологии или ноосферной глобалистики, которые не только тесно связана с концепцией устойчивого развития, но, по сути, сформировались вместе с ними.

Стратегия устойчивого развития (УР) принуждает человеческую деятельность «вписываться» в эволюцию биосферы и планеты в целом. Когда были осознаны глобальные проблемы, угрожающие гибелью цивилизации, стало ясным, что невозможно стихийное становление ноосферы, что ее приближение возможно только благодаря социально-технологическому проектированию будущего с помощью человеческого разума и, прежде всего, науки в ее ноосферной ориентации. И опять-таки важно подчеркнуть, что ноосферное будущее мыслится в его глобально-планетарной форме: социальная ступень эволюции, выходя в космос, будет в первую очередь искать и осваивать планеты, подобные нашей Земле, где и предполагается продолжение ее развития. Здесь в явном виде действует принцип нооглобализма – социальная ступень, вступая в сферу разума, казалось бы, выходя за пределы планеты, тем не менее, ищет иные планеты для своего дальнейшего существования и развития.

В процессе реального прогресса на пути в ноосферу наука будет, как и предполагал В.И. Вернадский [1], играть доминирующую роль, как и сопряженные с ней интеллектуально-духовные и нравственно-культурные формы деятельности. В будущей глобальной ноо-

сфере социально-информационные факторы окажутся более важными и определяющими развитие по сравнению с материально-энергетическими составляющими, формируя сферу разума через УР. Ноосферогенез, зарождаясь в отдельных местах, странах и регионах планеты, – обретает глобальное измерение и во все больших масштабах будет становиться общепланетарным процессом. Созидание сферы разума должно активно влиять на глобализацию и другие глобальные процессы, рационализируя их нравственно-справедливым началом и способствуя гармонизации отношений в системе «человек–общество–природа».

Становление сферы разума с самого начала оказывается глобальным процессом: об этом говорил еще В.И. Вернадский, полагая, что биосфера преобразуется в ноосферу. Между тем в настоящее время все более утверждается точка зрения, что для оптимального ноосферогенеза как пока планетарного (а в перспективе и космического) процесса необходимо сохранение биосферы и обеспечение максимально возможной ее естественной эволюции. Именно биосфера является тем фундаментом существования всей жизни на планете и дальнейшего развития разума, при условии создания механизмов существенного снижения антропогенного давления на природную среду.

Не биосфера на нашей планете должна превращаться в ноосферу, а – социосфера, причем в глобальном масштабе [73; с. 12-48, 251-258]. Биосфера же должна сохраняться насколько это возможно и необходимо для существования и устойчивого развития человечества. И не просто потому, что В.И. Вернадский отмечал, что человек от биосферы неотделим. Это, разумеется, так, но эта неотделимость – залог дальнейшей эволюции как биосферы, так и человечества, которое в весьма отдаленной перспективе может продолжить свое существование и развитие и за пределами планеты. Биосфера в самом прямом смысле жизненно необходима как человечеству, так другим формам жизни на нашей планете. В какой-то мере от преобразования биосферы не уйти, но это, скорее всего, будет преобразование не в ноосферу, а в социосферу, причем в основном пока в модели НУР. Созидание ноосферы потребует вписывать развитие цивилизации в несущую емкость биосферы, поскольку только в этом варианте возможен переход к УР.

Возникает вопрос: почему ученый говорил о превращении именно биосферы, а не социосферы в ноосферу? Назову два обстоятельства, которые могли на него повлиять, в силу которых В.И. Вернадский мог рассуждать именно таким образом. Во-первых, он целиком, как и большинство ученых первой половины XX века, придерживался преобразовательной парадигмы, тем более, что экологическая и другие глобальные проблемы не только не были осознаны, но и не заявили о себе в планетарном масштабе. Идеи о становлении ноосферы, высказанные всеми основоположниками обсуждаемого учения, также находились в преобразовательном ракурсе.

Во-вторых, когда ученый говорит о преобразовании биосферы в ноосферу, то он видит в этом случае ноосферу как нечто уже существующее, появившееся стихийно (хотя и становящееся) в результате совместной эволюции геологических и биологических процессов. Однако видение ноосферы как уже существующей формы социального и социоприродного развития отождествляе её с социосферой, т.е. это видение в модели НУР. Когда же ноосфера мыслится как будущее состояние цивилизации и предполагается сохранение биосферы, то формирование сферы разума однозначно требует преобразования социосферы (антропосферы). Да и дальнейшая глобальная эволюция будет осуществляться не через преобразование биосферы, а через социальные трансформации ноосферной ориентации.

Если признать в учении о ноосфере это положение, то оно логически ведет к установлению тесной связи учения о ноосфере и глобальной концепции устойчивого развития, но на «условиях» этой последней. Сам же переход к УР представляет собой начальный этап движения от социосферы к ноосфере. Ноосфера должна формироваться в основном не за счет превращения в нее биосферы, а в результате установления коэволюционных отношений социосферы с биосферой, которую важно сохранить в ее естественном виде. Далее она будет эволюционировать по своим природным законам, если прогресс общества будет реализовываться в пределах несущей емкости биосферы.

Переход мирового сообщества на путь УР потребует отказа от старой модели (формы) цивилизационного развития, которое неумолимо ведет к глобальной антропогенной катастрофе и формированию вначале в теории, а затем и на практике новой – в перспективе ноосферной модели развития, которое должно стать рационально управляемым в планетарном масштабе. Собственно говоря, речь не идет о подавлении или даже устранении всех стихийно-естественных процессов, а лишь тех из них, которые ведут к гибели человечества и окружающей его природы. Глобальное управление, которое будет обретать ноосферные очертания, также окажется связанным с формированием новых черт будущей реальности, т.е. с эволюционным творчеством, социально-технологическим проектированием, созданием той новой формы рациональности, которую требует глобальная модель ноосферы и вместе с тем еще по силам и средствам человечеству XXI в.

Центральным вопросом становления ноосферы через УР оказывается соотношение между разумом и деятельностью, тем более – глобальной деятельностью. И это видно по тем представлениям о ноосфере, которые развил В.И. Вернадский, а в дальнейшем и многие его последователи, когда речь идет о переходе биосферы в ноосферу [74]. Выше уже обсуждалась проблема необходимости сохранения биосферы, что отличает учение о становлении ноосферы через УР от представлений его основоположников. Преобразовывать все же придется, но скорее всего, речь уже будет идти о других планетах, как земной группы, так и гигантских планетах, адаптируя их для возможного существования социальной ступени развития.

Ноосфера, созданная как некая умозрительно-концептуальная конструкция, как виртуально–утопическое общество, стала обретать свои практические очертания уже в текущем веке именно благодаря принятию мировым сообществом на ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро в 1992 г. стратегии УР.

Будущее общество, которое будет создано при эффективной реализации УР и созидания глобальной информационной цивилизации вполне уместно именовать сферой разума, поскольку все уже известные определения этого типа развития, принципы, средства, пути воплощения и т.п., основаны на научно-рациональной и нравственно-справедливой основе. Это действительно свободный научный поиск, творчество, стимулируемое потребностью глобального выживания цивилизации. Иного средства, кроме человеческого разума и научной мысли, для создания новой цивилизационной модели развития просто неизвестно. Да и главным механизмом опережающего воплощения модели УР также окажется формируемый коллективный человеческий разум, который может существенно трансформироваться в ходе планетарного ноосферогенеза, превратившись в так называемый ноосферный интеллект человечества как новую планетарную форму общественного сознания, соединенную с возможностями новых информационных технологий. УР – это процесс, который будет иметь ряд этапов, конечной же его целью и ступенью эволюции должно оказаться то общество, которое сейчас довольно часто именуют устойчивым обществом (sustainable society), обществом с устойчивым развитием, а в России теперь все чаще именуют ноосферой даже в официальных документах.

Говоря о том, что учение о ноосфере в любых его известных вариантах может быть использовано для концептуального продвижения вперед идей УР, можно поставить вопрос, который логически вытекает уже из осознания наличия связи этих двух и до сих пор относительно самостоятельно разрабатываемых концептуальных систем. Совершенно ясно, что движение теоретического знания не может идти лишь от учения о ноосфере к формирующейся теории УР. Существует и обратное движение знаний, и оно уже значительно влияет как на учение о ноосфере, так и на всю мировую науку в целом, причем наибольшее влияние осмысление идей УР должно оказать на общественные науки.

Уже имеет смысл говорить о наступлении нового этапа в учении о ноосфере и тем самым превращения «учения» в науку (или теоретическую концепцию). Термин «учение» перестал использоваться для формирования новых направлений и научных дисциплин. Более того, наметилась тенденция называть новые дисциплины так, как именуются сами объекты

исследования, когда гносеологический и онтологический аспекты редакционно совпадают в наименовании.

Так «экономика» – это и наука и область хозяйственной деятельности, а термины «международные отношения» и «мировая политика» имеют названия не только соответствующих областей политической и иной деятельности, но и научных и образовательных дисциплин (специальностей). И этот способ наименования существенно отличается от другой политической науки – политологии, название которой слагается из двух греческих слов («политика» – искусство управления государством и «логия» – учение). Можно понять, что добавлять в конце терминов «международные отношения» и «мировая политика» еще и окончание сложных слов «логия» (или что-то иное) было бы явно неуместно. Однако называть науку так же, как обозначается изучаемый ею объект не является удачным способом наименования.

Объект и его отражение в знании – это разные аспекты, один относится к «онтологической плоскости», а другой к гносеологической. В этом смысле в англоязычной литературе для выделения научных исследований часто используется термин «studies» (international studies, global studies), что вполне уместно и достаточно адекватно. Не исключено, обсуждаемые здесь наименования еще будут изменены и станут более приемлемыми.

Надо сказать, что и геополитика также разделяет эту двойственность обозначения предмета научной дисциплины и объекта ее изучения (хотя для перехода геополитики на планетарный уровень исследования предлагается, например, такое наименование как глобальная политология [75, с. 14]).

Было бы вполне логично предполагать, что УР и ноосферогенез могут изучаться новым научным направлением – ноосферными исследованиями, или ноосферологией. Однако можно предложить и другой вариант, когда специально для УР может быть предложено другое название научной и образовательной дисциплины, например, просто «устойчивое развитие», т.е. также как для мировой политики или геополитики. А в англоязычной литературе такое наименование может выглядеть как «CD studies».

Наши аргументы в пользу ноосферологии связаны с тем, что сфера разума как будущая область бытия человечества в перспективе третьего тысячелетия будет формироваться через УР. В идеале ноосфера в социоприродном ракурсе будет представлять собой систему коэволюции общества и природы, в которой наивысшего развития достигнет нравственный интеллект человека, приоритетными станут принципы гуманизма, и будет обеспечено устойчивое безопасное во всех отношениях развитие на планете и за ее пределами

Если не обращать внимание на упомянутые идейно-исторические предпосылки, и считать, что учение о ноосфере берет свое начало с XX в., то сейчас, в начале XXI в. можно говорить о новом этапе развития учения о сфере разума, благодаря установлению связи концепции УР и учения о ноосфере. Этот новый – уже современный этап формируется под влиянием концепции УР на учение о ноосфере, а также других глобальных процессов.

Вполне естественно, что основной характерной чертой нового этапа знаний о ноосфере (назовем его неклассическим) становится его связь (взаимосвязь) с концепциями устойчивого развития и информационного общества, которые находятся в стадии очень интенсивных разработок. Эта взаимосвязь влияет (но пока это достаточно слабое влияние) на научный поиск по проблемам УР, если брать работы в этой области в мировом масштабе (в российской литературе ситуация уже иная). Пока еще даже в России не реализован научный потенциал учения о ноосфере в разработках по проблемам УР.

Включение идей УР в ноосферные исследования существенно повлияло на эти последние. Уместно выделить эти основные отличия нового видения ноосферогенеза как глобально-эволюционного процесса через УР от трактовки этого же процесса, когда его не связывали с УР. Назовем первый этап зарождения и развития учения о ноосфере классическим, а второй этап, учитывающий связь ноосферогенеза и УР, а также со становлением ИО, – неклассическим этапом ноосферных исследований. Можно сказать, что неклассический этап развития знаний о становлении ноосферы от классического отличается тем, что ноосферогенез представляется как процесс, который начинается с глобального перехода к УР и развора-

чивается через этот же тип социоприродной эволюции, все больше приближая его к супермагистрали глобальной эволюции [76].

Переход к УР означает соблюдение принципа сохранения биосферы и становление сферы разума в основном вначале за счет УР-транформаций, а затем ноосферных преобразований социосферы. Одна из стратегических целей перехода к УР (наряду с выживанием цивилизации и ее неопределенно долгим развитием) заключается в сохранении биосферы как естественного фундамента любой жизни, в том числе и разумной. Это – одна из самых глубинных, сущностных черт стратегии УР и в этом – одно из важнейших отличий в учении о ноосфере в его классической форме (основоположники и комментаторы их идей) и неклассической, связанной с включением идей УР в становящуюся пока ещё виртуальную ноосферную теорию.

Сам же переход к УР в значительной степени представляет собой инновационный процесс трансформации социосферы в ноосферу, способствующий выживанию и сохранению цивилизации. Человечество обязано уменьшить свое воздействие на биосферу до приемлемых значений, т.е. до примерно нескольких процентов изъятия биопродукции биосферы. Это означает уменьшение антропогенного давления на эту последнюю примерно на порядок. Впрочем, речь может идти о преобразовании не только биосферы, но и других геосфер, это преобразование не должно выходить за пределы их «коэволюционного коридора». В будущем глобальном переходе к УР адаптирующую "долю" в совокупной человеческой деятельности придется существенно снизить, чтобы не выходить за пределы несущей (экологической) емкости эко- и геосистем (эволюционно-синергетического коридора), включая и глобальную экосистему – биосферу.

Сохранение биосферы при переходе к УР одновременно означает реализацию принципа коэволюции общества и природы, т.е. их совместного сохранения и развития, когда теоретически человечество может неопределенно долго существовать на планете, а биосфера, благодаря существенному снижению антропогенного давления, сохранит свою стабильность и будет эволюционировать по своим естественным законам (Б.В. Прыкин полагает, что принцип коэволюции выступает в качестве важнейшего положения нооглобализма) [77, с. 257-258]. Принцип коэволюции реализуется в том случае, если антропогенная деятельность войдет в эволюционный коридор преобразовательной деятельности, определяемый, исходя из несущей (экологической) емкости экосистем и сохранения биосферы в целом.

Это вытекает из всего сказанного выше, но особенно – из экологических соображений, наиболее существенно влияющих на целостность и устойчивость биосферы, представляющей собой земную оболочку, где все компоненты связаны между собой различными видами взаимодействия – сильными либо слабыми, в ней действуют круговороты и циклы, носящие системный планетарный характер. Сам процесс глобального перехода к УР в экологическом ракурсе имеет цель снижения антропогенного пресса на биосферу до уровня, позволяющего "устойчивой цивилизации" вписаться в стабильную биосферу, адаптируясь к ее циклам, круговоротам и другим естественным процессам и используя только сотые доли ее биопродукции, причем в основном возобновляемых ресурсов, без утери биоразнообразия. Это своего рода антропогеологический эволюционный процесс, направленный на становление глобальной социоприродной системы УР ноосферной ориентации.

В новое видение становления ноосферы должен быть включен принцип справедливости в широком смысле слова, что нередко в документах ООН считается главным принципом УР. Как выше отмечалось, справедливость до недавнего времени мыслилась как своего рода отношение между личностью и обществом (государством), выражающее соответствие между результатами действий людей и их общественным признанием. Однако УР базируется на принципе равных возможностей в удовлетворении своих жизненно важных потребностей (в том числе в экологических условиях и природных ресурсах) для нынешних и будущих поколений. Этот принцип необходим для реализации рассмотренных выше демографических и других аспектов устойчивости и безопасности продолжения человеческого рода, как главного императива новой стратегии глобальной эволюции цивилизации.

Принцип равенства возможностей развития нынешних и будущих поколений требует его распространения и на пока несуществующие поколения. Но и это социально-темпоральное "продление" принципа справедливости требует дальнейшего уже социоприродного расширения и понимания. А именно – некоторые черты справедливости должны быть перенесены и на многие, если не на все живые существа, которые человек не может безнаказанно уничтожать. Короче говоря, современная модель глобального развития, представляемая с точки зрения обеспечения справедливости как несправедливая, эволюционным путем должна быть заменена на справедливую в социальном и социоприродном отношениях. Ноосфера в этом плане оказывается тем целевым объектом социально-технологического конструирования, который должен будет обеспечить реализацию принципа справедливости в самом широком ее понимании. Между этой целью и современным состоянием цивилизации будет некоторое время продолжаться переход к УР, поэтому становление сферы разума будет происходить через этот новый глобальный процесс развития.

Развертывание ноосферогенеза через УР уже будет включать в этот процесс принцип все более полного обеспечения безопасности, содействуя формированию существенно более обширной безопасной среды (в планетарном и даже космическом масштабе), чем это имеет место в любых доноосферных формах социоприродной эволюции. Императивно-приоритетную роль будут играть глобальные характеристики этого процесса, которые станут воздействовать и на другие виды и формы обеспечения безопасности в формирующейся сфере разума. Можно считать, что всеобщая, системно-целостная безопасность будущей ноосферы будет обеспечиваться в дальнейшем через прогрессивное развитие и реализоваться в процессе прохождения определенных стадий ноосферогенеза, на которых разрешаются основные назревающие социальные и социоприродные глобальные противоречия.

Характерной чертой будущей ноосферы окажется ее глобальный характер, т.е. можно говорить о принципе-идее нооглобализма как планетарного становления и развертывания сферы разума, который наиболее полно может реализоваться в формирующейся нооглобалистике [2]. Это неявно подразумевалось и в учении о ноосфере классического периода (т.е. в работах основоположников этого учения), хотя четко не формулировалось и, тем более, достаточно полно не аргументировалось. Включение концептуальных идей УР как уже разворачивающегося глобального процесса позволяет достаточно обоснованно говорить о том, что созидание ноосферы возможно лишь в общепланетарном масштабе (а в перспективе - и в космическом). Невозможно перейти к УР, а тем более к зрелой форме наиболее безопасного глобального развития – ноосферогенезу – в отдельно взятой стране, в то время как другие государства и народы будут созидать нечто иное.

Планетарный характер становления сферы разума (нооглобализм) определяется не только глобализацией и биосферно-экологическими соображениями, а фактически всеми составляющими системы глобальной деятельности как глобального развития. Развернувшиеся в настоящее время процессы глобализации как в основном стихийные процессы движения цивилизации к постиндустриальному обществу и единому человечеству важно направить в русло реализации целей УР ноосферной ориентации. Императивы глобально-экологические должны быть дополнены экономическими и социальными требованиями, вытекающими не из стихийного их развертывания в рамках модели неустойчивого развития, а исходя из ориентиров УР в планетарном масштабе, в перспективе дополненными специфически ноосферными целями и принципами. Эти принципы и цели должна будет со временем сформулировать формирующаяся нооглобалистика.

Вместе с тем важное значение имеет и становление информационного общества (ИО), которое превращается в ИО с УР и становится по сути дела самой первой ступенью глобальной сферы разума. С точки зрения ноосферогенеза важно соединить переход к УР со становлением ИО, что в приоритетном порядке ведет к формированию общепланетарного ноосферного интеллекта.

Если говорить о современном состоянии перехода к УР, то приверженность курсу на устойчивое развитие и на обеспечение построения экономически, социально и экологически

устойчивого будущего для нашей планеты и для нынешних и будущих поколений продемонстрировала и очередная состоявшаяся в июне 2012 г. Конференция ООН по УР (Рио+20) опять в Рио-де-Жанейро. На конференции отмечалось, что дальнейшее формулирование целей развития цивилизации может быть полезным для придания деятельности в области устойчивого развития целенаправленного и последовательного характера. Была признана также важность и целесообразность выработки такого комплекса целей в области УР, который имел бы в своей основе положения Повестки дня на XXI век и Йоханнесбургского плана выполнения решений, полностью соответствовал бы всем Рио-де-Жанейрским принципам и позволял учитывать обстоятельства, возможности и приоритеты разных стран, отвечал бы нормам международного права, опирался на уже принятые обязательства и способствовал полному осуществлению решений всех основных встреч на высшем уровне по экономической, социальной и экологической проблематике, включая положения настоящего итогового документа [78].

Без формулировки этих целей УР вряд ли имело смысл говорить о становлении глобального управления, поскольку раньше целей у всего человечества, просто не было, оно развивалось стихийно. Такие цели в области развития были сформулированы, например, в Декларации тысячелетия. Эти цели должны затрагивать и сбалансированно охватывать как минимум три основные составляющие (экономическую, социальную и экологическую компоненты) устойчивого развития и взаимосвязи между ними. Они должны быть согласованы с Повесткой дня ООН в области развития на период после 2015 года и интегрированы в нее. Тем самым они будут способствовать устойчивому развитию и стимулировать осуществление и повсеместное внедрение принципов УР в рамках системы ООН в целом.

Именно этому направлению "управляемой глобализации" как глобализации через переход к УР принадлежит будущее, о чем и идет речь как в одном из первых научных обоснований (докладе Брундтланд) этого типа развития [79], так и в решениях всех форумов ООН в области УР. Однако это направление требует кардинальных трансформаций и, прежде всего, потому, что нынешний устав и структура ООН, возникшей в середине XX века, уже не соответствует началу третьего тысячелетия, на который и придется основная нагрузка по переводу глобальных процессов на путь УР. Именно в этом направлении и идет речь в различного рода организациях, поставивших цель создать модель эффективного глобального управления, вплоть до создания на базе преобразованной ООН всемирного правительства (и иных возможных общепланетарных форм управления вплоть до глобального управления без такого правительства).

В отличие от ранее бытующих представлений о стихийном превращении биосферы в ноосферу в неклассическом варианте ноосферных исследований (носферологии) считается, что сфера разума не может появиться стихийно, она будет опережающе моделироваться и формироваться вначале теоретически с помощью науки, а затем целесообразно воплощаться в социальной и социоприродной сферах. Это не просто отход от стихийности, а опережающее проектирование и конструирование, реализация принципа глобального управления.

Ноосферогенез будет сопряжен с появлением новой формы и принципа рационализма – ноосферного рационализма (такое наименование уже появилось, несмотря на определенную греко-латинскую тавтологию), а также с новыми формами рациональности, выражающими роль разума в повышении эффективности социальной деятельности при переходе к УР. Предполагается, что появление новых версий рационализма связано с теми или иными формами рациональности, а также с новыми видами эффективности деятельности. Так, уже в технократическом рационализме (не говоря уже об экономическом) появляются новые принципы рациональности, в чем-то отличные от предшествующих. Переломный период в современной науке и культуре существенно расшатывает основания как прежних форм и принципов рационализма, так и соответствующих видов рациональности. Поэтому современный рационализм (его можно именовать, учитывая возрастающую роль глобальных тенденций, также и глобальным рационализмом) оказывается весьма тесно связанным с выживанием цивилизации, решением глобальных проблем и преодолением негативов глобализации и дру-

гих глобальных процессов. Глобальный рационализм будет превращаться в ноосферную форму рационализма, связанную со становлением сферы разума через УР и общепланетарное ИО.

Эта форма рационализма будет иметь более системный характер, поскольку будет исходить из приоритета нравственно-справедливого разума и интеллектуально-духовных потребностей и ценностей над материально-вещественными. УР только тогда становится ноосферогенезом, когда оно одухотворено нравственным разумом гуманистической ориентации [80].

Особую роль в процессе ноосферогенеза через УР играют такие глобальные процессы как информатизация и становление информационного общества, которые будут изучать формирующиеся информационная глобалистика [81-82] и нооглобалистика. Очень важным является возможность формирования опережающего моделирования реальности с помощью новых информационных технологий, которое существенно оптимизирует деятельностные акценты в духе принципа темпоральной целостности, а также дает возможность футуризировать все процессы социальной и социоприродной "устойчивой" и ноосферной эволюции.

Поскольку в первую очередь важно решить информационно-управленческие проблемы для становления ноосферы, то становится понятной логика формирования этапов ноосферогенеза. И первый этап, как уже упоминалось, связан с формированием информационного общества с УР, которое получило наименование инфоноосферы. На следующей стадии (эконоосфере) должна быть решена глобально-экологическая проблема и обеспечена дальнейшая коэволюция человечества и биосферы, построено экологическое (экобезопасное) общество. Последующие этапы ноосферогенеза предполагают системно-эволюционное обеспечение безопасности в процессе решения других глобальных проблем и продвижение процесса развертывания УР в космические пространства. Предполагается дальнейшее усиление космизации и широкомасштабное освоение внеземных пространств и объектов, становление космоноосферы, астроноосферы (прежде всего, возможное соединение в целостную информационную систему интеллектов различного инопланетного происхождения).

Однако такое рассмотрение сосредотачивает внимание на социально-технологическом фундаменте будущей ноосферы. Но само название ноосфера – сфера разума – на первый план выделяет не столько материальный компонент интеллекта, сколько духовно-идеальные факторы. Вполне понятно, что идеальное не может существовать без материального, и ноосфера – это материально-идеальное образование, но главенствующим активным фактором выступает разум. Конечно, идеальное появляется на определенном этапе развития материи, но опять-таки на другом, более позднем этапе развития идеальное, человеческий интеллект должны занять приоритетные позиции. Этот этап развития материи, на котором судьбы материи во Вселенной «делегируются» ею порожденному разуму, и стоит связывать с ноосферой. Итак, опережение общечеловеческим сознанием бытия, приоритетно-доминирующие позиции ноосферного интеллекта – наиболее общие характеристики грядущего ноосферного социоприродного развития.

Именно в ноосфере, формирующейся через переход к УР более существенно проявятся и разовьются позитивные черты, которыми и сейчас обладает человек и человечество. Ноосфера будет представлять (в своем идеальном варианте) социоприродную систему, в которой планетарное опережающее управление реализуется нравственно-справедливом разумом человека и глобальным интегральным интеллектом, формируемым с помощью компьютерных и телекоммуникационных технологий (в том числе систем искусственного интеллекта и глобальной сети информационной связи).

Становление ноосферы предполагает, что главным ресурсом дальнейшего развития станет информация (позволяющая экономить вещественно-энергетические ресурсы), реализуется опережающее развитие информационно-интеллектуальных процессов и духовной культуры (прежде всего науки, управления, образования). Критерием уровня развития и качества жизни в сфере разума станут нравственно-гуманистические ценности и знания чело-

века, живущего в гармонии с окружающей социальной и природной средой в условиях обеспечения всеобщей безопасности.

Изучением проблемы ноосферогенеза через УР начинает занимается ноосферология (ноосферные исследования), которая, вполне естественно, будет отличаться от учения о сфере разума основоположников и их последователей, не использовавших концепцию УР, поскольку концепция и стратегия УР появилась гораздо позже. Ноосферология, с одной стороны, может быть представлена как часть глобалистики, которая устремлена в ноосферное будущее, и наоборот, глобалистика (или шире – глобальные исследования) может мыслиться как та составляющая ноосферологии, которая занимается исследованиями современных и будущих процессов становления ноосферы. В этом случае глобалистика предстает как нооглобалистика, в которой особое внимание будет уделяться «глобальным контурам» ноосферогенеза. Сегодня важно выявить основные отрасли (дисциплины) науки и комплекс (а лучше систему) направлений научного поиска, которые объединяли бы в единое целое глобалистику, ноосферологию и активно разрабатываемую сейчас концепцию УР.

Ноосферология, также как и глобальные исследования может мыслится не только как дисциплинарное образование, но и как междисциплинарное, интегративно-общенаучное направление поиска, выполняющее и изучающее закономерности и процессы становления сферы разума, возможности выживания и УР цивилизации и наиболее полного воплощения гуманистических принципов и идеалов. Следовательно, ноосферология, как и все исследования процессов и закономерностей ноосферогенеза, т. е. ноосферные исследования, представляет собой не только отдельную дисциплину (или отрасль науки), а некоторую область исследования ноосферных процессов, или же интегративное научное направление. Подобный системно-эволюционный подход к проблеме ноосферы и системно-футурологический акцент на решении глобальных проблем и оптимизации глобальных процессов приходит на смену традиционному видению будущего в рамках разрекламированных концепций постиндустриального общества (а тем более – общества потребления) в модели неустойчивого развития (НУР).

Переход к устойчиво-ноосферному развитию, вписывающемуся в глобальную эволюцию, требует дальнейшего научного обоснования и постепенной, но весьма ускоренной активной реализации. Между тем, пока до конца не ясно, может ли в принципе "состояться" эта модель социоприродной эволюции и коэволюции, поскольку политические декларации и рекомендации ООН существенно опережают научные обоснования и разработки этой формы развития мирового сообщества. Опережающая глобальная политика оказалась «мудрее» науки с ее моделью строгой академичности, ориентированной в основном на прошлое (и частично – на происходящее) человечества. И этому можно дать научное обоснование в более широкой «системе координат», нежели это имеется в настоящее время.

И хотя ставится вопрос о научном обосновании идеи и стратегии УР мирового сообщества, тем не менее, и сама наука должна будет трансформироваться в зависимости от приближения к "устойчивому" будущему, т. е. к ноосфере. В науке также должна произойти смена парадигмы развития, так как она все больше должна будет уделять внимание изучению новой модели социоприродной ноосферно-устойчивой эволюции.

Наука и образование при переходе к УР соединятся в единый научно-образовательный процесс, работающий на созидание сферы разума. Начало этого процесса можно видеть в решениях всемирных форумов ООН, посвященных проблемам УР, а также многочисленных конференций по проблемам информатизации и становления ИО. Формирование единого научно-образовательного процесса окажется существенной чертой становления единого (коллективного, интегрального, целостного) интеллекта всего мирового сообщества, т.е. ноосферного интеллекта. Появление последнего становится возможным благодаря процессу информатизации, делающему научную мысль планетарно-эволюционным явлением.

Многие социоприродные тенденции окажутся в будущем составляющими коэволюционного процесса – ноосферогенеза, который включает в себя и другие тенденции – информатизацию, интеллектуализацию, экологизацию, глобализацию, космизацию, футуризацию и

т.д. Однако среди всех этих тенденций наиболее существенное значение для формирования ноосферы имеют информатизация и интеллектуализация, поскольку они наиболее тесно связаны с той важной составляющей глобализации через УР, которое направлено на изменение сознания человека и всего человечества. Если другие упомянутые выше составляющие, так или иначе, были направлены на преобразование природы, ее вещества и энергии, имели направленность от общества к окружающей его природной среде, то информатизация явилась процессом трансформации информационно-интеллектуального мира человека, его сознания и мышления на всех уровнях – личностном, коллективном – вплоть до созидания глобального сознания, которое в перспективе ноосферогенеза становится ноосферным интеллектом.

Именно это понимание ноосферы, центральной составляющей которого будет ноосферный интеллект как коллективный интеллект всего человечества было присуще той ноосферной концепци, которую развивал Н.Н. Моисеев. Ученый говорил о Коллективном Разуме (Интеллекте), полагая, что: «разум человека – это системное свойство совокупности нейронов его мозга, а Коллективный Разум – системное свойство совокупности индивидов, обладающих разумами и возможностью обмена информацией. Разум отдельного человека в системе Коллективного Разума подобен нейрону в мозгу человека» [83, с. 48]. Причем развитие этого типа интеллекта во временном отношении Н.Н. Моисеев связывает со становлением человеческого общества, а сверхбыстрое, лавинообразное развитие Коллективного Разума – с развитием средств связи и новых информационных технологий. «Коллективный Интеллект, вооруженный технологией искусственного интеллекта, – вот дальнейший путь развития информационной истории биосферы» [83, с. 49]. Он считал, что мы стоим на пороге становления Коллективного Общепланетарного Разума, который предоставляет человечеству определенный шанс человечеству сохранить себя в биосфере, значит, и во Вселенной.

Постепенно произойдут ноосферные преобразования (вначале УР-трансформации) всех основных видов деятельности человечества, самого человека, изменение его сознания и созидание нового – «информационно-устойчивого общества» как реальной сферы разума. Такие изменения произойдут не стихийно (ибо стихия в данной ситуации приведет лишь к катастрофе), а целенаправленно, осознанно, и главным механизмом глобального управления переходом к УР может стать нравственный, гуманный разум всего объединенного человечества, использующего все возможные социально-экономические и политические механизмы, средства информатики и глобальные коммуникации. В ноосфере появится новый вид целостного планетарного разума (интеллекта, сознания), который будет находиться в определенной гармонии с материальной и технической составляющей человеческого бытия.

Сейчас, анализируя кризисные явления в современной цивилизации, многие авторы замечают «расхождение» духовной и материальной компонент цивилизации, когда превалирует и притом довольно сильно именно последняя составляющая. Подобная ситуация характерна для всего периода антропосоциогенеза, в том числе и для осевого времени, когда осевая революция оказалась результатом «отстающего» осознания в мировом масштабе произошедших неолитических трансформаций (и то только в их завершающей стадии).

В ходе стихийной эволюции человечества не могло сложиться иной ситуации и материально-духовное «раздвоение» было неизбежно. Возможно, что это одна из закономерностей стихийного развития и, скорее всего, – одно из проявлений отставания сознания общества во всех его формах от его бытия. Отстающее сознание (коллективное и индивидуальное) в принципе не могло в необходимых масштабах генерировать духовные образы и иные мыслительные формы, существенно опережающие бытие. Такая ситуация наступит лишь в процессе перехода к УР, а в дальнейшем и к ноосфере, но уже не в ходе стихийной самоорганизации, а в результате включения механизмов саморефлексии, трансформирующихся в управленческие процессы, вектор которых направлен больше (либо в той же степени) на преобразование общества, нежели природы. И именно эта направленность требует интенсивного развития духовно-информационных процессов, которые на определенном этапе изменят само качество и форму человеческого интеллекта, превращая нынешний индивидуально-

атомарный интеллект в целостно-общечеловеческий, планетарно-цивилизационный, опережающе-проективный.

Однако между пока гипотетическим ноосферным интеллектом и современным состоянием общественного сознания в его глобальном измерении существует кардинальное противоречие. Это противоречие между настоящим и будущим следует из противоречия двух моделей мироустройства – моделью неустойчивого развития (НУР) и ноосферой. Если в модели НУР основное внимание уделяется материально-экономическим и индивидуально-атомарным, личностным аспектам, то в ноосфере – информационно-интеллектуальным и коллективным аспектам развития. И пока это противоречие не будет разрешено, ноосфера не будет сформирована. В ходе грядущих ноосферных трансформаций будут, прежде всего, решаться духовно-информационные проблемы, поскольку материально-вещественные цели должны быть реализованы на этапе планетарного перехода к устойчивой эволюции. Переход же от индивидуального к коллективному во всей гамме социальных взаимодействий потребует существенного изменения ценностных ориентиров мирового развития.

Уместно заметить, что выживание цивилизации и сохранение биосферы (на чем сосредоточена концепция УР) – это необходимое условие становления ноосферы, и оно включается в этот процесс как составная часть. Процесс же ноосферогенеза представляется более широко и акцентирует внимание на становлении некоего интегрального «социального сознания», общецивилизационного разума, на гуманитарно-рациональной организации и на интеллектуально-информационных аспектах и средствах глобального управления. Работы в области УР в своем большинстве пока абстрагировались от этого аспекта. Его включение в обсуждаемую проблематику позволяет представить дальнейший этап становления информационного общества как движение по пути к УР, а многообразие аспектов становления сферы разума важно сконцентрировать на выживании цивилизации и сохранении биосферы как главных целях ноосферогенеза на нынешнем этапе.

Видение УР – начального этапа ноосферогенеза как единого процесса эволюции в планетарно-космических масштабах позволяет оценить возможности будущего целостного цивилизационного разума и рационального управления этими процессами. Становление ноосферы – это не только выдвижение нравственного индивидуального и коллективного интеллекта на приоритетное место в развитии общества, но и обретение им новых качеств, которыми ранее существующие формы «бытия разума» не обладали (например, появление системно-гибридного ноосферного интеллекта). Сейчас же цивилизация, формально состоящая из более, чем двух сотен суверенных государств, и 7 млрд автономных индивидов, судорожно «цепляясь» за старую модель развития, неуклонно движется к своему трагическому финалу – глобальной социально-экологической катастрофе – и в этом трагическое противоречие неустойчивого развития.

Мы уже приводили аргументы против того, чтобы перестраивать биосферу в ноосферу. Перестраивать биосферу – значит управлять ею. Однако такое управление невозможно для человечества, которое в обозримой перспективе способно перерабатывать информацию со скоростью порядка 10^{22} бит в секунду. Между тем как биота регулирует и обеспечивает динамическую устойчивость биосферы и самой жизни, перерабатывая для этого поток информации 10^{36} бит в секунду [84, с. 88]. Именно эта огромная разница, или «информационная яма» не оставляет надежд на создание управляемой человеком системы, подобной биосфере [85].

Стратегия ноосферогенеза через глобальный переход к УР обязательно включает в себя максимально возможное сохранение биосферы, и поэтому речь может идти лишь о появлении локально-региональных очагов (областей) ноосферы в биосфере. Именно эти территориальные очаги ноосферы и должны вписываться в биосферу, вступая с ней в коэволюционное взаимодействие, адаптируясь к биосфере и ее циклам.

Ныне имеющийся, но трудно определимый интеллект всего человечества в форме существующей культуры, компоненты которой между собой слабо связаны, гораздо менее эффективен индивидуального интеллекта, если иметь в виду здорового нормального человека,

а не больного либо девиантного индивида, стремящегося к суициду. Помимо прочего, это связано с отсутствием необходимых взаимосвязей между частями мирового социума (которые имеются на уровне индивида), и которые появляются в процессе глобализации. Вот почему «коллективизация» разума вплоть до обретения им нового качества и целостности для решения проблемы перехода к УР преследует цель распространить более рациональное (эффективное) поведение на всю человеческую цивилизацию и ее взаимодействие с природой: «лучшее понимание и переход от понимания к действию – именно такую цивилизацию мы охарактеризовали бы как более разумную» [86, с. 353].

Причем уместно обратить внимание на то, что новое качество интеллекта должно характеризовать все человечество с целью его объединения и появления общекооперативного разумного поведения. Это вытекает из синергетических принципов когерентности и перехода всей системы на более высокий уровень организации, возникновения упорядоченности из хаоса стихийного цивилизационного развития. Это означает гигантский скачок в накоплении информации в самой цивилизации и особенно в ее ноосферном интеллекте после глобальной бифуркационной фазы социоприродной эволюции, обеспечивающий переход на новый более высокий уровень динамической устойчивости общества как фундамента дальнейшей прогрессивной эволюции.

Переход в ходе глобализации и информатизации к планетарно-целостному ноосферному интеллекту должен разрешить только что описанное противоречие между принципиальной ограниченностью индивидуального (атомарного) интеллекта и объективными императивами перехода к УР. Этому последнему должен соответствовать принципиально новый интеллект, обслуживающий не только интересы отдельного человека и ограниченных коллективов, а всего человечества ради всеобщего выживания. «Интеллектуальное» противоречие между двумя моделями развития должно разрешаться в пользу формирования коллективно-целостного интеллекта всей цивилизации. Именно в этом и будет заключаться основной процесс ноосферогенеза, опирающийся и «накладывающийся» на переход к социоприродному УР. Но это не означает, что развитию индивидуального интеллекта уже не должно уделяться внимание. Речь идет о гармонизации процессов развития личностного и коллективно-ноосферного форм интеллекта. Коллективному интеллекту, процессу его формирования должно быть уделено не меньшее внимание, чем индивидуальному, поскольку от этого зависит судьба всего человеческого рода, а не только отдельного человека.

Чем интенсивнее будет разворачиваться процесс «коллективизации» атомарных интеллектов, тем более высокой степени достигнет процесс ноосферогенеза. Причем здесь в полной мере будет действовать информационный вектор эволюции и на определенном этапе (видимо, когда сформируется зрелый ноосферный интеллект) социосфера, а не биосфера, трансформируется в ноосферу. Социосфера и ноосфера будут отличаться между собой как содержанием информации в социуме, так и качеством функционирующего в них «интеллектуального фактора».

Культурно-информационная сущность ноосферогенеза особенно четко проявляется в становлении ноосферного интеллекта как естественного развития культуры. Ноосферный интеллект соединит в одну целостную социотехнологическую систему культуру как коллективный интеллект цивилизации, естественный интеллект отдельных личностей и искусственный интеллект новых информационных технологий. Эта целостная и самая грандиозная интеллектуальная система обретет способность кардинально увеличить информационные возможности человечества за счет наиболее рационального использования накопленного социокультурного разнообразия.

В результате трансформации социосферы в ноосферу появится ноосферный интеллект как принципиально новая форма «общественного сознания», объединяющая интеллектуальные ресурсы человечества и средства информатики, способная к опережающему отражению социального бытия и использующая опережающие механизмы для реализации желаемых вариантов социоприродного развития. Очевидно, что одно из важных качеств этого интеллектуального фактора будет заключаться в их темпоральных характеристиках. Общественное

сознание в социосфере (в модели НУР) отстает от социального и социоприродного бытия, позволяя ему развиваться стихийно. В ноосфере же целостно-планетарный интеллект получает возможность предвидеть это бытие, прогнозируя и проектируя желаемое будущее.

Превращение человечества в ноосферную цивилизацию предполагает, что культура как информационный феномен станет решающим фактором развития социальной ступени эволюции. То есть главным ресурсом ее дальнейшей эволюции станет информация (позволяющая экономить вещественно-энергетические ресурсы), реализуется опережающее развитие информационно-интеллектуальных процессов и духовной культуры (прежде всего, науки, управления, образования). Критерием уровня развития и качества жизни в сфере разума станут нравственно-гуманистические ценности и знания человека, живущего в гармонии с окружающей социальной и природной средой в условиях обеспечения всеобщей безопасности.

В нашей стране это отражено в официальном документе, принятом еще в 1996 г., Указом Президента РФ, «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [70]. Тем самым начало сбываться предвидение В.И.Вернадского о том, что созидание ноосферы рано или поздно «станет целью государственной политики…» [1, с. 86].

Библиогафический список

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.,1991.
2. Ilyin I.V., Ursul A.D. Nooglobalism and Nooglobalistics // 3G: Globalistics, Global Studies, Globalization Studies: Scientific Digest / Ed. by I.I. Abylgaziev, I.V. Ilyin. M.: MAKS Press, 2012.
3. Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Вопросы философии. 2008. № 2.
4. Абылгазиев И.И., Габдуллин Р.Р., Ильин И.В., Иванов А.В., Яшков И.А. Глобальные социоприродные процессы и системы. М., 2011.
5. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-ое перераб. доп. изд. М.: Проспект, 2013.
6. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Грядущее человечества: гибель или бессмертие? // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 03.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
8. Лейбин В.М. Мыслить глобально, действовать локально // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003.
9. Урсул А.Д. Феномены футуризации и опережающего отражения // Философия и культура. 2012. № 10.
10. Botkin J., Elmanjra M., Malitza M. No limits to Learning. Bridging the Human Gap. A Report to the Club of Rome. Oxford, 1979.
11. Хенви Р. Достижимая глобальная перспектива. Рязань. 1994.
12. Лиферов А.П. Глобальное образование – путь к интеграции мирового образовательного пространства. М., 1997.
13. Глобальное образование: проблемы и решения. СПб., 2002.
14. Кочетов Э.Г. Глобалистика: Теория, методология, практика. М., 2002. С. 7.
15. Экологическое образование и устойчивое развитие / Под ред. А.Д. Урсула. М., 1996.
16. Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Образование для устойчивого развития: научные осно-

вы. М., 2004.

17. Образование для устойчивого развития / Под ред. Н.С. Касимова. М.–Смоленск, 2004.

18. Степанов С.А. Глобализация, устойчивое развитие, образование. Концептуальные основы экологического образования в высшей школе для устойчивого развития. М., 2009.

19. Robertson R. Interpreting Globality // Ed. by Robertson R. World Realities and International Studies. Glenside (Pa), 1983.

20. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, Thousand Oaks (Ca), 1992.

21. Чернин А.Д. Открытие темной энергии в ближней Вселенной // Астрономия: век XXI. Фрязино, 2007.

22. Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобалистика и глобальные исследования: проблемы методологии // Вестник МГУ им. М.В.Ломоносова. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2012. № 1-2.

23. Урсул А.Д. Глобальное знание и глобальное образование (эволюционный подход). Лекция. Красноярск: СФУ, 2011.

24. Костин А.И. Формирование глобалистики // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.

25. Костин А.И. Экополитология и глобалистика. М., 2005.

26. Урсул А.Д. Космоглобалистика: взаимосвязь глобальных и космических процессов // NB: Философские исследования. 2013. № 04.

27. Урсул А.Д. Некоторые философские вопросы освоения космоса. М., 1964.

28. Фаддеев Е.Т. Некоторые философские проблемы освоения космоса // Диалектический материализм и вопросы естествознания. М., 1964.

29. Урсул А.Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. М., 1981.

30. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.,1991. С. 13-190., С 82

31. Ilyin I.V., Ursul A.D. Globalistics: An Introduction // Journal of Globalization Studies. Vol. 3. № 1. 2012.

32. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальное мировоззрение и глобальные исследования // NB: Проблемы общества и политики. 2012. № 1.

33. Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7.

34. Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М., 2009.

35. Урсул А.Д., Ильин И.В. Глобальные исследования и политические науки: становление эволюционного подхода // Право и политика. 2010. № 12.

36. Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: МГУ, 2010.

37. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальные исследования: от глобализации знаний к становлению глобального знания // Философия и культура. 2010. № 8.

38. Мазур И.И., Чумаков А.Н. Глобалистика // Глобализация. Энциклопедия. М., 2003.

39. Чумаков А.Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1.

40. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию. М., 2001.

41. Чешков М.А. Глобалистика: предмет, проблемы иперспективы // Общественные науки и современность. 1998. № 2.

42. Федотов А.П. Введение в глобалистику: Наброски науки о современном мире. М., 1999.

43. Урсул А.Д. Глобализация, безопасность и устойчивое развитие // Век глобализации. 2008. № 1.

44. Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М., 2005.

45. Урсул А. Д. Глобализация права и глобальное право: концептуально-методологические проблемы // Право и политика. 2012. № 8.

46. Урсул А.Д. Глобальное измерение права // NB: Вопросы права и политики. 2012. № 05.

47. Enciclopedia of Global Stadies / Ed. H.K. Anheier, M. Juergensmeyr. Los Angeles, London and others, 2012.

48. Дубнов А.В. Глобалистика. Новосибирск. Вып. 1. 1991. Вып 2. 1992.

49. Ионов И.Н. Историческая глобалистика: предмет и метод // Общественные науки и современность. 2001. № 4.

50. Шестова Т.Л. Глобальный историзм и его роль в развитии знаний об обществе. М., 2011.

51. Гринин Л.Е. Эволюция: космическая, биологическая, социальная – возможности единой парадигмы // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 5 / Под. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М., 2011.

52. Знание о прошлом в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2011. № 8.

53. Медушевская О.М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. № 11.

54. Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4.

55. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. Том 1. М., 1993.

56. Вебер А.Б. Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1.

57. Чумаков А.Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации 2010. № 2.

58. Ильин И.В. Формирование глобальных политических процессов и глобального управления // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2011. № 1.

59. Урсул А.Д. Космоглобалистика: генезис и основные направления // Век глобализации. 2012. №2.

60. Урсул А.Д. Космоглобалистика в ракурсе информационной гипотезы освоения мира // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. Вып. 5. М., 2011.

61. Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика: Учебно-методическое пособие. М.:

МАКС Пресс, 2012; 2-ое доп. изд. М.: МАКС Пресс, 2013.

62. Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.

63. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. М., 1988.

64. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. №4.

65. Князева Е.Н. Настоящее и будущее трансдисциплинарных исследований // Будущее фундаментальной науки: Концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы / Отв. ред. А.А. Крушанов, Е.А. Мамчур. 2011.

66. Климонтович Н. Синергетика: лозунг или наука // URL: http:// http://spkurdyumov.narod.ru/VvedenievSyner.htm

67. Степин В.С. О философских основаниях синергетики // URL: http://spkurdyumov.narod.ru/Philos.htm#Ph408.

68. Урсул А.Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // Безопасность Евразии. 2001. № 1.

69. Урсул А.Д. Безопасность и развитие // Безопасность Евразии. 2007. № 1.

70. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию Российская газета. 1996. 9 апр.

71. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Эволюционные парадигмы и модели образования XXI века // NB: Педагогика и просвещение. 2012. № 1.

72. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Наука и образование в глобально-ноосферной перспективе // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 02.

73. Урсул А.Д. Перспективы экоразвития. М., 1990.

74. Учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение: в 2-х т. М., 1990.

75. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века СПб., 2007.

76. Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: идеи, проблемы, гипотезы. М.: МГУ, 2012.

77. Прыкин Б.В. Глобалистика. М., 2007.

78. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим» // URL: http://www.un.org/ru/sustainablefuture/

79. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). / Пер. с англ. М., 1989.

80. Лейбин В.М Человек как глобально-уникальная проблема современности // Век глобализации. 2011. № 1.

81. Урсул А.Д. На пути к информационной глобалистике // Актуальные проблемы глобалистики и геополитики. Сборник научных трудов кафедры глобалистики и геополитики СФУ. Красноярск, 2012.

82. Урсул А.Д. Исследование информационных и глобальных процессов: междисциплинарные подходы и связи // NB: Проблемы общества и политики. 2012. №03.

83. Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму. Лекции по универсальному эволюционизму и

его приложениям. М., 1993.

84. Лосев К.С. Мифы и заблуждения в экологии. М., 2010.

85. Горшков В.В., Горшков В.Г., Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Информация в живой и неживой природе // Экология. – 2002. – № 3.

86. Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. М., 2000.

Информатизация общества как цивилизационный процесс

К.К. Колин (г. Москва)48

Исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что одной из наиболее важных тенденций развития современного общества является его глобализация. Мало того, многие из них считают, что эта тенденция нарастает, и в 21-м веке она будет доминирующей. «Глобализация – это то, что определяет нашу эпоху» - эти слова Генерального секретаря ООН, сказанные им в 2000-м году, выражают именно эту точку зрения. В то же время анализ показывает, что и информатизация общества, приобретающая в последние годы глобальный характер, также является одним из стратегически важных направлений развития цивилизации, результаты которого мы уже повсеместно видим сегодня и которое во многом будет определять облик уже формирующейся новой цивилизации – *глобального информационного общества*.

Еще в конце 80-х годов 20-го века профессор А.И. Ракитов указал на стратегическую социальную значимость процесса информатизации общества, который он назвал *социотехнологической революцией* [1]. И с этим определением трудно не согласиться. Ведь те изменения, которые мы наблюдаем уже сегодня во многих сферах жизнедеятельности общества, столь глубоки и социально значимы, что действительно являются революционными. Что же касается ожидаемых в дальнейшем экономических, социальных и культурологических последствий процесса информатизации общества, то они также представляются весьма впечатляющими.

С философской точки зрения, цивилизационную сущность и стратегическую значимость для развития человечества процесса информатизации общества наиболее полно определил академик А.Д. Урсул. В своей монографии «Путь в ноосферу. Стратегия выживания и безопасного развития человечества» [2] он показал, что информатизация общества будет доминантой развития цивилизации не только на этапе построения глобального информационного общества, но также сохранит свое стратегическое значение и в дальнейшем, когда на смену информационному обществу придет другое общество, содержание которого еще трудно прогнозировать. По мнению А.Д. Урсула, вероятнее всего, это может быть такой тип общества, в котором ключевыми проблемами станут проблемы экологии, сохранения биосферы и гармонизации отношений человека с природой. Такой тип общества он назвал *экологическим обществом.*

Так почему же и в этом обществе, по мнению А.Д. Урсула, процесс информатизации сохранит свою стратегическую значимость в развитии цивилизации? Ответ здесь состоит в том, что информатизация является мощным катализатором многих других процессов развития общества, в том числе, создания и внедрения инноваций, новых социальных и энергетических технологий, а также науки, образования и культуры [3]. Именно это фундаментальное свойство процесса информатизации общества и обуславливает его особую роль в процессах цивилизационного развития, выдвигает его на первый план в области национальной и международной политики современного мира. Ниже это будет показано на некоторых конкретных примерах.

Таким образом, информатизацию общества сегодня следует квалифицировать как глобальный процесс общецивилизационного значения, который будет одной из доминант развития цивилизации в течение достаточно длительного времени, по крайней мере, в течение всего 21-го века.

Взаимозависимость процессов глобализации и информатизации общества. Рассмотрим теперь вопрос о том, в каких отношениях находятся между собой процессы глобализации и информатизации общества. Анализ показывает, что эти процессы тесно взаимосвязаны и оказывают друг на друга сильное воздействие. Причем, это воздействие имеет синергетический характер, так как в его результате оба эти процесса усиливаются.

Действительно, ведь многие результаты глобализации экономики, промышленного производства и развития международных финансовых механизмов были бы просто невозможными без современных информационных технологий и глобальных телекоммуникационных сетей, которые сегодня используются во многих странах мирового сообщества.

С другой стороны, процесс глобализации экономических связей и формирование транснациональных промышленных корпораций (ТНК), в свою очередь, содействует распространению новых средств информатики и информационных технологий в различных странах. Хорошим примером здесь может служить опыт Индии [4], где в настоящее время функционируют 13 крупных ИКТ - технопарков, специализирующихся в области так называемого «оффшорного программирования». Их основной продукцией являются компоненты программных систем, разрабатываемые по спецификациям ряда американских и канадских компаний. В этой области в Индии сегодня заняты более 500 тыс. человек, а сама Индия занимает второе место (после США) на мировом рынке программного обеспечения.

Но дело не только в этом. Для обеспечения деятельности указанных выше технопарков в стране создана система подготовки кадров в области ИКТ - технологий, а также два крупных сборочных завода вычислительной техники, принадлежащие крупным американским компаниям. Все это, конечно же, отразилось и на развитии процесса информатизации общества в самой Индии. Ряд крупных индийских компаний уже перепрофилировали свою деятельность на разработку ИКТ – технологий. В стране начала создаваться собственная ИКТ – индустрия. Появились даже первые индийские миллиардеры, сколотившие свои капиталы на разработке программного обеспечения.

Весьма примечательно, что в международном рейтинге готовности стран мирового сообщества к «электронному развитию» [5] Индия заняла в 2008 году 54-е место среди 70 стран, опередив при этом Китай (56-е место) и Россию (59-е место).

Думается, что этот пример является весьма наглядной иллюстрацией результатов взаимодействия процессов глобализации и информатизации общества в современном мире, который становится все более взаимосвязанным, как с экономической, так и с информационной точки зрения.

Происходящий на наших глазах лавинообразный процесс глобальной информатизации общества коренным образом изменяет привычный уклад жизни и профессиональной деятельности миллионов людей практически во всех странах мира. Эти изменения столь глубоки и значительны, а их последствия столь судьбоносны, что настоящий период развития цивилизации с полным основанием можно квалифицировать как *глобальную информационную революцию* [6,7]. Информационные революции в истории человечества происходили и ранее. Однако та, которая происходит сегодня, в 21-м веке, является принципиально новой как по своему содержанию, так и по тем последствиям, которые она вызывает практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Многие из этих последствий мы наблюдаем уже сегодня.

Основными отличительными чертами современной глобальной информационной революции можно считать следующие ее особенности.

1. Превращение информации в важнейшую *экономическую категорию*, быстрое развитие информационной экономики, информационного рынка и бизнеса.

2. *Всеобщий характер информатизации* общества, ее проникновение во все сферы жизни и деятельности человека.

3. Все большая *«цифровизация» техносферы*, а также распространение цифровой техники и цифровых технологий далеко за пределы информационной сферы общества.

4. *Глобализация информационной среды* мирового сообщества на основе развития сетей связи, телевидения и информационно – телекоммуникационных компьютерных сетей.

5. Беспрецедентные возможности *усиления интеллектуальных и творческих способностей человека* на основе использования средств информатики и новых информационных технологий.

6. Формирование нового, *информационного миропонимания и мировоззрения*, которые существенным образом изменяют современную вещественно-энергетическую Картину Мира, научную парадигму и методологию научных исследований.

7. Возникновение нового комплекса *проблем информационной безопасности* человека и общества, а также всей биосферы нашей планеты, о которых человечество ранее не имело ни малейшего представления.

Хотелось бы подчеркнуть, что все перечисленные выше особенности и проблемы современного этапа развития цивилизации, обусловленные ее глобальной информатизацией, являются принципиально новыми. Они возникли буквально в последние два десятилетия и не имеют аналогов в историческом прошлом человечества. Поэтому эти проблемы еще не нашли адекватного отражения в массовом сознании людей, которое существенным образом отстает от темпов процесса развития цивилизации. А эти темпы уже сегодня высоки как никогда ранее и продолжают возрастать.

Отставание общественного сознания от современных темпов развития цивилизации представляет собой вполне закономерный, но еще не воспринимаемый обществом новый социально-психологический феномен, который имеет глобальный характер. Этот удивительный по своему содержанию и стратегически важный по своим последствиям феномен нашего времени, безусловно, заслуживает специального научного исследования. Одна из попыток такого исследования была предпринята в работе [8]. Анализ показал, что социальное время сегодня течет примерно в 2,5-3 раза быстрее, чем в середине XX-го века. И обусловлено это синергетическими закономерностями развития цивилизации, которая в настоящее время вступает в критическую, бифуркационную область перехода в качественно новое состояние.

Осознание этого явления, как объективной реальности и наиболее важной отличительной особенности современного этапа развития цивилизации, является исключительно актуальной и важной задачей не только ученых, но и государственных деятелей, политиков, бизнесменов, работников культуры и образования. Ведь вся эта элита современного общества, от деятельности которой в значительной степени зависит его будущее, все еще руководствуется старыми мерами времени при прогнозировании развития тех или иных экономических, политических или же социальных процессов.

В то же время специалистам, знакомым с основами синергетики, хорошо известно, что именно в области бифуркации любой сложной самоорганизующейся системы возникают так называемые *режимы с обострением*, когда многие процессы внутри данной системы начинают развиваться с очень высокой скоростью, практически лавинообразно. Это и приводит к тому, что данная система достаточно быстро преодолевает критический период неустойчивости и переходит на качественно новый уровень развития.

Поэтому сегодня нет никаких сомнений в том, что именно такой критический период и переживает современная цивилизация. И свидетельством этого является ускорение процессов цивилизационного развития, которое мы сегодня и наблюдаем повсеместно.

Сетевая информационная экономика. Информационная сфера общества является сегодня одной из самых эффективных для вложения капитала. Здесь самые высокие показатели прибыли на вложенный капитал и самые высокие темпы роста объемов производства по сравнению с другими отраслями мировой экономики. Так, например, общий объем мирового рынка информационных технологий сегодня оценивается величиной порядка 4 трлн. долла-

ров США, и этот объем быстро возрастает. К сожалению, участие России и стран СНГ в этом рынке составляет сегодня доли процента, что совершенно не соответствует уровню имеющегося в этих странах интеллектуального потенциала. Ведь создание современных информационных технологий требует не только соответствующих мировому уровню инструментальных средств, но, главным образом, высокого интеллекта разработчиков этих технологий.

Поэтому большой неожиданностью для многих явился весьма впечатляющий успех Индии, которая в последние годы уверенно выходит на второе место в мире (после США) по разработке программного обеспечения для информационных технологий. Уже сегодня эта страна получает ежегодно более 10 млрд. долларов прибыли именно от работы своих программистов.

Прогнозируется еще один сюрприз: Республика Сингапур планирует объявить себя *первым в мире государством цифровых технологий.* Уже сегодня экономика этой страны в значительной мере ориентирована на использование высоких технологий и, прежде всего, - *цифровых информационных технологий.* Более 60 % семей в этой стране имеют дома персональные компьютеры, а более 50 % подключены и используют государственную мультимедийную интерактивную компьютерно-телекоммуникационную сеть. Доля ВВП, приходящаяся на каждого из 5 миллионов жителей этой страны, составила в 2000 году 28 тыс. долларов. И это при том, что в Сингапуре нет никаких сырьевых природных ресурсов! Главным ресурсом развития этой страны являются высокий интеллект ее населения, честность и трудолюбие народа и мудрость государственных руководителей, которые своевременно сделали ставку на развитие науки, образования и высоких информационных технологий.

В последние годы аналогичная стратегия начинает просматриваться и в государственной политике Китая, одной из наиболее перспективных мировых держав XXI-го века. Побывавшие в этой стране российские специалисты свидетельствуют о высоком уровне оснащенности китайских университетов компьютерной и информационной техникой. А уж трудолюбие и настойчивость китайского народа общеизвестны. В этих условиях тот факт, что Китай уже превзошел США по объему валового национального продукта в 2008 году, представляется весьма показательным. И значительную роль в достижении этого результата сыграло развитие в Китае информационного сектора экономики.

Хотелось бы подчеркнуть, что *информационное производство, информационные продукты,* а также *информационные услуги,* которые все больше доминируют на информационном рынке, являются чрезвычайно наукоемкими. Поэтому их качество и конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках напрямую зависят от уровня технологического развития той или иной страны и, в первую очередь, от уровня развития новых информационных технологий.

Новые виды информационных коммуникаций. Сетевая экономика создает исключительно благоприятные условия для международной кооперации в области разработки и широкого распространения передовых технологий и, в первую очередь, информационных технологий. Уже сегодня годовой объем мирового рынка информационных технологий оценивается в 4 триллиона долларов и быстро возрастает. Здесь самая высокая норма прибыли на вложенный капитал и самый высокий уровень инноваций и динамики обновления продукции. Это касается и создания средств программного обеспечения, и электронных баз данных и знаний, и различного рода технологий для оказания новых информационных услуг.

Интернет-телефония. Одной из таких услуг является новый вид организации телефонной связи по сети Интернет - так называемая IP-телефония (аббревиатура IP означает Internet Protocol). Существо этой новой информационной услуги заключается в том, что она обеспечивает передачу речевых сообщений по компьютерной сети передачи данных с протоколом IP. Этот способ передачи речевых сообщений оказался настолько удобным и экономически эффективным, что сразу же привлек к себе внимание многих компаний, специализирующихся в области развития связи и телекоммуникаций. Поэтому уже сегодня почти весь

прирост международного трафика передачи речевых сообщений происходит, в основном, именно за счет развития IP-телефонии и осуществляется небывало высокими темпами.

Весьма примечательно, что себестоимость международной связи в сети IP-телефонии уже сегодня не превышает 2-3 центов за минуту. Это делает данный способ организации телефонных коммуникаций весьма перспективным для массового распространения и, в первую очередь, - в области сетевой экономики. Так, например, использование этого способа связи в сети электронной торговли существенно повышает количество покупок, осуществляемых сетевыми абонентами, которые теперь имеют возможность не только подробно знакомиться с характеристиками приобретаемых товаров по их рекламным проспектам в сети Интернет, но и получать необходимые им дополнительные сведения и разъяснения непосредственно у менеджеров электронного магазина.

Интеграция ИКТ – технологий. Интеграция информационно телекоммуникационной сети Интернет и сетей телефонной связи, по-видимому, представляет собой одно из наиболее перспективных направлений технологического развития глобального процесса информации общества. Здесь очень хорошо проявляется эффект *суммы технологий*, подмеченный еще Станиславом Лемом. Это новый синергетический эффект взаимного проникновения и одновременного использования нескольких технологий информационной коммуникации. И вполне естественно, что он позволяет получить не только экономическую выгоду, но и принципиально новые виды информационных услуг. Здесь достаточно перечислить лишь некоторые из них, которые начинают практически внедряться уже сегодня:

1. Телефонный разговор абонентов с одного телефонного аппарата на другой с передачей речевой информации по компьютерной сети по существенно более низким расценкам по сравнению с тарифами обычной телефонной связи, особенно в тех случаях, когда осуществляется международная связь на большие расстояния.

2. Передача факсимильных сообщений и видеоинформации через компьютерную сеть.

3. Модемная связь между компьютерами в голосовом диапазоне частот.

4. Передача голосовой информации от компьютера на телефон абонента обычной телефонной сети.

5. Прием на компьютер абонента сети Интернет всех телефонных сообщений, которые поступают ему во время работы в этой сети. При этом абоненту предоставляется возможность ознакомиться с этими сообщениями дистанционно в течение определенного времени, т.е. компьютер выполняет здесь роль своеобразного почтового ящика.

Анализируя перечисленные выше услуги, можно заметить, что они достаточно разнообразны и позволяют уже сегодня использовать сеть Интернет многим абонентам, имеющим самое различное оборудование для информационных коммуникаций.

Сетевой менеджмент. В последние годы в Европе появился еще один новый вид сетевых информационных услуг, который можно было бы условно назвать "виртуальным офисом". Суть этой услуги заключается в том, что абонент сети Интернет может заключить договор со специальным сетевым центром, который берет на себя обязательства в течение определенного времени осуществлять все необходимые этому абоненту менеджерские функции: принимать электронную почту, вести телефонные переговоры по сети IP-телефонии с деловыми партнерами своего поручителя, отправлять деловую корреспонденцию и т.п. Один из таких крупных центров создан в Ирландии.

Таким образом, для того, что бы получить в свое распоряжение современный офис, сегодня совсем не обязательно арендовать помещение, нанимать менеджеров и закупать компьютерную технику. Можно просто заключить договор с посредническим центром *сетевого менеджмента*, который, кстати говоря, может находиться в совсем другой стране мира. Вот какие новые возможности для развития деловой активности населения открываются сегодня благодаря развитию сетевых информационных технологий. И, конечно же, нет никакого сомнения в том, что эти возможности будут широко использоваться в информационном обществе.

«Цифровизация» техносферы. В последние годы доминирующей тенденцией развития средств информационной техники и информационных систем различного назначения стал ее массовый перевод на цифровую элементную базу. Переход на цифровые методы кодирования информации в системах связи, телевидения, фото- и кинотехники, а также в системах радиовещания позволяет получать в этих системах принципиально новые функциональные возможности и качественные характеристики. Цифровые методы хранения, обработки и передачи информации позволяют не только успешно защищать эти системы от различного рода помех, но, самое главное, они обеспечивают исключительно высокое качество передаваемой и отображаемой информации.

Цифровое телевидение и радиовещание, цифровая телефония и музыкальная техника, сопрягаемые с компьютерными системами, цифровые фото- и видеокамеры – все эти новшества уверенно входят сегодня в наш быт и профессиональную деятельность. Они открывают новые возможности для творчества, решительно изменяют привычные стереотипы поведения людей в обществе и весь образ нашей жизни.

Цифровые микропроцессоры все шире начинают применяться и за пределами традиционной информационной сферы общества. Возьмем, например, бытовую технику. Уже сегодня и холодильник, и стиральная машина, и кофеварка, как правило, имеют встроенные микропроцессоры, которые делают эти приборы более экономичными и удобными в обращении. Человек начинает привыкать к жизни в новом, удивительном *цифровом мире* и уже не согласен возвращаться в прошлое.

Современные машиностроители обсуждают проблему *новой парадигмы в машиностроении.* Она обусловлена тем, что машиностроительная продукция будущего должна будет, как правило, включать в себя интеллектуальные компоненты, основанные на использовании цифровой информационной техники. Причем практически любая продукция (от прокатного стана до легкового автомобиля) должна будет обладать этим свойством. Ведь уже сегодня стоимость «информационной начинки» современного боевого истребителя (так называемой авионики) зачастую сопоставима со стоимостью самого летательного аппарата. Происходит это потому, что именно авионика определяет сегодня боевые возможности истребителя, отодвигая на второй план его летные качества.

В самые последние годы в России начала активно развиваться *мехатроника*. Это новое направление развития робототехники, основанное на совместном использовании последних достижений в области информатики, нанотехнологий и методов искусственного интеллекта. В результате этого удается создавать сверхминиатюрные автономные робототехнические устройства, которые позволяют осуществлять достаточно сложные функции наблюдения и управления в необычных условиях и чрезвычайных ситуациях. Так, например, уже сегодня существуют летательные аппараты размерами в несколько сантиметров, которые способны осуществлять полеты внутри газопроводов и при этом нести на себе миниатюрную телевизионную камеру. Созданы и другие сверхминиатюрные устройства различного назначения, в которых совместно используются цифровые микропроцессоры, электродвигатели и тому подобные компоненты. Область применения этих устройств еще должным образом не изучена, но довольно быстро расширяется.

Цифровые информационные технологии вызывают подлинный переворот в области *экранной культуры* и *экранного искусства.* Здесь открываются принципиально новые возможности совместного использования текстовой, звуковой и видеоинформации, монтажа документальных и художественных фильмов, создания объемных изображений, в том числе – и в интересах развития системы образования. Именно поэтому в научной и политической литературе в последние годы появилось новое понятие – «*цифровой век».* Это понятие используют в тех случаях, когда хотят подчеркнуть уже достаточно очевидный прогноз о том, что XXI-й век будет, прежде всего, веком *цифровых информационных технологий.*

Переход к цифровым методам кодирования, хранения, обработки и передачи информации вызвал подлинную революцию в информационной технике и системах информационных коммуникаций. Прежде всего, здесь хотелось бы отметить устойчивую тенденцию к инте-

грации различных видов информационной техники, ранее несовместимых. Так, например, уже сегодня все более широкое распространение получают портативные *цифровые фотокамеры*, в которых вместо традиционных фотопленок используются цифровые оперативные запоминающие устройства достаточно большой емкости. Они позволяют получать и одновременно хранить сотни цветных кадров изображений, просматривать их на встроенном в камеру цветном экране и при необходимости передавать эти изображения по телекоммуникационным сетям, например, по сети ИНТЕРНЕТ. Для этой цели фотокамера имеет возможность сопрягаться с обычным компьютером, подключенным к телекоммуникационной сети. Стоимость таких цифровых фотокамер составляет сегодня около 300 долларов США, а их размеры гораздо меньше габаритов пленочного фотоаппарата. Стоимость же цифровых видеокамер наиболее массового применения также составляет сегодня порядка 500 долларов. Появление на рынке таких устройств открывает принципиально новые возможности не только для профессиональных фотокорреспондентов, но и для простых любителей.

Крупным шагом в области цифровой интеграции средств информационной техники явилось создание так называемых *смартфонов*, т.е. персональных цифровых коммуникаторов, представляющих собой симбиоз мобильного радиотелефона, видеокамеры и терминала электронной почты. С помощью такого устройства сегодня можно отправить электронную почту, фотоснимок, короткое письменное сообщение, установить функцию автоответчика, одновременно вести переговоры с тремя и более абонементами в режиме телеконференции. Более совершенные модели персональных цифровых коммуникаторов, обеспечивают также и реализацию функций *видеотелефона*, когда собеседники могут видеть друг друга в процессе общения.

Хотелось бы особо отметить, что крупнейшие производители систем мобильной связи добились согласованного решения о выборе унифицированных стандартов мобильной цифровой связи на третье тысячелетие. В результате этого персональные цифровые коммуникаторы нового поколения смогут работать во всех населенных пунктах нашей планеты и совместят в себе функции видеотелефона, телевизора и персонального компьютера, имеющего скоростной выход в глобальные компьютерные сети. При этом можно будет не только разговаривать с другими людьми, находящимися в любой точке земного шара, но также отправлять электронную почту, делать покупки, заказывать билеты, оплачивать проезд в городском транспорте осуществлять банковские операции. Информационные возможности цифрового коммуникатора станут очень широкими, что сделает его одним из наиболее массовых средств информационной техники третьего тысячелетия.

Всеобщий характер современного этапа информатизации общества проявляется в том, что в последние годы роль информации быстро возрастает практически во всех сферах социальной активности общества (экономике, науке, образовании, культуре, здравоохранении, политике, государственном и региональном управлении, обеспечении национальной безопасности). Во всех этих сферах информатизация общества решительно изменяет традиционные формы и методы организации труда, а также структуру занятости населения. При этом доля трудоспособного населения многих стран мира, связанного с постоянным или же регулярным использованием средств информатики и информационных технологий, быстро растет и в передовых странах уже превышает 50% от общего числа занятых.

Информатизация открывает новые возможности для обеспечения трудовой деятельности лиц пенсионного возраста, женщин, воспитывающих маленьких детей, и инвалидов. Для лиц этих категорий все чаще используются такие формы занятости, как работа на дому («информационное надомничество») или же в ближайших к их месту жительства специальных информационно-телекоммуникационых центрах. Такие центры уже сегодня существуют во Франции и Великобритании и получили название *телекоттеджей*.

В научных, коммерческих, промышленных и других организациях все чаше создаются так называемые «*распределенные коллективы*», которые, используя регулярный обмен информацией по телекоммуникационным сетям (в том числе и по сетям глобального масштаба), добиваются значительного повышения эффективности своего труда даже в тех случаях,

когда участники этих коллективов находятся на значительных удалениях друг от друга и даже проживают в различных странах мира, который становится все более и более информационно связанным. В последние годы такие коллективы стали обозначать термином «*онлайновые сообщества*» [16].

Принципиально новым явлением в современной информационной революции является глобализация новой высокоавтоматизированной информационной среды мирового сообщества и ее неудержимое распространение на все страны и регионы мира. Основными факторами здесь являются создание и развитие глобальных систем радио и телевидения, телефонной и факсимильной связи, а в самые последние годы – и глобальных информационно-телекоммуникационных систем, наиболее характерным представителем которых может служить сеть Интернет. Объем циркулирующей в этих сетях информации стремительно растет и по ряду параметров уже начинает превышать объемы информации в других системах коммуникации. Так, например, объем информации, хранящийся на серверах сети Интернет, по некоторым оценкам, ежегодно увеличивается в два раза.

Оперативность информационного взаимодействия абонентов и распространения массовой информации в новых глобальных информационных системах также оказалось существенно более высокой, чем это было ранее. И это их свойство, безусловно, является исключительно важным, так как соответствует новым социальным потребностям общества, процессы жизнедеятельности которого реализуются сегодня с существенно более высокой скоростью, чем 20 или даже 10 лет тому назад. Именно эта социальная потребность и является главным стимулом развития глобальных систем информационных коммуникаций.

Глобализация информационной сферы общества влечет за собой весьма существенные и важные психологические, социальные, экономические, геополитические и культурологические последствия. *В психологическом плане* современный человек уже больше не чувствует себя более одиноким и оторванным от других людей нашей планеты. Ведь он имеет теперь реальную возможность оперативно получать необходимую информацию обо всех значимых событиях, которые происходят в различных точках земного шара. Даже одинокий путешественник по мировому океану сегодня чувствует себя постоянно включенным в мировое информационное пространство. Мы уже не можем жить без регулярного получения сведений из этого пространства, которое дает человеку очень важное для него психологическое ощущение своей сопричастности к происходящим в мире событиям.

В экономическом плане глобализация инфосферы является основой для международной и региональной интеграции в использовании людских и природных ресурсов. Характерным примером этого являются транснациональные корпорации (ТНК), которые уже сегодня доминируют на мировом рынке и влияние которых в ближайшие годы, вне всякого сомнения, будет возрастать.

В социальном плане эта глобализация также является весьма существенной. Ведь она позволяет по-новому решать многие острые социальные проблемы современности, такие, как занятость населения, доступность качественного образования, медицинская диагностика и консультирование, возможность информационного общения разделенных семей и народов мира.

В геополитическом плане глобализация информационной сферы общества влечет за собой не только новые возможности для международного сотрудничества различных стран нашей планеты, но также и создает новые условия для информационного соперничества, информационной экспансии и информационной борьбы с геополитическими целями между различными государствами, а также их политическими и экономическими группировками.

Одной из новых глобальных проблем современного общества сегодня является проблема *информационного неравенства* между людьми, странами и их регионами в новой высокоавтоматизированной информационной среде [9-11]. Этой проблеме было уделено особое внимание в *Окинавской хартии глобального информационного общества*, которая была принята в июле 2000 года на встрече первых руководителей стран, входящих в группу G8. Подписавшие этот документ руководители государств объявили об объединении своих усилий

для построения глобального информационного общества и борьбы с информационным неравенством, которое названо в Хартии «*цифровым расслоением*» общества.

Глобализация науки в современном обществе также становится все более ощутимой тенденцией, которая, безусловно, сохранится и усилится в условиях информационного общества. Проявляется она не только в интенсификации международного общения ученых, но также и в изменении самого характера исследований, которые становятся все более глобальными. Объектами этих исследований в последние годы все чаще выступает вся наша планета: ее поверхность, население, тектонические и цивилизационные процессы.

Началом такого рода глобальных исследований обычно считают известные работы Римского клуба. Однако сегодня *глобалистика* уже начинает оформляться в виде самостоятельного направления научных исследований, у которого, вне всяких сомнения, большое будущее. Информатизация общества создает для этого направления весьма благоприятные условия. Сегодня активно развиваются средства для моделирования глобальных процессов, осуществляется глобальное геоинформационное картографирование нашей планеты, целью которого является создание компьютерной цифровой картографической модели Земли.

Культурологические последствия информационной глобализации. *Культурологические последствия* информационной глобализации мирового сообщества в последние годы также проявляются все более заметно и уже начинают привлекать к себе внимание не только философов и культурологов, но и некоторых общественно-политических деятелей, обеспокоенных будущим своих стран и народов. Здесь, прежде всего, необходимо отметить все более широкое распространение английского языка, а точнее – его американского диалекта, в других странах, где ранее этот язык использовался в ограниченных масштабах. Стимулами для этого является все более широкое проникновение на мировой рынок информационной продукции, производимой различными фирмами США или же их дочерними компаниями в других странах.

Использование этой продукции, например, компьютерных программ или же баз данных компьютерной информации, а также все более широкое развитие сети Интернет, требует от пользователей определенных знаний профессионально-ориентированного английского языка. Поэтому сегодня распространение этого языка приняло характер *глобальной лингвистической экспансии*, что, безусловно, повлечет за собой и соответствующую деформацию традиционных национальных культур.

Другим, не менее существенным последствием является все большая компьютерная ориентация информационной культуры общества. Причина этого заключается во все более широком проникновении современных информационных технологий в сферу культуры. При этом сами эти технологии, а также реализующие их средства информатики становятся неотъемлемой частью новой культуры общества, которую все чаще называют *информационной культурой.*

Действительно, ведь уже сегодня трудно представить себе делового человека, политика или общественного деятеля без мобильного радиотелефона, а его офис – без телевизора, персонального компьютера, копировального аппарата и электронной почты. Все эти атрибуты современного рабочего помещения дают его хозяевам массу удобств и экономию рабочего времени, без которых мы уже не можем нормально работать и от которых не собираемся отказываться в будущем. Особенно в условиях, когда темп жизни все время возрастает, а наиболее ценными ресурсами становятся *время и информация*.

Сегодня есть все основания полагать, что совокупность тех гуманитарных процессов, которые происходят в современном обществе в связи с его глобальной информатизацией, следует квалифицировать как *новую гуманитарную революцию* [12]. Ожидается, что ее результатом станет не только формирование цивилизации принципиально нового типа – глобального информационного общества, но также и формирование нового типа личности – Человека Информационного (Homo Informaticus). Если же говорить о социальных аспектах этой гуманитарной революции, то здесь необходимо обратить внимание на следующие новые и принципиально важные явления глобального характера.

Повышение информационной связанности мирового сообщества. Сегодня уже нет никакого сомнения в том, что в ближайшие 10-15 лет наступят кардинальные перемены в обеспечении населения средствами связи, компьютерных телекоммуникаций и телевидения. Прогнозируется, что уже в 2010 году большая часть населения нашей планеты получит возможность регулярно пользоваться средствами телефонной связи, а в 2015 году - и средствами сети Интернет. Значение этих событий в истории человеческого общества трудно переоценить. Ведь еще совсем недавно, в 2000-м году около 3 млрд. человек, т.е. половина населения Земли, не смогли сделать в течение года ни одного (!) телефонного звонка по причине отсутствия доступа к средствам телефонной связи.

Развитие мобильной связи, телекоммуникаций и, в особенности, глобальных систем телерадиовещания делают мировое сообщество в существенно большей степени информационно взаимосвязанным, чем это было ранее за всю историю развития человечества. Этот гуманитарный результат глобальной информатизации общества является стратегически важным для дальнейшего развития цивилизации потому, что он открывает существенно более широкие возможности мобилизации всех человеческих ресурсов планеты для скоординированных действий по решению многих актуальных глобальных проблем современности. Кроме того, из общей теории систем, синергетики и фундаментальной информатики мы знаем, что система, обладающая большей информацией, является более сложной и, следовательно, обладает также и более высокой степенью устойчивости по отношению к внешним воздействиям.

Таким образом, данный результат информатизации общества следует рассматривать как позитивный, с точки зрения перспектив дальнейшего устойчивого развития цивилизации.

Глобализация сознания. Возможность оперативно получать информацию о событиях, происходящих в самых различных уголках нашей планеты, содействует глобализации сознания, как каждого отдельного человека, так и общества в целом. Наш образ мира становится все более глобальным, а сам этот мир представляется все более целостным. В информационном обществе уже никто не сможет чувствовать себя одиноким и оторванным от остального мира. Ведь даже находясь в открытом океане, наш известный мореплаватель-одиночка Конюхов, благодаря современным средствам спутниковой связи, имел возможность оперативно получать информацию о событиях, происходивших во многих странах мира. Эта возможность будет у всех членов информационного общества, и она оказывает весьма сильно воздействие на психику человека, так как существенным образом изменяет его привычные представления о пространстве и времени.

Развитие внешней системной памяти человечества. Профессор С.Н. Гринченко в своей монографии «Системная память живого» [13] указал на исключительно важный феномен в развитии человеческого общества на этапе его глобальной информатизации. Это феномен заключается в том, что, в связи с переходом к преимущественно электронным методам хранения информации, наступает новый этап формирования внешней системной памяти человечества. По своей значимости его можно сравнить лишь с этапами изобретения письменности и книгопечатания, которые, как известно, дали мощные импульсы для развития культуры, образования, а затем – и науки. Однако сегодня масштабы и последствия новых перемен могут оказаться существенно большими.

Необходимо отметить, что феномен формирования внешней электронной памяти в информационном обществе касается не только всего человечества в целом, но и каждого конкретного человека. Ведь уже сегодня персональный компьютер, смартфон и даже обычный мобильный телефон для многих людей стали настолько необходимыми, что могут рассматриваться в качестве своеобразной части их личности, потеря которой воспринимается весьма болезненно. Ведь в памяти этих устройств, как правило, хранится достаточно много весьма ценной для данного человека информации. Причем, хранится она в том виде, в котором это ему удобно. Не зря же уже существуют программные средства, которые позволяют при замене компьютера или смартфона новой моделью сохранить все данные в прежнем виде, привычном для данного конкретного пользователя.

Появление же новых массовых средств информатики, обладающих собственной памятью объемом в несколько сотен гигабайт, означает переход к новому этапу информационного обеспечения интеллектуальной деятельности человека и существенного повышения ее эффективности. А ведь именно это и необходимо для перехода к обществу, основанному на знаниях.

Стабилизация численности населения планеты. В результате математического анализа закономерностей процесса роста общей численности населения Земли, российский ученый С.П. Капица установил, что в 21-м веке человечество переживает беспрецедентный этап в истории своего развития, который он назвал «великим демографическим переходом» [14]. Его суть состоит в том, что в последние годы темпы роста численности населения нашей планеты замедляются, и этот процесс имеет устойчивый характер. Прогнозируется, что в результате этого численность населения Земли установится на уровне порядка 14 млрд. человек и далее расти не будет. Причины этого явления еще остаются неясными, но, по мнению С.П. Капицы, вполне возможно, что одной из них является глобальная информатизация общества. Таким образом, гуманитарная революция в 21-м веке происходит также и в демографической области.

В последние годы в научной и общественно-политической литературе, на конференциях философов, социологов и специалистов в области инженерных знаний все чаще пишут и говорят о том, что на нашей планете уже в первой половине XXI-го века будет сформировано глобальное информационное общество. В качестве аргументов для этого вывода приводятся данные о все возрастающих масштабах развития процессов информатизации, о возрастании роли информационного сектора экономики, о стремительном развитии сетей и средств информационных коммуникаций, а также о воздействии этих процессов на весь уклад жизни людей в новой информационной среде обитания.

Анализ показывает, что эти прогнозы вполне обоснованы. Мало того, реальное развитие событий, как правило, опережает наши ожидания, так как все новые и новые успехи в области фундаментальной науки незамедлительно сопровождаются очередными прорывами в области создания новых информационных средств и технологий. Судя по всему, прогресс в области развития информационной сферы весьма далек от насыщения и в ближайшие десятилетия будет продолжаться. По крайней мере, пока еще не видно каких-либо факторов, которые могли бы в будущем стать причинами его замедления или же приостановки.

Таким образом, даже у нас, современников и участников глобальной информационной революции, есть реальные шансы лично убедиться в ее радикальном воздействии на человеческое общество. Ведь уже сегодня мы начинаем все шире пользоваться плодами этого беспрецедентного в истории человечества периода научно-технических и социально-экономических преобразований. Сегодня уже нет никакого сомнения в том, что информационная революция окажет мощное воздействие и на традиционные национальные культуры мирового сообщества. К сожалению, это воздействие будет не во всем положительным. Ведь в информационном обществе появятся не только новые возможности, но и возникнут многие новые проблемы, а также, возможно, и новые ценности. Совершенно другим станет весь технологический уклад общественного производства, изменятся организация и содержание экономики, науки и образования.

Прогнозируемые изменения столь масштабны и значимы, что обществу необходимо к ним заблаговременно готовиться. Ведь они затрагивают практически все важнейшие сферы жизнеобеспечения общества, касаются каждого жителя нашей планеты. Именно поэтому сегодня представляется исключительно важным и актуальным пытаться представить себе, пусть в общих чертах, те принципиально новые условия жизни и деятельности людей в информационном обществе, определить его важнейшие особенности, которые и позволяют говорить о формировании *информационной цивилизации* [7].

Общество знаний и инновационная экономика. Одна из важнейших отличительных особенностей информационной цивилизации, вероятнее всего, будет заключаться в том, что это будет принципиально новое *общество, основанное на знаниях*. Информация и научные

знания всегда были важными факторами развития научно-технического и социально-технического прогресса. Но никогда ранее в истории развития цивилизации знания не были столь доминирующим факторами в развитии человечества, не играли в ней такой определяющей роли. Ведь только сейчас знания действительно становятся главной силой человека, отодвигая на второй план все его другие богатства и приобретения.

Почему это происходит? В чем заключаются главные причины столь радикального изменения приоритетов среди важнейших факторов развития цивилизации? Таких причин несколько. В первую очередь, это бурное *развитие новых технологий*, позволяющих получать существенную экономию природных ресурсов, энергии и социального времени в общественном производстве. В качестве конкретного примера здесь можно привести некоторые количественные оценки эффективности основных типов экономических моделей, которые являются наиболее характерными для стран в современном мире. Таких типов четыре:

1. *Инновационная экономика*, которая характеризуется тем, что страна самостоятельно продуцирует новые знания, создает на их основе новые высокоэффективные технологии и таким образом обеспечивает себя и другие страны высококачественной продукцией. Этот тип экономики мы наблюдаем сегодня в США и в ряде развитых стран Западной Европы (Германии, Франции, Великобритании). Характерен он был и для Советского Союза, в котором фундаментальная наука и образование многие годы были приоритетными направлениями государственной политики. Ведь именно это позволило нашей стране первой осуществить выход в космическое пространство, создать первоклассную авиационную технику, многие образцы которой, например, истребительная авиация, остаются непревзойденными до сих пор.

В одной из последних публикаций по проблемам развития оборонной техники приводится мнение специалистов в области вооружений о том, что сегодня только две страны в мире реально способны создать новый истребитель пятого поколения. Такими странами являются США и Россия. Этот факт свидетельствует о многом и, прежде всего, о том, какой высокий уровень развития научно-технического потенциала должна иметь страна для того, чтобы она оказалась способной к решению столь сложных и наукоемких технологических проблем.

2. Технологический тип развития экономики предполагает, что страна, в основном, импортирует передовые технологии из других стран с инновационной экономикой. На их основе организуется промышленный выпуск современной техники и товаров массового потребления, часть которых поставляется на внешний рынок. Этот тип экономики не требует такого высокого уровня развития науки и образования, как при инновационной экономике. Однако, он предполагает высокую культуру производства и наличие в стране достаточного количества квалифицированных технических специалистов. Такой тип экономики характерен сегодня для многих развитых азиатских стран: Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня. В последние годы политику перехода к технологическому типу экономики настойчиво реализуют правительства Китая и Индии.

Технологический тип развития экономики позволяет обеспечить достаточно высокий уровень жизни населения страны, однако он требует опережающего развития системы образования и, в первую очередь, подготовки инженерных кадров, современного уровня информатизации производства.

3. Сырьевая модель экономики характеризуется тем, что страна экспортирует свое природное сырье (газ, нефть, древесину, и т.п.) и на вырученные средства приобретает за рубежом необходимую ей продукцию промышленного производства и товары массового потребления. Пример экономики этого типа мы наблюдаем в последние 15 лет в России, а также в странах ближнего зарубежья, бывших ранее республиками СССР. Этот тип экономики не требует развития ни фундаментальной науки, ни образования, ни собственной промышленности, ни сельского хозяйства. Приоритет в экономике имеют здесь добывающие отрасли, а также сфера торговли и услуг.

Однако, эффективность сырьевой экономики является крайне низкой, Достаточно указать, что стоимость 1 кг. сырой нефти на мировом рынке сегодня оставляет в среднем 0,2 доллара США, а необработанной древесины - 0,1 доллара. Поэтому для того, чтобы приобрести за рубежом современную технику или продукты питания, страна должна постоянно экспортировать большие количества своего природного сырья.

Так, например, для того, чтобы приобрести в развитых странах один современный легковой автомобиль среднего класса (типа Фольксваген), сегодня необходимо продать 5 железнодорожных цистерн сырой нефти. Еще больше средств необходимо затратить на импорт современной микроэлектроники. В тоже время 1 кг. современной авиационной техники на мировом рынке стоит сегодня 10-15 тысяч долларов. Еще на десятичный порядок дороже стоят космическая техника, новые виды лекарств, искусственные химические вещества и материалы. Здесь стоимость 1 кг. продукции может измеряться уже сотнями тысяч долларов. Если сравнить все это с ценами на сырье, то можно легко убедиться, что различие в эффективности описанных выше моделей экономики, если ее оценивать по стоимости 1 кг. конечной продукции, достигает значений в несколько десятичных порядков. Так, например, технологическая модель экономики по эффективности выше сырьевой почти в тысячу раз, а инновационная экономика позволяет создавать наукоемкую продукцию, которая имеет стоимость еще на два-три порядка выше.

Вторая причина, по которой знания начинают приобретать все большую значимость в XXI-м веке, заключается в том, что сегодня наблюдается все более быстрое истощение природных ресурсов, обусловленное экстенсивным принципом развития современной цивилизации. Ряд прогнозов свидетельствует о том, что уже разведенные запасы нефти будут исчерпаны на нашей планете уже через 20-30 лет, а запасы газа - через 30-40 лет. Весьма плачевные перспективы ожидают человечество в XXI-м веке и по запасам питьевой воды. Тем более, что численность населения планеты уже превысила 6,8 млрд. человек, а к середине XXI-го века она, по имеющимся прогнозам, удвоится [14].

По некоторым оценкам, уже сегодня около одного миллиарда жителей нашей планеты испытывают проблемы с питьевой водой, а к 2020 году ожидается, что уже половина населения планеты будет испытывать недостаток качественной питьевой воды. В этих условиях ученые видят единственный выход - перейти на другие виды технологий общественного производства, которые позволят резко сократить потребление сырьевых и энергетических ресурсов, обеспечить сохранность минимально необходимых запасов естественных ресурсов биосферы. Сделать это можно только за счет повышения качества человеческих ресурсов, т.е. уровня знаний, образованности и нравственности людей.

Библиографический список

1. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.
2. Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. – М.: Луч, 1993. – 275 с.
3. Колин К.К. Информационные технологии – катализатор процесса развития современного общества. // Информационные технологии, № 0, 1995. - С. 2-8.
4. Колин К.К. Индустрия информационных технологий и проблемы информатизации российского образования. //Alma mater (Вестник высшей школы), № 4, 2005. С. 12–16.
5. Рейтинг готовности стран к «электронному развитию», опубликованный в 2010 г. исследовательской компанией The Economist Intelligence Unit.
6. Колин К.К. Информационная цивилизация, какой она будет? // Библиотековедение, № 5 , 2001. - С. 40–45.
7. Колин К.К. Информационная цивилизация. – М.: ИПИ РАН, 2002. – 112 с.
8. Колин К.К. Человек и будущее: динамический вызов. // Alma mater (Вестник высшей школы), № 10, 1999. - С. 3–10, 40.

9. Колин К.К. Информационное неравенство – новая проблема 21-го века. Сб. н. тр. Социологических чтений МГСУ «Социология. Социальность. Современность». Вып. 5. – М.: Союз, 1998. - С. 99–101.

10. Колин К.К. Глобальные проблемы информатизации: информационное неравенство. // Alma mater (Вестник высшей школы), № 6, 2000. - С. 27–30.

11. Фортов В. Е. Научные и образовательные аспекты информационного неравенства. «Alma mater» (Вестник высшей школы), № 1, 2001. - С. 3–6.

12. Колин К.К. Информационная глобализация общества и гуманитарная революция. Сб. н. тр. «Глобализация: синергетический подход». – М.: Изд-во РАГС, 2002. - С. 323–334.

13. Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). – М.: ИПИРАН, Мир, 2004. – 512 с.

14. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1977. – 285 с.

Перипетии марксизма в глобальных исследованиях

И.Ф. Кефели (г. С.-Петербург)

Распад биполярного мира, вызванный крушением реального социализма, обусловил политический кризис марксистского учения. Однако в качестве теории и идейной практики марксизм остается одним из заметных течений современного общества. На Западе ведущими марксистскими направлениями остаются Франкфуртская школа, альтюссерианство и аналитический марксизм. В 90-х гг. XX в. марксизм сместился на периферию общественной теории и идеологии, но его идеи и методология сохраняются в суждениях ряда отечественных идеологов либерализма, консерватизма, патриотизма, глобализма и др. Из всего спектра постсоветского марксизма выделяются, как справедливо полагает Л.В. Сморгунов, критический марксизм (неомарксизм) и эклектический марксизм. Критический марксизм в современной России является маргинальным течением, не оказывающим серьезного влияния ни на политический дискурс и социальную практику, ни на обществоведческие научные направления. С другой стороны, ряд авторов в современной России эклектический марксизм пытаются применить марксистские идеи к объяснению процессов и явлений глобализации, а также к особенностям развития России в посткоммунистическое время. Причем общим для критического и эклектического марксизма остается стремление опереться на идею творческого труда, характеризующую реальное обобществление как условие всестороннего и гармонического развития человека в коммунистическом обществе. Марксизм, как справедливо отмечает Сморгунов, остается философией и идеологией эксплуатируемого капиталом труда; при этом критический марксизм более склонен использовать философско-экономическую, а эклектический марксизм - политико-экономическую терминологию. Однако эклектический марксизм пытается расширить сферу исследований, включив в нее идеи глобалистики и геополитики, цивилизационного подхода и концепцию устойчивого развития, «русскую идею»; в конечном итоге, в «эклектическом марксизме» марксизм оказался полностью вытесненным геополитикой и теорией цивилизации. Попытка «развить» марксистское учение добавлением к классовым противоречиям межцивилизационных противоречий привела к тому, что, как и в истории российского марксизма на рубеже ХГХ-ХХвв., вопрос «о капитализме в России» стал центральным. Принципиальная несовместимость западной культуры и цивилизации с ее рационализмом и приоритетностью нндивидуального начала, ярко представленными в либеральной идеологии и философии, с русской цивилизацией с ее культом соборности и державности, как считается в эклектическом марксизме, является основным выводом, проистекающим из использования геополитического и цивилизационного подходов к анализу современности. Однако, как полагает Сморгунов, утверждение о «сущностной несовместимости западной буржуазной циви-

лизации и цивилизации российской» ставит под вопрос правомерность марксизма как универсальной историософской теории, способной к развитию.

Остановимся подробнее на тех направлениях марксизма, которые, наряду с эклектическим марксизмом, обращается к осмыслению глобальных процессов. В современном марксизме насчитывается множество направлений — от австромарксизма до неомарксизма и постмарксизма. Глобальные исследования осуществляются, главным образом, в русле таких направлений как мир-системный подход (немецкий экономист и социолог Андре Гундер Франк, американский социолог Иммануил Валлерстайн), радикальная география (англо-американский географ Дэвид Харви), операизм (итальянский политический деятель Антонио Негри, американский профессор Майкл Хардт), альтерглобализм (филлипинский политолог Уолден Белло, американский философ Мюррей Букчин, канадская писательница и социолог Наомж Кдяйн). Рассмотрим эти направления подробнее.

1. Мир-системный подход

Мир-системный подход достаточно хорошо представлен в философской и социологической литературе благодаря работам И. Валлерстайна, справедливости ради следует отметить, что Франк, менее известный отечественным читателям, предложил иной вариант этого подхода - ориенталистский. Он рассматривает лишь одну Мир-Систему, которая возникла не менее 5000 лет тому назад, а затем через многочисленные циклы экспансии и консолидации охватила собой весь мир. Поэтому Франк предпочитает говорить о «Мир-Системе», а не о «мир-системах». Ученый предложил китаецентричную теорию мирового развития, согласно которой, центр цивилизации, возникнув в Китае, далее перемещался в Индию, Переднюю Азию, Средиземноморье, Западную Европу, Северную Америку. Франк критиковал либеральные экономические теории, которые, по его мнению, опираются на нерепрезентативный по масштабу исторический опыт. Еще в 1966 г. в статье «Развитие неразвитости» он первым предложил марксистскую интерпретацию теории зависимости. Франк, проработав несколько лет в Латинской Америке, пришел к выводу, что реальность неразвитых стран глубоко противоречит как либеральным, так и марксистским евроцентристским схемам линейного развития, утверждавшим, что эти страны неизбежно пройдут по уже проторенной дороге исторического прогресса. А потому капитализм можно понять только как мировую систему, экономическое развитие в одних частях которой оборачивается неразвитостью в других. Вследствие этого страны капиталистической периферии вовлекаются в процесс «развития неразвитости», когда участие страны в системе мирового капитализма приводит к усугублению ее бедственного положения. Опубликованная им позже книга «Капитализм и неразвитость в Латинской Америке» предопределила возникновение направления марксистской мысли, сосредоточившегося на проблемах неразвитости и зависимости стран Третьего мира и поиске путей его независимого развития. Кстати, эти идеи Франка обретают актуальность в связи с планами создания Евразийского союза на постсоветском пространстве. Логика рассуждений Франка проста и убедительна: «Современная неразвитость - это, в значительной мере, результат проплюй истории и продолжающихся экономических и иных отношений между неразвитыми странами-сателлитами и ныне развитыми странами метрополии. Более того, эти отношения - важная часть структуры и развития капиталистической системы в мировом масштабе как единого целого. Родственная и также ошибочная точка зрения состоит в том, что развитие этих неразвитых стран и наиболее неразвитых территорий внутри них должно быть и будет осуществлено благодаря диффузии капитала, институтов, ценностей м т.д. из международных и национальных капиталистических метрополий. Историческая перспектива, основывающаяся на опыте неразвитых стран, показывает, что, напротив, в неразвитых странах развитие может осуществляться только в условиях независимости от этих отношений диффузии... Отношения между развитием и неразвитостью на международной арене так называемых отсталых или феодальных территорий - это такой же точно продукт единого исторического процесса капиталистического развития, как и так называемые капиталистические институты предположительно более прогрессивных территорий». Франк подтверждает действие открытого К Марксом закона прибавочной стоимости в отношениях между метропо-

лией и ее сателлитами, которые привели, начиная с XVI в., к образованию монополистической структуры «метрополия-сателлит» на примере Чили и Бразилии. В череде экономических эпох капитализма (колониализм, свободная торговля, империализм, нынешний этап) ученый еще не называет глобализацией последнюю из перечисленных эпох, но суть от этого не меняется. Принципиально важно то, что Франк осуществил детальный анализ становления «сателлитной части» глобальной экономики ж завершил этот анализ признанием того, что он «настаивает на глобальной экспансии и единстве капиталистической системы, ее монополистической структуре и неравномерном развитии, которым отмечена вся ее история» [1]. Следует иметь в виду, что теорию зависимости представляет собой социальную теорию, в соответствии с которой ресурсы утекают из «периферии» в «ядро». Это центральное положение теории зависимости: неразвитые страны беднеют, а развитые богатеют в результате того, что интегрированы в мировую экономическую систему. Теория зависимости возникла в 1950-х гг. как реакция на ранние варианты теории модернизации, согласно которым все общества проходят через одни и те же стадии, поэтому неразвитые страны находятся в том же положении, в каком развитые страны находились в прошлом. Согласно теории модернизации, необходимо «помочь» неразвитым обществам путем интеграции их в мировой рынок. Теория зависимости отвергает это положение и утверждает, что современные неразвитые страны не являются просто «ранними версиями» современных общее». Ключевыми положениями этой теории являются следующие:

Неразвитые страны обеспечивают природными ресурсами, дешёвой рабочей силой и рынками сбыта страны развитые, без чего последние не могли бы поддерживать столь высокий уровень жизни своих жителей.

Развитые страны воспроизводят структуры зависимости в остальном мире такими способами как экономическое воздействие, контроль СМИ, прямое политическое вмешательство, образование, культуру, спорт и т.п.

Развитые страны при помощи экономических санкций, политического влияния и военной силы активно противостоят попыткам неразвитых освободиться от зависимости.

Эта теория впервые была заявлена в опубликованной в 1957 г. работе Пола Барана «Политэкономия роста» и по многим пунктам воспроизводит марксистскую теорию империализма. Выделяют два направления в теории зависимости: 1) латиноамериканское, цредставленное работами Р. Пребиша, С. Фуртадо, Ф. Кардозо; 2) школа американского марксизма, представленная П. Бараном, П. Сути и АХ. Франком. Здесь я не буду рассматривать «мир-системную» концепцию И. Валлерстайна, а обращу Ваше внимание на его понимание марксова наследия и включение его в конструкцию данной концепции. В работе «Маркс и история: плодотворное и неплодотворное прочтение» Валлерстайн писал: «Мои два Маркса не находятся в хронологической последовательности: разница между ними коренится в фундаментальном внутреннем противоречии внутри самой марксовской эпистемологии, откуда ж возникают две различные историографии. Так, с одной стороны. Маркс – это беззаветный борец против буржуазной либеральной мысли с ее антропологией, центрированной на понятии человеческой природы, с ее кантовскими категорическими императивами, с ее верованиями в медленное, но неизбежное улучшение человеческого естества, с ее озабоченностью индивидуальными поисками свободы. В противоположность этому понятийному набору, Маркс утверждал существование множественных социальных реальностей, каждая из которых обладает особой структурой и расположена в отдельном мире, определенном своим способом производства. Задачей для него было раскрыть то, как именно эти способы производства функционируют за их идеологическими покровами. Откуда следовало то, что именно верование в существование «всеобщих законов» как раз и препятствует постижению конкретных характеристик отдельных способов производства, обнаружению скрытых механизмов их функционирования и в конечном итоге ясному осознанию их исторической перспективы. С другой стороны, Маркс принимал универсализм, поскольку придерживался идеи неумолимости исторического прогресса с ее линеарной антропологией. В этой интерпретации способы производства как бы выстраивались в ряд – подобно построению школьников по росту, – а именно в соот-

ветствии со степенью развития производительных сил... Этот второй Маркс, очевидно, гораздо более приемлем для либералов, и с ним они всегда были готовы договориться – как интеллектуально, так и политически. Первый же Маркс много более неудобен. Его либералы боятся и отвергают, отказывая его построениям в интеллектуальной правомерности. Искуситель или спаситель, но единственно этот первый Маркс представляется мне интересным и до сих пор актуальным» [2].

2. Радикальная география

Радикальная география объединяет исследования, связанные с учетом географических факторов при формировании государственной и межгосударственной политики в отношении регионов с целью обеспечения социальной справедливости в государстве или мире. Основателем и наиболее ярким представителем радикальной географии является англо–американский географ Дэвид Харви (David Harvey) – представитель школы пространственного анализа, автор одной из наиболее известных книг школы пространственного анализа «Объяснение в географии» (Explanation in Geography, 1969), в которой изложены методологические и философские положения англо-американской школы пространственного анализа. В начале 1990-х гг. он был самым цитируемым географом в мире. В числе его работ следует упомянуть те, которые определяют его принадлежность к марксизму: Ограничители капитала («Limits to Capital», 1982 - географический анализ капитализма с марксистских позиций); Условия постмодернизма («The Condition of Postmodemity», 1989 - критика идей постмодернизма); Справедливость, природа и география различий («Justice, Nature and the Geography of Difference», 1996 – о социальной и экологической справедливости); Пространства надежды («Spaces of Hope», 2000 – социалистическая утопия); Краткая история неолиберализма («A Brief History of Neoliberalism», 2005 - критический анализ развития неолиберальных идей); Пространства глобального капитализма: на пути к теории неравномерного географического развития («Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development», 2006). Статью Крах мировой капиталистической системы неизбежен» Д. Харви намеренно начинает со слов: «Современный экономический кризис можно сравнить с извержением вулкана, вызванным сдвигом тектонических плит в пространственно-временной модели капиталистического развития. Сейчас плиты ускоряют свое движение, тем самым, увеличивая вероятность того, что этот кризис окажется куда более жестким и продолжительным, чем предшествующий ему банковский кризис, разразившийся в конце 1980-х гг. Природу и время новых потрясений сложно предсказать, но можно с уверенностью утверждать, что их сила и частота будет только возрастать. Потрясения эти вызваны, прежде всего, внутренними факторами,, что заставляет вспомнить фразу Маркса о неизбежном крахе капитализма и его смене на аальтернативный и более рациональный способ производства. Я начал статью с этого умозаключения, потому что хотел бы еще раз подчеркнуть важность рассмотрения капиталистического развития с точки зрения его географическое динамики». Далее в своих рассуждениях Д, Харви опирается на опубликованный в ноябре 2008 г. Национальным разведывательным советом (National Intelligence Council) США прогноз на мировое развитие до 2025 г., в котором впервые в истории эта организация признала тот факт, что гегемония Соединенных Штатов в мировой политике и экономике может прерваться. Мир станет многополярным и менее централизованным, а сила других игроков на мировой арене увеличится. Завершает Харви свою работу призывом отказа от неолиберальной идеологии и ее давления на экономику: «неравномерность развития в купе с ослабевающей американской гегемонией может привести к разделению мировой экономики на две доминирующие структуры, которые будут конкурировать друг с другом. Эта не ободряющая перспектива могла бы побудить политических лидеров Запада к созданию четкого плана действий по спасению капитализма от капиталистов и их ложной неолиберальной идеологии. И если это будет означать социализм, национализацию, сильное государственное руководство, связывание международного сотрудничества и создание новой международной финансовой архитектуры, пусть будет так». Так радикальная география предлагает свой вариант современного марксизма.

В. Бунге (William Wheeler Bunge) был одним из первых представителей «радикальной географии», однако, в отличие, например, от Д. Харви, уделял большее внимание не экономической, а социальной и экологической проблематике, работая в рамках антропогеографии, ноосферного подхода или экологии человека (как биологического и социального существа). Подобно другим представителям «радикальной географии», Бунге уделял колоссальное внимание изучению «реального мира», сбору первичного материала, исследованиям жизни людей в городской среде. Основополагающую роль в работах В. Бунге играет идея геобиологической революции, впервые четко озвученная в монографии «Фитцжеральд: география революции». С геобиологической революцией он связывает программу борьбы за выживание человечества, а географическая наука будущего должна активно помогать создавать человечество, которое изменит свое отношение к машинам. Она должна помогать в создании регионов, где будут защищены дети, молодежь вида и вид в целом. Большое значение имеют конкретные географические исследования В. Бунге по проблеме войны и мира, например, «Атлас ядерной войны», опубликованный в 1982 г. Целью географической науки, признает ученый, должно стать изучение реальной жизни районов и людей, проживающих в них. Критерием выбора проблематики для географического исследования должны быть их социальная острота и обыденность, значимость для простых людей.

В. Бунге призывает географов обличать империализм, показывать порочность американского образа жизни. Свою позицию он выражает так – «Я крайний антикапиталист».

3. Операизм

Операизм представляет собой разновидность интернационально распространенного автономистского марксизма, изначально получившего теоретическое оформление в Италии в 1960-х гг. Позже постмарксистские и анархистские тенденции стали сильнее после роста влияния ситуационизма, ухода со сцены ультралевых итальянских движений в 1970-х и появления многих важных теоретиков включая Антонио Негри, который в 1969 году способствовал основанию марксистской группы Рабочая власть (итал. Potere Operaio), а также Марио Тронти, Паоло Вирно и других. Автономы поддерживали тактику прямого действия и опирались на студенческое движение, получившее особый размах после убийства в 1966 году неофашистами студента Римского Университета Паоло Росси. Во Франции многочисленные автономные организации участвовали в многочисленных антиядерных демонстрациях, маршах безработных, выступали в поддержку RAF, из их числа вышла группа «прямое действие», просуществовавшая до 1987 года, в 90-е годы к традиционной сфере деятельности прибавилось участие в альтерглобалистских мероприятиях и солидарность с нелегалами. В Германии движение автономов было особо воинственным и включало в себя не только демонстрации, саботаж и забастовки, но и сооружение баррикад и закидывание полиции камнями и коктейлями Молотова. Оспаривая традиционную марксистскую ценность «освобожденного труда», операисты считали, что общество неотчужденного, свободного труда невозможно в рамках индустриального конвейера (фордизма). Фордизм должен уступить место обществу, основанному на приоритете информационных технологий. Для того чтобы вынудить капитал развить новые технологии, необходимо отказываться от работы в рамках фордизма. Лозунгом того времени стало: «Меньше работы, больше оплаты!». Это и была теория автономной борьбы, зародившаяся на больших северных фабриках в форме забастовок, саботажа и замедления работы, а также повседневной борьбы против превращения жизни в работу. Вскоре к старым методам добавились новые: захват пустующих домов сквоттерами и обобщение тактики самовольного снижения цен, иногда даже «пролетарский шоппинг» в виде массового грабежа. Итальянский политический деятель Антонио Негри и американский профессор Майкл Хардт в книге «Империя. Порождение и разложение» (M. Hardt, A. Negri, Empire. Cambridge, Massachusetts/London, England: Harvard University Press, 2002) вышли за пределы данного направления марксизма и дали свое представления об эволюции глобального управления. Ниже приводится отрывок из этого произведения.

«Становление постсовременностн и переход к Империи связаны с процессом реальной конвергенции сфер, которые обычно называют базисом и надстройкой. Империя оформляет-

ся, когда язык и коммуникация или вообще интеллектуальный труд и взаимодействие становятся ведущей производительной силой (см. Раздел 3.4). Начинает работать надстройка, а вселенная, в которой мы живем, становится вселенной производственных языковых сетей. Линии производства и репрезентации пересекаются и переплетаются в одной и той же языковой и производственной области. В этом контексте различия, которые определяют основные категории политической экономии, начинают стираться. Производство становится неотличимым от воспроизводства; производительные силы сливаются с производственными отношениями; постоянный капитал все чаще образуется и олицетворяется переменным капиталом – умами, телами и взаимодействием производящих субъектов. Социальные субъекты – это одновременно производители и продукты этой единой машины. Таким образом, в этой новой исторической формации невозможно больше выделить знак, субъекта, стоимость или практику, которые были бы «внешними» по отношению к ней. Однако образование этой тотальности не отменяет эксплуатацию. Скорее, оно дает ей новое определение, прежде всего по отношению к коммуникации и взаимодействию. Эксплуатация – это экспроприация взаимодействия и уничтожение значений лингвистического производства. Следовательно, в самой Империи постепенно возникает сопротивление принуждению. Сопротивление эксплуатации проявляется во всех глобальных сетях производства и обусловливает кризисы всех их узловых центров. Кризис разворачиваете» одновременно с постсовременной тотальностью капиталистического производства; он свойствен имперскому контролю. В этом отношении закат и падение Империи определяются не как диахроническое развитие; смена одного состояния другим, а как синхроническая реальность. Кризис пронизывает каждый момент развития и перестройки этой тотальности, С реальным подчинением общества капиталу социальные антагонизмы могут проявить себя посредством конфликта в любую минуту и на каждом этапе коммуникативного производства и обмена. Капитал поистине стал всем миром. Потребительская стоимость и все остальные отсылки к стоимости и процессам ее возрастания, казавшиеся внешними по отношению к капиталистическому способу производства, постепенно исчезли. Субъективность полностью слилась с обменом и языком, но это вовсе не означает, что теперь она лишена конфликтного потенциала. Технологическое развитие, основанное на генерализации коммуникативных производственных отношений, является движущей силой кризиса, а производительный совокупный интеллект – пристанищем антагонизмов. Кризис и упадок связаны не с чем-то внешним по отношению к Империи, но с самой ее сутью. Они относятся к самому производству субъективности, и таким образом они одновременно свойственны процессам воспроизводства Империи и им же противостоят. Кризис и упадок - это не скрытая от глаз основа Империи, не грозное будущее, но ясная и очевидная реальность, всегда ожидаемое событие, постоянно присутствующая латентность. Это полночь в ночи призраков. И вновь воцарившаяся Империя, и массы, обладающие новыми созидательными способностями, основанными на интеллекте и взаимодействии, движутся в потемках, и шито не может осветить нашу дальнейшую судьбу. Тем не менее, у нас появился новый ориентир (а завтра, возможно, появится и новое самосознание), который заключается в том, что Империя определяется кризисом, что ее упадок уже идет, и он идет постоянно, и что, следовательно, потенциал конфликта реализуется в определенном событии и сингулярности. Что означает на практике то обстоятельство, что кризис имманентен Империи и неотличим от нее? Можно ли в этой ночной тьме строить содержательные теории, обладающие прогностической силой, и применять к текущим событиям какие-либо определения?»

Библиографический список

1.Франк АХ. Развитие неразвитости httpy/wwwJefLru/2005/9/irankl26.phtml

2.Валлерстайн И. Маркс и история: плодотворное и неплодотворное прочтение (bttp*y/avtonom.org/olb71ib/&^

Информатико-кибернетическое моделирование как аппарат теоретической глобалистики

С.Н. Гринченко (г. Москва)

Глобалистику обычно определяют как совокупность научных исследований, направленных на выявление сущности проблем, характерных для Человечества как целого. А поскольку латинское *globus* переводится как *шар*, понятно, что глобалистика изучает целостное Человечество, расселившееся по всему земному шару.

Изучение столь огромного и столь сложного объекта методологически столь же сложно. И, прежде всего, ввиду неясности, какой язык описания общечеловеческих процессов и явлений следует использовать для этого. Языки конкретных наук слишком «дробны» и «узки» для того, чтобы охватить всё многообразные стороны проблематики глобалистики, а редуцирование до отдельных аспектов-сторон противоречит самому её определению. Язык философии, – наиболее часто употребляемый для этого сегодня – слишком абстрактен и неконкретен, чтобы давать недвусмысленные рекомендации для их реализации в практической деятельности человека. Очевидно, нужен некий «промежуточный» язык, возможности которого должны охватывать всю проблематику глобалистики (т.е. по общности и степени абстрактности быть сравнимым с языком философии), и который одновременно должен обладать потенциалом генерировать не только качественные, но и количественные рекомендации для практиков (сближаясь в этом смысле с конкретно-научными языками).

Как мы видим, требования весьма высоки, и удовлетворить им сложно. Но возможно! В качестве указанного языка описания Человечества как целого – т.е. теоретической его модели – можно рекомендовать использовать *язык кибернетики и информатики*.Аргументы в пользу адекватности кибернетического описания различных аспектов системы природы как целого высказывали ранее А.А.Ляпунов [1], Н.Н.Моисеев [2], Л.А.Растригин [3-4], В.Ф.Турчин [5], F.Heylighen [6] и др. Конкретизировать эти общие подходы удаётся на базе интерпретации структуры и приспособительного поведения развивающейся и усложняющейся системы Человечества в модельных терминах структуры и развития **информатико-кибернетического иерархического механизма** [7-8]. На рис. 1-4 приведены схемы нескольких усложняющихся вариантов такой модели, а также оценки, с точностью до порядка, типичных линейных размеров ярусов в иерархии; здесь использованы следующие обозначения: восходящие стрелки (имеющие структуру «многие – к одному») отражают первую из пяти основных составляющих контура поисковой оптимизации – активность представителей соответствующих ярусов в иерархии, нисходящие сплошные (имеющие структуру «один – ко многим») отражают вторую составляющую – целевые критерии поисковой оптимизации энергетики системы Человечества (типов экстремального, равенств и неравенств), нисходящие пунктирные («один – ко многим») отражают третью составляющую – системную память социально-технологического (результат адаптивных влияний представителей вышележащих иерархических ярусов на структуру вложенных в них нижележащих); полужирными стрелками в левой части схем показана четвёртая составляющая – антропогенная активность индивидов и их групп, которую целесообразно трактовать как «трудовую деятельность по созданию соответствующего инструментария»; пунктирными полужирными стрелками в правой части схем обозначена пятая составляющая – процессы применения этого инструментария и вовлечения их результатов в «тело» соответствующей иерархической подсистемы Человечества.

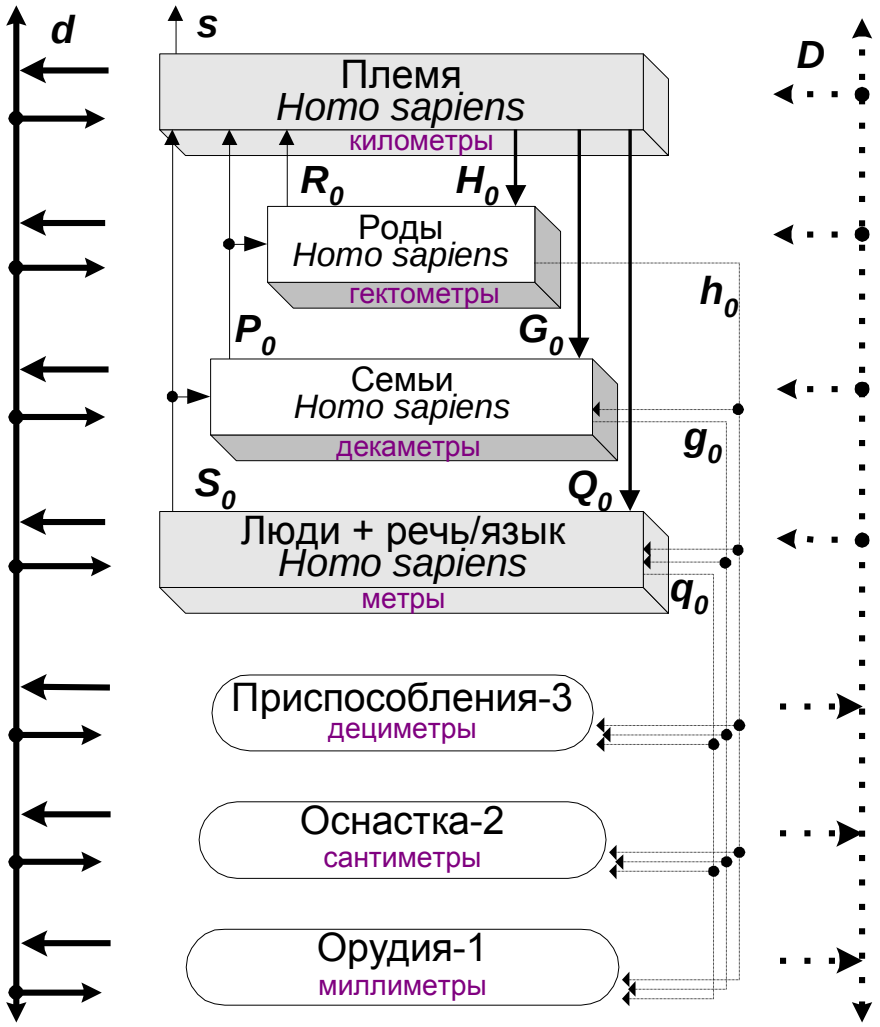


Рис. 1. Кибернетическая схема системы Человечества в период ~123 – ~8,1 тыс. лет назад.

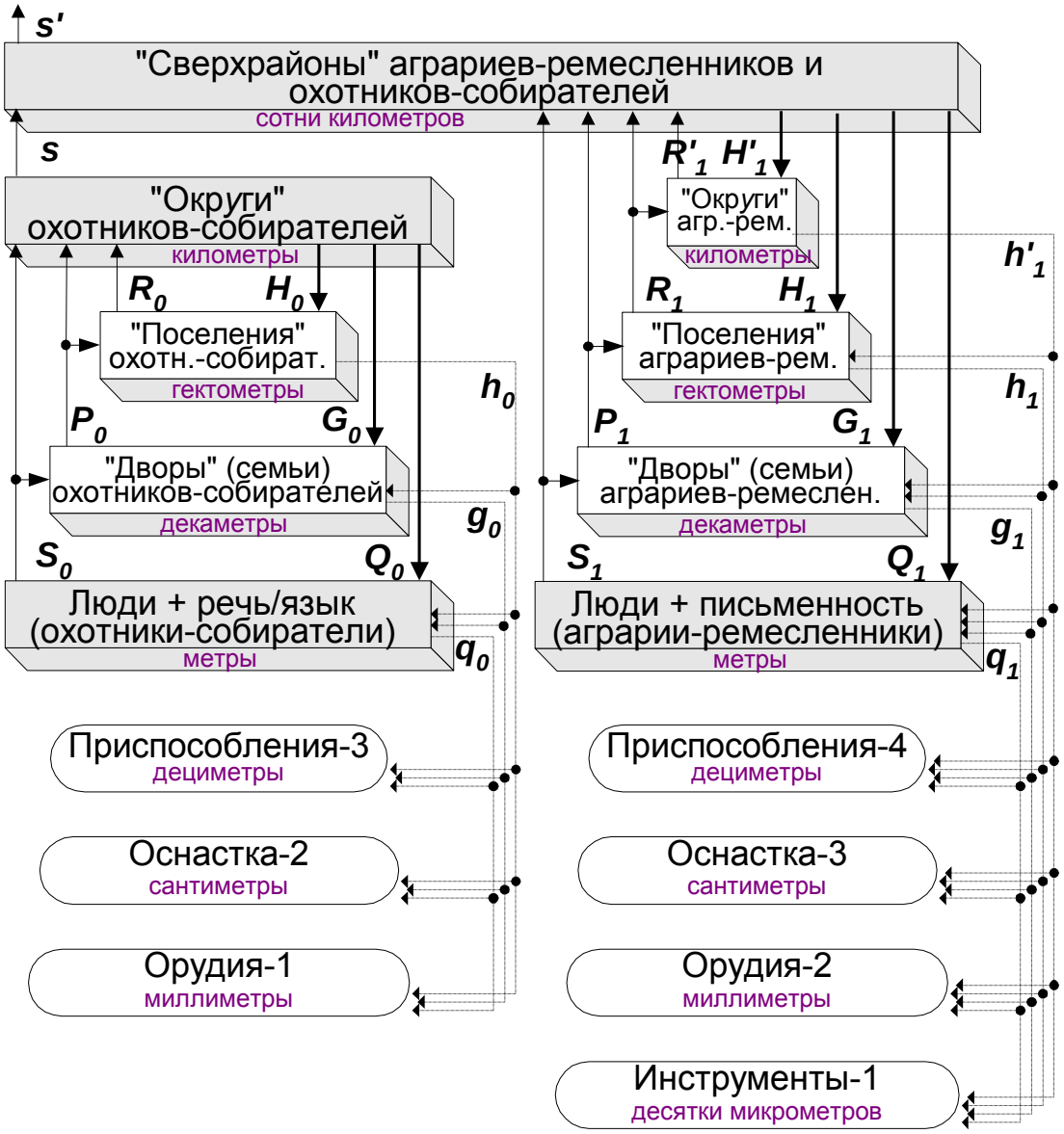


Рис. 2. Кибернетическая схема системы Человечества в период ~8,1 тыс. лет назад – ~1446 г. н.э.

С позиций предлагаемой модели система Человечества состоит из нескольких, последовательно возникающих в его историческом развитии, подсистем различной иерархической «высоты». Среди них:

1) 7-ми ярусная подсистема, начавшая формироваться примерно 123 тыс. лет назад (здесь и ниже расчётные оценки пространственно-временны*х* характеристик системы Человечества были получены с использованием числового ряда со знаменателем $e^e = 15{,}15426\ldots$, предложенного А.В.Жирмунским и В.И.Кузьминым [9] для моделирования критических уровней в процессах развития биологических систем); основной её ярус – это люди/личности, овладевающие *информационной технологией* общения в форме речи и языка; три вышележащих в её иерархии яруса – типичные социумы: семья, род и племя – имеют характерные расчётные размеры ареалов своего существования (радиусы кругов соответствующей площади) ~64 м, ~1 км и ~15 км, а три нижележащих представляют собой типичные точности антропогенного инструментария и изделий, получаемых людьми с его помощью, характеризующиеся линейными (расчётными) размерами ~28 см, ~1,8 см и ~1,2 мм;

2) 9-ти ярусная подсистема, начавшая формироваться примерно 8,1 тыс. лет назад – не отменяя дальнейшего развития предыдущей, а параллельно с нею; основной её ярус – лю-

ди/личности, овладевающие информационной технологией общения в форме письменности; к трём ранее вышележащим в иерархии предыдущей подсистемы ярусам в рассматриваемой подсистеме сверху добавляется четвёртый – ареал существования «сверхрайонов» (в истории – племенных союзов) с характерным размером ~222 км, а к трём ранее нижележащим ярусам – снизу добавляется четвёртый, с характерным размером ~80 мкм;

3) 11-ти ярусная подсистема, начавшая формироваться около 1446 года н.э., параллельно с предыдущими; основной её ярус – люди/личности, овладевающие информационной технологией тиражирования текстов (книгопечатания); дополнительный верхний пятый ярус – ареал существования «сверхстран» (держав, империй, союзов государств и т.п.) с характерным размером ~3,37 тыс. км, дополнительный нижний пятый ярус имеет характерный размер~5 мкм;

4) 13-ти ярусная подсистема, начавшая формироваться около 1946 года н.э., параллельно с предыдущими; основной её ярус – люди/личности, овладевающие информационной компьютерной технологией; дополнительный верхний шестой ярус – ареал формирования перспективной *общепланетарной* (*глобальной*) структуры Человечества с характерным размером ~51 тыс. км, дополнительный нижний шестой ярус имеет характерный размер ~350 нм;

5) 15-ти ярусная подсистема, начавшая формироваться около 1979 года, параллельно с предыдущими; основной её ярус – люди/личности, овладевающие информационной сетевой технологией; дополнительный верхний седьмой ярус – ареал формирования перспективной структуры Человечества в пространстве Околоземного Космоса с характерным размером ~773 тыс. км, дополнительный нижний седьмой ярус имеет характерный размер ~23 нм;

6) 17-ти ярусная подсистема, начавшая формироваться около 1981 года, параллельно с предыдущими; основной её ярус – люди/личности, начавшие формировать и овладевать перспективной информационной нано-технологией. дополнительный верхний восьмой ярус – ареал формирования перспективной структуры Человечества в пространстве Промежуточного Космоса [1] с характерным размером ~11,7 млн. км, дополнительный нижний восьмой ярус имеет характерный размер ~1,5 нм. И так далее.

[1] Под ним понимается прилегающая к Земле область космического пространства – шар радиусом около 11,7 млн. км с центром в Земле, из которого надо исключить его центральную часть – шар радиусом около 773 тыс. км тоже с центром в Земле. Таким образом, нижняя условная граница этого пространства вдвое превышает расстояние до Луны, а верхняя – примерно вчетверо меньше минимального расстояния от Земли до ближайшей к ней планеты (Венеры). Отсюда и название: Промежуточный Космос.

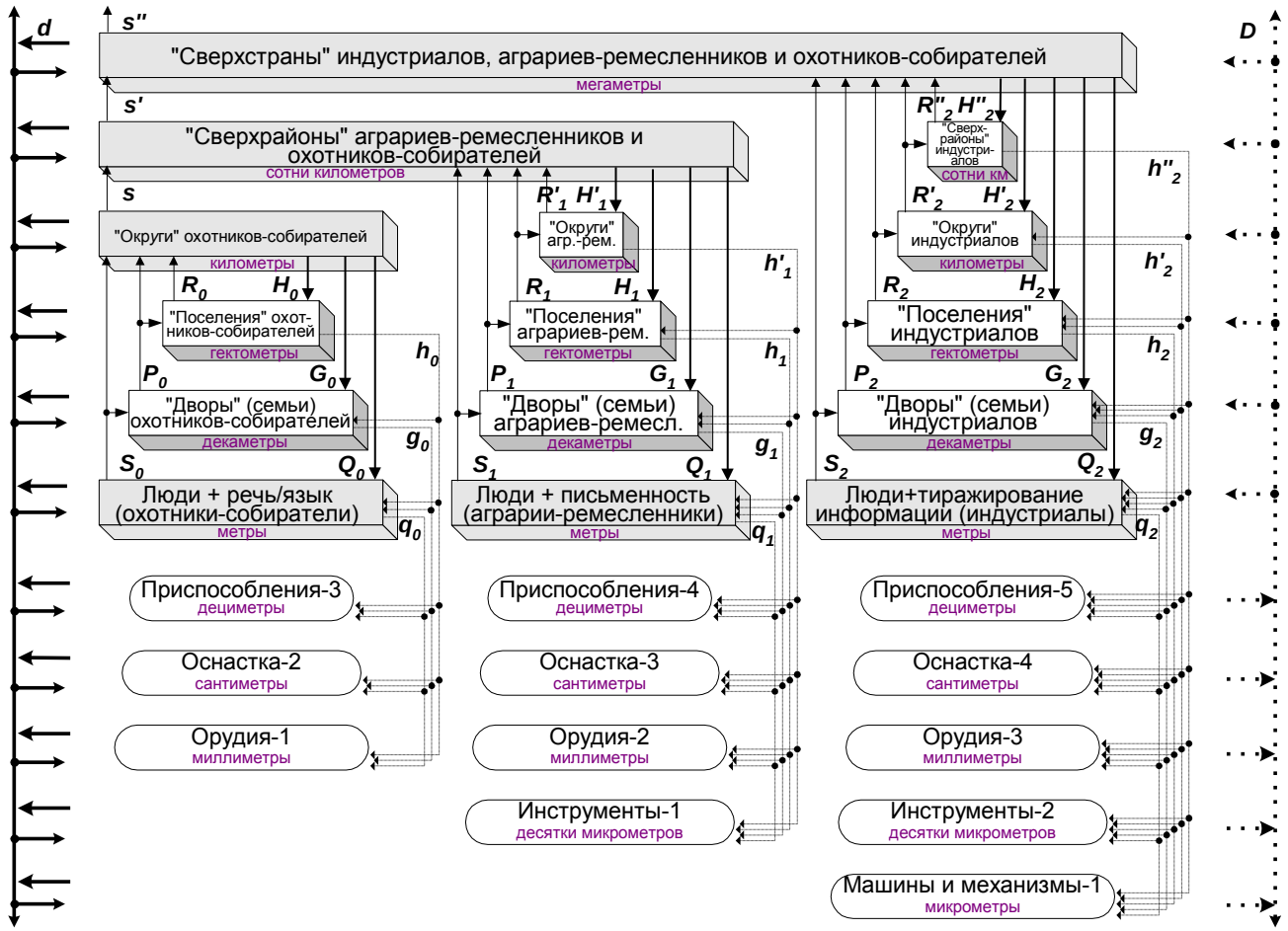


Рис. 3. Кибернетическая схема системы Человечества в период ~1446 г. – ~1946 г.

Как видно из вышеприведённого описания основных качественных и количественных характеристик иерархических подсистем, составляющих систему «Человечество в целом», на разных этапах своего развития последнее представляло собой структуры, сильно различающиеся между собой, прежде всего, по степени *связности* и *самоуправляемости*.

На первом этапе «Человечество в целом» (занимающее – в потенции – всю поверхность Земли, и *только в этом смысле глобальное*) являлось практически несвязной совокупностью нескольких относительно автономных представителей 7-ти ярусной подсистемы (можно сказать, «кучей» отдельных слабовзаимодействующих между собой племён), в территориальных границах каждого из которых, т.е. в ареале размера ~15 км, внутриплеменные связность и самоуправляемость как раз были достаточно высоки.

На втором этапе оно также являлось весьма малосвязной совокупностью нескольких относительно автономных представителей 9-ти ярусной подсистемы (типа племенных союзов), в рамках каждого из которых, т.е. в ареале размера ~222 км, «внутриплемсоюзные» связность и самоуправляемость были достаточно высоки (а во входящих в них представителях ярусов с ареалами ~15 км – по-видимому, ещё выше).

На третьем этапе своего развития оно было всё ещё недостаточно связной совокупностью нескольких относительно автономных представителей 11-ти ярусной подсистемы («сверхстран»), в рамках каждого из которых, т.е. в ареале размера ~3,37 тыс. км, связность и самоуправляемость были высоки (а во входящих в них представителях ярусов с ареалами ~222 км и, соответственно, ~15 км – ещё выше).

И только на четвёртом этапе своей метаэволюции (процедуры наращивания числа уровней/ярусов в иерархической системе в ходе её формирования как таковой, т.е. совокупности ряда «метасистемных переходов» по В.Ф.Турчину [5]) «Человечество в целом», формируя свою 13-ти ярусную подсистему с ареалом размера ~51 тыс. км, впервые расширило

свойства своей связности и самоуправляемости на всю свою «колыбель» – планету Земля – т.е. объект изучения ***планетаристики***, или собственно **глобалистики**! Хотя в наши дни степень проявления им этих свойств пока ещё невелика и далека от таковых у входящих в него представителей ярусов с ареалами ~3,37 тыс. км, ~222 км и ~15 км соответственно.

Далее, на пятом этапе своей метаэволюции «Человечество в целом», формируя свою 15-ти ярусную подсистему с ареалом размера ~773 тыс. км, впервые начинает расширять свойства своей связности и самоуправляемости на прилегающий к Земле Космос. Хотя присутствие самих людей там пока минимально, в этом Околоземном Космосе уже размещены критически важные для земной Цивилизации технические средства спутниковой связи, обнаружения из Космоса тех или иных объектов на земле и под землёй, военного применения и т.д. и т.п. И это лишь начало.

Дальнейшая экспансия земной Цивилизации в Космос продолжается. На шестом этапе своей метаэволюции «Человечество в целом», формируя свою 17-ти ярусную подсистему с ареалом размера ~11,7 млн. км, впервые начинает расширять свойства своей связности и самоуправляемости на Промежуточный Космос.

И так далее.

Все эти модельные соображения достаточно хорошо коррелируют с современными теоретическими представлениями о предмете глобалистики. Так, И.В.Ильин и А.Д.Урсул пишут: «То направление глобалистики, предметом исследования которого окажутся прошлые, в основном природные и социоприродные глобальные процессы, можно именовать палеоглобалистикой. Глобальные процессы в современной исторической эпохе уже изучаются междисциплинарной сферой научного поиска, которая пока по традиции может именоваться просто глобалистикой (современной глобалистикой). И, наконец, область глобального знания, основной предмет которого – осознание и прогнозирование будущего глобальных процессов и систем, можно назвать футуроглобалистикой. Эволюционная глобалистика увязывает эти три темпоральных раздела глобалистики в единое целое, но при этом ещё и ориентирует на исследование глобальных процессов и систем в едином эволюционном ракурсе» [10, С. 160].

Но именно предлагаемые модельные соображения объясняют, почему проблематика глобалистики как таковой начала выдвигаться на первый план начиная именно с 1946 года: как в плане научного осознания её актуальности, так и в плане практической политико-финансово-экономико-производственно-культурной деятельности Человечества. Напрашивающийся следующий шаг в этом направлении: осознание роли и места её в формировании Цивилизации на Земле – в рамках теоретической глобалистики – даёт возможность повысить адекватность, качество и оперативность решений, принимаемых Человечеством при этом.

Таким образом, следуя рассмотрению Человечества в каждый момент времени как совокупности всех составляющих его людей (независимо от степени взаимосвязи между ними), необходимо понимать, что внутренняя структуризация этой сущности коренным образом зависит от текущего этапа его метаэволюционного развития. Более того, можно указать переломный момент этого развития, приблизительно 1981 год, к которому приводит дальнейшее прослеживание модельных моментов формирования всё новых подсистем Человечества, периоды между которыми укорачиваются в $e^e = 15{,}15426...$ раз. Наличие подобной критической точки в истории следует интерпретировать как факт завершения Человечеством начальных фаз своего развития («младенчества–детства–отрочества–юности») и перехода его в фазу «зрелости» (кардинально превосходящую предыдущие по сложности организации и поведения) [11-12].

Предлагаемая интерпретация ряда модельных иерархических структур системы Человечества и расчётных значений их параметров – некоторая «система координат» в «историческом пространстве-времени» [13]. Именно она определяет фундаментальные системные свойства Человечества *как целого*. Это позволяет считать, что **реальные** значения пространственно-временны*х* характеристик *стремятся* в ходе своего «воплощения» к их **идеальным**

модельным значениям**.** *Идеальные* системные параметры соответствуют наиболее *энергетически эффективным* структурам, поэтому степень отклонения «реальности» от «идеала» могла бы отражать потенциальный дисбаланс такой эффективности.

В результате вышеизложенного, мы приходим к основному выводу: кибернетические принципы и алгоритмы, положенные в основу аппарата теоретической глобалистики, позволяют получать – в рамках системного мировоззрения [14] – практически важные результаты, отражающие объективный характер исторического развития Человечества как целого.

Библиографический список

1. Ляпунов А.А. Проблемы теоретической и прикладной кибернетики. – М.: Наука, 1980. – 336 с.
2. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987. – 304 с. – см. также http://rogov.zwz.ru/Macroevolution/moiseev1987.djvu
3. Растригин Л.А. Случайный поиск. – М.: Знание, 1979. – 64 с.
4. Растригин Л.А. Адаптация сложных систем. Методы и приложения. – Рига: Зинатне, 1981. – 375 с. – см. также http://vlabdownload.googlecode.com/files/adaptation.pdf
5. Турчин В.Ф. Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. – М.: ЭТС, 2000. – 368 с. – см. также http://www.refal.org/turchin/phenomenon/
6. Heylighen F. The Global Superorganism: an evolutionary-cybernetic model of the emerging network society", submitted to the Journal of Social and Evolutikая модель во, 2000, in: F. Heylighen, C. Joslyn and V.Turchin (editors): Principia Cybernetica Web (Principia Cybernetica, Brussels), –http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/Superorganism.pdf – русский перевод: Хейлиген Ф. Мировой Суперорганизм: эволюционно-кибернетическая модель возникновения сетевого сообщества – http://cogsys.ru/sites/default/files/library/super_org.pdf
7. Гринченко С.Н. Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). – М.: ИПИРАН, Мир, 2004. – 512 с. – см. также http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/
8. Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). – М.: ИПИРАН, 2007. – 456 с.– см. также http://www.ipiran.ru/publications/publications/grinchenko/book_2/
9. Жирмунский А.В., Кузьмин В.И. Критические уровни в процессах развития биологических систем. – М.: Наука, 1982. – 179 с.
10. Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 232 с.
11. Grinchenko S.N. The Pre- and Post-History of Humankind: What is it? // Problems of Contemporary World Futurology. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011, pp. 341-353.
12. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Историческое время и модели его «ускорения» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 3 (31). – С. 40-45.
13. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. – 2010. – № 12. – С. 1076-1084.
14. Гринченко С.Н. Системные закономерности развития цивилизации: лекция. / С.Н. Гринченко. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. – 34 с.

Институционализация глобализационных процессов в контексте повседневности

Кузнецова М.Ф.

На разных этапах своего развития глобализация создавала и создаёт определённые тематические социальные институты. Упор делается то на религию, то на торговлю, то на военные, политические сферы, их сменяют акценты культурно-образовательные и т.д. Не ставя своей задачей подробное историческое освещение вопроса, попытаемся выявить признаки современной глобализации по отдельным сферам и направлениям повседневной общественной жизни. Как и у всякого общественного явления, переход современной глобализации к новому качеству происходит под влиянием и как результат действия множества факторов и движущих сил в различных сферах и при различной институциональной практике. Зачастую же простому обывателю кажется призрачной и далекой вся эта «глобальная круговерть» с ее инновациями, трансформациями и пр. Однако сегодня, прочно институционализируясь, глобализация захватывает интересы уже не человечества, а, как это ни парадоксально, человека, отдельно взятого, мирно живущего, не требующего излишнего внимания к своей персоне, к своим повседневным делам и заботам. И это говорит о переходе изучаемой проблемы на новый, более сложный и более серьезный уровень.

«Развитие мировосприятия человека, расширение и углубление его знаний о мире и о себе в нём в современных условиях претерпевают кардинальную «ломку», находятся на переломном этапе, в состоянии определённого кризиса» [1, с. 101]. До начала прошлого столетия человечество развивалось в условиях относительной социальной устойчивости, при прочных ценностных нормах, зафиксированных многовековым словесным, книжным творчеством, научным и религиозным концептом, в произведениях искусства и т.д., в условиях стабильного менталитета. Век XX и, тем более, XXI в корне изменили эту ситуацию, поставили человека перед выбором, внесли разброд и шатания в человеческие умы. В целом, развитие объективных процессов в бурном XX столетии было таким, что оптимистические взгляды на действительность уступили место преобладающему пессимизму. «Становится всё более очевидным, что общество потребления не имеет будущего – слишком велики духовные издержки, уже достаточно ясно просматриваются ресурсные и экологические пределы. Заметно усиливается тенденция к утрате «вечных» ценностей, нарастают негативные состояния» [2, с. 11].

Весьма своеобразной формой глобализации общечеловеческих ценностей является «принудительное» их распространение при формировании региональных межгосударственных объединений, союзов, институтов. Это хорошо видно на примере принятия новых членов в Европейский Союз, когда странам – претендентам на членство предъявляются строгие требования по разным критериям: отмена смертной казни, соблюдение различных норм в области прав человека, международной и внутренней политики, экономики, социальной жизни и др. При этом требуется существенно переработать национальное законодательство. То же самое происходит при приёме в НАТО, Всемирную торговую организацию, а также во множество других международных и региональных объединений и союзов. Глобализация вынуждает государства «демократизироваться», делать более прозрачной деятельность своих органов, способствовать участию людей в управлении государством. К тому же, облегчение условий миграции способствует перемещению отдельных людей из страны в страну, распространению демократических идей и традиций, образованию социальных слоёв, влияющих на политику государств. К сожалению, в современных условиях глобализация способствует развитию и негативных тенденций, что проявляется практически во всех сферах повседневного человеческого бытия.

Так, современные глобальные процессы исключительно ускоряют сближение, стандартизацию потребностей и образа жизни разных народов. В прежние периоды потребление различных продовольственных культур и изделий ремесла распространялось по обширным территориям постепенно, в течение многих столетий. К тому же эти процессы испытывали влияние местных и национальных обычаев и традиций, что порождало многоцветие различных направлений национальной кухни, одежды и культуры быта. Сегодня в условиях глобализации распространение потребностей и употребления продукции происходит по историческим меркам молниеносно, отмечается обезличенность и конвейерный характер потребления во всех уголках земного шара. Интернет, СМИ, глянцевые журналы не только стимулируют интерес обывателя к разнообразному потреблению, заманивая огромным ассортиментом товаров и услуг, но и диктуют масштабы этого потребления. Это отчасти объясняется и поддерживается существующими стандартами, выдвинутыми Международными союзами потребителей, монополией определённых производственных компаний, Международным торговым фондом и рядом других межгосударственных структур институционного характера, то есть структур, выдвигающих определённые требования и стандарты.

«Особенности современной глобализации в сфере трудовых отношений**,** становления единообразия в профессиональной структуре, трудовых навыках, средствах и способах производства заключается в том, что ныне в разных странах и на континентах вопросы занятости и безработицы тесно связаны между собой. Кардинально меняется характер международного разделения труда: Сам термин «международное разделение труда» отныне вмещает в себя более сложное содержание. С одной стороны, он традиционно выражает процесс стихийного распределения производственных обязанностей между нациями как производственными единицами, с другой – производственные обязанности планомерно распределяются внутри концернов, не выходя за их рамки, но перешагивая государственные границы. Разделение труда вышло на новые стыки. На мировой карте наметились экономические границы, не совпадающие с национальными. Это и есть процесс межанклавного (межфирменного, межкорпорационного) общественного разделения труда. Оказывается, что сами национальные экономики «растаскиваются» сразу несколькими транснациональными фирмами как звенья разных комплексов» [1, с. 119]. Многие виды массового производства, изготовление деталей и их сборка из развитых стран переносятся в развивающиеся.

Этот процесс усиливает миграцию работников, создаёт единый мировой рынок труда, при этом усиливается безработица и снижается уровень оплаты труда в одних странах и повышается уровень занятости в других. Стандартизируют данные действия такие институты, как Международные профсоюзные организации, миграционные службы, отдельные ТНК, специальные «туристические» компании, Международная организация труда (МОТ).

В нашу повседневность это проявление глобализации врывается шумными компаниями рабочих-мигрантов, становящимися нашими соседями, в буквальном, а не географическом смысле, но при этом абсолютно не желающими культурно ассимилироваться в новой жизни. Это проблемы безработицы и заработной платы, снижение которой отражается на доходах отдельных реальных семей. В масштабах государства это пока еще не катастрофично, но сотни тысяч людей теряют веру в будущее, что грозит скорой общественной нестабильностью и гуманитарным кризисом.

Изменилась роль языка в развитии современных глобализационных процессов, на современном этапе письменность не имеет такого решающего значения, как это было в период зарождения и начала развития международных отношений. Сегодня языки и письменные культуры разных народов сами находятся под негативным, разрушительным влиянием агрессивной глобализации. Становление единообразного мира, стирание границ и интенсификация общения между людьми требует использовать для общения наиболее доступные и употребительные языки. В таком качестве ныне выступают языки бывших метрополий колониальных держав – официальными языками ООН являются английский, французский, испанский, русский, китайский. За последние годы очень вырос интерес к изучению иностранных языков, что позволяет отдельному человеку расширять горизонты профессиональной и

иной деятельности, чувствовать себя свободнее и увереннее в зарубежных поездках, туристических и деловых, налаживать контакты, способствующие развитию личного и научно-профессионального плана.

Роль языка в условиях современной глобализации весьма значительна. Со второй половины прошлого века наиболее быстрыми темпами распространяется английский язык. Этому способствует экономическое, политическое и военное могущество стран – носителей языка, прежде всего США и Великобритании. Сказывается их лидерство в области научных исследований, распространении средств массовой информации, развитии информатики, рекламы и различных форм массовой культуры. «Влияние английского языка на глобализационные процессы определяется тем, что он обслуживает наиболее авангардные и динамичные движущие силы, сферы и направления глобализации, используется людьми, занятыми в этих сферах, становится наиболее употребительным средством международного общения». В то же время с точки зрения охвата жителей планеты английский язык трудно назвать всемирным языком, поскольку его считают родным или вторым языком чуть более 700 млн. человек, или всего 12% населения Земли.

Развитию глобализационных процессов способствует изобретение и использование компьютерных искусственных языков и Интернета. Данные процессы контролируются Международными лингвистическими объединениями, научными университетскими сообществами, ЮНЕСКО. «Совершенствование средств связи и информации является направлением глобализации, наиболее ярко характеризующим и эффективно влияющим на современные глобализационные процессы. Более того, нынешняя историческая эпоха определяется как информационное общество, что связано с исключительным значением информации, информационных технологий и информатики во всех сферах современной общественной жизни. Растёт не только значение информации в судьбах нации, но происходит и качественное изменение того типа информации, который в наибольшей степени влияет на характер исторического процесса» [1, с. 105].

С последних десятилетий прошлого века подавляющая доля технических достижений приходится на информационную технику и технологии: спутниковое телевидение, Интернет, электронная почта, сверхмощные компьютеры, цифровые устройства, мобильные телефоны и т.д. Развитие теории информации, информационной техники и технологий приводит к кардинальным изменениям всех сфер человеческой жизни. Это касается сферы экономики – финансовых, кредитных, валютных, торговых операций, виртуальным финансам и капиталам; международных отношений; информационных ресурсов и интеллектуальной собственности. Все это приводит к значительной деформации всех механизмов рыночной экономики, частной собственности, конкуренции и т.п., общественной жизни в целом.

В результате интенсивности информационных потоков и доступности информации происходит унификация представлений о жизненных нормах, рождается стремление к единым жизненным параметрам и образу жизни. «Всё больше людей во многих уголках планеты настойчивее мечтают и размышляют о расширении «возможностей» жизни, чем это делалось до сих пор. Главный источник этой перемены – средства массовой информации, Интернет, постоянно поставляющие пёстрые картинки такой «возможной» жизни.

Таким образом, создаётся впечатление виртуальной близости к символическим фигурам, насаждаемым СМИ. Люди видят и оценивают свою жизнь, своё положение, свои надежды и разочарования сквозь призму «возможных» жизней, которые беспрерывно тиражирует и пропагандирует «телевидение». Большое значение здесь имеет глобальная сеть Интернет, СМИ, монопольные компании, занимающиеся компьютерными технологиями и «ноу-хау».

«Развитие транспорта и коммуникаций продолжает играть существенную роль в развитии глобализационных процессов. С одной стороны, совершенствование транспортных средств способствует интенсификации движения пассажиров и грузооборота по земному шару, проникновению человека во все его уголки, ускорению извлечения и транспортировки ресурсов по суше, водному и воздушному пространству. С другой стороны, транспортные средства являются наиболее сильными загрязнителями окружающей среды, в особенности

автомобильный и воздушный транспорт. Да и водный и трубопроводный виды транспорта, подверженные различного рода авариям, деформируя берега и почвенный покров, наносят немало вреда природе» [1, с. 107]. Влияние этих факторов на повседневную жизнь иллюстрируется постоянно: доставка товаров, перемещение по городу или за его пределами и т.д. С одной стороны повышение дорожного комфорта, с другой – пресловутые «пробки», сводящие на нет все технические скоростные возможности современного транспорта, и страшная повседневность, «обыденность» авиа- и пр. катастроф.

Последнее десятилетие прошлого века демонстрирует заметное усиление влияния религии на общественные процессы. Так появляются различного рода движения религиозного толка, в отдельных регионах усиливаются межрелигиозные конфликты. Во многих странах религиозность политических лидеров считается хорошим тоном или является обязательной (США, Япония, Ближний Восток, азиатские государства). Таким образом, религиозные конфессии продолжают выполнять консолидирующую роль в межнациональном обществе, осуществляя вклад в современные глобализационные процессы. Но в то же время, «религия не в полной мере участвует в противостоянии и преодолении нового негативного качества современной глобализации – выхода человечества за рамки своего «коридора» жизнеобеспечения» [1, с. 111]. Некоторые религиозные лидеры, в том числе Римский папа, нередко высказываются по вопросам глобальных проблем, выступают с осуждением загрязнения и уничтожения природной среды, против социальной несправедливости, нравственного разложения и т.д. Однако серьёзной систематической, целенаправленно организованной деятельности религиозные конфессии не ведут. Вообще, современную религию можно назвать одной из сфер, где практически нет глобальных институционализирующих организаций. Это связано с тем, что попытки религиозного конфессионального объединения не увенчались до настоящего момента серьёзным успехом. Негативным проявлением данной сферы в повседневности становятся все учащающиеся межконфессиональные конфликты, проявляющиеся не только на общекультурном, но и на бытовом уровне.

Главной особенностью современной финансово-экономической системы является то, что это в высшей степени виртуальная система. Своим основанием она имеет реальную экономику, а над ней гигантскую валютно-денежную кредитно-финансовую надстройку, являющуюся неизбежным атрибутом капиталистической экономической системы. «Финансовая глобализация – это одновременно жизненная субстанция и интегральный символ новой глобализации. Здесь сошлись воедино экономическая интеграция, повсеместная информатизация и глобальная коммуникация. Здесь же отчётливее всего проявился сам дух нового универсализма, заменившего проект универсального гражданского общества идеей и практикой глобального планирования стратегических форм перераспределения мировых ресурсов» [6, с. 128].

Глобализационные процессы в сфере финансово-экономических отношений характеризуются образованием со второй половины прошлого века крупнейших всемирных торговых, финансовых, валютных, кредитных и иных экономических организаций и институтов: Всемирной торговой организации (ВТО), Международного валютного фонда (МВФ), группы Всемирного банка во главе с Международным банком реконструкции и развития (МБРР), Банка международных расчётов (БМР), нескольких десятков международных экономических организаций ООН, таких как ЭКОСОС, МОТ, МФК, ЮНИДО, ЮНКТАД, ФАО и др.

«Решающим фактором глобализации выступает становление множества региональных интеграционных союзов, имеющих финансово-экономическую основу, среди которых самым феноменальным является Европейский Союз, в экономическом отношении практически превращающийся в Соединённые Штаты Европы» [1, с. 109]. Возрастающее глобализационное значение приобретают также АТЭС (Азиатско-Тихоокеанский экономический союз), Североамериканский союз свободной торговли, а также многочисленные мировые отраслевые организации: ОПЕК, международные товарные организации по отдельным видам металлов, сельхозпродукции, программы ООН по многим направлениям и т.п.

Появление таких институциональных форм экономической глобализации в повседневности ведет к унификации экономических отношений, валютного обращения, влияют на спрос и предложение, определяют характер конкуренции, санитарные нормы, улаживают финансово-экономические конфликты, регламентируют функции государства, влияют на другие социальные институты и т.д. Таким образом, они выступают и как следствие, и как инструменты современных глобализационных процессов.

Государственность в современных национальных рамках разрушается интернационализацией экономических процессов, становлением всемирной экономической системы как самостоятельной сферы отношений, со своими законами, организационной структурой, принципами и субъектами управления. «Национальные границы, право, язык, политические институты, средства коммуникации, расстояния, время, – подчёркивает М.Ю. Лужков, – всё, что раньше защищало и определяло особый порядок политической организации отдельных обществ и государств, сегодня не может их оградить от глобальных политических взаимодействий.

Всё большую роль в политике играют транснациональные субъекты, но уже не только бизнес-корпорации, бывшие ранее по преимуществу агентами развитых стран мира в их глобальной экспансии, но и иные структуры и организации» [5, с. 123].

Государства «золотого миллиарда» управляют глобализационными процессами через международные организации: МВФ, ВТО, МБРР, БМР, международные экономические организации ООН, межгосударственные структуры и т.д. Инструментами монополизации современных глобализационных процессов транснациональными компаниями являются: неэквивалентная торговля товарами, использование дешёвой рабочей силы и природных ресурсов развивающихся стран; рынок ценных бумаг, выполняющий роль финансового насоса в руках транснационального капитала; страхование прямых инвестиций и использование государственных гарантий, других форм поддержки государством своих международных корпораций и т.д. Кроме того, государство здесь использует и свои классические функции, влияющие на процесс глобализации: налоговую и таможенную, общую внешнеэкономическую политику, регулирование валютного курса, ссудного процента или учётной ставки. «Стрижка под одну гребёнку» всех осуществляется на основе жёстких правил, предъявляемых к государствам – членам тех или иных международных организаций, создающих благоприятные условия для более сильных, но обрекающих на нищету слабых. Таковыми являются, например, 10 рекомендаций, принятых «вашингтонским консенсусом» в 1989 г., а также правило «золотого корсета». Согласно этим доктринам, двигателем экономического развития выступает частный сектор, обеспечивается низкая инфляция, поддерживается стабильность цен, уменьшается бюрократический аппарат государства, принимается сбалансированный бюджет при жёсткой налоговой дисциплине, до минимума снижаются тарифы на импорт, устраняются ограничения на иностранные инвестиции и квоты на импортную продукцию, ограничиваются местные монополии, либерализуется экспорт, осуществляется приватизация государственных предприятий, насаждается торговый либерализм, происходит свободное движение капиталов, даётся право иностранцам свободно покупать ценные бумаги, поощряется свободная конкуренция, устраняются субсидии местным предприятиям, частные владельцы получают доступ к банковским ресурсам. В результате ныне около 60 тыс. основных (материнских) компаний, входящих в структуры ТНК, контролируют до половины мирового промышленного производства, более 60% внешней торговли, примерно 80% патентов и лицензий на новую технику, технологии и «ноу-хау».

Еще одной чертой современной глобализации можно назвать интернационализацию преступности и международную борьбу с ней. Об этом в свое время было верно отмечено заместителем генсекретаря ООН Пино Арлакки: «Никогда раньше не имелось столько экономических возможностей для стольких людей. Но никогда ранее не было и столько возможностей для преступных организаций» [3, с. 70]. Примерно до второй половины XX столетия преступность и борьба с ней были внутригосударственным делом. В результате развития процессов глобализации в сфере экономики, средств связи, транспорта и коммуникаций,

открытости границ, снижение барьеров для контактов между людьми и странами в конце XX века возникает новое явление – международная преступность. Преступления происходят в самых разных формах: наркоторговля, торговля людьми, оружием, редкими представителями флоры и фауны, предметами искусства, валютно-финансовые махинации, браконьерство, преступность в Интернете, хакерство и т.д. «На основе указанных «тихих» форм преступных элементов появляются агрессивные, наступательные, вооружённые самым современным оружием террористические формирования, осуществляющие терроризм международного масштаба и угрожающие безопасности мирового сообщества в целом. Международный характер современной преступности требует придать международный, глобальный масштаб также и методам, органам и характеру борьбы с ней. Важно отметить, что мировое сообщество значительно отстаёт от международного преступного мира с точки зрения организованности, активности и эффективности своих действий, во многом проигрывает ей в противоборстве, не говоря уже о профилактике и искоренении этого явления» [1, с. 121].

Глобальные структуры по борьбе с международной преступностью не столь многообразны. Так, по сути, единственной организованной структурой по борьбе с международным криминалом является основанный в 1923 г. Интерпол, объединяющий на сегодняшний день 181 государство. Функции Интерпола включают создание информационной базы о международной преступности, разработку систем доказательств вины и поиска преступников и т.д. СССР был принят в Интерпол в 1990 г

Современный спорт, не имеющий выхода на международную арену, то есть не глобализированный, не представляет интереса ни для спортсмена, ни для зрителей. Важная роль здесь принадлежит международным спортивным комитетам, организациям: Олимпийский международный комитет, Спортивно-судебная организация, учредители кубков НБА, УЕФА, и др. Глобализацию спорта определило развитие транспорта, средств связи и телевидения. Именно такое явление, когда гигантский прыжок в развитии транспортных средств и коммуникаций способствовал глобализации спорта, выступает наглядным примером взаимосвязи и взаимодействия различных направлений глобализации.

Участие в глобализационных процессах различных отраслей науки в целом имеет двойственный характер. С одной стороны, наука определяет развитие производства и потребления, провоцируя тем самым экологическую катастрофу, разрушение окружающей среды и гонку вооружения. Такая роль науки особенно ярко проявляется, когда её результаты используются безответственно. С другой стороны, именно развитие науки может способствовать решению глобальных проблем. Но не стоит забывать, что наука сама по себе не развивается, любое научное открытие делается человеком.

«Провозглашённый во второй половине XX века так называемый научно-технический прогресс, производство атомного и водородного оружия, полёты в космос, создание уникальных информационных технических устройств и технологий, других средств коммуникации и транспорта по существу явились реализацией великих научных (физических, химических, биологических и т.п.) открытий конца XIX – начала XX веков. Научного вклада в познание окружающего мира, равноценного по своей глубине, новизне и революционности указанным открытиям, во второй половине XX века не было. Поэтому представления человека о научной картине мира в начале XXI века ушло не так уж далеко от представителей конца XIX века» [1, с. 115]. Глобализацию научной сферы поддерживают такие институциональные организации, как Международная академия, глобальные отраслевые компании, международные научные фонды, занимающиеся премиями и грантами (Нобелевская премия и др.).

Что касается анализа сферы образования, то следует сказать, что эта система выступает как исключительно динамичный фактор современных глобализационных процессов и требует отдельного тщательного рассмотрения.

Итак, подводя итог анализа сущности и развития глобализационных процессов, необходимо отметить следующее. Появление понятия «глобализация» как отражение особого явления современной истории, очевидно, обусловлено наступлением некоего эпохального пе-

релома, зарождения нового качества в развитии человеческой цивилизации. До этого перелома так называемый прогресс человечества от первобытной жизни до сегодняшних дней состоит из последовательной цепи крупных исторических шагов и скачков, способствующих социогенезу и глобализации жизни человечества, шаг за шагом формирующих единый мир на планете Земля, но пока не достигающих окончательного его оформления. Такие шаги и скачки происходят под влиянием разных движущих сил и факторов и охватывают самые различные сферы и направления жизнедеятельности людей.

Глобализация – явление нелинейное, скорее, волнообразное и очень сложное, неоднозначно трактуемое. Спектр его исследований также велик. Изменения, внесённые глобализационными процессами, имеют как положительные, так и отрицательные последствия. Демонстрацией взаимосвязи и взаимодействия различных направлений глобализации, подтверждающей цельность глобализационных процессов, становится взаимопроникновение результатов и следствий глобализации в различных сферах повседневной жизни человека. Так, например, развитие транспорта, коммуникаций повлекло глобализацию спорта, трудовой деятельности и т.д. Развитие техники и др., с одной стороны, позволяет повысить безопасность функционирования многих сфер жизнедеятельности, а с другой – превращается в арсенал разрушительных сил (терроризм, организационная преступность и т.д.). Глобализация влечёт за собой проявление масштабности, проницаемости, иногда виртуальности (виртуальные капиталы, виртуальные институты и др.). Требует стандартизации, оформленности, институционализации. Причём различные социальные институты выступают и как следствие, и как инструменты глобализации (особенно это касается экономических и политических институтов). Вообще, характерной чертой современной глобализации стала тесная взаимосвязь экономики и политики и проникновение экономики во все сферы человеческой жизни, чему способствует мощная сеть глобальных экономических институтов, искусственность (с точки зрения искусственных и естественных видов глобализации) и целенаправленность такого влияния.

Библиографический списоку

1. Барлыбаев, Х.А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. – М.: Издание Государственной Думы, 2003. – 336 с.

2. Век XX – анфас и профиль: размышления о столетии, ставшем историей. – М.: Изд. дом «Новый век», 2001. – 527 с.

3. Иванов И. Внешняя политика России в эпоху глобализации: Статьи и выступления. – М.: ОЛМА-ПЕСС, 2002. – 415 с.

4. Кузнецова М.Ф. Образовательная политика в условиях глобализации общества: Монография. – Издательство «Спутник +», 2009 г. – 201 с.

5. Лужков Ю.М. Возобновление Истории: Человечество в XXI веке и будущее России. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 197 с.

6. Уткин А.И. Ракурсы глобализации. // Полития. 2000. №4 (18).С. 163-183.

Социально-филосоские аспекты исследования инициативы в глобальном мире

П.А. Константинов, И.П. Константинов

Актуальность исследования сущности инициативы детерминирована амбивалентностью ее. В данной статье инициатива рассматривается как индивидуальный акт, однако условия, порождающие её начало и усилия ее реализации на завершающем этапе носят коллективный характер. По нашему мнению, здесь наблюдается определённое единство и борьба противоположностей: инициатива, имеющая характеристику творческого, самобытного выброса созидательной энергии, для того, чтобы стать завершённой и реализованной, требует и совместного, коллективного понимания её, и совместных, коллективных действий по её реа-

лизации. Мы получаем своеобразную «атомную модель» инициативы по типу модели Резерфорда, в которой противоположные сущности, соединённые совместно, дают фундаментальную стабильность, становящейся либо основой самосохранения, либо – своеобразным генератором колоссальной «атомной» энергии. Инициатива, будучи индивидуальным актом по своему происхождению, необходимо порождает коллективные действия по её реализации.

Мы исходим из того, что инициатива как ведущая особенность индивида представляет собой одну из фундаментальных особенностей так называемого «открытого общества» (К.Поппер), которая на определенном этапе, как правило, входит в противоречие в стандартами «массового общества». Следовательно, индивидуалистическая специфика жизни общества, получившая только необходимое для дальнейшей жизнеспособности общества правовое оформление, предполагает инициативу. Т.Гоббс по сходному поводу вполне резонно заметил: «всякое общество создается либо ради пользы, либо ради славы, то есть из любви к себе, а не к ближнему».

Оптимальным вариантом исследования фактора инициативы и инициативности является два типа общества: индивидуалистического и коллективистского. Исторический опыт даёт возможность утверждать, что для реализации инициативы в разных типах общества необходимы знания, наличие профессионального сообщества (в котором эти знания можно реализовать), ответственность за реализацию этих знаний и нечто, что должно инициировать в качестве движущей силы реализации по достижению цели.

Именно на базе анализа особенностей современного общественного развития, ведущими среди которых в эпоху глобализации является индивидуализм и феномен «открытого общества» появляется реальная возможность раскрыть особенности действия механизма реализации инициативы. С другой стороны, в социально-философском аспекте, проявление и реализация инициативы инициатива в значительной степени отражает проблему взаимоотношения части и целого. Великий русский мыслитель Лев Платонович Карсавин справедливо подчеркивал: «Целое не существует само по себе, отвлеченно, но – только через индивидуумов, в индивидуумах и в качестве современного и всепространственного единства индивидуумов, которые и являются его «моментами», выражающими его каждый по-своему. Поэтому, раз целое существует, существует уже и выражающее его множество индивидуумов, существует каждый из них, как само свободно осуществляющее себя в специфической сфере целого».

Поразительным примером успешной реализации длительной инициативы в рамках объединённого сообщества, в границах подготовленной профессиональной среды является группа математиков Бурбаки, деятельность которой определила лицо математического мира в передовых экономически развитых странах – США, Англии, Франции, Германии. При этом адекватное понимание «среды» профессионального сообщества, её возможности, её пределов является критерием способности управленца быть реальным, инициативным руководителем или представлять особую категорию, получившую название «маниловщина» в русском языке. Генерация инициатив, не способных для реализации профессиональным сообществом – это одна из составных частей не ответственного управленца.

Баланс понимания возможности реализации инициативы и отсутствия этой возможности отделяет инициативно-ответственного человека, или управленца, от безответственного инициатора. Важно обратить внимание на тот факт, что в современных конструкторских разработках в области программирования, радиоэлектроники, компьютерных производств наличие разработанной и реализованной конструкции (программной или аппаратной) «защиты от дурака» является необходимым условием реализации на рынке созданного продукта.

Два понятия: «инициатива» и «ответственность» являются своеобразным базисом в деятельности любого управленца, независимо от того, является ли этот управленец современным, либо происходит оценка некого, уже ставшего известным исторического результата. Как видим, успешная реализация управленческой инициативы состоит из трёх частей, или формируется в пространстве базиса трёх понятий: «подготовленная среда», сама «инициатива» и «ответственность» автора инициативы (или реализатора её, если автор в силу каких-

то причин не способен её реализовать). Вот почему инициатива и ответственность не могут существовать раздельно друг от друга. Инициатива без ответственности, как уже указано выше, оценена народной поговоркой с явным негативным, даже уничижительным подтекстом. Но давайте посмотрим на эту проблему с другой стороны: что представляет собой ответственность управленца в отсутствие инициативы? По нашему мнению, это совершение действий в пространстве возможных действий, описанных исчерпывающим образом, причём, вполне возможно, имеющих тривиальное значение. Но, в таком случае, каков смысл, особенно в современном мире, существования ответственного и безынициативного управленца? По сути дела он представляет собой компьютерную модель, реализующую заданный набор функций с высокой степенью надёжности. Своеобразный шахматный компьютер, рассчитанный для всех вариантов. В свою очередь, шахматисты мирового уровня доказали, что шахматные компьютеры могут выигрывать только в рамках архива известных партий или тактик, но когда происходит изменение стратегии, когда шахматист создаёт условия, непредсказуемые для надёжной компьютерной модели, то шахматная программа, не способная порождать инициативу, выходящую за пределы архива знаний, безнадёжно проигрывает. Это сравнение можно перенести, в общем-то, и на управленческие процессы в современном мире экономики.

Условия, накладываемые требованием рыночной конкуренции в какой-то мере можно сравнивать и с шахматной партией. Но это сравнение подводит к мысли о необходимости наличия фактора инициативы в любой экономической модели, направленной на достижение успеха, точнее – на завоевание рынка. Важно понимать, что инициатива важна не только в первоначальном значении этого слова – как начинание, зачин и так далее, а как элемент постоянного присутствия во всей цепочке действий по выполнению управленческого решения. **Инициатива – не как отправная точка, а как постоянно присутствующий фактор, так же, как кислород, первый глоток которого даёт жизнь ребёнку, и потом сопровождает его жизнь в любой другой деятельности.** Отсутствие инициативы в рамках пространства принятия решений и возможных действий квалифицирует управленца в этой ситуации как статическую модель, неспособную совершить необходимый рывок даже при квалификации как сверхответственной и супернадёжной личности.

В настоящее время, анализируя деятельность известных успешных организаций на мировом рынке наблюдается подтверждение тезиса о том, что инициатива как фактор не только начала какой-либо деятельности, но и как постоянно действующий элемент тактических и стратегических действий является качественным фактором для завоевания рынка. Этому соответствует и результативность компьютерных фирм, к примеру – Apple и IBM, авиационных – Boeing и Airbus, автомобильных – «Большая тройка», Toyota, и многих других. В этих фирмах инициатива присутствовала как необходимый участник внутреннего экономического процесса и организации труда. В то же время, оценивая по доступному массиву информации о деятельности различных российских производственных компаний, обнаружить инициативу как необходимый фактор стратегии в явном виде не удалось. Инициатива в форме лозунга, либо как элемент реализации небольших, тактических планов внутренней, финансовой, производственной деятельности наблюдается у крупных российских компаний. Но как элемент, носящий фактор необходимого общего условия деятельности этих и других компаний, в данном случае выделить её не представляется возможным.

Инициатива и ответственность – это два элемента любой корпоративной культуры в любой организации, ставящей перед собой амбициозные задачи. В таком контексте очень важной представляется роль руководителя организации, являющегося по факту лидером в компактном сообществе некоей подготовленной среды. В свою очередь, задача лидера – создать условия для реализации инициативы и инициации инициативы всеми членами группы на постоянной основе. Трудно согласиться с распространенным мнением, согласно которому лидер должен быть инициативным, а подчинённые – реализовывать его инициативу. С авторской точки зрения, инициатива имеет несколько другой, синергический, характер, ведь лидер в первую очередь должен быть способным пробуждать и создавать условия для прояв-

ления инициативы сотрудников в своей деятельности. В таком ключе инициативность лидера может проявиться как синергетический эффект в деятельности группы (предприятия). Другими словами, предполагается определять лидера путем выявления наличия у него всего комплекса параметров оценки в области инициативы: не только быть способным на инициативу самому, но и поддерживать инициативы своих сотрудников и подчинённых. Как правило, в такой ситуации отсутствует фактор как «перетягивания одеяла на себя», то есть замыкания на себя права решения всех вопросов.

Существует множество профессий, в которых инициатива может быть востребована поразному, то есть имеет разную экономическую результативность. Также существуют профессии, в которых инициатива является важным фактором прорыва, успеха и высокой доходности (автопром, ВПК), с другой стороны – деятельность, связанная с земледелием не так быстро откликается на проявление инициативы из-за медлительности процессов, допустим – выращивания поголовья или зерна. В любом случае, инициативу можно развивать косвенным путём: кружки качества(Toyota), на примере которых видно, как стремление к одной цели совокупно тащило за собой другую функцию: стремление обеспечивать стабильное и неизменное качество работы, проявлять замотивированность, часто порождало такой действующий фактор, плохо поддающийся учёту, как инициатива.

Возвращаясь к вопросу, как лаконично определить задачу деятельности и реализовать свои управленческие инициативы с меньшим количеством ошибок, предлагается рассмотреть проекцию ключевого соединения инициативы и ответственности из нынешнего времени в отдалённое будущее управленца. Автор считает, что можно определить её следующей формой: «Прояви инициативу, найди с кем её можно реализовать, ответственно доведи её до результата».

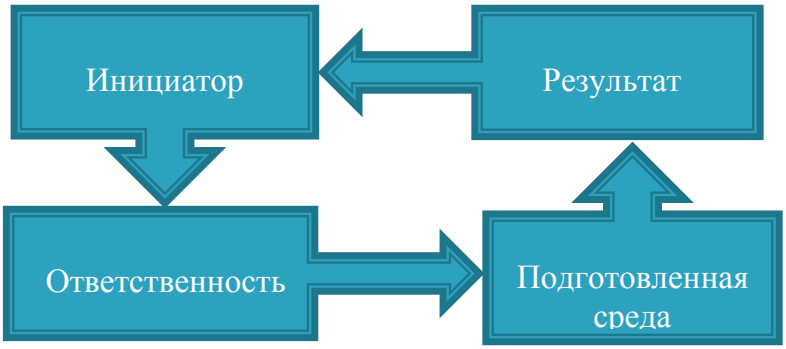


Рисунок 1. Структура успеха инициативы.

Можно ли считать инициативным, например, переход Суворова через Альпы? Судя по историческим хроникам – он явился неожиданным, или, точнее, не входил в список ожидаемых от русского полководца вариантов действий. Но именно благодаря инициативным действиям, совмещённым с ответственностью за принимаемые решения, Суворову удалось совершить переход за короткое время с колоссальным количеством людей в сложных, горных условиях, сохранив боеспособность частей. Пример Суворова подтверждает тезис о том, что инициатива становится реальной только при наличии возможностей среды реализации. Подводя короткое промежуточное резюме этим размышлениям, подходим к мысли, что успешная реализация управленческой инициативы состоит из трёх частей, или формируется в пространстве базиса трёх понятий: «подготовленная среда», сама «инициатива» и «ответственность» автора инициативы(или реализатора её, если автор в силу каких-то причин не способен её реализовать). При этом инициатору нужно представлять необходимость затрат и ресурсов на подготовку указанной среды. В противном случае, даже самая разумная инициатива рассыплется так же, как красивое здание, построенное на неудачном фундаменте.

К сожалению, существующая методика образования и реальная практика разработки известных мне бизнес-проектов(бизнес-планов) по разным направлениям сфер деятельности не обнаруживает рассмотрения инициативы как содержания бизнес-плана.

Инициативой рассматривается само создание бизнес-плана и бизнес-проекта. Но инициатива как субъект SWOT-анализа, как необходимый элемент бизнес-плана типологически отсутствует. Хотя конкуренция, как условие со стороны рынка, накладывает на разработчика как бизнес-плана, так и бизнес-проекта условие исследования инициативы как фактора, относящегося к зоне риска, так и фактора, позитивного для реализации проекта.

В настоящее время, анализируя деятельность известных успешных организаций на мировом рынке наблюдается подтверждение упомянутого ранее тезиса о том, что инициатива как фактор не только начала какой-либо деятельности, но и как постоянно действующий элемент тактических и стратегических действий является качественным фактором для завоевания рынка. Этому соответствует и результативность компьютерных фирм, к примеру – Apple и IBM, авиационных – Boeing и Airbus, автомобильных – «Большая тройка», и многих других.

В этих фирмах инициатива присутствовала как необходимый участник внутреннего экономического процесса и организации труда.

В то же время, оценивая по доступной мне информации деятельность различных российских производственных компаний, обнаружить инициативу как необходимый фактор стратегии в явном виде не удалось. Инициатива в форме лозунга, либо как элемент реализации небольших, тактических планов внутренней, финансовой, производственной деятельности наблюдается у крупных российских компаний, акционерных обществ. Но как элемент, носящий фактор необходимого общего условия деятельности этих и других компаний, в данном случае выделить её не представляется возможным.

Инициатива и ответственность – это два элемента любой корпоративной культуры в любой организации, ставящей перед собой амбициозные задачи.

Что делать для того, чтобы в России появились компании, сравнимые с теми же IBM и Boeing, созданные нынешним поколением молодых людей?

Надо не бояться наделять молодёжь и молодёжные организации ресурсами, за которые эти организации должны отвечать, в том числе – предоставлять им материальные и финансовые полномочия для реализации собственных инициатив даже при высокой вероятности совершения ошибок, поскольку инициатива важна не как тема для обсуждения – особенно в молодёжной среде – а как реальный результат. При этом происходит встречно-направленная притирка общества: молодые люди, сталкиваясь с трудностями реализации тех или иных инициатив, социализируются в соответствии с существующим состоянием общества, так и общество, в то же время, адаптируется к амбициям молодёжи, проявляемым, возможно даже – в болезненной для форме для общества. То же касается и процесса управления: подчинённые, демонстрируя свои способности инициативного решения вопросов дают возможность своему руководству реагировать – либо развивая инициативы и поощряя на новые шаги, на новые акты инициации, либо тормозя их.

Необходимо наделять молодёжь обязанностью совершать ошибки «не на словах, а на деле». Надо давать возможность действовать, пусть даже совершая ошибки. Затраты на это – фактически, инвестирование в будущее страны, по сути дела – обеспечение своеобразной управленческой техники безопасности в необходимом сейчас процессе модернизации. Можно научить инициативе и ответственности сейчас – чтобы потом, через 15-20 лет, когда нынешняя молодёжь будет управлять государством, она могла реализовать свои управленческие инициативы с меньшим количеством ошибок.

В таком контексте очень важной представляется роль руководителя организации, являющегося, по факту – лидером в компактном сообществе некоей подготовленной среды.

Задача лидера – создать условия для реализации инициативы и инициации инициативы всеми членами группы на постоянной основе. Определённо ошибочно мнение о том, что лидер должен быть инициативным, а подчинённые – реализовывать его инициативу. С моей точки зрения, инициатива имеет несколько другой, мультипликативный(рекурсивный, синергический) характер, что не позволяет применить указанное выше мнение.

Лидер, в первую очередь, должен быть способным пробуждать и создавать условия для проявления инициативы сотрудников в своей деятельности – в таком ключе инициативность лидера может проявиться как синергетический эффект в деятельности группы(предприятия), либо мультипликативный, либо – рекурсивный. Другими словами, предполагается оценивать лидера, при наличии других параметров оценки в области инициативы – не только быть способным на инициативу самому, а, в первую очередь, как способному поддерживать инициативы своих сотрудников и подчинённых. Как правило, в такой ситуации отсутствует фактор «перетягивания одеяла на себя», либо – замыкания на себя права решения всех вопросов

Существуют разные профессии, в которых инициатива может быть востребована поразному, то есть имеет разную экономическую результативность. Так же существуют профессии, в которых инициатива является важным фактором прорыва, успеха и высокой доходности(автопром, ВПК), с другой стороны – деятельность, связанная с земледелием не так быстро откликается на проявление инициативы из-за медлительности процессов, допустим – выращивания поголовья или зерна. В любом случае, инициативу мы можем развивать косвенным путём: кружки качества(Toyota), на примере которых видно, как стремление к одной цели совокупно тащило за собой другую функцию: стремление обеспечивать стабильное и неизменное качество работы, проявлять замотивированность часто порождало такой действующий фактор, плохо поддающийся учёту, как инициатива.

Возвращаясь к началу , к вопросу – как лаконично определить задачу деятельности реализовать свои управленческие инициативы с меньшим количеством ошибок, мы предлагаем рассмотреть проекцию ключевого соединения инициативы и ответственности из нынешнего времени в отдалённое будущее управленца. Мне кажется, можно определить её следующей формой: «Прояви инициативу, найди с кем её можно реализовать, ответственно доведи её до результата». Ещё короче это, возможно, следует высказать таким образом: «Начало успеха – в инициативе, действуй со способными, ответственность – в результате».

Сформировав понимание как самих элементов, составляющих успех инициативы, так и способов взаимодействия, нельзя не отметить появившиеся вопросы, требующие углубленного философского исследования: Можно ли подготовить среду для реализации инициативы? Как определить, что среда подготовлена для реализации конкретной инициативы? Должна ли среда проходить подготовку эволюционным путём, через накопление знаний, без давления? Возможно, кто-то уже нашёл критерии – какого размера должны быть пряники и какой длины кнут для формирования этой инициативы – но мне это пока не известно. И, безусловно и пряник, и кнут должны быть связаны с характеристиками самой среды. Одна по себе разработка исследований под это дело является самостоятельной задачей. Чтобы произвести исследования, чтобы получить некие зависимости для выражения формул – нужно подобрать некие критерии, по которым воздействие на среду будут измерять.

История нашей Родины, в её полноценном понимании, наоборот – позволяет рассматривать инициативу как достойный фактор достижения личного успеха и создания государственных ценностей – и российского народа, и нашей страны. Инициативен был и Ермак*(в тот момент, когда Ермак завоёвывал Сибирь – она не была территорией России; войска Ермака представляли собой российский народ)*, и Андрей Дубенской, основавший Красноярск, где мы сейчас проводим нашу встречу, и Пётр 1, и Ярослав Мудрый, и солдаты Второй Мировой войны, поднявшие флаг над рейхстагом в мае 45-го – Берест, Егоров и Кантария, и Гагарин, открывший космос для народов Земли. Даже это короткое, схематичное перечисление говорит о том, что инициативность является особой, врожденной, чертой российского народа.

Оценивая развитие системы учёта в нашей стране, наблюдаю следующее: развивая систему учёта и контроля, получаем падающий график систем производства - у нас одна из самых жёстких систем сертификации автомобилей, но количество производимых отечественных автомобилей -падает. То же самое касается и авиастроения. Следовательно, развитие и совершенство системы учёта и контроля вступает в конфликт с развитием системы произ-

водства, создания новых рабочих мест и совершенствования информационных(и прочих технологий).

Другими словами, можно предположить, что неопределённость Гейзенберга распространяется и на этот процесс. Если ввести параметр i, определяющий темпы роста реального производства в стране, и параметр h - определяющий темпы увеличения систем контроля этого производства, то можно предложить следующую формулу:

i*h <= c, где c- const по отношению к данной стране.

Исходя из этого получается, что либо у нас растёт реальное производство и уменьшаются системы контроля, что соответствует законам развития рынка, либо у нас растёт качество и эффективность систем контроля, но реальное производство - падает. При этом коэффициент c, определяющий параметры произведения, имеет различные значения для различных типов общественного строя: изменение общественного строя позволяет либо увеличить, либо уменьшить этот коэффициент.

Можно вспомнить старую систему стандартов гильдий(цеховых) в средневековой Европе, когда система цехового(гильдейского) контроля по отношению, например, к размеру и сорту сукна и иным техническим параметрам, тормозила развитие торгово-экономических отношений не то, что между странами - а даже между городами одной и той же страны. В этом случае параметр коэффициента c в случае феодального строя намного ниже соответствующего коэффициента для промышленного капитализма. Поэтому сначала нужно ответить на вопрос: какую цель, допустим, мы ставим перед собой?Что хотим получить через 3,5,10 лет? Новые рабочие места для химиков-технологов, химиков-ученых, фармацевтов и так далее, имея при этом новые, действующие лекарственные средства? Или новые, эффективные средства контроля производства устаревшей, отсталой продукции, разработанной за рубежом?

Можно привести пример из новейшей истории нашей страны: основные проблемы система управления СССР испытала при введении системы госприёмки всех видов производств(читай - контроля). Эта система отвлекла созидательные ресурсы наиболее активных, знающих и профессиональных представителей разных производств, создала дополнительные рабочие места в системе контроля и вымыла, опять же, эффективно работающие кадры из области реального производства. В итоге идея госприёмки(тотального контроля, просуществовавшего около 2,5 лет -) умерла, похоронив под собой тотальное количество людских и финансовых ресурсов, оставив после себя дополнительный груз проблем для и так уже ветхого и ненадёжного корабля, которым являлся СССР.

В то время, когда все другие страны вводили системы повышения эффективности производства, автомобильные концерны Японии, Европы, Америки разрабатывали новые проекты автомобилей, СССР разрабатывал новую систему контроля производительных сил. Напрашивается ещё один нежизнеутверждающий вывод: не могут одновременно, в одном и том же направлении, развиваться системы контроля и системы производства.

Остался вопрос: что делать? Что заставляет производителя создавать контрафактные лекарственные средства и продавать их с риском для собственного имиджа, конкурентной борьбы(которой не избежать) и обманутых покупателей? Почему предприятию выгодней всё-таки понести затраты на производство неучтённого продукта с высоким риском финансовых, имиджевых и иных потерь, и почему выгода легального производства данного продукта не является рыночным механизмом по отношению к предприятию?

Видимо, проблема в существующей уже неэффективной по отношению к производству системе контроля, основанной на квотировании системы закупок лекарств для регионов и существующих способов, которые, к сожалению, приходится называть способами ограничения, а не развития производства.

Наличие эффективных систем контроля не создаёт условий для производства эффективных, качественных лекарств в сфере фармацевтики(потому что ни одна система контроля не сможет заменить хорошо разработанный и согласованный сообществом производителей в данной сфере стандарт/технический регламент. Но технический регламент не требует боль-

ших затрат на его внедрение/использование и сопровождение. А различные системы контроля с использованием информационных средств создают дополнительные рабочие места для узкозаинтересованных, и, по-видимому, коррумпирозависимых групп).

В интересах развития отечественной фармацевтики в медицине и высоких технологий требуется элементарная публикация очень небольшого списка сведений:

1) перечень действующих лекарственных веществ, реализуемых в стране(с указанием в количестве и в финансовом объёме);

2) перечень действующих лекарственных веществ, производимых в стране(с указанием в количестве и в финансовом объёме);

3) перечень действующих лекарственных веществ, завозимых в страну(с указанием в количестве и в финансовом объёме);

4)объём финансовых гарантий государства на производство действующих лекарственных вещество из предыдущего пункта в форме публичных обязательств - оферты, что породит рост и бум среди научно-внедренческих предприятий в области фармацевтики и будет способствовать созданию реальной конкуренцию между разработчиками и производителями.

Что такое модернизация в современной России? Это слово звучит, как звучали многие призывы имеющие содержание, но превратившиеся из-за недостатка энергии саморазвития в обыкновенный лозунг – громкий и пафосный, но что же это в самом деле такое?

С одной стороны, модернизация рассматривается как комплексное развитие и усовершенствование различных сфер и отраслей в стране. Безусловно, модернизировать можно только то, что существует, и даже не всё существующее, а только то, что поддаётся модернизации. Модернизация, например, колеса может привести к появлению нового вида многоугольника, но функция, которое реализует колесо, от этого, похоже, лучше не станет:

Омар Хайам модернизировал сосуд
Считая, что ему еще вина нальют
Но функцией добавленной вина
Была к утру его больная голова…

Следовательно, для успешной модернизации, для модернизации не как лозунга, а как действующей и действительной функции, необходим точный учёт отраслей, объектов, способных быть модернизированными.Причём из полученного перечня, видимо, необходимо выделить такие отрасли, модернизация которых порождала бы синергический эффект и провоцировала(в хорошем смысле)модернизацию смежных и связанных отраслей экономики, техники, науки и социальных отношений. И, как раз поиск таких отраслей, центральных точек приложения энергии модернизации, необходимо провести в первую очередь. Я попытаюсь обосновать и объяснить, почему я считаю, что всеобщая модернизация экономики напрямую связана с укреплением здоровья нации.

Здоровье, как его измерить? Что такое«укрепление здоровья»? Под здоровьем многие частные программы улучшения здоровья населения в общем и человека в частности, которые реализовывались ранее и продолжают реализовываться сейчас, в качестве индикатора успешности результата предлагают рассматривать уменьшение того или иного заболевания на определённый, зачастую-небольшой, процент.

При этом, декларируя успехи в борьбе со сложными заболеваниями, зачастую, не рассматривают, как эта борьба сказывается на реальной жизни активной части населения, способной своей деятельностью развивать различные эффективные отрасли экономики. Например, что означает для человека, никогда не болевшего СПИДом, заявленная и профинансированная программа уменьшения заболеваемости СПИДом на 15% ? По сути, ничего. Как он не болел им, так и не будет болеть. По окончании этой программы он имеет право задать вопрос: «А в чём был смысл финансовых отвлечений на эту программу лично для меня? Я трудился, принимал активное участие в политической жизни страны, а финансирование, которое проводилось в этой программе, было направлено на, скажем так... на раскрепощённую в сексуальном или наркотическом плане среду. Или на устранение врачебных ошибок в части

обеспечения санитарной чистоты.». И он будет прав, задавая такой вопрос. При этом, вместе с ним будет права большая часть активного, трудоспособного населения страны.

Поэтому напрашивается необходимость измерять очевидно–важную характеристику «укрепления здоровья» не в категориях уменьшения процента заболевших в сомнительных социальных средах, а в каких-то иных, осязаемых, единицах измерения. Причём эта единица измерения должна поддаваться чёткому количественному подсчёту, и при этом должна быть интуитивно понятна большей части населения не зависимо от статуса образования.

На наш взгляд, таким критерием является показатель средней продолжительности жизни человека. Он легко исчисляется, поддаётся учёту и сравнению с показателям и предыдущих периодов, а так же позволяет проводить реальное планирование. При этом заметное увеличение средней продолжительности жизни позволяет рассматривать повышение пенсионного возраста не как наказание, а как поощрение в форме предоставления возможности человеку активно работать, эффективно повышать своё благосостояние, и, если повезёт – то и продлить репродуктивный возраст.

С точки зрения существующих стереотипов, как одно из центральных направлений модернизации можно рассматривать строительную отрасль. Но следование стереотипам – опасное занятие. До недавнего времени строительство считалось отраслью, порождающей наибольшее количество вспомогательных отраслей, существующих самостоятельно, но, в то же время их развитие было связано с интересами строительной индустрии. Образно, можно представить строительство геоцентрической отраслью, находящуюся в центре, окружённую орбитами четырёх планет: транспорта, энергетики, дорожной инфраструктуры, материаловедения.

В настоящее время эта пальма первенства геоцентрической отрасли переходит к здравоохранению, развитие которого основано на развитии физики, химии, математики, материаловедения, фармацевтики, логистики, биологии, электроники. Именно потребности здравоохранения создают энергию развития указанных фундаментальных наук и связанных с ними производственных и экономических отраслей.

Мы видим, что модернизация как общий фактор, заявленная как общее явление, получив векторное направление на здравоохранение с конкретной целевой задачей на укрепление здоровья человека (с реальным показателем выполнения этой задачи в качестве продления продолжительности жизни), порождает веерную модернизацию большей части науки и экономики, связанной с производством и созданием высокой добавленной стоимости.

Модернизация, как самостоятельное явление, связанное с укреплением здоровья человека представляет собой рекурсивную, саморазвивающуюся функцию: с одной стороны, запуская модернизацию системы здравоохранения человека, с другой стороны, здоровье человека страны, как здоровье всей страны, позволяет проводить модернизацию других отраслей в активной форме и длительной фазе.

Да и если окинуть ретроспективным взглядом прошедшие фазы развития человечества, мы увидим, что все локальные модернизации, порождённые фундаментальными открытиями, почти мгновенно (в значении скорости развития истории человечества) переходили в той или иной форме в отрасли, связанные со здоровьем человека.

Можно начать с указания на открытие компаса, которое позволяло указать и более точные маршруты, сохраняя тем самым жизни моряков и косвенно влияя на продолжительность их жизни и качества здоровья. Можно обратить внимание на фундаментальное открытие рентгеновских лучей, сразу же нашедшее прямое применение в медицине, причём в разных её отраслях: от борьбы с туберкулёзом до полевой хирургии. Можно указать на развитие и модернизацию оптических приборов, которое тут же оказалось связанным с созданием биохимических методов анализа здоровья человека, и многое другое.

Другими словами, можно сделать вывод: основным фактором, продвигающим развитие экономики, основанное на создании новых методов и техники, являлась потребность в укреплении здоровья человека. И именно модернизация позволит значительно увеличить число

активных людей и благодаря их «умной» занятости, и благодаря увеличению продолжительности их жизни за счёт укрепления здоровья.

Таким образом, оформление любой инициативы предполагает соотнесение осмысленного теоретического поиска профессионалов со стихийно складывающимися ориентациями массового сознания.

И, в завершение, хотелось бы обозначать ещё одно её важное значение- историческое. История нашей Родины, в её полноценном понимании, наоборот – позволяет рассматривать инициативу как достойный фактор достижения личного успеха и создания государственных ценностей. Инициативен был и Ермак, и Пётр 1, и солдаты Второй Мировой войны, поднявшие флаг над рейхстагом в мае 45-го – Берест, Егоров и Кантария, и Гагарин, открывший космос для народов Земли. Даже это короткое, схематичное перечисление говорит о том, что инициативность является особой, врожденной, чертой российского народа.

Влияние процессов глобализации на реализацию социальных норм

П.А. Солкина (г. Красноярск)

Экспансия западного стиля жизни явление не новое, охватывающая все сферы общественной жизни. Социальные нормы общественной жизни экспортировались из стран более развитых, в страны менее развитые. Запад, на который взят ориентир и как носитель успешного исторического опыта, имеет очень привлекательный вид. И об этом свидетельствуют множественные факты как то: высокий уровень развития; достойная пенсия; защита прав и свобод человека; защита окружающей среды и многое другое.

Идейное заимствование, сближение границ, ускорение темпов передачи информации и технический прогресс является сущностью глобализации. Которая, в свою очередь, диктует определенную систему ценностей и социальных норм, точнее их трансформацию.

Трансформация социальных норм явление крайне противоречивое и сложное как в своем процессе реализации, так и в моменте ее обсуждения. Либерализация социальных норм определяет существование и движение в совершенно ином, чужеродном формате, не имеющим под собой никакой исторической согласованности с общественной жизнью людей.

Демократия с ее культом золотого тельца и идеей свободы, наносит сокрушительные удары по социальным нормам коллективистского типа общества, в котором активно провозглашается верховенство норм права над верховенством норм нравственности.

Можно выделить три основные сферы: политическую, экономическую и культурную, по которым идет насаждение либерализированных социальных норм. Прежде всего остановимся на экономической сфере, экспансия представлена Европейским Союзом, предоставляющим либерализацию торговых отношений при абсолютном внедрении, диктуемых им экспорте социальных норм.

Вхождение в ВТО представляется привлекательным и имеющим хорошие перспективы для роста и развития, имеет огромный потенциал, что в значительной мере стимулирует экономику. А также повысит конкурентно способность страны на мировой арене, за счет которого должен повыситься уровень жизни населения.

Однако не учтен тот факт, что конкуренция требует постоянного совершенствования новым тенденциям в производственно технологической сфере и определенные российские природно-климатические особенности этому никак не способствуют и скорее даже тормозят этот процесс. Если вопрос соответствия новомодным тенденциям и технологиям вопрос времени и вложения капитала, то вопрос природно-климатический никак разрешить нельзя. Вопрос денежного спонсорства имеет бесконечно корыстные цели, использования российских ресурсов. Большего предложить мы не в состоянии, все безвозвратно утрачено, обанкрочены и разворованы заводы.

Говоря о производстве, лишь памятуем о прежних временах, когда сельское хозяйство работало в избыток, продукция соответствовала ГОСТу. А ведь на высшем уровне была и текстильная, металлургическая, машиностроительная, авиационная, фармацевтическая и иные виды производства.

Превращение России в донора для Запада и еще большее уступание в промышленной сфере в пользу китайского производства – губительно для нашей экономики. Стоит признать, что ситуация с ростом цен, открытия новых совместных с Западом концернов и прочее стирание границ имеет форсированный характер и становится более явным стратегический интерес Запада, точнее его реальные цели и ориентиры.

На сегодняшний момент мы имеем существенный спад производства и, как следствие, сокращение рабочих мест и высокий процент безработицы в стране. Нарастает чувство безысходности и повышение уровня агрессивности населения. Практически все товары и продукты питания имеют страну производитель Китай и это в той ситуации, что так велик процент безработицы местного (рабочего, а еще более важно – инженерного состава) населения. В относительно благоприятных условиях на данный момент находится малый и средний бизнес, хотя последние нововведения пенсионного фонда существенно ему «подрезали крылья».

На данный момент ощутимым результатом является рост цен. Этот факт касается всех аспектов жизни как то: рост цен на услуги ЖКХ, падение производительности, рост инфляции, рост цен на бензин и на газ, а это автоматически влечет за собой рост цен на транспортные и железнодорожные услуги, повышение пенсий неминуемо ведет к росту цен на все продукты питания и прочее всецелое повышение цен. Все перечисленное ведет к все большему углублению неравенства в обществе, что усиливает ощущение обездоленности и несправедливости.

Вторым моментом является политическая сфера, она базируется на экономической составляющей и грань между ними находится в постоянном движении. Иными словами, политическая и экономическая сферы взаимозависимы.

Политическая сфера все больше представлена политическими играми, ведущей задачей которых является отвлечение внимания на себя, с целью продвижения собственных интересов, лоббизм законов.

Наблюдается некоторая несогласованность действий в соотнесении идейной составляющей, деятельности и непосредственных результатов этой самой деятельности. Данная рассогласованность неминуемо приводит к отторжению как обновленных, так и устаревший социальных норм. Формируется идеологический вакуум, подрывается авторитет буквы закона, упадок нравственности и ловкое манипулирование двойными стандартами.

Подобный хаос приводит к растрачиванию сил и потере времени на борьбу между собой, вместо выстраивания стратегического планирования развития страны. Выстраивание, взращивание и поддержание идеологии, а также совершенствование общественных отношений должны являться приоритетом политической сферы. Но это только в идеале, в реальной ситуации явственным является факт монополизации олигархами политической и экономической сферы.

Вживление неолиберальной модели демократии имеет под собой трансформацию социальных норм, провозглашая тем самым все большую индивидуализацию ценностей, провозглашение всевозможных видов прав и свобод.

Глобализационные процессы, при их верном истолковании, своевременном реагировании и управлении, своей главной целью имеют устойчивое развитие государства, занимание лидирующих позиций в образовательной, промышленной и технологических и прочих отраслях.

Культурная сфера подвержена еще большей экспансии со стороны неолиберальных ценностей. Деструктивное воздействие на аутентичный и самобытный уклад жизни российского общества со стороны глобальной культуры представлен в усреднении социальных норм и культурных ценностей. Трансляция неолиберальных ценностей и социальных норм

представлена индустрией Голливуда, потребительского образа жизни, результатом этого воздействия мы имеем упадок нравственности, отрицание исторического опыта, борьбы всех против всех, повышение уровня напряженности, апатия. Произошла утрата преемственности поколений, общество постоянно находится под гнетом огромного количества деморализующих влияний.

Механическое насаждение чужеродных ценностей и социальных норм, не имеющих под собой исторического контекста существенно изменяют общество в целом и человека в частности. Русский человек с каждом своем действии движим любовью, что в своей совокупности способно усовершенствовать любую систему отношений. На смену этому приходит формальное выполнение определенного круга обязательств. Прагматизм и конкуренция как новый порядок, направленный на порабощение всего иного против сотрудничества и высоконравственного отношения к делу.

Разрушительные последствия мы можем наблюдать в неверном применении свободы как произвола и, опять-таки, дефицит свободы ведет к упадку и торможению развития.

«Наше культурное разнообразие, - говорится в Хартии Земли, провозглашенной ООН, - является ценным наследием, и различные культуры найдут свои собственные пути к реализации своего видения устойчивого образа жизни».

Утрата преемственности поколений несет в себе дискретный характер исторических событий, утрату национальной самоидентификации, утрачивается такое понятие как русскость. Следование исконно русским традициям воспринимается как анахронизм. Также очевиден факт проникновения вестернизмов в родной язык, что является спутником разрушения языковой структуры, что также можно отнести к очевидным фактам деградации культуры в целом.

Раздел 2.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Глобализация как претензия на новое геополитическое пространство

И.А. Пфаненштиль, Л.Н. Пфаненштиль (г. Красноярск)

Характерная особенность современных стратегических аналитиков, оценивающих нынешнюю американскую претензию на мировое господство, состоит в том, что они изначально принимают американскую картину мира в ее онтологических, антропологических и методологических составляющих. Иными словами, сначала принимаются в качестве само собой разумеющихся и безальтернативных американские правила игры, а затем делается вывод, что по этим правилам способен выиграть только чемпион — Америка. Однако опыт истории и ее качественные — формационные — сдвиги свидетельствуют о закономерности изменения самих правил, что обессиливает победителей и дает неожиданный шанс тем, кого эти победители успели списать со счетов.

Естественная глобализация – эволюционный процесс восприятия различными социокультурными традициями достижений других социокультурных традиций. Это восприятие происходит преимущественно добровольно и зависит от уровня развития той или иной социокультурной традиции, ее желания усвоить и на практике применить те или иные достижения других социокультурных традиций.

Искусственная глобализация – это попытка навязать силой или другими методами – обманом, убеждением, подкупом и т.д. те или иные представления о мире. При этом, поскольку искусственная глобализация связана с насильственным внедрением экономических, политических, ценностно-мировоззренческих представлений, то это революционный процесс. Насилие не может длиться вечно, оно побеждает временно, частично, или терпит поражение. Поэтому искусственная глобализация характеризует претензии той или иной страны, религии, политической идеи и т.д. стать универсальной, всеобщей, абсолютной ценностью. Появление такой претензии объективно и отражает ослабление других стран, религий, политических идей, которые не смогли удержать сложившееся в мире в той или иной области равновесие. Нарушение равновесия приводит к активизации разнонаправленных сил, которые завершаются стремлением к искусственной глобализации [1, с. 6]. Результатом подобных тенденций, как правило, становится международный конфликт с геополитическими последствиями, учитывая современный уже довольно интегрированный мир.

Глобализация требует соответствующего мышления, подхода к миру как единому целому, что крайне необходимо для управления всеобщими проблемами, и постоянного политического диалога по жизненно важным вопросам общей безопасности, сотрудничества и устойчивого развития человечества. Отсутствие желания к сотрудничеству, рост глобальной угрозы, развитие внутренней и внешней напряженности и конфликтных ситуаций могут подорвать и даже обратить вспять весь глобализационный процесс.

Нередко «глобализация» и «интернационализация» используются в качестве синонимов. Мы считаем, что стоило бы развести эти понятия, определив «интернационализацию» как начальный период движения капиталов и товаров, людей и идей, заложившей основы целостности мирового пространства, которая, в свою очередь, деформируется процессами «глобализации».

В современном мире вырисовывается нечто вроде концентрической глобализации: от всего человечества до цивилизаций, наций, регионов, глобализации, которая не подразумевает своей кульминации в мировом правительстве – мечте мегаутопии, ничуть не лучшей, чем микроутопия прошлого, а такой глобализации, которая понимается как разногласное согла-

сие между частями, как приноравливание друг к другу разных элементов, как системное равновесие составляющих частей (подсистем). Надо отдавать себе отчет, что если это цель, то ее можно и не достичь, потому что мы живем в условиях не просто риска, а настоящей угрозы. Угрозы катастрофы, сопровождающей нас с самого начала ядерной эры, экологического вызова и сверхглобализированного мира, т.е. фазы, в которой историческое развитие как бы столкнулось само с собой. В данном отношении представляется вполне справедливым высказывание В.Страда: «Открытое общество», являясь формой свободы, не знает границ, но оно не может игнорировать ответственного самоконтроля, ограничивающего изнутри риск и угрозы» [2, с. 61].

Глобализация несет с собой не только национальное обезличивание, но и неуверенность, безнадежность, чувство страха, безработицу для большинства народов мира. Особо стоит рассмотреть трансформацию морали в глобализирующемся мире. В самых общих чертах, глобализация является следствием развития цивилизации. Коммуникационное сжатие мира; резко возросшая степень взаимозависимости современного общества; усиление процесса взаимодействия различных культур; «разгосударствление» международных отношений, усиление роли транснациональных корпораций – вот далеко не полный перечень факторов глобализации. В процессе практического освоения глобализирующегося мира общество отражает его в своем сознании, формирует комплекс идей и эмоций, которые называют глобализмом. Глобализация в основном характеризует объективные изменения в мире, изменения вне нас. Глобализм отражает изменения субъективной сферы. Сегодня глобализм как форма общественного сознания, показывает: стремление людей к коллективному стилю мышления, тенденцию идентификации с мировой цивилизацией, всем человечеством; окончание изолированного развития, рост мультикультурного сознания; рост идентичностей.

Проблема состоит в сохранении видения единства человечества и его исторических судеб вместо того, чтобы невольно потакать новому западному расизму, который сегодня выступает с позиций культурной антропологии и «цивилизационного плюрализма». В облике тех, кто сегодня подвергся социал-дарвинистскому натиску и лишается прав на нормальное человеческое существование, современное человечество должно увидеть не экзотические черты «дефицитной культурной специфики», а черты общечеловеческого страдания, черты современника, права и достоинство которого предстоит спасти.

Субъекты глобализма остро чувствуют несоответствие своих возможностей встающим перед ними всемирно-историческим проблемам, но ничего не могут поделать, так как преодоление этого несоответствия было бы равносильно для них добровольному отказу от национальной идентичности, национального характера. Однако, в отличие от российского, американское общество не может разрешать мировые конфликты, поэтому единственным способом выполнения его объективной всемирно-исторической функции является построение такого мира, в котором США будут гасить всю «чужую», то есть не соответствующую их интересам, пассионарность. Таким образом, в современном нестабильном человечестве американское общество может существовать только как мировой жандарм.

На протяжении продолжительного периода грань между внутренними и межгосударственными конфликтами существовала, хотя и не была слишком жесткой. С окончанием холодной войны сама эта грань начала стремительно размываться: именно ограниченные конфликты внутреннего интернационализированного характера стали основным типом вооруженного противостояния в 90-х годах. При этом внутренние интернационализированные конфликты объединили в себе наиболее опасные черты как международных, так и внутригосударственных конфликтов.

В анализе причин геополитических конфликтов эпохи глобализации следует исходить из того, что взаимодействие интересов на международной сцене уже само по себе зачастую носит конфликтный характер, что нельзя устранить конфликты из политической практики вообще; нужно научиться управлять ими, минимизируя возможные издержки и ущерб [3, с. 115].

В данном случае необходимо говорить о тождестве этих итогов с метагеополитическими итогами XX в., ибо проектный характер геополитики подразумевает возможность автоматического перевода получаемых методологических и теоретических научных результатов в плоскость прикладных обобщений и выводов.

1.Любое более или менее важное политическое событие XX в. осмыслялось и имело значение прежде всего как геополитический образ.

2. В единое метагеополитическое пространство мира XX в. окончательно вошло Западное полушарие, обе Америки, прежде всего Северная. Характерный индикатор – политические и военные конфликты между государствами разных полушарий: например, между Великобританией и Аргентиной по поводу Фолклендских островов в 1982 г.

3. Политическое пространство стало более многомерным, а его репрезентирование и интегрирование всякий раз прочно связано с фиксацией соответствующих геополитических образов и образно-географических координат. На пространственной основе создаются принципиально новые и достаточно эффективные модели политического баланса и политического влияния, которые сами по себе могут диктовать те или иные реальные политические действия и политические решения. Наиболее показательный пример – возникшая после распада СССР униполярная модель мира, которая, тем не менее, уже сосуществует с потенциально перспективной многополярной моделью мира.

4. К рубежу XXI столетия привычные европоценричные геополитические образы уже сосуществовали в едином метагеополитическом пространстве с быстро развивающимися геополитическими образами Америки и США, причем последний рассматривался (номинировался) и как европейский. Возникла своего рода образная «вилка», расхождение между традиционными геополитическими конструкциями первой половины XX в. и метагеополитическими реалиями его конца. Новые геополитические образы, наложившиеся на сохранившиеся старые представления о Европе как главной арене наиболее важных мировых политических событий, сами во многом «кроились» по европейским «нормативам» столетней давности. Политические действия США конца XX столетия в Европе и за ее пределами напоминали аналогичные действия Великобритании в XIX в. Вместе с тем необходимо констатировать «прыжок» геополитического пространства мира на новый «энергетический» уровень, когда большинство политических конструкций, решений и действий определялось взаимодействием, соперничеством и борьбой глобальных геополитических образов.

Большинство западных экспертов склонны полагать, что наряду с завершением этнотерриториального передела, непосредственно вызванного распадом биполярной мировой системы, свою роль в некотором ослаблении конфликтного потенциала в середине 90-х сыграли меры политико-экономического и военного характера, предпринятые правительствами и государствами, территория которых стала ареной этнополитических конфликтов и гражданских войн, а также резко возросшие международные усилия по регулированию конфликтов. Однако этот пусть даже небольшой спад наблюдался не только впервые со времени окончания холодной войны, но и впервые за предшествовавшие десятилетия, в течение которых конфликтность на локально-региональном уровне неуклонно возрастала. Это дало ряду наблюдателей основания предположить, что резкий рост числа этнополитических конфликтов в начале 90-х годов представлял собой кульминацию долговременной тенденции, берущей свое начало еще в национально-освободительных войнах конца 50-х. В этом смысле формальное окончание холодной войны и распад биполярной системы послужили лишь катализатором уже существовавшей тенденции, способствовавшим тому, что десятилетиями накапливавшийся конфликтный потенциал вышел наружу. Так, распад СССР и СФРЮ вызвал в 1988-1992 гг. более 10 новых этнополитических конфликтов. Примерно в этот же период на глобальном Юге разразилось более 25 новых локально-региональных войн.

Отсюда вытекает еще одна особенность в изменении характера современных локально-региональных конфликтов, связанная с постепенным размыванием условной грани между

конфликтами низкой интенсивности (протекающими в форме массового терроризма, партизанских войн против правящей политической элиты, движений сепаратистского типа, приграничных конфликтов из-за спорных территорий) и средней интенсивности (противостояние между региональными центрами силы на уровне обычной войны). Усреднение интенсивности региональных конфликтов 90-х годов связано с появившейся после окончания холодной войны возможностью ведения продолжительных крупномасштабных военных действий без опасности перерастания их в глобальный конфликт и массовым притоком оружия в регионы. Для них характерна также ограниченность ресурсов воюющих сторон, недостаточных для поддержания конфликта на уровне обычной войны. При этом возрастает зависимость военных действий от сезонных факторов и профессионализации лишь части участвующих в них вооруженных формирований. Усредненный масштаб конфликтов нового типа учтен, в частности, в первых документах военного ведомства США, принятых после окончания холодной войны.

Возникшие в 1990-е годы контуры нового мирового порядка можно назвать системой, где есть единственная сверхдержава, но не сформировался однозначно однополярный мир. По мнению С.Хантингтона, современный миропорядок характеризуется наличием одной сверхдержавы, окруженной несколькими самостоятельными, но существенно меньшими по военному или экономическому потенциалу центрами, способными не только пойти на конфликт друг с другом, но и бросить вызов и серьезно осложнить жизнь такой сверхдержавы [4, с. 532].

До момента окончательной победы США в холодной войне геополитический дуализм развивался в изначально заданных рамках – речь шла об обретении талассократией и теллурократией максимального пространственного, стратегического и силового объема.

Если характер основного геополитического процесса истории – максимальное пространственное расширение талассократии и теллурократии – для этой дисциплины очевиден, то его исход остается под вопросом. В этом отношении никакого детерминизма нет и здесь проявляются нелинейные стохастические закономерности.

А. Дугин считает, что в геополитике практически непрерывно развивалась американская и, шире, атлантическая (талассократическая) линия. По мере осуществления проектов американцев по становлению «мировой державой» послевоенные геополитики-атлантисты лишь уточняли и детализировали частные аспекты теории, развивая прикладные сферы. Основополагающая модель «морской силы» и ее геополитических перспектив, превратилась из научных разработок отдельных военно-географических школ в официальную международную политику США. В противовес этому, «неоевразийство, исходя из интересов «географической оси истории», утверждает прямо противоположное Западу. Единственным выходом из сложившейся ситуации может стать лишь новый биполяризм, так как только в этом направлении Евразия смогла бы обрести перспективу подлинной геополитической суверенности. «Только новая биполярность сможет впоследствии открыть путь такой многополярности, которая выходила бы за рамки талассократической либерал-демократической системы, т.е. истинной многополярности мира, где каждый народ и каждый геополитический блок смог бы выбирать собственную систему ценностей, имеет шанс осуществиться только после освобождения от глобальной атлантической доминации через новое планетарное противостояние» [5, с. 162].

Методология такого анализа предполагает, что выстраивание оппозиций «традиционность - современность» или, например, «Восток - Запад» в философском смысле оказывается архаичным, ибо предлагает выбор из реальных состояний общественного бытия и, таким образом, как бы подразумевает, что историческое бытие нам в любом случае гарантировано. Поэтому философия истории, в отличие от «просто истории», должна исходить из презумпции, что в глубинном смысле «традиция», например, вовсе не противостоит «новации», так же как одна цивилизация не противостоит другой цивилизации - каждая социальность про-

тивостоит в первую очередь своему собственному «небытию», тенденции к своей деградации и социальной энтропии.

В ситуациях, где конфликт не был доведен до применения силы, сохраняется гораздо больше возможностей для нахождения политического решения. Накопленный опыт, как отечественный, так и мировой, говорит о том, что этнополитические конфликты, сколь бы громкими они ни были, вовсе не обязательно перерастают в военное противостояние. Выработаны и апробированы на практике разнообразные политико-правовые, дипломатические, социально-экономические средства, позволяющие мирно решать самые острые проблемы.

Как отмечает М. Делягин, исчезновение «силового поля» биполярного противостояния социалистической и капиталистической систем высвободило лишь две глобальные цивилизационные инициативы: исламскую и китайскую [6, с. 332]. М. Делягин, таким образом, не согласен с классификацией цивилизаций А. Тойнби и даже А. Уткина, которые выделяют соответственно 34 и 7 цивилизаций.

Совокупность наиболее важных действий, тактик и стратегий в современном образном геополитическом пространстве есть метагеополитика. Ее базовой составляющей являются хорошо продуманные геополитические PR-кампании по созданию, расширению и культивированию тех или иных геополитических образов. Суть метагеополитики – разработка взвешенных действий в пространстве существующих геополитических образов, а также конструирование новых, достаточно мощных и эффективных. В итоге возникает метагеополитическое пространство, конфигурации и рельеф которого зависят от глобальных целей в области внешней политики и безопасности.

Можно согласиться с Д.Замятиным, который подчеркивает, что при оценке современных проблем в понимании геополитики следует отдавать себе отчет, что речь идет о трансформации старых проблем в новые. Требуется найти законы функционирования и развития метагеополитических пространств, их конфигураций и образных метагеополитических ансамблей. Обнаружение таких законов – главное условие развития современной геополитики как теоретической науки, прикладной дисциплины и области проектной деятельности [7, с. 112-113].

На первых порах апелляции к геополитике, как и к национальному интересу, выражали претензию политиков, экспертов и журналистов на деидеологизированность и реализм, якобы в противовес эмоционально-идеологическим установкам реальных или предполагаемых оппонентов. При этом прокламируемые «реализм» и «геополитика» обретали самые разные прагматические аранжировки, в зависимости от того, какой именно идеологии противопоставлялись.

Теоретически, по мнению С.Брауна, жесткая многополярность должна уменьшать вероятность мировой войны, этот оптимистический результат выведен просто из определения подсистем как самодостаточных. Данный оптимизм кажется нереалистичным, если основан лишь на идее прогрессирующей глобальной взаимозависимости наций поверх всех традиционных региональных границ при возрастающей экономической и стратегической значимости для всех главных стран «общих» областей (океанов, окружающей биосферы и космического пространства), где страны могут следовать друг за другом. Согласно С.Брауну, многополярность – это от 3 до 10 полюсов, а более – полиархия. «Мир с конфигурацией полиархии (к которому мы вполне возможно, и эволюционируем) был бы более воинствен, чем мир с другими конфигурациями, зато в нем войны скорее всего оставались бы локальными. Полиархичное мировое сообщество включало бы множество источников и моделей правления, власти и могущества, причем не все из них повторяли бы структуру национальных государств» [8, с. 71].

Геополитические конфликты, в основе которых лежат националистические или религиозные чувства и амбиции, становятся гораздо более понятными, если рассматривать их как проявления жажды к признанию, а не разумных желаний «максимизации полезностей». Современная либеральная демократия пытается удовлетворить это стремление, выстраивая по-

литический порядок на основе принципа всеобщих и равных возможностей. Однако на практике она оказывается неэффективной потому, что борьба за признание, прежде осуществлявшаяся на уровне военных, религиозных или националистических интересов, сегодня ведется в экономической сфере. Раньше князья пытались разбить друг друга, рискуя собственной жизнью в кровавых сражениях; теперь они рискуют своим капиталом, пытаясь создавать промышленные империи. В основе этих процессов лежит все та же психологическая потребность, однако стремление к признанию удовлетворяется путем создания материальных благ, а не их уничтожения.

Вызывают тревогу тенденции развития и диверсификации военно-технических средств уничтожения людей и всего живого на Земле, модернизация обычного оружия и создание его новых видов, приближающихся по своим свойствам к оружию массового уничтожения. Вооруженные конфликты стали значительно отличаться и по характеру, и по последствиям от всех предшествующих, связаны с суверинизацей многих государств, ростом национального самосознания, нередко перерастающего в агрессивный национализм, войны нового поколения.

Проблема перерастания военных конфликтов малой интенсивности в геополитические продолжает оставаться актуальной и в практическом, и в теоретическом отношении. Более того, ее актуальность растет, ибо военные конфликты стали затрагивать интересы ведущих стран мира в значительно большей мере, чем, например, десять лет тому назад. Одна из причин состоит в том, что не только ядерная война не может быть рациональным средством политики, но и ограниченная война и даже военные конфликты перестают достигать политические цели. Другая причина – формирование новой системы международных отношений после распада биполярной модели безопасности. Усиливается тенденция к разрешению противоречий и спорных вопросов между государствами политическими мирными средствами. В международном праве все большее признание находит у стран мира не «право силы, а принцип «силы права», отстаиваемый современной Россией, в частности, в Сирии.

Принципиальная позиция военных по поводу потенциальных международных конфликтов, в том числе и геополитических была высказана российским министром обороны: «В результате огромных усилий удалось добиться заключения ряда международных соглашений, которые притормозили гонку ядерных вооружений, сузили сферу их накопления…. Необходимо использовать позитивный потенциал идеи создания глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, выдвинутой президентом России Путиным в Кельне. Данная идея предусматривает формирование комплекса международных мер, включающих ограничительные режимы в отношении ракет и ракетных технологий; глобальный мониторинг за пусками ракет и создание соответствующего международного Центра; предоставляет гарантии безопасности любому государству – участнику этой системы; определение меры поощрения в отношении государств, отказавшихся от обладания ракетными средствами доставки оружия, включая содействие национальным программам; механизм регулярных консультаций…» [9].

Следует признать, что в практике глобализации произошла столь же масштабная подмена основных понятий: истинное объединение человечества в общий дом планеты на основе вечных и общезначимых ценностей и формирования общечеловеческой культуры оказалось заменено построением тоталитаризированной американоцентричной мегаструктуры, где идеалы и ценности нового общества и нового человека подменены прагматическими целями массового производства человека-атома, наиболее пригодного для этой безнациональной, внетрадиционной постройки, управляемой через манипулирование сознанием. Самым удобным для управления становится человек-функция гомогенизированного типа, усредненного стандарта, внушаемый, лишенный укорененности в традиции [10, с. 114].

Новые геополитические тенденции связаны с тем, что глобализация является многомерным феноменом, влияние которого стремительно растет, что значительно актуализирует вопрос о ее структуре и сущности. Именно концептуализация процесса глобализации, как

считает И.М.Подзигун, дает основание предположить, что данный процесс состоит из двух уровней – естественной, неуправляемой глобализации и глобализации, организуемой, управляемой [11, с. 6]. В частности, можно указать на попытки превращения европейской культуры в некий эталон, в сопоставлении с которым должны оцениваться все другие культуры, что является рыночным, а не философским подходом. К культуре прилагают схему всеобщего товарного эквивалента, работающего на товарных рынках, и таким образом выделяют некий «товар товаров», который служит мерой стоимости всех других товаров. Но в культуре нет эталона, так сказать, «культуры культур», ибо все они представляют собой равноценные элементы общего процесса становления и развития общечеловеческой культуры, при котором отбрасывание той или иной культуры приводит к нестабильной ситуации и реформированию всей сложившейся системы социокультурных понятий и представлений.

Тенденции, характерные для Восточной и Юго-Восточной Азии, западный человек склонен рассматривать однозначно как вестернизацию или модернизацию региона при механическом перенесении сюда западных ценностей, институтов и отношений. Преобладающие на Западе подходы к Востоку определяются восходящими еще к Гегелю представлениями о пассивности, летаргичности и неспособности восточного менталитета к социальному, технологическому и иным формам прогресса. Например, М.Вебер, характеризовал доминирующий в Китае тип взаимодействия со средой как приспособление, а в Европе – как овладение миром. Приспособление подразумевает преобладание в культурной матрице пассивного начала, а овладение миром – активного начала. Поэтому естественно, что Вебер объяснял отсталость Китая уникальной исторической непрерывностью и исключительно низкой способностью китайской цивилизации к трансформации [12, с. 703]. Само понятие, выраженное в русском языке словом «азиатчина», имело уничижительный, откровенно негативный оттенок.

Складывается впечатление, что определенные круги Запада, прежде всего руководство США, которые с исчезновением Советского Союза остались, пожалуй, одним из немногих идеологически ориентированных государств современного мира, именно применение этой антиномии в пользу морально-этического, вернее, идеологического начала на путях продвижения демократии по всему миру с помощью революций и вооруженной агрессии поставили во главе угла своей внешнеполитической стратегии. Здесь имеет место характерная для американского национального сознания временами склонность к смешиванию морали с морализаторством и идеологизацией.

Проблема неоконсерваторов нынешней волны, на идеях которых базируется внешнеполитическая стратегия Вашингтона, заключается в том, что у них установка на морализаторство и идеологизацию приняло крайние фундаменталистские формы. Явочным порядком провозгласив себя носителями единственно верного учения, они поставили его на службу идеологического обоснования политики экспорта демократии и прав человека по всему миру. Одним из стержневых элементов этого учения при администрации Дж. Буша-мл. стал так называемый демократический, ли как его назвал Дж. Сорос, рыночный фундаментализм.

В эпоху холодной войны, когда Соединенные Штаты только начинали выстраивать свою империю, они не могли, конечно, собирать дань с европейских государств, но убедили их принять главенство доллара в мировой валютной системе, что и стало своеобразным эквивалентом имперского налога.

Соединенные Штаты с момента своего основания управлялись и продолжают управляться элитной группой религиозных фундаменталистов, которые воспринимают историю эсхатологически, а роль США в этой истории – стало быть, и свою собственную – мессиански. Само по себе это не экзотика: многие правящие группировки эсхатологически ориентированы в своем понимании истории. Например, Иран или, если говорить о Европе, круги, близкие к Ватикану. Финалистским пониманием истории обладают также политические хозяева современной Индии, традиционалистский истеблишмент буддисткой Юго-Восточной Азии и т.д. вопрос в эсхатологическом сценарии. Американское понимание конца мира и последующих уже на метафизическом уровне событий не подразумевает ничего хорошего для иных элитных групп на земном шаре.

В современных условиях принципиально важной для ученых становится задача выработки нового мышления, которое не игнорировало бы геополитическую методологию исследования международных конфликтов и, вместе с тем, учитывало бы реальности глобализирующегося мира. Нарастающее давление со стороны ведущих субъектов глобализации, как следствие искусственной глобализации приводит к тому, что локальные и региональные конфликты приобретают иные масштабы и угрожают перерасти в геополитические. В мире нарастает активное противодействие глобализму и процессу расширения НАТО, поскольку реальные преимущества от создания «единого мирового пространства по западному образцу» намного перекрываются угрозой возникновения потенциальных конфликтов.

Кризис европоцентризма подтверждает тот факт, что «между субъектом и объектом прежней мироустроительной системы произошло заметное изменение взаимоотношений: былой объект вырос в своем онтологическом и ценностном значении, субъект – самокритически умалился. По-видимому, именно к нему, субъекту, будет относиться запрос грядущей формационной теории по поводу необходимых качественных реорганизаций и сдвигов. Слепота европоцентристского научного знания в отношении внутреннего мира – этого «черного ящика» западной культуры, привыкшей уповать на технико-экономический детерминизм, – мешает Западу выступить сегодня с большой формационной мироустроительной инициативой» [13, с. 45-46].

Европоцентризм, как предтеча глобализма, выполнив свою миссию по конкретному общемировому цивилизационному рывку в области декларирования общественных свобод и попыток экономической интеграции, исчерпал себя. Доказательством этого является также факт, что именно Европа стала источником двух мировых войн, и поэтому вряд ли может претендовать на роль законодателя единого человеческого сообщества. Подобный подход позволяет анализировать геополитический конфликт, исходя из тезиса, что одним из принципиальных противоречий глобализации (как, впрочем, и европоцентризма) является то, что в процессе реализации этих претензий на мировой уровень возникает дисбаланс между сферой влияния, которая простирается на весь мир, и сферой мотивации решений, которая в основном ограничена самими Соединенными Штатами. Возникает своего рода имперский провинциализм.

Переходный кризис в условиях острого конфликта между властью и обществом ведет к тяжелым социальным потрясениям. Мы считаем, что одним из следствий глобализации является современный терроризм. Дело в том, что значительный вклад в возникновение террора внесла «демократическая мифология», которая является важной составной частью идеологического сопровождения глобализации. На наш взгляд, анализ причин террора имеет непосредственную связь с исследованием сущности геополитического конфликта в процессе конфликтной демократизации. По мнению В.М.Сергеева, «основной пружиной террора является тяжелый конфликт между личной свободой и государственной властью. В условиях стабильности в обществе формируются определенные нормы свободы. Даже рассматриваемые определенными социальными группами как недостаточные, эти нормы все же являются фактами массового сознания. В периоды резких социальных сдвигов нормы свободы начинают рушиться, и это создает условия для возникновения конфликта между личной свободой и новыми, только рождающимися нормами. Начинается борьба, которая может при определенных условиях перерасти в массовый террор» [14, с. 219].

Сторонники нового социокультурного детерминизма установили, что способностью к закономерной внутренней динамике обладает лишь одна из множества существующих на Западе цивилизаций – западная. Только ей удалось вырваться за пределы циклического времени «вечных возвращений» в линейно-коммулятивное время, получившее название исторического прогресса. Одновременно только за нею признана способность ко всемирному распространению и образованию единого планетарного государства.

Кризисы глобализации и мировой системы в целом проистекает не только из противоречий геоэкономического характера. Есть конфликты, которые возникают под воздействием односторонних инициатив политических элит промышленно развитых стран по отношению к

некоторым государствам – членам мирового сообщества. Сюда можно отнести пресловутые двйоные стандарты западной демократии и искусственное выделение стран-изгоев, не соответствующих этой демокатии.

Эту важную тенденцию современной международной политики, влияющей на геополитические конфликты, отмечают ученые: «Появление режимов-«изгоев» можно, очевидно, отнести к первой половине 1980-х гг. Тогда, после нескольких чувствительных неудач в мировой политике в 1970-е гг., рельефно проявилось стремление США преодолеть внутренний нравственно-психологический кризис, своеобразный «комплекс пораженчества» с помощью неоконсервативных идейных установок, предполагавших, в частности, наступательные действия во внешней среде» [15, с. 89].

Во многих странах пришли к осознанию того, что бездумное доверие к западным теориям приводит к неполному, даже искаженному пониманию местных культур и их представителей. Постепенно в странах «третьего мира» приступили к созданию индигенных теорий, «стремящихся взглянуть на группу глазами ее членов» и учитывающих социальный и культурный контекст – ценности, нормы, систему верований конкретной этнической общности.

Таким образом, насильственная глобализация как претензия на новое геополитическое пространство и мировой порядок все чаще приобретает черты американизации, что приводит не только к противодействиям со стороны объектов глобализационного давления, но и к противоречиям в среде самых субъектов, в частности, - Европы, что грозит конфликтами с серьезными геополитическими последствиями. На данном переходном этапе, который характеризуется синтезом геополитического мышления и глобалистского видения мира, возможность предотвращения геополитических столкновений затруднена отсутствием четкой методологической базы исследования истоков и последствий геополитических конфликтов.Одним из перспективных подходов в разработке методологии глобалистики и геополитики является, на наш взгляд, исследование современных процессов глобализации в системе основных проектов науки, в основе которых лежит различение модели миа (универсалистская-метафизическая и космическая диалектическая). Данная методология активно и успешно разрабатывается в Красноярской философской школе в работах Чуринова Н.М., Князева Н.А., Пфаненштиля И.А., Яценко М.П. и наиболее полно представлена в журнале «Теория и история» [16].

Библиографический список

1. Подзигун, И.М. Глобализация как реальность и проблема // Философские науки. – 2003. - № 1.
2. Страда, В. Глобализация и история // Новая и новейшая история. – 2002. - № 6.
3. Востриков, С.В. Урегулирование конфликтов в ближнем зарубежье: К разработке стратегии России // Полис. – 1999. - № 5.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.
5. Дугин, А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: «Арктогея», 1997.
6. Делягин, М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003.
7. Замятин, Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX в. // Полис. – 2001. - № 6.
8. Браун, С. Причины войны: структурные факторы // Время мира. Альманах. Вып.3. Война и геополитика. - Новосибирск: Сибирский хронограф. 2003.

9. Третьяков В. США разрушают стратегическую стабильность: Интервью министра обороны Российской Федерации маршала И. Сергеева // Независимая газета. – 2000. - 22 июня.

10. Самохвалова, В.И. Проект глобализации и метафизический мегапроект человека // Философские науки. – 2003. - № 3.

11. Подзигун, И.М. Глобализация как реальность и проблема // Философские науки. – 2003. - № 1.

12. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

13. Панарин, А.С. Философия истории. М.: «Гардарики», 1999.

14. Сергеев, В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: Прометей-Юрайт-М, 1999.

15. Володин, А.Г., Широков, Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Полис. – 1999. – № 5.

16. Чуринов Н.М. Идеология одоления западничества – II // Теория и история. – 2012. – №2(22). С. 7-17; Чуринов Н.М. Русский экономический преокт – VII (Законы экономики) // Теория и история. – 2012. – №2(22). С. 136-150 и др.

Международный конфликт как теоретическая проблема

В.А. Светлов (г. С.-Петербург)

Представители современных теорий международных отношений активно используют в своих построениях понятие международного конфликта, но, как ни странно, при этом никто из них не придает ему ни специального теоретического смысла, ни особого категориального статуса в системе своих понятий, и оно употребляется большей частью чисто риторически – в качестве синонима понятий войны, антагонизма и прочих актов социального насилия и разрушения. Данное заключение справедливо в отношении теоретических построений представителей всех основных парадигм международных отношений, начиная от неореалистов[2] и заканчивая их многочисленными соперниками – неолибералами[3], неомарксистами[4] и конструктивистами[5]. Подобное отношение полностью лишает понятие международного конфликта самостоятельного теоретического и методологического значения. Кроме того, оно побуждает некоторых отечественных исследователей делать радикальные выводы о бесполезности создания теории международных отношений, основанной на понятии международного конфликта [6].

.

[3] См.: *Nye J.S., Welch D.A.* Understanding Global Conflict and Cooperation: An Introduction to Theory and History, 7th ed. Longman Publishing Group. New York. 2011.

[4] См.: *Wallerstein I.* World-System Analysis: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press. 2007.

[5] См.: *Wendt, A.* Social Theory of International Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

[6] «Несмотря на многочисленные попытки создания общей теории конфликтов, ни одна из них не увенчалась успехом. Не существует и общей теории международных конфликтов. На эту роль не могут претендовать ни полемология, ни конфликтология, ни социология конфликтов. Во-первых, многочисленные исследования не выявили какой-либо устойчивой корреляции между теми или иными атрибутами международных акторов и их конфликтным поведением. Во-вторых, те или иные факторы, которые могли бы рассматриваться как детерминирующие конфликтный процесс, как правило, варьируются на различных фазах этого процесса и поэтому не могут быть операциональными в анализе конфликта на всем его протяжении. Наконец, в-третьих, характер мотивов и природа конфликтов редко совпадают между собой, что также затрудняет возможности создания единой теории конфликтов, годной на все случаи.

Более того, определенный оптимизм, высказываемый некоторыми из видных специалистов относительно состояния исследования международных конфликтов, не помешал заметному кризису, в который эти исследования вступили с конца 80-х годов…

Таким образом, известные сегодня результаты исследования международных конфликтов если и не утрачивают своего значения в свете новых явлении, то обнаруживают беспочвенность своих претензии на всеобщ-

Фактическое игнорирование понятия международного конфликта в качестве центральной категории социального анализа, обозначающего универсальный движущий фактор международной жизни во всех ее проявлениях, значительно обедняет объяснительные и прогностические способности современных теорий международных отношений. Например, ни одна из них не смогла не только предсказать, но и объяснить неожиданный распад Советского Союза, а вместе с ним и исчезновение биполярной конфигурации международной системы государств. Обычные апелляции теоретиков международных отношений к стремлению отдельных личностей, социальных групп, государств или коалиций государств к безопасности, захвату и удержанию власти, подержанию упорядоченной и обеспеченной жизни не достаточны для объяснения, почему возникают одни международные структуры и государства и исчезают другие.

На наш взгляд, отмеченный пессимизм теоретиков международных отношений относительно объяснительных и предсказательных возможностей понятия международного конфликта не имеет серьезных теоретических и методологических оснований. Ниже мы постараемся показать, что понятие международного конфликта не является бесполезным теоретическим и методологическим конструктом. Наоборот, оно позволяет объяснять глубинные процессы международной жизни, их динамику, предсказывать ключевые события.

Конфликт, синергизм и антагонизм

Конфликт – основополагающая категория конфликтологии наряду с понятиями синергизма, антагонизма и противоречия. Обозначает системное явление: всегда возникает и разрешается в границах определенной системы взаимодействующих элементов. Конфликтов, не связанных с системами, не существует. Конфликт любых двух отдельных элементов или систем всегда представляет конфликт объединяющей их более общей системы.

Лишь недавно было предложено системное определение конфликта, удовлетворяющее научным стандартам[7]. Распространенное определение конфликта как «столкновение противоборствующих (противодействующих) сил (интересов, действий, субъектов и т.д.)» содержит логическую ошибку, называемую *слишком широкое определение*. Ошибка возникает из-за того, что признаки «столкновение» и «столкновение противоборствующих сил» - *эквивалентные, т.е. обозначающие одно и то же явление и тем самым взаимозаменяемые, понятия.* Присоединение признака «противоборствующие силы» к понятию «столкновение» никак не ограничивает последнее и, в сущности, избыточно.

Столкновение нигде и никогда не является односторонней акцией. Все силы в природе парные и в каждой паре противоположны по направлению, качеству, а иногда, как в живой природе, и по знаку своего действия. Поэтому если имеет место столкновение, всегда имеет место и противодействие сил, а если есть противодействие сил, значит, имеет место и их столкновение.

Против отождествления конфликта со столкновением свидетельствует также то обстоятельство, что не только конфликт, но и противоположные ему состояния – синергизм и антагонизм также представляют возможные виды столкновения. И поскольку конфликт, синергизм и антагонизм исчерпывают все допустимые виды взаимодействия в природе, активность любой ее системы протекает в форме столкновения. Значит, столкновение – всего лишь родовой признак конфликта, требующий дальнейшего логического ограничения.

Теоретические ошибки в определении конфликта возникают тогда, когда конфликт отождествляется либо с антагонизмом, либо с противоречием (или его отдельной, как правило, высшей стадией, формой разрешения или завершения).

ность, соответствие лишь части международных реалий» - *Цыганков П.А*. Политическая социология международных отношений. М.: Радикс. 1994. С. 157-159.

[7] *Светлов В.А*. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов. М.: Либроком. 2009, 2011. *Его же*. Современное введение в конфликтологию. М.: Нобель пресс. 2013.

Конфликт и антагонизм – противоположные и тем самым несовместимые состояния системы[8]. Значит, ни одно из них не может служить родовым признаком для определения другого.

Конфликт также не тождественен противоречию или какой-либо его отдельной стадии, форме или структурной части. Все противоречия делятся на логические (только одна противоположность истинна) и нелогические (все противоположности истинны одновременно). Конфликт не может возникнуть, если противодействующие друг другу силы не действуют одновременно. Значит, только нелогическое противоречие можно назвать конфликтом. Поскольку противоречия дихотомически делятся на логические и нелогические, всякий конфликт представляет противоречие, но не всякое противоречие можно назвать конфликтом.

Основные определения и свойства конфликта с системной точки зрения суммированы в нижеследующей таблице

Конфликт – нелогическое противоречие элементов системы по (1) *направлению* активности; или (2) *знаку* активности; или (3) *направлению и знаку* активности одновременно.
Система находится в конфликтном состоянии, если направления и знаки активностей ее элементов сочетаются таким образом, что всякая активность любого из них становится причиной торможения, коррекции или дезорганизации поведения всей системы в целом.
Конфликтная система с течением времени и в зависимости от соотношения коэффициентов петель причинной (обратной) связи и знаков доминирующих циклов либо остается *конфликтной* на более высоком или более низком уровне; либо трансформируется в *синергетическую* или *антагонистическую* систему.

Новое понимание конфликта соответствует законам природы и объясняет, почему конфликт является источником и причиной всех взаимодействий. Каждая система обременена конфликтом уравновешивающих до поры до времени друг друга внутренних сил. Его причиной является противоречие между противоположно направленными стремлениями, с одной стороны, системы максимизировать потребление некоторого общего ресурса, необходимого для ее существования, и, с другой стороны, стремлением ее отдельных элементов максимизировать потребление данного ресурса для сохранения собственного существования.

Развитие противоречия подчиняется следующему закону.

(1) Чем больше общего ресурса требуется системе для ее собственного сохранения, тем меньше ресурса остается ее отдельным элементам для их индивидуального использования (2) Чем больше отдельные члены системы увеличивают потребления общего ресурса, тем меньше ресурса остается у системы для поддержания собственного существования.

Конфликт указанных тенденций создает общесистемное напряжение, стремление к уменьшению которого становится причиной поиска или создания системой эффективных способов его разрешения. Стечение внешних и внутренних обстоятельств побуждает систему к выбору одного из них. Так возникает актуальное взаимодействие системы с внешней средой, уменьшающее возникшее напряжение. Следует отметить, что это взаимодействие на

[8] См. статью «Доказательство логической несовместимости конфликта с антагонизмом» в: Современный словарь по конфликтологии. М.: Наука, Флинта. 2013 (в печати)

самом деле представляет всего лишь один из возможных способов разрешения системного противоречия.

Новое определение конфликта позволило доказать существования трех и только трех динамических видов конфликта: конфликта-регулятора, конфликта-пульсации и конфликта-катастрофы. Какой именно из них имеет место, зависит от величины интегрального коэффициента обратной связи элементов самой системы[9].

Все бесконфликтные системы стремятся непрерывно продолжать ранее начатую деятельность, но ни одна из них не способна к этому из-за внутренних и внешних ограничений и при их достижении неизбежной дезорганизацией всех своих функций. Например, ни один человек не может непрерывно бодрствовать. Чтобы переключаться с одного вида активности на другой, системы активируют в себе противоположно направленную силу, в результате чего возникает новый конфликт внутренних сил, который либо тормозит (блокирует на некоторое время) ранее начатую активность, либо регулирует ее каким-либо образом, либо ее аннулирует (полностью отменяет). Последняя функция имеет особое эволюционное значение. Когда система исчерпывает потенциал своего существования, она сама себя уничтожает.

Таким образом, конфликт не является каким-либо временным и нежелательным состоянием, а наоборот, представляет глобальный эволюционный модератор, регулирующий поведение систем с момента их рождения и до их исчезновения.

Любой конфликт, в том числе и международный, имеет две и только две формы разрешения – синергетическую и антагонистическую.

Синергизм элементов возникает тогда, когда система пытается разрешить свой конфликт посредством трансформации всех своих элементов в одну общую и однородную систему взаимно поддерживающих друг друга агентов.

> **Элементы системы связаны друг с другом *синергетически***, если направления и знаки их активностей сочетаются таким образом, что усиление (ослабление) активности любого подмножества элементов системы становится причиной усиления (ослабления) активности остальных элементов этой же системы.

Синергизм обладает собственной логикой развития, основанной на прямо пропорциональных (симметричных) связях своих агентов: все они одновременно либо преуспевают, либо деградируют. Работники, совместно выполняющие какое-нибудь задание, могут либо усиливать, либо ослаблять деятельность друг друга. В первом случае окончательный результат будет больше арифметической суммы индивидуальных производительных сил работников, во втором будет меньше этой суммы. Например, слаженно играющая спортивная команда – всегда нечто большее, чем сумма индивидуальных способностей входящих в нее игроков; наоборот, плохо играющая команда может состоять из выдающихся игроков, способности которых подавляются некачественной организацией команды.

Из сказанного ясно, что синергизм приводит либо к самоусилению активности системы, либо к ее самоослаблению. Причем, обе эти тенденции действительны для всех элементов системы без исключения.

Не всякая система из-за внутренних и внешних ограничений выдерживает длительное развитие синергизма. Столкнувшись с ними, система вступает в стадию конфликта-катастрофы и, как правило, разрушается вместе со своими синергистами.

Антагонизм элементов возникает тогда, когда: система пытается разрешить свой конфликт посредством своих элементов на два непересекающихся и конкурирующих друг с другом полюса агентов и их союзников таким образом, что каждый член одного полюса «дру-

[9] См. статью «Динамическая классификация конфликтов» в: Современный словарь по конфликтологии. М.: Наука, Флинта. 2013 (в печати)

жил» с каждым членом своего полюса и «воевал» с каждым членом противоположного полюса.

> **Элементы системы связаны друг с другом *антагонистически*,** если направления и знаки их активностей сочетаются таким образом, что усиление (ослабление) активности одного подмножества элементов системы становится причиной ослабления (усиления) активности другого подмножества элементов этой же системы.

Антагонизм имеет свою особую логику развития, основанную на обратно пропорциональной (асимметричной) связи полюсов-антагонистов: процветание одного из них обязательно влечет деградацию другого. Из новейшей истории известно, что соперничество «лагеря капитализма» и «лагеря социализма», а вместе с ними двух военно-политических союзов - НАТО и ОВД (Объединения Стран Варшавского Договора), закончилось укреплением и расширением первого и исчезновением второго.

На языке системной динамики антагонистические системы принадлежат к разряду самоусиливающихся систем: с течением времени и при прочих равных обстоятельствах антагонизм может только усиливаться. Но это самоусиление распространяется только на одно из подмножеств, другое будет с такой же необходимостью самоослабляться. Это означает, что чем больше система находится в антагонистическом состоянии, тем больше один из антагонистов ближе к победе, а второй к поражению.

Не всякая система из-за внутренних и внешних ограничений выдерживает длительное развитие антагонизма. Столкнувшись с ними, система вступает в стадию конфликта-катастрофы и, как правило, разрушается вместе со своими антагонистами.

Определение международного конфликта

Из системного анализа конфликта следует, что для точного определения понятия международного конфликта необходимо предварительно конкретизировать:

(1) систему акторов международных отношений – социальных групп, государств и иных организаций;

(2) разновидность общего ресурса, использование которого является существенным условием для функционирования всей системы акторов;

(3) системное противоречие в использовании общего ресурса между акторами системы международных отношений.

Если допустить в соответствии с историческими фактами, что система международных акторов никогда не имела единого регулятора, т.е. всегда находилась, как принято говорить в теории международных отношений, в анархическом состоянии, то в такой системе причиной возникновения и разрешения международных конфликтов становится противоречия между общей безопасностью системы рассматриваемых акторов и их стремлением к максимизации индивидуальной безопасности. Данное противоречие представляет, как было установлено Томасом Гоббсом, необходимое следствие состояния «естественного равенства»[10], и в специальной литературе по теории международных отношений часто формулируется в виде так называемой «дилеммы безопасности»[11].

---

[10] «Из-за равенства проистекает взаимное недоверие… Таким образом, выходит, что там, где человек может отразить нападение лишь своими собственными силами, он, сажая, сея, строя или владея приличным именем, может с верностью ожидать, что придут другие люди и соединенными силами отнимут его владение и лишат его не только плодов собственного труда, но также жизни или свободы. А нападающий находится в такой же опасности со стороны других» - *Гоббс Т.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 1991. С. 94.

[11] Группам или индивидам, которые «живут бок о бок друг с другом, не будучи организованными в какую-либо единую целостность, приходится быть озабоченными собственной безопасностью, чтобы не стать объектом нападения, подчинения или уничтожения со стороны других групп или индивидов. Стремясь гарантированно обезопасить себя от подобных атак, они вынуждены все более и более наращивать свою силу, чтобы нейтрализовать возможное нападение со стороны. Но такое поведение ослабляет безопасность соседей и побужда-

Система акторов международных отношений находится в анархическом состоянии тогда и только тогда, когда она не управляется одним общим регулятором (акторы не находятся в состоянии иерархического подчинения).
Общая причина всех международных конфликтов в системах анархического типа – противоречие между принципом равной безопасности акторов и их стремлением максимизировать собственную безопасность.
Международные конфликты в системах анархического типа направлены на разрешение ее базисного противоречия и проявляются в виде попыток таких систем к саморегуляции, самоторможению, или саморазрушению.

Итак, с системной точки зрения международный конфликт – проявление фундаментального противоречия между общими свойствами (задачами, предназначением) системы и частными свойствами ее элементов. Как известно, общие свойства системы никогда не сводятся к сумме свойств ее отдельных элементов. Или, что то же, ранг системы всегда выше ранга любой ее подсистемы. Значит, противоречие в системе международных отношений актуализируется всякий раз, когда стремление отдельных акторов увеличить собственную безопасность уменьшает или подрывает безопасность всей системы. И поскольку все акторы озабочены прежде всего индивидуальной безопасностью, международная система анархического типа обречена на возникновение конфликтов указанного вида.

Основные теоретико-игровые паттерны международного конфликта в системах анархического типа

На первый взгляд, кажется, что каждый конфликт уникален, неповторим и знание причин и последствий одного из них никак не применимо к познанию других конфликтов, однако подобные утверждения ошибочны. Причина в том, что наука, как доказывал еще Аристотель, может быть знанием только общего, *применимым ко всем явлениям определенного рода*. При этом общее знание, например знание законов природы, никак не препятствует его применению к индивидуальным явлениям. Наоборот, без общего, инвариантного знания вообще не была бы возможна никакая наука. С помощью одних и тех же законов механики рассчитываются движение всех земных и небесных тел, включая движение живых существ, автомобилей, поездов, вод рек, морей и океанов, самолетов, ракет, планет, звезд и галактик.

Каждый конфликт подчиняется определенному шаблону – самовоспроизводящейся инвариантной структуре, называемой *паттерном* и отображающей структурные, динамические или теоретико-игровые свойства реальных конфликтов. Подобие и подчинение всех сложных конфликтов небольшому числу основных паттернов открывает возможность создания универсальной модели конфликта.

Понятие паттерна представляет очень важный аналитический инструмент для изучения сложных систем таких, как международные, не имеющих единственного регулятора. Особенностью поведения таких систем является хаотическое блуждание в границах, определяемых паттерном. Зная паттерн, мы знаем реальные границы поведения системы, хотя и не можем точно предсказать ее будущее состояние. Схема использования паттернов для объяснения и прогнозирования конфликта выглядит следующим образом:

ет их готовиться к худшему. Поскольку никто не может чувствовать себя в абсолютной безопасности в мире силового противостояния и конкуренции, возникает порочный круг, когда ради сохранения собственной безопасности необходимо постоянно наращивать свою силу» - *Herz, John H*. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. 1950. Vol. 2, No. 2. P.157.

Паттерн (общие условия)	+	Реальный конфликт (частные условия)	=	Объяснение и прогнозирование реального конфликта

Все паттерны конфликта можно разделить в соответствии с делением моделей конфликтов на три иерархически упорядоченные класса – структурные, динамические и теоретико-игровые. Выявление и исследование всех паттернов представляет актуальную научную задачу.

В единой теории конфликта паттерный подход к анализу конфликтов является основным. Он связывает универсальную модель конфликта с его рабочей моделью. Если интерес представляет структура изучаемого конфликта, подбирается структурный паттерн. Для исследования динамики конфликта отыскивается динамический паттерн. Для предсказания исходов конфликта находят соответствующий теоретико-игровой паттерн. Так как всякий конфликт подчиняется одному из структурных, динамических или теоретико-игровых паттернов, все свойства соответствующего паттерна автоматически переносятся на изучаемый конфликт.

Теория игр – основной аналитический инструмент исследования международных конфликтов и проблемы безопасности в целом. Причина этого очевидна. Отношения между акторами международных отношений носят стратегический характер: ни один из них не может принять ответственное решение, не координируя его с возможными действиями и их последствиями своих союзников и не учитывая возможных контрдействий и их последствий своих противников. Соответственно поиск и анализ теоретико-игровых паттернов международных конфликтов представляет актуальную задачу исследования проблемы международной безопасности.

С. Брамс и М. Килгор, специально исследовавшие данную проблему применительно проблеме международной безопасности, пришли к выводу, что существует трехуровневая иерархия теоретико-игровых паттернов международных конфликтов, связанных с решением дилеммы безопасности[12]. Паттерны нижнего уровня подчиняются двум паттерна среднего уровня – известным играм «Дилемма заключенного» и «Петухи». Последние подчиняются родовому паттерну – игре «Конфликт». Каждый паттерн вышестоящего уровня следует рассматривать как своеобразную матрицу, необходимую для конкретизации паттернов нижестоящего уровня. Обобщение паттернов с близкими характеристиками дает следующую картину (см. табл. 1),

Таблица 1

<table>
<tr><td colspan="3">Игра «Конфликт»</td></tr>
<tr><td>Игра
«Дилемма заключенно-</td><td colspan="2">Игра
«Петухи»</td></tr>
<tr><td>Игра
«Деэскалация или гонка вооружений»</td><td>Игра
«Сдерживание»</td><td>Игра
«Оптимальная угроза»</td></tr>
</table>

Из табл. 1 следует, что родовой паттерн международных конфликтов – игра «Конфликт» представляет набор минимальных допущений, необходимых для решения дилеммы безопасности. Остальные игры отличаются от родовой матрицы тем, что включают в нее дополнительные допущения в зависимости от условий решения дилеммы безопасности. Общим

[12] См.: *Brams Steven J., Kilgour D. Marc*. Game Theory and National Security. New York. Basil Blackwell Inc. 1988.

для рассматриваемых паттернов является наличие двух акторов, называемых в теории игр игроками. Следуя этой традиции, обозначим их символами *A* и *B*.

В число минимальных допущений решения дилеммы безопасности входят следующие выборы.

● На первом шаге каждый игрок дилеммы безопасности имеет право сделать выбор между сотрудничеством или отказом от сотрудничества с другим игроком.

● Если на первом шаге оба игрока отказались от сотрудничества, игра заканчивается.

● Если на первом шаге один из игроков выбирает сотрудничество, а другой отказ от сотрудничества, тогда на втором шаге каждый игрок делает выбор о продолжении сотрудничества либо основываясь на политике повторения предшествующего действия своего соперника – совершая акт сотрудничества в ответ на акт сотрудничества, акт адекватного возмездия в ответ на нападение (сотрудничество в условном смысле), либо с отказом от политики повторения предшествующего действия своего соперника (сотрудничество в безусловном смысле).

При указанных допущениях у каждого из игроков *A* и *B* имеются три стратегии решения дилеммы безопасности: отказаться от сотрудничества, сотрудничать в условном смысле, сотрудничать в безусловном смысле. Эти стратегии формально порождают девять возможных истодов, только шесть из которых отличаются друг от друга по существу.

(1) Игрок *A* отказывается от сотрудничества, игрок *B* выбирает сотрудничество в безусловном смысле.

(2) Игрок *B* отказывается от сотрудничества, игрок *A* выбирает сотрудничество в безусловном смысле.

(3) Игроки *A* и *B* оба выбирают сотрудничество в условном или безусловном смысле (обоюдный выигрыш).

(4) Игроки *A* и *B* оба отказываются от сотрудничества в любой форме.

(5) Игрок *B* отказывается от сотрудничества, игрок *A* выбирает сотрудничество в условном смысле.

(6) Игрок *A* отказывается от сотрудничества, игрок *B* выбирает сотрудничество в условном смысле.

Исход (1) символизирует выигрыш игрока *A*, так как *A* обладает гарантированным односторонним преимуществом перед игроком *B* в собственной безопасности; исход (2) – выигрыш игрока *B* (по аналогичной причине). Исход (3) носит обобщенный характер и включает четыре возможных комбинации взаимного сотрудничества (условно-условного, условно-безусловного, безусловно-условного, безусловно-безуслов-ного). Данный исход выбран в качестве *status quo* для обоих игроков. Исход (4) воспроизводит ситуацию неуправляемой эскалации угроз, что можно обозначить как взаимный проигрыш игроков *A* и *B*. Исход (5) символизирует ситуацию давления игрока *A* на игрока *B* для налаживания сотрудничества; исход (6) – обратную ситуацию принуждения к сотрудничеству.

Связь между платежами (ценностью) исходов в рассматриваемой игре определяется следующими тремя допущениями.

D1. Каждый игрок предпочитает собственный выигрыш состоянию *status quo*.

D2. Каждый игрок предпочитает состояние *status quo* выигрышу своего соперника.

D3. Каждый игрок предпочитает состояние *status quo* любому из трех некооперативных исходов – {(4), (5), (6)}.

Из приведенных допущений следует, что только исходы (1), (2) и (3) оптимальны в смысле Парето[13], так как не существует ни одного исхода, который был бы более привлекателен для одного игрока и по крайней мере настолько же привлекателен для другого.

Из четырех исходов, образующих состояние *status quo* для обоих игроков, точку равновесия в смысле Нэша[14] представляет только исход взаимного условно-условного сотрудниче-

[13] Исходы, не обязательно равновесные, улучшение которых одним из игроков невозможно без ухудшения исходов для других игроков.

ства. Любое единоличное отклонение игроков *A* или *B* от стратегии взаимного сотрудничества в условном смысле гарантирует им исход с пониженной ценности платежа.

Игра «Дилемма заключенного» объясняет, почему стремление к максимизации индивидуальной безопасности ослабляет общую безопасность и, наоборот, почему стремление к общей безопасности ослабляет индивидуальную безопасность. В таком единстве противоположных тенденций нет ничего удивительного, так как оно указывает на противоречивую сущность безопасности как основного ресурса акторов международных отношений

Чтобы получить из родового паттерна «Конфликт» игру «Дилемма заключенного»[15], необходимо исключить все исходы, связанные с сотрудничеством в безусловном смысле, т.е. сделать сотрудничество игроков полностью взаимозависимым процессом. Такое допущение позволяет уменьшить общее число стратегий до двух и число возможных исходов до четырех. Используя прежнюю нумерацию, получаем в качестве окончательного множества исходов {(1), (2), (3) и (4)}. При этом общие соотношения исходов, установленные допущениями D1, D2 и D3 родового паттерна, сохраняются.

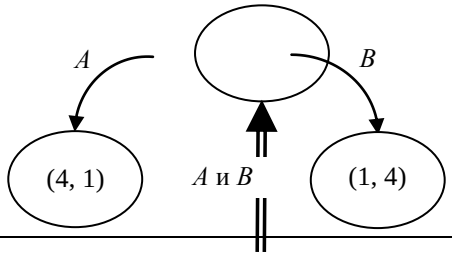
Информацию об игре «Дилемма заключенного» полезно представить в виде матрицы возможных действий игроков *A* и *B* и платежей исходов (в терминах порядковых полезностей – первая цифра обозначает платеж игрока *A*, вторая цифра – платеж игрока *B*; табл. 2).

Таблица 2

Игра «Дилемма заключенного»		
	***B* сотрудничает**	***B* не сотрудничает**
***A* сотрудничает**	3, 3 (*A* и *B* оба выигрывают)	1, 4 (*B* выигрывает)
***A* не сотрудничает**	4, 1 (*A* выигрывает)	2, 2 (*A* и *B* оба проигрывают)

Игра «Дилемма заключенного» имеет одно антагонистическое решение в смысле Нэша, стабильное для каждого игрока в отдельности, но не стабильное для их коалиции (исход с платежом (2, 2)). Синергетическое решение (исход с платежом (3, 3)) конфликта также возможно, но без применения санкций и реалистичных угроз оно не является стабильным для рационально действующих игроков.

Смысл решения дилеммы безопасности в терминах игры «Дилемма заключенного» становится более ясным при визуализации выборов игроков (рис. 1).



[14] Стабильный (равновесный) исход, отказ от которого в одностороннем порядке невыгоден ни одному из игроков.

[15] Классическое содержание игры такое. У полиции есть основания подозревать, что двое преступников действовали сообща. Подозреваемых рассадили на ночь по разным камерам, чтобы они не могли общаться друг с другом, и предложили сделку. Тот, кто к утру донесет на напарника при условии, что последний промолчит, получает свободу, а его товарищ – 10 лет тюремного заключения. Если оба не сознаются, каждому грозит по 1 году. Если оба донесут друг на друга, каждый получит по 5 лет. Промолчать или донести на товарища – решение, которое предстоит принять в течение ночи каждому из заключённых. Дилемма для обоих заключается в том, что каждому из них выгоднее предать своего товарища, чем не предать.

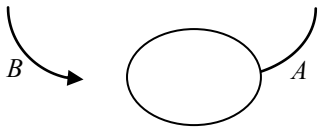


Рис. 1. Визуализация выборов игроков в игре «Дилемма заключенного»

Допустим, игроки *A* и *B* – рациональные агенты международных отношений. Тогда они должны стремиться максимизировать свой выигрыш, т.е. собственную безопасность. Это означает, что сохранение *status quo* как для игрока *A*, так и игрока *B* является неустойчивым состоянием, так как каждый из них способен улучшить свое положение, двигаясь вдоль соответствующей стрелки к исходу с большим платежом. Но подобное эгоистическое усиление собственной безопасности, предпринятое одним из игроков, автоматически повлечет максимальное ослабление безопасности другого игрока. Игрок, чья безопасность окажется поставленной под угрозу в результате подобных односторонних действий, немедленно выберет действие «не сотрудничать», чтобы минимизировать свои риски. Учитывая, что оба игрока находятся в симметричном положении друг относительно друга, предпринятое ими усиление собственной безопасности, приведет их обоих с необходимостью к ее полной потере, т.е. взаимному проигрышу (исход с платежом (2, 2)). Однако этот результат не является для игроков окончательным. Оказавшись с точки зрения безопасности в наихудшем положения, оба игрока имеют возможность договориться об условиях паритета и вернуться к *status quo* (совместным движением по двойной стрелке на рис. 1). Но, как отмечалось, состояние *status quo* не устойчиво и игроки, достигшие этого состояния, неизбежно начнут новый раунд усиления собственной безопасности.

Иначе говоря, стремление к максимизации индивидуальной безопасности всегда ослабляет общую безопасность (*status quo*) и вызывает прямо противоположное стремление системы восстановить его. Однако стремление к максимизации общей безопасности (*status quo*) ослабляет, в свою очередь, индивидуальную безопасность игроков, что порождает их стремление максимизировать ее. Таким образом, вся система приходит в колебательное движение между двумя противоположными состояниями, не имея возможности остановиться в одном их них навсегда.

Аналогичный результат имеет место, если игроки *A* и *B* станут действовать не последовательно, а начнут делать свой выбор одновременно, т.е. независимо друг от друга.

Таким образом, все государства, социальные группы и отдельные индивиды, оказавшиеся в ситуации паттерна «Дилемма заключенного», при попытке решить дилемму безопасности, становятся субъектами конфликта-пульсации, не имеющего ни одной устойчивой точки стабильности и колеблющегося между синергетическим (все выигрывают) и антагонистическим (все проигрывают) решением конфликта. Стремление игроков усилить собственную безопасность неизбежно ведет их к ослаблению общей безопасности, затем возвращает обратно к созданию нового *status quo* и тем самым создает предпосылки для запуска нового цикла решения дилеммы безопасности. Откуда следует, что без определенных мер принуждения к взаимному сотрудничеству, угроз и санкций остановить движение по кругу и тем самым решить удовлетворительно проблему безопасности для всех игроков невозможно.

Игра «Деэскалация или гонка вооружений» возникает из игры «Дилемма заключенного» при следующих дополнительных условиях.

Выборы игроков между стратегиями «сотрудничать» и «не сотрудничать» теряют определенность и становятся вероятностными. Например, игрок *A* выбирает действие «сотрудничать» с вероятностью 0,3 и соответственно с вероятностью 0,7 – «не сотрудничать». Игрок *B*, исходя из своих данных и интересов, может руководствоваться другими вероятностями выбора данных действий.

Выбор политики повторения или неповторения предшествующего действия соперника также становится вероятностным.

Основные исходы игры «Деэскалация или гонка вооружений» следующие. Если оба игрока выбирают действие «сотрудничать», игра заканчивается синергетической деэскалацией напряженности и общего уровня вооружений. Если оба игрока выбирают действие «не сотрудничать», эскалация напряженности и вооружений достигает предела, что делает начало военных действий весьма вероятным. В этом случае мы имеем дело с антагонистическим исходом-катастрофой. В двух оставшихся случаях, когда один игрок выбирает сотрудничество, а другой отказ от него, ситуация с точки зрения роста эскалации или деэскалации остается антагонистической, фиксированной на некотором промежуточном (между минимумом и максимумом эскалации) уровне.

Таким образом, для запуска процесса деэскалации необходимо и достаточно игрокам просто поддержать в соответствии с принципом повторения любой, возможно, случайно совершенный кем-либо из них акт сотрудничества. Двойная стрелка на рис. 1 указывает на реальную возможность такого решения данного конфликта. Наоборот, для запуска гонки вооружений необходимо и достаточно, невзирая ни на какие действия соперника, стремиться только к максимизации собственной безопасности.

Игра «Петухи» символизирует новый конфликтологический аспект дилеммы безопасности. Когда игроки решают одновременно достичь максимума собственной безопасности и при этом никто из них не придерживается политики равного ответа (возмездия), тогда их усилия гарантированно заканчиваются катастрофой. Ибо если хотя бы один игрок не следует данному принципу, становится невозможным сдерживание всех тех игроков, которые стремятся максимизировать собственную безопасность в ущерб безопасности остальных акторов.

Таким образом, новым элементом решения дилеммы безопасности становится решение игроками проблемы сдерживания несанкционированного нападения.

Сдерживание означает угрозу, предотвращающую несанкционированную атаку на некоторого игрока в качестве первого выбора других игроков.

Без осуществления всеми игроками политики сдерживания оказывается невозможным достижение стабильной безопасности. Однако при этом выявляется две дополнительные проблемы, без решения которой сдерживание теряет всякий смысл.

Во-первых, сдерживание должно быть взаимным.

Во-вторых, политика повторения предшествующих действий соперников не должна приводить игроков к худшим исходам, чем их взаимный выигрыш.

В-третьих, все угрозы, на которых строится взаимное сдерживание, должны быть правдоподобными. Ибо совершенно очевидно, что если хотя бы одна угроза какого-либо игрока будет признана неправдоподобной, т.е. блефом, принцип взаимности теряет смысл..

Несмотря на распространенное мнение о том, что сдерживание является элементом только ядерного соперничества, эта точка зрения, в общем, неверна. Предотвращение несанкционированного нападения – элемент любой социальной ситуации, в которой имеется или возникло силовое неравенство и, как следствие, исчез сдерживающий фактор.

Чтобы получить из родового паттерна «Конфликт» игру «Петухи»[16], необходимо, как и в случае с игрой «Дилемма заключенного», исключить все исходы, связанные с сотрудничеством в безусловном смысле и изменить платежи исходов таким образом, чтобы взаимный

[16] Классическое содержание игры основано на одном из эпизодов фильма «Rebel without a Cause» («Беспричинный бунтарь», 1955, США), в котором девушка провоцирует смертельно опасную автомобильную дуэль между двумя своими поклонниками. Название фильма было заимствовано с названия книги Роберта М. Линдера, посвящённой проблемам гипноанализа малолетних преступников (*Linder R. M.* Rebel Without A Cause: The Hypno-Analysis of a Criminal Psychopath. Grune and Stratton. 1944). На большой скорости дуэлянты мчатся по шоссе навстречу друг другу. Проигрывает тот, кто свернет первым. Конфликт заключается в том, что желание каждого дуэлянта выиграть (никто не сворачивает), не прослыть трусом, ведет к неминуемой катастрофе. Ничья (оба сворачивают) для подростков - унизительный компромисс в глазах девушки.

проигрыш (катастрофическое уменьшение общей безопасности) оказался для обоих игроков наименее привлекательным исходом. При этом общие соотношения исходов, установленные допущениями D1, D2 и D3 родового паттерна, сохраняют свою силу.

Пусть *A* и *B* обозначают игроков. Матрица возможных действий и платежей (в терминах порядковых полезностей) указана в табл. 3.

Таблица 3

Игра «Петухи»		
	***B* сотрудничает**	***B* не сотрудничает**
***A* сотрудничает**	3, 3 (*A* и *B* оба выигрывают)	2, 4 (*B* выигрывает)
***A* не сотрудничает**	4, 2 (*A* выигрывает)	1, 1 (*A* и *B* оба проигрывают)

Логика решения дилеммы безопасности в терминах игры «Петухи» становится более ясной при визуализации выборов игроков (рис. 2).

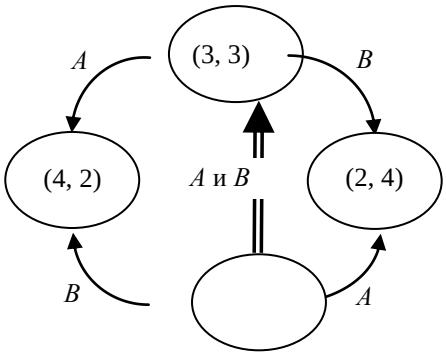


Рис. 2. Визуализация выборов игроков в игре «Петухи»

Если игроки не придерживаются принципа равного ответного удара, игра «Петухи» имеет три антагонистических решения, два из которых являются стабильными в смысле Нэша – выигрыш одного из игроков с одновременным проигрышем другого (исходы с платежами (4, 2) и (2, 4)). Третий исход, символизирующий основной результат конфликта-катастрофы, стабилен для каждого игрока в отдельности, но не стабилен для их коалиции (исход с платежом (1, 1)). Проблема заключается в том, чтобы сделать синергетический исход (3, 3) стабильным решением игры «Петухи» также.

В классическом варианте игры «Петухи» игроки *A* и *B* действуют одновременно, подчиняясь только принципу максимизации собственной безопасности. Нетрудно предсказать, что они оба выберут действие «не сотрудничать» и получат исход, который при определенных условиях (например, в случае всеобщей ядерной войны) повлечет их гарантированное уничтожение. В таком завершении борьбы за безопасность нет ничего удивительного, так как оба игрока не придерживаются принципа равного ответного удара. Чем более упорно игроки стремятся обеспечить свою безопасность, полагаясь на случайную удачу в решении собственной проблемы безопасности, тем более вероятен их общий проигрыш, включая и возможность полного самоуничтожения. Только реальная возможность равного ответного

удара исключает риск возникновения общей катастрофы и делает синергетический исход с платежом (3, 3) единственным стабильным решением.

Игра «Сдерживание» возникает из игры «Петухи» при тех же условиях, при которых игра «Дилемма заключенного» трансформируется в игру «Деэскалация или гонка вооружений» с одним новым допущением – игроки имеют до начала игры в «Петухи» обменяться информацией о своих правах на нападение первыми и угрозами ответного удара. Если угрозы будут оценены каждой стороной как правдоподобные, взаимно сдерживающие, тогда игра «Петухи» трансформируется в игру «Сдерживание» с одним стабильным решением – синергетическим исходом (3, 3).

Важным следствием игры «Сдерживание» можно назвать возникновение у игроков, достигших состояния взаимного сдерживания, стремления инициировать процесс взаимного уменьшения уровня вооруженности. Причина появления такой тенденции очевидна: если силы сдерживания одинаковы, обоим игрокам в равной степени выгоднее поддерживать данное равенство на как можно низшем уровне, с наименьшими издержками. Но какой минимальный уровень взаимного сдерживания следует считать оптимальным? Опыт показывает, что данная проблема не имеет общего однозначного решения. В некоторых случаях для сдерживания возможной агрессии соперника достаточно угрозы равного ответного удара, в некоторых – угрозы более сильного, а в некоторых – угрозы более слабого ответного удара. Для обоснованного ответа на этот вопрос необходим анализ новой игры «Оптимальная угроза».

Игра «Оптимальная угроза» подобна игре «Сдерживание» во всех отношениях, кроме двух. Во-первых, выборы «сотрудничать» и «не сотрудничать» следует интерпретировать как выборы между вероятностно определенными стратегиями «нападать первым» и «не нападать первым» соответственно. Во-вторых, после сделанных в самом начале игры игроками выборов ответный ход делает тот игрок, чья стратегия «нападать первым» имеет наименьшую вероятность. Игра заканчивается тогда, когда оба игрока с равной вероятностью оценивают свои стратегии «нападать первым» или, если эти вероятности неодинаковы, после ответного выбора игрока с наименьшей вероятностью стратегии «нападать первым».

Игра «Оптимальная угроза» имеет три качественно (но не количественно) различных стабильных исхода в смысле Нэша: (1) уровень взаимного сдерживания максимален, т.е. вероятность выбора обоими игроками стратегии «нападать первым» равна 0; (2) уровень взаимного сдерживания минимален, т.е. вероятность выбора обоими игроками стратегии «нападать первым» равна 1; (3) уровень взаимного сдерживания не является ни максимально реальным, ни максимально нереальным, т.е. вероятности стратегии «нападать первым» для обоих игроков (не обязательно одинаковые) фиксированы на каком-то промежуточном уровне, меньшем 1 и большем 0.

Общее правило выбора уровня оптимальности ответного удара следующее. Чем выше уровень платежей компромисса в игре «Петухи», тем меньшим может быть уровень взаимных угроз ответного удара.

Выводы

Международный конфликт менее всего следует рассматривать как столкновение произвольных интересов акторов международных отношений. Это распространенный, но ошибочный взгляд. Всякий международный конфликт – следствие разрешения международной системой своего базисного противоречия, названного дилеммой безопасности и символизированного в качестве родового паттерна «Конфликт». Оказывается, что дилемма безопасности не может быть решена ни посредством линейного усиления безопасности отдельных акторов, ибо это ведет к ослаблению общей безопасности системы, ни линейного усиления общей безопасности, ибо это ослабляет безопасность отдельных акторов. Более того, стремление всех акторов максимизировать свою собственную безопасность без реализации политики взаимного сдерживания ведет всю систему к катастрофе.

Точные стабильные решения дилеммы безопасности отыскиваются посредством использования аналитического аппарата теории игр. Для качественной оценки результатов решения дилеммы безопасности полезно использовать паттерны – «Дилемма заключенного» и

«Петухи». Первый помогает понять логику зависимости индивидуальной и общей безопасности, второй – логику сдерживания и предотвращения общей катастрофы.

Особенности проявления военного прогресса в глобальном мире: социально-философский аспект

С. В. Максимов (г. Красноярск)

Актуальность исследования проблем, связанных с особенностями военного прогресса, детерминирована изменениями, которые характеризуют современное глобальное мироустройство. В частности, исследование военного прогресса в современных российских условиях позволяет выработать новые подходы к решению целого ряда актуальных и многозначимых задач, выдвигаемых на передний план социальной практикой, в особенности, проблем войны и мира.

Важным фактором, актуализирующим проблему военного прогресса, является также то, что все больше фактов ставят под сомнение прогрессивное развитие человечества как однозначное. Социально-философский анализ военного прогресса в условиях глобализации общества имеет принципиальное практическое значение в связи с тем, что адекватное разрешение данной проблемы является условием успешного самоутверждения общества, достижения им практически значимых целей, обеспечения его устойчивого развития и благополучия.

Философский анализ проблем военного прогресса включает различные его аспекты: социологический, политический, исторический, военный, технический и др. Научное исследования различных сторон сложных и комплексных проблем социального прогресса позволяет выработать необходимые и обоснованные рекомендации для решения их важных конкретных аспектов. Что же касается философского рассмотрения проблем, то оно, в соответствии с назначением философской науки, обращается прежде всего к их общему, глобальному аспекты, к проблеме дальнейшего социального прогресса человечества. Проблема безопасности оказывается первичной и наиболее фундаментальной для смены типа дальнейшего развития страны и цивилизации в целом, что также чрезвычайно актуализирует вопросы, связанные с военным прогрессом.

Военный прогресс представляет собой часть общественного прогресса, поэтому анализ предполагает понимание общих проблем и критериев развития человечества на том или ином историческом этапе. Весь ход развития вооружений и военного искусства шел и идет именно в этом направлении, воздействуя на другие стороны жизни общества. Сунь-цзы подчеркивал, что наибольшей боеспособностью обладает войско, ведущее захватническую войну, так как оно ведет боевую деятельность на чужой территории, в отрыве от Родины: «Когда оно находится в безвыходном положении, оно крепко держится» [1, с. 64].

Фукидид доказывает, что война является следствием природы самого человека. Философ утверждает, что война как особое состояние общества, является поводом для искупления личностью своих поступков перед обществом, совершенных в мирное время. При этом нравственным считалось уничтожением мирного населения и разграбление поселений во имя личной славы и обогащения.

Для любой теории прогресса актуальны два вопроса в рамках философии истории и социальной философии: что есть прогресс и можно ли рассматривать прогресс в качестве реальности лишь позитивного развития, либо правомерно соотносить «прогресс» и «регресс», учитывая сложность и противоречивость развития. На наш взгляд, в развитии прогресс преобладает, т.к. развитие противоречиво, но поступательно и прогрессивно. Хотя исследование понятия «военный прогресс» осуществляется на базе содержания понятия «прогресс», тем не

менее, изучение военного прогресса предполагает выделение нескольких ведущих направлений.

В обществоведческой литературе встречаются два теоретических подхода к исследованию и периодизации социального прогресса.

К первому направлению относятся ученые, склонные исследовать социальный прогресс с позиций рационализма. Как правило, они руководствуются упрощенно трактуемым принципом веберовской «понимающей социологии» – «человек сам знает, чего он хочет» и доверяются сознанию эпохи, господствующим стереотипам и принимают на веру ее самохарактеристики, отыскивая в них рациональный смысл. Именно таким путем идет в настоящее время, пожалуй, большинство авторов, пишущих на современные темы, причем не только публицистов, но и теоретиков.

Второе направление представляют ученые, которые склонны рассматривать социальный прогресс как стихийное явление, не поддающееся рациональному объяснению. При таком подходе военный прогресс освещается однобоко, не давая полного представления, к примеру, о причинах конкретной войны.

Полноценное исследование военного прогресса предполагает учет марксизма, основываясь на его основных постулатах: 1) единство исторического процесса и неизбежность прогресса; 2) объективность процесса, его независимость от воли и сознания людей; 3) стадиальность этого процесса, прохождение человечеством в целом ряда «научно» установленных стадий (формаций); 4) экономоцентризм, представление о производительных силах и производственных отношениях как о движущих силах прогресса и факторах, определяющих все остальные проявления нашей жизни; 5) классовый подход к анализу всех послепервобытных обществ, преимущественное внимание к проблемам эксплуатации и любым формам протеста; 6) насилие как основной метод решения социальных проблем и основной механизм прогрессивного развития.

Общество развивается по свойственным ему законам как естественноисторический процесс, а каждое поколение человечества появляется на свет в условиях, которые от него не зависят и которые определяют его дальнейшую деятельность. Субстанцией объективного хода истории является производство материальных благ – специфически человеческий способ жизнедеятельности. Производство выражает отношения общества к природе, но одновременно и отношение членов общества друг к другу. Одна сторона производства – производительные силы, то есть человек и средства его трудовой деятельности, а другая – производственные отношения, сущность которых определяется господствующей формой собственности на средства производства.

Основным законом развития производства является закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Каждой исторической эпохе свойственны производительные силы определенного уровня и характера. Растущие производительные силы как силы воздействия общества на природу означают дифференциацию и усложнение жизни самого общества. Поступательное развитие общества имеет качественную и количественную стороны. Качественная сторона характеризуется совокупностью общественных отношений, которые показывают развитие материальной и духовной культуры и распределение ее благ.

Сущность социального прогресса содержится в социально-экономических, базисных, общественных отношениях. Переход от одной общественно-экономической формации к другой означает изменение качественного содержания общества, причем каждая новая формация является более высоким качеством по сравнению со старой. Установив закономерный характер развития общества, подчеркивается закономерность его направленности как поступательной. Поступательность развития общества означает все большую и большую приспособляемость общества как материального живого организма к условиям среды через развитие производства материальных благ. Естественный для общества обмен веществ с природой, совершаемый в производственном процессе, идет не по кругу, а по спирали, не возвращается бесконечно к исходной точке, а поднимается на более высокую ступень. Поступа-

тельность в развитии обществе означает прежде всего расширение сферы господства над природой. При этом внутренняя жизнь общества также развивается, из чего следует понятие общественного прогресса. Общественный прогресс – объективный общесоциологический закон, означающий поступательную направленность человеческой истории, ее совершенствование и убыстрение темпов, обусловленных развитием производства материальных благ, уровнем и характером производительных сил и экономическими отношениями.

Военный прогресс связан с социальными изменениями, которые имеют различные формы, но в основных концепциях доказывается, что исторические преобразования не имеют общей поступательной характеристики. В связи с этим, некоторые ученые считают, что прогресс – это не реальный процесс, а лишь относительное понятие. Качественная характеристика прогресса определяется социально-экономическим строем, количественная – темпами материального и духовного производства, свойственного конкретно-историческому обществу.

Само понятие прогресса появилось с исторической точки зрения совсем недавно, лишь в середине XVIII века. Уже тогда ученые заметили, что периоды упадка и регресса в общественной жизни не менее обширны, чем периоды взлёта и социального прогресса.

При исследовании военного прогресса важно учитывать общие тенденции развития человечества. Так, П.И. Новгородцев отмечал, что философы XVIII—XIX вв. сходились в общем ожидании грядущего земного рая. Они были убеждены что:1) человечество, по крайней мере в избранной своей части, приближается к заключительной и блаженной поре своего существования; 2) они знают то разрешительное слово, ту спасительную истину, которая приведет людей к этому высшему и последнему пределу истории» [2, с. 23].

Научный подход выводит на первый план вопрос о том, существует ли на сегодняшний день реальный прогресс, единство которого обеспечивалось бы человеческой деятельностью. Если признать, что всемирно-исторический процесс складывается естественно исторически и не нуждается во внеисторической силе для поддержания своего единства, встанет вопрос о его человеческом содержании и смысле: существует ли всемирно-исторический субъект, для которого была бы значима всемирная история в ее целостности. В этом случае проблема общественного прогресса превращается в проблему гуманизации всемирно-исторического процесса, наполнения его человеческим содержанием, и отпадает надобность искать смысл в далеком будущем.

Закон прогрессивного развития общества проявляется в сложных противоречиях. Это не беспрепятственный процесс, а преодоление регрессивных тенденций. Причем между разными сторонами общественной жизни могут возникать несоответствия в направленности. Рождение в обществе нового и прогрессивного одновременно означает, что что-то в нем устаревает, теряет необходимость. Это всегда связано с борьбой общественных групп, народов, социальных систем. В связи с этим возникает понятие реакции, т.е. те события, которые несут на себе печать старого, отмирающего. К явлениям реакции относится консерватизм как состояние застоя и реставрации, которая представляет движение общества вспять, временную победу реакционных сил над неокрепшими прогрессивными силами [3, с. 7]. Решающая роль здесь отводится военному прогрессу.

Важный комплекс философских проблем заключен во взаимоотношениях между военных прогрессом и научно-техническим уровнем развития общества. Экономическая связь и качество оружия стало играть еще более значительную роль после изобретения огнестрельного орудия. К примеру. подготовка ко второй мировой войне привела к качественным изменениям в структуре материальных потребностей войны и производства для их обеспечения. Для победы в войне необходима была высокоразвитая экономика, мощная промышленность, способная выпускать разнообразную военную технику в больших объемах.

Историческая практика показывает, что имеется лишь одна область, где прогресс оказывает непосредственное влияние на смену производственных отношений. Это прогресс в производстве оружия. Изменения ив военной технологии сами по себе не обусловливают смену общественных отношений. Их обуславливают только такие изменения, которые со-

провождаются сменой ценностной ориентации. Примером подхода к глобальным проблемам в духе «технократического оптимизма» может служить книга Г.Кана, У.Брауна и Л.Мертеля «Следующие 200 лет. Сценарий для Америки и всего мира», изданная в Нью-Йорке в 1976 г. Г.Кан и его соавторы отвергают различные теории, предрекающие человечеству крайне мрачное будущее, им чужды пессимистические настроения по поводу перспектив экономического, технического и прочего развития. Напротив, они полны веря в будущее, которое, по их мнению, обеспечивается исключительно научно-техническим прогрессом и экономическим развитием и приведет все страны к «супер»- и «постиндустриальным» обществом. Авангардную роль призваны якобы сыграть здесь США.

Развитие военной техники сопровождало человека практически с момента его появления в природе и со временем развитие переросло в конкретизированный «технический прогресс», а затем и в «научно-технический», пройдя путь восхождения «от простого – к сложному». Преувеличением будет отождествлять технический прогресс с общественным прогрессом, измеряя последний количеством выпущенной бытовой техники, поскольку это является неправомерным распространением одной отдельно взятой стороны явления на все явление в целом.

В XXI веке судьба человечества во многом зависит от особенностей научно-технического прогресса, принципиальной составляющей которого является также военный прогресс. Тем не менее, военный прогресс определяется не только и, может быть, не столько научно-техническими элементами, представляя собой более широкое понятие, которое включает, в частности, такие социально-философские категории, как «служение Отечеству», «боевой дух» и т.п. В связи с этим, вопрос об уровне военном прогрессе не имеет однозначной оценки и должен решаться, исходя из конкретно-исторических особенностей, что также во многом связано с уровнем общественного прогресса.

Роль вооружения как фактора достижения победы в войнах первого поколения в процессе общественного развития возрастала. Н.А.Сигида выводит несколько этапов повышения роли вооружений.

I этап – оружие из-за своего несовершенства играет вспомогательную роль в достижении победы в войне. Решающим фактором в достижении победы являлись физическое и духовное преимущества воина и воинского коллектива;

II этап – оружие, при прочих равных условиях, стало решающим фактором в вооруженном противоборстве. Это стало возможным благодаря его высокой эффективности по уничтожению противника в ходе ведения боевой деятельности;

III этап – ракетно-ядерное оружие достигло такой мощи, что его применение стало способно привести к ядерному самоуничтожению. Осознание данной ситуации человечеством способствовало утверждению моратория на применение ядерного оружия и рождения нового вида войн – без применения вооружения;

IVэтап – гонка вооружений стало одной из форм нового вида войн – экономической войны. Вооруженное противоборство перестало быть ключевым компонентом при разрешении противоречий между обществами различных типов [4, с. 200].

Создание и развитие новых образцов военной техники и вооружения в процессе развития общества зависело от состояния экономики. Для победы над противником в войнах первого поколения необходимо было опережать потенциального врага технологически, а также количество и качеством вооружения. Взаимосвязь между экономикой и войной имеет диалектический характер. Зависимость успеха при ведении боевой деятельности от экономики исследовалась классиками марксизма. Взаимосвязь экономики и войны была использована ими при обосновании положения о закономерном изменении производственных отношений в зависимости от развития материальных средств, производства и производственных сил.

Военный прогресс тесно связано понятие милитаризма. Наличие милитаризма М. Вебер отмечает даже в античном полисе, который представляет собой самую совершенную военную организацию, какую только создала древность, поскольку и основан был для достижения военных целей. Признаки милитаризма: расчленение полиса на филы, фратрии и несу-

щие военную повинность, тождественность военной повинности и права гражданства, владение землей – все они напрямую зависят от успеха в войне. Схожие признаки государственной идеологии, направленной на оправдание политики постоянного наращивания военной мощи, заметны при исследовании современных политических режимов. Безусловно, современная армия без современной техники существовать не может: все ее вооружение состоит из машин. Как показывает специальный анализ, мощнейшим и эффективнейшим инструментом мировой политики, к примеру, является современный американский авианесущий флот, превосходящий флоты других государств по техническим характеристикам.

Милитаризм свойственен не только США. В обобщенном смысле, милитаризм, с точки зрения П.А. Сорокина, – отправная точка государственного абсолютизма. На примере российского политического режима ученый приводит некоторые динамические показатели милитаризма: в СССР существовал наиболее высокий рост государственного социализма среди всех стран, где присутствовало государственное вмешательство в экономику. При военном положении рост государственного вмешательства в экономику увеличивается, при переходе к мирному состоянию – снижается [5, с. 183]. По-видимому, это свойство характерно не только для советского режима. После победоносного завершения двух мировых войн и «холодной войны» уровень милитаризма (государственного вмешательства в экономику) в США не снижается: война с мировым терроризмом – это его новый виток, т.е. следующий технический уровень.

Губительность военной техники для общества общеизвестна: техника в случае несоответствия экономических и нравственных возможностей человека уничтожает системы норм, базирующиеся на традиционной нравственности людей. Например, атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки являлась не только индикатором технической мощи США, но и показателем несогласованности экономического и политического потенциалов Японии на протяжении Второй мировой войны.

Сегодня обостряется борьба за контроль над ресурсами – в первую очередь природными, энергетическими. Американский сенатор Лугар фактически предложил превратить НАТО в альянс потребителей энергоресурсов, противостоящий России. «В ближайшее десятилетие наиболее вероятным источником конфликтов в Европе и окружающих регионах станет нехватка энергии и манипулирование ею», – заявил он. По его мнению, энергетическую войну нужно приравнять к обычной.

Необходимость военного прогресса связана также с тем, что парадоксальным образом в современных условиях он призван не допустить крайнюю форму международного противостояния – войну. Это, в свою очередь, обостряет информационную войну, в основе которой находится «демонизация» противника как необходимое условие подготовки к оправданию гонки вооружений. В данной связи Н.Розов отмечает важную особенность: «… войну уже нельзя приписывать частным заблуждениям, несовершенству общественного устройства или злой воле отдельных групп или лиц. Война требует не только конкретного научного, но и общего – философского, прежде всего онтологического, осмысления ее бытийных основ и сущностных источников». Далее Н.Розов подчеркивает, что одним из источников войны является «объективный или субъективный дисбаланс могущества»: одно политическое сообщество или коалиция настолько сильнее (в реальности в представлении лидеров и влиятельных групп) противника и его предполагаемых союзников, что издержки предполагаемой войны кажутся минимальными; такой дисбаланс порождает нежелание и отказ разрешить противоречие мирным путем; без этого (иными словами, в ситуации баланса могущества и ожидания сильного отпора) стороны воздерживаются от инициирования войны» [6, с. 76].

Что же касается перспектив возможных атомных конфликтов, то здесь подсчеты человеческих жертв вообще теряют смысл. В атомной войне, если она разразится, человеческие потери будут носить долговременный характер. Атомная война несет с собой и отравление генофонда человечества, т.е. разрушение нормального воспроизводства. Если даже кто-то и выживет в атомном пожаре, то его потомки будут обречены. Иначе говоря, в атомной войне

не будет ни ликующих победителей, ни разочарованных побежденных, она не знает различий между пролетариями и капиталистами, правыми и виновными, прогрессистами и реакционерами — она одинаково губительна для всех.

Необходимость войны, ведущейся либо с целью включения других наций в свои цели накопления ресурсов, либо с целью защититься от такого включения, провоцирует совершенствование вооружений, совершенствование своих возможностей в деле уничтожения противника. Войны имеют социальный характер, поэтому исследование предполагает осуществление социального анализа общества, соответствующей исторической эпохи, ее тенденций и противоречий, основы возникающих войн [7, с, 125].

Исследуя военный прогресс, необходимо подчеркнуть двойственную природу войны. Война нередко служила и фактором, стимулирующим социальные изменения, смену старого социального порядка новым. Однако в XX в., с появлением в арсенале средств ведения войны оружия массового уничтожения, она нечет в себе угрозу существования человечества, обнаруживая тем самым свою несовместимость с дальнейшим движением истории. В этой связи ценность мира как первейшего условия общественного прогресса в исключительной степени возросла. А коренные социальные перемены, происшедшие в прошлом столетии и вызванные прежде всего рождением мира социализма, самой природе которого чужды войны, создали объективную политическую основу для устранения в будущем войны из жизни общества [8, с. 10].

Война обусловливается совокупностью постоянно действующих и объективно существующих противоречий в развитии общественных отношений, которые при определенных условиях ее порождали. Исходя из исследований ученых, основными причинами войн первого поколения необходимо считать следующие противоречия: биологическая предрасположенность людей к насилию; несовершенство человеческой и общественной природы; антагонистические социально-классовые противоречия; ограниченность природных ресурсов существования человека и общества; глобальные этнические, экологические демографические и другие проблемы развития общества. Совокупность этих и других причин использовалась на протяжении тысячелетней истории общества как повод для развязывания войн.

Глубокое осознание того, насколько необычный, нетрадиционный характер примет война при тех средствах глобального разрушения и массового уничтожения, которыми располагает военная техника нашего времени, является важнейшим стимулом к поиску эффективных путей сохранения мира. Ядерная война не может быть использована для территориальных, экономических, политических и иных приобретений, поскольку надежды на успех первоначального ядерного удара не имеют никакого рационального оправдания. Колоссальная разрушительная сила и вопиющая бесчеловечность современных орудий войны превращают ее из средства решения проблем и противоречий внутренней и международной жизни в самоцель, тотальную трагедию, лишенную всякого смысла. Существенную зависимость характера войн от разрушительной силы применяемого в них орудия отмечали представители марксизма. Вместе с тем в определенных формах и политических регионах война сохранила свои социальные функции.

Средством проверки истинности военной теории является военная деятельность. Проверка истинности выработанной военной теории возможна в полном объеме лишь в процессе боевой деятельности в войне. Боевая деятельность должна преследовать вполне конкретные промежуточные цели для достижения конечной цели войны. На войне, как и в любом общественном развитии, раскрывается диалектика необходимости и случайности. В познании случайного и закономерного на войне, в умении грамотно использовать опыт боевой деятельности армий в предыдущих войнах проявляется талант полководца и его способность вести войну до достижения победы.

Исследование особенностей военного прогресса предполагает соответствующий исторический базис, чему мешает фальсификация истории. Например, различия во взгляде на Вторую мировую войну с Востока и Запада не только не преодолены, но с течением времени усугубляются. Американские и европейские идеологи и пропагандисты ведут постоянную

кампанию по дискредитации и преуменьшению роли Советской армии в Победе над гитлеризмом. Часто СМИ расставляют акценты полярно, когда виновником выступает не Гитлер, который является виновником гибели 55 млн. землян из 72 втянутых в мировую войну стран, а советские руководители. Можно с уверенностью утверждать, что с позиций военного прогресса фальсификация истории представляет почву для противостояния более высокого уровня.

Военный прогресс предполагает не только войну, но и периоды мирного сосуществования. Мирное сосуществование является формой военного прогресса, отличающегося следующими отличительными чертами:

1) временным равновесием военно-технических потенциалов противоборствующих стран;

2) определенным уровнем дипломатических отношений, позволяющим частичную экспертизу вооружений;

3) ожесточением информационной войны.

Мирное сосуществование не равнозначно социальному статус-кво, оно не замораживает социального прогресса, а является необходимым его условием и результатом, т.е. более последовательное и глубокое осуществление его принципов находится в прямой зависимости от успехов социального развития.

Биполярная система особо ярко проявила себя в период от Карибского кризиса к «разрядке» (основные тенденции развития в 60-е годы). Карибский кризис и его итоги заставили политическую элиту обеих сверхдержав серьезно задуматься над модусом своего поведения в конфликтных ситуациях и внести определенные коррективы в характер «конфликтного взаимодействия». Стало очевидно, что в лобовом, неконтролируемом столкновении ядерных сверхдержав победителей не будет. Следовательно, необходимо думать над тем, как надежно регулировать столь масштабный конфликт как противоборство СССР и США. Осознание этой истины способствовало стабилизации биполярной системы. В этом же направлении действовало и установление достаточно прочного паритета в соотношении ракетно-ядерного потенциала двух сверхдержав. Однако лидеры США, отнюдь не отбросив надежды на достижение победы в «историческом противоборстве», по сути отказались от идеи ее достижения путем эскалации прямого военного противостояния. К более четкому структурированию советско-американского конфликта лидеров сверхдержав подталкивала и наметившаяся эрозия двух главных военно-политических блоков и общая тенденция к размыву биполярности, грозившая подорвать устои системы.

На рубеже 60-х-70-х годов стало очевидно, что многие традиционные стереотипы, возникшие еще во времена становления биполярной системы, по ряду важных параметров плохо коррелируют с реальной действительностью международной жизни тех лет. И в советском и в американском руководстве росло понимание того, что базовые устои биполярной системы нуждаются в определенной модернизации, где военный прогресс играет принципиальную роль.

Еще одна особенность военного прогресса. XX век показал, что в условиях угрозы термоядерной войны человеческая жизнь, ее сохранение, воспроизведение стали определенной функцией человеческой общественной деятельности. Естественные механизмы человеческой жизни действовали и ранее, однако сохранение жизни каждого индивида и человечества как рода оказалось в прямой зависимости от деятельности людей как общественных существ. В процессах общественных возможностей людей, в рамках выбора их деятельности оказалась сама возможность сохранения или уничтожения жизни. Все это означало, что в характеристике ценности жизни произошел своеобразный сдвиг: жизнь из чисто естественной ценности, дарованной природой, превратилась в естественно-общественную ценность, обрела совершенно четко выраженное новое социальное качество.

Провозглашение мира высшей ценностью нашего времени, а мирных способов решения спорных межгосударственных проблем – единственно допустимым и приемлемым стало возможно лишь на базе тех коренных социальных перемен, которые произошли в мире после победы во второй мировой войне

С позиций военного прогресса мирное сосуществование не является неким неизменным состоянием международных отношений, а представляет собой процесс развития этих отношений, имеющий свои периоды спада и подъема, более или менее оптимального уровня мирного сотрудничества. Оно может означать:

- просто состояние мира, поддерживаемого в самых неблагоприятных условиях «холодной войны»;

- различные более благоприятные и развитые формы мирного сотрудничества:

- наличие и действие системы широких экономических и культурных связей, определенного доверия между государствами;

- активного диалога, направленного на регулирование в решении спорных проблем.

На протяжении веков народы, населяющие нашу планету, соперничали и воевали за власть и территории. В период «холодной войны» и гонки вооружений противоборство между обществами перешло на новый уровень – в космос.

Создав превосходство в средствах уничтожения, США обеспечили Западу жизнедеятельность по собственной шкале ценностей, на базе которых формировались его потребности. Но так как удовлетворение потребностей подразумевает соответствующие степени свободы, то они раскрываются в возможности достижения целей. Гонка вооружений как одна из форм нового вида войны, экономической войны, позволяет реализовать и навязать противнику свою волю.

Упомянутые нами концепции военного прогресса страдают тем, что они не учитывают специфику различных обществ, которая особенно проявляет себя в таких ответственных направлениях развития конкретного социума, как военный прогресс. Теоретические философские ошибки этих концепций кроется в идеализме и метафизике. Они не рассматривает материальных основ общества, не исходят из объективных исторических законов, не анализирую существо социальных отношений. Те допущения прогресса, которые касаются каких-то периодов цивилизаций или отдельных общественных явлений сводятся ими, как правило, к развитию духовных явлений. Тойнби, например, в основу развития цивилизации кладет религию. Движущей силой общества не признается производственная и революционная практика народных масс. Гносеологические ошибки в такой трактовке человеческой истории заключены в непонимании диалектической связи особенного и общего в историческом развитии, в абсолютизировании специфического, свойственного отдельным народам.

Военная деятельность в обществах различного типа требовала обобщения и философского изучения как познания сущности дела. Приоритет в разработке военной теории и выработке стандартов военного мышления в обществе индивидуалистического типа признается за греческими военными теоретиками, так как «греческое общество являлось отчетливо индивидуалистическим.

Подстегиваемые гонкой вооружений и все более воинственными стратегическими концепциями, предусматривающими применение военной силы, упреждающих ударов и даже ядерного оружия для защиты «американских жизненных интересов» во всех районах земного шара, США, используя локальные межгосударственные конфликты, стимулируют гонку вооружений на региональном уровне, создают в независимых странах арсеналы оружия и опорные пункты для своих «сил быстрого реагирования». Все это, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на позицию США, способствует обострению международной напряженности в глобальных масштабах.

Военный прогресс во многом обусловлен важнейшей особенностью современного глобального мира, связанной с тем фактом, что внешне объединенные тесными экономическими связями многие страны выходят на более высокий уровень конкуренции и соперничества, что таит в себе угрозу потенциальных военных конфликтов, а значит, стимулирует военный прогресс.

Сегодня совершенно очевидно, что мир может быть сохранен и укреплен лишь в том случае, если миролюбивые силы человечества смогут взять под контроль процессы международного развития, утвердить принципы мирного сосуществования и сотрудничества между народами, систему равноправных и справедливых политических, экономических и культурных отношений между ними. Задача эта может быть решена лишь объединенными усилиями всех прогрессивных людей мира, осознающих свою ответственность за судьбы человечества.

Мир как состояние общества, свободного от войн и применения насильственных средств и решения спорных проблем внутригосударственной и международной жизни, издавна почитается народами как великое благо, приносящее расцвет хозяйства и искусств, науки и культуры в целом, благоприятствующее общественному прогрессу. Вместе с тем на протяжении всей истории человечества война была постоянным спутником человеческой жизни, признанным средствами государственной политики.

По отношении к России вопросы прогресса вообще и военного прогресса, в частности, имеют свою специфику. 12 мая 2009 г. Президент Российской Федерации Д.А.Медведев подписал Указ №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», который имеет важное значение как для консолидации усилий общества и государства в области обеспечения национальной безопасности, так и дальнейшего социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу.

Для более полного понимания особенностей военного прогресса появляется необходимость анализа некоторых принципиально новых идей, которые придают Стратегии-2020 фундаментальное мировоззренческое и концептуально-методологическое значение и которые могут существенно повлиять на судьбы российского общества и государства в ходе реализации этой Стратегии.

Наиболее адекватно идею об обеспечении безопасности посредством объективного анализа сущности военного прогресса выражает не так давно появившаяся концепция устойчивого развития. Принципиально важным является включение понятия устойчивого развития в саму «ткань» Стратегии-2020, где на это обращено внимание уже первой статье этого нормативного правового акта Президента Российской Федерации. Как отмечено в официальном документе Совета Безопасности РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»: «Стратегия исходит из фундаментального положения о взаимосвязи и взаимозависимости устойчивого развития государства и обеспечения национальной безопасности»…, исходит из того, что «национальная безопасность обеспечивается, исходя из принципа «безопасность – через приоритеты устойчивого развития», то есть через стратегические национальные приоритеты, в числе которых – национальная безопасность, государственная и общественная безопасность, а также приоритеты устойчивого социально-экономического развития государства – повышение качества жизни российских граждан, экономический рост, наука, технологии, образование здравоохранение и культура, экология и рациональное природопользование». Эта идея о связи проблем безопасности и устойчивого развития содержалась также в «Послании по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию»: «На данном историческом этапе развития, – отмечается в Послании, – основной задачей уже сегодня (а тем более в XXI веке) становится не увеличение объема потребления ресурса, а обеспечение устойчивого развития.

Проблема исследования военного прогресса состоит также в том, что его состояние усугубляется влиянием различных политических партий и движений, стремящихся использовать военный прогресс для лигитимизации своего существования. Более того, военный прогресс стал грозным оружием в политической и межнациональной борьбе. Все это выдви-

гает задачу глубокого социально-философского исследования военного прогресса, его многоуровневого содержания, особенностей проявления в переходный период, его актуализации, путей реабилитации военного прогресса в современном российском обществе.

Достижение данных целей по недопущению воинского хаоса в ходе военной деятельности обеспечивается следующими видами морально-психологического воздействия:

- информационно-воспитательная работа;
- психологическая работа, военно-социальная работа;
- защита от информационно-психологического воздействия противника.

Под военной энтропией, являющейся частью социальной энтропии целесообразно понимать утрату морально-боевых и морально-правовых стандартов армией, приводящих к физическому подавлению противостоящего общества. Боевая деятельность как экстремальный вид военной деятельности является фактором, который способствует раскрытию у воина готовности к совершению подвига или проявлению трусости, паники.

Таким образом, можно заключить, что военный прогресс является важной и актуальной социально-философской проблемой, решение которой обеспечивает должный уровень защищенности от внутренних и внешних угроз личности, общества и государства. Военный прогресс не является сугубо теоретической частью, так как обладает важным праксиологическим качеством и имеет тесную связь с общечеловеческим прогрессом и общественной практикой.

Библиографические ссылки

1. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1995, С. 64.
2. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 23.
3. Николаева Л.В. Типы социального прогресса. М.: Издательство Московского университета, 1967. С. 7.
4. Сигида Н.А. Гонка как новый вил войн второго поколения // Теория и история. – 2011. – №1(19). С. 200.
5. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. С. 164.
6. Розов Н. Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Война и геополитика. Выпуск 3. Время мира. Новосибирск, 2003. С. 76.
7. Сигида Н.А. Войны первого поколения // Теория и история. – 2009. – №2(16). С. 125.
8. Проблемы мира и социального прогресса в современной философии. М.: Политиздат, 1983. С. 10.
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации: http://www.scrf.gov.ru.

Основы современной геополитики

Л.А. Иванова (г. Красноярск)

Современный этап истории характеризуется довольно масштабными изменениями в международной политической жизни. Процесс объединения мира под эгидой общечелове-

ских ценностей запустил механизм стирания национальных границ государств, что неминуемо приводит к различным амбивалентным последствиям для того или иного индивида или народа в целом. Так, А.И. Неклесса, говоря о современной картине мира, констатирует: «По ту сторону совершающегося на наших глазах Большого взрыва, мы начинаем прозревать образ некой «новой земли и нового неба» - социального космоса, парадоксальным образом совмещающего в себе черты цивилизации, варварства и архаики» [1, С.57]. Новый мировой порядок требует планирования адекватных геополитических стратегий и новых путей осмысления сложившейся ситуации.

Понятие «геополитика» сравнительно недавно вошло в отечественную науку, и за это время не смогло приобрести четкой терминологической наполняемости в системе категориального философского аппарата. Это во многом связано с тем, что различные ученые изначально вкладывали в геополитическую направленность исследования различный смысл, исходя из своих идеологических установок. Ситуация значительно усложнилась на рубеже XX и XXI вв., когда в трудах многих ученых геополитический подход к исследованию сегодняшней мировой ситуации стал противопоставляться глобальному видению современного человеческого сообщества. На данном фоне сочетание «геополитический конфликт» не всегда приобретало адекватную наполняемость, что в условиях террористической угрозы и борьбы с ней серьезно мешает выработке согласованных действий не только практиков, но и вносит элемент неконструктивной полемики в среде философов.

Хотя в настоящее время «**общая геополитическая конфигурация мира практически не изменилась**: сохранились все прежние очаги военно-политической напряженности и конфронтации, не принято и не реализовано ни одной крупной международной или двусторонней программы по снижению напряженности в кризисных зонах, пока не произошло никакого окончательного перераспределения зон влияния, не отмечено принципиальных изменений в мировом балансе сил. Вооруженные силы ведущих мировых держав не задействовались в новых крупных военных операциях против других стран и сил за пределами своих национальных территорий, а там, где они применялись (Афганистан, Африка), это не выходило за рамки контртеррористических мер. В то же время в ряде государств и регионов мира происходили события, создававшие в сумме предпосылки к вероятным в обозримом будущем изменениям геополитической картины отдельных регионов» [2].

Как отмечает известный политолог А. Дугин в своем произведении «Геополитика постмодерна»: «…мы стоим на пороге глобальной консервативной революции, на пороге нового человечества, смены самого антропологического кода…» [3, С. 79]. Интересны мысли автора и в плане его прогнозов дальнейшего мирового развития, которые он связывает с теорией хаоса: «мир действительно подошел к точке бифуркации и перед нами два варианта общественного развития. Первый вариант – это однополярный мир с безусловной и неограниченной доминацией США и второй – многополярный мир, где полюсами будут объединенная Европа, Евразия, исламский мир, тихоокеанский японо-китайский кондоминиум и, в перспективе, транссахарская Африка. Т.е. многополярный мир, состоящий из интегрированных «больших пространств» [4, С. 91-92].

И.Ф. Кефели также дискутирует о полярности современного мира. Он выделяет три точки зрения на новую систему международных отношений: «мир стал однополярным, где центр силы – США; мир стал многополярным и мир остается биполярным, в котором на место бывшего СССР претендует Китай» [5, С. 79]. Данные авторы, по сути, делают попытки сформировать модели политической структуры мира и предсказать дальнейшее развитие событий.

Актуальна геополитическая проблематика и для нашей страны. Как отмечает в своей статье «Геополитика: возрождение запретного направления» академик С.Б. Лавров: «Возрождение интереса к геополитике связано с распадом СССР, резким нарушением равновесия в мире, необходимостью анализа нового геополитического положения России» [6]. Вместе с тем он выделяет и «набор актуальных геополитических тем: новое геополитическое положение России; история и современная оценка концепции евразийства; национальный и религи-

озный факторы в геополитической проблематике; проблемы русскоязычного населения в ближнем и дальнем Зарубежье; территориальные претензии к России» [7].

Таким образом, геополитику нельзя сводить к некой идеологии. По большей части она является методом осмысления мира и прогнозирования того, что произойдет в тот или иной временной отрезок. По выражению Дж. Фридмана «геополитика применяет концепцию «невидимой руки» к поведению народов и других международных игроков» [8, С. 22]. Как предсказывает автор «наш век, как и любое другое столетие, будет иметь свои войны, проблемы с бедностью, триумфы и поражения…но XXI век окажется примечательным в следующем: он начнет собой эпоху, когда новая глобальная сила подчинит себе весь мир» [9, С. 25].

Во многом мы согласны с авторами, представляющими нашему вниманию различные матрицы геополитических исследований. Несомненно, что третье тысячелетие несет в себе как новые возможности, так и определенные риски.

Библиографический список

1. Цит. по Терновой Л.О. Геополитические символы глобального мира: монография / Л.О. Терновая.– М.: Изд-во РАГС, 2011. – 308 с.

2. http://mir-politika.ru/3690-aktualnye-problemy-i-temy-geopolitiki-2013-goda.html

3. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики 21 века / А. Дугин. – СПб.: Амфора. ТИД. Амфора, 2007. – 382 с.

4. Там же.

5. Кефели И.Ф. Философия геополитики / И.Ф. Кефели. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2007. – 208 с.

6. Лавров С.Б. Геополитика: Возрождение запретного направления / С.Б. Лавров // [Электронный ресурс http://www.unilib.neva.ru/rus/lib.old/g_names/dsymp_8.html] (дата обращения 24.03.13.).

7. Там же.

8. Фридман Д. Следующие сто лет: прогноз событий XXI века / Д. Фридман. – М.: Эксмо, 2010. – 336 с.

9. Там же.

Евразийство и геополитика

Н.С. Дуреева, Р.Н. Галиахметов (г. Красноярск)

С давних времён сложилась определённая специфика полярности цивилизаций мировой истории. Это было различие и противостояние западной и восточной цивилизаций. И ей неизменно сопутствует указанная «биполушарность». Как пишет К. Ясперс, «в различных модификациях изначальная полярность сохраняла свою жизненность на протяжении веков... Греки и персы, деление Римской империи на Западную и Восточную, западное и восточное христианство, западный мир и ислам, Европа и Азия – таковы последовательно сменяющие друг друга образы этого противоречия...» [1, с.115-116].

В глобализирующемся обществе формируется новый мировой порядок, в котором на первый план выдвигается американский образ жизни. Суть этого порядка сводится так или иначе к полному обесцениванию всех известных человеческих ценностей, кроме экономической. Характерной особенностью современного этапа глобализации является претензия США на мировое господство. В качестве само собой разумеющихся принимаются американские условия жизни, а точнее, существования. Однако, опыт истории и её качественные формационные сдвиги свидетельствуют об изменении условий и правил существования, что обессиливает победителей и даёт шанс тем, кто этих победителей успел списать со счетов [см. 2].

При возникновении идеи однополярного мира и единственной оставшейся мировой сверхдержавы возникает продолжение этой идеи в виде специфических форм и схем мирового порядка, его правил, норм, механизмов, движущих сил и контрольных средств. И, как следствие, начинает формироваться американоцентристский мир, в котором США будут задавать темп развития всем государствам планеты. Не случайно нынешнее чрезмерное усиление Запада в ущерб Востоку сопровождается примитивизацией мышления самого Запада, в частности, стратегического, геополитического мышления. Поэтому-то во всей мировой истории действует некий механизм западно-восточного цикла: фаза западного наступления рано или поздно истощается и сменяется инверсионной фазой восточного вызова, и наоборот. Механизм такого цикла, вероятно, имеет антиэнтропийное значение, препятствует окончательному угасанию социокультурной динамики человечества.

В XX веке мы наблюдаем данное противостояние в образе «холодной войны» между США и СССР. Мир становился двухполюсным. Полюс международной системы может состоять из одного государства или представлять альянс нескольких государств [3,с.185]. Сегодня мы наблюдаем противостояние американской цивилизации против всех остальных стран мира. Таким образом, мир становится однополюсным, однополушарным. Последовательная однополярность, при которой США обретают монополию на управление миром, несовместима с существованием крупных суверенных государств, где бы они ни находились.

Говоря о «холодной войне», можно проследить, как в мире намечались две различные, и причём противоположные, модели глобализации, основанные на государственных идеологиях двух сверхдержав мирового масштаба. Со стороны СССР воплощалась в жизнь марксистская модель глобализации – «мировое господство социализма».

Объективные предпосылки и первые шаги социалистических преобразований оказались существенно изменены глубоким внутренним кризисом, а затем и крахом первоначальных ростков социализма в СССР и странах Восточной Европы. В мире в 90-е годы появилась новая реальность – постсоциалистическая. Для постсоветского марксизма характерно переосмысление ортодоксальных представлений о структуре общества, а именно: производительных сил, определяющих производственные отношения и базиса, определяющего надстройку. Базисом, в свою очередь, определяются национальные, политические социокультурные факторы. Постсоветский марксизм предполагает критическое восстановление классического положения о диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений, когда в рамках одной и той же формации происходит развитие производительных сил, вызываемое противоречиями господствующих производственных отношений. Последние способствуют большему или меньшему стимулированию прогресса производительности труда. Ключевым вопросом современного марксизма становится проблема форм, потенциала и границ прогресса постиндустриальных технологий в условиях глобального капитализма. Современный марксизм отличается от классического. Если классический марксизм вырос на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия капитализма, то постсоветский марксизм вырастает на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия мира отчуждения в целом. Данный подход позволяет раскрыть фундаментальное противоречие исторического процесса. Это противоположность между господством капитализма (мира отчуждения), превращающих человека в марионетку объективных сил (разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и государства), и творчеством в материальном производстве, культуре, общественной жизни как родовым свойством человека, способным изменять мир, обеспечивая технический, научный и культурный прогресс. Марксистская методология, на наш взгляд, востребована и сейчас, при социально-экономических трансформациях на стадии развития постиндустриальных тенденций и глобализации, поскольку внимание обращается прежде всего на производственные отношения, производительные ресурсы, а также творческий потенциал. Так, на уровне технологий постсоветский марксизм есть теория развития нового общества на базе доминирования творческой деятельности и постиндустриальных технологий. На уровне социально-экономических отношений это процесс снятия всех форм

отчуждения и зависимости человека (от различных форм личной и политико-идеологической зависимости, от глобальной гегемонии современного корпоративного капитала). На уровне социо-культурных изменений это переход от господства различных форм духовного производства (идеологий, религий, масс-культуры) к доминированию культурно-творческого диалога. Прогресс будущего общества, как считают учёные [4, с.14], объективно может и должен опираться на культурное наследие человечества, постоянно осваиваемое гражданами, поскольку это абсолютно необходимое условие творческой деятельности и прогресса как «базиса» социалистического общества. Социализм может быть охарактеризован не только как стадия общественно-экономической формации, сколько как процесс перехода от капитализма к коммунизму. Идея социализма в общественном мнении масс прочно воплощается в её тоталитарно-государственной разновидности с преобладанием административно-командной государственной системы [5, с.46].

После окончания «холодной войны» этой сверхдержавой стали США. И процесс глобализации стал развиваться по западной, либеральной, модели. Либеральная модель организации общественной жизни реализована в развитых странах мира. Базовыми чертами её являются, во-первых, свободная рыночная экономика с доминированием частной собственности, последовательным отделением власти от собственности, с развитой конкуренцией, что дополняется государственным регулированием в рамках, не поддерживающих эффективность экономики, и социальной поддержкой разных категорий населения.

Следующей характерной чертой либеральной модели является обеспечение индивидуальной свободы как высшей ценности. Далее, одним из основных признаков рассматриваемого нами общественного устройства является правовое государство с демократическим механизмом формирования власти и контроля деятельности при обеспечении прав и интересов меньшинств. Сюда же, по нашему мнению, следует отнести эффективную систему защиты гражданских свобод и прав человека и обеспечение необходимых для этого строгой законности и прочного порядка.

Далее, стоит назвать такую характерную черту либеральной модели как создание гражданам возможности для самореализации и удовлетворения своих жизненных потребностей, в первую очередь, посредством личных усилий.

Ещё одной из наиболее важных характеристик либерализма является децентрализация в построении властно-управленческой системы с оптимальным разграничением полномочий разных уровней её иерархии и местным самоуправлением. Так же следует сказать о всемирном развитии институтов гражданского общества и обеспечении выполнения ими важной роли в организации общественной жизни.

Следующим немаловажным признаком либеральной общественной модели является наличие свободной прессы, обеспечение идейного и политического плюрализма, свободы мысли и общественной деятельности, не посягающих на свободу других, и основу правопорядка.

И наконец, следует отметить такую особенность либеральной модели общественного устройства как открытость общественной системы как её внутренней жизнедеятельности, так и во взаимоотношениях с окружающим миром. Последняя характеристика представляется настолько важной, что общественную систему, основанную на принципах либерализма, можно назвать открытым обществом [5, с.43].

Высказываемые против либерализма доводы опровергаются самой действительностью развитых стран мира, реализовавших либеральную модель устройства. Неоспоримым является лишь тот факт, что здесь непременно существуют богатые и бедные, преобладает социальное неравенство. Анализируя итоги уходящего столетия сего экспериментами, нужно признать, что достижение социального равенства – это утопия. Любые попытки устранить разделение общества на богатых и бедных ведут к совершенно бесчеловечным формам организации общественной жизни, где достойных условий существования лишаются и те, и другие. А социальное неравенство, в том числе и в уровне материальной обеспеченности, отнюдь не исчезает, а усугубляется. Поэтому максимум что может быть достигнуто – это по

возможности уменьшить разрыв по уровню благосостояния и другими аспектами социального неравенства и обеспечить надёжную помощь тем, кто оказывается внизу так называемой социальной пирамиды.

Классическая либеральная плюралистическая модель исходит из безусловного признания различий, гетерогенностей, множественности и многоликости культурного и социального бытия, прав и свобод гражданина, диалога культур. С позиций консерватизма либеральный плюрализм однообразен [6, с.5].

В настоящее время во всех развитых демократических странах модель общественного устройства в принципе одинакова (отличия касаются лишь деталей и второстепенных аспектов) и не меняется существенно от того, приходят ли к власти правые силы, исповедующие принципы либерализма (какое бы название они не носили), или социал-демократы. Происходит чуть больше или чуть меньше вмешательства государства в экономику и выделения бюджетных средств на социальные программы, но суть экономического и политического устройства остаётся той же самой.

В современном глобализирующемся мире чётко прослеживается тенденция формирования общественной жизни по западной, либеральной, модели. После победы в «холодной войне» США, имея военную и экономическую силу, стали формировать новый мировой порядок, во главе которого стоит американское правительство. Так сформировался однополярный мир взамен обещанного полицентричного, основанного на справедливом балансе интересов Востока и Запада. И это неминуемо идет к новой мировой войне. Последовательный демонтаж этих цивилизаций явно входит в замыслы архитекторов однополярного мира.

Мировая политика вступает в новую фазу. И в нарождающемся мире основным источником конфликтов (противостояний) будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов. Перед Россией в системе глобализации возникла дилемма: либо найти способ преодоления безответственной потребительской морали, либо окончательно пойти по пути саморазрушения, продиктованном Америкой. Путь развития русского общества особый. Он не похожий ни на западный, ни на восточный, и внедрение западного порядка для него опасно и разрушительно. Русский народ, с самого начала своего исторического развития привыкший к соборности и коллективности, не может принять западного индивидуализма и приспособленчества. Следовательно, он не сможет пойти по пути глобализации и жить по западному образцу. Признание особого исторического, социально-политического и культурного пути России отразилось в евразийстве. Согласно этому учению считается, что судьба России в ее «месторазвитии». Пограничность России между Востоком и Западом позволяет ей развить свою особую и независимую культуру – евразийскую.

Библиографический список

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.. ИНИОН, 1991.
2. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века / А.С. Панарин // Москва. – 2002. – №7.
3. Светлов В.А. Конфликт: модели, решения, менеджмент. – СПб.: Питер, 2005.
4. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы). // Вопросы философии. – 2005. – №9.
5. Волков Ю. Либеральная модель социально-экономического устройства общества и возможности её применения. // Общество и экономика. – 1999. – №12.

6. Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов незападного мира. // Социс. – 2005. – №12.

Раздел 3.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Идеология преодоления западничества

Н.М.Чуринов (г. Красноярск)

Славянофилы были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно...

А вот западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре, так как могли относиться только люди совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далёком, а не внутренняя их сущность. Для русского западника-азиата Запад - обетованная земля, манящий образ совершенной жизни.

Н. А, Бердяев

Если русская философия не перестанет подражать иностранным ... и не попытается начать своё русское национальное дело ... , то она скоро окажется мертвым ненужным грузом в истории русской культуры,..

И прежде всего русские философские мыслители должны отказаться от намеренного выдумывания «философских систем». Философ вообще не обязан выдумывать и преподавать какую-то «систему».

И. А, Ильин

В настоящее время, когда отечественные философы в своём подавляющем большинстве увлечены западным теоретическим творчеством в силу характера данного творчества и системы методологических традиций, в которых данное творчество осуществляется, столь большая задача, сформулированная в названии данной публикации, ныне кажется несколько экстравагантной. Господствующим является мнение, в соответствии с которым негласно принято, что американская философия есть, французская философия есть, немецкая философия есть и т. п., а русская философия может лишь по-западному определяться как русский экзистенциализм, русский прагматизм, русский интуитивизм, русский постмодернизм и т. п. И если не принимать во внимание методологические традиции, в которых западное философское творчество осуществляется, то безусловно необходимо признать, что в собственно западном значении, в системе западных методологических традиций русской философии действительно не существует, поскольку она развертывается на основе своей методологической традиции. И с этим нетрудно согласиться. В противном случае возникает вопрос: а что же делали отечественные философы хотя бы последние 70 лет, когда в вузах страны открывались один за другим философские факультеты, и чему учили на них студентов, если за эти 70 лет они никого ничему русскому не выучили? Почему отечественная философия не сложилась хотя бы за последние 20 лет с лишним? За что преподаватели и профессора на кафедрах философии получают деньги? и т. д. И если за все эти 70 лет ничего существенного в отечественном философском творчестве не сложилось, то это значит, что западничество в отечественной философии железной пятой вытаптывало всё русское.

А между тем знавшие хорошо Запад Николай Александрович Бердяев, Иван Александрович Ильин и ряд других русских философов неоднократно подчеркивали, что западное философское системотворчество чуждо русской философии, поскольку оно умозрительно, т. е. схола-

стично, и до сих пор осуществляется в соответствии с изначально заложенными методологическими традициями великих схоластов (номиналистов и реалистов). И стоит вспомнить, что об этом писали основатель МГУ М. В. Ломоносов и продолжатели его дела в XVIII веке, желая показать природу умозрительности западных философов; В. Г. Белинский, который показывал основы умозрительности западных философских теорий и называл эти теории схоластической грязью...; Э. В. Ильенков - о том, что реалистская и номиналистская методологические традиции делают западных философов близнецами и братьями.

Но как быть, если в качестве номиналистов и реалистов квалифицируют себя или своих современников сами западные философы (Чарлз Пирс, Бертран Рассел, Уиллард Куайн и т. д.)? К. Маркс, по словам Ф. Энгельса, видел истоки своих теоретических взглядов в английском номинализме. Многовековые западные методологические традиции прочно вошли в систему мышления и теоретиков, и практиков Запада. От них (своих метафизических методологических традиций) Запад уйти не может, если даже эти методологические традиции, по словам В. Г. Белинского, включают схоластическую грязь, чреватую экономическими, политическими, духовными кризисами. И хорошо, что русской философии, с западной и западнической точки зрения, нет. У России есть своя методологическая традиция, которая, по-западному, является несущественной.

Ещё в 1949 году академик М. Т. Иовчук писал: «В наше советское время безродные космополиты из лагеря меньшевиствующих идеалистов и других антипатриотических групп пытались воскресить и насаждать антипатриотические космополитические взгляды на историю русской философии. В их преклонении перед всем западным, в потугах найти для всякого научного открытия, для всякого русского научного открытия, для всякого выдающегося произведения русской литературы, для всякой русской философской системы обязательно какой-нибудь западноевропейский образчик, - во всех этих попытках поставить русскую литературу и философскую мысль на западноевропейские ходули ... враждебные советскому народу национальный нигилизм, раболепие перед заграницей и буржуазный космополитизм, извращающие правду, оскорбляющие национальное достоинство нашего народа, принижающие его духовные, творческие силы. В то время как греческая, римская, английская, французская, немецкая - словом, почти все национальные философии прошлого были обстоятельно исследованы, а результаты исследований -воплощены в капитальных трудах...» [1, с. 7] К сожалению, в настоящее время мало что изменилось. Появились только русский прагматизм, русский интуитивизм, русский постмодернизм и т. п., когда доказывается, что русские философы только лишь интерпретируют западное философское творчество и русское философское творчество не имеет самостоятельного значения. Но как выясняется, дело в главном даже не в этом или не только в этом. И когда нужны результаты познания собственно философского плана, то, как на деле оказывается, в итоге приходится удовлетворяться лишь результатами, полученными на базе западных методологических традиций. Так получилось, что СССР и Россия вынуждены были, например, принять то плановый, то рыночный умозрительные экономические проекты со всеми вытекающими отсюда отрицательными для страны последствиями, В то же время собственно русский экономический проект до настоящего времени оказался неизучаемым, а затем не вполне изученным для того, чтобы в полной мере реализовать его на практике. То же самое произошло, когда писались Конституции, когда в них записывались чуждые отечественной ментальности и духовности умозрительные положения, которые в нашей стране выполнять было невозможно.

И западные метафизические методологические традиции, так сказать, мертвой хваткой держат западных теоретиков и философов. Данные традиции блистательно разработаны и в своем отношении прекрасны, хотя это не значит, что их красота для нас является основанием забыть свою отечественную, русскую методологическую традицию, что позволяют себе отечественные западники-азиаты. Но чтобы, подобно западным теоретикам, оставаться самостоятельными мыслителями, необходимо в полной мере развернуть методологический задел славянофилов и учесть соответствующие недочеты славянофилов, и только в этом случае русские философы предстанут как настоящие европейцы, а не как западники-азиаты, которые не понимают, что в действительности делают (говорят, пишут, доказывают и думают). Возьмем для примера выдающегося

американского философа Уильяма Джеймса (1842-1910). Он вполне отдавал себе отчет в том, что делает, когда строит свои доказательства по поводу защищаемого им прагматизма и радикального эмпиризма. Он пишет: «Дуализм есть фундаментальное данное. Что Бог разъединил, то человек пусть не соединяет» [2, с. 372]. Джеймс относится к принципу дуализма бережно, как к некоторой непреходящей ценности, которая позволяет понять западных философов, постичь код западного мышления, дать западным теоретикам понять друг друга, принять западное мышление как исторически выстраданное, проверенное в деле. Он пишет: «Я утверждаю, что этот перетолкованный дуализм перестает быть таинственным и неуловимым. Он конкретизируется и поддается проверке. Он переходит в область отношений, усматривается вне, а не изнутри данного частного опыта и может быть ограничен и определен в любой момент. Первый шаг для такого более конкретного метода истолкования дуализма был сделан Локком, применившим слово „идея" одинаково к вещи и мысли, и Беркли, указавшим, что то, что здравый смысл подразумевает под реальностью, совершенно то же, что философ подразумевает под идеями. Ни Локк, ни Беркли не выяснили своей мысли до конца, но мне кажется, что защищаемая мной теория более последовательно осуществляет "прагматический" метод, впервые проверенный ими. Пусть читатель уяснит себе мою мысль на личном опыте. Пусть он начнет с перцептуального над так называемым „представлением" какого-нибудь физического объекта, его настоящего поля зрения..., мы утверждаем, что его разум в то же время воспринимает те же самые вещи; и вся философия восприятия со времен Демокрита и до наших дней представляет собою упорную борьбу над разрешением парадокса, по которому то, что кажется реальностью, в действительности занимает два места: одно - во внешнем пространстве, а другое - в уме человека. „Репрезентативные" теории восприятия избегают этого логического парадокса» [3, с. 362-363].

Данные положения Уильяма Джеймса с позиций отечественной методологии не подлежат критике, поскольку в них раскрывается заслуживающая к себе уважения специфика теоретизирования Запада, специфика его мышления, познания (теория познания как теория репрезентации). Это один из важнейших стилей западного мышления. «Наступать на горло» Западу, критикуя принцип дуализма и тем самым покушаясь на идентичность его мышления, теоретизирования, философствования, - это провокационное занятие: пусть он остается таким как есть. Другое дело, что русские философы не должны утрачивать своей идентичности, безоглядно перенимая чужое. Мы должны развертывать потенциал своей методологической традиции и потенциал своей идентичности, поскольку этого вместо нас никто не сделает. «Западники-азиаты», как правило, - это группы «спекулятивных мыслителей» (А. Н. Уайтхед), причем нахрапистые, активные группы, принесшие нашей стране много бед и несчастий. И в этом случае надо изучать причины их появления, характер их кликушества и причины предпочтения их оставаться западниками-азиатами.

Далее Уильям Джеймс уточняет положение методологической традиции, которой он придерживается. Он пишет: «Я назвал свое мировоззрение «радиальный эмпиризм». Известно, что эмпиризм является противоположностью рационализма. В своей системе логики и в онтологии рационализм склонен превозносить универсалии и ставить целое выше части. Эмпиризм, напротив, строит свой объяснительный принцип на части, элементе, индивиде, целое же рассматривает как собрание частей, а универсалии считает абстракциями. Мое видение предметов соответственно с видением частей, а целому отводит роль второстепенную. По существу, это мозаичная философия множественных фактов, подобная идеям Юма и его наследников, которые не считали факты проявлениями какой-либо субстанции или абсолютного духа, создавшего их как свои объекты. Но мой эмпиризм от юмовского отличает одна особенность, которая и заставила меня прибавить этот эпитет - „радикальный". Чтобы называться радикальным, эмпиризм не должен включать в себя ни одного элемента, который не может быть дан в непосредственном опыте, равно как и упускать какой-нибудь элемент, непосредственно в опыте данный. Для подобной философии *все отношения, связывающие элементы опыта, сами должны быть даны в опыте, должны считаться реальными, как и все в этой системе.* Элементы, разумеется, могут перераспределяться, исходный порядок вещей открыт направлениям, но в окончательной философской системе должно найтись реальное место для всего, что дается в опыте. Обычный

эмпиризм, несмотря на то, что соединения, разъединения представляют собой абсолютно равнозначные части опыта, всегда имел тенденцию игнорировать связи вещей и уповал главным образом на их разобщенность. И номинализм Беркли, и суждение Юма о том, что вещи, которые мы воспринимаем, свободны и разобщены, словно никакого рода связи между ними нет и в помине, и позиция Джеймса Милля, отказывающего сходным вещам в чем-либо „реально" общем и сводящего причинность к обыкновенной последовательности, и точка зрения Джона Милля, согласно которой как физические вещи, так и индивидуумы составлены из дискретных возможностей, и вообще дробление всего опыта на ассоциации и психологический атомизм - все это примеры, которые подтверждают мои слова. Естественным следствием такой картины мира явились попытки рационализма компенсировать бессвязность вещей, добавив в нее сверхпопытки сущности - субстанции, разумные факторы, силы либо души» [4, с. 374].

Как видим, Уильям Джеймс отлично ориентируется среди заложенных схоластами методологических метафизических традиций. Он четко противопоставляет свой номиналистский рациональный эмпиризм всякому реалистскому рационализму, «превозносящему» универсалии, т. е. методологии, принимающей в качестве репрезентантов универсалии, абстрактные объекты. Он раскрывает эмпиризм как мозаичную философию, предполагающую в качестве основы индуктивную логику, логику индуктивных выводов. При этом Джеймс считает для себя совершенно неприемлемыми какие-либо вкрапления эклектики. Его радикальный эмпиризм строг, полон и непротиворечив, стандартом научности его радикального эмпиризма является в конечном счете индуктивная логика. Джеймс показывает, что предшественниками реализации принятой им методологической традиции являются английские номиналисты; Локк, Беркли, Юм и т. д.

Уильям Джеймс, подчеркивая строгость своего рационального эмпиризма, тем самым доказывает, что разрабатываемая им философская система не подлежит критике, поскольку данная система не содержит эклектики. И поэтому для целей описания предмета теория для целей описания может оказаться более или менее пригодной, но это касается не качеств описательной теории, а качества осуществленного выбора теории описания. И, следовательно, для описания предмета (репрезентанта) необходимо испробовать более подходящую теорию описания. И, следовательно, процесс выбора теории - это реализация принципа антропоцентризма. Причем данный принцип, фундаментализирующий свободу воли человека в различных областях жизнедеятельности человека, потому и имеет множество интерпретаций, и в том числе выступает как принцип прагматизма.

Непросто ответить на вопрос: что такое западничество? Что это? Или это теоретическое заблуждение: человек следует ошибочно избранной методологической системе или ошибочно избранной системе теорий; или это система принятия человеческого мира, где действуют чуждые стандарты естественности, рациональности, стандарты социального прогресса, стандарты поведения, духовности, истинности и т. д. В конечном счете речь идет о специфике различных моделей Мира, одна из которых имеет в виду степени свободы, а другая предполагает альтернативные элементы полноты модели мира. Но какие? Очевидно, что подобные вопросы предметно ставились при разработке сталинских Конституций 1936-1937 годов. Действительно, почему в Советском Союзе и в Советской России, так же как на Западе, должны формулироваться положения о свободе совести и свободе слова?

Так, в Конституции СССР 1936 года записано: «Статья 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами. Статья 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

а) свобода слова;

б) свобода печати;

в) свобода собраний и митингов;

г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных ус-

ловий, необходимых для их осуществления». Как видим, данные статьи Конституции СССР формулируются по наведению (что маловероятно) или в целях того, чтобы не то чтобы кому-нибудь угодить (прежде всего Западу, может, смягчить какие-нибудь трения с требовательным Западом), или от понимания того, что в системе отечественного правотворчества ниша, которую на Западе занимают права о свободе слова и свободе совести, всегда оставалась незаполненной, и ее по стандартам жизни отечества заполнить нечем. И поэтому что-то в данном отношении со временем придется заполнить тем, чем нужно. Так обнаружился первостепенной значимости правовой теоретический изъян, который необходимо было устранить, призвав к этому отечественных теоретиков и практиков. И тут стало очевидным, что отечественные теоретики или были не готовы решить данную задачу, или не хотели ее решать, но объективно оказалось, что русская философия изучена не в той мере, чтобы она оказалась способной помочь в разрешении указанных задач. Так, при детальном изучении дела перед разработчиками Конституции СССР возник целый ряд проблем, когда словом о «невозможности преклонения перед иностранщиной» необходимо было пренебречь.

Дело, конечно, не в социальной зависти отечественных субъектов к западным реалиям, а в том, что нельзя безоглядно принимать чужое - неуместное, что нужно всесторонне изучать свое положительное, проверенное веками и развивать свое, разрабатывать свою направленность на достижение положительных результатов, поэтому так остро во времена И. В. Сталина ставился вопрос о «преклонении перед иностранщиной». Надо сказать, что западники нанесли нашей стране не меньший вред и утраты, чем Наполеон Бонапарт и фашистские агрессии. Например, затеянные ельцинской кликой «радикальные реформы» стоили стране, по крайней мере, более десяти миллионов жизней, межнациональных, межконфессиональных конфликтов, утраты многих тысяч заводов и фабрик, превращения страны в сырьевой придаток Востока и Запада и т. д., и т. п. Это неисчислимые утраты. При этом защитники и проводники этих рациональных реформ до сих пор не понесли заслуженного и неотвратимого наказания.

Передо мной Конституция РСФСР 1937 года в редакции от 21.01.1937 г. Это основной закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, утвержденный постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов от 21 января 1937 года (первоначальная редакция). В данной редакции Конституции РСФСР, в частности, пишется: «Статья 128. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в РСФСР отделена от государства и школы от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами.

Статья 129. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам РСФСР гарантируются законом:

а) свобода слова;

б) свобода печати;

в) свобода собраний и митингов;

г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления».

Эти две статьи, пожалуй, самые убийственные статьи Конституции РСФСР 1937 года для страны. Они были сформулированы тогда, когда было принято (там, где надо) решение о том, чтобы стравить в войне на самоистребление Европу, с одной стороны, и Советский Союз - с другой: дело состояло лишь в том, когда именно начать бойню, чуть раньше или чуть позже. И когда началась Великая Отечественная война, то оказалась востребованной не сомнительная западническая свобода совести, а наша родная, чистая, т. е. действительная совесть; не противостояние церкви и государства, а единство духовной и светской властей; не сомнительная свобода слова (можно говорить и писать все, что не запрещено законом), а наше родное совершенство слова, вдохновляющее на борьбу с врагами, и т. д.

Итак, две статьи Конституции РСФСР 1937 года. По характеру статей - это свидетельство того, что запечатленные в данных статьях западные ценности выдаются как общечеловеческие.

Это значит - принятие в принципе западных стандартов как наших отечественных стандартов. Это во-первых.

Во-вторых, за этими статьями определенно различима фигура западника. Кто это такой? Или И. В. Сталин, или специалист-юрист-западник, или неявный западный субъект, который настаивает на том, чтобы Россия доказала, что она должна перейти на язык жизнедеятельности, понятный Западу. И Россия согласна на данный язык, полагая, что в данной уступке пока ничего опасного не содержится.

Данные статьи можно, конечно, понять как следствие атаки западников или как следствие вынужденного западничества под напором «свободолюбивого» Запада, который уже вовсю вел подготовку к войне против Советского Союза, и вопрос о нападении на СССР был уже решен. Но возникает вопрос: читал ли эти статьи Конституции РСФСР и СССР И. В. Сталин? И здесь не может быть никаких сомнений в том, что, безусловно, он данные статьи читал. И более того он, безусловно, принимал решение о включении данных статей в состав Конституций, И если бы не последующие действия И. В. Сталина, то можно было бы утверждать, что он сам был западником. И действительно, в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса можно найти бесчисленное количество высказываний и насчет свободы совести, и насчет свободы слова. И он (Сталин), ненавистник «преклонения перед иностранщиной», лишний раз убедился в том, что в русской философии умышленно или неумышленно не выявлено то, что должно было бы заменить положения о свободе совести и свободе слова, введенные в Конституции РСФСР и СССР. И сомнения на этот счет, бесспорно, беспокоили вождя, что и показали дальнейшие его решения.

1. Так, уже непосредственно перед Великой Отечественной войной было принято решение об издании семитомного корпуса трудов философов того времени по истории философии: 1-й том был посвящен философии античного и феодального обществ; 2-й том - философии XV-XVIII вв.; 3-й том - философии первой половины XIX в.; 4-й том - философии марксизма; 5-й том - истории философии народов СССР; 6-й том - современной буржуазной философии; VII том - развитию марксизма Лениным и Сталиным. В 1941 г. вышел 1-й том издания, затем 2-й том, а в 1943 году - 3-й том. (В какие годы выходили эти тома издания? И какие надежды возлагал И. В. Сталин на философов?) К сожалению, из семи предполагаемых томов удалось издать только три тома. В составлении данных трех томов принимали участие Г. Ф. Александров, Б. Э. Быховский, М. Б. Мигин, П. Ф. Юдин, Б. С. Чернышов, В. Ф. Асмус, М. А. Дынник, О. В. Трахтенберг, Л, А. Коган, М. А. Егоров, М. М. Григорьян, Я. А. Милнер, В. М. Познер, Б. Ф. Поршнев, С. Г. Суворов и другие. Анализ содержания вышедших томов из предполагавшегося семитомника не входит в задачу данной статьи.

2. В 1939 году выходит карманное по формату первое издание «Краткого философского словаря» (5 п. л.), а в 1940 году - гораздо более полное второе издание «Краткого философского словаря (20,5 п. л.) под редакцией М. Розенталя и П. Юдина.

3. В середине декабря 1941 года, когда враг уже стоял под Москвой, воссоздается закрытый еще при Николае I философский факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, а вслед за ним и философские факультеты в университетах других городов СССР. Так началась широкая подготовка специалистов по философским наукам.

4. Сразу после Великой Отечественной войны, начиная с 1945 года, осуществляются небывалые, многотысячными тиражами, многотомные издания трудов русских философов. На философских факультетах открываются кафедры русской философии. Осуществляются издания тиражами во много тысяч экземпляров трудов советских философов. В июле 1947 года начинается издание журнала «Вопросы философии». Выходят многотысячными тиражами «Философские записки АН СССР» и т. д., и т. п.

5. В соответствующих философских учреждениях устанавливаются так называемые «вертушки», т. е. телефоны экстренной связи с Кремлем для соответствующих консультаций.

Очевидно, осуществлялись и многие другие инициативы сталинской власти, которая стремилась избежать элитарных устремлений специалистов-философов, появления у них чувства избранности и в то же время привлечь советских философов к разрешению фундаментальной значимости для Советской страны творческих дел, среди которых были дела по разрешению

теоретических проблем разработки конституционного права, чтобы липший раз избежать необдуманного заимствования из пределов немилой Сталину «иностранщины», в частности всего того, что имеет отношение к реализации свободы совести и свободы слова.

И. В, Сталин чувствовал подвохи в тезисах о свободе слова и свободе совести, но запущенность историко-философского познания отечественной философии не позволяла избавиться от «иностранщины», вследствие чего тезисы о свободе слова и свободе совести представали как общечеловеческие ценности. И. В. Сталин пошел по пути ограничений, например, свободу совести он ограничивал пределами отношений церкви и государства, хотя вопрос о свободе совести имеет в виду гораздо более широкий спектр сторон, например, отношения совести и морали, отношения совести и права, отношения совести и этнических социальных норм, отношения совести и национальных и этнических задач и т. д.

Но это уже не касалось свободы совести, поскольку по-западному свобода совести ограничивается только умозрительными измерениями консерватизма и умозрительными измерениями либерализма. Так выясняется, что за пределами сталинского ограничения пределов свободы совести остается все, что имеет отношение к чистой совести. Но это уже, как говорится, совершенно иной коленкор. Это, по-видимому, определенная скрытая сторона сталинской Конституции РСФСР. И может быть, это не единственная скрытая сторона данной конституции.

Что же касается свободы слова, то в посвященной ей статье 129 Конституции РСФСР также содержится следующее ограничение, заключенное в первых строках статьи: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя», т. е. из содержания свободы слова исключается все, что не служит укреплению социалистического строя и не соответствует интересам трудящихся, т. е. исключается все антигосударственное и антинародное, и подобное ограничение предполагает уже не свободу слова в собственном смысле, а намечает осуществление совершенства слова.

Однако с течением времени начинает складываться впечатление, что амбициозная крикливая марксистская философия никаких реальных проблем разрешить не может, и сейчас философов-марксистов сегодняшние философы предают осмеянию и обходят стороной. Более того, многие современные пожилые философы, которые свои жизни положили для утверждения марксизма, теперь говорят и пишут, что их якобы заставляли быть марксистами и они якобы не смогли устоять перед силой политического давления и т. д. Мы являемся свидетелям» того, как гибнет марксизм и вместе с тем с ним (марксизмом) утягиваются в небытие несомненные достижения советских философов.

Грустно читать покаяния некоторых былых светил советской философии. Ныне это люди весьма преклонного возраста, и в чем-то уличать их сегодня, критиковать за какие-то теперешние откровения, как они в советское время чувствовали себя несвободными, держали фигу в кармане и т. д., уже поздно и по-русски хочется сказать: «Бог им судья». Если им не стыдно за свои современные письменные и устные эскапады, по этому поводу говорить о них и писать о них не стоит. Пусть они, насытившись когда-то привилегиями, доставшимися им в советское время, уходят навсегда, как тот, с позволения сказать, советский разведчик и резидент советской разведки, полагавший, что свобода лучше, чем несвобода, выдал германским фашистам всех советских разведчиков, кого знал, а также выдал гордость германской нации - «Красную капеллу». Этот «резидент» советской разведки дожил до 93 лет, и, следовательно, свободная совесть его никогда не мучила.

А между тем западнические тезисы о свободе совести и свободе слова в нашей стране со сталинских времен и до настоящего времени кочуют из Конституции в Конституцию. Только И. В. Сталин, очевидно, сомневался в правильности включения двух указанных западнических статей в Конституции СССР и РСФСР, надеясь на философов, которые должны были доказать, что должно быть в действительности включено в подобном отношении в Конституции. Но советские философы-марксисты не оправдали его надежд.

После его кончины подобные статьи включаются в Конституции уже без всяких сомнений. И более того, данные сталинские сомнения, касающиеся свободы слова и свободы совести, исключаются. И в брежневской Конституции СССР под «международным» нажимом уже за-

писывается: «Статья 50. В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистическою строя гражданам СССР гарантируются свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц, площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио.

Статья 51. В соответствии с целями коммунистического строительства граждане СССР имеют право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов.

Общественным организациям гарантируются условия для успешного выполнения ими своих уставных задач.

Статья 52. Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа - от церкви».

Как видим, в данных статьях имеет место множество уточнений по сравнению с соответствующими статьями сталинских Конституций СССР и РСФСР: слово «трудящиеся» заменено словом «народ», введено слово «телевидение» и т. п. Но концептуально данные статьи Конституции СССР 1977 года, во-первых, сохранили все недостатки сталинских Конституций, которые по-сталински можно было бы определить как «преклонение перед иностранщиной»: чуждые нашей стране тезисы о свободе слова и свободе совести были приняты, так сказать, как «общечеловеческие ценности». Во-вторых, воссозданные И. В. Сталиным институты философского знания в самое тяжелое время для страны фактически ничего не сделали для того, чтобы на фундаментальном теоретическом уровне возвратить стране национальные многовековые грани чистой совести и совершенства слова. Советские философы фактически посвятили многие десятки лет постижению и пропаганде теории относительности А. Эйнштейна, кибернетики, бесплодной эклектики К. Маркса и т. д. И в неприкосновенности сохранили и вписали в Конституции страны чуждые и убийственные для нашей страны стандарты западного жизнеустройства, по которым Россия жить не может.

И когда «мировое» сообщество и сомкнувшаяся с ним пятая колонна поставили под контроль исполнение 50, 51, и 52 статей брежневской Конституции СССР, то стало понятно, что СССР по положениям Хельсинского Заключительного Акта выполнить эти статьи в установленном Западом объеме не может. И тогда в СССР начали развиваться процессы, закончившиеся оранжевыми революциями 1991-1993 годов, которые провозглашались как победа «белых» над «красными». И вновь началась гражданская война, обернувшаяся для так называемого постсоветского пространства многосоттысячными жертвами, волнами вынужденной миграции, спровоцировавшая межнациональную, межконфессиональную, межрегиональную напряженность и т. п. Российская Федерация в настоящее время идет через бандитские войны, унесшие из жизни десятки тысяч человек, через войны наркоторговли и наркотрафика, унесшие жизни миллионов человек, через войны казнокрадов и коррупционеров, не позволяющих России подняться с колен, через войны средств массовой информации, профессионально разлагающих общество: средства массовой информации под прикрытием идеалов свободы слова фактически контролируются отморозками под надзором требовательных иностранных радетелей свободы слова и демократизации общества и т. д., и т. п. Россия стала страной убивающих ее объявленных и необъявленных социальных экспериментов (вхождения в мировую цивилизацию, трансформации общества, профессиональной фальсификации истории, перманентного реформаторства - разновидности перманентной революции, предательства былых друзей и союзников и т. д.).

Но сейчас наступает новая пора - время профессиональных революционеров, перед которыми «из-за бугра» прямо ставится задача свержения наличной власти, ареста В. В. Путина и т. д. под лозунгом «Свобода лучше, чем несвобода». Дело в том, что В. В. Путин стремится спасти Россию на основе западнических теорий, чуждых России, а это сделать невозможно. Он действует как «западник-азиат», не способный, по предостережению Н. А. Бердяева, мыслить

самостоятельно (свобода слова, свобода совести, свободный капитал, экономическая свобода, свободный рынок и т. п.). Нужно же знать, что рыночная экономика - это умозрительный проект, строящийся по принципам дуализма и антропоцентризма. И этот проект априори ничем хорошим кончиться не может, как любой тип либерализма или любой тип консерватизма. Вот В. В, Путин приходит в русский храм. Молится. Перед ним иконы. И надо же понимать, что иконопочитание строится на принципах единства мира и отражения (сущность икон является, а явленность икон существенна). Это же доказывали еще византийские и древнерусские философы. Нельзя же приходить в русский храм и исповедовать русскую православную веру, попротестански приговаривая, что свобода лучше, чем несвобода. В. В. Путину негоже по поводу и без повода галиться над Советским Союзом. Ведь он должен видеть, что и без него вовсю действуют специалисты по растлению и разложению общества. Вступив в должность Президента РФ, он должен видеть социальную запущенность общества России. Разве можно объективно, потворствуя разложению общества, добиваться каких-либо положительных результатов в обуздании казнокрадства и коррупции? Разве можно, окружив себя западниками-азиатами, строить обнадеживающие перспективы будущего России? Разве можно возлагать какие-либо позитивные надежды на умозрительную теорию рыночной (или плановой) экономики, на схоластическую грязь консерватизма и либерализма?

В настоящее время либералы и консерваторы усиленно ищут аргументы оправдания оранжевых революций 1991, 1993 годов, чтобы оправдать и последующие злодеяния; разве можно оправдать их какими-то мифическими «галошами», не вспоминая о многих тысячах заводов и фабрик, уничтоженных и до сих пор уничтожаемых власть имущими и иже с ним плутократами, выбросившими за ворота этих заводов и фабрик миллионы человек рабочих, служащих, инженеров, техников. Разве можно у преемников новых властей не спросить, в каких целях было разграблено сельское хозяйство? и т. д. Западники-азиаты уже принесли и продолжают приносить неисчислимые бедствия нашей стране. Они осуществили жесточайшие нашествия на нашу страну, ничем не менее жестокие, нежели фашистское нашествие Европы на нашу страну. Они раз за разом обрушивают на страну свои прожектерские планы. И страна вновь и вновь, выбиваясь из сил, вынуждена перемалывать очередное западническое иго, не зная и вопрошая: когда это кончится? И потому не случайно Иван Александрович Ильин пророчески пишет о том, что русские философы не должны по-западному изобретать теории - умозрительные теории, эту умозрительную «схоластическую грязь» (В. Г. Белинский). В противном случае философию в России постигнет участь Афинской, созданной еще Платоном, Академии в 529 году, когда Византия вовремя отвернулась от тех (Академии) как от источника «схоластической грязи», насаждаемой «активной группой спекулятивных мыслителей» (А. Н. Уайтхед). Надо же и теперь вовремя проникнуться спасительным недоверием к подобным источникам «схоластической грязи» на русской земле, где должна торжествовать не свобода совести, а чистая совесть; не свобода слова, а совершенство слова, которые должны гарантироваться основным законом страны. И Конституция нашей страны должна (кроме институтов духовной власти) отвечать на вопрос о том, что делать с воцарившейся в России социальной запущенностью общества, с политикой трансформации общества, проводимой под несуразным лозунгом: «Свобода лучше, чем несвобода». Плоды данной трансформации (коррупция, наркомания и т. п.), как говорится, повязали и нейтрализовали все сферы общественной жизни. Об этом открыто говорят уже и сами руководители России, затеявшие трансформацию общества под изначально ошибочном лозунгом, которому место быть в составе «схоластической грязи».

Библиографический список

1. Иовчук М. Т. Об исторических особенностях и основных этапах русской философии // Из истории русской философии : сборник статей. М. : Госполитиздат, 1947. С. 7.

2. Джеймс Уильям. Воля к вере. М.: Республика, 1997. С. 372.

3. Там же. С. 362-363.

4. Там же. С. 374.

Аксиологические аспекты истории как глобального самосознания

М.П. Яценко (г. Красноярск)

Аксиологические аспекты истории могут проявляться двояко: как прошедшее событие, проявляющее себя в пространственно-временных аспектах, и история как определенная форма самосознания. Аксиологические аспекты прошлого и настоящего тесно связаны с пространственно-историческими представлениями, и они берут свое начало еще со времен Сократа, с его реакции на моральный релятивизм софистов, провозгласивших вслед за Протагором человека в качестве меры всего, в том числе и нравственности. С точки зрения софистов, нет устойчивых, т. е. безусловно обязательных к исполнению, норм – каждый может выбрать себе то, что ему подходит наилучшим образом. Более того, нравственность создается людьми и создается, как и все, во множественных «вариантах». Именно против множественности нравственности и выступил Сократ, отнеся это к «миру мнений», а не к «миру истины» [1, с. 3]

Содержание понятия «ценность» может быть адекватно раскрыто только в рамках системы категорий, выражающих различные звенья, аспекты детерминации человеческой деятельности. К таким категориям, с которыми органично связаны интересующие нас понятия, прежде всего относятся категории потребности, интереса, цели, идеала. Учитывая эти понятия, мы и проследим генезис понятия «аксиология» в различных исторических ситуациях.

Понятие «ценность» появилось и получило свою смысловую нагрузку теоретически одновременно с возникновением новоевропейской науки. Наука предполагает идеал «ценностно-нейтрального исследования», когда из науки изгоняются все рассуждения, упоминающие о ценностях, совершенстве, гармонии, смысле и цели [2, с. 220]. Однако «ценность» не есть нечто противопоставленное истине науки, но именно компенсация дуалистической субъект-объектной структуры, на которой базируется сама возможность науки. Таким образом, понятия «объективной истины» и «ценности» изначально находятся на разных уровнях эпистемологического анализа. Бессмысленно спорить о том, является истина ценностью или нет: ценность есть основание бытия истины и необходимое условие объективно-истинного содержания. То, что утверждается в теории в виде объективно-истинного содержания, – лишь возможная действительность. Только в акте признания и утверждения этого содержания, когда мы понимаем и тем самым признаем ценность истины, оно (содержание) обретает основание своего бытия. Однако в истории данный момент приобретает определенную специфику. Например, в ментальности восточных славян формировались представления об опорах, которые помогают человеку выстоять, уцелеть, утвердиться в непредсказуемом, полном противоречий, но при этом не выступающем как враждебный мире. Такие опорные точки коллективного сознания в ментальности оформлялись в связи со способами социального взаимодействия, которые в процессах самоорганизации общинно-племенных групп славян изначально отличались как от рационально-демократических устоев, транзитно пронизывающих античную и следом за ней западноевропейскую традицию, так и от коллективистски-деспотических начал социальной организации в классических восточных культурах.

Мы исходим из того, что два ведущих направления: формальное своеобразие истории и создание содержания духовных ценностей из истории – дал в первую очередь Гегель. Само понятие «аксиология», что в буквальном переводе означает – «учение о ценностях», длительное время рассматривалось как одна из отраслей идеалистической философии, понятие буржуазной философии.

Постепенно в историческом познании принципиальную роль начинает играть именно аксиологический аспект, который становится краеугольным камнем всего метафизического

метода исследования. В частности, важно проводить различие не только между оценкой и отнесением к ценности, но и между оценкой и интерпретацией ценности. Это означает для него развитие возможных смысловых позиций по отношению к данному явлению, но не всегда достаточно отчетливых, поэтому возникают неясности при определении гносеологической сущности истории [3].

Гносеологическое основание теории ценностей имеет неклассический характер. Неклассический идеал рациональности как система принципов исследования духовных явлений представляет собой концептуализацию аспектов акта трансцендирования в плане его событийности, в нашем случае, учитывая особенности именно исторической событийности, понимаемой как онтология доказанного факта. Тематизации в этом случае подлежат не только результаты акта трансцендирования, но и непосредственное участие в нем человека. Неклассическая природа аксиологии как метаистории заставляет отнести ее к разряду философских дисциплин. Метатеория строится на таких «объектах», которые тождественны их интерпретации.

Если возвращаться к аксиологическим аспектам истории, то следует подчеркнуть, что универсалии цивилизации – это круг аксиологических понятий, в которых определены итоги технологической деятельности; ее продукты со второй половины XVIII в. стали восприниматься как энтропийный негатив культуры (энциклопедисты). В отличие от универсалий культуры универсалиям цивилизации присущ лжеэкзистентный характер, они знаменуют количество прогресса, а не глубинные качества исторической жизни. Не случайно сегодня все чаще онтологическим основанием аксиологии выступает акт восприятия ценности как аспекта трансцендирования.

Особая ситуация с развитием философии ценностей складывалась в России. Как указывает М. С. Каган, русская философия (досоветского периода) «не знает теории ценности, поскольку признает только одну подлинную ценность – Божественную» Действительно, отдельная от христианской антропологии философия ценности в дореволюционной России не развивалась. Например, М. С. Каган исходит из презумпции множественности и равнозначности ценностей, которые должны приниматься человеком и культурой по принципу дополнительности. Возведение какой-либо ценности на вершину пирамиды, ее «абсолютизация» объявляется «редукцией». В своем фундаментальном труде «Философская теория ценности» М. С. Каган утверждает, что в русской мысли и жизни вообще нередко происходила неправомерная абсолютизация относительного: у В. Соловьева, С. Франка, И. Ильина – все поглощено Богом, у Л. Толстого – этикой, у В. Ленина – политикой, у А. Луначарского – эстетикой. Он также считает, что поскольку «мир многомерен», то нельзя вывести какой-то единый для всех явлений ценностный критерий [4, с. 30].

По определению С. Лебедева, аксиология постнеклассической науки – конструктивность научного знания, плюрализм методов и концепций, толерантность, экологическая и гуманитарная на правленность науки, когнитивная ответственность [5, с. 129-130]. Данный аспект приобретает особую значимость именно в истории, поскольку все это накладывается изначальный субъективизм, сопровождающий гносеологию истории. Ценностное отношение является универсальным и всепроникающим не только в сфере практической жизни человека, но и в сфере познания. Западный мир с самого начала – со времен греков – конституировался в рамках внутренней полярности Запада и Востока. Со времени Геродота противоречие между западным и восточным миром осознается как исконная и вечная противоположность, являющая себя во все новых образах. Тем самым эта противоположность только и стала реальной, ибо духовную реальность обретает лишь то, что знает о себе. Греки заложили основу западного мира и сделали это так, что мир этот существует лишь постольку, поскольку он постоянно направляет свой взор на Восток, находится в размежевании с ним, понимая его и отстраняясь от него, перенимая у него определенные черты и перерабатывая их, борясь с ним, и в этой борьбе власть попеременно переходит от одной стороны к другой. По мнению Ясперса, эту противоположность можно воспринимать как одну из форм расщепления духовного мира вообще. В различных модификациях изначальная полярность сохранила свою

жизненность на протяжении веков. Карл Ясперс далее особо подчеркивает: «Объективный исторический анализ выявляет… превосходство Запада в воздействии на формирование мира, однако вместе с тем показывает и его незавершенность и недостаточность, в силу которых вопросы, обращенные к Востоку, всегда остаются современными и плодотворными… Нет сомнений в том, что Запад обладает наиболее длительной и достоверной исторической традицией, уходящей в глубь времен… В течение последних веков Запад наложил отпечаток на все страны земного шара. Запад обладает самым богатым и отчетливым членением своей истории и своих творений…» [6, с. 89]. Тем не менее, характеризуя экзистенциальный подход к прошлому, М. Мамардашвили подчеркивает важный момент: «… система исторических связей распалась и перепуталась в экзистенциалистическом восприятии, поскольку Ясперс отождествляет действия одновременно происходящих, но различных процессов, принимает отображения одних связей в других за само содержание этих связей, не считается с требованием последовательности понимания одних связей в зависимости от понимания других и т. д. На то есть вполне определенная причина, лежащая вне самой методологии. Ее следует искать в мистифицированном отражении экзистенциализмом той особой формы, в которой капитал присваивает развитые общественные сочетания духовного труда и которая порождает противоречия между развитием самого индивида, его внутреннего духовного мира. Эти противоречия выражаются в фетишизации и овеществлении исторической связи знания и преемственности познания.

Возможность фетишизации исторической связи знания и отчужденного способа соединения современной деятельности с прошлой дана уже в утилитарно-прагматическом использовании знания [7, с. 240]. В этом случае историческая действительность предстала как действительность в буквальном этимологическом смысле: «действительность» как производная от «действия», т. е. как действия людей и их результаты. Понятно, что такая деятельность не всегда понималась потомками, а тем более не поддавалась четко выраженной классификации. В той мере, в какой единство и направленность истории оказывалось невозможным объяснить из целей и мотивов, действующих в ней, модель целеполагающей деятельности субъекта транспортировалась на описание исторического процесса в целом. Историк, в соответствии с этой концепций, ничего не создает, а находит уже готовое. Он должен только «правильно искать» и не засорять историческую реальность собственными мнениями и домыслами по поводу подлинных событий. В конечном счете такая программа оказалась неосуществимой прежде всего по причине принципиальной невозможности вынесения субъекта за скобки исторического познания. Именно из этого принципа исходила так называемая «романтическая школа» в историографии, которая утверждала, что все наши представления о прошлом являются результатом продуктивной творческой деятельности познающего субъекта. И в этом смысле невозможно говорить о существовании некой исторической реальности самой по себе, как существующей независимо от нашего сознания. История здесь представляется зрелищем свободного творчества бога, а сам исторический подход – попыткой также творческого созерцания этого великого зрелища и наслаждения им.

Определение понятия «историческая ценность» есть экспликация условий и результатов акта восприятия ценности, т. е., процесса получения непосредственно самой ценностной предметности: ценность есть осознаваемое переживание трансцендирования через лично созданный символ. Таковыми символами в истории являются, в частности, даты и т. п. Процедура обоснования аксиологии состоит в выявлении характера ее философских оснований и установлении их связи с подлежащим обоснованию определением ценности. Категория ценности выражает положительный социокультурный смысл явлений, включенных в систему межсубъектных отношений и соответствующих индивидуальным или коллективным стремлениям людей, что делает ее регулятором человеческих действий. Сущность ценности парадоксальна. Она обладает эндогенно-экзогенным характером. Как результат реально складывающихся субъектно-объектно-субъектных отношений «ценности возникают в совокупности объективных факторов и сами объективны по отношению к ним» [8, с. 3].

Вместе с тем среди ученых нет полного единодушия в трактовке взаимоотношений между собственно аксиологией и конкретными направлениями развития гуманитарного познания, что особо актуализируется амбивалентностью процессов глобализации. Одна группа философов, говоря о ценности, как правило, уточняет, что ценность – это не всякая значимость, а лишь та, которая играет положительную роль в развитии общества: в конечном счете, она связана с социальным прогрессом. В этом отношении значение исторического прошлого значительно возрастает; так как история становится основой для моделирования настоящего и будущего. Другие ученые считают, что категория «ценность» связана в основном с духовным содержанием жизни людей. В этом отношении ценности рассматриваются как обособившиеся в ходе развития самой истории благодаря разделению труда в сфере духовного производства интересы. Однако объектами этих обособившихся интересов, предметами стремлений человека в данном случае выступает некое духовное содержание, состоящее в особой концентрации чувств и мыслей, воплотившееся в образах прекрасного, истинного, доброго, благородного. В сопоставлении с этими нормами, получившими общественное признание, человек, занятый в сфере духовного творчества или действующий на поприще гражданских интересов, стремится утвердить свою индивидуальность. Как показывает история, навязанное откуда-то или данное изначально не может занимать у человека, в его душе место ценности и не будет для него смыслом его существования. Ценность должна иметь всеобщий характер для данной жизни, для данной единичной жизни, души и для данной своеобразной культуры, что особо важно при исследо

Понимание особенностей формирования исторического бытия предполагает учета исторического самосознания, которое является устойчивой формой исторического сознания, ориентированной на смысложизненные мировоззренческие принципы, фиксирующие рефлективные отношения человека и человеческого общества к прошлому, нынешнему и будущему через призму оценки самого себя как субъекта практической и позитивной деятельности в истории [10, с. 27]. Историческое самосознание как сфера исторического сознания подразделяется на типы и уровни. Типы исторического самосознания преходящи и соответствуют определенным периодам в развитии истории человеческого общества. Уровни исторического сознания – обыденный и теоретический – взаимодействуют и взаимопроникают. Соотношение же уровней и образует типы исторического самосознания.

Классический и неклассический идеалы рациональности как способы экспликации опыта сознания-бытия напрямую зависят от вида этого опыта, т. е. направленности самого сознания. Так, например, классические принципы рациональности достаточны для того, чтобы объяснить зависимость свойств научных объектов от определенных свойств сознания (рефлексивность, непрерывность воспроизводства и т. д.), но недостаточны для того, чтобы уяснить специфику ценностей. Таким образом, как резонно отмечают Кушнаренко, ключевым вопросом аксиологии является вопрос о специфике ценностных предметностей, поскольку опыт постижения ценностей определяет и задает принципы аксиологии.

Особенности истории как глобального самосознания человека и человечества состоит в том, что культура, рассматриваемая в самом общем виде, предполагает способность к символическому мышлению и самовыражению, которая передается от поколения к поколению посредством обучения и усвоения. Тема научного творчества превратилась сейчас в одну из центральных тем философии науки, но в то же время как тема исследования она демонстрирует свою внутреннюю разорваность. Ее историко-научный и гуманитарный аспекты оказываются контрарными до практически полного взаимоисключения. Таким образом, если культура есть память и диалог с историей и с Другим, то цивилизация, профанированный двойник культуры, направленно воспитывает голосовую глухоту и амнезию. Псевдоценности цивилизации утверждены на презумпции бестревожного покоя и атавистического рефлекса самосохранения.

Рождение смысла – новый факт в истории, поэтому историю нельзя мыслить отнесенной к прошлому. Сотворяющаяся история – это настоящее. А вот история бытия, – по М. Хайдеггеру, – «никогда в прошлом, она всегда впереди» [11, с. 315]. Исследуя отдельные

проявления глобализации, мы еще вернемся к данному аспекту и рассмотрим его более подробно.

Историческое бытие определяет настоящее мировоззрение. Проблемы, связанные с формированием мировоззрения толкают исследователей на неоднозначные оценки. А. Ф. Лосев, например, был уверен, что вообще нет никакой практической стороны мировоззрения, поскольку «… само мировоззрение уже есть практическая теория. И когда мы говорим, что человеку свойственно стремление к самоутверждению, то я не знаю, где тут теория и где практика... Кто имеет правильное мировоззрение, тот обязательно трудится и в этом смысле переделывает действительность. А кто не трудится, тот просто не имеет никакого мировоззрения или имеет его в таком превратном виде, который не соответствует простейшим объективным основаниям, если отбросить все предрассудки, которые навязывает нам обывательщина или лженаучная литература» [12, с.129].

Лев Карсавин справедливо отмечал: «Объектом изучения для историка всегда является живая развивающаяся личность, и в этом смысле история есть преимущественная наука о жизни. Изучая развитие данного конкретного индивидуума, известное ему лишь в некоторых разъединенных проявлениях, историк необходимо поднимается к личности индивидуума как всеединству, и, исходя из нее, понимает и связывает эти проявления как ее моменты» [13, с. 189].

Модернистский дискурс расположил человека как исторически-сущее, т. е. как исторически понятую жизнь, задающую горизонт для «жизненного» истолкования истории. В том же русле двигался Хайдеггер, для которого вопрос об истории есть вопрос об изначальной историчности присутствия (Da sein) – бытие-как-история. Антропологический жизненный мир создается императивными установками: он должен быть таким. Если традиционно задача историка состояла в достижении объективной истины, истины «с точки зрения вечности», то модернистские историософские стратегии открывают ангажированность исторического знания [14, с. 24-25].

Важный аспект онтологизации истории отмечают зарубежные ученые: «…живость исторических впечатлений пропорциональна их силе и болезненности. Человек, ребенком переживший Гражданскую войну в южных штатах Америки, несомненно обладает более глубоким историческим сознанием, чем его современник, чье детство прошло на Севере. По этой же причине француз, взрослевший в период Франко-прусской войны и Парижской коммуны, переживший все взлеты и падения 1870–1871 гг., оказался наделенным куда более острым историческим сознанием, чем любой из его современников в Швейцарии, Бельгии или Англии» [15, с. 618]. С другой стороны, обучающийся должен постоянно ощущать, что «...историческое знание в целом не есть последнее знание. Все дело в том, чтобы воспринимать настоящее, как вечность во времени. История ограничена далеким горизонтом, в котором настоящее значимо, как прибежище...» [16, с. 280].

Исследователи обращают внимание на тот факт, что онтологические основания исторического прошлого все чаще не ограничиваются конкретными пространственно-временными факторами. Насколько важен для личности, группы или общества осознанный опыт прошлого, зависит от культурной установки по отношению к нему. Прошлое, как и будущее, всегда лишь так или иначе оцениваемые компоненты настоящего. Так, для традиционных обществ прошлое всегда оставалось недосягаемым образом и ценностью. Это вполне корреспондировало и с ощущением устойчивости, исходившим от образа прошлого, которое – в отличие от быстротекущего настоящего – уже не могло быть изменено.

Известно, что взятое как единое целое в отношении к бытию, сознание наделяется гносеологическими, праксиологическими и аксиологическими функциями, поскольку оно и отражение действительности, и ценностный мир субъекта. В этой связи особого внимания требует и термин «когнитивный», потому что, несмотря на расширительное употребление данного понятия в последнее время, сущность его от этого не стала весомее. В нашем исследовании мы склоняемся к тому, что термин «когнитивный» может покрывать довольно широкий диапазон употребляемых для обозначения логических, и психологических, сознатель-

ных и бессознательных, рациональных и интуитивных факторов, которые участвуют в формировании исторического познания. По нашему мнению, именно отсутствие четкой аксиологической шкалы в историческом познании приводит к проблеме утраты единых критериев при разработке учебных программ. Историческое же познание меняется в зависимости от развития цивилизации и установок, сложившихся в конкретном обществе по отношению к человеку как основному участнику исторического процесса. Однако XX в. серьезно пошатнул веру человека в революции, в социальный прогресс и в действенность объективных законов истории. Аксиология антропологизируется, а вся сфера познания, чувствования и волевого действия аксиологизируется. Лейтмотивом либералистской аксиологии является утверждение человека как «меры всех вещей», но не столько в гносеологическом смысле, как полагал Протагор, сколько в онтологическом. Ситуация с ценностями в современном либеральном мире описывается Ж. Бодрийяром как «вирусная стадия диффузии ценностей».

Учет аксиологического фактора в истории необходим, в противном случае мировую историю можно воспринимать как хаотическое скопление случайных событий – как беспорядочное нагромождение, как водоворот пучины. Он все усиливается, одно завихрение переходит в другое, одно бедствие сменяется другим; мелькают на мгновение просветы счастья, острова, которые поток времени пощадил, но вскоре и они скрываются за водой. В общем, все это вполне в духе картины, данной Максом Вебером: мировая история подобна пути, который сатана вымостил уничтоженными ценностями.

Сегодня под влиянием глобализации речь идет о вытеснении высокой культуры культурой массовой, т. е. квази-, или псевдокультурой, приводящей к деградации тех общественных реалий и установлений Запада, которые основаны на христианской системе ценностей, в первую очередь феномена нравственно и социально ответственного индивида. В данных условиях становится все яснее, что человечество способно выжить, лишь воссоздав и поставив в центр своего существования систему абсолютных ценностей.

Возродившееся чувство исторической дистанции при одновременном сохранении способности к пониманию другой культуры по-новому открывает для современного наблюдателя исторические события. Целые народы в борьбе и страданиях, рискуя собственными жизнями, пытаются добиваться реализации своих ценностей, однако поражает то, что часто эти вдохновляющие людей ценности теряют свою притягательную силу. Крушение ценностей, их обессмысливание и связанная с этим утрата любых – и вдохновляющих, и устрашающих – чувств по отношению к прошедшему является, по нашему мнению, одной из самых тяжелых катастроф. Духовная катастрофа чаще всего предшествует другим социальным катастрофам, когда историческая память оказывается более короткой, чем память рассудка.

Понимание аксиологических особенностей истории в условиях глобализации невозможно без исторической имагологии – относительно новой междисциплинарной области, превращающейся в самостоятельную научную дисциплину, которая имеет особое методологическое значение для исследования взаимовосприятия стран, народов и государств в условиях их конфликтного взаимодействия. Основные понятия – имагема или национальный образ, национальные стереотипы. В основе концепции лежит предположение, что любая культура делится на свою и чужую, причем своя воспринимается как «естественная», само собой разумеющаяся, а чужая – нет. Соприкосновение с другой культурой, взаимодействие с ней вызывает ощущение и понимание относительности ценностей, культур и самой социальной реальности.

Еще один важный аспект определяет аксиологические особенности истории. Все их мифологическое мировосприятие, как правило, направлено на то, чтобы жить ради чего-то более высокого. И такое отношение утверждается не вследствие того, что они еще не знали истинных причин вещей, приписывая им фантастические, а из-за того, что вещные ценности и сама их органическая жизнь меньше значили для них, чем служение чему-то высокому. Доказательством этого является, в частности, тот факт, что народ майя покинул свои величественные города. Весь свой ум, гений народ потратил на служение чему-то, по их

мнению, высокому, а своими повседневными нуждами пренебрег. Историки не знают, не могут объяснить, почему и зачем они покинули свои города и ушли жить в другое место. Такое изменение или смена ценностей сплошь и рядом наблюдается в течение жизни и отдельных индивидов, особенно в эпоху кризисов.

Важная характеристика аксиологической составляющей истории состоит в том, что в процессе общения люди всесторонне влияют друг на друга в ценностном, духовном отношении, но приятие или неприятие чего-то всегда остается за индивидом. Люди, видимо, создают не только общие им ценности, когда объединяются на их основе в некие общности, общины, этносы; чем более развитыми по своим субъектным содержаниям они становятся, тем больше каждый человеческий индивидуум может жить по некоторым своим ценностям. В рамках общей ценности, свойственной культуре, где живет индивидуум, он может исповедовать свои ценности вопреки общей ценности, в противовес ей, и начинает утверждать ее в отношениях с другими. В этом сказывается относительно развития субъектная автономность индивидуумов в современном мире.

Исторические установки, а значит, и ценность исторических знаний напрямую зависят от национальных, религиозных и других установок познающего историю. От этого зависит отношение, например, к основным атрибутам западной цивилизации, таким как «свобода», «гражданское общество», «демократия» и т.д. Кроме того, анализ аксиологических особенностей гносеологической сущности истории невозможен без анализа менталитета, поскольку именно менталитет можно рассматривать как своеобразную аксиологическую единицу исследования. Менталитет является наиболее устойчивой и стабильной составляющей духовной культуры человека даже на переломном этапе жизни в обществе. Прочно сохраняя себя в традиционном виде, нравственные нормы и требования, он тем не менее постепенно меняется под влиянием изменений в общественной жизни. При этом ход развития менталитета понимается не как плавный исторический процесс, а как ряд сменяющих друг друга ступеней, существующих в конкретных условиях жизни общества и имеющих специфические особенности.

В связи с пониманием ценности находится и понятие исторической справедливости, хотя оно исторически менялось и ныне далеко не сводится к уравниловке и соотносится с представлениями о социальном равенстве. Социальные системы суть сложные динамические системы, в число базовых понятий которых входит понятие цели, которая существенным образом характеризует социальное развитие.

Глубокие ценностные изменения в западном обществе затрагивают все сферы жизни. Основная черта индивидуализированного массового общества – индивидуализация без производства индивидуальности, личности, формирование эгоистического индивида, думающего только о себе самом. Новый индивид становится источником фрагментации общества и воспринимает даже события своей жизни как совокупность не связанных между собой эпизодов. Многие люди на Западе сегодня могут сказать, что они прожили множество разных жизней вследствие фрагментации и недостижимости целого и что это объективно почти непреодолимо и с трудом преодолевается усилиями сознания. Совокупность эпизодов становится не только историей личной жизни, в которой, в лучшем случае, имеется «биографическое разрешение системных противоречий», но и историей самого общества.

Современная картина человека характеризуется абстрактным восприятием себя в качестве абсолютной ценности независимо от реального нравственного и социального достоинства, выполняемых общественных функций. Свою жизнь и деятельность индивид оценивает через совокупность вещей, которыми он обладает. Достоинство личности определяется внешними факторами. Стремление к обладанию внешними признаками и определяет ориентацию, поведение индивида в социальных структурах. Люди стремятся не к идеалам, а к идолам, что приводит к появлению новых форм личностных противоречий, которые доста-

точно отчетливо проявляются в обществах, не так давно вставших на путь реставрации капитализма.

Опыт новейшей истории подверг решительной девальвации доминантную ценность модерна – материальные блага. Она противопоставляет объект субъекту познания и действия как нечто внеположенное. А это ведет, с одной стороны, к гносеологизации ценностных императивов – толкованию их как особых знаний, а с другой стороны, нацеливает на постоянно нарастающее использование природы ради увеличения потребления. Тем самым резко ограничивается социокультурное поле взаимоотношений людей с окружающей средой. Субъект и объект рассматриваются при этом в виде статичных, всегда равных себе образований. Вне поля зрения оказывается их социокультурная определенность, а природа предстает как пассивный субстрат, меняющий свою форму в ходе одностороннего воздействия на нее человека. Отсюда и зауженное понимание личности, выступающей в качестве «экономического человека.

Важно помнить, что цена и ценность исторического знания не всегда совпадают, т. е. добыть исторический факт – это одно, а сделать его «работающим», достоянием не только профессионалов, – задача архисложная. Аксиологическая составляющая исторического пространства помогает любому гражданину осознанно выбрать мировоззренческие ориентиры, решить для себя проблему культурной и национальной идентичности, определить свое место в социуме и свое собственное отношение к процессам, происходящим в нем. Ориентация значительной части подрастающего поколения на удовлетворение личных интересов не способствует формированию прочных горизонтальных и вертикальных связей в обществе как основы его стабилизации. Формирование исторического сознания возможно только на основе правды истории. Искажение прошлого, субъективная трактовка любой его страницы, равно как и замалчивание исторических фактов и событий, неизбежно исключает научное понимание настоящего и искажает картину вероятного будущего. Задача заключается в том, чтобы формировать у молодого человека потребность учиться жить, изыскивая в далеком или недавнем прошлом вариант необходимых действий, а также воспитывать чувство патриотизма, любовь к Отечеству, стремление преумножать его потенциал. Историю можно переписать, но нельзя от нее отрешиться.

Таким образом, аксиологическая составляющая истории напрямую связана с глобализацией, поскольку от ценностных критериев зависит не только масштабность истории, но и определение критериев прогрессивного развития. Решить проблемы аксиологического несоответствия и дискретности знания в процессе исторической реконструкции можно в значительной мере при помощи ценностной шкалы, сложившейся на данном этапе индивидуалистического общества.

Библиографический список

1. Перов, Ю. В. Проблема абсолютного и относительного в этике ценностей Н. Гартмана // Я. (А. Слинин) и МЫ. – СПб. : Санкт-Петербург. филос. об-во, 2002. – Вып. X.

2. Сокулер, З. А. Эволюционное учение Ч. Дарвина в системе научной и вненаучной рациональности // Исторические типы рациональности. Ин-т философии РАН: – М., 1996. – Т. 2.

3. Смирнова Н. М. Ценностно-смысловая ориентация в методологии социокультурного анализа // История методологии социального познания. Конец XIX–XX век. – М., 2001.

4. Каган М. С. Философская теория ценностей. – СПб. : Петрополис, 1997.

5. Лебедев С. А. Структура научного знания // Философские науки. – 2005. – № 11.

6. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

7. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию. – М. : Прогресс, 1990.

8. Кравченко, И. И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. – 2005. – № 2.

9. Манохейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.

10. Андреев А. Л. Особенности русского исторического самосознания // Теория и история. – 2003. – № 2.
11. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
12. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М. : Изд-во политической литературы, 1991.
13. Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб. : АО «Комплект», 1993.
14. Грякалов А. А. Контекст глобализации и философия события // Глобализация: pro et contra : материалы Междунар. конф. «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб.: Астерион, 2006.
15. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М., 1991.
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М. : Политиздат, 1991.

Древняя славянская культура и православие как истоки русского космизма

В.А. Усольцев (г. Екатеринбург)

Рубеж XIX и XX веков в России характеризовался расцветом русской культуры, философии и науки. Сформировалось своеобразное интеллектуальное умонастроение, получившее определение русского космизма как вектора цивилизационного развития. Сегодня под космизмом понимается широкое направление в духовной и материальной деятельности человеческой цивилизации, связанное с осознанием человеком себя и своего места не только в пределах окружающего мира, но и всей Вселенной. Русский космизм, являясь неотъемлемой частью мирового космизма, несет на себе печать национальных особенностей России. «Русский космизм, - считает И.А. Сафронов [50], - есть культурный вклад отечественной мысли завершающегося тысячелетия в решение проблемы включенности человека в планетарно-космические процессы, его роли в становлении Универсума» (с. 3). Речь идет о необходимости духовной эволюции человечества, обязанного быть на стороне сил созидания и творчества, являющихся основой Этики Вселенной, этики, имеющей характер закона природы, этики, столь же однозначной и универсальной, как гравитация. Только определив свое место во взаимодействии с созидательными силами Вселенной, человек обретет абсолют морального совершенства [24].

Выдающиеся философы Н.Ф. Федоров, давший первое теоретическое оформление русского космизма, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, А.В. Сухово-Кобылин, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, А.К. Манеев, поэты и писатели В.Ф. Одоевский, А.А. Блок, А. Белый, Вяч.И. Иванов, художники-космисты М.А. Врубель, Н.К. Рерих, художник и композитор М.К. Чюрленис, композитор А.Н. Скрябин, художники группы «Амаравелла», ученые Н.А. Умов, В.М. Бехтерев, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.А. Богданов, А.Л. Чижевский, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич – и многие другие выдающиеся деятели науки и культуры стали участниками формирования русского космизма как новой научной и мировоззренческой парадигмы, мировоззрения третьего тысячелетия.

Все русские «космисты» значительно опережали свое время и принадлежали, по выражению В.И. Вернадского [9], к категории интеллектуальных «еретиков», которые впервые заговорили о биосфере в мировом пространстве, о Земле и Человеке во Вселенной. Феномен русского космизма иногда вызывает негативную реакцию как в нашей стране, так и за рубежом. Немецкий профессор М. Хагемайстер, например, считает, что «никакого русского космизма вообще не было, потому что не было живой традиции, преемственности в развитии идей» [67], и обвиняет одного из ярчайших представителей русского космизма Павла Флоренского в том, что его позиция «препятствует интеграции его наследия в западный, т.е. ориентированный на иные ценности, культурный контекст» [59]. В этом и причина неприятия:

игнорирование традиций русской культуры и провозглашение приоритета «западных ценностей».

Однако при непредвзятом подходе становится очевидным, что русский космизм сформировался не на пустом месте. «Сталкиваясь с текстами признанных русских космистов XX века, - пишет В. Елистратов [17], - исследователь неизбежно находит мощнейшую органическую связь изложенных в них идей с предшествующей национальной культурной традицией» (с. 186). Рассмотрим некоторые аспекты этой связи.

1. Монастыри и храмы – хранители русской культуры

Классическое искусство уходит своими корнями вглубь веков, но появившееся позднее христианское искусство имело ряд отличительных черт, свою специфику, о чем писал в XIX столетии ректор Московской духовной академии архимандрит Христофор [61]: «Христианского искусства в строгом смысле в первые времена христианства еще не знали, да и не могли о нем думать первые христиане, пока сама жизнь не сделала возможным такое соединение сверхчувственной идеи с чувственною формою, при котором та и другая сохраняла свойственный характер и, таким образом, между красотою классического искусства и духовною истиною христианства установился тот вожделенный мир, когда истина откровенной веры не отвергала чувственную красоту, как нечто греховное, а чувственная красота, в свою очередь, служила носительницей и выразительницей высоких идей веры. В этом именно и состоит сущность христианского искусства: ибо как в области веры и жизни, так и в области искусства христианство проповедует слово примирения. В классическом искусстве язычества преобладала чувственность и дух, носитель божественной искры, идеала истины, блага и красоты, он был слугою чувственности, которая ему и обязана была характером идеальной красоты. В иудействе преобладал дух, стремившийся к чистой истине и боявшийся соблазнов чувственной красоты. Только христианство могло установить между истиною и чувственною формой, между духом и плотью, несмотря на их внутреннюю борьбу, тот вожделенный союз, которому христианское искусство обязано своим бытием и свойственною ему прелестью».

Архимандрит Христофор упомянул о наличии в христианстве единения между духом и плотью, между истиной и чувственной формой. Николай Бердяев, напротив, в статье «Спасение и творчество. Два понимания христианства» [5] считает взаимоотношение между духовным и мирским, сакральным и светским основной проблемой христианства и раскрывает это в понятии дуализма: «Взаимоотношение между путями человеческого спасения и путями человеческого творчества есть самая центральная, самая мучительная и самая острая проблема нашей эпохи. …Мучительность проблемы спасения и творчества отражают расколы между церковью и миром, духовным и мирским, сакральным и светским. …Мы живем под знаком глубочайшего религиозного дуализма. …Система иерократизма, исключительное господство священства в жизни церкви, а через церковь и в жизни мира, есть подавление человеческого начала ангельским, подчинение человеческого начала ангельскому началу, как призванному водительствовать жизнью. …Но подавление человеческого начала, недопущение его своеобразного творческого выражения, есть ущербление христианства как религии Богочеловечества. …Путь спасения для греховного человечества нуждается прежде всего в ангельско-иерократическом начале. Путь же творчества остался самочинным человеческим путем, не освященным и не оправданным, и в нем человек предоставлен себе» (с. 26-27).

До XI века христианство было единым – православным. Православие изначально отличалось от католицизма. Это наложило свой отпечаток на православное искусство. Г.П. Федотовым [58] показано, что Древняя Русь достигла подлинных вершин в пластических искусствах, особенно в «домонгольской» архитектуре и живописи. «Древнерусская культура, - пишет Л.А. Черная [63], - не просто богатый и разнообразный пласт истории, она первооснова всего, что произошло с Русью и ее народами в политической, экономической, социальной и всех прочих сферах» (с. 4).

Православное искусство обрело удивительно привлекательные черты. Его условный, иносказательный язык был предельно символичен. В архитектуре древнерусского храма сис-

тема мозаик и росписей интерьера соотнесена с сакральной значимостью композиций и отражает основные положения вероучения. При простом их созерцании видимые образы отражали первообразы, они служили Библией для неграмотных и были понятны самым различным слоям населения, особенно не посвященным в тонкости эзотерической теологии [12].

Храм воспринимался как уменьшенная копия Вселенной. Здесь человек постигал нравственные критерии, знакомился с высоким искусством живописи и хоровых сакральный песнопений, приобщался к космическому мышлению.

Православие изначально было одной из главных духовных опор России. Монастыри и церкви были извечными хранителями значительной составной части русской культуры. Русская архитектура прошлого, запечатленная в русских монастырях и храмах, как и русская песня, искусство и литература, символизируют величие народного духа, переданное нам ушедшими поколениями [33].

«Поэсис космизма» видит в храмовой росписи и иконе – этих первых живописных произведениях христианской Руси – О.Д. Куракина [28]. Как считает Г.С. Островский [450], христианский храм в древности – это не только «священное писание для неграмотных», переведенное на язык наглядных, красочных образов, но это «целая система мироздания, исполненная для людей того времени большого смысла и значения». Таков Софийский собор в Киеве, созданный по образцу храма “Святой Софии” в Константинополе. Своды, стены, купол, столбы, хоры, лестничные переходы покрыты мозаичными картинами и византийскими фресками, на которых изображен персонифицированный духовный мир христианства, взывающий к душе молящегося через сдержанно-суровые лики Архангелов, Апостолов, Евангелистов, отцов Церкви, святых воинов. В потоках света, льющихся из окон купола, переливаются серо-фиолетовые, зеленые, желтые, синие, голубоватые тона, создавая неповторимую атмосферу отстраненности от суетности здешнего мира, за которой следует гармонизация малого космоса человеческой души с Космосом мира Небесного [40].

Вместе с Византийским храмом пришла на Русь и икона, живописная летопись христианской веры. Руководитель иконописной мастерской В.А. Криворотов в статье «Космизм и икона» [26] пишет о поэсисе «многомерного космизма» иконы, понять который можно только рассмотрев как она пишется. Прежде всего, иконописец это не простой ремесленник, он — духовидец, и чтобы стать таковым, ему требуется многодневная подготовка: ограничение мирской деятельности и пост - настройка ума; раскаяние в греховности своей жизни - настройка души; непрестанная молитва - настройка духа. Лишь после того как все «системы иконописца настроены» и он полностью нейтрализовал свое «я», лишь тогда поэсис духовного мира открывается его душе, а сам «он становится его инструментом в процессе писания иконы». Иконописец поэтому никогда и не мыслит себя ее творцом, и для христианина икона не просто картина, а проводник, канал в мир духовный, являющийся «носителем принципа совершенства и гармонии», или космос духовный [28].

«На базе храмовой архитектуры, - пишет В.П. Даркевич [12], - этого синтеза искусств, создается подлинное единство богословских, эстетических и утилитарных ценностей. …Для средневекового человека большой кафедральный собор или скромная уличанская церковка были не какими-то абстрактными «памятниками», а заповедными, самыми священными местами, где происходило духовное общение со Всевышним вне мирской суеты, где царила атмосфера благоговейной любви и трепетной надежды, где припадали к образу своего святого заступника и в радости, и в горе. …В Древней Руси земная церковь сумела обеспечить максимальную для того времени крепость, цельность общества, необходимую в борьбе за выживание» (с. 65).

Храм всегда воспринимался как образ мира. Древние строители хотели вместить в него весь мир, и на века сохранить свое понимание этого мира. Храмы объединены общим стремлением вверх, к небу, и, конечно, к Богу. Первые жертвенники у всех народов возводились на вершинах гор или холмов, стремясь приблизиться к небесам. Особенным символом является купол, символизирующий, помимо всего прочего, свод небес [14].

Все это позднее нашло отражение в умонастроении русского космизма как многопланового явления, несшего на себе печать национальных особенностей России и отечественных культурных реалий: православной религии, русской религиозной философии, отечественного искусства, литературы, науки, всего уклада народного быта и государственного устройства [8]. Его представителями (Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, В.Н. Чекрыгин, Вяч. Иванов и др.) разрабатывалась, в частности, концепция храмового, литургического синтеза искусств, построенная на единстве церковного зодчества, росписи, ваяния, вокального и словесного искусства. Это было явление, подобного которому не существовало в Европе [39].

Значительной и самобытной частью древнерусской культуры является, несомненно, деревянное зодчество. И начав перелистывать страницы его многовековой истории, необходимо обратить взор в сторону Русского Севера, к его самому яркому наследию — деревянной храмовой архитектуре [47]. Русское деревянное зодчество относится к наиболее ярким и самобытным явлениям в русской культуре. По масштабу распространения и многообразию композиций, приемов и форм оно не имеет себе равных среди мировых аналогов. На протяжении многих веков дерево в России было господствующим строительным материалом, накапливался огромный опыт, совершенствовалось мастерство. К сожалению, в силу недолговечности материала до нас дошла лишь небольшая часть этой колоссальной строительной культуры [6].

Культура Русского Севера по своим истокам неоднородна, поскольку регион заселялся выходцами из разных земель. В период раздробленности Руси северные земли, в основном, находились во владении Новгорода, отдельные его части принадлежали среднерусским княжествам. Один из самых оживленных периодов в жизни Русского Севера приходится на XVI – XVII вв. Местные особенности в деревянном зодчестве Русского Севера отличались консервативностью. Пример тому – развитие деревянного культового зодчества Севера в течение всего XVII века, происходившее практически независимо от стилей, господствовавших в архитектуре Нового времени. В этот период северорусские деревянные храмы в большинстве своем воспроизводили выработанные ранее архитектурные решения, появившиеся в XVIII веке новые композиции образованы полностью на основе форм, восходящих к позднему Средневековью. Важное свойство традиционного деревянного зодчества – устойчивая преемственность развития [6].

«Русские деревянные храмы интересны не только как объекты истории, - считает А.Б. Бодэ [6]. - Их архитектура демонстрирует многообразие решений, достигнутых умелым сочетанием одних и тех же достаточно простых форм, многие из которых наполнены символическим содержанием. Конструктивное устройство деревянных зданий поражает своей простотой и рациональностью. Прекрасно найденные пропорции и сила художественных образов ставит русские деревянные церкви в ряд лучших произведений не только отечественной, но и мировой культуры».

«Деревянное зодчество растет и развивается только в лесной стране, а таковой издревле и поныне является весь русский Север, - писали архимандрит И.Э. Грабарь и Ф.Ф. Горностаев [11]. - Обитатели этого края с малых лет знакомились с плотничным делом. Летописные известия очень рано отмечают роль Новгородского Севера в деревянном строительстве. О блестящем развитии плотничного искусства северной Руси говорят и московские акты XVII века, называющие плотников, живущих по Ваге, лучшими мастерами. Важские плотники постоянно пополняли кадры царских мастеров. …Новгород славился уже с древнейших времен своими искусными плотниками. Когда в 1016 году новгородцы с Ярославом пошли на Святополка Киевского, то недаром киевляне презрительно называли их "плотниками". Из этого можно заключить, что на юге плотницкое дело было не в почете, и с появлением каменных храмов деревянные рубились только там, где нельзя было поставить каменного».

Художественная уникальность и небольших деревянных церквей, и часовен, и величественных высоких храмов обусловлена несколькими факторами. Древний зодчий-плотник, работавший в непростых тяжелых условиях северного климата, располагавший одним мате-

риалом — деревом и главным образом только одним инструментом — топором, видел красоту сооружения не в замысловатой декоративности, а прежде всего в строгой лаконичности силуэта, выразительности форм рубленых стен, гармонии пропорций. И, конечно, в рациональности и практичности. Так, кровля должна была выдерживать сильный напор северных ветров и воздействие многочисленных осадков. «Эта суровая школа жизни отразилась на искусстве и привела к созданию произведений, прямо поражающих своей классической простотой и захватывающих выразительностью и правдой. Иные из северных церквей настолько срослись с окружающей их природой, что составляют с нею одно неразрывное целое. И кажется, будто эти произведения — сама природа, так они безыскусственны и неотразимы» [11].

Русь обычно строилась из того, что было «под рукой» - из дерева. Она долгие годы была страной деревянной, и ее архитектура, языческие молельни, крепости, терема, избы строились из дерева. В дереве русский человек, прежде всего, как и народы, жившие рядом с восточными славянами, выражал свое восприятие строительной красоты, чувство пропорций, слияние архитектурных сооружений с окружающей природой. К сожалению, самые древние деревянные постройки не сохранились до наших дней, но архитектурный стиль народа дошел до нас в позднейших деревянных сооружениях, в древних описаниях и рисунках. Для русской деревянной архитектуры была характерна многоярусность строений, увенчивание их башенками и теремами, наличие разного рода пристроек — клетей, переходов, сеней. Затейливая художественная резьба по дереву была традиционным украшением русских деревянных строений. Эта традиция живет в народе и до настоящей поры [35].

С.В. Цветков [62] связывает это явление с некой мистической природой дерева: «Дерево само подчас являло лики богов и демонов, лики столь живые, что и сейчас, в этом жалком подобии древних чащоб они выступают из перекрученных стволов напоминанием былого величия и вечной тайны жизни и смерти. Чем старше дерево, тем больше страданий выпало на его долю, тем явленней его лик, тем отчетливей выступает его характер. …Все, как у нас, у людей…» (с. 167).

Храмовое зодчество составляет в многотомной истории русской архитектуры особенные главы, а деревянное храмовое зодчество Русского Севера — явление поистине удивительное. Именно в этом отдаленном крае (крае лесном, где только и могло возникнуть и развиваться мастерство деревянного строения) «были выработаны совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства. Формы эти являлись тем неиссякаемым родником, из которого черпали новую жизнь застывавшие временами художества на Руси» [11].

Русское деревянное зодчество, возникшее в стране лесов, несомненно, древнее каменного. В его произведениях во всей своей непосредственности и самобытности раскрывается творческая одаренность русского народа. Задолго до того, как на Руси появилось кирпично-каменное строительство, деревянное зодчество выработало свои основные строительные устои. Его традиции коренятся за пределами древнерусской государственности, в первом строительном опыте славян. В то время, как древнерусские каменщики осмысливали в своем творчестве византийскую схему культового здания, плотники с легкостью возвели в Новгороде тринадцатиглавую Софию [33]. Деревянная София в Новгороде была поставлена в 989 году первым новгородским епископом Иоакимом (**рис. 1**). Эта соборная Софийская церковь вся была срублена из дуба и имела 13 глав-верхов, которые знаменовали собой Спасителя и 12 апостолов. В 1045 году она сгорела и заменена заложенной в том же году шестиглавой каменной [11]. «Храмовое многоглавие, - пишет Г.Я. Мокеев [37], - яркий признак своеобразия русской церковной архитектуры. Его не было в Византии, откуда пришло христианство на Русь, в Болгарии, Сербии, Грузии. Не получило оно развития и в христианских храмах Западной и Центральной Европы. Возникнув и распространившись только у нас, многоглавые храмы (условно более 5 глав) стали гордостью и символами Руси-России» (с. 179). В необычном многоглавии древних храмов, возможно, нашло отражение традиционное мировоз-

зрение новгородцев, связанное с господствующими у них дохристианскими языческими культами.

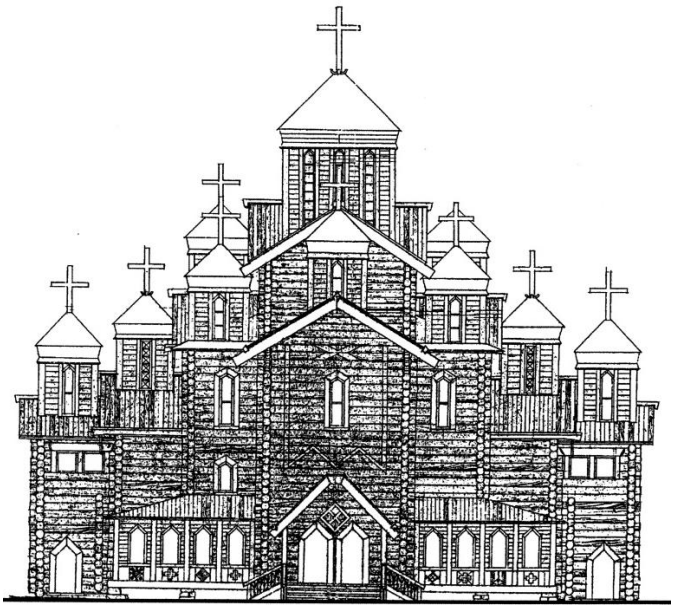


Рис. 1. София Новгородская деревянная. Реконструкция Л.М. Лисенко [37]

Северная «архитектура исповеданий» (так называет религиозные постройки Гавриил Васильевич Барановский — архитектор, инженер, искусствовед — в своей «Архитектурной энциклопедии второй половины XIX века», изданной в 1904 году) красива и проявлением некоей нравственной силы народа, одухотворявшей строительство. Удивительные по красоте старинные деревянные храмы и часовни Русского Севера — это наше историческое, культурное и культурно-нравственное наследие. К сожалению, очень многие из них сейчас находятся на грани гибели [47].

К.Н. Афанасьев [2] считает, что деревянная архитектура, русская архитектурно-строительная культура зарождалась одновременно с образованием племенных групп восточных славян, и ее истоки теряются в дорюриковских веках. Однако археологические подтверждения этого крайне ограничены: строительным материалом служило недолговечное дерево, и «археология в этом случае бессильна». К.Н. Афанасьев утверждает, что деревянная архитектура на Руси развивалась без всякого влияния строительной культуры античности или Византии: «Если проследить из века в век эволюцию архитектуры из дерева на Руси, то мы встретимся с непрерывным путем независимого развития вплоть до нашего времени, и венцом этого развития являются, например, дошедшие до нас широко известные прекрасные храмы в Кондопоге и Кижах» (с. 9).

Отметив отсутствие каких-либо документальных данных об использовании труда Витрувия в Древней Руси, К.Н. Афанасьев показывает далее, что в деревянном зодчестве русского Севера исключаются какие-либо иноземные влияния на него: «И нет нужды нам ставить практическую геометрию древнерусских зодчих в непосредственную связь со всей мудростью десяти книг Эвклида и Витрувия» (с. 10). Тем не менее, он приводит случаи удивительных совпадений.

К.Н. Афанасьев [2] рассматривает классический труд «Десять книг об архитектуре» римского архитектора М. Витрувия [10], жившего в I веке до н.э., где тот обобщил и подвел итог строительного опыта древнейших цивилизаций и античности, прежде всего – греков, которые, в свою очередь, освоили опыт Древнего Египта. Знаменитая триада Витрувия - три качества, которыми обязательно должна обладать архитектура: прочность конструкции, польза и красота - использовалась архитекторами в течение многих столетий. «Витрувианский человек» Леонардо да Винчи (**рис. 2**) был создан на основе антропоморфных модулей, описанных Витрувием для определения пропорций мужского человеческого тела. Рисунок и

пояснения к нему иногда называют каноническими пропорциями, он является одновременно научным трудом и произведением искусства.

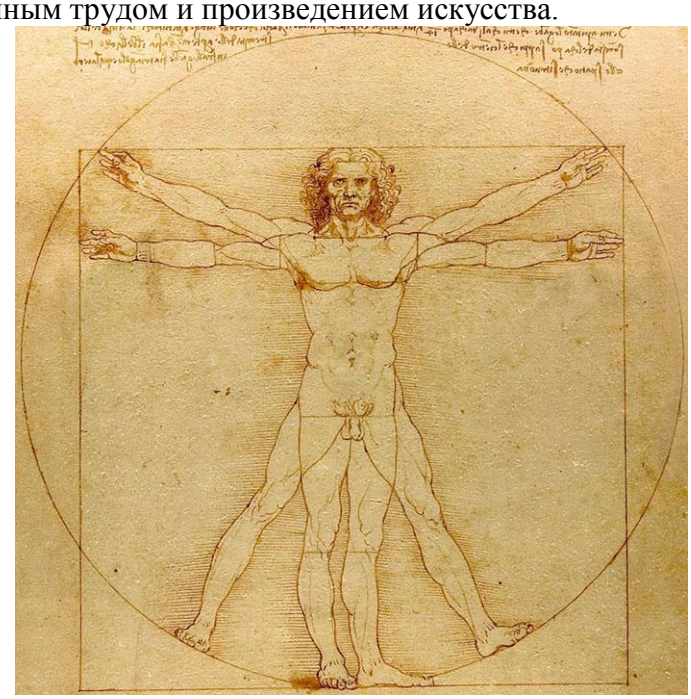


Рис. 2. Загадка Вселенной – Витрувианский человек. Всемирно известный символ совершенного Человека – Витрувианский человек создан Леонардо да Винчи в 1490 г. по образу и подобию Христа с Плащаницы и усовершенствованных пропорций по Витрувию (http://artgraphix.ru/masters/printms.php?id=vinci).

Первые два понятия в триаде Витрувия достаточно определенны. Понятие «красота» гораздо сложнее, так как это эстетическая категория, в значительной степени субъективная, зависящая от мировосприятия отдельных личностей и уровня развития культуры. Сопоставляя искусство архитектора и скульптора, С.Я. Кузнецов [27] пишет: «Так же как и скульптор, архитектор должен владеть искусством гармонизации пластической формы, объема. …Но архитектуру отличает от всех остальных искусств задача гармонизации основного ее компонента - пространства. Именно эта пустота, заключающаяся между стенами и перекрытиями, между фасадами зданий, землей и небосводом, есть и основной объект, и инструмент архитектурного творчества» (с. 7).

Отрицая возможность заимствования древнерусскими зодчими канонических пропорций из «практической геометрии» М. Витрувия, К.Н. Афанасьев показывает архитектуру церкви Димитрия Солунского в Архангельской области (**рис. 3**) в качестве примера отсутствия «всяких на нее иноземных влияний». В то же время, оказывается, что ее геометрия «ничуть не противоречит теории Витрувия» (**рис. 4**). «Таким образом, - заключает К.Н. Афанасьев [2], - мы должны констатировать, что русская архитектура развивалась в полном соответствии с теорией Витрувия, но без его непосредственного участия. Витрувий без Витрувия!» (с. 10).

Долгое время считали, что зодчие Древней Руси строили все «на глазок». Теперь установлено, что русские архитекторы хорошо знали математические пропорции, что видно на примере геометрии древних храмов (**рис. 4, 5**). «Человек – мера всех вещей» – считали древние и рассматривали философский анализ человеческого тела как обязательную часть этического и религиозного обучения. Фигура человека символизировала Божественную Власть во всех ее проявлениях. Древние рассматривали человека как постоянную книгу, через изучение которой они проникали во все большее число тайн небесного устройства, частью которых они были сами. Измерения частей тела принимались в качестве стандартов, которыми можно было делать измерения всех частей космоса. Это была составная эмблема всех тех

знаний, которыми обладали жрецы и мудрецы (http://arhipovvv.narod.ru/03_Os_Istiryi_Angelskoe_merilo.html).

Основной строительной единицей длины в Древней Руси была сажень, но не одна, а несколько. Б.А. Рыбаков впервые представил систему русских саженей как «вариацию на тему квадрата», в основе которой лежит соотношение 1:√2, так называемый «мерный вавилон», который он назвал логарифмической линейкой зодчих Древней Руси. В основе системы лежат пропорции человеческого тела (**рис. 6**).

Рис. 3. Церковь Димитрия Солунского, село Верхняя Уфтюга Красноборского района, Архангельская область. Год постройки - 1784 (http://sobory.ru/photo/?photo=84874)

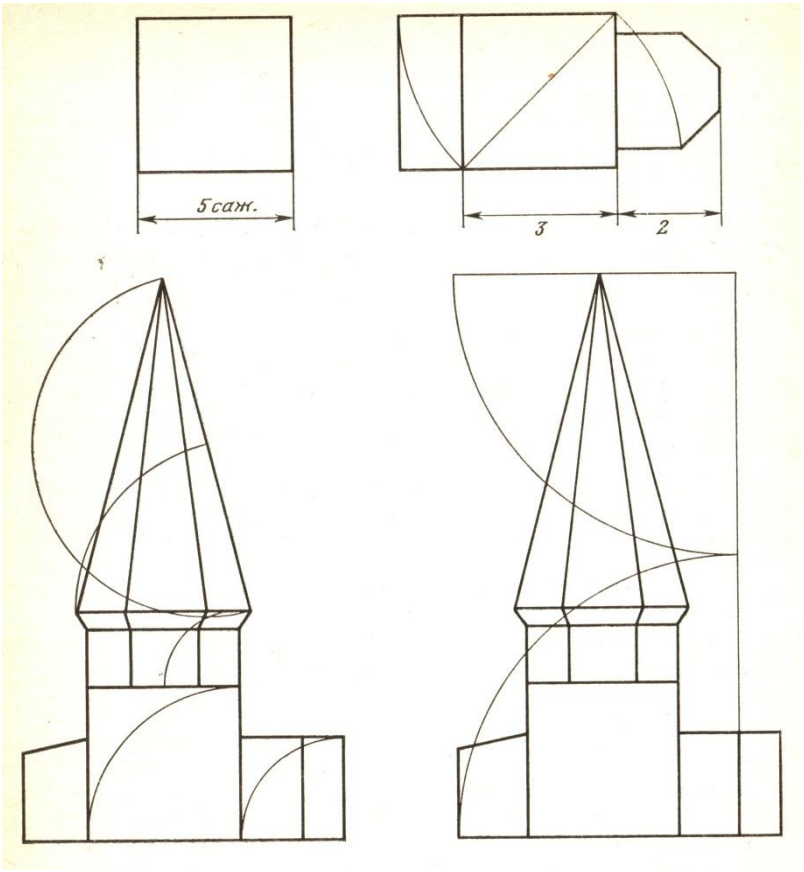


Рис. 4. Практическая геометрия древнерусских зодчих на примере церкви Димитрия Солунского, совпадающая с каноническими пропорциями М. Витрувия [2]

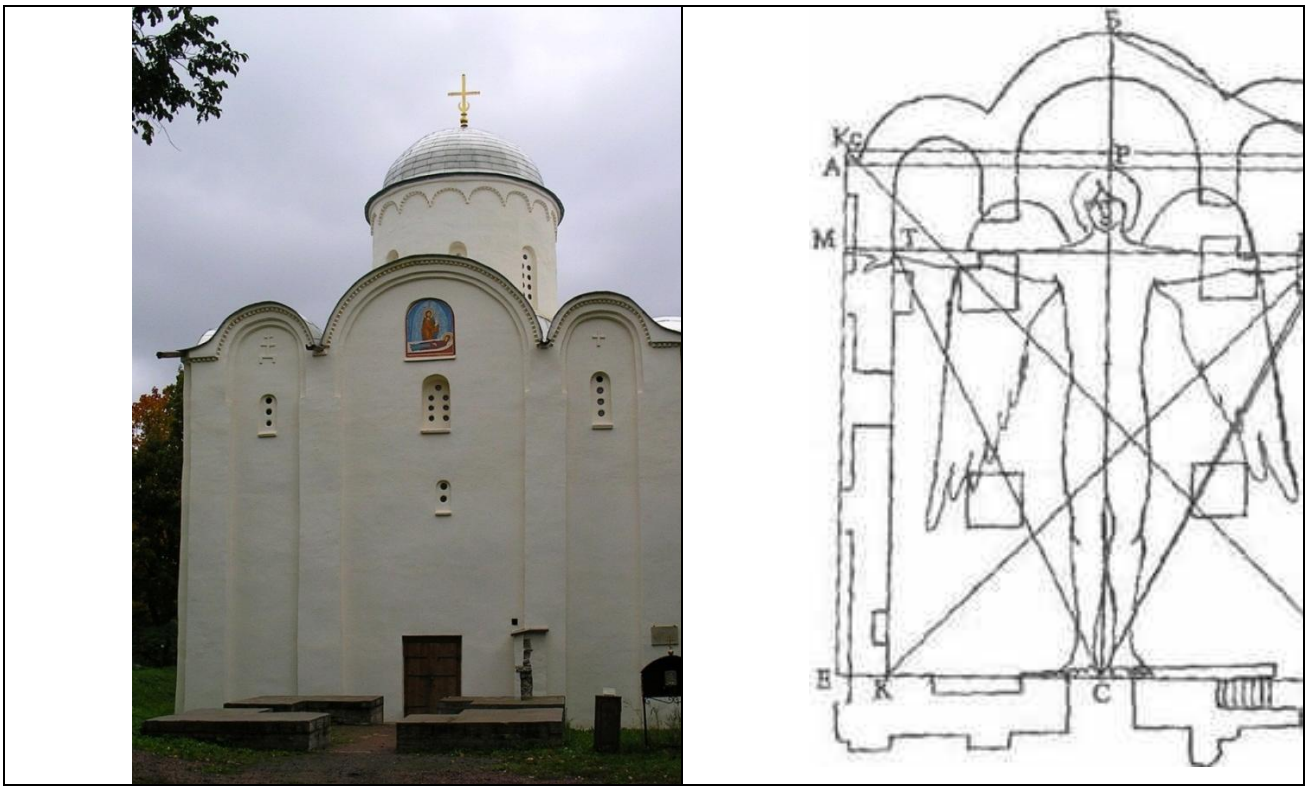


Рис. 5. Церковь Успения Богородицы в Староладожском Свято-Успенском девичьем монастыре. Ладога, XII век.

Слева: фото автора, 2011 год.

Справа: план церкви Успения Богородицы с «мерным ангелом живого квадрата» как доказательство существования «серебряной пропорции» [64].

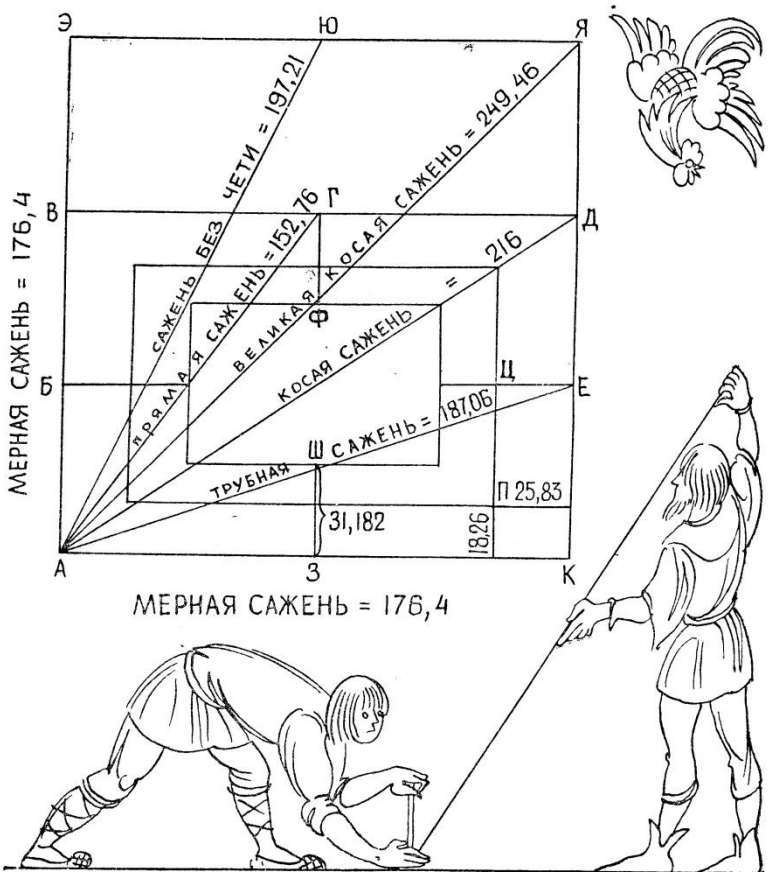


Рис. 6. Система русских саженей, по Б.А. Рыбакову [7]. Рис. Н. и Т. Доброхотовых

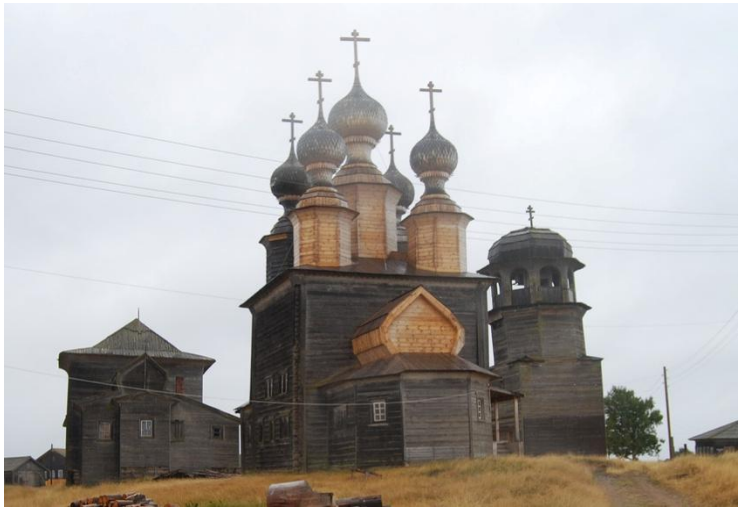
Но эта же «система диагоналей» в нахождении гармонических пропорций была известна еще при строительстве древних пирамид, за 3 тысячи лет до творений русских зодчих. «Что это? – вопрошает Н.А. Васютинский [7]). –Поразительный факт преемственности знаний, истоки которых зародились в Древнем Египте? …Или это проявление единства законов познания, законов художественного творчества? …Здесь мы вступаем в страну гипотез, …которые создают для того, чтобы их опровергали» (с. 69-70).

«Деревянное зодчество Руси - поистине народное творчество, - пишет Г.И. Мехова [33], - ибо дерево для народа всегда было основным строительным материалом. Русский человек испокон веков породнился с лесом. …Деревянное зодчество прошло огромный путь – от примитивного сруба с печью, топящейся по-черному, до грандиозных хором дворца Алексея Михайловича в Коломенском со сложным расположением построек, изобилием переходов и крылец, всевозможных украшений». Дворец возводится в Коломенском в XVII веке и воплощает в себе все лучшее, чего достигла деревянная архитектура к этому времени. Сегодня его называют "Восьмым чудом света" (**рис. 7**).

Рис. 7. Дворец Алексея Михайловича в селе Коломенском – «восьмое чудо света» (http://www.liveinternet.ru/users/galina_savko/post162128016/).

Русские мастера не знали себе равных в деревянном зодчестве, о чем свидетельствуют дожившие до наших времен церкви Русского Севера, опоэтизированного Серебряным веком (**рис. 8-12**). Ю.В. Линник [32] пишет, что в конце XVII века берега Онеги стали сказочно преображаться. В XVIII веке река Онега на Русском Севере была похожа на непрерывную сказку: «Что ни село – затейливые деревянные храмы. А сел таких на нитку реки было нанизано очень много! Онежские зодчие отличались богатством воображения и смелостью решений» (с. 25). «Мечтательная душа русского народа нашла в этих ансамблях свое полное и адекватное выражение» [31. С. 8].

Рис. 8. Георгиевская церковь в Родионово (Юксовичи), Подпорожский район Ленинградской области. 1493 г. - одна из трех самых старых деревянных церквей в России (http://hranive.ru/619/)



(http://www.pravoslavie.ru/gallery/image90_16846.htm)

Рис. 9. Храмовый ансамбль в деревне Ворзогоры, Онежский район Архангельской области. Состоит из древнего Никольского храма (1636), ныне обезглавленного Введенского храма (1793) и колокольни. Первое упоминание о Ворзогорах относится к 1559 году. Вверху – фото 1886, внизу – 2010 года

Рис. 10. Никольская церковь в деревне Панилово Архангельской области, 1600 год (а) и церковь села Нелазское-Борисоглебское Вологодской области, 1694 год (б) [33]

Рис. 11. Новгородская область. Слева – шатровая церковь Рождества Богородицы, с. Переделки. Начало XVI в.

Справа – часовня с ярусным завершением, колокольней и галереей, д. Кашина. XVIII в. Фото В.А. Усольцева

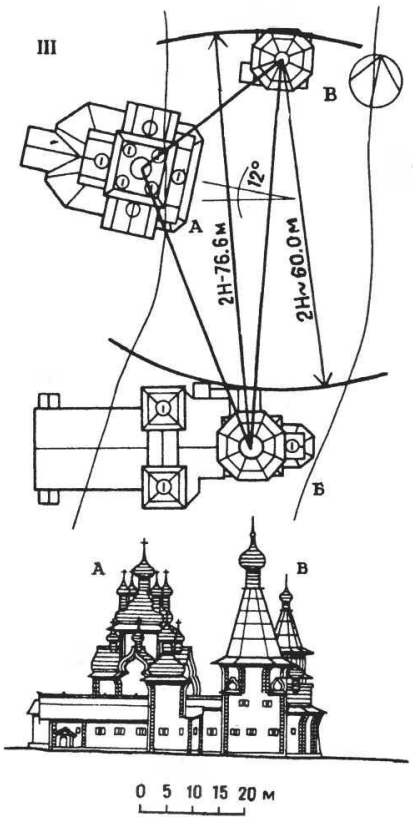


Рис. 12. Храмовый ансамбль в селе Турчасово Архангельской области.

Вверху: южный фасад и план храмовой триады по обмерам Ю.С. Ушакова [57]: А - Преображенская церковь (1786): Б – Благовещенская шатровая церковь (1795), сгоревшая от удара молнии; В - колокольня (1793).

Внизу: Общий вид ансамбля сегодня; на переднем плане – Преображенская церковь, справа – колокольня [32] (http://temples.ru/show_picture.php?PictureID=11659).

На Русском Севере сохранилось еще немало памятников церковного деревянного зодчества (**рис. 13**), но многие уже безнадежно утрачены, в основном, сгорели (**рис. 14**).

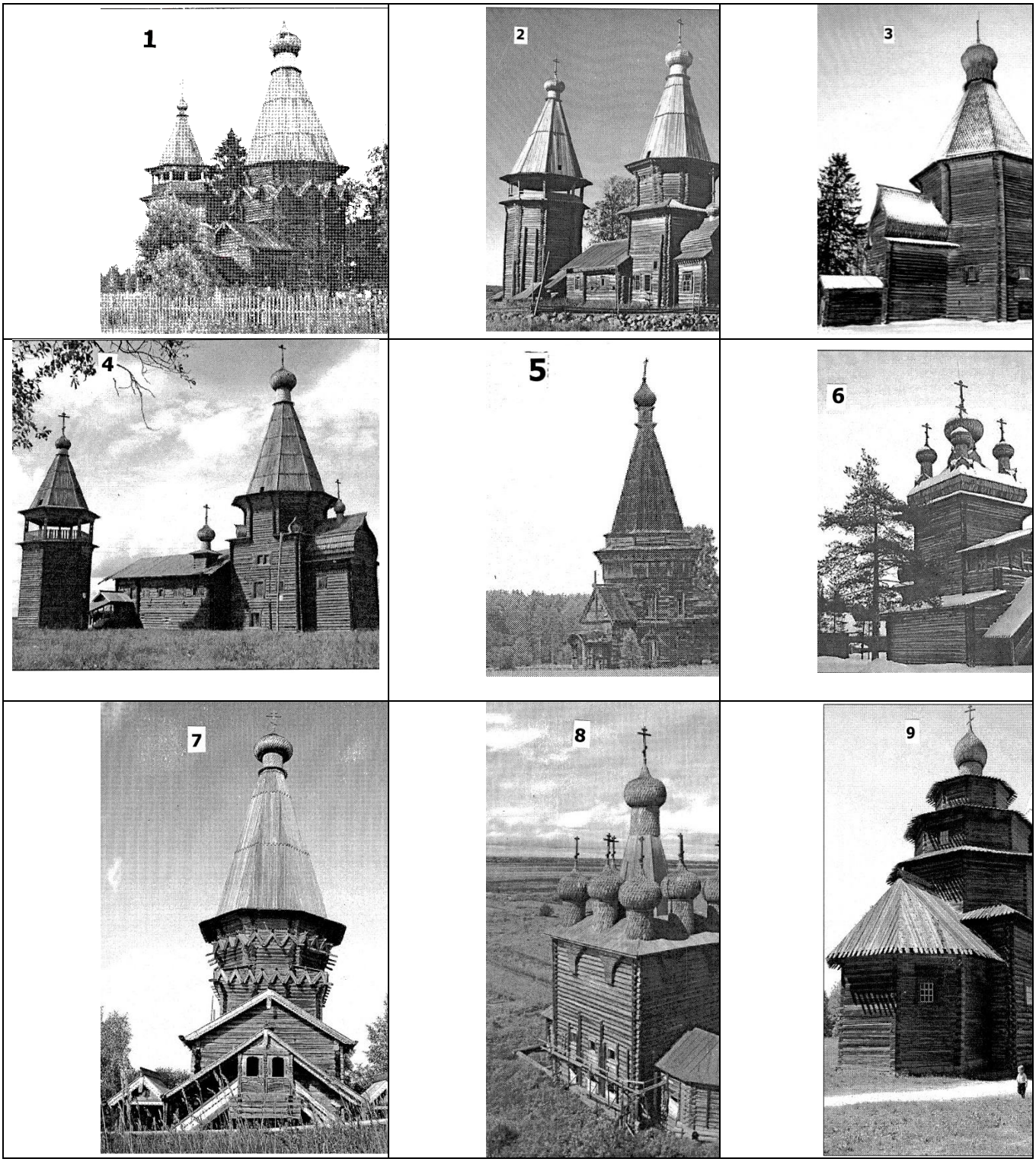


Рис. 13. Некоторые памятники деревянного церковного зодчества из числа сохранившихся на Русском Севере [60].

1 – Никольская церковь. Присвирье, Согинцы, 1696 год; 2 – Церковь св. Варвары. Заонежье, Яндомозеро, 1650 год; 3 – Никольская церковь. Северная Двина, Лявля, 1584 год; 4 – Церковь св. Иоанна Златоуста. Каргополье, Саунино, 1665 год; 5 – Церковь Сретения. Каргополье, Красная Ляга, 1655 год; 6 – Церковь Вознесения из села Кушерека. Архангельск, музей «Малые Корелы», 1669 год; 7 – Церковь Рождества Богородицы. Обонежье, Гимрека, 1695 год; 8 – Церковь Сретения. Северная Двина, Заостровье, 1683-1688 гг.; 9 – Никольская церковь из села Высокий Остров. Великий Новгород, музей «Витославлицы», 1767 год.

Рис. 14. Некоторые памятники деревянного храмового зодчества Русского Севера из числа безнадежно утраченных (в основном, сгоревших) (http://topbloger.livejournal.com/4763051.html).

1- Никольская церковь. Карелия, Линдозеро; 2 – Предтеченская церковь. Карелия, Шуя, XVIII век; 3 – Часовня села Усть-Выя, Архангельская область (последняя из часовен подобного типа); 4 – Юромский погост. Архангельская область, Мезень; 5 – Вознесенская церковь. Архангельская область, Пинега, Кеврола, 1712 год; 6 – Благовещенская церковь. Архангельская область, Турчасово, 1795 год; 7 – Церковь села Спас Вежа. Костромская область, 1628 год; 8 – Никольская церковь. Архангельская область, с. Уйма, 1708 год (деревянный аналог Покрова на Нерли); 9 – Вознесенская церковь. Архангельская область, Конецгорье, 1752 год.

Не знают себе равных и знаменитые Кижи, собранные без единого гвоздя. Кижи – памятник деревянного зодчества, входящий в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО (**рис. 15-18**). «С тех пор, как человек взял в руки топор, он не создал ничего, равного Кижам», пишет

Г. Сорокин [53]. Русские зодчие того времени знали секрет огнеупорных смесей, которыми были пропитаны стены Кижей [48].

Рис. 15. Кижи – памятник деревянного зодчества XVIII века

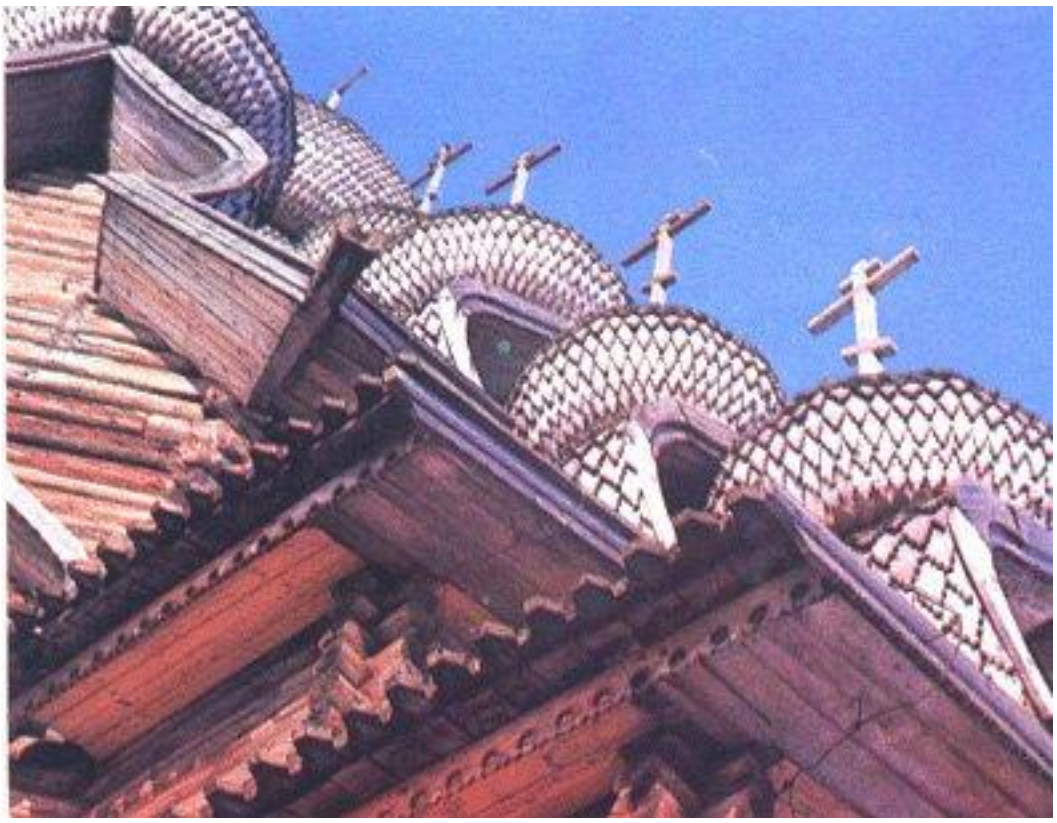


Рис. 16. Ритм куполов Преображенской церкви в Кижах;
зодчий Нестор, 1714 год (http://www.towns.ru/other/kizhi.html)

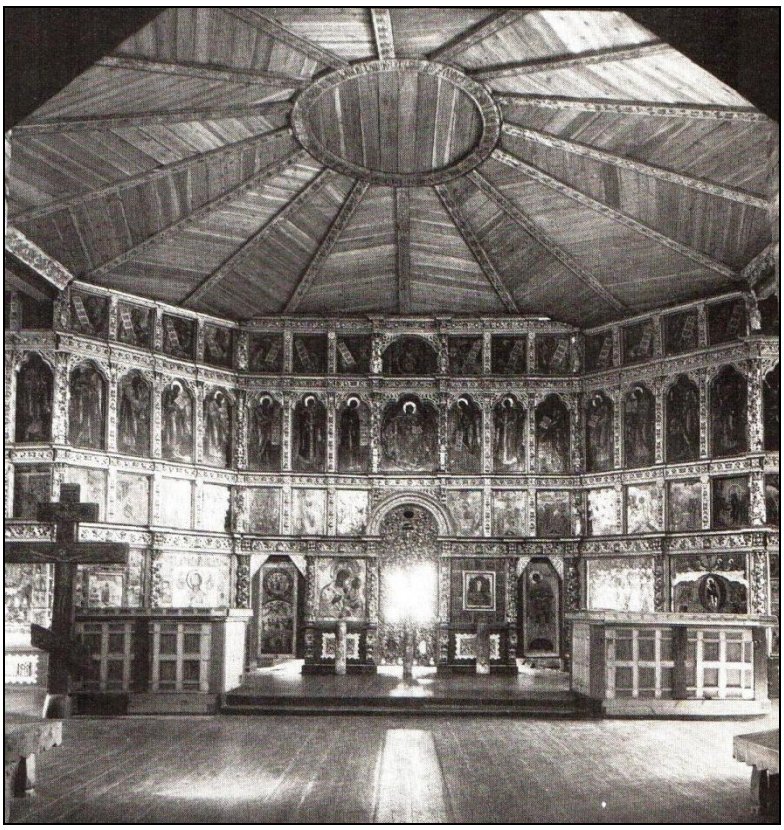


Рис. 17. Интерьер центральной части Преображенской церкви. Росписи потолка утрачены во время Великой Отечественной войны [33]

Рис. 18. Покровская церковь в Кижах, 1764 год [33]

Преображенская церковь в Кижах поднимается на 37 метров — это высота 11-этажного дома. На стены шла кондовая сосна, особенно крепкая и смолистая, выросшая на очень су-

хом грунте. Из нее рубили стены, а на лемех шла осина. Церковь вся срублена из дерева — от основания до вершины, до кончика деревянного креста на верхнем куполе и без единого гвоздя. Только чешуйчатая одежда куполов — лемех, вытесанный топором — прибита коваными гвоздями, по одному на каждый лемех. В силу традиции русского плотничьего мастерства Преображенская церковь сооружена с помощью только топора и долота, без малейшего вмешательства пилы, хотя пила давно уже была в ходу. Конечно, удобнее было бы перерезать бревна пилой, но власть древних традиций была слишком велика, и бревна перерубали топором, да так, что не оставалось ни малейшей зазубрины. При этом капилляры дерева сжимались, и оно меньше впитывало влаги. И этими же топором и долотом плели тончайшее кружево орнаментов. Подгонка бревен была идеально плотной, и не было нужды в какомлибо конопачении.

Зодчий, создавший храм, был неподражаемым творцом форм и мотивов. Центральный объем храма образован тремя восьмериками убывающих размеров. Двадцать две крытые лемехом главы церкви ярусами уносятся в поднебесье, создавая незабываемый и уникальный, ни на что непохожий силуэт. На чешуйчатых куполах, на выступах причудливо изогнутых кровель, на ажурных крестах играют яркие пятна света и глубокие тени. Каждая деталь храма кажется вылепленной искусным ваятелем.

В Преображенской церкви поражают не только фантастические каскады куполов, но и безупречная архитектурная композиция, единственное в своем роде соединение артистической импровизации и строгой классичности всех пропорций и деталей (см. **рис. 16-17**). О строителе Преображенской церкви в народе сложилась легенда, будто он, закончив работу, забросил свой топор далеко в Онежское озеро и сказал: «Поставил эту церковь мастер Нестор, не было, нет и не будет такой» [23, 33]. «Но чтобы мастер Нестор мог совершить это двадцатидвухглавое чудо, много поколений «древоделов»-народных умельцев подготовили этот великолепный взлет творческой фантазии и строительной техники», - пишет Г.И. Мехова [33. С. 6].

Покровская церковь (см. **рис. 18**) и колокольня в Кижах по своему облику существенно отличаются от Преображенской церкви и вместе с тем составляют гармоничный ансамбль (см. **рис. 15**), созданный будто бы по единому замыслу, хотя время их сооружения разделяется десятками лет [33].

В архитектуру деревянного строительства своеобразную страницу вписала Сибирь, в ней прослеживается история освоения сибирского края с единым стилем, роднящим ее с архитектурой русского Севера (**рис. 19**).

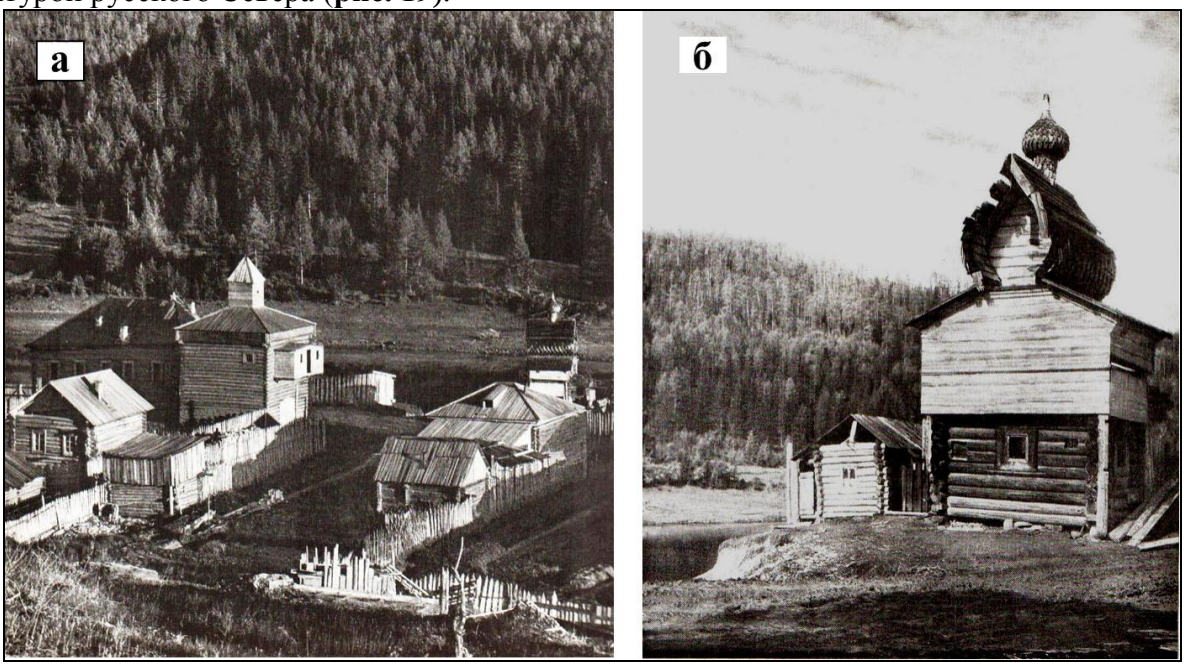


Рис. 19. Илимский острог в Иркутской области как образец военного укрепления Древней Руси, вторая половина XVII века (а) и Казанская церковь острога (б) [33]. Сюда указом Екатерины II был определен "на десятилетнее безысходное пребывание" Александр Николаевич Радищев (1749—1802) — русский писатель, философ, поэт.

Но время берет свое. К сожалению, современные «реставраторы» иногда не восстанавливают, а окончательно «добивают» обветшавшие памятники старины, том числе всемирно известный архитектурный ансамбль на о. Кижи. За 30 лет почти непрерывной реставрации 22-главую Преображенскую церковь, в течение 5 лет строившуюся 300 лет назад, довели до такого состояния, что сами же реставраторы пишут акты о возможном ее обрушении. Резкое старение церкви началось после снятия защитной обшивки, маскировавшей ее под камень, под которой она простояла около 110 лет. Затем, чтобы поддержать сруб, внедрили внутрь металлический каркас-этажерку, а для этого выломали все внутренности, оставив голые стены. Самое главное – убрали внутреннюю крышу, которая в качестве сложной газодинамической системы обеспечивала естественную вентиляцию, или самоконсервацию 12-этажного здания. В результате нарушили естественную аэрацию помещения и обрекли его на окончательное разрушение: «Там было сухо – теперь постоянная влажность и плесень» [54].

Так гибнет в основании Онежского полуострова церковь в Солозеро, очаровательная в своей труднодоступности и почти безвестная (**рис. 20**). Ледовый разбой (осенью ледовое давление, весной - торосы) и талые воды сделали-таки свое черное дело. Гибнут деревянные храмы и в Архангельской области (**рис. 21-24**).

Рис. 20. Гибель церкви в Солозеро (http://uchazdneg.livejournal.com/117581.html)

Рис. 21. Храм святителя Николая Чудотворца. 1826 г. Архангельская область, Онежский район, деревня Унежма. В 1930 г. храм был превращен в сельский клуб, потом – в склад и коровник, колокольню снесли. Церковь стояла опустевшая, крышу начали разбирать на строительные материалы (http://www.pravoslavie.ru/gallery/image90_16821.htm)

Рис. 22. Часовня Фрола и Лавра (часовня на Волоке между двумя озерами). Архангельская область, Каргопольский район, д. Калитинка и Великая. Состояние критическое (http://www.pravoslavie.ru/gallery/image90_16789.htm).

Рис. 23. Разрушающаяся часовня Пантелеймона Целителя. Архангельская область, Вельский район, деревня Скомовская (Каменная). Чтобы остановить разрушение, необходимо поставить сжимы на одну из стен, постелить пол, вставить окна, восстановить крыльцо и установить крест. Архитектором А.Б. Бодэ сделан проект реставрации (http://www.pravoslavie.ru/gallery/image90_16808.htm).

Рис. 24. Преображенский храм. 1878 г. Архангельская область, Онежский район, деревня Нименьга. Колокольня Преображенского храма надломлена в двух местах и требует срочного ремонта (http://www.pravoslavie.ru/gallery/image90_16806.htm).

Если деревянная архитектура восходит в основном к Руси языческой, то архитектура каменная связана с Русью уже христианской. Первая каменная постройка на Руси появилась в конце X в. Колоссальный строительный опыт русских «древоделей» сказался и в каменном строительстве на Руси: оно шло семимильными шагами, поражая современников своей самобытностью [33]. По мнению К.Н. Афанасьева [2], история русской храмовой культуры

свидетельствует о ее творческой самостоятельности, использовании местных традиций, хотя и не без взаимосвязей и взаимовлияний: «Ярчайшим проявлением национального художественного идеала, национального художественного гения в русской архитектуре средних веков стал храм Покрова на рву (Василия Блаженного). В голову не приходит никаких аналогов и следов иноземных влияний. Разве что Наполеон назвал этот храм мечетью, усмотрев в нем следы искусства Востока!» (с. 10). Собор Василия Блаженного считается одним из главных символов не только Москвы, но и всей России. Он состоит из девяти церквей на одном фундаменте (**рис. 25**).

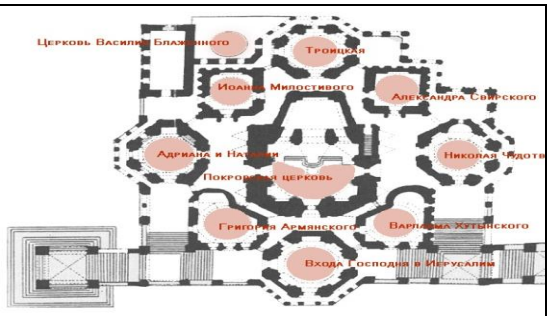


Рис. 25. Собор Василия Блаженного на Красной площади. Построен в 1555-1561 годах (http://utahch.blogspot.com/2011/12/1555-1561.html). Во время войны 1812 года он впервые подвергся риску сноса. Уходя из Москвы, французы заминировали его, но взорвать не смогли, только разграбили. В 1936 году собор опять решили снести, так как он мешал проезду танков по Красной площади на парадах. Лишь благодаря вмешательству известного русского архитектора, реставратора памятников древнерусского зодчества Петра Дмитриевича Барановского (1892—1984) памятник архитектуры был сохранен. П. Д. Барановский в годы советской власти совершил настоящий подвиг, с риском для жизни спасая памятники архитектуры - больше 150 уникальных исторических зданий и около 90 церквей. Разработал способ восстановления взорванных памятников архитектуры методом сборки сохранившихся подлинных фрагментов с докомпоновкой недостающих частей. В 1933 г. был арестован и отбыл три года в ГУЛАГе (http://www.hramy.ru/regions/r77/cao/kitay/vasiliy.htm).

И.Э. Грабарь и Ф.Ф. Горностаев [11] видят в этом шедевре каменного храмового зодчества влияние традиций древнего деревянного храмового искусства: «Принимая во внимание чрезвычайную медленность движения вперед, обычную для народного искусства, а также вековые традиции деревянного строительства, едва ли ошибочным будет предположение,

что еще задолго до XVI века существовали близкие по конструктивным и художественным формам предшественники уцелевших до нас храмов. Эти предшественники, несомненно, сыграли значительную роль в сформировании каменной архитектуры XVI века, яркими представителями которой являются храмы Вознесения в селе Коломенском под Москвой и московский Василий Блаженный. Нельзя допустить и мысли об обратном влиянии этих храмов на деревянное церковное зодчество, ибо мы имеем данные, говорящие совершенно определенно о существовании шатровых церквей задолго до Василия Блаженного и до Коломенской».

А. Рыбалка и А. Синельников [48] считают, что русские белокаменные храмы XII-XIII веков строили члены европейских лож вольных каменщиков, знавших секрет «известкового бетона» египетских фараонов. Однако К.Н. Афанасьев [2] утверждает, что «первыми зодчими, специалистами каменного христианского храмостроительства, были византийцы, но работы проводились по заказу и под контролем князей-ктиторов и руками местных мастеров-строителей» (с. 8).

После татаро-монгольского нашествия, продолжавшегося два с лишним века, традиция строительства «каменных книг» на Руси была утеряна, и ее удалось восстановить только при Иване III. При татарах русские каменщики, знавшие секреты «русского бетона», укрывались на Соловках. «Русский бетон» - уникальный состав, легший в основу «белого камня» русских соборов, и тайна этого состава сохранялась на русском Севере, в монашеских общинах. После Опричнины и Смутного времени секрет «русского камня» был окончательно утерян, и по сей день принцип функционирования древнерусских известково-обжигательных печей неясен [48]. В Византии, как считает С.Я. Кузнецов [27], секрет изготовления цемента и способы строительства с применением бетонных конструкций были утрачены намного раньше, еще в IX веке.

Монастыри, в отличие от скитов, устраивались на открытых, красивых, возвышенных местах, причем обязательно у рек или озер. Это имело не только хозяйственную целесообразность, но и глубоко символический смысл: в Евангелии пустынные безводные места считаются пребыванием нечистых духов-бесов. Монастыри богатели, крепли, становясь не только духовными крепостями, но и оборонительными сооружениями. Это были духовные и военные форпосты Руси.

«Православный монастырь, - пишет С.Я. Кузнецов [27], - это совершенно особый мир. Жизнь в монастыре подчинена только ему присущим духовным законам и правилам. Не будучи монахом, постичь этого нельзя, но можно попытаться представить себе этот мир, читая сочинения духоносных отцов Церкви, посещая древние русские обители и всматриваясь в их архитектуру, которая удивительным образом хранит дух монастыря, дух его созидателей. …Очень редко случалось, что при жизни основателя монастыря в нем возводились какие-либо каменные сооружения, которые сохранились бы до наших дней, - процесс строительства был длительным и сложным. Но удивительным образом дух обители, духовные традиции передавались и через века воплощались в архитектуре более поздних построек. Общежительный устав, установленный преподобным Кириллом, был достаточно суров, не все иноки выдерживали его, но истинные ученики и последователи святого создали к XVII веку настоящую цитадель Православия на Русском Севере» (с. 76-77). В числе первых после освобождения Руси от татаро-монгол в 1397 году был основан учеником преподобного Сергия Радонежского Кириллом Кирилло-Белозерский монастырь, расположенный в 125 километрах от нынешней Вологды (**рис. 26**). Но большое каменное строительство началось в монастыре лишь через сто лет после его основания [27].

Рис. 26. Кирилло-Белозерский монастырь на Сиверском озере. Основан в 1397 году (http://ote4estvo.ru/goroda-rossii/564-kirillov.html)

Однако чрезмерное усиление монастырей (как показала история России) представляло опасность для самодержавия: указами Петра I мир средневекового монастыря был разрушен. Более половины обителей было ликвидировано [16]. Петр I осуществил великую революцию во всех областях жизни. Он уничтожает патриаршество и сам становится главой Православной Церкви, которой управляет через созданную им особую канцелярию. Самодержавие — самобытную русскую форму монархической власти он заменяет европейским абсолютизмом и безжалостно выкорчевывает все основы самобытной русской культуры и русского быта.

И.Л. Солоневич [52] со ссылкой на Л. Тихомирова утверждает, что «даже турки, завоевав Византию, не обращались с православной церковью так, как обращались с нею при Петре». Это было попыткой завершения разгрома русской Церкви, начатого при Никоне, как весь XVIII век с его цареубийствами был попыткой окончательного разгрома русской монархии, начатого при Петре. И если обе попытки удались не совсем, то только благодаря «уму и совести монархического сознания народа» [52].

Реформы Петра сегодня рассматриваются и в положительном, и отрицательном для России аспектах. Один из «перегибов» Петра состоял в полном игнорировании традиций русской культуры и насаждении якобы передовой западной. Д.И. Фонвизин, давший в своих пьесах, согласно моде, карикатурное изображение нравственной дикости русских дворян, тем не менее, пишет в своих путевых записках: «Могу сказать, что кроме Руссо, который в своей комнате зарылся, как медведь в берлоге, видел я всех здешних лучших авторов. Я в них столько же обманулся, как и во всей Франции. Все они, выключая малое число, не то, что заслужили почтения, но достойны презрения. Высокомерие, зависть и коварство составляют их главный характер. Человеческое воображение постигнуть не может, как при таком множестве способов к просвещению, здешняя земля полнехонька невеждами. Со мною вседневно случаются такие сцены, что мы катаемся со смеху. Можно сказать, что в России дворяне по провинциям несказанно лучше здешних, кроме того, что здешние пустомели имеют наружность лучше. …Нищих в Саксонии пропасть и самые безотвязные. Коли привяжется, то целый день бродит за тобой. Одним словом, страждущих от веяния скорби, гнева и нужды в такой землишке, какова Саксония, я думаю, больше, нежели во всей России». «Я увидел, — признается Д.И. Фонвизин, — что во всякой земле худого гораздо больше, нежели доброго; что люди везде люди; что умные люди везде редки; что дураков везде изобильно и, словом,

что наша нация не хуже ни которой, и что мы дома можем наслаждаться истинным счастьем, за которым нет нужды шататься в чужих краях» (цит. по: [4]).

Денис Иванович Фонвизин (1745-1792)

Знаменитая речь Ф.М. Достоевского об А.С. Пушкине, произнесённая 8 (20) июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности и опубликованная позднее в «Дневнике писателя» [15], была отрицательно воспринята некоторыми представителями русской интеллигенции, ориентированными «на начала западноевропейского гуманизма, который величие человека строит на умалении Бога», и утверждавшими, что «всякий русский человек, пожелавший сделаться просвещенным, непременно получит это просвещение из западноевропейского источника, за полнейшим отсутствием источников русских» [44. С. 218-219].

Федор Михайлович Достоевский (1821-1881).
Худ. В.Г. Перов

«Сказано, конечно, игриво, - отвечает им Ф.М. Достоевский, - но вы произнесли и важное слово: “просвещение”. Позвольте же спросить, что вы под ним разумеете: науки Запада, полезные знания, ремесла или просвещение духовное? Первое, т.е. науки и ремесла действительно не должны нас миновать и уходить нам от них действительно некуда, да и незачем. Согласен тоже вполне, что неоткуда и получить их, кроме как из западноевропейских источников, за что хвала Европе и благодарность наша ей вечная. Но ведь под просвещением я разумею (думаю, что и никто не может разуметь иначе), то, что буквально уже выражается в слове “просвещение”, т.е. свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указующий ему дорогу жизни. Если так, то позвольте вам заметить, что такое

просвещение нам нечего черпать из западноевропейских источников за полнейшим присутствием (а не отсутствием) источников русских» [15. С. 472-473].

В упомянутой речи об А.С. Пушкине Федор Михайлович говорит, что «никогда еще ни один русский писатель не соединялся так задушевно и родственно с народом». В лице Алеко и Онегина А.С. Пушкин раскрывает трагедию «скитальца», оторвавшегося от нравственно-духовной жизни народа, и «Ф.М. Достоевский усматривает истоки этой оторванности в петровских реформах, поведших к разрыву между обществом и народом» [25. С. 56].

Вот как оценивает И.Л. Солоневич [52] результат петровских реформ: «Потери русской культуры были чудовищны. Подсчитать их мы не сможем никогда. В стройке национальной культуры наступил двухвековой застой. То, что было создано дворянством — оказалось в большинстве случаев народу и ненужным, и чуждым. Но, — как и при всех революциях в мире — мы видим то, что осталось, то, что все-таки выросло, и не видим того, что погибло. Мы видим Ломоносовых, которым удалось проскочить, видим Шевченко или Кольцова, которые проскочили изуродованными, и мы не видим и не можем видеть тех, кто так и не смог проскочить. Мы видим растреллиевские дворцы, но тот русский стиль зодчества, который в Московской Руси дал такие “поразительные” образцы, заглох и до сего времени. Заглохла русская иконопись».

Екатерина II издает закон о взятии в казну земли, еще остававшейся у церкви. Не желая, чтобы монашество, почти уничтоженное ее предшественниками, увеличивалось, она устанавливает для каждого монастыря точное их число, которое он может иметь. Екатерина, так же как и Петр I, безжалостно давит на православную церковь и православное духовенство. Закрывается масса монастырей повсюду, особенно много на окраинах и в Сибири. Из-за уничтожения на Мурмане опоры русской колонизации, монастыря Трифона Печенежского, часть Мурмана захватывается Норвегией [4].

«Екатериной II, — констатирует Е. Поселянин [43] (позднее был расстрелян большевиками) в своем исследовании "Русская Церковь и русские подвижники XVIII века", - нарушается право собственности и воля тех отдельных лиц, из пожертвований которых сложились церковные имущества. Все эти имения были оставляемы большею частью по духовным на помин души, в излюбленном жертвователями монастыре, и эта последняя воля умирающих не подлежала никакому изменению. Между тем, не только эти усердные жертвы церкви были отобраны для целей мира, но и самый помин души не мог дольше продолжаться за упразднением обителей».

Церковная политика Екатерины II, в которой она шла по следам Петра I, привела к тому, что «запустели места, освященные подвигами и благодатью святых, ознаменованные стремлением к ним усердия народного. А если немногие из этих обителей и были восстановлены, то большая их часть запустела навсегда. И много, например, есть в Вологодском крае, этой "русской Фиваиде", мест, где в бедной приходской церкви, даже иногда бесприходной, покоятся мощи великого угодника, создавшего обитель, которая на просвещение и утешение народа стояла века и упразднена в злосчастный 1764 год» [43].

Еще в более тяжелом положении оказались старообрядцы. Старообрядческие церкви и скиты разрушались, древние святые книги рвались или сжигались, солдаты рубили древние иконы. Старообрядцев отдавали в солдаты, посылали на каторгу, отправляли в ссылку. Время Екатерины — время массовых самосожжений, бегства старообрядцев в Сибирь, в Литву, в Австрию, куда глаза глядят [4].

Пугачевщина - это ответ народа на чуждую ему форму западноевропейского рабства, сменившую прежнюю мягкую форму крепостной зависимости. Пугачевщина - это ответ народа на манифест вольности дворянству, освобождавший дворянство от всяких обязанностей государству, но оставлявший крестьян в полной зависимости от дворян. «Свобода веры и легитимный монархический принцип, — пишет В.Ф. Иванов [21], - главные мотивы этого подлинного народного движения. Половина империи была объята духом мятежа и восстания, и широкие народные массы не давали другого имени Пугачеву, как Петр III. Замученный Петр Феодорович как бы вышел из могилы своим мстителем и заставил трепетать дворянство, ко-

торое даже в Москве ждало Пугачева и считало себя обреченным. Пугачевщина — стихийное антимасонское движение за веру и закон, за элементарную человеческую справедливость, которую цинично попирали вельможные "братья вольные каменщики"».

Устрашенное убийствами священников, оставшихся верными присяге, данной Екатерине, и в то же время, частично сочувствуя идеям, провозглашенным Пугачевым, духовенство стало переходить на сторону восставшего крестьянства. Мощный размах восстания Пугачева объясняется тем, что народ поверил ему, что он спасшийся православный царь, который вернет Русь на путь предков [4].

«До учреждения Екатериной так называемых "штатов монастырей" в России считалось до 1072 монастыря, – писал Л. Знаменский [19]. - По штатам 1764 года, простиравшимся на одни великорусские епархии, из имевшихся здесь 964 монастырей оставлено 224, да 161 за штатом, на собственном содержании, остальные 569 велено было закрыть или обратить в приходские церкви. В Малороссии и Белоруссии, при введении штатов оставлено только 29 обителей в штате и 55 за штатом. К началу настоящего столетия (т.е. к началу XIX столетия), по всей империи было уже всего 452 монастыря. Здания закрывавшихся монастырей обращались в казармы, госпитали, дома для сумасшедших и т. п. Строение новых монастырей допускалось лишь с разрешения высшей власти; до конца XVIII века новых обителей возникло всего пять».

Заслугу царствования Екатерины II А.С. Пушкин видит только в том, что она окончательно подорвала мощь извечных врагов России — Польши и Швеции. «Но, — пишет А.С. Пушкин в своих "Заметках по русской истории XVIII века", — со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

«Екатерина, — пишет далее А.С. Пушкин, — явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важной своей должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии».

«Время — великое дело, - утверждает Б. Башилов [4]. - И получи Россия возможность свободного духовного развития на основе своих самобытных принципов при Петре и после Петра, к концу XVIII века она наверняка имела бы больше достижений в области культуры, чем те, которые она имела в "златой век" Екатерины».

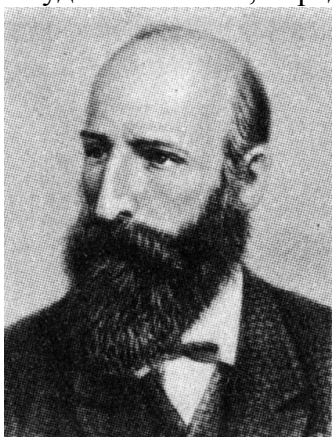
Таким образом, в результате прозападных (промасонских, как считает Б. Башилов) реформ Петра I и Екатерины II Россия теряла одну из важнейших духовных опор. Тем не менее, монастыри и храмы оставались духовными крепостями, столпами православной веры.

2. Специфика славянства и православие на Руси как предпосылки феномена русского космизма

Истоки так называемого «народного космизма» (по В.Н. Демину, [13]), восходят к древним славянам. Наши предки считали, что человеческая жизнь с момента рождения зависит от того, что написано в «небесно-звездной книге». Вселенское мироощущение впитывается русскими с момента рождения. Каждый хотел бы родиться под «счастливой звездой» - своеобразным оберегом. Гаснет она – и обрывается нить жизни, человек умирает.

Выдающийся собиратель и исследователь русского фольклора Александр Николаевич Афанасьев [1] писал: «Каждый человек получил на небе свою звезду, с падением которой прекращается его существование; если же, с одной стороны, смерть означалась падением

звезды, то, с другой, - рождение младенца должно было означаться появлением или возжением новой звезды, как это засвидетельствовано преданиями индоевропейских народов». Всем славянским народам была присуща вера в небесно-космическую предопределенность человеческой жизни на всех ее этапах. По их убеждению, звезды принимали деятельное участие в судьбе человека, определяя в том числе счастье или несчастье в супружеской жизни.



Александр Николаевич Афанасьев (1826-1871)

«В народных заговорах и заклинаниях, - пишет В.Н. Демин [13], -многие из которых восходят к общеиндоевропейским и доиндоевропейским мифологическим представлениям, содержатся обращения к высшим космическим силам, утренним и вечерним зорям… Представления о жизненосности космических сил, взаимопроникновении их и жизни человеческой, обусловленность ее высшими "небесными" законами – неотъемлемая часть, ядро народного мировоззрения, передававшегося от поколения к поколению вместе с языком, вековыми традициями и тем русским духом, который и составляет отличительную черту всей нации. …Арийское наследство, принесенное славянами (а в дальнейшем – русскими) на евразийскую почву, сохранялось в форме стойких мифологических воззрений, игравших … роль первобытного познания природы и даже первобытной науки. В этом горниле зарождался и оформлялся изначальный народный космизм» [13. С. 44].

«Язычник, - отмечал русский историк XIX века Иван Егорович Забелин [18], - яснее всего постигал и понимал одну великую истину, что жизнь – есть основа всего мира, что она разлита повсюду и чувствуется на каждом шагу, в каждой былинке. …Во всем живом мире господствует и повсюду является такое же человеческое существо, как он сам. Он сознавал, что весь видимый мир от былинки до небесного светила одухотворен тою же человеческой душою, ее мыслью, ее чувством, ее волею».

Древнейший письменный источник сведений о славянах «Влесова книга» охватывает 1500-летний отрезок истории народа, от которого ничего писаного не осталось. Она написана язычниками, которые сами пишут о своей религии и защищают ее от нападок христиан [30]. Согласно «Влесовой книге», идея троицы, родившаяся в недрах арийских народов, у древних славян была выражена в триединстве бога Триглава – единого бога в трех лицах: Сварог, Перун и Световид.

Язычеству русов были свойственны черты, коренным образом отличавшие его от многих религий: русы не считали себя «изделием» Бога, они мыслили себя его потомками. Понимая все превосходство их пращура, они сознавали и естественное с ним родство. Древние русы не отделяли богов от сил природы и поклонялись последним. Бог был для них всюду: свет, тепло, молния, дождь, родник, река, ветер, дуб, давший им пищу, плодородие земли и т.д. – все это, двигавшее жизнь, было проявлением Бога. Русы жили в природе, считали себя ее частью и растворялись в ней. Это была солнечная, живая, реалистичная религия, религия радости, восхищения перед силой и красотой природы. «Влесова книга» дает очень много для истории религий и понимания славянского мировоззрения. Несомненно, что как мини-

мум две тысячи лет языческого миропонимания не могли не отразиться на складе и характере культуры славянина-руса [30].

Может быть, корни языческой религии русов нужно искать в древнейшей религии, основанной на одушевлении предметов и явлений природы, изначальных, живших в эпоху между двумя последними оледенениями арьев? Об этом древнем народе Б.Г. Тилак [55] писал: «Можно с уверенностью предположить, что большой шаг в прогрессе цивилизации мог сделать народ, который поклонялся силам природы как проявлениям божественной воли и энергии, владел собственным хорошо развитым языком, а также сумел отразить в создаваемой им легендарной литературе структуру арктического года, познанную на родине вблизи Северного полюса» (с. 472). Может быть, неслучайно Б.Г. Тилак считает неоправданным относить к арьям (или ариям) представителей «так называемой нордической расы» как носителей европеоидного расового типа? Арьев он относил к арийской расе.

Это предположение можно подкрепить мнением Н.В. Слатина [51], который пишет: «Религия русов – не такой убогий политеизм, расплывчатую картину которого нам до сих пор рисовали, а восходит к общей ведийской религии наших арийских (индоевропейских) предков» (с. 2-3). Религия древних русов – это сильная, внутренне крепко скроенная, высокая, красивая религия, а потому представлявшая для христианства серьезного противника. Православная церковь веками старалась замалчивать суть и значение русского язычества, но многое из языческих обрядов оказалось неистребимым. Православная церковь вынуждена была во многом пойти на компромисс [30]. Неслучайно В.Н. Демин [13] рассматривает христианство как «слабое и не вполне удачное приспособление к возрождающемуся непрерывно, как феникс из пепла, языческому мироощущению» (с. 44).

С. М. Толстая [56] рассматривает процесс сосуществования и взаимного переплетения в течение столетий двух культурных моделей – язычества и православия. Язычество, как наиболее открытая культурная модель, могла усваивать и усваивала элементы других культур, в том числе христианства. Наименьшему влиянию со стороны христианства подверглись языческие обряды крещения, похорон, свадеб, сохранившиеся практически неизменными до наших дней, зато существенное влияние христианство оказало на народный календарь язычников. Крещение Руси было неизбежным, христианизация была мировым процессом, связанным с развитием государственного устройства. Особую страницу в истории православия внес раскол, вызванный реформой патриарха Никона в 1650-1660-х гг., целью которой была унификация богослужебного чина Русской Церкви с Церковью Константинопольской.

После крещения Руси в 988 году пост Митрополита последовательно занимали приезжие византийцы, и Руси отводилась роль «духовной провинции». Эти греческие церковнослужители относились к русской пастве, «как впоследствии миссионеры – к окрещенным туземцам». Ярослава Мудрого такая схема не устраивала, и он прервал эту традицию, добившись избрания и утверждения восточного славянина Иллариона-«русина» [46].

Считая, что монополией на христианство не обладает никто, Илларион вступает со своими византийскими оппонентами в принципиальный спор, отстаивая равные права для славянства. В «Слове о Законе и Благодати» он порицает «самоутверждение иудейское», противопоставляя ему христианское спасение, противопоставляя Закон – Благодати: «Как отошел свет луны, когда солнце воссияло, так и Закон - пред Благодатью явившейся. И стужа ночная побеждена, солнечная теплота землю согрела. И уже не теснится человечество в Законе, а в Благодати свободно ходит. Ибо иудеи при свече Закона себя утверждали, христиане же при благодетельном солнце свое спасение зиждут; ибо иудеи тенью и Законом утверждали себя, а не спасались, христиане же истиной и Благодатью не утверждают себя, а спасаются. Ибо среди иудеев - самоутверждение, а у христиан – спасение. Как самоутверждение в этом мире, спасение – в будущем веке. Ибо иудеи о земном радели, христиане же – о небесном» [22. С. 11].

Директор Института русской цивилизации Олег Платонов говорит о русской цивилизации, что она «…равнозначна понятию “Святая Русь” – особому благодатному свойству русского народа, сделавшему его оплотом христианской веры во всем мире. Жертвенное служе-

ние идеалам добра и справедливости, стяжание Духа Святого, устремленность к безгрешности и совершенству сделали русских новым Богом избранным народом, народом-Богоносцем. Русский народ избран Богом не для господства над другими народами, а для первенства в борьбе с мировым злом» (цит. по: [37. С. 6].

Православие стало духовной силой, содействующей объединению русичей, формируя их культурно-историческую общность и соборность как единство свободных людей, основанное на совокупной духовности и преданности общей родине. Культура славян была глубоко пронизана православием: долготерпение, широта души и щедрость в общении, братолюбие, сострадание к «меньшой братии», жажда решать все дела не по черствым законам, а «по-божьи». Вместе с тем, православие не ставило перед человеком слишком высоких нравственных задач, поскольку обладало «поучительной снисходительностью». Поклоняясь святым, надеясь на их заступничество и «предстательство» перед Богом, древнерусский человек вовсе не воспринимал свои иногда дурные поступки как лицемерие: он ощущал себя истинно православным, только «немного грешником». Такие противоречия в сознании средневекового русича были свойственны его реальной жизни [12].

В романе «Братья Карамазовы» старец Зосима говорит: «…Спасет Бог Россию, ибо хоть и развратен простолюдин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но все же знает, что проклят Богом его смрадный грех и что поступает он худо, греша. Так что неустанно еще верует народ наш в правду, Бога признает, умилительно плачет».

В «Дневнике писателя» [15] Федор Михайлович развивает это свое положение: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то, что сохранив красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи брильянты. Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем путь освещают!.. Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать» (с. 51).

Ф.М. Достоевский писал В.А. Алексееву в 1876 г. об одном из основных предназначений христианства – нести людям «свет духовный»: «Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих одно – нищета, борьба за существование, “среда заела”. На это Христос отвечал: “не одним хлебом бывает жив человек”, - то есть сказал аксиому и о духовном происхождении человека. Если при том не будет жизни духовной, идеала Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя…» (цит. по: [49. С. 274].

Эту мысль Ф.М. Достоевского продолжает русский писатель Николай Семенович Лесков, как никто другой, широко использовавший фольклор и народные традиции в своем творчестве. В рассказе «Чертогон» [29] им показан русский барин «из купеческого звания», «очень простая фигура, русская, но довольно величественная», к тому же «благочестив и большой вес в Москве имеет». У барина на лице «этакая, что называется, плюмса, как бывает от скуки», что и подтверждается его короткой фразой: «Совсем жисти нет». От скуки он заказывает «на сто особ» в загородном кабаке настоящую «вальпургиеву ночь», с цыганами-«эфиопами», песнями, плясками, выпивкой, обжорством и дикими выходками, безудержным самодурством самого заказчика «шабаша». К утру все кончилось при полном разгроме кабака.

Николай Семёнович Лесков (1831-1895)

И началась «жисть» в новом дне, наперво – с кружки кваса, затем продолжилась баней, а закончилась визитом в молельный дом, к Всепетой, - «покаянье принять». Рухнув на колени, нагрешивший «ударил лбом об пол ниц, всхлипнул и точно замер», а потом зарыдал, да так, что окружающие «с ним навзрыд плакать начали: господи, сотвори ему по его молению». Глубоко пережив «борение» искушения и благочестия, он, наконец, просветленным голосом промолвил: «Теперь мне – прощено!». Завершает автор свой рассказ словами: «И вот он не отвержен и счастлив; он щедро одарил обитель, где вымолил себе это чудо, и опять почувствовал “жисть”. …С этих пор я вкус народный познал в падении и в восстании… Это вот и называется *чертогон*, “иже беса чужеумия испраздняет”».

«Общий склад русской души таков, - писал один из ярких представителей Серебряного века Вяч. И. Иванов (1866-1949), - что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу. Она выражает центральное в христианской идее – категорический императив нисхождения и погребения Света и категорический постулат воскресения» [20. С. 234].

Н.Н. Моисеев в статье «Мир XXI века и христианская традиция» [36] показывает, почему умонастроение русского космизма могло появиться только в православной среде. Известно, что христианство родилось на базе иудаизма, но основной пафос Нового Завета качественно отличается от того, что проповедовал Ветхий Завет, а именно, что только иудеи принадлежат к избранникам. Христос же пришел ради спасения всех, в том числе несчастных и угнетенных. Н.Н. Моисеев считает, что «идея спасения, спасения всех – важнейшая из идей христианства». Но постепенно эта исходная позиция начала фантастически деформироваться, и в результате, как и в дохристианские времена, идея «спасения падших» уступила свое место идее «избранности», но в еще более жесткой форме. Сегодня эта исходная позиция переродилась в кощунственную идею исключительности европейско-американско-японской цивилизации, в идею «золотого миллиарда», мотивируемую тем, что ресурсов планеты на всех не хватит, - идею, глубоко бесчеловечную в своей основе.

Контрастной и несколько неожиданной выглядит позиция В.В. Познера относительно православия в автобиографической, довольно откровенной книге «Прощание с иллюзиями» [42]. Владимир Владимирович родился и сформировался как личность в католической Франции, много лет жил и работал в протестантской Северной Америке, где дал «клятву верности флагу Соединенных Штатов Америки», и хотя он учился в молодости в МГУ им. М.В. Ломоносова и по паспорту он – русский, тем не менее, как он сам пишет, русским он себя не чувствует. И вот результат: «Дальнейший рост влияния РПЦ будет признаком все большего сокращения демократии в России, и напротив – ограничение влияния церкви станет свидетельством роста демократии. Что и говорить, не повезло России, когда князь Владимир сделал выбор в пользу православной ветви христианства: именно она более других темна, нетерпима, замкнута, именно она активнее других доказывает человеку, что он – ничто. Любопытный факт: если взять все европейские страны и распределить их по тем трем ветвям хри-

стианства, которые в них доминируют, то окажется, что наиболее высокий уровень жизни, наиболее развитые демократические институты встречаются в государствах, где церковь имеет наименьшее влияние, то есть в протестантских; за ними следуют страны католические, и на последнем месте – православные. Полагаете, это случайно?» (с. 15-16).

Что ответить на этот риторический вопрос? Корреляция в данном случае, по меньшей мере, сомнительная. Во-первых, он ранжирует страны по уровню комфортности жизни, т.е. по степени потребительского отношения к среде обитания, а это ведет цивилизацию в тупик. Характеризуя этот тупик, профессор И.А. Пфаненштиль [45] смотрит дальше и глубже: «Во-первых, американская глобальная политика нового мирового порядка явилась верным продолжением геостратегии нового мирового порядка нацистской Германии. Все, что намечали руководители Третьего рейха, сегодня на практике пытаются осуществить США или те силы, которые за ними стоят; во-вторых, американская модель глобального управления и нового мирового порядка, основанного на либерально-демократических ценностях и навязываемая другим странам как единственно возможная, на самом деле несет человечеству неизбежные угрозы тоталитаризма (американизации), деградацию и обнищание целых регионов. Это тупиковый путь развития, ведущий цивилизацию к новым войнам и планетарной катастрофе» (с. 63).

Во-вторых, из упомянутой В.В. Познером корреляции «выскакивают» буддистская Япония и многоконфессиональный с преобладанием конфуцианства Китай. А в-третьих, в отношении России Владимир Владимирович попросту непоследователен. Вот что он пишет далее: «Назовите мне хоть один европейский народ, который в большинстве своем оставался в рабстве до второй половины XIX века. Покажите мне народ, который почти три века находился под гнетом гораздо более отсталого завоевателя» (с. 31).

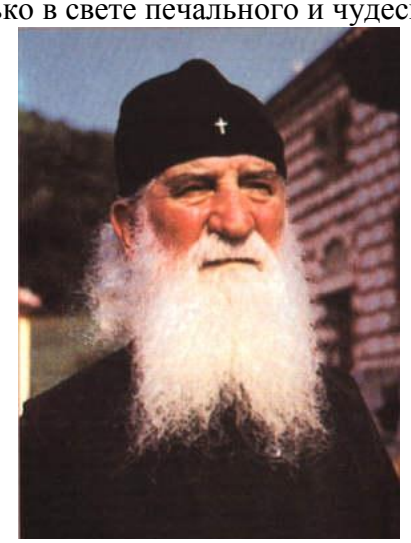
А после посещения выставки с новгородскими иконами, писанными до татарского нашествия, он прозревает: «Я вдруг отчетливо понял, что они, эти иконы, эта живопись ни в чем не уступают великому Джотто, что Россия тогда была “беременна” Возрождением, но роды прервали татаро-монголы. Кто-нибудь попытался представить себе, какой была бы Россия, не случись этого нашествия и двухсот пятидесяти лет ига? Если бы Русь, развивавшаяся в ногу с Европой, выдававшая своих княжон замуж за французских королей, не была отрезана на три долгих века от европейской цивилизации? Что было бы, если бы Москва Ивана III проиграла новгородскому вече? Что было бы, если бы Русь приняла не православие, а католицизм? Что было бы, если бы русское государство не заковало собственный народ в кандалы крепостничества? Что было бы, если бы всего лишь через пятьдесят с небольшим лет после отмены крепостного рабства не установилось рабство советское? Много вопросов, на которые нет ответов, а есть лишь мало чего стоящие догадки» (с. 31-32).

И тут же он дает объяснение этой своей довольно противоречивой череде вопросов и тому, почему альтернативные тенденции развития России для него всего лишь «мало чего стоящие догадки»: «Я отдаю себе отчет в том, что не принадлежу русскому народу. …При всей моей любви к Пушкину и Гоголю, при всем моем восхищении Достоевским и Толстым, при том, что Ахматова, Цветаева, Блок и Булгаков давно стали частью моей жизни, я осознаю: я – не русский» (с. 32). Он – не русский, он – представитель иной ментальности, и этим, видимо, все сказано…

Но вот что еще в XIX веке писал столь любимый Владимиром Владимировичем Ф.М. Достоевский: «Католичество воистину уже не христианство и переходит в идолопоклонство, а протестантизм исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текущее, изменчивое (а не вековечное) нравоучение. …На Западе Христа потеряли (по вине католицизма), и оттого Запад падает, единственно оттого» [15].

Эти слова Ф.М. Достоевского комментирует сербский богослов Иустин: «Пророчество Достоевского о Европе постепенно исполняется на наших глазах. Европейское человечество, ведомое духом гуманистической, тщеславной “непогрешимости”, катится стремглав из тьмы во тьму, из ночи в ночь, пока не ввергнется в мрачную, вечную ночь, после которой не на-

ступит заря. И в этой ночи человек не увидит своего бессмертного брата, ибо это возможно только в свете печального и чудесного Богочеловека Христа» [44. С. 210-211].



Сербский богослов преподобный Иустин (По́пович)
(1894-1979)

И далее: «Христоносная личность смотрит на природу не как на дикое чудовище, которое надо немилосердно укрощать, но как на больного, за которым надо ухаживать и целить любовью. Для такой личности природа представляется не бездушной материей, которую можно грубо расточать и безболезненно использовать, но представляется дивной Божьей тайной, которую нужно молитвенно любить и с любовью изучать» [44. С. 183].

Здесь мы видим удивительное смыкание православия с язычеством русов, видим преемственность их отношения к природе, перетекшего из язычества в православие и, далее, к умонастроению русского космизма и «общему делу» Н.Ф. Федорова. Здесь же мы видим смыкание взглядов Н.Ф. Федорова и Ф.М. Достоевского на природу. Н.Ф. Федоров видит в природе друга вечного, а понятие «господство над природою» определяет как «великую ложь». Об этом же говорит Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь наконец весь мир уже всецело, всемирною любовью».

В персонажах русского писателя-космиста Андрея Платонова, прошедшего при большевизме свой «путь на Голгофу», выражено это же ощущение единства с природой, «укорененность в природе всего человеческого существа, включая и его мысль», «мысль, работающую в резонанс природы и отражающую поэтому всю ее истину – хотя бы в силу живой случайности» [3]. Каждый из его героев примечателен прежде всего своим самобытным отношением к истине. В самом начале романа «Чевенгур» о его герое сказано так: “Родившись, он удивился и так прожил до старости с голубыми глазами на моложавом лице». Как и старец Зосима у Ф.М. Достоевского, персонажи Андрея Платонова – «природные мыслители», которые «видят в природе тайну и относятся к ней как к чуду, с благоговейным доверием и любопытством». С такими чувствами бродил по земле и старик Юшка: «Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтоб они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали замертво и долго вглядывался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим» [41].

«Образ духовного и живого всегда связывался в сознании нашего народа с Совестью, – пишет сегодня профессор В.В. Милосердов [34]. – Этот образ проходил красной нитью через всю историю России. Ключевым моментом в понимании духовных начал российского обще-

ства является глубоко личностный, индивидуально избираемый путь к общности. Так мы понимаем российский коллективизм – общее для всех дело» (с. 568).

По мнению Н.М. Чуринова [65], «…на Руси в идеалах соборности была развернута античная диалектика, аристотелевская теория развития… В трудах древних русских философов идеалы соборности предстали, во-первых, как характеристики совершенства общественных отношений, их гармоничности, продиктованные заветом добродетели и любви к ближнему своему; во-вторых, как характеристики всеобщей связи общественных явлений» (с. 5).

Согласно философу П.И. Новгородцеву, покинувшему Россию в 1921 году, в католицизме преобладает юридическое понимание христианства, в протестантизме – этическое, в православии – принцип любви во Христе [38]. Н.Н. Моисеев полагает, что идея спасения всех, высказанная 2000 лет назад, по-настоящему не была осознана, поскольку была высказана слишком рано. Представления об «избранности» стали наиболее отчетливо проявляться в учении кальвинистов, гугенотов, англиканской церкви, в меньшей степени – у католиков. В минимальной степени идеей избранности было пронизано православие. Отсюда вывод Н.Н. Моисеева [36]: «Я думаю, что идея избранности, глубоко проникшая в сознание людей, живущих в западной культуре, опасна не только сама по себе. У людей, особенно у людей с высокой степенью пассионарности, она … лишает их участия в общем, едином процессе. Идеи, подобные идее Н.Ф. Федорова об общем деле, идеи космизма вряд ли могли бы появиться в протестантском мире» (с. 10).

Павел Иванович Новгородцев (1866-1924)

О космичности православия пишет сегодня его апологет Э.Г. Яблонский [66]: «…Лишь преображение, болезненно-судорожное, антиномичное, неоднозначное и размытое, но в своем предельно сакральном смысле направленное вверх, в небеса, к Богу, к единству – всегда было тем светочем, к которому стремилась русская душа (что наиболее выпукло показали русские славянофилы). “Сознательно или бессознательно, - отмечал Е.Н. Трубецкой, - величайшие представители русского народного гения всегда искали этого света, изнутри исцеляющего и преображающего жизнь как духовную, так и телесную”. Космос, в котором господствует смерть, слепая необходимость, где человек есть раб греха, должен быть мистически преобразован. …И в этом – духовный стержень космичности православного мировоззрения. Православие космично по своему духу, ибо в нем чувствуется дыхание Вечности».

Таким образом, вселенское мироощущение, представление о «жизненосности космических сил» арьев, а затем языческих славян, были перенесены на почву православия с его идеями соборности, спасения всех и преображения. Поэтому появление и проявление феномена русского космизма было подготовлено всей историей русской цивилизации, начиная с древних ее истоков.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 томах. М.: Современный писатель, 1994 (репринт издания 1866-1869 гг.).

2. Афанасьев К.Н. Витрувий и архитектурно-строительные традиции Древней Руси // Естественно-научные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 3-11.

3. Бальбуров Э.А. «Художественная гносеология» Андрея Платонова в свете философских исканий русских космистов // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 1999. № 4. С. 32-39.

4. Башилов Б. «Златой век» Екатерины II // Неизвестные страницы Русской истории. 1998 (http://rus-sky.com/history/library/ekatern.htm).

5. Бердяев Н.А. Спасение и творчество: Два понимания христианства // Путь (Париж). 1926. № 2. С. 26-46.

6. Бодэ А.Б. Поэзия Русского Севера: иллюстрированный обзор существующих памятников деревянного культового зодчества. М.: "Эдиториал УРСС", 2002. 216 с.

7. Васютинский Н.А. Золотая пропорция. М.: Молодая гвардия, 1990. 239 с. (Серия «Эврика»).

8. Введенская Е.В. Утопические идеи в философии русского космизма (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский): Дис. …канд. философ. наук. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2007. 155 с. (Фонды РГБ).

9. Вернадский В.И. Очерки и речи акад. В. И. Вернадского. Ч. 2. Петроград: Науч. хим.-техн. изд-во, 1922. С. 5-40, 77-98.

10. Витрувий М. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф.А. Петровского. Т. 1. М.: Изд-во Всесоюз. Академии архитектуры, 1936. 331 с. (Серия «Классики теории архитектуры»).

11. Грабарь И.Э., Горностаев Ф.Ф. Деревянное зодчество русского Севера // История русского искусства. М., 1910 (http://www.portal-slovo.ru/art/35833.php).

12. Даркевич В.П. Цивилизация Древней Руси XI-XVII веков. М.: Белый город, 2011. 520 с.

13. Демин В.Н. Заветными тропами славянских племен. М.: Фаир-Пресс, 2001. 199 с.

14. Дмитриев Н. Храм как образ мира. 2010 (http://sc1173.narod.ru/konf/projects/hram/index.htm).

15. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Избранные страницы. М.: «Современник», 1989. 555 с.

16. Евсеев А.В., Матвиенко А.Ф. Отчий край. Книга 2. Екатеринбург, 2002. 399 с.

17. Елистратов В. Русский космизм и русский космос // Дружба народов. 1994. № 6. С. 186-194.

18. Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. В 2-х томах. М., 1876-1879.

19. Знаменский Л. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1886. 532 с.

20. Иванов Вяч. И. По звездам. Борозды и межи. М.: Астрель, 2007. 1137 с.

21. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М.: «Москва», 1999. 544 с.

22. Илларион. Слово о Законе и Благодати // Первые книги Святой Руси. М.: «Даръ», 2005. С. 3-48.

23. Ионина Н.А. Сто великих чудес света. М.: Вече, 2008. 528 с.

24. Карпенко М. Вселенная разумная (“Universum Sapiens”). М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2001. 384 с.

25. Кириллова И.А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. М.: Центр книги Рудомино, 2011. 159 с.

26. Криворотов В.А. Космизм и икона // Русский космизм и ноосфера. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М.: Кафедра философии АН СССР, МФТИ, 1989. С. 187–189.

27. Кузнецов С.Я. Православие и архитектура. М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, 2005. 175 с.

28. Куракина О.Д. Поэсис русского космизма: космическая драма отвлеченных начал // Антропос и поэсис. Вып. 1. М.: Ин-т философии РАН, 1998 (http://philosophy.ru/iphras/library/a_p/kyrakina.html).

29. Лесков Н.С. Чертогон // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. М.: Изд-во «Правда», 1973. С. 360-372.

30. Лесной С. (Парамонов С.Я.). Откуда ты, Русь? // Ростов н/Д: «Донское слово», 1995. 189 с. (http://rodonews.ru/knigi/news_1279457686.html).

31. Линник Ю.В. Вознесенье. Петрозаводск: Музей Русского Севера, 2007. 16 с.

32. Линник Ю.В. Зодчество Русского Севера. Петрозаводск: «Полимусейдон», 2009. 32 с.

33. Мехова Г.И. Русское деревянное зодчество. Альбом. М.: Советский художник, 1965. 114 с.

34. Милосердов В.В. Крестьянство России в глобальном мире. Екатеринбург: Изд-во УралГСХА, 2008. 583 с.

35. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура русского Севера. Страницы истории. Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1981. 128 с.

36. Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // Экология и жизнь. 2003. № 1(30). С. 6-10.

37. Мокеев Г.Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства. Под ред. А.А. Барабанова. М.: Ин-т русской цивилизации, 2012. 480 с.

38. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 443 с.

39. Овечкина И.С. Космизм и русское искусство первой трети XX века: Автореф. дис…канд. культурологии. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 1999. 18 с.

40. Островский Г. С. Рассказ о русской живописи. М.: Изобраз. искусство, 1989. 360 с.

41. Платонов А.П. Юшка (В старой деревне) // Происхождение мастера. Повести, рассказы. Кемерово: Книжное изд-во, 1977. С. 125-131.

42. Познер В.В. Прощание с иллюзиями. М.: Астрель, 2012. 480 с.

43. Поселянин Е. (Погожев Е.Н.) Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905. 356 с.

44. Преподобный Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб: Сретенский монастырь, 2002. 287 с.

45. Пфаненштиль И.А. Глобализация и Россия: угрозы и перспективы // Актуальные проблемы глобалистики и геополитики / Под редакцией И.А. Пфаненштиля и М.П. Яценко. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012. С. 54-63.

46. Рассадин С.Е. Первые славяне. Славяногенез. Минск: Белорусский Экзархат, 2008. 288 с.

47. Русский Север: Архитектура души // Деревянные дома. 2010. № 33. С. 88 (http://www.houses.ru/woodhouses/arhiv/2010/33/russkii_sever).

48. Рыбалка А., Синельников А. Тайны русских соборов. М.: Эксмо, 2008. 319 с.

49. Сараскина Л.И. Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 600 с.

50. Сафронов И.А. Русский космизм. Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. 90 с.

51. Слатин Н.В. Влесова книга, русский язык и русская история. Омск, 2000. 65 с. // (http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111139-Vlesova-Kniga-Slatin.pdf)

52. Солоневич И.Л. Народная монархия. Минск: «Лучи Софии», 1998. 504 с.

53. Сорокин Г. Гроза над Кижами: Не пора ли спасать памятник от реставраторов? // Литературная газета. 1986а. 9 апреля. С. 12.

54. Сорокин Г. Кижи: Бремя решений // Литературная газета. 1986б. 10 сентября. С. 12.

55. Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. М.: ФАИР-ЭКСПРЕСС, 2001. 525 с.

56. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М.: URSS, 2010. 368 с.

57. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние. 1982. 168 с.

58. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.

59. Хагемайстер М. «Новое Средневековье» Павла Флоренского // Звезда. 2006. № 11 (http://scepsis.ru/library/id_1261.html).

60. Ходаковский Е.В. Деревянное зодчество русского Севера: Учебно-методическое пособие. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2009. 104 с.

61. Христофор, архим. Древнехристианская иконография как выражение древнецерковного веросознания. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1886. 288 с.

62. Цветков С.В. В поисках славянской прародины. СПб.: БЛИЦ, 2007. 216 с.

63. Черная Л.А. История культуры Древней Руси. М.: Логос, 2007. 288 с.

64. Черняев А.Ф. Золото Древней Руси. Русская матрица – основа золотых пропорций. М.: Белые альвы, 1998. 144 с.

65. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. 3-е изд. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 712 с.

66. Яблонский Э.Г. Космизм как феномен русской культуры // Журнал «Самиздат». 2010. 6 апреля (http://zhurnal.lib.ru/j/jablonskij_eduard_genrihowich/ed567.shtml).

67. Hagemeister M. Nikolai Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. Műnchen: Sagner, 1989. 550 s.

Раздел 4.

ОБРАЗОВАНИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Развитие высшего образования в условиях глобализации

В.И. Кудашов (г. Красноярск)

Стратегии развития – необходимый ориентир для стран, регионов, корпораций и отдельных сфер деятельности. Важно, чтобы образ будущего действительно выявлял происходящие изменения и перспективы мирового развития. В особенности это важно для сферы высшего образования, которая определяет уровень активности и конкурентоспособности общества в долгосрочном будущем. Сложность современной ситуации в интенсификации социокультурных, экономических, технологических изменений в глобальном масштабе, что делает будущее мало предсказуемым. В этой ситуации даже будущее социальных и культурных институтов, имеющих длительную историю и прочные «корни», является неопределенным. Будущее высшей школы, ее роль в сохранении и развитии человеческого капитала, генерации научных знаний, технологических и иных инноваций поляризовано в пространстве прогнозов. На одном полюсе представляют сворачивание ее роли до центров сертификации, выдающих дипломы о высшем образовании в среде сетевых сообществ и инновационных корпораций. На другом полюсе видится картина ренессанса высшей школы, которая станет центральным институтом общества знаний; в этом случае кризис высшего образования – лишь симптом переходного состояния, «болезнь роста».

Кризис высшего образования в мире связан с глобальным переходом от индустриального уклада к постиндустриальным формам жизни общества, и все развитые страны с той или иной степенью остроты его переживают. Это проявляется в размывании функций образовательных институтов, когда со-бытие образования уходит из стен университетов, превращающихся в супермаркеты образовательных услуг или социально-адаптирующие учреждения. В России этот кризис включает разрыв между потребностями рынка труда и получаемыми в вузах профессиональными квалификациями, падение престижа преподавательского труда, необходимость изменения парадигмы образования.

В условиях глобализации высшее образование вышло за национальные границы и стало важным инструментом международного влияния и значительным сектором международного бизнеса. Страны с успешной экономикой и развитой сферой образования получили возможность аккумулировать у себя лучшие интеллектуальные ресурсы через отбор талантливой молодежи. Согласно теории вторичной модернизации Хэ Чуаньци, «первичная модернизация — переход от аграрных эры, экономики, общества, цивилизации к индустриальным, вторичная — переход от индустриальных к эре, экономике, обществу и цивилизации знаний, а также от материальной цивилизации — к экологической» [3, С.238]. При этом «не существует оптимальной модели всемирной модернизации, имеется лишь рациональный выбор. За последние 300 лет некоторые страны сумели удержать свой статус развитых, некоторые сумели попасть в этот список, но часть стран деградировала» [там же, С.234]. Таким образом, разным странам следует вырабатывать собственную модель модернизации и соответствующей системы образования, так как подражание чужим моделям непродуктивно и рискованно.

Образование имеет особое значение для системы национальной безопасности, определяя жизненно важные интересы личности, общества и государства. В российской «Национальной доктрине образования» закреплено положение о том, что национальная безопасность государства в стратегическом плане определяется состоянием его системы образования. В числе важнейших факторов, обеспечивающих и поддерживающих на высоком уровне состояние национальной безопасности, помимо экономического, политического и военного

потенциала, следует выделить систему образовательных институтов. Задачи системы образования в деле укрепления безопасности страны заключаются в обеспечении страны квалифицированными специалистами и комплексном воспитании подрастающего поколения, которому придется отстаивать интересы страны в стремительно меняющемся мире.

Особенно актуальными эти задачи становятся в современных условиях развития российского общества в ситуации глобализации экономики и информационных сетей. Теоретические разработки и практический опыт отдельных государств в сфере образования становятся достоянием все большего числа стран. Вырабатываются общие образовательные ценности, методики и стандарты подготовки специалистов. Интеграция обогащает и стимулирует образовательный процесс, но в то же время предъявляет ему все новые и новые требования, ибо сама международная интеграция в огромной степени определяется образовательным уровнем ее участников. По своему содержанию интеграция образования представляет собой всемерное сближение национальных образовательных систем, их взаимодополняемость, превращение высшего образования в мировую социальную систему. Но интеграция систем образования – это процесс объединения, а не само объединение. Современные интеграционные процессы в решающей степени основываются на качественных показателях развития науки, производства, культуры, уровня общения, а все это, в свою очередь, обусловливается качеством образования.

Важную роль в процессе развития международной интеграции образования играют международное сотрудничество и такие международные организации, как ЮНЕСКО. Международное сотрудничество призвано решать ряд актуальных задач: соблюдение соответствия содержания и уровня образования потребностям экономики, политики, социокультурной сферы общества; выравнивание уровней подготовки специалистов в разных странах и регионах; укрепление международной солидарности и партнерства в сфере образования; совместное использование знаний и навыков в разных странах; содействие развитию высших учебных заведений, особенно в развивающихся странах с помощью финансирования из международных фондов; координация деятельности образовательных учреждений в целях развития высшего образования; стимулирование общего повышения гибкости, охвата и качества высшего образования, способствующего устранению причин «утечки умов»; поощрение конкуренции научных школ и образовательных систем в сочетании с академической солидарностью и взаимопомощью.

Возможности обеспечения национальной безопасности в России сегодня снизились по ряду значимых направлений. Произошло значительное снижение уровня гражданского воспитания и готовности к выполнению важных для безопасности страны задач и обязанностей. Также деформировалось общее ценностное пространство, произошла частичная утрата исторической памяти, что заметно сказывается на уровне образовательных программ и учебно-методических источников. Снизился общий уровень грамотности населения; появились значительные группы молодежи, не прошедшие соответствующей гражданской социализации при обучении и воспитании в аккредитованных институтах и учреждениях образования. Значительно сократились материально-техническая и лабораторная база образования, недостаточно финансируется труд преподавательского корпуса, что влечет за собой его обеднение, сокращение духовного влияния и авторитета.

Образование – система инерционная, с длительным циклом воспроизводства. Реформы дают здесь положительные результаты отнюдь не всегда, а революции – практически никогда. Известно, что последствия «обвальной приватизации» в промышленности измеряются спадом в 40–60% по разным отраслям. В образовании результат, несомненно, будет еще хуже. Государство, которое не финансирует в полном объеме свои собственные образовательные учреждения, откажется финансировать и приватизированные. В России сегодня происходит подчинение высшего образования утилитарным индустриальным целям и требованиям. Миссия высшего образования сводится к удовлетворению ныне существующего рынка

труда, в котором основными работодателями являются современные бизнесмены или чиновники с прагматичным мышлением и материальными интересами.

Тенденции безопасного развития системы образования и общества выходят далеко за рамки философско-образовательной проблематики. Будучи фоновыми по отношению к образовательной сфере в целом и к ее безопасности в частности, социально-экономические и культурные параметры общества оказывают прямое и косвенное влияние на развитие образования. Образование представляет собой органичную составляющую национальной культуры, а концентрированным выражением национальной культуры выступает национальное самосознание.

Конкурентоспособность любой страны зависит от ее природного и человеческого потенциала. При этом многие государства убедительно показали, что даже при бедности первого можно быть в числе передовых. Следовательно, ключевое значение имеет именно человеческий потенциал и, прежде всего, образованность, компетентность, творческие возможности людей в процессе их реализации. Очевидно, что именно интеллектуальный образовательный капитал будет определять вектор и динамику развития стран и их конкурентоспособность на мировой арене. Реальность такова, что глобальная конкуренция между государствами переходит в сферы образования и науки, которые приобретают для экономического роста и развития человеческого потенциала стратегическое значение.

Стратегическая доктрина цивилизации развитых стран заключается в концепции всемерного раскрытия человеческого потенциала через систему образования, за счет чего они получают до 40 % прироста валового национального дохода. Проблема образования становится еще более актуальной не только по причине неблагоприятной экологии и ограниченности природных ресурсов, но и в связи с низким уровнем ресурсосбережения, что усложняет условия жизни нынешнего поколения, но еще более – будущих поколений. Проблема трудовых ресурсов – составная часть национальной безопасности России. Уменьшение трудовых ресурсов можно компенсировать только за счет улучшения их качества, повышая уровень образования.

Совершенствование образования необходимо и с целью перераспределения трудовых ресурсов из сферы материального производства в непроизводственную сферу. Развитие сферы услуг предполагает модернизацию образовательной системы переобучения и переквалификации. Ведущая роль в этом деле принадлежит образовательным учреждениям, но российская высшая школа, занимавшая лидирующее положение в мире, оказалась в трудном положении. В результате невостребованности молодых специалистов, снижения социально-статусных позиций уровня жизни профессорско-преподавательского состава усилилась «утечка умов», что уже сейчас негативно сказывается на экономическом развитии многих регионов России. Угрозу национальной безопасности представляет миграция молодых талантливых специалистов, зачастую оправдываемая интернациональной природой научного знания.

Выполнение требований национальной безопасности России невозможно осуществить, развивая исключительно отдельные сферы промышленности или опираясь на какой-то один регион, они могут быть реализованы только комплексно, и единственно возможный путь на ближайшую перспективу – сохранение, развитие и мобилизация интеллектуального потенциала страны. Возрастание значимости регионов в государственной и общественной жизни страны усиливает значение проблемы географического расположения учебных заведений, в том числе и вузов. С ростом количества университетов появилась другая система организации образования, однако сохранилось неравномерное распределение учебных заведений в стране. Половина всех имеющихся в России вузов расположены в 15 городах, в то время как остальные разместились в 122 городах. В Сибирском федеральном округе, насчитывающем 19 территорий, вузы в основном сосредоточены в нескольких городах – Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерово, Иркутске и Красноярске. При этом наметилась тенденция к ужесточению образовательной политики к филиалам вузов и их сокращению в других населенных пунктах.

Заслуживает внимания создание университетских округов как интеллектуальных центров науки, культуры, образования, воспитания, духовной жизни, в которых будут осуществляться необходимые меры по укреплению национальной безопасности с учетом региональных особенностей. Необходимо адаптировать законодательные базы субъектов РФ к решению проблем региональной политики в сфере образования, подписать соглашение между правительством России и субъектами РФ о разграничении предметов ведения, разработать концепции и программы развития образования в регионах и принять законы, регулирующие соответствующую политику. Актуальным для регионов является нахождение оптимального баланса между автономией высших учебных заведений и потребностями регионального рынка, федеральных и региональных интересов. Реформа требует системности, четкости основополагающих нормативно-правовых актов (которые должны быть доступными и понятными для всех), касающихся социально-правовой защиты преподавателей и студентов.

Какими бы сложными ни были сегодняшние проблемы отечественной системы высшего образования, государство должно четко обозначить приоритетный характер преобразования высшей школы, ее интеллектуальную, научно-техническую, культурную стратегию, что определит облик российского общества и его национальную безопасность в XXI веке. Для этого необходимы кардинальные меры по улучшению материального и социального положения профессорско-преподавательского состава, переоснащение учебного процесса, забота о воспитании, физическом и духовном здоровье студентов, усиление связи производства с наукой, использование возможности влияния образования на преодоление демографического кризиса. Эти меры будут способствовать внутриполитической и геополитической стабилизации как фактору ликвидации угроз национальной безопасности.

В принятой в 2000 г. «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» подчеркивается, что государство призвано обеспечить интеграцию российской системы образования в мировое образовательное пространство с учетом отечественного опыта и традиций, активный выход на рынок образовательных услуг, широкое участие учебных заведений и педагогов в образовательных программах международных организаций и сообществ.

Для решения проблем национальной безопасности России и ее образовательного пространства необходимым условием интеграции высшей школы России в мировое образовательное пространство должно стать сохранение национального опыта, традиций, упрочение и развитие ее несомненных достоинств, к которым прежде всего относится фундаментальность, научность образования. Поэтому следует продолжать поиск оптимальных вариантов последовательной интеграции высшей школы России в мировую систему высшего образования, сохранить все ценное, что имеет российская высшая школа, в то же время осуществить, с учетом международного опыта, востребованные временем изменения, которые позволят обеспечить перспективы развития России в обозримом будущем.

Глобальная ситуация в высшем образовании определяется тем, что различные мировые регионы находятся на разных стадиях социально-экономического развития. Ряд стран Африки, Азии, Латинской Америки находятся в доиндустриальной фазе, и для них будет актуальным достижение массовой грамотности населения, обеспечивающей снижение демографической и межэтнической напряженности, укрепление национальных экономик и повышение уровня занятости населения, включение в мировые процессы производства и потребления, освоение новых технологий и оборудования. В новых центрах индустриального производства (Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, страны юго-восточной Азии) интенсивно формируются системы образования, соответствующие фазе быстрого индустриального развития и связанным с ней процессам урбанизации, роста благосостояния населения и формирования внутренних рынков потребления. Правительства этих стран нацелены на достижение регионального лидерства в высшем образовании и экспорт профессионального образования. В развитых странах формируются системы образования, обеспечивающие социально-экономическое и политическое лидерство, поэтому это образование ориентировано на управленческие и инновационно-технологические виды деятельности, на формирование такого «интеллектуального насоса», который обеспечивает приток талантливых, образованных мигрантов и позво-

ляет концентрировать в этих странах интеллектуальный капитал самого высокого качества. Таким образом, в ближайшие десятилетия в указанных группах стран будут разворачиваться различные сценарии развития систем высшего образования.

На фоне усиливающейся глобальной конкуренции оформятся образовательные ареалы, в основе которых будет лежать родственность языков и культур. По прогнозу ЮНЕСКО [См.1], в экономически неразвитых странах Африки развитыми странами мира будет реализован проект «тотального ликбеза», который приведет к их культурной «оккупации» и обеспечит последующее включение ресурсов этих стран в оборот евро-американского сотрудничества. Наиболее мощными образовательными ареалами будут: европейско-американский англоязычный образовательный ареал; китайский образовательный ареал; испано-латиноамериканский образовательный ареал; арабо-исламский образовательный ареал. В каждом образовательном ареале будет лидирующая страна или группа, экспортирующая высшее образование. На процессы формирования образовательных ареалов будут накладываться процессы глобализации знания и распространения образовательных технологий нового поколения. Для России важной задачей будет формирование русскоязычного образовательного ареала на основе распространения русского языка и традиционных социально-экономических связей со странами Средней Азии и Кавказа, где наблюдается значительный прирост молодого населения, что сделает для них актуальной трудовую и образовательную миграцию.

Рожденная первичной модернизацией стратегия «Просвещения» была реализована в странах с развитой экономикой к концу XX века, в начале XX века начали формироваться сценарии вторичной модернизации: «общество знаний», «инновационная экономика», «креативные индустрии», «информационно-экологическое общество». При этом перестал быть притягательным идеал «человека знающего», пошатнулось убеждение в возвышающей человека силе образования, знания и образованность стали утилитарной ценностью, одним из товаров, предлагаемых потребителю электронными информационными ресурсами. В Европе и США под давлением потребителей создаются упрощенные программы высшего образования, снижается доля студентов, стремящихся к универсальному, избыточному знанию. Немногие высоко мотивированные студенты или аспиранты – это мигранты или их дети, для которых степень магистра или PhD в единстве с реально обретенным высоким уровнем компетентности является ключом к жизненному успеху в новой социально-культурной среде.

Мотивации образования, связанные с распространением творческих, проектных типов профессиональной деятельности, реализуются вне системы учреждений высшего образования. Воспроизводство креативности происходит внутри профессиональных сообществ, проектных команд без формирования заказа институтам образования. Многие университеты утратили позиции лидеров социально-экономического развития и превратились в «супермаркеты дипломов», а характерный для университетов прошлого дух поиска и независимости сменился консерватизмом профессуры и образовательной бюрократии.

Указанные явления вовсе не сопровождаются стагнацией высшего образования как сектора экономики – продолжается рост числа студентов и бюджетов крупных университетов. Но внешнее процветание сопровождается выхолащиванием внутреннего содержания, падением качества, утратой «пафоса» образования. При этом кризис мотивации отчасти маскируется интернационализацией образования и притоком в развитые страны высоко мотивированных студентов из стран с более низким уровнем жизни. Поскольку развитые страны в последние десятилетия формируют новый социально-экономический уклад, их общество формирует новые запросы к институтам, отвечающим за исследования, развитие технологий и человека. Высшая школа получает шанс вновь стать высоко значимым институтом общества, обновив цели и задачи своей деятельности, технологии и организационные форматы.

Можно предположить, что на волне вторичной модернизации будет востребован аналог Просвещения – «вторичное Просвещение» с высокой общественной и личной значимостью познания и образования, но при этом иными по сравнению с классическим Просвещением акцентами. Если «Просвещение.1» с его императивом «учить всех всему» обеспечило массо-

вую грамотность как ресурс для индустриализации, то «Просвещение.2» может сделать массовыми исследовательскую и проектную компетентность людей, их готовность и способность задавать вопросы, искать информацию, анализировать, принимать обоснованные решения. Ожидаемый масштаб экономических, социальных, культурных изменений при этом сопоставим с эффектами перехода к массовой грамотности в 19-20 столетиях.

Высшая школа может стать лидером новой «просвещенческой волны», но может и попасть в аутсайдеры, если будет «консервировать» содержание и формы когда-то очень востребованного образования. Таким образом, происходит «сдвиг» внешнего социокультурного контекста и деформация образования как сферы жизни и деятельности общества. Кризис проявляется и внутри образовательного процесса в виде разрыва между «логикой личного движения» учащегося и «логикой систем знаний». Согласно аналитическому докладу «Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд» в развитии российской высшей школы возможны три сценария [2, С.41]:

1. «Догоняющая модернизация»: рост востребованности кадров для промышленности и сферы услуг, необходимость целевой подготовки магистров для высокотехнологичных секторов; развитие прикладного бакалавриата, профессиональной подготовки мигрантов; поддержка государством группы предпринимательских университетов, тесно взаимодействующих с бизнесом и обеспечивающих модернизацию базовых отраслей экономики.

2. «Достижение локального лидерства»: проведение содержательной реформы образования (сокращение имитации и фальсификации образования, развитие проектной и предпринимательской деятельности студентов в процессе образования); опережающее развитие образования взрослых и представителей старших возрастных групп; образование и инкультурация мигрантов; выделение группы ведущих университетов (федеральные, научно-исследовательские), которые должны стать центрами интеграции образования, науки и инноваций, и совместно с бизнесом обеспечить достижение локального технологического лидерства по ряду перспективных направлений развития экономики.

3. Движение к «когнитивному обществу»: расширение гражданских свобод; снижение роли образовательной бюрократии, формирование сетей лидерских групп и метауниверситетских профессиональных сообществ; создание системы информационно-аналитических интернет-порталов, федеральных и региональных «виртуальных университетов», обеспечивающих доступ к знаниям и образованию представителям всех возрастных и социальных групп; переход к массовому формированию основ исследовательских, проектных, управленческих компетенций; появление крупных региональных университетских комплексов), которые станут центрами технологического и регионального развития.

Определяя стратегии и сценарии будущего высшей школы, придется не выбирать между стремительно устаревающей моделью государственного образования и инновационным университетом предпринимательского типа, а найти оптимальный компромиссный вариант, который не предполагал бы радикального сокращения бюджетного финансирования вузов. Это поможет не только решить финансовые, управленческие и социальные проблемы, но и позволит конструктивно подойти к взаимосвязанным проблемам национальной безопасности и развития российского образования.

Библиографический список

1. Global Monitoring Report on EFA (Education for All). - United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2010. – 45 pp.

2. Будущее высшей школы в России: экспертный взгляд. Форсайт-исследование – 2030: аналитический доклад, под ред. В.С.Ефимова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. – 182 с.

3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / Пер. с англ. Под ред. Н.И. Лапина. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. — 256 с.

Глобализация и изменение ценностных ориентиров российского образования

Н.В. Наливайко (г. Новосибирск)

Глобализацию мы понимаем как процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, основными характеристиками которого являются мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты денежных, человеческих и производственных ресурсов. Глобальные проблемы современности, в том числе в образовании, представляют собой единую, динамичную и непрерывно изменяющуюся систему, которая является открытой. А. Печчеи писал в свое время, что многие проблемы, вставшие перед человечеством, «сцепились друг с другом, подобно щупальцам гигантского спрута, опутали всю планету <….> число нерешенных проблем растет, они становятся все сложнее, сплетение их все запутаннее, а их "щупальца" с возрастающей силой сжимают в своих тисках планету» [1, с. 7]. Вместе с тем объективно положительной стороной глобализации является становление глобального информационного пространства, усиление взаимосвязи образовательных систем, рост значимости качества образования и др.

Современные тенденции, реализуемые в процессе модернизации образования в России, представляет собой составную часть мирового процесса глобализации, что порождает схожесть проблем и вариантов их решений. Мир стремится к единству, стирая границы, существующие в самых различных областях той или иной страны - от экономики и управления до стереотипов индивидуального поведения.

Каковы основные направления влияния глобализации на образование? Во-первых, глобализация способствуют интеграции и интернационализации образования, созданию мирового образовательного пространства с едиными стандартами и критериями оценки образовательного продукта, формированию мирового рынка образовательных услуг. Процессы интеграции и интернационализации национальных систем образования - два взаимосвязанных, но не совпадающих процесса. Интеграция есть движение к созданию целостной системы мирового образования (создание единого образовательного пространства в странах СНГ и Болонский процесс в Европейском регионе). Интернационализация - это процесс развития международных связей в образовании (через использование общих стандартов образования, дистанционных образовательных технологий, системы открытого образования, обмена студентами, преподавателями, конвертируемости дипломов и др.).

Интернационализация образования направлена на сближение национальных систем, нахождение и развитие в них общих универсальных концептов и компонентов, тех общих оснований, которые составляют основу разнообразия национальных культур, способствуя их взаимообогащению. Ни то, ни другое не отменяет диверсификацию образования, связанную с организацией новых образовательных учреждений, с приданием образовательных функций общественным учреждениям, с введением новых систем управления и финансирования, направлений и методов обучения.

Появление транснационального образовательного пространства не лишает людей национальной принадлежности. К примеру, европейская интеграция осуществляется между странами, имеющими общеевропейское сходство и равный уровень развития. В условиях глобализации сохраняется территориальные и культурные границы стран, историческая память отдельных обществ, но появляется возможность работать за пределами своей страны, возрастает общность культурных стандартов, возможность стать членом объединенной системы, растет взаимозависимость. Глубоко прав В. В. Миронов, который пишет, что интеграция тогда позитивна, когда реально осуществляется при относительном равенстве систем, равенстве не только в образовании, ноги в экономике, управлении: «...Пока системы различны, и, прежде всего, экономические и политические, рассуждения о реальной интеграции в отдельно взятой сфере, по крайней мере, наивны» [2, с. 59].

Попытка создать интегрированную европейскую образовательную систему- это решение геополитической задачи объединенной Европы. «Неграмотная и поспешная реализация процесса интеграции может привести к необратимым потерям специфики национальных систем образования. На уровне деклараций с болонскими принципами трудно спорить. Декларируется расширение доступа к европейскому образованию, повышению мобильности студентов и преподавателей. Все это должно

способствовать формированию европейской идентичности. Правда, сразу возникает философский вопрос, а всегда ли идентичность хороша, а не более ли привлекательной может быть разнообразие. Единство разнообразного всегда богаче упрощенной идентичности, а тот факт, что образовательное пространство содержательно упрощается, по-моему, ни у кого не вызывает сомнения. Единство не должно означать тождества, а, напротив, предполагает сложную и гибкую модель, включающую различные подсистемы. Это единство разнообразного, а не единство однообразного, то есть "мертвого" единства, выражаясь философским языком. Любая система более эффективна и в большей степени подвержена развитию, если ее элементы дополняют друг друга, а не отрицаются путем подчинения» [2, с. 57].

Вместе с тем образование России сегодня подвергается мощным глобалистским трансформациям: средства, затраченные на воспитание и образование поколений российских специалистов, используются другими странами, давая там высокий экономический и социальный эффект. Мы убеждены, что перспективное будущее страны возможно, если в нем ведущая роль принадлежит фундаментальному знаниевому потенциалу здорового самовоспроизводящегося образованного патриотичного населения, руководимого заботящейся о нем государственной властью.

В сентябре 2003 г. Россия официально присоединилась к Болонскому процессу. Педагогическая и научная общественность весьма неоднозначно отнеслась к данному факту. В дискуссиях на эту тему представлен весь спектр мнений: от резко отрицательных до сугубо положительных. Один из основных аргументов противников Болонского процесса состоит в том, что из-за несоответствия структуре российского рынка труда предлагаемой участниками процесса двухступенчатой структуры высшего образования (бакалавриат - магистратура) многие российские университеты, формально перешедшие на двухступенчатую систему, предпочитают выпускать специалиста, который выше бакалавра и качественно соизмерим с магистром. Болонский процесс для России становится вариантом «мягкой власти», средством повышения своей привлекательности и конкурентоспособности в мировом масштабе и возможностью использовать самый ценный национальный ресурс - человеческий потенциал. Процесс глобализации одновременно включает механизмы локальной культурной, национальной дезинтеграции, которые могут оказать разрушающее влияние, вплоть до полной потери идентичности с собственной культурой.

Во-вторых, усиливается процесс сближения западных и восточных образовательных традиций - сложный и весьма противоречивый. Противоречивость обусловлена тем, что образовательные традиции значительно отличаются друг от друга. Если западная традиция в качестве цели образования провозглашает формирование активной личности, то восточная (православная) культура делает акцент на духовном развитии личности, ее самосовершенствовании. Если коллективная ответственность, уважение к старшим, патриотизм для восточных культур первичны как ценности, то для Запада они являются вторичными или не столь существенными. С позиции западной культуры деятельность человека направлена вовне, на преобразование предметов, а не на самого человека. Восточное общество в образовании ориентировано на традиции; изменения в восточных образовательных практиках связаны с индивидуализацией систем знания, но обязательно сохраняются базовые социальные, этические и другие принципы и традиции. Статус знания очень велик. «Сравнительный анализ механизмов наследования в западной и восточной системах образования свидетельствует о наличии между ними существенных различий, - пишут авторы. -Так, на Западе решающую роль играют содержательно-формальные трансформации образовательных технологий. Состояние знания занимают подчиненное положение, выполняя функцию дополнительного средства изменения технологической составляющей образовательной практики. Преемственность обеспечивается преимущественно посредством формального закрепления транслируемых ценностей. Каждому историческому типу западного общества соответствует обязательный минимум знаний, которые имеют строгую формальную упорядоченность. В восточных же системах образования специфика образования заключается в том, что преемственность достигается прежде всего путем сохранения и воспроизводства базовых цивилизационных принципов, знаний и ценностей, которые одновременно являются базовыми принципами содержания обучения и воспитания. Основной способ воспроизводства этих принципов - индивидуализация состояния базовых систем знания» [3, с. 48-53].

В-третьих, глобализация кардинальным образом влияет на региональные тенденции развития образования, выдвигая на передний план требования к технологическим и социальным инновациям, к умению эффективно действовать в быстро меняющейся транснациональной среде. Главным препятствием на пути интеграции регионального образования в мировое образовательное пространства является территориальная и управленческая разобщенность субъектов федерации в огромной России и резкие различия в уровне развития культурно-образовательной среды. Например, если взять сибирский регион, то современные сибирские субъекты РФ не имеют ни средств, ни властных полномочий, чтобы реализовывать крупные проекты развития Сибири («транспортные коридоры» в виде Севморпути, Транссиба, кросс-полярных воздушных трасс; экспорт газа и электроэнергии в страны АТР) и совершенствования сибирской научно-образовательной системы. «Политика выживания и активная инвестиционная деятельность несовместимы» [4, с. 86-88]. Здесь «работают» не региональные, а трансрегиональные корпорации, в функциях которых трудно рассмотреть заботу о решении региональных проблем. Поэтому вписать Сибирь и ее научно-образовательный комплекс в новый глобальный мир и его образовательные стандарты можно только с помощью и при большом желании федерального центра.

Открытое образование ориентировано на подготовку обучаемых к полноценному и эффективному участию в общественной и профессиональной областях в условиях рыночных отношений. Придание системе образования качеств открытой системы влечет кардинальное изменение ее свойств в направлении большей свободы при планировании обучения, выборе места, времени и темпа, в переходе от принципа «образование на всю жизнь» к принципу «образование через всю жизнь». На практике эта система реализуется с помощью сетевых технологий. Первоначально сетевые технологии обучения получили широкое распространение среди представителей тех возрастных и социальных групп, которые вынуждены отдавать предпочтение обучению без отрыва от основной трудовой деятельности. Сегодня открытое и дистанционное обучение предоставляет возможность различным группам населения с помощью Интернет получить дополнительное образование. Развитие системы дистанционного обучения в России только начинается, но, несмотря на это, количество образовательных учреждений, отделений и центров дистанционного обучения на территории РФ растет с каждым годом. В системе российского образования использование информационно-коммуникационных технологий чаще встречается в негосударственной системе образования. Однако многие российские университеты активно используют информационные и сетевые технологии в системе очного обучения. В результате этого более эффективное использование современных образовательных технологий в традиционной системе образования постепенно ведет к тому, что будет стираться грань между очными, заочными и дистанционными формами обучения, что и является характерной чертой системы открытого образования.

Влияние глобализации на культурно-образовательное пространство, включающее аксиологическую природу развития современной системы образования, не противоречит традиционным убеждениям в основных качественных характеристиках российской образовательной парадигмы, которые должны быть сохранены в любом случае. Во-первых, российское образование должно быть целостным и многоуровневым, передовым, культуросообразным своей истинной истории. Во-вторых, оно должно быть образованием в широком смысле, как воспитание-образование. В-третьих, быть всеобщим, так как только культурное и образованное население страны способно реализовать те сложнейшие задачи развития социума XXI в., которые ставит перед ним государственная власть. В-четвертых, органично сочетать мировоззренческо-идеологические, социогуманитарные и научно-технические блоки знаний. В-пятых, заключать оптимальое сочетание социокультурных традиций и новаций, направленных на процветание Отечества, сохранение его природы и паритетное отношение с.другими государствами мира. В-шестых, постоянно осваивать и ассимилировать лучшие мировые достижения во благо своего народа и мирового сообщества на пути решения глобальных проблем человечества. В-седьмых, уметь противостоять агрессивным, экстремистским и другим разрушительным воздействиям как изнутри, так и извне. Быть открытым мировому сообществу, соучаствовать в создании и реализации мировых социокультурных проектов облагораживания жизни людей и планеты в целом.

Для глубокого философского осмысления основных ориентиров мировой, региональной и национальной образовательной политики назрела потребность в создании новой, возможно всемирной философии глобального образования. В общих чертах эту философию попытался осмыслить И. П. Савицкий [5]. Однако в воздухе повис вопрос: на какой методологической основе можно создать такую философию в условиях плюрализма философских школ и концепций, каждая из которых претендует на абсолютную истинность своего понимания демократии и справедливости, добра и зла? Необходимо создать единую мировоззренческую систему с новым толкованием фундаментальных понятий бытия и сознания, мира и человека. Только на этой основе станет возможным создание всемирной философии образования, которая даст верный импульс образовательным реформам, вернет образованию его исконные задачи формирования ответственной и нравственной личности, включенной в прошлую, настоящую и будущую культуру человечества.

Библиографический список

1.Печчеи А. Человеческие качества. - М.: Прогресс, 1990.

2.Миронов В. В. Модернизационные процессы в управлении образованием //Вестник РФО. - 2008. - № 2. - М.: РАН.

3.Ушакова Е. В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия. - Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. - Ч. 1.

4.Кудашов В. И, Российское образование в глобальном мире // Философия образования. - 2006. - № 2 (16).

5.Савицкий И. П. О философии глобального образования // Философия образования для XXI века: сб. ст. - М.: Логос, 1992.

Духовные ценности и космо-антропология детства

А.А. Грякалов (г. С.-Петербург)

Обращение к всеобъемлющему космосу детства предстает как поиск устойчивых констант существования. Ведь если «идеология современности» оказывается единственной точкой отсчета, то традиция лишается ценности и жизненной силы. Без своего места и времени оказывается в таком случае и великая тема Отечества.

Традиционные смыслы и ценности образуют глубинную архитектонику сознания, воздействующую на этнопсихологические и социокультурные стороны детства. Поэтому в первую очередь должен быть учтен опыт *традиции, культуры и духовности.* Основные параметры национального воспитания *-язык, песня, молитва, сказка, поэзия, история, территория* (И.А.Ильин). Необходимейшим пунктом национального воспитания является исходное «пробуждение в языке» - пребывание в языковом космосе. В нем формируются самосознание и личностная память ребенка. При этом важен тот язык, на котором обращаются к ребенку и на котором он выражает собственное внутреннее состояние. Песня, согласно Ильину, есть превращение аффекта в творческую эмоцию («Хоровое пение национализирует и организует жизнь - оно призывает человека свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении»). Национальная идентичность может быть существенно скреплена идентичностью религиозной («молитва есть языковое закрепление определенной формы чувствительность в ее религиозном горизонте»), а сказка дает первое «чувство героического» и при этом формирует представление о порядке и образе мира. Даже *идея* Родины возникает, согласно Ильину, из недр семьи. Основная задача воспитания в том, чтоб ребенок получил доступ ко всем сферам духовного опыта. Традиция предстает не только как ценностный фон, на котором определяются приоритеты будущего, но более всего как бытийное основание существования. Вопрос об

ориентирах воспитания глубинно связан с представлениями о месте человека в мире и в истории, вере и знании, смысле жизни, смерти и бессмертии.

Для отечественной мысли о человеке значим опыт *педагогической антропологии,* когда воспитание соотнесено с «вопросами жизни» (Н.И.Пирогов): речь в таком случае идет о воспитании как проникновении в особенности природы и культуры человека. Особенно отечественный опыт актуален в современной ситуации раздробленности и фрагментарности - восстановление традиции в определенной степени возможно посредством обращения к *антропологии детства,* В основу может быть положено не представление интенсивности, значимое для (пост)модерна, а формирование особого рода обозримой социальной пластики - *жизни.* И это предопределяет формирование специфической логики, что дает возможность представлять фрагментарный мир в топологическом единстве.

Особую значимость имеют евразийские идеи «новой русской науки» (Н.С.Трубецкой), в которых актуализирован феномен неповторимого своеобразия культур. Личность как особого рода событие не совпадает ни с одним из этих рядов и в то же время есть *связь* и *совокупность* всех их. Физическое окружение («природа территории») и «плотская сторона» существования предстают как коррелят «иерархии личностей», при этом вопрос о первичности детерминации «вынесен за скобки». Научный и философский синтез не задан, а *дан* в процессе дескрипции, самое знание становится особого рода событием согласования, где сохранены различия и динамические инверсии и учитывается наличие смысловых *границ.*

Основные смыслы, в которых соотносятся *философия и детство* (сближение образов мудреца и ребенка, творчества и детскости, искусства и детской игры) достаточно истолкованы и исчерпаны. Но уже в классической культуре и философии интерес к детству представлен не только в феноменальном, но и ноуменальном измерении: «детскость как тайна».

Поэтому философия детства не является суммарным знанием всех позиций, в которых анализируется детство. Космос детства имеет особенный порядок и особую гармонию. Нужно понять детство как феномен в его особенной несводимости при всем учете культурно-исторических и тендерных характеристик. Задача философии детства - установление родовых особенностей природы детства, но в ней представлен опыт совместности существования и культуры. Важно понять, что действительно *есть* детство как особенное состояние человеческого существования. И если справедливо соотнесение образов *детства* и *гения,* то нужно помнить, что гений всегда хранит неповторимое место и время жизни. Нужно внимать детству, а не идеологическим - почти всегда корыстным - проектам объяснения.

Вопрос о детях в современном обществе - это представление актуальной «точки тревоги». Как узнать, что в действительности думает общество? - надо понять, что и как оно думает о детях. Детство оказывается своеобразным аналогом социума: негативная проблема заброшенности и отсутствия гарантий принципиальным образом детерминирует не только индивидуальное и общественное сознание, но и социальное бессознательное («Родина-мачеха»).

Кризис традиционной педагогической метафизики - хотя нужно говорить, скорее, о кризисе идеологической педагогики - оказывается вполне совпадающим с тем, что происходит в культуре и философско-гуманитарном знании («кризис философии», «кризис истории», «смерть автора», «смерть человека» и. п.). *Транспедагогика* не предполагает отчетливой предметно-содержательной локализации, но способна более или менее целостно представлять фрагментарное и лишенное унификации воспитательное пространство. В одном временном интервале сосуществует множество содействующих и противодействующих установок: теряет актуальность представление о центричности. Транспедагогика не имеет институции на уровне социокультурной реальности, говоря иными словами, ее непосредственно нигде не видно. Она не имеет идеального нормативного воплощения. Можно даже говорить о своеобразном антинормативизме: транспедагогика представляет сферу активного взаимодействия - это зона непрерывного возникновения смыслов (цепная реакция, трансформация, вирулентность, смещение, распад, замена одной сферы воздействия на другую, смешение жанров). Подобно тому, как все затронуто политикой, спортом или сексуальностью, все становится сферой образовательного и педагогического приложения. Материалом для транспедагогического воздействия

оказывается *повседневность* с ее предельной поляризацией ценностных представлений. Транспедагогическое пространство оказывается во многом вне зоны педагогического влияния, становясь самодостаточным воспроизводством жизненных ценностей. К тому же возможность непосредственного воздействия на (виртуальную) среду существования («управление жизнью и смертью») превращает ребенка в самодостаточное существо. Он оказывается перед необходимостью решать проблемы, которых в принципе не может решить - с легкостью совершаемое виртуальное действо («символическое») далеко не всегда может быть адекватно перенесено и воспроизведено в жизни («реальное»). Происходит случайное и зачастую бессмысленное размножение «проектов» осуществления - чистая циркуляция воздействия при отсутствии ориентирующего вектора.

Особую значимость транспедагогика имеет для мегаполиса, где «элитарное» и «массовое» предельно противостоят друг другу. Самое заветное *свое* способно оказываться *чужим.* Ведь то, чем город способен образовать и воспитывать, находится преимущественно в прошлом или в недоступном настоящем. Называть «культурной столицей» город, в котором десятки тысяч беспризорных детей? - вряд ли это «навязчивое говорение» может быть гуманистически оправданным. Встает вопрос о *жизненном мире* детства и соответственно вопрос об *антропологии детства. Прошлое* влияет опытом традиции и инерции, *будущее* воздействует как проект, но осуществляется детство всегда как событие *настоящего:* «космос есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения» (Платон). Детство существует в особом месте с особым ландшафтом, мифологией и культурой, идеологией собственных представлений об идентичности и стратегией прогностических предпочтений.

Детство *столицы* и детство *провинции:* конструктивное дополнение или потенциальный конфликт? Детство *богатых* и *бедных:* возможности образования, отдых, отношение к музею, отношение к войне и армии? Жизненный мир сводит в себе непосредственную телесность («общее тело») и образы сосуществования. Переодевание, трансвеститизация, изменение пола, актуализация темы тендера при всех различиях свидетельствуют о создании гипнабельных сообществ, что усилено актуализацией темы *аутизма* и *одиночества.* Происходит десакрализация ценности и дегуманизация отношений, вещи *«als ob»* отпадают от Бога и от человека. Более того, традиционный положительно окрашенный материал может оказаться представленным как предельно ущербный («голая пионерка», «голодное время», «криминальная столица», «самцы и дети» и т.п.

Сегодня нет единой смысловой последовательности, в которую могут быть уложены «объяснения детства». Утрачивается преемственность и целостность в понимании: детство оказывается как бы отчужденным от самого себя -этот эффект отчуждения находится в общем контексте модернистской множественности. В целом вместо классического *повествования* формируется дискретный *«видеоряд»* детства, что соответствует положению самого детства в мире - формирование сознания детства катастрофически множественно, фрагментарно, не может быть сведено к одному рассказу, не укладывается в одну объясняющую схему. Это достигает предела в ситуации конфликта и войны, бедности и бездомности. Беспризорник - образ трагического предела детства.

Очевидными становятся непримиримые данности: богатство и бедность, здоровье и болезнь, семья и сиротство, свои и чужие. Отсутствует единое поле объяснения и понимания. В пределе возникает *идея* детской шизофрении - невозможность объяснить и понять сосуществование различных миров ценностей и смыслов. Целостный рассказ невозможен - времена распались. Визуализирована *идеология детства,* оттеснившая классическую *философию детства.* Й этот разбор формальной схематики необходим как ход к пониманию того, какова структурная природа сегодняшних возможностей «сборки» детства. Поддается ли философскому осмыслению сегодняшнее существование детства - при всей значимости экономических, политических и социальных аспектов детства это вопрос далеко не второстепенный. С помощью какой философской стратегии можно помыслить детство?

В ситуации модерна «большая педагогика» необычайно скучна - большие романы-наррации невозможны. Раздроблено сознание современников - не видят целостности, видят интенсивно действующие «фрагменты». Детство оторвано от времени и истории, от героики, от родины. Образовавшиеся изолированные фрагменты социальной жизни обретают автономию - происходит фетишизация детства и его характеристик («детский шоубизнес»). Детство утрачивает свою феноменальность и способно превращаться в особого рода симудятивное представление. Формируется особого рода социальная чувственность, настроенная на зачарованность фрагментарным и эпизодическим - *детское* выступает как то, что может быть агрессивно освоено и подчинено. Детство вмонтировано в стратегии рекламы, бизнеса, политические программы, войны и этноконфликты. Оно необходимо лишь как компонент чего-то *другого* - на основе монтажа-противопоставления может быть показан очевидный смысл. Нет больше философии истории детства - время детства проваливается в «монтажные дыры», - в провалы очевидных идеологизированных смыслов. Детство становится значимо не само по себе, а как монтажная единица, видеоклип, фрагмент видеоряда.

Детство «не хочет» раствориться в модели продуктивной культуре, галопировать вместе с рекламой, плодиться подобно компьютерному вирусу. Событие детства - против культурного клонирования. Культура анализирует детство, но она сама подвергается встречному «анализу» с его стороны. Детство как бы возвращает *дар* в мир. Взрослый мир одаривается детством. Область социально-антропологической эмпатии: важно не то, что непосредственно приносится в дар, а самая возможность обмена и дара.

О чем детство говорит? Космос детства как особого рода порядок всему и всегда предшествует - в отношении к нему все интерпретации, закрывающие «цикл детства» - от идей «чистой доски» и «врожденных идей» до «психоаналитических комплексов» и тендерных штудий - выступают лишь как формулы определенной и относительной современности. Тут сам вопрос о детстве ведет к истокам: традиционные смысложизненные ценности, связанные с национально-культурным представлением мира, образуют глубинную архитектонику сознания, воздействующую на этнопсихологические и философско-образовательные стороны детства. Для отечественной традиции важно понять собственный событийный *исток.* «Детскость» России неотделима от опыта интенсивности органического переживания.

В центр внимания при обращении к *космосу детства* положена аналитика жизненного мира с ясным пониманием того, что детство является органической данностью, с одной стороны, и с другой - продуктом социализирующего воздействия. Актуализация антропологии означает рост внимания к жизненному миру детства. Сущности и смыслы предметны и телесны - в пределе «всякая жизнь есть жизнь тела. Так формируется представление о духовно ориентированной *космо-антропология детства.*

Глобализация российского образования: смысл и ценности процесса

С.И. Черных (г. Новосибирск)

Переход в новую экономику и новую информационную сферу XXI века, обусловили необходимость новой инфраструктуры и обновления социальных институтов, в ней функционирующей. Система образования – один из самых важных социальных элементов инфраструктуры и поэтому она подвергается сегодня особенно радикальному реформированию. «Заводская модель» образования, которая характеризуется тем, что это «… модель надзора за человеком, планирования, как люди исполняют обязанности и действуют…», прекращает эффективно работать [1, с.6]. Это определяет необходимость разработки оснований новой, «информационной», модели образования. Теперь уже не только в применении к региональным образовательным пространствам, но и к мировому образовательному пространству в целом.

Новые закономерности развития образования, порождаемые процессом глобализации и информатизации, влекут за собой необходимость широкой философской рефлексии в этом направлении. Основой этих разработок является рассмотрение «… социальных последствий наступающей технологической эры на заре её становления, до того как произойдет перестройка всех сторон нашей жизни»[2, с. 16]. Понимание того, что «… три фундаментальных предела (идентификационный, коммуникационно-сетевой, полного времени существования исследования культурно-цивилизационной системы)»[3, с. 66] являются основаниями новой парадигмы образования, позволяют сегодня (в аспекте приближения – С.И. Черных) концептуализировать смыслы и ценности влияния процесса глобализации на реформирование российского образовательного пространства. Эту попытку мы и предпримем.

Современное российское образовательное пространство можно рассматривать с самых разных позиций и точек зрений. Обширность литературы, научной, околонаучной, публицистической, «зашкаливает» пределы. И это не случайно, так как «самой большой отраслью экономики становится здравоохранение, и вместе с образованием и наукой они дают основной спрос на новейшие технологии». Так считается советник Президента России, один из ведущих российских экономистов С. Глазьев [4]. Само образование становится не только ценностью, но и смыслом воспроизводства цивилизации как культурного феномена, а борьба за лидерство и «ареал» распространения тех или иных принципов его ценностных оснований «ареной» противостояния (в известном смысле конечно – С.И. Черных) последних.

Сегодня ценностные основания образования также приобретают цивилизационный характер. В силу этого национальные образовательные пространства и образовательные сообщества, имея целью сохранение национальной идентичности, вынуждены принимать нелегкое решение: «раскрыться» полностью и принимать «интервенцию» иных, зачастую враждебных смыслов и ценностей, либо «закрываться» и стагнировать в отрыве от мирового образовательного сообщества.

В этом выборе перед Россией стоят действительно нелегкие задачи, решение которых связано с существованием ряда серьезных противоречий, культивированных в российском образовании за последние 25-30 лет. Вот некоторые из них:

- Сегодня уровень образования в России – один из самых высоких в мире, так как доля населения без образования и с начальным общим образованием составляет менее 2%. По охвату общим образованием население в возрасте от 7 до 17 лет (99,8%) Россия превосходит большинство стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Россия входит в число мировых лидеров по численности студентов среднего и высшего профессионального образования (на Западе – третичное образование типов «А» и «В»). Это с одной стороны. С другой стороны, технология longlife-learning, которая обеспечивает в условиях информационного общества вертикальную и горизонтальную коммуникацию и «сетевую» мобильность а, следовательно и качество образования, не превышает 22-23%. На Западе, в экономически развитых странах этот процент достигает 60-70%;

- Россия резко отстает от развитых стран мира по: 1) качеству решения проблем раннего развития; 2) качеству предшкольного образования, то есть образованию ребенка до школы, обеспечивающему, с одной стороны, развитие его способностей, а с другой – его успешную социализацию; 3) по выполнению одной из основных функций образования – социальному лифтингу, так как образование начинает воспроизводить и закреплять социальную и культурную дифференциацию. «По читательской грамоте, пишет Ирина Абанкина, директор Института развития образования НИУ ВШЭ, (понимание текста, умение отвечать на вопросы) наши четвероклассники – вторые в мире, причем с минимальным отрывом от победивших школьников из Гонконга. По знанию предметов (математика, естественные науки) российские 8-классники в пятерке лидеров. К сожалению, к окончанию школы результаты ухудшаются. 15-летние учащиеся из России по способности к применению знаний в жизни, логическим выводам пока в группе стран с результатами ниже средних. В исследованиях участвуют школы всех типов, в том числе и сельские, из 45 регионов страны. Но если в Рос-

сии 19% школьников показывают высокие результаты, то у лидеров (Южная Корея, Япония, Сингапур) умников – 30%»[5, с. 31].

- Поскольку институт образования, являясь главным субъектом в сфере ценностей, целей и путей их достижения, приобретает свойства устойчивости и стабильности своего развития и саморазвития только тогда, когда использует как внутренние, так и внешние присущие ему качества, нельзя не упомянуть и то, что «по показателю расходов в расчете на одного обучающегося по отношению к ВВП на душу населения Россия уступает большинству стран ОЭСР…. Серьезным вызовом единству образовательного пространства Российской Федерации становится и отставание рядов регионов в реализации новых организационно-экономических механизмов, новых подходов к обучению и воспитанию …, а среда «агентов инноваций», «проводников модернизации» в высшей школе только формируется»[6,с. 14-17].

Заключение, которое следует из вышеперечисленного, достаточно очевидно: необходимо формирование новой институциональной модели российской системы образования. В проекте «Программы …» подчеркивается, что «Важнейшим элементом этой модели является открытость, вовлечение общественности и всех заинтересованных субъектов»[6, с. 18].

Эти три позиции и составляют смыслы новой модели образования. Начнем с открытости. Концепт «открытого образования» - более чем тридцатилетней давности, основными установками которого явились интерпретированные к образованию принципы «открытого общества». Основными из них явились: доступность образования для всех, свобода выбора условий для обучения, самоорганизация и саморазвитие образовательного процесса. Однако сегодня, в условиях информатизации, концепт «открытого образования» приобретает новые «краски», некоторые из которых изложены в известной серии статей А. Фурсова [7], который напрямую связывает «открытость» образования с «… интересом определенных групп и ведомств страны произвести на свет некое новое образование…», в котором «… смыкается интерес нынешних хозяев мирового рынка, которые в 1995 г. устами президента Клинтона произнесли знаменитую фразу: «Мы позволим России быть. Но мы не позволим ей быть великой державой» [8]. Цель сегодняшней «открытости» - перенос смыслов образования как социального процесса в «сеть», формирование «homo retis» (сетевого человека), лишенного чувства национальной, психо-исторической и цивилизационной безопасности как личностных ценностей.

Судя по принятому уже «Закону об образовании в Российской Федерации» и проекту «Программы …» А. Фурсов не так уже далек от истины. В проекте «Программы…» о целях и задачах новой институциональной модели образования читаем: «Целью Государственной программы является: обеспечение соответствия качества российского образования меняющимся запросам населения и перспективным задачам развития российского общества и экономики». Задачи: 1) формирование гибкой, подотчетной обществу системы непрерывного профессионального образования…; 2) Развитие инфраструктуры и организационно-экономических механизмов, обеспечивающих … доступность услуг образования…; 3) Модернизация образовательных программ …; 4) Создание современной системы оценки качества образования … [6,с. 5]. В рамках решения этих задач выделены следующие приоритеты: обеспечение доступности дошкольного образования; повышение качества результатов образования на разных уровнях; развитие сферы непрерывного образования, включающей гибко организованные вариативные формы образования и социализации на протяжении всей жизни человека; модернизация сферы образования в направлении большей открытости, больших возможностей для инициативы и активности самих получателей образовательных услуг, включая обучающихся, их семьи, работодателей и местные сообщества через вовлечение их как в управление образовательным процессом, так и непосредственно в образовательную деятельность; укрепление единства образовательного пространства России … и (в том числе - С.И. Черных) проведение единой политики в области содержания образования … [6, с. 20-23].

Как видим из сферы приоритетов элиминировано воспитание и как смысл и как ценность, имманентно присущая образованию в его цивилизационном дискурсе. Между тем, как справедливо отмечает С.А. Макаренко: «… образование как социальный институт (в условиях глобализации – С.И. Черных) имеет двойственный характер. С одной стороны, образование призвано транслировать традиционные ценности конкретного общества, а с другой стороны – оно готовит молодых людей к жизни в будущем», и следовательно, воспитывает молодежь как носителей «… субъективной, то есть зависящей от воли и желания людей, стороны глобализации», которая предполагает «… соответствующую идеологию, практику и механизмы. Ключевым механизмом той формы глобализации», подчеркивает СА Макаренко, - «которую мы имеем, является, последовательное отстранение от всех местных интересов, норм, традиций» [9, с. 21, 22, 23]. В этом же плане весьма интересен тезис С.И. Черных и В.И. Паршикова о том, что логика развития современного образовательного пространства: «… должна превращать истинные знания профессионала в гуманитарные знания личности; речь идет об отношении субъекта к тем ценностям и смыслам, из которых он исходит сам как мыслящий субъект и которые он же утверждает»[10, с. 234].

В традиционной парадигме образование рассматривалось как диалектическое единство обучения и воспитания, при котором обучение дифференцировалось на другое единство – знания, умения, навыки. Сегодняшняя парадигма образования как процесса основывается на компетенциях (знаниях, умениях, владениях), а воспитание – преимущественно рассматривается как обретение личностной идентичности. Результирующая такого рода симбиоза пока не ясна. Но уже сегодня понятно, что в условиях глобализации и информатизации формирование «человека сети» требует от философов новых концептуальных форм того, что раньше именовалось «воспитание». «Развитие современного педагогического образования», - считают С.И. Черных и В.И. Паршиков, - «базируется уже не только (и не столько – С.И. Черных) на развитии познавательных способностей, так как не они сейчас выступают в качестве культуроформирующих, а на способности (личности – С.И. Черных) определять границу значимого и незначимого, на способности делать выбор. Именно эта способность становится культуроформирующей» [10, с. 234]. Иными словами, смыслы воспитания, как и само воспитание, подлежат реформации как и образование в целом. Традиционное воспитание, ценности которого в традиционной парадигме образования представляли причудливую смесь христианства и «Кодекса строителя коммунизма», рассматривали воспитание как функцию государственной политики в области образования. Сегодня воспитание человека как формирование его способности к выбору имеет: а) преимущественно стихийный характер и б) отдано «на откуп» самому «делателю» выбора.

Это ставит под реальную угрозу формирование того вида идентичности, которое «необходимо» и «выгодно» государству. Раньше всего это поняли в Китае, где (не считая тоталитарных режимов типа КНДР) сумели добиться в условиях глобализации сохранения диалектического единства обучения и воспитания в форме «национальной идеи». Китайская национальная идея «уходит корнями в древние века, ко временам Конфуция», считает зам. директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН, проф. Андрей Островский. «Ее главная цель – достижение общества всеобщего единения («датун»). До 2020 года должно быть построено общество малого благоденствия («сяокан»). Второй этап - общество всеобщей зажиточности («фуюй») к 2030 году, а еще через 20 лет общество всеобщего единения» [11]. Так китайцы намереваются завершить начатую в 1978 году экономическую реформу, которая переросла в социальную, а в перспективе в национальную идею, которой подчинена деятельность всех – от отдельного человека до государства в целом. Можно говорить о специфике «восточного менталитета» и так далее, но даже из этой кратко изложенной программы ясно, что без воспитания национальной идее не только «сбыться», но и сформироваться невозможно. Именно этим объясняется то, что «физическая» безопасность страны определяется в условиях глобализации не только (а может столько – С.И. Черных) её экономической мощью, а духовно-нравственным потенциалом как интегрированной целью образования. Именно это, на наш

взгляд, должно быть основным смыслом в реформировании образования в условиях глобализации и информатизации. Тогда очевидно, что результирующей ценностью всех без исключений проводимых реформ, должен быть «человеческий фактор», веком которого ЮНЕСКО и провозгласило XXI век.

Библиографический список

1. Дрейвс В., Коутс Дж. Педагогика XXI века. Изд-во: Издательский отдел Сети Учебных ресурсов (LERN), Ривер Холлс, Висконсин 4022, США, 2011. – 206 с.

2. Рейгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.:Изд-во ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.

3. Чумаков А.Н., Салихов Г.Г., Думаревский Д.Б. Секция «Философские проблемы глобализации» // ВЕСТНИК Российского философского общества. 3(63), 2012. – 256 с.

4. Глазьев С. Мировая война печатных станков // Аргументы недели. №50(342), четверг 27 декабря 2012 года.

5. См.: Аргументы и факты, №13(1690), 27 марта – 2 апреля 2013 г.

6. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. Проект // Сайт Минобрнауки. 25 декабря 2012 г.

7. См.: Фурсов А. ЕГЭ и другие // Завтра. №50(943), №51(944), №52(945).

8. Фурсов А. ЕГЭ и другие // Завтра. №52(945). – С. 5.

9. Макаренко С.А. Структура глобализации и её стихийное влияние на образовательную систему // Философия образования. - №1(46), 2013. – С. 20-24.

10. См.: Наливайко Н.В., Косенко Т.С. Роль педагогического образования в системе современного гуманитарного образования // Философия образования. - №1(46), 2013. – С. 228-246.

11. Чинкова Е. Поднебесная богатеет, но и на соседа облизывается // Комсомольская правда. 5 апреля 2013 г. – С. 9.

Сознание как системообразующий элемент глобального профессионального образования: кризисные аспекты обучения студентов высших учебных заведений

Л. Д.Рассказов (г. Красноярск)

Сознание является системообразующим элементом глобального профессионального образования, так как именно в сознании и через сознание осуществляются психические и физические процессы. В сознании различаются формы и содержание субъективного и объективного мира, а также различается то различённое в этих формах и содержаниях, что побуждает человека к активной познавательно-преобразующей деятельности. В нём переплетаются удивительным образом мышление и логика, внутренняя самооценка и воля, внимание и память, характер и темперамент и т.п. В сознании выражается и проявляется человек как личность, гражданин, специалист. На это обращают внимание классики и современники философской, научной и педагогической мысли, а также практики, имеющие непосредственное или опосредованное отношение к процессам обучения и воспитания детей и молодежи. Сегодня в условиях кризиса общества в глобальном масштабе, на всех уровнях и во всех областях деятельности, происходит переосмысление пройденного пути и достигнутых результатов, а также построение планов на будущее в системе профессионального образования в России и за рубежом. Обратимся к истории этого вопроса.

В 1913 г. вышла в свет небольшая по объёму, но значительная по масштабу брошюра Г. Кершенштейнера (1854-1932) «Трудовая школа», где были описаны принципы и сущность трудового обучения и воспитания детей и молодежи. Многое из этой работы нашло отражение и определило путь и содержание общего и профессионального обучения в 20-м и 21-м

вв. Во введении к этому произведению Н.В. Сперанский написал: «Школа всегда по необходимости отстаёт от жизни; но наша школа непозволительно отстала от нашей жизни» – с таким горьким признанием XIX век сошёл со сцены, завещав новому столетию искать выхода из положения, становящегося нестерпимым» [11, С. 3]. «Одним из пионеров, - по словам Н.В. Сперанского, - пролагающих в Германии новые пути образования, едва ли не самой крупной фигурой должен считаться Г. Кершенштейнер» [Там же, С. 4]. Он предложил, по сути, модель демократизации общества и образования. С одной стороны, он предложил задачу нравственного и трудового воспитания личности; с другой – демократизацию общества в лице государства. В итоге, цели личности и цели государства должны совпадать или не противоречить друг другу. «Состояние общества, - пишет Г. Кершенштейнер, - при котором цели отдельного лица включены в общую цель, состояние, которое для меня немыслимо без автономного правового союза, без заповедей и запретов, – я называю государством» [Там же, С. 12]. Проверочным критерием этой модели, является тот факт, что государство, может опираться на личность нравственную и способную выполнять государственные задачи, которые являются также задачами этой личности. Личность, в свою очередь, в нравственном и трудовом отношении служит государству; в процессе труда решает задачи государства, решая, таким образом, и свои проблемы, достигая удовлетворенности в труде и личной жизни. Из этого рассуждения становится ясным, что не имеет смысла делить педагогику на индивидуальную и социальную. Г. Кершенштейнер приходит к выводу: «Нравственный союз – высшее внешнее благо человека; *данное (курсив автора)* государство тем скорее двигается в направлении к идеальному нравственному общественному союзу, чем более, благодаря публичному воспитанию, распространяется сознание, что высшее внутреннее нравственное благо и высшее внешнее взаимно обусловливают друг друга, и чем более, вследствие этого сознания, все воспитательные меры исходят из точки зрения этического понятия государства» [Там же, С. 14]. Таким образом, согласно Г. Кершенштейнеру, личность и государство – это единое двухполюсное образование с единым центром – сознательно принимаемыми и разделяемыми ценностями: нравственность, ответственность, исполнительность, трудолюбие. Исходя из этого принципа, публичная (трудовая) школа решает следующие задачи:

1) «помочь воспитаннику найти работу в коллективном организме, выбрать профессию и выполнять её, насколько возможно, хорошо;

2) приучить отдельного человека рассматривать эту профессию, как службу, которую надо нести не только ради поддержания собственного существования и нравственного самооправдания, но и в интересе упорядоченного государственного союза, который даёт возможность отдельному человеку, пользуясь благами правового порядка и культуры, исполнять свою работу и тем снискивать себе пропитание;

3) развить в воспитаннике склонность и силу рядом с профессиональной работой и путём её, содействовать тому, чтобы развитие данного государства, к которому он принадлежит, шло в направление к идеалу нравственного общежития» [Там же, С. 16].

Отсюда становится ясно, что в 20-м веке решались именно эти задачи, а на уровне общества соблюдались именно эти принципы. Но у Г. Кершенштейнера есть сторонник и последователь американский философ Дж. Дьюи (1859-1952). В работе «Демократия и образование» в 1936 г. Дж. Дьюи отчасти повторил идеи Г. Кершенштейнера, отчасти внёс своё понимание общества и личности, их взаимодействия с точки зрения профессионального образования. «Сама природа жизни состоит в том, чтобы стремиться к продолжению существования, - пишет автор. Роль образования в социальной жизни аналогична роли питания и воспроизводства для физиологического существования» [10, С. 14-15]. Суть образования, таким образом, состоит в передаче опыта посредством общения и обучения. Но этот процесс имеет более широкое поле взаимодействий взрослых и зрелых людей с подрастающим поколением Дж. Дьюи предлагает путь демократических и гуманистических преобразований общества и личности, которые проходят через систему образования. В целом, согласно Дж. Дьюи, «образование – это процесс воспитания, обучения, развития или «выхаживания», «выращивания», «вскармливания». Когда нас интересует результат этого процесса, мы говорим об обра-

зовании как приведении подрастающих членов общества в соответствие с принятыми в нём нормами» [Там же, С. 16]. Отсюда, Дж. Дьюи определяет три важнейшие функции специальной среды:

1) «содействие становлению и развитию желательной системы отношений к миру;

2) очищение и оптимизация положения дел, реально существующего в обществе;

3) создание более широкой и сбалансированной среды, чем та, воздействию которой подверглись бы незрелые члены общества, будь они предоставлены самим себе» [Там же, С, 27].

Предлагаемая концепция образования Дж. Дьюи, по сути, сводится к идее непрерывной перестройки опыта. «Её цель, пишет автор, – возможный результат какого-либо естественного процесса, становящегося фактом сознания и фактором, учитываемым при изучении складывающихся условий и выборе способов дальнейших действий. Наличие цели означает, что деятельность стала разумной» [Там же, С. 107]. Таким образом, демократизация образования состоит в том, чтобы социальную эффективность, как цель образования, оценивать с точки зрения развития способности свободно и полно участвовать в общей деятельности. Согласно Дж. Дьюи, принципиальным является положение о том, что «развивающаяся деятельность, цель и условия которой осознаны, – вот та целостность, которую так часто разделяют на независимый разум, с одной стороны, и объективный мир фактов, с другой» [Там же, С. 132]. Отсюда дело образования в демократическом обществе должно двигаться в направлении интеграции различных интересов. Итак, гуманистическая концепция образовательного процесса, ведущая начало от Г. Кершенштейнера и Д. Дьюи предполагает, чтобы образовательный процесс был ориентирован на:

1) создание условий для активного участия субъекта в овладении профессией и культурой труда;

2) гуманизацию профессионального образования;

3) удовлетворение общих и профессиональных интересов;

4) удовлетворение индивидуальных потребностей личности.

Авторы предлагают, по сути одну и ту же модель, с той лишь разницей, что первый – занят публичной или «трудовой школой», т.е. первоначальным этапом становления личности и специалиста. Второй делает акцент на образовании подростков и молодёжи, которые сознательно выбирают профессию и сознательно готовы служить обществу, реализуя, в то же время и свои свободы, права и интересы. Однако модели профессионального образования в Европе и США в 19-м и 20- вв.– начальное и высшее – опирались на сознание, которое носит дифференцированный и раздробленный характер. Российская модель образования, во многом заимствованная из-за рубежа, носит отчасти подражательный характер, является эффективной в осуществлении, но не совпадает полностью с зарубежной моделью и требует, на наш взгляд, иного подхода и вот по каким причинам. Идея «целостности», «недифференцированности» или, точнее говоря, «неотъединённости» от жизни сознания прослеживается в трудах русских философ. Приведём кратко их высказывания.

Н.Ф. Федоров (1829-1903) писал: «Полнота науки состоит в том, чтобы история или совокупность всех поколений получила одновременное существование или сосуществование, вместо смены, в пределах совокупности всех миросоставляющих вселенную» [16, С. 485].

В.С. Соловьев (1853-1900) полагал, что «по существу общество не есть внешний предел личности, а ее внутренне восполнение. Оно осуществилось в прошедшем и сохраняется чрез пребывающее общественное *предание*, отчасти осуществляется в настоящем посредством общественных *служений* и, наконец, предваряют в лучшем сознании общественного *идеала* свое будущее совершенное осуществление» [13, С. 201];

Согласно К.Э. Циолковскому (1857-1935) «как будто все зависит от воли разумного существа, подобного человеку. Наш труд, мысль побеждают природу и направляют её по желаемому руслу» [19, С. 40]. Указывая на место и роль научного сознания, автор пишет: «Смиримся перед нашей наукой и не будем забывать наше ничтожество перед неведомым.

Она начало – азбука, а не ответы на вопросы. Будем искать, а не покоиться на лаврах» [18, С. 89];

В.И. Вернадский (1863-1945) автор «ноосферного» подхода писал: «Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – в ноосферу» [6, С. 20-21]. Однако автор полагает, что «еще не вошло в общее сознание, что человечество может чрезвычайно расширить свою силу и влияние в биосфере, потому что разум есть сложная социальная структура, построенная как для человека нашего времени, так и для человека палеолита, на том же самом нервном субстрате, но при разной социальной обстановке, слагающейся во времени (пространстве-времени по существу)» [Там же, С. 127-128]. По мысли В.И. Вернадского «сознание человека может максимально проявляться только при максимальном развитии основной формы биогеохимической энергии человека, т. е. при максимальном его размножении» [Там же, С. 129];

А.А. Богданов (1873-1928) в 1-й книге «Тектология» пишет: «В педагогике весь смысл деятельности воспитателя заключается в том, чтобы поддерживать и усиливать одни элементы психики ребенка, разрушать и устранять другие и т.п.» [4, С. 193]. Отсюда общий методологический план всей педагогики автор видит в решении двух задач: первый тип задач: задачи, в которых требуется преодолевать *определённо-изменяющиеся (курсив А.А. Богданова)* воздействия или сопротивления; второй тип задач, в которых эти преодолеваемые величины являются *неопределённо-изменчивыми»* [Там же, С. 230-231]. Во 2-й книге «Тектология» А.А. Богданов даёт философское обоснование и структурирует научное содержание сознания: «Сознание» представляет аппарат наиболее интенсивного подбора наиболее сложных и разнообразных комбинаций; поэтому понятно, что в его работе это направление выступает особенно отчетливо, во всех его продуктах обнаруживается особенно ясно. И не только техника, область, где человек при помощи сознания организует вещи, но также другие сферы его деятельности, где организуются сами люди в сотрудничество и где организуется опыт в идеи, насквозь проникнуты той же тенденцией» [5, С. 22];

Н.А. Бердяев (1874-1948) пишет о том, что «русское мышление гораздо более тоталитарно и целостно, чем мышление западное, более дифференцированное, разделенное на категории» [2, С. 432];

П.А. Флоренский (1882-1936) обращает внимание на то, что «различными путями мысль приходит все к одному и тому же признанию: идеального сродства мира и человека, их взаимообусловленности, их пронизанности друг с другом, их существенной связанности между собою. Гносеологически – всё, познаваемое нами, есть нами усвояемое и в себя нами преобразуемое (всё есть «Я» в смысле И.Г. Фихте)» [17, С. 184].

Итак, исходя из анализа работ русских философов, мы приходим к следующим выводам о феномене сознания 19-21-го вв.:

1) сознание стало ноосферным, и потому глобальным, согласно В.И. Вернадскому, так как «человек, став крупнейшей геологической силой, может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности» [6, С. 241];

2) сознание в педагогике укоренилось постановкой и решением двух задач в области обучения и воспитания, которые следует производить с учётом а) определённо-изменяющейся среды и её активностей-сопротивлений или с учётом б) неопределённо-изменчивой среды и её активностей-сопротивлений;

3) сознание – это аппарат наиболее интенсивного подбора материально-вещественного содержимого «по сходству», подбора идеально-психического содержимого «по ассоциации» или «по смыслу»;

4) сознание и мышление – это двуединый процесс, распадающийся на «поле» и «волну», где поле – это всё содержимое опыта сознания, а волна – это выделенная часть опыта в мышлении, подлежащая логическому анализу;

5) сознание – «скелетно», т.е. устойчиво и живёт дольше, чем среда материальная её породившая, в понятиях, идеях, институтах общества;

6) сознание – это ответная реакция протоплазмы, а затем мозга человека на устойчиво повторяющиеся природные явления, которые сознание и фиксирует, придавая миру, отвоёванному у природы устойчивость, воспроизводство и воспроизводимость;

7) сознание, таким образом, это – свойство души, мозга, особое общественное качество, философская и научная категория, с помощью которой человек фиксирует и различает себя в реальности, а также различает различённое в психическом, идеальном мире.

Добавим к этому, что в творчестве А.А. Богданова даётся понятие «кризиса», с помощью которого, определяется «переход к новому качественному состоянию любой системы» или «новое качественное образование, которого прежде не было». Кризисы автор классифицирует как «разделительные, соединительные, неопределённые, замирающие, лавинообразные, взрывные». Таким образом, подводя итоги исследования работ зарубежных и отечественных авторов о сознании и его месте в целом жизни общества, можем сделать следующие выводы. Во-первых, опыт Германии в лице Г. Кершенштейнера и опыт США в лице Дж. Дьюи, отражённый в исследованиях этих авторов, показал, что развитие общества возможно на пути развития гуманистических и демократических преобразований государства и отдельной личности, которые идут навстречу друг другу как заинтересованные и ответственные стороны, облагороженные нравственными принципами. Во-вторых, процесс образования личности идёт через всю сознательную жизнь человека и сопровождается включённостью личности в среду, которая его принимает, обучает и на которую, в конечном итоге, личность воздействует. Следовательно, эти модели, по сути, основаны на осознанном принятии личностью государства и государством личности, как две стороны, не противостоящие друг другу, а стремящиеся к взаимовыгодному сотрудничеству. Анализ работ русских космистов показал следующее:

1) сознание общества целостно и нераздельно;

2) движение от солидарности биологической и подсознательно вселенской (космической) к солидарности социальной лежит через напряженную работу сознания и его эволюцию;

3) сознание порождено вселенной, космосом, но оно ещё не изучено до конца в жизни социальной;

4) сознание 19-20-го вв. уже стало ноосферным, то есть уже охватило своей научной мыслью планету, но проявится полно только после предельно возможного размножения людей на Земле, вероятно, в 21-м в.;

5) для России проблемой вхождения в мировое сообщество является проблема сознания, которое упорно препятствует «разрыву целостности духа» посредством «машины»;

6) генетически «русское мышление тоталитарно и целостно» в отличие от западного мышления «дифференцированного и разделенного на категории».

Возвращаясь к словам Н.В. Сперанского о том, что «школа всегда по необходимости отстаёт от жизни; но наша школа непозволительно отстала от нашей жизни», мы приходим к следующему выводу. Образование в России в лице школ начальной и средней (общественной), а также среднего специального и высшего профессионального образования, должно быть ориентировано, по преимуществу, не на технические и формальные стороны, а на сознание учащихся и учащих и те его генетические истоки, которые формируют общество в целом и его институты. России, вероятно, по мысли русских философов 19-20-го вв., если идти по пути мировой цивилизации или техногенного общества, значит, обрести и сопутствующие техногенному обществу проблемы. «Техногенное общество, согласно В.С. Стёпину, основано на научной рациональности и научной деятельности, потому, что научное познание мира является условием для его преобразования в расширяющихся масштабах, которые активно влияют на другие сферы культуры и жизни техногенных обществ» [14, С. 29]. Следовательно, путь российского общества и его ведущего института образования, согласно проведённому анализу отечественных и зарубежных авторов, должен пройти через разрушение цело-

стности сознания путём научной и технической дифференциации в теории и практике общественной жизни.

Переходя от общественных условий и исторических предпосылок сознания, мы обращаемся к теме самого профессионального образования, в которой сознание является системообразующим элементом. В этой связи мы с неизбежностью сталкиваемся с вопросами характеристики современности, эпохи в которую мы живём. Так авторский коллектив в составе И.В. Ильина, А.Д. Урсула и Т.А.Урсула полагают, что «в процессе становления информационного общества и общества знания мы являемся свидетелями глобализации познавательной деятельности и её результатов в различных формах знания. Таким образом, формируется глобальная система знания, которую можно назвать глобальным миром знания» [15, С. 269]. Авторы связывают воедино образование с устойчивым развитием общества, основанным на эволюционном подходе. «В результате, согласно выводам авторского коллектива, станет формироваться принципиально новый тип глобального образовательного процесса – инновационно-опережающее образование. Оно приведёт к его существенной футуризации и становлению опережающего образования» [Там же, С. 290]. Мы разделяем точку зрения авторов, тем более что это – один из продуктивных подходов в российской и зарубежной литературе, который объемлет большой спектр кризисных вопросов бытия и сознания общества современного периода и предлагает практический вариант выход из глобального антропогенного кризиса. Однако феномен сознания сам по себе представляет сложную, многоуровневую структуру и требует временно́го подхода.

В частности, профессор И.А. Пфаненштиль, в целях решения проблем выхода общества и образования из кризиса, уделяет особое внимание «историческому сознанию, преодолевающему историческую локализацию, которое стремится к осознанию принципов социально-исторического бытия, рассматриваемого как всеобщее (модельное) явление» [12, С. 380]. Безусловно, не решив проблемы сознания и его взаимосвязи с прошлым, настоящим и будущим, мы не обретём системы координат реальности бытия и его системообразующих признаков: последовательности и координации, организованности и взаимосвязанности. А, не обретя системы координат бытия и сознания, мы не сможем создать эффективную систему образования любого типа, встроенного в общество и работающего на общество. Ведь ключевой признак любой системы – это не просто её целостность, а обладание системой качествами всех входящих в неё элементов.

В этой связи обращает на себя внимание диссертационное исследование В.М. Артемова на соискание учёной степени доктора философских наук. Так, автор пишет: «Одним из очевидных достижений ***нашего общества послед***них лет является определенный шаг в сторону своеобразного раскрепощения сознания, **освобождение его от** известных идеологических и социально-психологических уз, из своеобразного плена поверхностных, в том числе узко либеральных представлений» [1, С. 272]. В.М. Артемов обстоятельно анализирует весь советский период образования и опираясь на данные социологических исследований, приходит к выводу о том, что «в переходно-кризисный период развития общества человек не может ограничиться только «адаптацией», приспособлением к разрушающе действующим экстремальным факторам внешней среды: у него возникает потребность в более стратегическом отношении к происходящему – активном противодействии, определяемом логикой его сопротивления» [Там же, С. 301]. Проблема заключается ещё и в том, что индифферентное отношение к несправедливости и злу, безволие и авантю**ризм, лицемерие и грубая сила перестали встречать сопро**тивление со стороны, если не большинства, то очень многих людей в нашем заблудившемся обществе. «Такова реальность, - пишет **В.М. Артемов, -** изменить которую в перспективе могут только реальные противовесы, то есть в данном случае образцы высокой нравственности и подлинной свободы. По существу речь идет об общественной потребности в соответствующем субъекте – носителе последних» [Там же, С. 303]. По мысли автора, «спасение придет не с Запада, не с Востока, а из школы» [Там же, С. 311]. В конечном итоге, автор приходит к выводу о том, что к образованию следует подходить диалектически сознательно, не отбрасывать всё, что было накоплено в советский период. В результате анализа работ вышеперечисленных авторов, мы можем сделать вывод о том, что в условиях глобализации

особое внимание уделяется сознанию во всех его аспектах: историческом, прикладном, концептуальном, морально-нравственном. Перейдём от условий и факторов, которые оказали влияние на образование в целом, к профессиональному образованию, в частности в его практических аспектах.

Выше мы уже обращались к трудам Дж. Дьюи. В этой части исследования обратимся к его наследию в контексте профессионального образования. «Мышление, - пишет автор, - есть преднамеренное и тщательное установление связей между действием и его последствиями. Оно всегда ведёт к приобретению знания, но ценность полученного знания, в конечном счёте, всё же вторична по отношению к его роли в мышлении» [10, С. 144-145]. Логика автора такова. Так как мы живём постоянно развивающемся и незавершённом мире, то мышлению, как функции сознания следует фиксировать наличие связей и деталей, эксплицируя смыслы, выраженные в виде отношений. Мышление стремится также выявить смысл некоторого действия, совершаемого или которое будет совершено. Сознание, таким образом, создаёт устойчивый механизм различий и различения различений. Сегодня на первый план выходят профессии, связанные со знанием прикладной математики, физики и химии. Поэтому одной из проблем в профессиональном образовании Дж. Дьюи видит соотношение философии и науки, а также философии и практики образовательной деятельности. В конечном итоге, теория и практика должны не противостоять друг другу, а совместно решать возникшие трудности на пути демократизации общества и гуманизации образования. Итак, в поле зрения философии и науки, а также педагогической практики оказывается профессия. По мнению Дж. Дьюи, «профессия – это не что иное, как направление жизненных устремлений, которое придаёт действиям человека значимость, благодаря их последствиям для него самого и их полезности для тех, с кем он связан» [Там же, С. 278]. Под профессией понимается «преемственность жизни», которая включает в себя: узкопрофессиональные и деловые качества, развитие художественных способностей, специальных научных знаний, сознательного гражданского поведения. К тому же, профессия – это физический труд и средство к существованию. Профессия также предполагает продолжительную деятельность, которая имеет цель. Обратимся к практической стороне профессионального образования. Так, А.Е. Воробьёв в монографическом исследовании приводит следующие данные об условиях обучения в вузе студентов. Респондентами выступили сами студенты, которые на вопрос «о факторах, влияющих на условия, необходимых для успешного обучения в вузах, которые связаны с самими студентами», дали следующие ответы:

1) «ответственное отношение к учебе (посещение занятий, активная работа на занятиях, выполнение домашних заданий в срок) – 95%;

2) интерес к учебе – 87%;

3) уважение к преподавателю – 85%;

4) выполнение требований преподавателя – 81%;

5) умение выражать свои мысли – 47%;

6) умение слушать других – 31%» [7, С. 220].

Далее студенты выделили «ряд условий, необходимых (с точки зрения самих студентов) для успешного обучения, которые приходятся на долю группы, факультета и вуза:

- «доброжелательная атмосфера в группе – 69%;
- хорошее знание студентами друг друга – 12%;
- помощь лучшим выпускникам в трудоустройстве – 63%;
- удобное расписание занятий, обеспечивающее равномерную нагрузку в течение недели, без «окон» - 34%;
- обеспечение студентов учебниками, справочниками, журналами, методическими разработками и другими материалами – 33%;
- оборудование лабораторий на современном уровне – 28%;
- обеспечение студентам возможности бесплатного и постоянного доступа в Интернет – 17%;

- поддержка со стороны куратора – 15%» [Там же, С. 221].

Данные опроса показывают, что «межличностные отношения» важнее, чем материально-технического обеспечения учебного процесса и практических навыков, знаний, умений. Отсюда, вывод: в системе профессионального образования необходимо к обучающимся подходить как к «личности», а уж затем как к «студенту», который в будущем станет «специалистом» и «гражданином».

Мы профессиональное образование рассматриваем в контексте образования и сознания, которые связаны неразрывно, как взаимно обусловливающие факторы. Например, автор и учредитель известного во всём мире «Философского словаря» Г. Шмидт пишет следующее об образовании: «Образование (Bildung) этим термином обозначают как духовный облик человека, который складывается под влиянием моральных и деловых ценностей, составляющих достояние его культурного круга, так и процесс воспитания, самовоспитания, влияния, шлифовки, т.е. процесс формирования этого облика» [20, С. 314]. Главным в образовании, по мысли автора, является не количество знаний, а соединение последних с личными качествами, умение самостоятельно распорядиться своими знаниями. Под образованием Ж. Дидье понимает «обучение. Термин «образование», охватывающий то, чему мы учимся, уже, чет термин «воспитание», акцентирующийся на идее формирования личности. Различают общее образование («классическое образование») и специализированное образование, выбирающее ту или иную профессию» [9, С. 291]. В философском энциклопедическом словаре под редакцией Е.Ф. Губского сказано: «Образование как защита против сил, обезличивающих человека, в демократическом обществе стало вопросом жизни, как для отдельных людей, так и для всего общества в целом. Понимание этого вопроса вызывает развитие движения за народное образование» [8, С. 311]. Таким образом, авторы под образованием понимают процесс формирования духовного облика человека, который формируется под воздействием множества факторов. Однако проверочным критерием образования является не количество знаний, а их соединение с личными качествами и умение самостоятельно распорядиться своими знаниями. Образование в современном мире содействует защите человеческой личности. Именно этот лейтмотив и породил понимание образования, как гуманного в демократическом обществе, которое защищает человеческую личность, от противостоящих этой личности, невежества и силы.

В практической области профессионального образования, например, Б.М. Бим-Бад понимает «социально и педагогически организованный процесс трудовой *социализации* личности, обеспечивающий ориентацию и адаптацию в мире *профессий,* овладение конкретной *специальностью* и уровнем квалификации, непрерывный рост компетентности, мастерства и развитие *способностей* в различных областях человеческой деятельности» [3, С. 223]. Профессиональное образование создает условия для профессионализации, социализации и самореализации личности, содействует достижению гуманистических и демократических целей общества. В этом смысле профессиональное образование защищает и отстаивает глобальное право личности на профессиональное образование, которое закреплено в Декларации прав человека. В результате вышеизложенного анализа и учитывая единство сознания и профессионального образования в условиях глобализации, когда общество находится в переходном состоянии, выделим кризисные аспекты глобального масштаба.

1. Переход к новой модели профессионального образования сопряжён с защитой прав и интересов личности-специалиста в правовом поле на всех уровнях – международном, национальном, региональном, местном, которые часто нарушаются и не выдерживаются на уровне отношений «работодатель-работник» и формируют «безответственное рыночное сознание».

В этом случае речь идёт об «опережающем сознании» выпускника вуза и «отстающем сознании» работодателя. Противоречие этой ситуации в том, что, по мнению работодателя, у выпускника вуза «нет опыта работы», а выпускник вуза и не догадывается о том, что у работодателя есть потребность в открытии «нового и перспективного рыночно ориентированного

направления» для применения его профессиональных возможностей. Так, работодатель упускает свои выгоды, а выпускник свои перспективные возможности.

2. Переход от технократической концепции профессионального образования к концепции, основанной на принципах гуманизма, общество вынужденно преодолевает сопротивление в структуре «косного сознания» профессорско-преподавательского кадрового состава вуза и даёт ход «пластичному сознанию» обучающихся в вузе студентов.

Здесь речь идёт об отстаивании «удобной и комфортной среды» должностными лицами вуза, что обусловлено спецификой учебного процесса и педагогическими традициями. Преподаватели, со своей стороны, преследуя цели учебного процесса, основанного на требованиях вуза и согласно стандартам образования и науки РФ, выстраивают обучение на «научно-методической» основе. С другой стороны, студенты, преследуя цели «студенческой солидарности», образуют свою среду – оппозиционную, основанную на принципах личностной свободы, суверенности, психологической комфортности. В результате упускаются обоюдные интересы: преподаватель не реализует свой профессиональный, культурный и личностный потенциал, а студент замыкается в своём индивидуально-личностном и микро-групповом пространстве и не удовлетворяет в полном объёме свои познавательные потребности. В результате страдают обе стороны: преподаватель страдает от «профессионального выгорания» и «конфликтности», а у студента формируется «недоверие к миру взрослых», в который они готовятся вступить и защитная реакция на «двойные стандарты» общества вообще.

3. Переход к глобализационному обществу сопряжён с такой проблемой, как «потребительское сознание» студентов по отношению к вузу и своим родителя, а также «требовательное сознание» взрослых: должностных лиц вуза и системы образования, родителей, работодателей и представителей власти.

Мы эту ситуацию оцениваем следующим образом. Провозглашённые принципы, ценности и нормы «рыночного либерального общества» в лице его гаранта – государства, практически не защищают студента или студенты не знают, как их реализовать. Понадобится время, чтобы ситуацию перехода от «тоталитарно-патерналистского» типа государства к государству с «гуманистически-демократическими» принципами внедрить, а также студентам и выпускникам понять и принять как свою личную, национальную, государственную и необходимую модель общественного договора на образование и самореализацию личности, гражданина, специалиста.

4. Общество в условиях глобализации – это общество знания. Но этому препятствует кризис сознания, который выражается в том, что с одной стороны, происходит «кризис бытия», а также «кризис целостности сознания».

Речь идёт о том, что, вступая в общество знания с техногенной культурой, наше общество вынужденно заходит в тупик. С одной стороны, необходимо принять ценности мировой цивилизации в лице «техногенной» культуры; с другой – обладая многовековой «традиционной» культурой, проявляющейся в языческой духовной самобытности, подсознательно целостным Вселенско-космическим сознанием, православным вероисповедованием по христианскому византийскому канону и советскими традициями в науке, культуре и технике, общество искусственно лишается своих генетических корней и исторической памяти.

5. Наконец, противоречие между «сознанием профессионально ориентированным» и «сознанием обыденным» в целом снижает конструктивное внимание студентов к освоению учебного материала и повышает непродуктивную соматическую активность.

Такое положение не относится к продолжительности учебных занятий: 45 минут, 80 или 90 минут учебного времени или иной вариант. Это не имеет отношения и к соотношению очных и заочных занятий, а также не имеет отношения к занятиям, проводимым в аудитории или самостоятельному изучению материала. Здесь речь идёт об «абсентеизме», как феномене, который только ещё предстоит осознать преподавателям, должностным лицам вуза, студентам и их родителям. Абсентеизм происходит от латинского absens/absentis, что значит дословно «отсутствие», «отсутствующий». Речь здесь не идёт об «отсутствии интереса», «низкой мотивации», «неудовлетворённых потребностях и ожиданиях», «низкой заработной

плате» или «родительском давлении». Если говорить дословно о феномене абсентеизма применительно к учебному процессу во всех его фазах, то следует дать ему следующее определение. Абсентеизм профессионального образования в среде студентов и преподавателей – это визуально фиксируемый, но неосознаваемый процесс, при котором учащийся и учащий «отсутствуют» в учебном процессе. То есть участники учебного процесса – индивидуального, диалогического или группового – реально, визуально присутствуют в этом учебном процессе, но, при этом, «отсутствуют».

Поясним этот феномен следующим образом. Если самостоятельное занятие, занятие в аудитории – лекцию или семинар – принять его за 100% во временно́м отношении, то выяснится, что только 25% всего учебного времени используется производительно, а 75% времени непроизводительно: постоянные звонки, СМС-сообщения, обсуждения Интернет новостей, переговоры, «перекусы», перекуры, чаепития, в общем, переключение внимания куда угодно, только не на изучаемый предмет. Это приблизительные значения, но, по сути, речь идёт о том, что, принимая за 100% любую фазу учебного процесса, преподаватель и студент, только 25% (приблизительно) всего этого времени учат или учатся, в качественном и количественном отношении производительно!? *Качество* и *количество*, как показатели производительности образовательного процесса, здесь берутся *одновременно*. Ответа на этот вопрос мы не найдём. А вот феномен остался. Мы можем лишь предположить, что система координат профессионального образования, взятая из астрономии – это минуты и часы, как средство и метод координации и организации процесса обучения, возможно, не совсем подходят к обучению!? Мы полагаем, что здесь могут быть и другие координаты, например, проблемные, междисциплинарные, прикладные, биологические, космические и др. Разумеется, перечисленные кризисные явления в вузе – это всего лишь небольшой фрагмент глобального образовательного процесса. Однако приведённые факты анализа многолетней преподавательской деятельности и исследований, проведенные совместно со студентами, говорят о том, что обучение в современных условиях – это обоюдный процесс для студентов и для преподавателей. Учащийся (студент) удовлетворяет свои познавательные потребности, а учащий (преподаватель) удовлетворяет свои потребности в передаче знаний. В такой ситуации образовательный процесс расширяется и усложняется, вместе с тем, переходит из категории сугубо педагогической (ведущей и ведомой) в категорию глобальной (познавательной и исследовательской), что позволяет решать задачи и формирования общекультурных культурных и профессиональных компетенций, и практико-ориентированные задачи. Здесь ведущее место занимает именно *сознание*, как элемент, в котором и через который *знание* и *познание* замыкаются в единый образовательный цикл. Завершая анализ заявленной темы, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, сознание является, и мы это обоснованно доказали, системообразующим элементом глобального профессионального образования, которое сегодня переживает кризис по всем направления, ведущим среди которых является кризис взаимоотношений в системе: студент (выпускник вуза, молодой специалист) – преподаватель – представитель власти – работодатель – родитель. Во-вторых, сознание, коррелируя с психическими процессами личности, образует сложный феномен социально-экономического и социально-природного характера. В-третьих, России предстоит сделать выбор либо в пользу общества с техногенной культурой, либо в пользу общества с традиционной культурой. Одно известно – на этом этапе нам не избавиться от достижений – вероятно этого и не следует делать – советского периода. В-четвёртых, кризис сознания и кризис образования – это два взаимосвязанных процесса. Поэтому изменения в одной системе, неизбежно приведут к изменениям в другой системе. Отсюда вопрос: что изменять прежде, а что потом – сознание или образование? Мы полагаем, что необходимо менять общественное сознание, а затем переходить к изменениям в образовании.

И последнее, возникает много вопросов, которые ставит перед обществом и личностью время, которое сегодня называют глобализацией, а процессы глобализационными. Происходящие мировые процессы многозначны и неуправляемы, а общественные процессы требуют

управления и они, действительно, управляемы. Здесь возникают вопросы: с чего же начинать преобразования общества: 1) с экономики или образования, 2) с сознания или бытия? На первый вопрос ответ один – изменения следует начинать с образования, так как современная экономика, основанная на повышающейся доле автоматизированного труда и уменьшающейся доле механизированного, и, тем более, ручного труда, всё больше занимает место в российской сфере труда. А здесь без высококвалифицированных кадров не обойтись, как не обойтись и без культурно-нравственной личности, которая должна видеть не только деньги и карьеру, но и свои обязательства перед обществом и государством. Отвечая на второй вопрос, утвердительно скажем, что изменения следует начинать с сознания, так как именно сознание является регулятором и координатором жизни современного человека в экономической, политической, социальной и духовной сферах. Сознание – это системообразующий элемент и системы образования, и общественной жизни. Его долго игнорировали и приписывали ему роль «отражателя», сиречь «рефлектора» бытия, так что пора ему вернуть некогда утраченный статус. Сознание должно занять достойное место среди философских, научных и метафизических категорий, которые во всём многообразии и полноте удовлетворяют познавательную потребность и регулируют преобразующую деятельность человечества 21-го века, устремлённого в глобальное будущее.

Библиографический список

1. Артемов, В.М. Свобода и нравственность в русском классическом анархизме: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. 372 с.

2. Бердяев, Н.А. Судьба России. Избранные труды. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 648 с.

3. Бим-Бад, Б.М. Педагогический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 528 с.

4. Богданов, А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

5. Богданов, А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн.2.. М.: Экономика, 1989.351 с.

6. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.

7. Воробьёв, А.Е. Высшее профессиональное образование в XXI веке: монография. Норильск: Норильский индустриальный институт, 2010. 289 с.

8. Губский, Е.Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002. 576 с.

9. Дидье, Ж. Философский словарь. М.: Междунар. отношения, 2000. 544 с.

10. Дьюи, Дж. Демократия и образование. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.

11. Кершенштейнер, Г. Трудовая школа. М.: Типография Вильде «ЗАДРУГА», Малая Кисловка, дом №3, 1913. 64 с.

12. Пфаненштиль, И.А. Глобализация: проблемы и перспективы: монография. Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2006. 484 с.

13. Соловьев, В.С. Личность и общество. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 792 с.

14. Степин, В.С. Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. 744 с.

15. Урсул, А.Д. Глобальные процессы и устойчивое развитие: сборник статей. М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. 382 с.

16. Федоров, Н.Ф. Статьи о регуляции природы. Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 760 с.

17. Флоренский, П.А. Оправдание Космоса. СП.: РХГИ, 1994. 224 с.

18. Циолковский, К.Э. Космическая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 480 с.

19. Циолковский, К.Э. Очерки о Вселенной.М.: ПАИМС, 1992. 256 с.

20. Шмидт, Г. Философский словарь. Изд-ие 22-е, новое, переработ. из доп. ред.

Г. Шишкоффа. М.: Республика, 2003. 575 с.

Глобальное образование и социализация личности

В.В. Морозов (г. Железногорск)

Оценить пути социализации в глобальном мире невозможно без осознания того факта, что сейчас идет пересмотр ряда представлений относительно человека, знания и возможности его использования, унаследованных от эпохи Просвещения. Эти представления были положены в основу системы образования, существовавшей и в нашей стране, успехи которой в некоторых отношениях неоспоримы. Эта форма образования, хотя и эволюционировала в значительной степени, но по своей социокультурной ориентации осталась прежней и в значительной мере исчерпала себя.

Содержание, цели и задачи мирового образования все больше отстают от глобальных тенденций становления информационного общества. Выражается это в прагматическом, утилизированном подходе к образованию, т.к. образовательные услуги при переходе на рыночные отношения получили конкретное стоимостное выражение. А ведь человек, живущий в современном мире, призван решать весьма сложные, разноплановые задачи, которые требуют не только профессиональной подготовки, но и качественного фундаментального и гуманитарного образования, способного осуществить важнейшую историческую миссию подготовки человечества к осознанной кооперации в противовес конкуренции [2, С. 133-139].

Сегодня во всем мире остро стоит проблема преодоления гуманитарного кризиса образования, который можно преодолеть путем смены экономической потребительской парадигмы на новую – гуманистическую. Качество любого образовательного процесса, в том числе и профессионального, зависит от адекватности транслируемых в учебном заведении знаний о материальной, социальной и духовной действительности объективным условиям бытия, в которых придется действовать выпускникам вузов.

Целью образования, если исходить из гуманистических позиций и общих представлений о потенциальной универсальности человека, является созидание такого высококвалифицированного специалиста широкого профиля – профессионала-интеллигента, который бы относился к человеку и обществу как к цели, а не средству, а также имел бы сформированное экологическое сознание. Эта установка нацелена на формирование основных принципов образования – фундаментализации, гуманизации и экологизации.

В XXI веке нервом жизни, антропогеографическим фактором планеты становится «комфорт», с которым придется считаться. Но задача философии образования – найти в рамках парадигмы комфорта способ превращения образования из состояния вещи в состояние духовности [4, С. 174-181].

Убыстряющийся научно-технологический прогресс и вызываемое им ускорение темпов социальных изменений приведут к постоянному появлению новых профессий и исчезновению (или трансформации) старых. Это будут в первую очередь виды деятельности, связанные с автоматизацией, управлением и обработкой информации. В этих условиях образовательная система неизбежно должна будет стать гораздо более пластичной и быстро трансформировать образовательную программу в соответствии с актуальными потребностями общества [3, С. 76-82].

Гармоничное наращивание размерности социокультурного пространства с учетом новых системозадающих факторов возможно только в случае взаимопреемственности исследовательских парадигм. Однако в реальной жизни в результате резкой смены парадигм резко меняется вся аксиологическая шкала представлений. Это приводит к нарушению культурной детерминации процесса общественного развития, и в первую очередь интеллектуальный дискомфорт ощущает образовательная система общества.

Характеристики образовательной деятельности в направлении социализации личности остаются неизменными на протяжении веков, поскольку ее потенциал определяется теми идеями, которые закладывались в момент рождения образовательной парадигмы. В этом плане уровень интеллектуальных притязаний образования можно считать данным. Практика образования остается равновесной – и ничто не может вывести ее из этого состояния. Именно отсюда и вырастает потребность некоторого опережающего продвижения образования в трансформации культуры, что крайне сложно сделать из-за традиционного консерватизма института образования.

Современное состояние культурного сознания входит в противоречие со сциентистским, рационально-знаниевым, технократическим характером традиционной модели образования. Структура и содержание образования, имеющего в своей основе традиционную «знаниевую» (просвещенческую) парадигму, сегодня не соответствуют структурам современной культуры и человеческой деятельности, вследствие чего не в состоянии обеспечить свое основное предназначение - адекватное отражение и эффективное присвоение человеческого опыта.

Характеристикой образования, претендующей на мировой статус, является реализация новых приоритетов инновационного образования с усилением его воспитательной функции. В триаде традиционного образовательного цикла «знания-умения-навыки» время властно требует поставить на первое место политические, нравственные и культурные ценности, международные нормы и правила поведения людей. Недооценка или игнорирование социальной составляющей личности человека-творца в условиях глобализации становится исключительно опасной для выживания человечества [6, С. 238].

В различные исторические эпохи цель образования определяется единством интересов общества (социума) и человека. Осмысление соотношения общего и единичного в истории философии имело своим результатом понятие бытия, которое означало не только факт существования чего-либо, но и его определенность. Макс Шелер определяющую роль бытия в образовании человека выразил формулой: образование есть категория не знания, а бытия [10, С. 21]. Современное общество, в котором значительное число процессов и проблем приобретает глобальный характер, испытывает потребность в профессионалах, умеющих не только ориентироваться в социокультурной обстановке, но и сознательно выбирать модели своего поведения. Социокультурная составляющая в вузовском образовании нацелена на развитие у обучаемых способностей осознанного отношения к себе и окружающему миру.

Рассмотрение процессов возникновения, функционирования и трансформации ценностей является наиболее актуальной сферой социогуманитарного образования, стремящегося обеспечить личности современного студента и школьника, возможность осмысленно, самостоятельно, относительно свободно осуществлять выбор содержания ценностных ориентаций и способов их достижения, т.е. сознательно созидать свою личность и судьбу, а также быть понимающим сотворцом общества и культуры [7, С. 35]. Руководствуясь здравым смыслом, человек активно и целенаправленно начинает моделировать свой образ в соответствии с новыми нормами и ценностями. Определяющими для него становятся «постматериалистические» ценности (Р. Инглхарт). Превалирование постматериалистических ценностей приводит к становлению новой мотивации деятельности. Значимым становятся стремление к повышению своего статуса, престиж, известность, успех, свобода индивидуального самовыражения - все то, что обусловливает положение человека в обществе. Что же касается традиционных общечеловеческих ценностей и норм, то они не отрицаются, а нивелируются или абсорбируются. Но в условиях глобальной информатизации мира разрушается целостность этнокультурного бытия, размываются и утрачивают значение традиционные способы передачи социально значимой информации – это то, что именуется этническим воспитанием и связью поколений. «Картины мира», формирующиеся у молодежи, в своих основных параметрах соотносятся с эталонной для общества системой ценностей, становясь сердцевиной культурной социализации. В целом можно поставить под сомнение широко распространен-

ное мнение о межпоколенческом культурном разрыве как следствии перехода человечества к информационной цивилизации.

Эффективность развития высшей школы в значительной степени зависит от адекватности ее целей современным образовательным тенденциям, в числе которых интернационализация содержания профессионального образования, достижение стандартов международного уровня; содержание образовательной программы, которая должна обеспечить не изучение конкретной профессии, а освоение ключевых и профессиональных компетенций, позволяющих быстро реагировать на изменения конъюнктуры рынка труда; непрерывность профессионального образования в течение всей жизни человека; переход от предметного обучения к межпредметно-модульному на компетентностной основе, обеспечивающему гибкость профессионального образования.

Образование начинает осмысливаться как неотъемлемый для профессиональной карьеры «подпроцесс». Поступательно и все более глубоко – в процессе игры, учебы, труда – осваивая профессиональную культуру, человек «примеряет» себя к обществу, соотносит и соизмеряет свои возможности, устремления, достижения с образцами социальной (профессиональной) культуры. Положение о тесной взаимосвязи и параллельном протекании процессов получения образования и реализации профессиональной карьеры позволяет по-новому оценить степень остроты существующих противоречий на личностном, групповом, общесоциальном, государственном уровнях и наметить возможные пути их разрешения.

Следовательно, образование – это основной источник формирования социального капитала, важнейшая ступень развития личности. Рынок труда в постиндустриальном информационном обществе принципиально изменился. Современный человек вынужден менять свою специальность в среднем каждые пять лет. Вместе с тем, как показывают современные исследования, успех в какой-либо деятельности практически не зависит от полученной специальности [1, С. 10]. Процесс образования, дополненный самообразованием, превратится в одну из атрибутивных сторон проявления человеческой сущности. Полю вузовского образования едва ли грозит «демографическое опустынивание». По-видимому, через несколько лет часть аудиторий в вузах наряду со студентами-очниками займут своего рода постстуденты, получающие второе, третье образование.

Мнения многих ученых и философов сходятся в одном: в XXI веке высшая школа ни одной страны не сможет готовить специалистов, отвечающих требованиям постиндустриального информационного общества и обеспечивать устойчивое развитие страны, развиваясь на эндогенной основе. Новые веяния времени, особенности международной жизни порождают и новые тенденции в высшем образовании:

- увеличение масштабов высшего образования, обусловленное возрастанием роли науки в производстве и обществе;
- диверсификация высшего образования по институциональным формам, уровням и содержанию;
- интернационализация высшего образования по причинам политическим, экономическим, культурным и идеологическим, академическим и информационным [5].

В профессиональном образовании на смену идеологии «информативно-описательного преподавания» должна прийти идеология методологической направленности обучения, т.е. конструктивно-деятельностное получение научных знаний. Поэтому важным качеством современного специалиста, способного к творческой, инновационной профессиональной деятельности, является критичность мышления. Для студентов высший уровень сформированности критического мышления означает наличие интегративных мыслительных компетенций на основе синтеза логического и проблемного мышления, а также готовности их использовать в практической, профессиональной и социальной деятельности [9].

Качество высшего образования характеризуется востребованностью общества в образованных людях и в высококвалифицированном кадровом потенциале, но в настоящее время, прежде всего – удовлетворенностью самого выпускника полученным образованием. Согласно закону РФ «Об образовании», оно должно способствовать самоопределению личности,

создавать условия для ее самореализации, формировать человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества.

Цель современной образовательной системы - формирование ноосферного мировоззрения общества, которое основано на принципах единства существования человека и природы. В основе такой системы должны лежать фундаментальные (гуманитарные и междисциплинарные) знания, формирующие целостно-эволюционное мышление человека.

В современных условиях необходим пересмотр образовательных целей. Важно создание такой образовательной системы, которая формировала бы мировоззрение общества, основанное на принципах единства существования человека и природы. В основе такой системы должны лежать фундаментальные знания. Особенностью нового мировоззрения является совокупность общечеловеческих ценностей, составляющих основу открытого гражданского общества, в котором рождается коллективный разум как новое качество в отношениях между людьми, как новое качество общественного сознания. Формирование коллективного разума, в свою очередь, ведет к идее необходимости создания таких образовательных структур, которые бы вовлекали в образовательный процесс всех членов мирового сообщества [8, С. 203].

Образование сегодня является мощным фактором научно-технического, социально-экономического и культурного прогресса, оказывающим, благодаря своей полифункциональности, несомненное влияние на весь социальный организм. В современных условиях происходит осмысление сущностных функций образования, что и способствует выявлению системы его антропологических ценностей. Эта система является основой личностно-ориентированного образования, главные базовые ценности которого – самореализация, жизнетворчество, культурная идентификация, индивидуализация и др. - подтверждают тот факт, что истинной целью образования является его творческое развитие как субъекта культуры, социума.

Поэтому выход образования из кризиса – в новой парадигмальной политике. Только конкурентоспособное, основанное на высоких технологиях и последних достижениях современной мировой науки образование, основу которого составляют духовно-нравственные ценности многовековой культурной традиции России, через призму которых интериоризировались бы и общечеловеческие ценности, поможет решить проблему обеспечения национальной безопасности страны и гражданских свобод в долгосрочной перспективе.

Необходимость включения в новую картину мира идеи ответственности человека перед природой, возможности выбора, которые противостоят жестко детерминистскому представлению о пути человеческого развития, делает такую картину мира аксиологически по-новому маркированной. Введение в содержание аксиологии образования нового типа рациональности, основанного на кардинальных, субкардинальных, смысложизненных ценностях, ценностных принципах выживания и свободного развития сформирует ценностное общественное и личностное сознание, которое сможет служить общим пространством диалога различных мировоззрений, культур, традиций.

Поэтому этика образования призвана культивировать толерантность как терпимость к иного рода взглядам, нравам и привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям разных народов, наций и религий, является признаком уверенности в себе и признаком открытого для всех идейного течения, которое не избегает духовной конкуренции.

В заключении необходимо добавить, что рационалистическая система ценностей, со становлением и развитием которой связаны величайшие достижения западноевропейской цивилизации, к началу XXI столетия оказалась исчерпанной. Отсюда – потребность не только по-новому взглянуть на природу рационального сознания и механизмы его воспроизводства, но и осмыслить пути формирования новой духовности (в том числе новой рациональности), которая может послужить отправной точкой в социокультурном развитии всего человечества в XXI веке.

Библиографический список

1. Высшее образование в России: состояние и направление развития: аналит. Докл. / под ред. В.Л. Глазычева. – М.: Наследие Евразии, 2006. - С. 10.

2. Габинская А.А. Гуманитарный смысл образования / А.А. Габинская // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». – СПб., Изд-во Политех. ун-та, 2007. - С. 133-139.

3. Игнатьев В.И. Образование в информационную эпоху / В.И. Игнатьев, Ф.И. Розанов // Философия образования. – 2008. – №2 (23). С. 76-82.

4. Костецкий В.В. Полуобразованость и полунравственность в системе образования / В.В. Костецкий // Credo – 2006 – № 1. - С. 174-181.

5. Национальная система и образовательные стандарты высшего образования Российской Федерации: аналит. докл. / под ред. В.И. Байденко. – М.: 2006.

6. Панарин А.С. Глобализация в условиях современного мира / А.С. Панарин // Философия образования. – 2008. - №4 (25). - С. 238.

7. Потапчук Е.Ю. Ценности и метафоры (значение аксиологической проблематики в социогуманитарном образовании) / Е.Ю. Потапчук // Философия образования. – 2008. – №4 (25). – С. 35.

8. Пушкарев Ю.В. Информатизация как средство интеграции науки и образования / Ю.В. Пушкарев, Е.А. Пушкарева // Философия образования. – 2008. – №2 (23). - С. 203.

9. Шакирова Д.М. Технология формирования критического мышления старшеклассников и студентов / Д.М. Шакирова // Педагогика. – 2006. – №9.

10. Шелер М. Формы знания и образования / М. Шелер // Избранные произведения. – М.: Гносис, 1994. - С. 21.

Информация и гносеологические аспекты проблем глобального образования

И.Г. Борисенко (г. Красноярск)

Учитывая детермининантность процессов информатизации и глобализации, вопросы, взаимосвязи причинно-следственных явлений «информатизация» - «информационное общество» и другой пары «глобализация»-«глобальный мир» притягивает к себе внимание исследователей различных отраслей науки, однако необходимость социально-философского анализа становится все более очевидной. Особо обостряется информационно-когнитивный ракурс сферы высшего образования как базиса выживания нашего общества в условиях глобализации.

Актуальность проблематики, затрагиваемой в данной статье, обусловлена следующими факторами.

Во-первых, низкий уровень знаний абитуриентов предполагает интегративный подход к решению ведущих проблем вузов

Во-вторых, негативное отношение к ЕГЭ преподавателей вузов, согласно нашим исследованиям, не является предубеждением, а обусловлено низким уровнем базовых знаний.

В-третьих, хотя ЕГЭ упростил процедуру поступления в вуз и несколько уравнял шансы при поступлении в престижные ведущие вузы страны различных выпускников, однако, вместе с тем, существенно упростились и требования к качеству школьного, в том числе и математического образования.

Обозначим некоторые последствия введения ЕГЭ, которые приходится из года в год наблюдать многим вузовским преподавателям, работающим со студентами младших курсов, в основном с первокурсниками, основанные на личном опыте и высказываемые рядом коллег.

1. Введение ЕГЭ в экспериментальном режиме в 2002– 2008 гг., когда его результат влиял только на школьную оценку по алгебре и началам анализа, привел к тому, что геометрию в школе мы практически потеряли. Причем геометрическая составляющая подготовки будущих инженеров имеет огромное значение.

2. Поскольку ЕГЭ – экзамен письменный, заключающийся в выполнении заданий стандартизованной формы (сначала – трех видов, с 2010 г. – двух), поэтому вот уже много лет мы принимаем на первый курс «безмолвного» студента, который зачастую не знает, как описать словами стандартные математические действия, не говоря уже о доказательных рассуждениях [3].

3. Достаточно низкие результаты ЕГЭ по математике по всей России (стабильно около 25 % неудовлетворительных оценок во время эксперимента, согласно данным аналитического отчета Федеральный институт педагогических измерений (ФИПИ) по результатам ЕГЭ 2010 г. (математика) [1]), привели к тому, что «планка» получения удовлетворительной оценки на ЕГЭ снижена до выполнения трех заданий.

4. К сожалению, нет смысла останавливаться на том, что основное количество балов школьники получают в первой части экзамена, которая ни в коей мере не измеряет знания школьников, поскольку здесь ответы можно угадать, либо запомнить.

5. Анализ традиционных ошибок учащихся, допускаемых на ЕГЭ и результаты приведенного в диаграммах (рис. 1, 2) тестирования наводят на мысль о том, что обучение в 9–11 классах зачастую сводится только к «натаскиванию» учащихся на решение заданий определенного типа по некоторым стандартным алгоритмам.

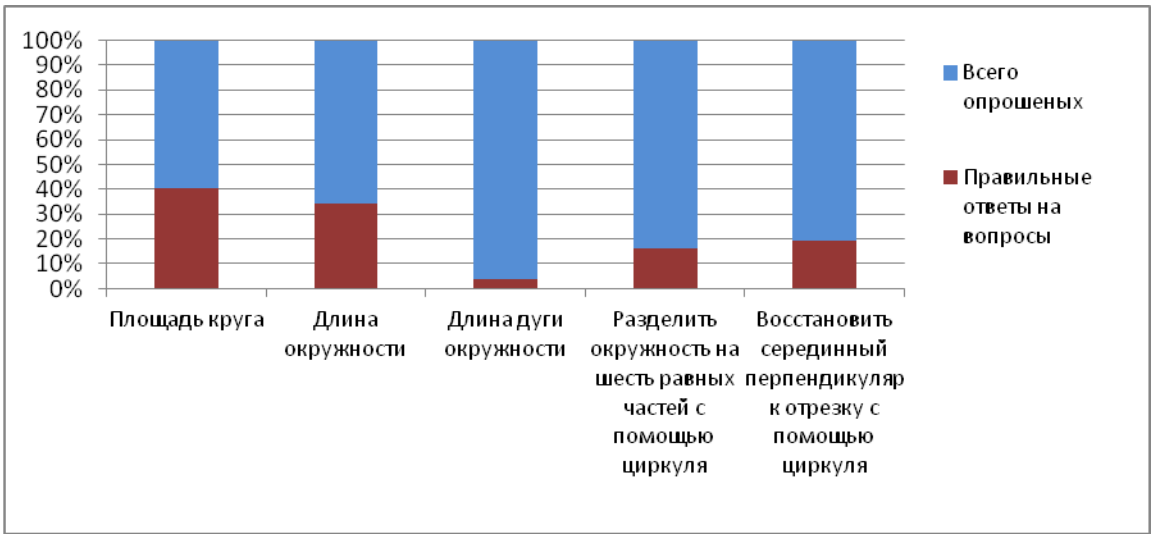


Рис. 1. Результаты правильных ответов на конкретный вопрос

Наша обеспокоенность будущим базовых дисциплин в вузе вынудила провести исследование, результаты которого выходят за рамки узкопрофессионального сектора проблем, а предполагают серьезный социально-философский анализ. При входном тестировании 105 студентам Политехнического института Сибирского федерального университета обучающимся по направлению подготовки бакалавров 221400.62 «Управление качеством», 221700.62 «Стандартизация и метрология», 151600.62 «Прикладная механика», 150100.62. 07 «Материаловедение и технология материалов в машиностроении», 150700.62.02 «Машины и технология обработки металлов давлением», 150700.62.04 «Оборудование и технология сварочного производства»и 151000.62.12 «Гидравлические машины гидроприводы и гидропневмоавтоматика» анонимно было предложно ответить на пять вопросов: 1 – площадь круга; 2 – длина окружности; 3 – длина дуги окружности; 4 – разделить окружность на шесть равных частей с помощью циркуля; 5 – восстановить к отрезку серединный перпендикуляр с помощью циркуля. Трагикомизм ситуации заключается в том, что ответы на эти вопросы, со-

гласно программе, обязан знать каждый ученик 5-6 классов. Тем не менее, результаты тестирования, сведенные в графики (рис. 1, 2), ошеломляют: 17 студентов не ответили ни на один вопрос, на четыре вопроса ответили 7 студентов, на все пять вопросов не ответил никто. Причем, два студента набравшие71 и 72 балла ответили только на один вопрос «чему равна площадь круга», и один студент, набравший 72 балла, не ответил ни на один из предложенных вопросов.

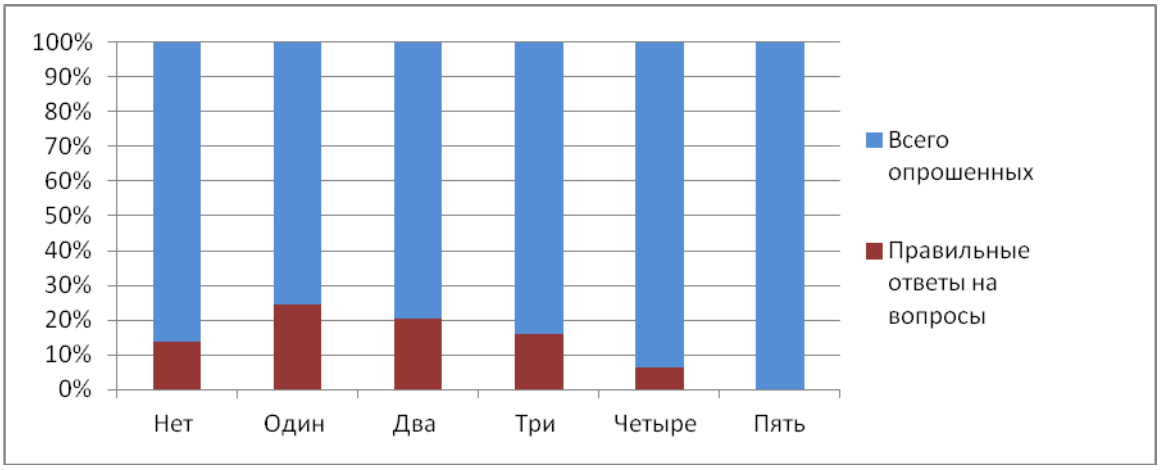


Рис. 2 Количество правильных ответов

Как следует из диаграмм, преподаватели вынуждены заниматься «дотягиванием» большинства студентов младших курсов до минимально возможного вузовского уровня. Хотя гарантированное поступление при невысоком ЕГЭ вступает в противоречие с требованиями к качеству подготовки абитуриентов и основным в настоящее время рейтинговым показателем вуза.

Результаты ЕГЭ этих студентов по математики приведены на рис. 3.

Важно отметить, что независимо от ЕГЭ, его формы, содержания, школьный учитель не должен забывать о том, для чего изучается математика, какое значение она имеет для формирования общей культуры человека. И главным результатом школьного математического образования должна быть математическая культура учащихся, позволяющая им ориентироваться в окружающем мире, продолжать свое образование в профессиональных учебных заведениях. Именно на этом базисе происходит выработка важных для формирование мировоззренческих установок навыков: анализировать, рассуждать, абстрактно мыслить, пользоваться профессиональным языком, представлять и понимать [4].

В результате опроса выявлено, что в настоящее время около 80% поступающих в технические вузы, к сожалению:

- практически не знают геометрию;
- не изучали в школе черчение;
- не обладают пространственным представлением;
- не умеют организовать самостоятельную работу.

К тому же, в реальности мы получаем абитуриентов, а потом и студентов как минимум половина из которых при поступлении не проявляла тяги к инженерной профессии.

Важность умения учиться самостоятельно становится в последнее время всё более актуальной по нескольким причинам. Главная из них – это переход к информационному обществу. Без навыков самостоятельного умственного труда человеку невозможно выжить в современном обществе. Самостоятельная работа студентов (СРС) сегодня является не просто важной формой образовательного процесса, а становится его основой. В стандартах высшего профессионального образования на внеаудиторную работу отводится не менее половины

бюджета времени. Также в течение всей жизни приходится постоянно пополнять свой информационный багаж, используя различные способы и формы образования (самообучение, дистанционное образование).

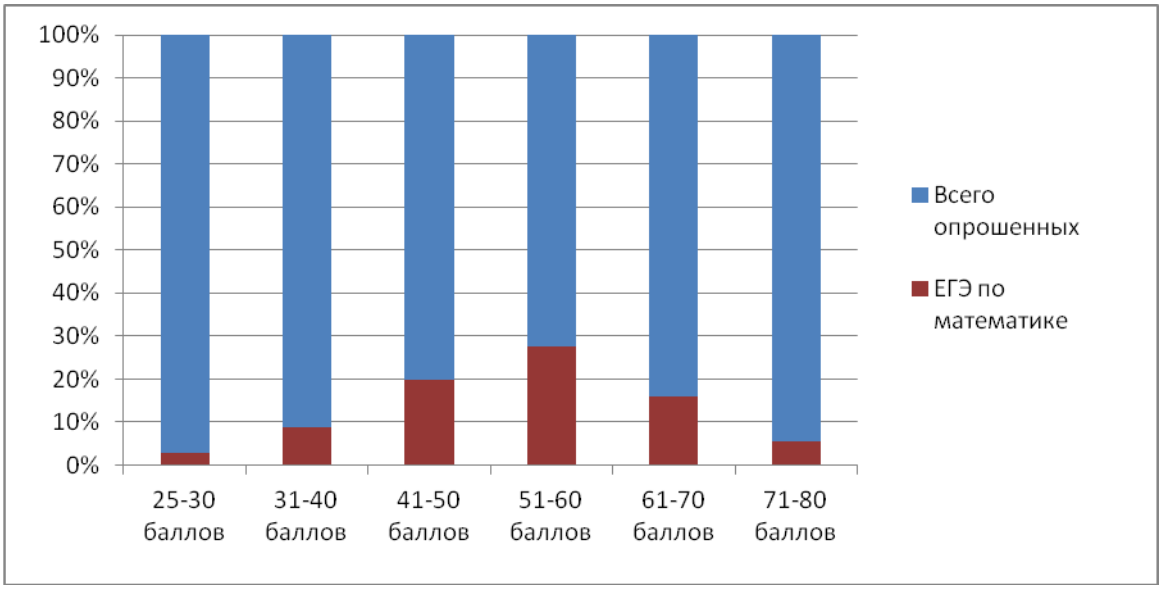


Рис. 3 Результаты ЕГЭ по математике анкетируемых студентов

Причиной и одновременно следствием сложившейся ситуации является непривлекательность инженерного образования. В частности, из графика (рис. 3) видно, что основную массу студентов технических специальностей составляют средние троечники – чем выше результаты ЕГЭ, тем меньше поступивших на инженерные специальности. Естественно, что трудно выработать привлекательность профессии инженера на фоне все продолжающегося закрытия крупных промышленных предприятий (мелкие и средние – давно закрыты), невысоких зарплат и т.п. Не способствует этому и современное искусство. Если проанализировать продукцию современного кинематографа за последнее десятилетие, то мы убедимся, что главными героями выступают олигархи, сидящие на «нефтяных и газовых трубах», банкиры, юристы, воры, бандиты и т. д., а также их дети, обучающиеся в самых престижных учебных заведениях мира, ведущие праздный образ жизни. Инженеру, как правило, отводится роль загнанного в угол опустившегося, отчаявшегося неудачника, готового на любые неблаговидные поступки ради погашения ипотечного кредита, оплаты лечения и т. п.

Перед образовательной системой стоит задача - научить учащихся учиться самостоятельно, приобретать знания из различных источников информации самостоятельным путем, овладеть как можно большим разнообразием видов и приемов самостоятельной работы. Цель СРС -научить студента осмысленно и самостоятельно работать сначала с учебным материалом, затем с научной информацией, заложить основы самоорганизации и самовоспитания с тем, чтобы привить умение в дальнейшем непрерывно повышать свою квалификацию. Обучение – это приобретение новой информации для целесообразной деятельности. Основу разумной деятельности человека обеспечивают информационные процессы восприятия, запоминания и извлечения образов объектов и событий окружающего мира.

Тем не менее, как показывают исследования, пока эта задача решается не на должном уровне. По крайней мере, с сегодняшним уровнем базовых знаний о модернизационном рывке нашей страны остается только мечтать.

Проведенное исследование позволяет сделать определенные выводы.

Во-первых, современное состояние образования катастрофически ухудшается не по вине преподавателей, а в результате непродуманных реформ, провоцирующих проблемы, связанные с:

- количеством образовательных предметов, и

- их содержанием и объемом в учебных программах,
- проблемой оптимального сочетания традиционных консервативных и инновационных подходов в образовательной сфере.

Все это приводит к серьезным «перекосам», имеющим место в учебных планах, разработанных по новым образовательным стандартам [2].

Можно заключить, что большинство студентов младших курсов не умеют работать самостоятельно с предложенной информацией и, как результат, не в состоянии ориентироваться в современном информационном пространстве.

Таким образом, мы считаем, что для преодоления указанных проблем необходимо повысить индивидуальную работу со студентами, позволяющую выявить действительный уровень знаний и одновременно научить их работать самостоятельно, пользоваться учебной и научной литературой, т. е. свободно ориентироваться в информационном пространстве, что и является одной из важнейших составляющих образования.

Библиографический список

1. Аналитический отчет ФИПИ по результатам ЕГЭ 2010 г. (математика) [Электронный ресурс]. URL: http://www.fipi.ru/view/sections/138/docs/522.html (дата обращения 02.12.2010).

2. Борисенко И. Г. Информация в образовательной системе: особенности социально-философского исследования. // Вестник ИрГТУ. – 2012. – №4.

3. Шашкина М.Б., Владимирова А.Э., ЕГЭ по математике: оценка качества образования или удар по качеству? // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, 18-21 мая 2011 года / Н.И. Пак (отв. ред.); ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2011. – 174 с., С. 57-59.

4. Кови, Стивен Р. Восьмой навык: От эффективности к величию /Стивен Р. Кови // Пер. с англ. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 422с.

Особенности патриотического воспитания в условиях геополитических трансформаций

Е.В. Сидоренко (г. Красноярск)

Актуальность исследования проблем, связанных с патриотическим воспитанием, во многом детерминирована тем фактом, что современная глобализация несет в себе не только единение человечества, но и угрозу потери своей идентичности. В результате происходит национальное обезличивание, проявляющееся в неуверенности, безнадежности, чувстве страха, безработице для большинства народов мира. Можно отметить следующие ведущие факторы глобализации: коммуникационное сжатие мира; резко возросшая степень взаимозависимости современного общества; усиление процесса взаимодействия различных культур; «разгосударствление» международных отношений, усиление роли транснациональных корпораций. Особо стоит рассмотреть трансформацию морали в глобализирующемся мире. Все это влияет на степень патриотизма в обществе и его воспитание в школах и вузах.

Цель патриотического воспитания состоит в том, чтобы сохранить видение единства человечества и его исторических судеб вместо того, чтобы невольно потакать новому западному расизму, поскольку практически все страны подвергаются социал-дарвинистскому натиску и лишаются прав на нормальное человеческое существование. Например, в отличие от российского, американское общество не может вбирать мировые конфликты и разрешать их внутри себя. Поэтому единственным способом выполнения его объективной всемирно-исторической функции является построение такого мира, в котором США будут гасить всю «чужую», то есть не соответствующую их интересам, пассионарность. В современном неста-

бильном мире американское общество может существовать только как мировой жандарм, подавляющий патриотизм.

На современном этапе геополитики, как сформировавшегося явления, не существует. Между странами мира остаются различные барьеры и ограничения, нет общих правил регулирования экономик стран с переходной экономикой, развивающихся и развитых стран. Но вступление в XX1 век знаменуется новой эпохой глобализации экономики, которая имеет как положительное влияние на все сферы развития стран, так и негативные характеристики.

В докладе VIII Международного конгресса ООН отмечается, что факторы, провоцирующие агрессивность: «бедность значительной части населения мира, базработица, неграмотность, нехватка доступного жилья, несовершенство системы образования и подготовки кадров, …обострение социального неравенства, ослабление семейных и социальных связей, недостатки воспитания, негативные последствия миграции, разрушение культурной самобытности, недостаток объектов культурно-бытового назначения, а также распространение средствами массовой информации идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости». Эти материальные предпосылки становятся еще более реальными и опасным, когда они вызывают к жизни латентное психологическое давление, которое часто недооценивается. Об этом пишет в своем исследовании Дж. Мазарр проф. Стратегии национальной безопасности Национального Военного Колледжа США. Таким образом, эта часть населения, можно сказать, еще не стала историческим субъектом, сознательно выбирающим образ и уклад жизни, свое нравственно-этическое «я». Оставаясь историческим объектом, оно находится во власти чуждых сил и экзистенциальных ориентаций, пополняет толпу, легко доступную для манипуляций.

Методология исследования геополитики носит разнообразный характер. Например, А. Дугин отмечает, что «вся методология геополитического исследования основана на применении принципов глобального геополитического дуализма Суши и Моря к более локальным категориям. При анализе любой ситуации именно планетарная модель остается главной и основополагающей. Те соотношения, которые характерны для общей картины, повторяются и на более частном уровне» [1, с. 23].

Доктор политических наук Мансуров Т.А., Генеральный директор ЕВРАЗЕС издал книгу [2 с. 312], в которой раскрываются особенности создания правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства. В монографии представлена история евразийской интеграции за последние 20 лет, показана практика разработки договорно-правовой базы, проанализирована деятельность отраслей реального сектора экономики и социальной сферы стран ЕВРАЗЕС и многие другие вопросы.

Из альтернативных моделей идентификации особенно четко проявила себя в последние десятилетия так называемая «локальная модель». Глобализация, размывающая национальную государственность, резко усиливает тягу к конструированию локальной, местной идентичности, что нашло отражение в появлении литературе специального термина «глокализация», призванного охарактеризовать амбивалентность социальных и культурных стратегий глобализирующегося социума. Вместе с тем, ученые, в частности, , считают, что сведение всего многообразия зарождающихся идентичностей к простому противопоставлению «глобальное-локальное» едва ли может считаться верным, поскольку далеко не каждая идентичность легитимизирует свое существование через идею общего прошлого, которое может быть связано с прошлым другой социальной группы. Дробление и распад исторических меганарративов как раз и вызывается общей децентрализацией идентичностей, а не простой их переориентацией с национального государства на локальную местность.

При периодизации по цивилизационным признакам (по А.Тойнби) в истории выделяются три поколения человеческой цивилизации, представляющие собой своеобразные этапы глобализации, и считается, что ныне зарождается четвертое поколение локальных цивилизаций. В качестве критерия периодизации истории с точки зрения глобализационных процессов А.Тойнби берет возникновение и развитие той или иной мировой религии. При этом вне пределов классификации остается дорелигиозный период истории человечества, а также дру-

гие факторы и критерии, действующие наравне с религиозными отношениями как с момента зарождения и последующего развития религий, так и особенно в современных условиях.

Х.Барлыбаев предлагает периодизацию глобализации по уровням развития материальной культуры и ступеням социокультурной зрелости человечества. С точки зрения параллельного, взаимосвязанного и взаимообусловленного созревания и развития материальной культуры, социогенеза и социокультурной зрелости человечества, с одной стороны, и глобализации его жизнедеятельности, с другой, представляется возможным выделить следующие исторические периоды:

1) эмбриональный;
2) приспособления к земной жизни;
3) освоения земной жизни;
4) духовно-поисковый;
5) материально-накопительный;
6) интеллектуально-гуманистический [3, с. 68].

Отрицание Марксом единого закона развития общества – это следствие неразвитости тогдашней общенаучной методологии, в силу чего не было осознано то обстоятельство, что любое поступательное движение имеет свой закон динамический или статистический. Гегель, напротив, признавал существование единого закона истории, но по своему обыкновению высказывал эту мысль в метафорической форме, говоря о всемирном суде над государствами, о праве мирового духа.

Для обозначения сомнения высказывались довольно веские аргументы.

1. Утверждалось, что к процессам, протекающим в обществе, нельзя подходить с позиций строгой причинности, поэтому о законах его развития не может быть и речи.

2. Будущее состояние общества непредсказуемо, поскольку знание есть непременный аспект общества, а предвидение будущего знания –это формально-логическое противоречие в самом определении.

3. Исходя из этого предлагалось вместо внеличностных исторических тенденций рассматривать индивидуальную и коллективную активность людей с учетом их капризов, свободного выбора и пр.Таким образом, можно познавать лишь закономерности конкретных исторических событий в ограниченном временном масштабе.

Отдельные критические замечания упомянутых авторов относительно конкретных исследуемых ими схем общественной эволюции необходимо признать справедливыми, однако их сомнение в возможности разработки универсальной схемы общественной эволюции вполне устранимо. При этом предполагаемая схема должна удовлетворять ряду условий. В частности в ней должны найти теоретическое отражение:

1) Признаки, позволяющие отделить один этап эволюции общества об другого;

2) Вероятный источник энергии общественного развития;

3) Возможные в настоящий момент направления этого развития;

4) в ней действительно должна быть учтена деятельность людей с учетом свободного выбора;

5) Схема эволюции должна способствовать нахождению путей и способов управления общественной эволюцией, необходимость чего отмечалась в литературе [4, с. 446].

Однако представляется целесообразным дать расширенное и уточненное изложение концепции эволюции. В данной связи необходимо: 1) изложение основных проблем теоретического описания общественной эволюции; 2) формирование понятийных средств, пригодных для построения теоретической схемы названной эволюции.

Необходимо уточнить проблему нахождения признаков (первое условие), позволяющих отделить один этап эволюции от другого, т.е. периодизацию общественного развития.

Проблема выявления в обществе признаков, отделяющих один этап общественной эволюции от другого, не слишком отчетливо понимается обществоведами. Создается впечатление, что большинство исследователей пользовались интуитивно созданными или предполагаемыми критериями. Иначе говоря, признаки, свойственные этапам общественного развития, чаще всего методологически обоснованы недостаточно, а поэтому теоретические конструкции грешат чрезмерным субъективизмом [5, с. 12-22].

Для понимание сути геополитических процессов важно иметь в виду, что центральная идея была достаточно проста: единственное, что имело значение в истории, так это спорадический, но неизбежный прогресс Свободы. Это позволило националистически настроенным историкам установить величественно-европоцентристское видение человеческого прошлого, поскольку Свобода (определенная в значительной степени с точки зрения политических институтов) среди европейских государств – как древних, так и современных – была, так сказать, у себя дома. Остальной мир присоединился, соответственно, к главному течению истории только после открытия, заселения или завоевания европейцам. Не всегда подлинную, в чем-то искаженную глобальную историю было легко конструировать по этим линиям [6, с. 20].

Второй важный аспект исследования – это различие между глобальным и региональными ракурсами понимания геополитических процессов современности, поскольку глобальное и региональное реализуется как различие глобальных и локальных сетей. Является мифом мнение о том, что компьютерная сеть дает возможность абсолютного выражения индивидуальности. На самом деле главным является сеть, организация, а не отдельный человек. Выход из кажущегося противоречия между развитием глобальных и локальных сетей сегодня инстинктивно находят в форме так называемых «виртуальных сообществ» — своеобразных новых коммун. Большинство американцев живут сегодня в предместьях. Именно здесь сформировались своеобразные гетто для среднего класса. Билл Гейтс в своей книге «Будущее информационного общества» провозгласил «смерть города». Компьютерная сеть дает возможность работать, покупать, развлекаться и общаться не выходя из дома [7, с. 100-122].

В настоящее время глобальная проекция американской мощи стала фактом и повсеместно сказывается на жизни людей независимо от того, критикуют они ее или же удовлетворены тем, что Соединенные Штаты взяли на себя заботу о привнесении в наш мир порядка и свободы. Браним ли мы американскую империю , называем ли ее виртуальной, либеральной или даже неоимперией, она реально существует. Однако, как отмечает А.Этциони, она уже начала превращаться в нечто совсем иное. В связи с этим уместно задуматься над тем, что произойдет в дальнейшем и как усовершенствовать наш мир» [8, с. 4-5].

Одним из наиболее крупных и фундаментальных вопросов конца XX в. являются взаимоотношения между США и окружающими странами, под которыми понимаются не только и не столько американский внешнеполитический курс, а вся совокупность взаимосвязей, включающая и роль окружающего мира в становлении США, как государства и мировой державы, и продолжение его воздействия на американское общество и государство на современном этапе, и обратную связь - от США к окружающему миру.

З. Бжезинский утверждает, что цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени, и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчить неизбежные потрясения, и напряженность, вызванные социально-политическими переменами, в то же время формируя геополитическую сердцевину взаимной ответственности за управление миром без войны». Тем самым Збигнев Бжезинский выражает точку зрения той части правящих кругов США, которая открыто выступает за безоговороч-

ную гегемонию Америки в международных отношениях после завершения холодной войны и формирование нового однополярного миропорядка.

Концепция Бжезинского проявляется в ясном понимании американским исследователем того, что основной геостратегической задачей США является установление и сохранение контроля над пространством Евразии. При этом «единственную угрозу американской империи представляет Россия, которую поэтому следует изолировать и расчленить». Отсюда Бжезинский приходит к соображению о зависимости контроля США над Евразией от согласия на это со стороны двух американских протекторатов: Европы и Японии – пока те поддерживают претензии США на мировое лидерство, американская империя неуязвима

Учитывая мощь США, их роль в международных отношениях в начале нынешнего столетия, понятно, что в данном случае речь идет о таком сильном влиянии на окружающий мир, которое вряд ли сопоставимо с чем-либо еще. Во-первых, это воздействие последней, оставшейся от эпохи холодной войны сверхдержавы, которая и сейчас ощущает себя таковой и - главное - хочет вести себя как сверхдержава. Во-вторых, это страна, которая давно, фактически со времен своего образования, привыкла ощущать себя «избранной», «особой», «наиболее любимой богом». В-третьих, США обладают крупнейшей военной силой современности, осуществляя контроль (самостоятельно или через систему союзов) практически над всеми ключевыми регионами мира. Наконец, США задали темп и вектор движения всему современному миру своей этикой, политическим мышлением, технологическими прорывами, а главное - гласным, публичным и обстоятельным разбором собственных достижений и провалов, на чем учатся остальные члены международного сообщества.

Таким образом, при оценке перспектив новой международной системы, в которой США превращаются в своего рода глобальную метрополию, возникают и вопросы, и сомнения, которые в практической политике обретают форму антиамериканизма и недоверия к США, нежелания воспринимать их лидерство. Как пишет американский исследователь Дж.Най, «популярная американская культура обладает глобальным влиянием вне зависимости от того, что мы с ней делаем. Просто не существует возможности избежать влияния Голливуда, CNN и Интернета, американских фильмов и быстро подаваемых телевизионных новостей, индивидуализма и постоянной тяги к переменам (равно как показа секса и насилия). В общем и целом, глобальный охват американской культуры помогает нам усиливать нашу «мягкую мощь» - культурную и идеологическую привлекательность [9, с. 29-30]

В 1991 г. президент Буш-ст., уничтожая иракские танки, действовал локально, но мыслил глобально: «благодаря тому, что мы сделали, нам уже не придется использовать американские войска по всему миру. Теперь, когда мы называем что-либо объективно правильным… народы должны слушать нас». Нериторический характер сказанного подтвердил малоизвестный тогда заместитель министра обороны Сша Пол Вулфовиц. Будучи ответственным за координацию ежегодных обзоров т.н. Директив в области обороны, Вулфовиц пришел к выводу, что в мире, после операции «Буря в пустыне» и краха восточного блока, сложилась необычная, чрезвычайно благоприятная для США ситуация, требующая пересмотра устаревших оснований внешнеполитической стратегии для Америкии. Центральной реальностью новой эры было безграничное американское всемогущество. Созданный Вулфовицем после победы над Ираком в 1991 г. документ призвал сформировать американскую стратегию, направленную на то, чтобы «убедить потенциальных соперников не пытаться обрести более значимую роль и не занимать агрессивную позицию для защиты своих легитимных интересов». Соединенные Штаты должны «разубедить развитые индустриальные нации делать попытки бросить вызов лидерству Америки или пытаться изменить установившийся политический и экономический порядок». Соединенные Штаты обязаны «поддерживать деятельность тех механизмов, которые страхуют от возникновения потенциальных соперников, стремящихся играть более важную региональную или глобальную роль.

Манифест Вулфовица являет собой явный обрыв с прежней линией, олицетворяемой Президентами В.Вильсоном, Ф.Рузвельтом, Дж.Кеннеди, деятельность которых была на-

правлена на то, чтобы «обеспечить выживание свободы». Вулфовицже высказался на языке силовой дипломатии, на языке предзаданного порядка. Он не обращается к возвышенным идеалам, к пафосу, подобному «четырнадцати пунктам» В.Вильсона или инаугурационному посланию Дж.Кеннеди. Попав в прессу, созданный Вулфовицем документ, вызвал значительную критику внутри американского общества. Сенатор-демократ Крэнстон отразил мнение многих, заявив, что видный чиновник при президенте Буше-ст. «желает видеть Америку единственным распорядителем мира». «Мы убеждены, что, несмотря на все попытки Запад распространить присущие ему формы социальных и политических отношений в планетарном масштабе, в обозримом будущем в странах периферии не появится ничего похожего на западные демократические режимы» [10, с. 133].

В XX в. человечество разгадало механизмы мифологического сознания и по своему теперешнему обыкновению сделало из этого знания технологию мифологизации массового сознания (в изобилии появились специально сконструированные новейшие мифы «общества всеобщего благосостояния», «общества равных возможностей», «светлого будущего всего человечества», «тысячелетнего рейха», «открытого общества» и т.п.). Отметим основные мифы «информационного общества».

А) является ли современное общество таким уж «информационным»? Представляется, что дело обстоит несколько иначе: невероятные по сравнению с прошлым технические возможности создавать и перерабатывать, пользоваться информацией, -породили столь же невероятный информационный «шум». Как в древности из галдежа и шума заседаний какого-нибудь народного собрания греческого полиса нужно было еще выудить крупицы осмысленных суждений, так и сегодня колоссальное количество пользователей сетей Интернет, авторов бесчисленных издательств и журналистов всевозможных СМИ пролуицруют на самом деле «шум», который надлежит просеивать и фильтровать, чтобы извлечь действительную информацию.

В) в философии поднялась волна якобы критического переосмысления всех прежних принципов и ценностей – в соответствии с новыми реалиями, возникшими в обществе.

Обнаружился кризис основополагающих идеологий: либерализма, прогрессизма, рационализма и гуманизма.

К рубежу XXI столетия привычные европоценричные геополитические образы уже сосуществовали в едином метагеополитическом пространстве с быстро развивающимися геополитическими образами Америки и США, причем последний рассматривался (номинировался) и как европейский. Возникла своего рода образная «вилка», расхождение между традиционными геополитическими конструкциями первой половины XX в. и метагеополитическими реалиями его конца. Новые геополитические образы, наложившиеся на сохранившиеся старые представления о Европе как главной арене наиболее важных мировых политических событий, сами во многом «кроились» по европейским «нормативам» столетней давности. Политические действия США конца XX столетия в Европе и за ее пределами напоминали аналогичные действия Великобритании в XIX в. Вместе с тем необходимо констатировать «прыжок» геополитического пространства мира на новый «энергетический» уровень, когда большинство политических конструкций, решений и действий определялось взаимодействием, соперничеством и борьбой глобальных геополитических образов, подавляя все патриотическое.

Большинство западных экспертов склонны полагать, что наряду с завершением этнотерриториального передела, непосредственно вызванного распадом биполярной мировой системы, свою роль в некотором ослаблении конфликтного потенциала в середине 90-х сыграли меры политико-экономического и военного характера, предпринятые правительствами и государствами, территория которых стала ареной этнополитических конфликтов и гражданских войн, а также резко возросшие международные усилия по регулированию конфликтов.

Отсюда вытекает еще одна особенность в изменении характера патриотического воспитания, связанная с постепенным размыванием условной грани между конфликтами низкой интенсивности (протекающими в форме массового терроризма, партизанских войн против правящей политической элиты, движений сепаратистского типа, приграничных конфликтов из-за спорных территорий) и средней интенсивности (противостояние между региональными центрами силы на уровне обычной войны). Усреднение интенсивности региональных конфликтов 90-х годов связано с появившейся после окончания холодной войны возможностью ведения продолжительных крупномасштабных военных действий без опасности перерастания их в глобальный конфликт и массовым притоком оружия в регионы. Для них характерна также ограниченность ресурсов воюющих сторон, недостаточных для поддержания конфликта на уровне обычной войны. При этом возрастает зависимость военных действий от сезонных факторов и профессионализации лишь части участвующих в них вооруженных формирований. По мнению С.Хантингтона, современный миропорядок характеризуется наличием одной сверхдержавы, окруженной несколькими самостоятельными, но существенно меньшими по военному или экономическому потенциалу центрами, способными не только пойти на конфликт друг с другом, но и бросить вызов и серьезно осложнить жизнь такой сверхдержавы [11, с. 532].

Совокупность наиболее важных действий, тактик и стратегий в современном образном геополитическом пространстве есть метагеополитика. Ее базовой составляющей являются хорошо продуманные геополитические PR-кампании по созданию, расширению и культивированию тех или иных геополитических образов. Суть метагеополитики – разработка взвешенных действий в пространстве существующих геополитических образов, а также конструирование новых, достаточно мощных и эффективных. Все это предполагает особые подходы к патриотическому воспитанию.

Занимаясь патриотическим воспитанием, важно учитывать все особенности современной геополитической картины мира. При оценке современных проблем в понимании геополитики следует отдавать себе отчет, что речь идет о трансформации старых проблем в новые. Требуется найти законы функционирования и развития метагеополитических пространств, их конфигураций и образных метагеополитических ансамблей. Обнаружение таких законов – главное условие развития современной геополитики как теоретической науки, прикладной дисциплины и области проектной деятельности.

На первых порах апелляции к геополитике, как и к национальному интересу, выражали претензию политиков, экспертов и журналистов на деидеологизированность и реализм, якобы в противовес эмоционально-идеологическим установкам реальных или предполагаемых оппонентов. При этом прокламируемые «реализм» и «геополитика» обретали самые разные прагматические аранжировки, в зависимости от того, какой именно идеологии противопоставлялись. Именно на этом фоне вырабатываются те или иные подходы к патриотическому воспитанию. Кроме того, важно учитывать, что сторонники нового социокультурного детерминизма, формирующие геополитическую картину мира, проявляют себя довольно агрессивно. Современными учеными раскрывается содержание понятия «социальная агрессивность»: антропологических оснований гендера, критериев человеческой агрессивности, определения социокультурных, экономических и социально-психологических причин возрастания социальной агрессивности, определения «нормы» агрессии, соотношения конфликта и агрессии, конструирования культурных кодов «агрессия» и «симулякров» реальности посредством СМИ, основных видов вербальной агрессии, исторических корней религиозной агрессии и внерациональных форм ее преодоления. Патриотическое воспитание предполагает не только формирование чувства любви к родине, но и гармоничные отношения с другими народами. В данной связи важно учитывать, что способностью к закономерной внутренней динамике обладает лишь одна из множества существующих на Западе цивилизаций – западная. Одновременно только за нею признана способность ко всемирному распространению и

образованию единого планетарного государства. Однако подобная установка серьезно трансформирует представления о чувстве патриотизма.

Для понимания сущности патриотического воспитания в условиях геополитических трансформаций важно учитывать еще один важный фактор, Во многих странах пришли к осознанию того, что бездумное доверие к западным теориям приводит к неполному, даже искаженному пониманию местных культур и их представителей. Постепенно в странах «третьего мира» приступили к созданию индигенных теорий, «стремящихся взглянуть на группу глазами ее членов» и учитывающих социальный и культурный контекст – ценности, нормы, систему верований конкретной этнической общности.

Библиографический список

1. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: «Арктогея», 1997.
2. Мансуров Т.А. ЕВРАЗЕС –от экономического сотрудничества к Единому экономическому пространству. – М.: Русский раритет, 2011.
3. Барлыбаев Х.А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. – М.: Издание Государственной Думы, 2003.
4. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
5. Смирнов П.И. О социологическом моделировании общественной эволюции // Социологические исследования. - 2004. – №8.
6. Макнил В. Меняющийся образ всемирной истории // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. –Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
7. Марков Б. В. Человек и глобализация мира // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I. С.-Пб.: Петрополис, 2001.
8. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004.
9. Мильчин И. Культура как фактор американского глобального влияния // Философские науки. – 2003. – №3.
10. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. – 2001. – №6.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.

РАЗДЕЛ 5.

ДУХОВНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Духовные основания педагогической антропологии

А. А. Корольков (г. С.-Петербург)

Попытки отыскать истоки антропологии приводят к весьма неоднозначным результатам. Пожалуй, мало кто сомневается, что происхождение антропологии следует связывать с античностью и, прежде всего, с Аристотелем. Тем не менее, тот, кто отыскивает сам термин «антропология» в сочинениях Аристотеля, убеждается, что такового у Аристотеля нет. Обнаруживается лишь близкий, однажды употребленный Аристотелем в «Никомаховой этике» термин, переводимый как «говорящий о человеке» и «обсуждающий людей» [1, с. 51. Термин «антропология», как показал архиепископ Тихвинский, ректор Санкт-Петербургских Духовных академии и семинарии Константин, появился лишь в XVI веке в Германии, в анатомическом труде Маднуса Хундта «Антропология о достоинстве, природе и свойствах человека и об элементах, частях и членах тела человека» (Leipzig, 1501). Между тем, как следует из всего контекста исследования истории антропологии в цитируемом труде архиепископа Константина, содержательно антропологические темы обсуждались задолго до появления термина «антропология», иначе не упоминались бы антропологические высказывания в Библии, и особенно в трактатах св. Григория, епископа Нисского «Об устроении человека» (IVвек) и епископа Эмесского «О природе человека» (начало V века). Их *антропология* находится в пограничной области, частично относясь к сфере богооткровенных истин и частично приходя в соприкосновение с данными «внешних наук»: философией, естествознанием, медициной [2, с. 147]. «Именно в христианскую антропологию, – отмечает архиепископ Константин, – идеи классической философии всегда проникали наиболее свободно, что имело, однако, не всегда положительные последствия. Например, идея переселения душ Платона» [3, с. 52]. Такова обоснованная позиция современного богослова, глубоко исследовавшего «первый систематический опыт философского обоснования православной антропологии» [4], а именно – двухтомное сочинение В. И. Несмелова «Наука о человеке».

Объект, и даже предмет антропологии, существовали задолго до того, как появился сам термин «антропология», причем обсуждались проблемы и телесной, и духовной антропологии в работах мыслителей с разной интонацией: у античных философов в большей степени звучала тема «душа – тело», в патристике – «духовное – телесное», а в Новое время вновь зазвучала античная тема души и тела как психофизическая проблема. Немецкие диалектики, особенно Гегель, отвергли психологизацию этой темы и апеллировали к абсолютному *Я,* или Абсолютному Духу, но во всех этих усложняющихся спекуляциях по поводу Духа исчезали высота и цельность христианской антропологии, достигнутые в святоотеческих текстах.

Еще раз подчеркнем, что при определении истоков антропологии следует искать не слово «антропология», а антропологическую тематику, нацеленность на постижение человека, его особой природы. Ныне общеизвестное слово «экология» появилось по историческим меркам не слишком давно, рождение термина «экология» связывают с Геккелем, между тем ясно, что проблематика экологии как науки о взаимодействиях живых систем со средой существовала задолго до Геккеля и, соответственно, до предложенного им научного понятия.

О телесной и духовной областях антропологии говорят в науке не один век, поскольку антропологию рассматривали еще в XIX столетии как учение о естественной истории и природе человека. При этом исходили из того, что телесной антропологией занимаются преиму-

щественно физиология и комплекс наук соответствующего медикобиологического направления, а духовная составляющая антропологии представлена психологией/

Вопреки расхожим отождествлениям антропологии с комплексом медико-морфологических и физиологических знаний, напомню, что даже Аристотель относил антропологию к постижению духовного в человеке. Лишь в XVIII – XIX веках монополизировали антропологию естествоиспытатели (Бюффон, Ламарк, Блюменбах, Окен). Характерна изданная в 1847 году в Штудгарте книга Карла Фридриха Бурдаха «Anthropologic fur das gabildete Publicum», где представлены в последовательном развертывании учения об органах кровообращения и о нервной системе, об органах движения, об ощущениях, о волевых качествах человека, и далее – о творческих способностях; здесь же описываются этапы онтогенеза человека. Затем от этой общей антропологии он переходит к частной – определяет место человека среди животных, описывает человеческие расы, их первобытную историю и дальнейшее расселение и завершает исследование оптимистическими прогнозами о просвещенном человечестве.

С середины XIX столетия антропология накрепко связала себя с медициной: профессор медицинского факультета Поль Брок организовал парижское антропологическое общество, он же начал активно внедрять метрический метод в антропологию, который впоследствии приобрел столь печальную репутацию в связи с идеологическим использованием метода для утверждения расового превосходства – именно эта линия привела к дискредитации антропологических исследований, которая не забыта и в современном обществе.

Философия и религия всегда занимались проблемами человека, но поскольку естествознание в его развитых формах обособилось и от метафизики, и от богословия, то антропология натуралистическая лишена возможности создать целостное учение о человеке.

Всем хорошо известно, что дифференциация знаний уводила науки о человеке друг от друга, накапливая взаимонепонимание. В наибольшей степени пропасть пролегла между учением о телесности и духовности. Здесь закрепился накрепко дуализм. Телесное бытие человека изучали и изучают медикобиологические науки с всевозрастающим комплексом дисциплин, сопряженных с медициной и биологией, – от биохимии, биофизики до медицинской географии и экологии.

Наши попытки воспринять и передать современной интеллигенции, в первую очередь, философам и педагогам, христианскую антропологию всегда будут уступать по глубине, основательности и аутентичности богословским исследованиям. Чтобы избежать участи занять некую «среднюю («околоправославную») позицию», в каковой оказался, например, С. С. Хоружий с его «Аналитическим словарем исихастской антропологии» или «Диптихом безмолвия» [5], попытаемся высказывать о христианской антропологии лишь такие суждения, которые имеют прочное основание в признанных православным богословием источниках и, главное, осуществить «постоянное стремление быть верным духу Предания» [6].

Святоотеческая антропологическая традиция лишена односторонностей субъективизма, «психологизма Запада». Среди исследователей святоотеческой, то есть в подлинном смысле христианской, антропологии исключительное место заняла диссертация Киприана (Керна) «Антропология Григория Паламы». Духовный опыт отцов Церкви приоткрывает тайну о человеке, по очень тонкой оценке современного богослова А. И. Сидорова, «книга отца Киприана ценна в первую очередь именно тем, что она передает этот духовный опыт..., сообщая суть святоотеческого «предания о человеке», которое как бы «фокусируется» в антропологии св. Григория Паламы» [7].

8 апреля 1945 года состоялась публичная защита диссертации архимандрита Киприана (Керна) на соискание степени доктора Церковных наук в Совете Православного Богословского института в Париже. Хотя диссертация, казалось бы, подразумевала погружение в богословские споры XIV столетия и могла быть сугубо историческим исследованием лишь учения св. Григория Паламы, тем не менее вступительное слово на защите диссертации Киприан (Керн) озаглавил с предельной антропологической широтой: «Тема человека и современность». Даже по оглавлению видно, что большая часть труда относится к историческому становлению

святоотеческого учения о человеке, с I по XIV век, «что делает его незаменимым справочником по святоотеческой антропологии» [8, с. 209]. И не только справочником, но и фундаментальным авторским осмыслением всей полноты тем, принадлежащих христианской антропологии.

Христианскую антропологию открыли не в Париже, но антропологию исихазма, особенно св. Григория Паламы, безусловно, открыла русская школа духовных мыслителей в Париже.

Об исихазме писал В. Н. Лосский, но специальные фундаментальные труды, к тому же, и докторские диссертации об антропологии св. Григория Паламы, принадлежат архимандриту Киприану (Керну) и о. Иоанну Мейендорфу.

Во вступительном слове на защите диссертации Киприан (Керн) признавался, что имя св. Григория Паламы «мало что говорило уму начинающего студента-богослова» [9, с. 125]. Дело состояло не просто в недостаточной осведомленности студента второго курса. «Если о Паламе, продолжает Киприан (Керн), знают из истории христианской Церкви и византийского богословия, то только как об участнике споров о Фаворском свете и как о руководителе афонских исихастов.... О Паламе и исихастах писали вообще не много.... О Паламе не написано еще ни одной исчерпывающей монографии, а об антропологии вопрос вообще не поднимался» [10, с. 127].

Следует сразу отметить, что труд Киприана (Керна), обобщая и истолковывая все, что было сказано или намечено в творениях Паламы, и опираясь на опыт многовековой богословской литературы, создает систему христианской антропологии, то есть это не исследование об антропологии только Григория Паламы, это систематическое православное учение о человеке.

«Все, что входит в тему о человеке, как то: происхождение человека, его состав, его назначение, проблема свободы, ответственности, творчества, богоподобия, связь человека с Церковью и соотношение с миром падшим и миром ангельским, – все это в той или иной мере волновало отдельных писателей Церкви» [11, с. 127].

Христианская антропология – это онтология идеала. Задача такой антропологии – помочь человеку в его земном бытии обнаружить Божий замысел о человеке. Попытки строить антропологию на эмпирической основе противоречивой жизни человека, его грехопадений – ложная предпосылка, на которую не может опираться христианская антропология. Даже аскетическое самоограничение подразумевает существование высшего бытия, онтологии идеала. Архимандрит Киприан (Керн), постигший собственной жизнью аскетику и ее внутренние противоречия, пришел к выводу, что «аскетика борется с испорченностью человека, но строить антропологию на испорченности нельзя. Это значило бы брать за исходный пункт не идею о человеке в небесном плане бытия, идею совершенную и благую, а какой-то этап в его развитии, и при этом этап худший, самый низкий. Наука о человеке, построенная на такой именно почве, не может быть вдохновляющей. Если духовное в человеке есть эмпирическая реальность, то превечное небесное человечество есть самая онтология в учении о человеке. Генеалогия его, имея своим земным праотцом согрешившего Адама, восходит все же к еще более древнему началу, к тому небесному человеку, с которым Логос Божий предобручен в вечности. Если земная история человечества начинается с грехопадения, то пролог ее задуман в небесах в Предвечном Совете Св. Троицы» [12, с. 136].

Как наука о нравственности не может основываться на зыбком фундаменте наличных, исторически изменчивых форм морали, так, тем более, антропология, сползающая в эмпиризм, никогда не способна созидать учение о человеке, его сущности и назначении. Православная антропология подразумевает веру в человека, в возможности его движения к совершенству, к Первообразу. Как только отдельный человек или народ отступает от стремления к совершенству, к Идеалу, отступает от веры в Бога как средоточия этого стремления к совершенству, совершаются индивидуальные и исторические беды, духовная деградация, разрушающая личность и народ, нередко приводящая их к гибели, к исчезновению.

Просвещение никогда не достигало своей цели, если активной оказывалась лишь просвещающая сторона и пассивной, безразличной – сторона просвещаемая. Духовный Свет должен не только

излучаться, но и восприниматься. Евангелие светит всему человечеству более двух тысяч лет, но свет его, готовый дойти до каждой души, находил и находит тех, кто открывает свою душу этому свету. «И если что-нибудь ему не причастно, то это не от слабости или ограниченности распространяемого им света, но от неспособности принять свет тех, кто не стремится быть его причастником» [13, с. 101]. Невосприимчивость к добру, к святости тождественна невосприимчивости к свету, как его понимали отцы Церкви, что и нашло отражение в Корпусе Дионисия Ареопагита, где, в частности, указывалось: «Потому и воспевается Добро именами света, что Оно проявляется в нем, как оригинал в образе» [14, с. 99].

Ныне запутан, искажен сокровенный смысл просвещения, с ним часто отождествляется любое знание, даже опустошающее душу. Не следует забывать о том, что происхождение просвещения и его истолкование всецело связаны с христианством и его Учителями. Всякий, кто хочет постигнуть исторически незамутненные смыслы просвещения, обязан обратиться к Писанию и патристике.

В третьей части первой триады в защиту священнобезмолвствующих св. Григорий Палама подтверждает особое внимание к просвещению, свету св. Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Василия Великого, Григория Богослова. Не всякое знание есть свет. «Не случайно ведь, – поясняет св. Григорий Палама, – никто никогда не называл светом осведомленность.... Ум, когда на нем лежит глухое покрывало злых страстей, может произвести знание, но никак не свет» [15, с. 67-68].

Как Кант сознавал ущербность отождествления культуры со всяким профессиональным умением (профессионально можно убивать, обманывать), так гораздо раньше, в первые века христианства, прояснено было несовпадение всякого знания и просвещения. Расхожие формулы более поздних времен: «ученье – свет, а неученье – тьма», «знание – сила», «любите книгу – источник знания» – весьма абстрактны, не несут в себе истины, ибо всегда остаются двусмысленными вопросы: какое ученье, какое знание, какая книга?

Просвещение – это постижение божественного света, света Истины, – таков изначальный смысл этого понятия. Просвещение – это труднейший процесс постижения высших смыслов бытия, является ошибочным путать просвещение с упрощенным просветительством как разъяснением усвоенного знания, преимущественно книжного происхождения. В православной литературе просвещение всегда означало труднейшее внутреннее делание, которое лишь отчасти связано с постижением книжной мудрости, но главным образом – с духовной работой, с аскетическим очищением, созерцанием, умением выявлять духовные соблазны, именуемые, как известно, ересями. Какого подвижничества требует подлинное просвещение, свидетельствует исторический опыт Иосифа Волоцкого с его полемическим сочинением «Просветитель» [16].

Душа человека, наполненная божественным светом, становится духовной. В христианской антропологии наряду с категориями *душа – тело,* обязательна категория *духа,* то есть вместо привычной философской и психологической дихотомии мы имеем дело с трихотомией: *дух, душа, тело.* Душа человека может опустошаться до бездуховности, но она способна впитывать в себя возвышенные образы и идеалы, она способна к напряженной духовной жизни.

Сколько бы ни пытались понять различие западной и русской культуры, западной и русской религиозности, западной и русской философии, западного и русского просвещения, все сказанное на эти темы было и остается продолжением спора, тем или иным отношением к позициям, высказанным полтора века назад И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым в статьях о различиях просвещения Европы и России. Если западные философы, педагоги могут высокомерно не замечать русскую философию и русскую традицию образования, то нам самим предстоит либо проникнуть в суть и смысл собственной культуры, либо, как и стороннему западному наблюдателю, недоумевать: отчего в России, и более нигде, достигнута недосягаемая высота духовных исканий и прозрений в романах Ф. М. Достоевского, и отчего этот самодостаточный писатель-мыслитель ходил за духовными советами к старцу Амвросию в Оптину Пустынь? Для нас этот вопрос имеет продолжение: почему образованнейшие (по самым требовательным западным меркам) мы XIX столетия, Киреевский и Хомяков, столь вы-

соко ценили монастырскую просвещенность и связывали духовную силу России с православием?

Западники всегда знали Запад поверхностно, туристски, потому то ослеплялись превосходством Запада в науках, в философии, в модах, то пленялись западными формами образования, вплоть до сегодняшнего встраивания в «хвост» Болонского процесса. Знание страны, народа непременно включает в себя их чувствование. Можно жить в стране и не чувствовать ее духа. Каждая личность, если это действительно самостоятельная творческая личность, стремится открыть в себе призвание и следовать ему в жизненном пути. Эта очевидная в отношении отдельной личности позиция обрастает сугробами, как только речь заходит о призвании и самостоятельном становлении народа, его культуры; из-за сугробов этих, заносов, уравнивающих ландшафт, не разглядеть притаившиеся под ними сооружения, вещи, и даже когда начинается весна, когда исчезает однообразие заснеженных полей, находятся те, которые не видят разницы между тропиками и сибирской тайгой, между Нью-Йорком и Суздалем, между костелом и православным храмом.

И. В. Киреевский первым дал имя русской философии – духовная философия. Своей нацеленностью на постижение духовности человека и народа эта философия отделена и отдалена от западной философии.

Известно, что Хомяков и Киреевский, почти сверстники, равно заложили основания той философской традиции, которую принято называть славянофильской. Исследователи и авторы учебников признаются в затруднениях при оценках приоритетов одного или другого мыслителя в идеях, обоснованиях. Не являются исключением и взгляды этих мыслителей на просвещение: не стоит подходить буквалистски к тому факту, что Киреевский опубликовал статью о просвещении Европы и России в 1852 году, а Хомяков на нее откликнулся. Откликнулся он не рецензией вовсе, а самостоятельной статьей не меньшего размера и качества. Работа Хомякова имеет такой заголовок: «По поводу статьи И. В. Киреевского...» Именно *по поводу,* а повод – это возможность высказаться самостоятельно, что и обнаруживается у А. С. Хомякова. Речь не идет о несогласии Хомякова с выводами Киреевского – такие несогласия откровенно отмечены Хомяковым (утверждение Киреевского о полноте и чистоте выражения духа христианства в Древней Руси), а прежде всего, как раз о согласии, о развитии, разработке заявленной темы, которую только и можно было верно разработать при сродстве душ, при способности сравнительно оценить истоки и судьбы просвещения Европы и России.

После кончины И. В. Киреевского, подводя итоги его творчества, А. С. Хомяков, в частности, отметил, что «может быть, более и яснее всех уразумел он шаткость и слабость тех мысленных основ, на которых стоит все современное строение европейского просвещения» [17, с. 406]. Хомякову близка была мысль Киреевского (иначе бы он ее не процитировал как строгую, глубокую): «Рассудочность и раздвоенность составляют основной характер всего западного просвещения. Цельность и разумность составляют характер того просветительского начала, которое, по милости Божией, было положено в основу нашей умственной жизни» [18, с. 406].

Цельность как качество православного мировоззрения, выразившееся и в бытовой культуре русского крестьянина, и в философии тех русских мыслителей, которые крепко держались народных традиций культуры, духа святоотеческих преданий и лучшего, что дала греческая философия, – эта цельность отмечена давно, она более понятна, бесспорна и для современного читателя. Между тем, скороговоркой или беспояснительным цитированием обходят другое многократно отмеченное качество русского просвещения – разумность.

Хомяков и Киреевский владели тайнами немецкой философии, выработанными ею категориями, в том числе – рассудком и разумом как категориями, существенно противоположными. Ведь еще Кант раскрыл односторонность рассудка, заключающуюся в гипертрофии аналитической способности мышления, все и вся расчленяющей, пасующей перед содержательными антиномиями, отбрасывающей их как заблуждения, уповающей на универсальность формальной логики с ее запретом противоречий в высказываниях. Разум, в кантовской трактовке, как раз преодолевает односторонность рассудка. Лишь разуму подвластно

синтетическое объединение антиномичных утверждений, идей, теорий. Гегель выражал такую возможность разума, как диалектическое единство противоположностей. Исходной точкой размышлений Хомякова и Киреевского о рассудочности западного просвещения и стали те смыслы, которые были вложены в категорию «рассудок» и «разум» немецкими философами, но русские мыслители не удовлетворились спекулятивной школой философствования, и разум у них стал характеристикой не столько высших форм теоретической мысли, умеющей снять противоречие в высшем категориальном синтезе, сколько характеристикой гармонии бытия человека и народа, где цельность и разумность такого бытия неразделимы.

Порой и Хомяков, и Киреевский именуют разрушительную рассудочность как разлагающее действие отвлеченного разума, в этом нет подмены категорий разума и рассудка, а есть как раз указание на то, что немецкое философствование лишь тщилось преодолеть рассудочную ущербность, но увидело разум в новом типе рассудочности, равно как протестантизм стал лишь иллюзией преодоления тупиков католицизма, ибо протестанты «не могли восстановить той цельности и полноты, которые составляют сущность христианства и которые утрачены были на Западе с самого времени его отпадения... Односторонняя рассудочность уличила себя в бессилии и бесплодности» [19, с. 207]. Такое не выходящее за пределы холодного анализа, западное истолкование разума и есть «самодвижущийся нож разума» – блестящее образное выражение Киреевского, цитированное Хомяковым.

Претензии позитивистской и марксистской мысли объяснить все научно, имеют ложную предпосылку осуществить разумный синтез в пределах науки. О подобных иллюзиях А. С. Хомяков высказался определенно: «Говорить о синтетической науке – значит говорить слова без смысла» [20, с. 238]. Современная педагогика поглощена рассудочностью, стремлением превратиться в науку, будто не с воспитанием и образованием человека, будущего художника, музыканта, писателя, строителя имеет она дело, а со сложной информационной машиной, которую надо зарядить алгоритмами, тестами, задачами.

Нелепо отвергать научные подходы в педагогике, но всегда следует помнить об их возможностях и пределах. Педагогика знает о своем родстве с искусством, ибо занята созиданием неповторимого, личностного начала, но в редчайших случаях вспоминает о вере, хотя отдельный человек и народ становятся в своем развитии чем-либо благодаря вере в идеалы, движение к совершенству невозможно без веры в совершенство. Стоит подчеркнуть то особое внимание, которое уделяет Хомяков статье Киреевского о просвещении в трехстраничном некрологе. Он считал основное положение первой части статьи неколебимым, «точкой опоры для всего будущего развития нашего мышления» [21, с. 407] и верил, что достоинство идей Киреевского будет оценено как поворотное в движении русского просвещения [22, с. 408].

На статью Киреевского о просвещении откликнулись И. А. Аксаков, Т. Н. Грановский, Ю. Ф. Самарин, Н. Г. Чернышевский. Откликнулись одни восхищенно, другие – скептически, но вровень со статьей Киреевского по напряжению размышлений и их доказательности встала только работа Хомякова. Обособленно их рассматривать невозможно и было бы ошибочным. Статьи Киреевского и Хомякова – это единая, цельная, развернутая в исторических подтверждениях теория происхождения и ограниченности западной культуры, критическое отношение здесь не самоцель, а предостережение носителям русской культуры, особенно тем, кто занят делами просвещения.

Совпадает ли просвещение народа с замыслом Божиим о предназначении народа с его исторически выверенным путем, или просвещение деформирует собственную национальную традицию, полагаясь на завистливое заглядывание через забор западного соседа или на утопии того же соседа, рациональные, но бездушные. Известно, что Россия испытала утопию «научного социализма», а ныне в потрясенном и в огромной степени опустошенном организме русской культуры насаждаются другие, но тоже из западного арсенала, идеи односторонней рассудочности, формального права, бездуховности, усиленные американизмом как апогеем прагматизма.

Личность в наше время во стократ более, чем во времена ранних славянофилов, поражена болезнью личного самомнения. «Таков закон уклонения человеческого разума: наружность блеска при внутреннем потемнении» [23, с. 176]. Это уклонение погубило Рим, но оно проникло в глубины сознания западной цивилизации, где «наружная рассудочность брала перевес над внутреннею сущностью вещей» [24, с. 167]. Логическое, формальное совершенство законов Запада совсем не совпадает с принципами духовного устройства бытия, каковыми являются правда, душевное тепло, преемственная связь поколений, поклонение высшим духовным святыням, а не материальная мощь денег, богатство, внешнее преуспевание. В Риме «ценилась внешняя деятельность человека и так мало обращалось внимания на ее внутренний смысл», римлянин (и это унаследовал и возвел в высшую степень Запад, вкупе затем с Соединенными Штатами Америки) «не любил дыма Отечества... Он любил в Отечестве интерес своей партии» [25, с. 168]. Вот этот ложный путь построения гражданского общества на основе правового государства с юридическими регулятивами жизни, отыскиваемыми в межгрупповой борьбе частных интересов партий, противоречит исторической сущности русского бытия. Если пагубу формального юридизма достаточно развернуто обосновали А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, то чуждость для России идеи расчленения народа на политические и иные партии доказательно раскрыл П. Е. Астафьев. Однако их работы, судя по многим признакам, не прочувствованы, а, скорее всего, попросту не прочитаны теми, кем определялась и определяется реальная политика и государственное строительство нашего Отечества. Не только своих современников, как свидетельствует наша история, подразумевал А. С. Хомяков, когда писал о тех, кто, «разорвав цепь предания», «наложили на искусственное здание своих новых исповеданий неизгладимую печать юридического утилитаризма или рассудочной полезности, возведенной в закон всего духовного мира» [26, с. 207].

Стоит и сегодня вчитаться в аргументацию Хомякова о причинах гибели Византии, не сумевшей осуществить идею христианского государства и тем самым указать путь человечеству. К существенной, но все же второстепенной причине он относил неспособность византийцев признать в славянах братьев, которые «готовы были своею свежею кровью укрепить состав одряхлевшего общества» [27, с. 211]. Главной же причиной Хомяков считал рабское следование мысли византийских эллинов за законоведами Рима; «христианство почти не проникало в каменный Капитолий юристов» [28, с. 212].

Область права оказалась коварной для жизни империи, ибо христианство удалилось в область частной жизни каждого человека, а право и роль его носителей, юристов, государственных деятелей, определяющих общественную жизнь, целиком перекочевали из языческого Рима. Убежищем христианства стала созерцательная жизнь монахов, но они удалялись от общества и не могли влиять на государственную политику, «зловоние общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю византийскую» [29, с. 214].

Отшельники, монастыри могут влиять на паломников, но они оказываются бесильными, если общество в целом, и особенно его правители, растлены, озабочены лишь формальными законами и их соблюдением, равнодушны к духовной жизни. Византийские монастыри не могли спасти империю, но чистота и цельность просветительского начала, таившаяся в монастырях, спасла, по убеждению Хомякова, будущую Русь.

Интерпретаторы идей славянофилов иногда прочитывают их критику правовой культуры Рима и Запада как правовой нигилизм и скептицизм. Не право отрицали славянофилы, а формализацию права, его опустошение, безразличие к духовным традициям народа, то есть к субъекту права. Они постигли душу русского человека, как умели постичь ее великие писатели, не идеализируя его, в том числе и в его склонностях, страстях. Анализируя эпизоды истории и поведение русских людей в различных ситуациях, А. С. Хомяков пишет: «... Закон любви взаимной проникал иди мог проникать все отношения людей друг к другу: по крайней мере они не признавали никакого закона, противного ему, хотя часто увлекались страстями или выгодами личными...» [30, с. 234]. Исправление этих страстей Хомяков, разумеется, видел не в еще лучшем освоении юридических законов, а на путях нравственных, духовных, достигаемых совер-

шенствованием духовного просвещения. Без нравственного закона человек вовсе не может стать человеком [31, с. 236].

Общинная, а не замкнутая замками, хуторами, как на Западе, еще дохристианская жизнь славян создавала предпосылки для естественного принятия христианства, «казалось, – как очень тонко подметил А. С. Хомяков, – что не проповедь истины искала славян, а славяне искали проповеди истины» [32, с. 223]. Веками монастыри были средоточием книжности: русские монастыри обладали такими библиотеками, каких не знала Европа, но главным Киреевский и Хомяков считали то, что иноческие обители с их напряженной духовной жизнью давали высшее направление всему просвещению старой Руси. Та цельность духовной жизни, которая могла развиваться в монастырях, помогла мирянам обрести душевное равновесие, заглянуть в обитель духа, справиться со страстями и заблуждениями. Неполноту духовного просвещения в Древней Руси Хомяков связывал с неполнотой веры, поскольку «большинство наших предков были христианами более по обряду, чем по разуму» [33, с. 236]. Разум же предполагает не только интуитивное, бессознательное отношение к миру, но высокое развитие сознания, а в Древней Руси, по выражению Хомякова, «разуму недоставало сознания». Следовательно, критическое отношение Хомякова к рационализму не означало его склонности к иррационализму.

Разумеется, Хомяков и Киреевский не могли единолично оценить все особенности русской духовной философии и ее специфический категориальный состав. Хомякову, например, казалось уместным прибегнуть к чисто русскому слову «правда», обрисовывая поклонение римлянина правовому закону, называя это поклонение «внешней правдой» и отличая ее от «внутренней правды»; на самом то деле только последняя и может именоваться правдой, которая, по словам самого Хомякова, «бьет живым ключом в душе, освещая и возвышая ее» [34, с. 201].

Хомяков и Киреевский, таким образом, шагнули в неизведанную область различий категорий русской духовной философии от категорий европейского рационализма, но, обнаружив такие различия, пытались примирить их несоответствия друг другу; иногда это проявлялось в открытии подлинного смысла категорий европейской философии (разума, например), иногда же категорию русской духовной философии переносили в чужеродную почву рационализма – это как раз относится к категории правды, ибо европейские языки не ведают сокровенно русского смысла правды и вполне обходятся одним словом для обозначения и научной истины, и тех духовных, нравственных исканий, которые в России зовутся правдой, правдоискательством, правдолюбием и зачастую оказываются не исканиями даже, а терзаниями, мучительным приближением к высшей нравственной планке жизни, непостижимой интеллектом, ибо правда – это истина души, стремящейся к божественной Истине. «Русской земле, – писал А. С. Хомяков, – была чужда идея какой бы то ни было отвлеченной правды, не истекающей из правды христианской, или идея правды, противоречащая чувству любви» [35, с. 235].

Разведение смыслов внешней и внутренней правды, безусловно, должно быть поставлено в заслугу Хомякову, ибо обнаружение смыслов, а не терминов составляет задачу теоретического исследования. Внешняя правда предстает у него как обожествление политического общества и выстраивается в «какую-то таблицу счетоводства между Богом и его творением... Рационализм и формальность римской образованности приносили свои плоды» [36, с. 205].

Хомякову и Киреевскому принадлежит первая, отчетливо выраженная рефлексия об особенностях русского просвещения, которое во многом определило, в свою очередь, особенности русской культуры, философии, искусства, литературы. Если западное просвещение рационалистично нацелено на развитие изощренности интеллекта, то русское просвещение подразумевало всегда иную главную цель – озарить духовным светом душу человека. И это принципиальное различие, даже противоположность, не исчезли до сих пор, что свидетельствует о неуничтожимости русской духовной традиции, выявленной философски нашими выдающимися славянофилами. И, Бог весть, не окажутся ли пророческими слова А. С. Хомякова в отношении будущей роли России, хотя сказаны они были о Византии?! Слова эти таковы: «Несколько раз потрясенная до основания, она снова утверждалась и отстаивалась; побежденная и почти покоренная, она покоряла и пересозидала своих победителей силой своих просветительных начал» [37, с. 205].

Библиографический список

1. Константин (Горянов), архиеп. Познай самого себя. Жизнь и религиозно-философская антропология Виктора Несмелова // Всерусский собор. – 2003. – № 3. С. 51.
2. Послесловие к творению Св. Григория Нисского «Об устроении человека». СПб., 1995.
3. Константин (Горянов), архиеп. Познай самого себя... С. 52.
4. Там же.
5. Критический анализ современных философских версий истолкования исихазма см. впредисловии А. И. Сидорова к книге арх. Киприана (Керна) «Антропология св. Григория Паламы». М, 1996. С. LXXIII — LXXVI.
6. Сидоров А. И. Архимандрит Киприан (Керн) и традиция православного изучения поздневизантийского исихазма // Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М, 1996. С. LXXIII.
7. Там же. С.. LXIV.
8. Иеромонах Иларион (Алфеев). Православное богословие на рубеже столетий. М., 1999. С. 209.
9. Архимандрит Киприан (Керн). Тема человека и современность // Православная мысль. 1948. Вып. VI. С. 125.
10. Там же. С. 127.
11. Там же. С. 127.
12. Там же. С. 136.
13. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. СПб., 1995. С. 101.
14. Там же. С. 99.
15. Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М., 1995. С. 67-68.
16. Преподобный Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1993.
17. Хомяков А. С. Иван Васильевич Киреевский // О старом и новом. М., 1988. С. 406.
18. Там же. С. 406.
19. Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М., 1995. С. 207.
20. Там же. С. 238.
21. Хомяков А. С. Иван Васильевич Киреевский // О старом и новом. М., 1988. С. 407.
22. Там же. С. 408.
23. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Разум на пути к истине. М., 2002. С. 176.
24. Там же. С. 167.
25. Там же. С. 168.
26. Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и отношении к просвещению России» // Благова Т. И. Родоначальники славянофильства. Хомяков и И. В. Киреевский. М., 1995. С. 207.
27. Там же. С. 211.
28. Там же. С. 212.
29. Там же. С. 214.
30. Там же. С. 234.
31. Там же. С. 236.
32. Там же. С. 223.
33. Там же. С. 236.
34. Там же. С. 201.
35. Там же. С. 235.
36. Там же. С. 205.

37. Там же. С. 205.

Антропологический кризис: факторы обострения

Н.А. Бороноева (г. Красноярск)

Глобальные проблемы находятся между собой в органической связи и взаимозависимости, образуя единую, целостную систему, характеризующуюся известной субординацией, иерархической соподчинённостью. Это позволяет классифицировать глобальные проблемы на основе установления причинно-следственных зависимостей между ними, а также учёта степени их остроты и, соответственно, очерёдности решения.

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, и представляющие собой противоречивый процесс, и глобальные проблемы диалектически взаимосвязаны. Некоторые исследователи определяют глобальные проблемы как результат глобализации, представляющей собой многовековой процесс, соответственно, глобалистика – это сфера теории и практики, в центре внимания которой находятся глобализация и глобальные проблемы.

В ряду глобальных проблем современности «антропологический кризис» может быть назван проблемой не менее важной, чем экологический и другого рода кризисы. Любые протекающие в обществе социокультурные процессы, так или иначе, «завязаны» на антропологическую проблему, преломляются сквозь призму интересов и потребностей личностного сознания. Личность воплощает в себе наиболее активные тенденции социальных и политико-экономических трансформаций, глубинный потенциал развития общества и государства. И это актуализирует обозначенную тему. Но, несмотря на осознание антропологического кризиса, обилие разговоров о человеке и увеличение корпуса работ по антропологической проблематике, идея человека не стала такой же идеей, равной другим онтологическим идеям – идеям Бога, Природы, Бытия, Истории [1].

Современная глобалистика, создавая свои макросоциальные модели, игнорирует антропологический фактор; она занимается проблемами глобальной, планетарной реальности. Однако исследователями отмечается, что дальнейшее развитие глобалистики будет связано с осмыслением природы и сущности самого человека. Что касается вопроса будущего человека, его новых образов становления и идентичностей, то он в мировой гуманитарной мысли представлен слабо.

Современный антропологический кризис представляет собой явление, о котором отчетливо начали говорить и писать на рубеже XX–XXI веков. Научные технологии открывают перед человечеством фантастические перспективы. Опасность их в том, что они грозят трансформацией человека и человечества. Возможности клонирования, создания искусственного интеллекта, сращивания человека и компьютера, ожидаемое достижение нанобессмертия, эксперименты над человеческим телом как основой идентичности человека, трансплантация чипов и т.п. подводят человечество к грани осязаемой катастрофы. Идёт разрушение генофонда человечества: люди, страдающие генетическими заболеваниями, производят потомство, и мораль исключает применение каких-либо форм селекции. Так возникает проблема роста числа наследственных заболеваний, вредных мутаций. В России в конце XX столетия уровень рождаемости детей с генетическими отклонениями достиг 17%. Именно в этих условиях гуманитарная наука ставит вопросы о человеке так, как не ставила никогда. Мысль и общество продолжают, подобно Диогену, пребывать в поисках человека.

Немецкий философ Иммануил Кант поставил во главу угла великий вопрос - “Что есть человек?” Этим он, по сути, возвестил начало конца классического мира и классической философии. Кант уловил то, что в своём историческом движении человечество вступает в эпоху дегуманизации. Если взглянуть на то, как философия современности оценивает саму современность, то можно заметить преобладание пафоса тревоги, негативизма, растерянности или воинствующего нигилизма. Антропологический кризис, кризис легитимностей, восстание

масс, кризис самоидентичности, технизация мышления, экзистенциальный вакуум - вот лишь те немногие характеристики, данные современному европейскому человечеству.

Глобализация и интенсивные интеграционные процессы, изменения в социальной структуре общества вызвали обострение проблемы культурной идентификации личности, осознания своей принадлежности к нации, государству, обществу. В современную теоретическую модель вписываются такие понятия, как «идентификация», «идентичность», «кризис идентичности». Наиболее актуализированный смысл понятия «идентичность» – самоопределение и самосознание в ситуации изменчивости и сложности индивидуально-социального взаимодействия. У австро-американского учёного в области гуманитарного развития Э. Эриксона идентичность выступает стержневым механизмом, стягивающим человека в целостное образование. В обществах с упрощённой социальной структурой не возникает проблемы идентичности. В обществах до модерна идентификацию производили за человека и вместо него. Человек от рождения уже был прикреплён к той или иной социокультурной рамке. Но после постмодерна ушли «метанарративы» как всеобщие регулятивы (Ж.-Ф.Лиотар).

Чем больше система генерирует разнообразие, тем более важным становятся вопросы идентификации. Речь идёт об осмысленном бытии человека в условиях глобальных изменений. Вопрос об идентичности из вопроса о том, к кому принадлежит человек, кем является, трансформируется в вопрос о том, от кого он отличается. Становится насущным определение внутреннего пространства человека, которое только и даёт ему возможность быть субъектом и осуществлять рефлексию о своей жизни – быть свободным.

Личность в современном мире формируется среди колоссального множества мнений, возможностей и стилей, при крайней размытости каких-либо авторитетов. Категория «идентичность» используется как механизм для обретения духовной и душевной устойчивости личности, выработки общих ценностных ориентаций и самосознания. Описать идентичность – значит показать порядок человеческой жизни, обеспечить «нормальные условия» для формирования личности. Роль культуры состоит в том, что она даёт человеку основные понятия и базовые принципы, с которыми он сопоставляет своё восприятие внешнего мира. Она выступает в качестве смыслового гаранта целостности человека. Культура современного человека – «мозаична», что обусловливает погружённость индивидуума в хаос понятий, в поток разрозненных, неупорядоченных сообщений. Потеряв себя, как теряет себя часть, занявшая место Целого, отпав от самого себя, человек из цели превращается в средство, в «человека-машину». Это некий кентавр – человеко-машинное создание, с которым имеет дело новая наука «гуманология» в версии М.Н.Эпштейна [2]. Гуманология и есть попытка осмыслить эту перспективу "творческого исчезновения" человека. Само человеческое ставится под вопрос, проблематизируется в этой новой теоретической модели.

Исследователи отмечают такой антропологический тренд, как постепенная потеря человеком и своей родовой идентичности по мере передачи в аутсорсинг, различным техническим устройствам базовых услуг. При этом не формируются взамен, не сохраняются базовые практики. То есть человек перестаёт считать, развивать память, запоминать, читать, писать и т.д. Сейчас очевидно, что прорывы человеческого интеллекта, всё шире используемых искусственных информационных систем (ИИС) приходят в противостояние с человеческой природой.

Современные информационные технологии предоставляют новые возможности для манипуляции сознанием, для подавления человеческой свободы, они создают угрозу для существования обычного «Я». Пользователи Интернета как пространства возможностей могут вступать в коммуникацию друг с другом, создавая особое «виртуальное Я». В киберпространстве с размытой границей реального и нереального теряется представление о границе возможного и невозможного – того, что лежит в основе рационального планирования действий. Отдаётся предпочтение жизни в киберпространстве жизни в обычном понимании. В данное время это считается психическим заболеванием. В американском справочнике психических заболеваний зафиксирована новая болезнь: интернет-зависимость. Термин «интернет-

зависимость» предложил американский доктор, психиатр Айвен Голдберг в 1996г. для описания патологической, непреодолимой тяги к использованию Интернет. Фиксируется явление «сетевые убийцы». В реальности (не виртуальной) убивают «противников» по сетевой игре. Перенос технического обращения с компьютером на отношения с людьми ведёт к опасным иллюзиям власти, так как командная власть над компьютером и предсказуемость, исчисляемость его ответов по принципу стимул-реакция переносятся на отношения с людьми [3, с.61].

Современный человек атакован знаками со всех сторон. Информационный взрыв заставил многих авторов объявить о смерти знака. Знаки и образы оторваны от конкретных объектов и явлений (симулякры). Всё это в результате приводит к коллапсу смысла. По словам Ж. Бодрийяра, информации становится всё больше, а смысла всё меньше. Производство спроса на смысл – вот главная проблема общества. Открытое тоталитарно-технологическое общество притупляет рефлексию, игнорирует мыслящее мировоззрение. Идёт неконтролируемый поток информации. «Информационный шум» (неупорядоченная, некачественная или недостоверная информация) составляет около 80% сведений, потребляемых современным человеком. Поставляется такая информация в основном средствами массовой информации (СМИ). Итогом потребления является постоянный стресс, испытываемый человеком, и дезориентация в информационном пространстве.

При всеобщей интернетизации мы теряем тягу, желание к личному общению. С.С. Хоружий отмечает в духе синергийной антропологии «*фактор Лица*», фактор личности. Лицо «*антропологически полномерно,* именно по лицу, в первую очередь, мы опознаем некое существо как Человека» [4, с. 28]. И если мы эту тягу теряем и теряем даже желание к личному общению, то мы действительно исчезаем. И опасность таится именно в этом нашем выборе, во всё учащающемся выборе не в пользу становления и обретения Лица, а в пользу его утраты.

В результате развития и всеобщей доступности информационных технологий возникают новые агенты социализации, которые начинают доминировать над традиционными. Как известно, «стартовые» идеалы и ценности гражданина общества берут начало и формируются именно в образовательно-воспитательном пространстве. Образование же перестаёт быть личностным, собственно человеческим, превращаясь в автоматизированное, компьютерно-электронное.

Ренессансный идеал образования отталкивался от природы человека. Современные цели и задачи образования производны от природы общества. Речь уже больше не идет об актуализации во всех ее гранях общечеловеческой родовой сущности, об индивидности или даже об индивидуальности человека. Речь идет о социализации образования, о том, что оно формирует не гармонично развитого человека вообще, а человека, живущего в определенном обществе, а, следовательно, оно должно быть школой жизни именно в этом типе социальности. Корреляция отношений в обществе с отношениями, складывающимися в системе образования, представляет собой проблему важную и с теоретической, и с практической точки зрения.

Российское образование, ориентированное сегодня на формирование «функционально грамотного человека», инициирует отчуждение от творчества и отрицает, так или иначе, значение таланта. В будущем это может привести к разделению общества на узкий круг интеллектуалов («нетократия» - по А.Барду и Я.Зодерквисту) и всех остальных, умеющих выполнять лишь простейшие в профессиональном смысле мыслительные операции. Функции образования сводятся к экономической эффективности. Имеет место разрыв между нарастанием экономических моделей и проектов и возможностью прогнозировать будущее. И не секрет, что в российском образовании доминируют имитации и фальсификации. Тот факт, что по итогам 2010-2011 учебного года отечественные вузы впервые не были представлены в сотне лучших образовательных учреждений мира, говорит о многом. Правда, средства массовой информации сообщают сейчас, что Московский государственный университет стал единст-

венным российским вузом в авторитетном списке ста лучших высших учебных заведений мира по версии британской газеты Times и занял 50-е место.

Прогресс в развитии информационных технологий – условие распространения консьюмеризма, поскольку информация – средство, с помощью которого корпоративный капитализм убеждает людей, что потребление – существенный элемент их образа жизни. Используются технологии соблазна. Не надеясь на улучшение своей жизни каким-либо эффективным способом, люди убеждаются в значимости психологического самосовершенствования, потреблении здоровой пищи, обучении балету или танцу живота, погружении в восточную мудрость… Безвредные сами по себе, такие действия, поднимаемые на уровень жизненной программы, свидетельствуют об отходе от политики, - отмечает социолог постмодерна З. Бауман, указывая на переход от значимых вещей, находящихся за пределами от сферы влияния человека, к менее значимым или вовсе ничего не значащим, с которыми легко иметь дело и которыми человек в силах управлять [5, с. 189]. Возможно, это и есть феномен *отчуждённой активности.* Ониомания («шопоголизм»), тяга к пагубным привычкам, соблазнам разного рода и т.д. можно рассматривать как «жажду целостности», консьюмеризм – как религию материального утешения. Утрачивая свои политические качества, человек информационного общества превращается в потребителя «хлеба» и «зрелищ», происходит исчезновение Гражданина. На авансцену истории выходит Потребитель в антропологическом смысле, человек с жизненной ориентацией «иметь», а не «быть» (Э. Фромм). Идентификация с вещами придаёт смысл существованию человека в нашу эпоху. Чем дороже и ценнее вещь, тем больше я значу. Наступает «конец социального» (Ж. Бодрийяр).

Создание транснациональных экономических корпораций вследствие глобализации способствовало распространению потребительской стратегии жизни. Нигде буржуазная надежда на «счастье через потребление» не является столь живучей, пишет Э. Фромм, как в тех странах, которые всё ещё не достигли осуществления этой буржуазной мечты. Включённая в глобальное сообщество Россия переживает потребительский бум. Подтверждением этому служат, по данным социологического исследования, объёмы продаж автомобилей, жилья, оргтехники, валютных сбережений, одежды и продуктов питания, а также количество выданных кредитов населению на их приобретение.

Человек выступает пассивным материалом чьей-то востребованности и технологии (маркетинговой). Проблема личности заключается в том, чтобы реализоваться как некоему бренду. Как пишет Г.Л.Тульчинский, единственным работающим критерием успешности … является степень достигнутой известности и узнаваемости личности-бренда как товара, продаваемого на рынках массового потребления, включая политический рынок. Личности в обществе с помощью манипуляций можно придать смысл, не связанный с её реальной сутью [6]. Доминируют имитации и фальсификации. Уже появились исследования, в которых прямо изучается имитация инновационной деятельности в России.

Ответом на невозможность влиять на общественно-политическую жизнь стал уход в игроизированные жизненные практики, выбор игроизированного стиля жизни. Установка «homo ludens» (Й. Хейзинга) на жизнь в настоящем, вне связи с прошлым и будущим, обеспокоенность поисками собственной идентичности, порождающие кризис доверия к государству, к социальным институтам, апатию, нигилизм, отсутствие смысла, является вполне объяснимой реакцией на реальность, в которой живёт человек. Однако, совершенно очевидно, что личность в её целостном понимании, в её подлинности не может реализоваться в качестве таковой, не будучи социально ориентирована.

В современной действительности активизируется поиск антропологических проектов [7, с.7]. Исследователями отмечается, что в основании современных российских антропотехнических проектов – ориентация на применение западных инновационных технологических разработок с их идейной и методологической базой. И одним из востребованных современностью проектов человека является Проект Человека как конкурентоспособного капитала. Возникает проблема конструирования человека, обладающего качествами, соответствующими требованиям рыночной экономики. Если страна не имеет своеобразный «проект конст-

руирования» своего гражданина, то «проект человека» покупают у развитых стран в форме идеологии, системы образования и воспитания [8]. Таковым проектом является «Детство-2030» [9] - первый международный общественно-политический Форсайт-проект, инициированный в России в апреле 2008 года. В мае 2010 года Форсайт-проект представлял Россию в Шанхае на международной выставке «Экспо-2010» как инновационная стратегия будущего России. Заявленной целью проекта являлось определение возможных сценариев и приоритетных для России направлений развития института детства. Проект был воспринят неоднозначно российской общественностью.

На смену социальным утопиям приходят утопии индивидуальные. К группе факторов, обостряющих антропологический кризис, относятся современные тенденции к переконструированию биологической основы человека. Они обозначились в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий. Расшифровка генома человека в принципе открывает возможности не только лечить наследственные заболевания, но и усилить те или иные его способности. Одновременно ведутся разработки по внедрению микрочипов, обеспечивающих лучшее функционирование нервной системы человека. Быстрое параллельное развитие медицинских и информационных технологий уже стало причиной дискуссии о правилах, которые будут регулировать применение этих технологий. Перспективы применения генетической инженерии (Ф. Фукуяма характеризует её как «самую революционную биотехнологию») к человеку позволяют говорить о новой форме евгеники, то есть о возможности изменить природу человека. Серьёзная дискредитация евгенического движения нацистами во время Второй мировой войны привела к тому, что в Европе на несколько десятилетий этот термин исчез из научной литературы. Реанимация идей евгеники начинается в 90-х годах XX века в результате достижений биомедицинской науки и практики. Особое значение имел первый успех по клонированию млекопитающего (овцы Долли).

В отличие от традиционной, либеральная евгеника в качестве предмета своего воздействия имеет не генофонд нации, а геном отдельного человека (родительский и/или ребёнка). Речь идёт об индивидуальном выборе и покупке евгенических услуг для совершенствования генома будущего ребёнка в «генетическом супермаркете» (shopping in the genetic supermarket – по Ю. Хабермасу [10]). Иными словами, смысл либеральной евгеники – в её выраженном акценте на свободу потребительского интереса и идеологию рыночного общества. Сценирование будущего человека на языке биотехнологий представляет тупиковый путь развития [11]. И здесь важна оценка гуманитарных последствий принимаемых решений, предлагаемых проектов и программ в самых различных сферах общественной жизни.

В заключении… Американский социолог А. Этциони говорит необходимости существования нормативной культуры, которая славит позитивные смыслы и цели - такие, как коммунитаристские и трансцендентные источники человеческого процветания [12, с.56-57]. Под коммунитаризмом понимается вложение сил и энергии в отношения с другими людьми, также служение общему благу, участие в добровольных организациях или публичной жизни (в том числе и политической). Под трансцендентальными - стремления духовные, в самом широком смысле этого слова: религиозные, творческие, или артистические. Речь идёт о необходимости духовных практик, где имеет место динамика личностного роста, динамика усложнения личностных структур, их восхождение к полноте личности с большой буквы. Назрела необходимость во внятной культурной политике, в формировании патриота, Гражданина своего Отечества, осмысленной государственной политики идентичности (гражданской), поднятии статуса творческих людей. Понимание этого и соответствующие действия – требование времени.

Библиографический список

1. [Электронный ресурс] http://antropolog.ru/
2. Эпштейн, М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию /М.Н.Эпштейн //Человек. 2009. №4.

3. Козловски, П. Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития. Пер. с нем. М.: Республика, 1997.
4. Хоружий, С. С. Проблема Постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергийной антропологии /С. С. Хоружий //Философские науки. 2008. № 2.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002.
6. Социально-гуманитарные технологии: ресурсы человеческого развития или инструмент манипуляции? (Материалы круглого стола) //Человек. 2011. № 6. С. 19-40.
7. Новый человек эпохи Просвещения-2 //Газета «Сибирский форум. Интеллектуальный диалог». Февраль 2012.
8. Грузков И.В., Грузков В.Н. Воспроизводство человеческого капитала. Философско-экономический анализ. Ставрополь, 2010. [Электронный ресурс] http://www.sspi.ru /dir/_nau/fil/2.pdf
9. [Электронный ресурс] http://detstvo-2030.ru/
10. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? / Пер. с нем. М. Л. Хорькова. -- М.: Весь Мир, 2002.
11. См.: Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции /Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б.Левина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.
12. Этциони, А. Что придёт на смену консьюмеризму? /А. Этциони //Свободная мысль. 2009. №8.

Совершенный ум в процессах созидания

Д. Е. Григоренко (г. Красноярск)

Фундаментальная интуиция античной философии заключалась в идее единства мира. Мир един, и как единое целое, он представляет собой некое подобие гигантского организма, движимого и управляемого. Отсюда – исконное стремление античных философов видеть в мире начало, олицетворяющее данное движимое Единство. Как отмечал выдающийся русский философ Алексей Фёдорович Лосев, «это начало в античности называлось «единым» или «одним» [1, с. 28]. Единое ассоциировалось с судьбой всего космического бытия как в целом, так и в его (бытия) частях. Судьба была своего рода объяснением с точки зрения целесообразности всего необъяснимого в жизни космоса. При этом, Единое рассматривалось античными философами в триаде Единое-Ум-Душа: «Основная античная проблематика имеет своим содержанием чувственно-материальный космос как абсолют, то есть как целесообразно управляемый душой и умом, а если включить и всё космически нецелесообразное, то управляемый и первоединым, то есть судьбою» [2, с. 30]. Триада предполагала внутреннюю субординацию, в рамках которой Единое «…трактовалось выше души и ума, а в конце античности даже и выше самого космоса» [3, с. 28]. Так, Аристотель утверждал, что Единство вообще является некоей Первореальностью, определяющей единство космоса (принцип единства мира): «Таким образом, единое является мерою для всех вещей, потому что мы узнаём, из каких частей состоит сущность…» [4, с. 307]. Единое – «… это – непрерывное от природы, целое, единичная вещь и всеобщее, и все они представляют собою единое, потому что у одних неделимо их движение, у других – мысль о них или их понятие» [5, с. 304].

Итак, Единое, Ум и Душа – знаменитая триада античной философии. О чём она свидетельствует? Конечно, это было первое тёмное прозрение в понятие о Троическом Бытии. Но здесь – тема для особого и, главное, богословского исследования. Нас же интересует в исследовании указанной триады то, что Ум, наряду с Единым и Душой, является одной из форм первичного бытия. Почему в данном случае мы сосредотачиваемся именно на Уме? Дело в том, что основа-основ православного аристотелизма – идея об антиэнтропийных процессах, которая собственно и определяет его в качестве духовно-теоретического оружия рус-

ского народа, – своими корнями уходит в античную концепцию об Уме-устроителе, входящем в Триаду. Следовательно, полноценное изучение антиэнтропийных процессов на современном этапе невозможно вне обращения к исследованию этой концепции. Она имеет изначально диалектическую определённость и именно в ней раскрывается вся созидательная мощь диалектики, а также адекватной ей космической модели мира. Как пишет Николай Мефодьевич Чуринов, совершенный Ум «…в антиэнтропийном значении всему в мире сообщает порядок, т. е. всё раскрывает в системе космической модели мира. И ум всему служит причиной, т. е. позволяет нечто привести в порядок, помещать вещь там, где ей лучше всего находиться» [6, с. 349]. Как видно, совершенный Ум осуществляет дело упорядочивания мира, его наилучшей организации. В этом концепте содержится то, что является идейным залогом противостояния любой социальной дезорганизации и хаосу.

Космос в рамках античной философии представал как реальность в своей мере вырожденная и в своей мере совершенная. Имела место диалектика космоса и хаоса, как источник движения. Это означало совершенствование космоса, его становление от менее совершенного состояния – к более совершенному, т.е. движение по вектору ограничения, сокращения или уменьшения энтропии. Как пишет в данном отношении А. Ф. Лосев, «вещь, как ясно само собой, есть не только нечто неподвижное, но и нечто становящееся. Но поскольку становление всегда есть та или иная степень становящегося, а также и любая комбинация этих степеней, то это значит, что вещи действуют не только целесообразно, но и хаотически» [7, с. 27]. Субъектом же становления вещей от менее совершенного состояния к более совершенному (по вектору реализации антиэнтропийного процесса) в понимании античных философов являлся совершенный Ум.

Идея Логоса, Ума (совершенного Ума) находилась уже у истоков античного философского дискурса. Изначально наибольшее развитие она получила в концепциях Гераклита и Анаксагора. Впоследствии эта идея была введена в теоретизирование Сократа, Платона и Аристотеля, а также философов поздней античности – Аэция, Ипполита и других. Так, Платон в своём диалоге «Федон» исследует два аспекта идеи совершенного Ума. В рамках одного из них Ум предстаёт как Причина космоса, а в рамках другого – как Источник созидания (устроения, упорядочивания), т.е. антиэнтропийного процесса, организующего космос: «Но однажды мне кто-то рассказал, как он вычитал в книге Анаксагора, что всему в мире сообщает порядок и всему служит причиной Ум; и эта причина мне пришлась по душе, я подумал, что это прекрасный выход из затруднений, если всему причина — Ум. Я решил, что если так, то Ум-устроитель должен устраивать все наилучшим образом и всякую вещь помещать там, где ей всего лучше находиться. И если кто желает отыскать причину, по которой что-либо рождается, гибнет или существует, ему следует выяснить, как лучше всего этой вещи существовать, действовать или самой испытывать какое-либо воздействие» [8, с. 56].

Происхождение идеи совершенного Ума не может быть исследовано без обращения к истокам античной натурфилософии, поскольку именно на данном этапе теоретизирования закладывались идейные основания видения мира в качестве разумно-законосообразной реальности. Наивысшего развития данная идея достигла в процессе теоретизирования античными философами *проблемы Архэ*. Эта проблема разрабатывалась в рамках теоретизации принципа детерминизма, являвшегося одной из главных основ философского сознания древних греков. Наиболее ярко он был раскрыт в философских воззрениях первых натурфилософов, затем – в концепциях Левкиппа, Демокрита и Аристотеля (в его учении о четырёх причинах). Данный принцип свидетельствует о том, что любое явление мира подчинено закону причинно-следственных связей. «Беспричинных» вещей и явлений не бывает. Но также и мир в целом из «ниоткуда» появиться не мог – он должен иметь свою Причину. Об этой Причине и Первоисточнике бытия свидетельствовала вся древнегреческая мифология, которая была по своей сути переходом «от Мифа к Логосу» (т.е. от восприятия космического Логоса – к усвоению дискурсивно-логического Логоса). Философскую идею о том, что источ-

ником мира является некое Единое начало, [17]определяющее единство мира и всеобщую связь явлений высказали основатели диалектической философии – Фалес, Анаксимандр, Гераклит и Анаксимен. Согласно их убеждениям, Архэ предстаёт как разумный Источник бытия, основа единства мира («всё едино» поскольку всё произошло из единого источника) и суть всеобщей связи явлений (всё взаимосвязано, поскольку всё едино).

Постепенно в античном философском сознании происходит ассоциирование двух категорий – Первоначала (Архэ) и Единого. Они мыслятся в качестве Источника возникновения вселенной. Из Архэ-Единого проистекает космос. Согласно А. Ф. Лосеву, «*…взятая в наиболее общем виде, античная проблематика сводилась на диалектику идеи и материи, разрабатываемую в виде чувственно-материального космоса, движимого космической душой, управляемого тоже космическим умом и создаваемого сверхдушевным и сверхумственнным первоединством*» [9, с. 31]. В данном случае важно то, что античная философия с самого начала своего развития искала Источник единства мира и находила его в Архэ-Едином. Единое как Архэ раскрывается в двух важнейших определениях – порождение космоса и соединение в целое его элементов, т.е. осуществление всеединства, единства мира. Так закладывались основы методологии, определившей на многие века вперёд развитие великой диалектической традиции теоретизирования.

Первых натурфилософов обычно представляют некими протоматериалистами, т.е. теми, кто впервые указал на материальное происхождение космоса. Но при этом забывается самое главное: Архэ в концепциях древних натурфилософов – это не просто материальная стихия, но *разумное и божественное Начало* (что означало постепенное ассоциирование Архэ с Умом). Эту идею выразил Арсений Николаевич Чанышев, когда он писал об особенностях философского мировоззрения первых натурфилософов: «Вода Фалеса – философское переосмысление гомеровского Океана, шумеро-аккадского Абзу (Апсу)… С другой стороны, это не просто вода, а вода «разумная», божественная»… Божество космоса – разум» [10, с. 180]. Космос представляет собой потрясающую гармонию и древние эллины лучше всех народов мира познали и выразили эту истину. Эта гармония несомненно является результатом всеблагого и мудрого созидания, исходящего от некоего совершенного Начала. Так неужели источником созидания этой потрясающей гармонии (т.е. источником антиэнтропийного процесса) является обычная материальная стихия (как это «кажется» материалистам всех времён). Античная философия уже в начале своего развития опровергает эту нелепость. Материя *сама по себе* не может быть причиной созидания совершенного космоса. Так, первоначало в концепции Фалеса – это не просто водная стихия, это разумное и божественное начало, как и атомы Демокрита, которые он называл логосами, как и Анаксимандров Апейрон, самостоятельно, разумно и законосообразно вырабатывающий пары качеств. Платон, как бы обобщая взгляды предшествующих философов по поводу причины возникновения космоса, высказал идею о том, что материя сама по себе, в силу своего онтологического статуса, не может ничего порождать и созидать: «Нет, называть подобные вещи (материальные вещи и процессы – Д. Г.) причинами — полная бессмыслица» [11, с. 58].

В Архэ, хотя и материальном, но разумном и божественном, греческая мысль видела источник разумного и законосообразного устроения космоса, в котором всё глубочайшим образом взаимосвязано. В данной связи, первым натурфилософам всё чаще требовалось философски обосновывать такие определения Первоначала, как его абсолютность и божественную беспредельность, *выступающие в качестве условий созидания именно законосообразного (а не хаотичного) космоса.*[18] В данном отношении авторы сборника «Досократики» пишут: «Беспредельность» первоначала Анаксимандр понимает прежде всего в смысле неисчерпаемости его творческой силы, созидающей миры… Анаксимандр стремится к понятию беспредельного в положительном смысле, т.е. к понятию абсолютного. И он соединяет в сво-

[17] В греческом философском языке оно понималось как «архэ», в латинском – «субстанция», в русском – «сущность».

[18] Если бы космос был хаотичным, то не возникла бы сама идея божественности Архэ – она была бы излишним «умножением сущности».

ём «Апейрон» следующие понятия: качественную неопределённость, неограниченность количественную, пространственную неизмеримость, неисчерпаемость творческой силы, вечность и неизменность и даже вездесущие. Апейрон есть нечто большее, чем первовещество, из которого всё возникло, так как оно является неизменным, пребывающим началом, «которое всё объемлет и всем правит». Оно есть источник бытия и жизни вселенной» [12, с. 82]. Как видно, Апейрон обладает атрибутами Божественного бытия, хотя и понимается в материальном смысле. Последнее совершенно естественно и неизбежно для античной философии, поскольку, по словам А. Ф. Лосева, «чувственно-материальный космос для античности есть её последний абсолют» [13, с. 27], а Единое «…существовало в самом же космосе» [14, с. 28]. Античное сознание в силу своего космоцентризма не мыслило ничего вне космоса и никакого отдельного от него, сугубо духовного начала оно не знало. Однако, очевидно, что *развитие греческого философского дискурса логически шло к признанию того, что в космосе изначально пребывает и действует созидающий Дух – совершенный Ум.* Конечно, в данном случае ещё не шла речь о разноприродности Духа и материи, о сотворении материи – это было открыто только в эпоху христианства. Но ясно то, что античная мысль отторгает материалистическое понимание вселенной (которое, кстати, изначально было чуждым древнему миропониманию, с его гилозоистическими установками). Как пишут о концепции Анаксимена авторы сборника «Досократики», «в признании воздуха первовеществом заслуживает быть особенно отмеченной одна сторона. Это – усилие приблизиться к духовному пониманию первовещества. Воздух, «наименее чувственная сила», тожествен для Анаксимена с материей души… Анаксимен первый из философов обращает свой взор на душу и в ней ищет ключ для решения мировой загадки» [15, с. 119].

Духовно-разумное начало уже со времён первых натурфилософов прочно ассоциируется с материальным Архэ. Причём, это начало, как действующее и управляющее, т.е. разумное, соотносится не только с Душой, но в очень большой степени с Умом. Уже было показано, что в концепции Фалеса водная первостихия наделяется качествами разумности. Огонь в концепции Гераклита – это огненный Логос. Архэ пифагорейцев – Монада – имеет явно выраженную мыслительную определённость. То же самое можно сказать и об атомах Демокрита, которые он называл Логосами, и об Апейроне Анаксимандра, законосообразно вырабатывающем пары качеств.

Особенно ярко духовное понимание Архэ в доаттической мысли проявилось у пифагорейцев и Гераклита. Ум (Логос) в их концепциях неотделим от Первоначала (Архэ). У Пифагора и его учеников «числа, как арифметические принципы выражают закономерность, необходимость Логоса (разума), отличную от необходимости Судьбы…Числа суть одновременно и разумная, и мистическая, и материальная основа вещей» [16, с. 148]. Гераклит уже напрямую ассоциирует огненное Архэ с Логосом: «В то же время этот разум (Логос – Д. Г.) мыслится конкретным материальным веществом. Это – огонь (или тончайший чистейший воздух), который отождествляется с окружающей наши тела средой, и наше разумное сознание объясняется из материального общения с ним (мы вдыхаем его)» [17, с. 242]. Характерно, что огонь-Логос в концепции Гераклита прочно ассоциируется с Единым и понимается в качестве *Логоса созидающего*: «…Разум является в трёх формах: 1) как начало, созидающее мировой порядок, устрояющее всё по закону, мере и числу, 2) как начало мыслящее, познающее, всеведущее, частицей которого является каждый индивид, поскольку он познаёт; и, наконец, 3) то, что познаётся, умопостигаемое единство всего…» [18, с. 241].

Идеи изначального пребывания Ума в Архэ (следовательно, и в космосе), а также Его созидательной роли достигла максимального развития в концепции первого афинского мыслителя Анаксагора. Материальной первостихией в его концепции выступают гомеометрии («подобочастия»), понимаемые как «семена всех вещей», изначально смешанные друг с другом: «…следует полагать, что во всех соединениях содержится многое и разнообразное, в том числе и семена всех вещей, обладающие всевозможными формами, цветами, вкусами и запахами… А до отделения, когда все было вместе, ни один цвет не был различим; ведь этому препятствовало смешение всех вещей, влажного и сухого, теплого и холодного, светлого

и темного, и земли, содержащейся в большом количестве, и беспредельных по количеству семян, ни в чем не похожих друг на друга. Ибо и из прочих вещей ни одна нисколько не похожа на другую. Если же это так, то следует полагать, что в обшей совокупности заключаются все вещи» [Цит. по:19].

При этом, нельзя сказать, что указанные «семена всех вещей» понимаются Анаксагором как Архэ. Совокупность этих «семян» *сама по себе,* вне организующего воздействия Ума (Нуса), представляет собой бесформенную и статичную смесь всего, т.е. не является источником возникновения вещей. Следовательно, в философской концепции Анаксагора Архэ понимается двойственно, диалектически – в качестве единства противоположностей космического Ума и гомеометрий (духовного и материального). С одной стороны, Ум и гомеометрии неразделимы: «Разум же, который всегда существует, поистине и теперь находится там, где и все остальное, — в окружающей массе, в присоединяющемся и в отделившихся вещах» [Цит. по: 20]. С другой, – Ум противоположен материи, отделен от неё («не смешан ни с одной вещью»): «Остальные вещи имеют часть всего, Разум же беспределен и самодержавен и не смешан ни с одной вещью, но один он существует сам по себе [Цит. по: 21].

В исследовании концепта об отдельности Ума и материи мысль Анаксагора интуитивно идёт по направлению к идее о разноприродности Духа и материи. Но эта идея была достоянием ветхозаветной и, в будущем, христианской традиции. Анаксагор, как античный философ, ещё находится в рамках античного космоцентризма. Поэтому он объясняет отдельность Ума и материи логически: только отдельное и вышестоящее начало может управлять: «Ибо если бы он не существовал сам по себе, но был смешан с чем-то другим, то он был бы причастен ко всем вещам, если был смешан хотя бы с одной. Ведь во всем заключается часть всего, как сказано мною выше. Эта примесь мешала бы ему, так что он не мог бы ни над одной вещью властвовать, подобно тому как он властвует, будучи один и сам по себе. Ибо он легчайшая из всех вещей и чистейшая и содержит полное знание обо всем и имеет величайшую силу. И над всем, что только имеет душу, как над большим, так и над меньшим, властвует Разум [Цит. по: 22]. Характерно в приведённом отрывке и указание на Душу, как ещё один элемент Триады, пребывающий в космосе наряду с Единым и Умом.

Нус и материя со-вечны друг другу, но Нус понимается Анаксагором, как начало, приводящее мировой хаос в упорядоченность, гармонию. Тем самым, обосновывается идея созидающего Ума, выступающего в качестве Субъекта антиэнтропийного процесса. Изначальное состояние космоса Анаксагор характеризует как преобладание энтропийной смешанности, неорганизованности материи: «Вместе все вещи были, беспредельные и по множеству и по малости. Ведь и малое было беспредельным. И когда все вещи были вместе, ничто не было различимо из-за малости…» [Цит. по: 23]. И Нус, запуская мировое движение, осуществляет отрицательный вклад в эту космическую энтропию: «После того как Разум положил начало движению, от всего приведенного в движение началось отделение, и то, что Разум привел в движение, все это разделилось, а круговращение движущих и разделявшихся веществ вызвало еще большее разделение» [Цит. по: 24].

В диалектическом соотношении Нуса и материи Анаксагор выстраивает субординационную связь, на основе которой осуществляется антиэнтропийный процесс организации, упорядочивания космоса: «И над всеобщим вращением стал властвовать Разум, так как он дал начало этому вращению. Сперва это вращение началось с малого, теперь оно охватывает большее, а в будущем охватит еще большее. И соединившееся, и отделявшееся, и разделявшееся — все это знал Разум. И как должно быть в будущем, и как было то, чего теперь нет, и как есть — все устроил Разум, а также то вращение, которое теперь совершают звезды, Солнце и Луна, а также отделившиеся воздух и эфир. Само это вращение вызывает отделение. И отделяется от тонкого плотное, от холодного теплое, от темного светлое и от влажного сухое. И многих веществ имеются многие части» [Цит. по: 25]. Как видно, Нус в концепции Анаксагора предстаёт как главенствующая Реальность, поскольку *не материя сама по себе начинает процесс своего оформления, но именно Ум сообщает ей этот антиэнтропийный вектор движения.* Как пишет А. Н. Чанышев, «гомеометрии, играющие у Анаксагора

роль материи, пассивны, и первоначальный хаос не мог своими силами развиться в космос. Для этого требовалось особое активное начало… Такое начало Анаксагор находит в *Нусе,* т.е. в уме – творце космоса из первобытного хаоса» [26, с. 238]. Необходимо отметить, что Анаксагор всегда строго придерживается принципа единства мира, предполагающего как связь всех материальных вещей, так и единство противоположностей Духа и материи: «Полностью же ничто не отделяется и не разделяется одно от другого, за исключением Разума. Разум же всякий подобен самому себе — и больший и меньший. Другое же ничто ничему не подобно, но, чего всего более в каждой вещи, тем одним она кажется и казалась» [Цит. по: 27].

Таким образом, ко времени Аристотеля была создана достаточно серьёзная теоретическая база для исследования Ума, как Субъекта реализации антиэнтропийных процессов. Великий Стагирит начинает своё исследование Ума на основе тезиса Анаксагора о первичной энтропии вещей, в которую Нус осуществляет отрицательный вклад. Материя в концепции Аристотеля потенциально бесформенна, т.е. характеризуется максимальным потенциалом энтропийности. И реализоваться этому потенциалу не даёт Нус-оформитель материи: «Ибо всякий раз изменяется что-нибудь, действием чего-нибудь и во что-нибудь. Чем вызывается изменение? Первым двигателем. Что ему подвергается? Материя. К чему приводит изменение? К форме» [28, с. 378-379].

Форма же понималась Аристотелем как зримое проявление идеи-эйдоса («вида»). Эйдос принципиально предстаёт в качестве энергийной реальности, осуществляемой в своей творческой энтелехии. В таком случае Ум как «Эйдос всех эйдосов» и «Форма всех форм» есть энтелехия всего космоса, творчески оформляющая его, т.е. осуществляющая антиэнтропийный процесс в масштабах всего космоса. Как пишет А. Ф. Лосев, «ясно, что этот ум трактуется у Аристотеля как художественное целое, в котором всё материальное предельно осмысленно и достигло своего собственного предельно данного оформления… Ум-перводвигатель, как и всякий эйдос вообще, обязательно материален, хотя материален не в чувственном, но в умственном смысле слова, и не просто материален, но оформлен в предельно совершенном виде» [29, с. 72-73]. Материальность Ума, конечно, воспроизводит античную идею о космосе как последнем Абсолюте, но не только. В данной идее проступают смутные очертания будущей концепции *Софии-Премудрости Божией,* разработанной православными философами. Ум пребывает в материи и оформляет её. Как и «семенные логосы», составляющие Софию и являющие собой глубокое основание, субстанцию тварных вещей. В данном отношении А. Ф. Лосев отмечает, что «… ум-перводвигатель и является не чем иным, как вечно неподвижным царством идей… вечная идея не просто является чем-то неподвижным и недеятельным, но всё время находится в действии, в становлении, в творчестве, в жизненном искании, в преследовании тех или иных, но всегда определенных целей» [30, с. 74-75]. Нус как царство идей, действующих в антиэнтропийном процессе оформления космоса, несомненно соотносится с православной концепцией Софии-Премудрости Божией, предстающей в качестве энергийной сферы несотворённых замыслов Бога о мире. Во времена стоиков эта ассоциация дохристианских и христианских философских концепций достигла максимального значения, когда «исходное бытие стало толковаться как огненное дыхание (pnevma)… это исходное огненное дыхание в своей последней сущности было не чем иным, как «интеллектуальным телом», которое в виде иерархической лестницы было распространено по всему космосу» [31, с. 87]. Как видно, уже во времена Античности закладывались основы единой теоретической линии, впоследствии породившей православный аристотелизм, который объединил античный и православный взгляды на соотношение Духа и материи.

Между тем, в исследовании диалектического сочетания Ума и материи античные философы постепенно двигались к идее различения собственно Ума, как такового, и мира идей, Им порождённых (т.е. того, что православные философы впоследствии назовут Софией). Этот мир идей служит посредником между Умом и материей и составляет её субстанциональные начала. Так, уже в концепции Анаксагора осуществляется различение Ума «бо́льше-

го» (собственно Ума-Нуса) и «меньшего» (по-видимому, мира идей): «Разум же всякий подобен самому себе — и больший и меньший. Другое же ничто ничему не подобно, но, чего всего более в каждой вещи, тем одним она кажется и казалась» [Цит. по: 32]. В концепции Аристотеля эйдос, как частное явление Нуса, выступает самостоятельным субъектом созидания, приводящим хаотическую материю вещи в состояние упорядоченности посредством придания ей формы. В позднеантичной философии Ум-устроитель предстаёт как начало, засеивающее космос идеями-устроителями частных вещей. Концепция Прокла об Уме определённо свидетельствует в пользу данной идеи – идеи семенного Логоса: «Всякий божественный ум един по виду и совершенен и есть первичный ум, производящий из себя другие умы. В самом деле, если он бог, он исполнен божественных единичностей и един по виду. А если это так, то он и совершенен, будучи исполнен божественных благ. И если это так, то ум существует первично как единый с богами. Ведь обожествленный ум превосходит всякий ум, а будучи первичным умом, сам дает другим субстанцию, поскольку всё вторичное имеет свое наличное бытие от первично сущего» [33]. Первичный Ум, который превосходит всякий ум и производит из себя всякий ум, несомненно, ассоциируется с Нусом, а прочие умы – с миром идей, понятие о котором как бы прозревает в христианское понимание Софии.

Итак, в античной концепции изначального пребывания Ума в космосе посредством других «умов» (мира идей) состоят начала античной диалектики духа и материи, идеи и вещи. Согласно А. Ф. Лосеву, «*…взятая в наиболее общем виде, античная проблематика сводилась на диалектику идеи и материи, разрабатываемую в виде чувственно-материального космоса, движимого космической душой, управляемого тоже космическим умом и создаваемого сверхдушевным и сверхумственнным первоединством*» [34, с. 31].

Диалектическое понимание соотношения духа и материи было заложено уже, по крайней мере, в концепции Платона. Необходимо отметить, что сложившаяся традиция отнесения философии Платона к идеалистическому (т.е. реалистскому, метафизическому) теоретизированию, на наш взгляд, не отвечает действительности. Платон сам опровергает эту традицию, когда он пишет о диалектике взаимодополняемости Ума и материи. Причём, эта диалектика у Платона имеет субординациональную определённость, в рамках которой Ум является главным субъектом деятельности, а материя – вспомогательным: «Если бы кто говорил, что без всего этого — без костей, сухожилий и всего прочего, чем я владею, — я бы не мог делать то, что считаю нужным, он говорил бы верно. Но утверждать, будто они причина всему, что я делаю, и в то же время что в данном случае я повинуюсь Уму, а не сам избираю наилучший образ действий, было бы крайне необдуманно. Это значит не различать между истинной причиной и тем, без чего причина не могла бы быть причиною. Это последнее толпа, как бы ощупью шаря в потемках, называет причиной — чуждым, как мне кажется, именем. И вот последствия: один изображает Землю недвижно покоящейся под небом и окруженною неким вихрем, для другого она что-то вроде мелкого корыта, поддерживаемого основанием из воздуха, но силы, которая наилучшим образом устроила все так, как оно есть сейчас, — этой силы они не ищут и даже не предполагают за нею великой божественной мощи. Они надеются в один прекрасный день изобрести Атланта, еще более мощного и бессмертного, способного еще тверже удерживать все на себе, и нисколько не предполагают, что в действительности всё связуется и удерживается благим и должным» [35, с. 58]. Итак, Платон развёртывает концепцию совершенного Ума строго в рамках диалектического, т.е. антиметафизического, теоретизирования. Ум здесь приобретает качество совершенства («благо»); Ум определяет единство мира и всеобщую связь явлений (Умом «всё связуется и удерживается»); Ум является Источником законосообразности космоса, т.е. действования в нём детерминистских связей («должное»).

Диалектическое понимание единства духовного и материального было глубоко выражено великим учеником Платона Аристотелем, утверждавшим, что «…идеи будут <всегда> представлять собой сущность. А у сущности одно и то же значение и в здешнем мире, и в тамошнем… покажется, пожалуй, невозможным, чтобы врозь находились сущность и то, чего она есть сущность; поэтому, как могут идеи, будучи сущностями вещей, существовать от-

дельно <от них>?» [36, с. 60, 62]. Идея как сущность, во-первых, предстаёт как суть бытия (при этом, она неотделима от материального субстрата, как явления, и определяет всеобщую связь явлений): «Сущностью признают субстрат, суть бытия и то, что из них состоит, а также – всеобщее» [37, с. 246]; во-вторых, именно мир идей, как сущностей, неотделимый от мира вещей, как явлений, выступает в качестве предмета философии: «… Наука философа имеет своим предметом сущее как сущее вообще, а не в одной <какой-нибудь> части…» [38, с. 340].

Если же духовная сущность (мир идей) проникает собой материальный мир (мир вещей) и составляет его субстанциональные начала, то мир един, т.е представляет собой единую духовно-материальную реальность (принцип единства мира). Эта единая реальность основана на диалектическом противоречии идеи и вещи, которое представляет собой полноту, состоящую из двух противоположностей и не имеющую в себе ничего лишнего и среднего. Аристотель утверждает, что «…противоположности суть начала вещей…» [39, с. 46]; «…противоположность есть законченное различие… между членами противоречия нет <ничего> среднего…» [40, с. 314, 316]. Полнота вещи и идеи – едина. Как пишет Аристотель, «…отдельная вещь сама по себе и <её> суть бытия (т.е. идея – Д. Г.) представляют собой одно и то же не случайным образом; кроме того – потому, что знать отдельную вещь, это значит – знать <у неё> суть бытия…» [41, с. 222].

Полнота идеи и вещи (идеального и материального) рассматривается Аристотелем как оформление совершенства: «Законченным, или совершенным, называется то, вне чего нельзя найти хотя бы одну его часть…» [42, с. 169]. Так, потенциал человеческого совершенства состоит в его духовно-телесной полноте: «… душа – это первая сущность, тело – материя, а человек или живое существо – соединение той и другой, взятое в общей форме…» [43, с. 241]. Духовно-телесная полнота идеи и вещи раскрывает их как подлинное диалектическое единство, немыслимое без наличия обоих своих полюсов (духовного и материального). Поэтому идея мыслится Аристотелем сугубо предметно, т.е. исключительно в её единении с материальным субстратом. И познать идею «саму по себе», без исследования её материального проявления невозможно. Об этом пишет А. Ф. Лосев: «…античная идея не была просто идеей вообще, но, во-первых, всегда вещественно-телесной, то есть картинно представляемым планом вещественно-телесного продуцирования, почему для этого и были привлечены термины «идея» или «эйдос», уже по самой своей этимологии (эйдос – древнегреч. «вид») указывающие на физическое видение» [44, с. 20]. Единство идеи и вещи как подлинное диалектическое противоречие характеризуется диалектикой неслиянности и нераздельности (делимости и неделимости). Диалектическое соотношении идеального и материального фактически обосновал (в рамках примера из области геометрии) последний предводитель школы неоплатоников Прокл: «Два неделимых не касаются друг друга. Допустим, два неделимых А и В касаются друг друга. Но касающимися были те, края которых в одном и том же. Это означает, что у двух неделимых будут края. Следовательно, А и В не неделимы [45]. В данном положении показано, что всякое неделимое делимо, а делимое неделимо, чем, собственно, и характеризуется соотношение идеи и вещи, как единства противоположностей.

В то же время, полнота вещи и идеи представляет собой лишь потенциал совершенства. Например, человек как единство-полнота души и тела потенциально совершенен. В душевно-телесной полноте уже присутствует логос (идея), который может актуализировать усовершенствование. Но в этом факте вовсе нет никакой заданности, поскольку человек может пойти как по пути одухотворения тела, так и по пути плотского порабощения духа. Подлинное усовершенствование, т.е. антиэнтропийный процесс, начинается тогда, когда в системе диалектической полноты «идея-вещь» актуализируется вектор движения вещи к своей идее. В этом процессе постепенно происходит снятие диалектического противоречия идеи и вещи в его исходном виде. Идея и вещь становятся в качестве принципиально новой целостности. Так, некоторые великие православные святые (в частности, пр. Мария Египетская) на этом пути приходили к состоянию *духовного тела* как новой, «снятой» целостности духа и тела. Духовное тело их было способно подниматься над землёй, проходить по воде, моментально

преодолевать огромные расстояния, длительное время обходиться без пищи и питья и т.д. Это новое состояние человека являлось результатом осуществления в его жизни антиэнтропийного процесса, исходной точкой которого было диалектическое противоречие между человеком в его эмпирической данности и его идеей-логосом. Как пишет Н. М. Чуринов, «разрешение каждого диалектического противоречия выступает как антиэнтропийный процесс. В свою очередь формирование нового диалектического противоречия выступает как развертывание определенной оформленности роста энтропии» [46, с. 96].

Итак, вещь движется по антиэнтропийному вектору совершенствования, движимая своей идеей. В данной связи, в античном понимании идея, как субъект совершенствования вещи, понималась в качестве чрезвычайно активной реальности. Как пишет А. Ф. Лосев, «…поскольку целесообразная направленность вещи всё-таки зависела не от самой вещи, а от её идеи, то эта идея, будучи и чисто умственной, и чисто зрительной, в то же самое время обладала необычайно активным характером… Античная диалектика всегда была *текуче-сущностным становлением идеи*» [47, с. 22, 24].

Идея-логос вещи представляет собой наилучшее, наиболее совершенное состояние вещи. Именно поэтому идея может усовершенствовать вещь, внося отрицательный вклад в энтропийность вещи (т.е. осуществляя антиэнтропийный процесс). Как пишет Аристотель, «а мышление, как оно есть само по себе, имеет дело с тем, что само по себе лучше всего…» [48, с. 391-392]. При этом, если идея-логос вещи в концепции Аристотеля есть энтелехия становления некоторого «что», т.е. энергия оформления конкретной вещи, то Нус, как форма всех форм, содержит в себе все остальные идеи-формы. Идея конкретной вещи в данном случае есть частное проявление Нуса. Источником же созидания-оформления материи в её целостности предстаёт именно Нус («Перводвигатель»), как изначальный Субъект реализации антиэнтропийного процесса в общекосмическом масштабе.

Итак, вершиной античной диалектики стала идея созидающего Нуса, как Субъекта антиэнтропийного процесса. На протяжении всей эпохи Античности космизм, как убеждённость в единственности материального космоса, оставался в целом неизменным. Но уже в концепции Аристотеля постепенно начинается осознание разноприродности созидающего Нуса и материи, т.е. их отдельности. Данный вектор движения античной философской мысли отмечает, в частности, Сергей Николаевич Трубецкой: «…сначала философы искали слова, разума и вещей в самой природе… Затем логос мало-помалу отвлекается от природы…» [49, с. 61]. Аристотель пишет о Боге (Нусе), как о вечной Причине мира, т.е. фактически как о первичном по отношению к материальному космосу идеальном Начале: «Мы утверждаем, что Бог есть живое существо, вечное, наилучшее, так что жизнь и непрерывное и вечное бытие есть Его достояние; именно это и есть Бог… Ведь семя получается от других, более ранних существ, обладающих завершённостью, и первым является не семя, но завершённое существо… Таким образом, из того, что сказано, ясно, что существует некая вечная, неподвижная и *отделённая от чувственных вещей сущность* (курсив мой – Д. Г.); и вместе с тем показано, что у этой сущности не может быть никакой величины, что она не имеет частей и неделима… но, с другой стороны <показано> также, что это – бытие, не подверженное <внешнему> воздействию и недоступное изменению…» [50, с. 392-393]. Аристотель вводит такие определения Нуса, которые фактически свидетельствуют о Его нематериальном и несомненно Божественном статусе: вечность бытия, совершенство, первичность, неизменность, духовность, как свойство природы, несопоставимость ни с чем материальным. Именно эта нематериальность Нуса определяет Его в качестве Источника развития, совершенствования материи (т.е. антиэнтропийного процесса): «А так как в реальной деятельности даётся нечто, что вызывает движения, само пребывая неподвижным, то в отношении этого бытия перемена никоим образом невозможна… Так вот, от такого начала зависит мир небес и <вся> природа. И жизнь <у него> – такая, как наша – самая лучшая, <которая у нас> на малый срок. В таком состоянии оно находится всегда (у нас этого не может быть), ибо его деятельность является <для него> наслаждением…» [51, с. 391]. Созидательная деятельность Нуса является проявлением Его совершенства и, поэтому, вызывает Его творческое наслаждение. Здесь Аристо-

тель уже вплотную подходит к идее личностной определённости Божества, поскольку безликий Ум или космический закон наслаждаться своим творчеством не может.[19]

Таким образом, ко времени разработки Аристотелем его философской теории была созданы все предпосылки для идеального понимания Архэ. Но если бы это понимание было воспринято в его абсолютизировано-метафизическом виде – в качестве идеи *о полной взаимной отдельности* духовного и материального, – то греческая диалектика на этом сразу прекратила бы своё существование. По такому пути пошли софисты, затем, в целом, – западные философы, основоположники и разработчики метафизической традиции теоретизирования. Диалектика же изначально сформировалась и развивалась как учение о единстве мира, единстве духовного и материального. В данной связи, в рамках античной диалектики отдельность Нуса от материи предполагает Его собственную неотделимость от неё.

Как было показано, в античной философии идея выступает в качестве субъекта усовершенствования, созидания вещи (в качестве субъекта реализации антиэнтропийного процесса). Такое понимание идеи становится возможным исключительно в системе диалектической полноты духовного и материального. Если учение о диалектическом единстве идеи и вещи присутствует в православной философии, то, во-первых, это означает дальнейшее развитие античной концепции о совершенном Уме, как субъекте реализации антиэнтропийного процесса (но уже на принципиально новом уровне, предполагающем креационное понимание данного концепта). Во-вторых, в таком случае со всей уверенностью можно говорить о наличии единой теоретической линии, включающей в себя великих античных и православных философов. В-третьих, – и это самое главное, – наличие такой линии означает, что в наших руках оказывается мощное духовно-теоретическое оружие, которого будут трепетать наши враги – враги России, потому что им нечего будет ему противопоставить. Разрушение-освобождение (либеральная философия) и диктат (консервативная философия) *объективно слабее созидания*, исходящего от совершенного Ума (философия православного аристотелизма), поскольку антиэнтропийная практика созидания способна перемолоть любой диктат и разрушение, т.е. вывести общество из ситуации кризиса и регресса *любого вида и масштаба*. Руководствуясь идеями православного аристотелизма (концепцией совершенного Ума) наша страна выходила из тяжелейших исторических ситуаций – из состояния ига, смуты, опустошительных войн. И после всех бесплодных блужданий по путям «демократизации» русскому народу нужно наконец понять, что вне идей православного аристотелизма выход России на новый виток исторического развития просто невозможен. Всякая страна может совершить рывок в будущее только руководствуясь собственной духовной идентичностью, а русской духовной идентичною является созидание – православный аристотелизм.

Библиографический список

1. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. М. : Мысль, 1989. – 204, [1 с.].

2. Там же.

3. Там же.

4. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. / сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. СПб. : Алетейя, 2002; Киев : Эльга, 2002. – 832 с.

5. Там же.

6. Чуринов Н. М. Совершенство слова: теоретический анализ. Святая Русь. Совершенство слова. Красноярск, 2012.– 596 с.

7. Лосев А.Ф. Указ. соч.

[19] В этой идее Аристотеля ощутим смутный отголосок библейского: «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма» – книга Бытия 1.31.

8. Платон. Федон / Федон, Пир, Федр, Парменид // общ. ред. Л. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М. : Мысль,1999. – 528 с.

9. Лосев А.Ф. Указ. соч.

10. Чанышев А.Н. Философия Древнего мира (история философии). М. : Высшая школа, 2003. – 730 с.

11. Платон. Указ. соч.

12. Досократики. Мн. : Харвест, 1999. – 784 с.

13. Лосев А.Ф. Указ.соч.

14. Там же.

15. Досократики. Мн. : Харвест, 1999. – 784 с.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же.

19. Рожанский И.Д. Анаксагор (4. Симпликий. Комм. к «Физике», 34, 21; 34, 28; 156, 1; 157, 9). М.: Мысль, 1983. – 142 с. Он-лайн библиотека URL: http://www.plam.ru/philos/anaksagor/p8.php

20. Там же.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же.

25. Там же.

26. Чанышев А.Н. Указ. соч.

27. Рожанский И.Д. Указ. соч.

28. Аристотель. Указ. соч.

29. Лосев А.Ф. Указ. соч.

30. Там же.

31. Там же.

32. Рожанский И.Д. Указ. соч.

33. Прокл. Первоосновы теологии. § 160. Проза. URL: pyhttp://www.proza.ru/2011/08/22/1523

34. Лосев А.Ф. Указ. соч.

35. Платон. Указ. соч.

36. Аристотель. Указ.соч.

37. Там же.

38. Аристотель. Указ. соч.

39. Там же.

40. Там же.

41. Там же.

42. Аристотель. Сочинения: В 4 Т. Т.1. М.: Мысль, 1976. – 550 с.

43. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. / сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. СПб. : Алетейя, 2002; Киев : Эльга, 2002. – 832 с.

44. Лосев А.Ф. Указ. соч.

45. Прокл. Элементы физики, Ч. 1. Библиотека учебной и научной литературы. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/prokl_grammar/

46. Чуринов Н. М. Указ. соч.

47. Лосев А.Ф. Указ. соч.

48. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. / сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. СПб. : Алетейя, 2002; Киев : Эльга, 2002. – 832 с.

49. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование. СПб : Издательство Олега Абышко, 2009. — 608 с.

50. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. / сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. СПб. : Алетейя, 2002; Киев : Эльга, 2002. – 832 с.
51. Там же.

Особенности исследования сакрального в искусстве

В. Ю. Головей (г. Луцк, Украина)

Современная духовная ситуация характеризуется нехваткой настоящего, существенного, а также девальвацией смысловых основ культуры. С развитием технической экспансии постепенно возрастает мера опосредованности отношения человека к миру. Все это приводит к послаблению и истощению потока реальной жизни. Именно поэтому гуманитарные науки все чаще появляют интерес к тем феноменам, которые традиционно выражали связь человека со смысложизненными основами бытия.

Тем не менее, на определенном этапе истории проявлялось недоверие к сакральному изобразительному искусству, что было связано со специфическими взаимоотношениями такого искусства к бытию. Таким образом, исследования сакрального в искусстве подразумевает постановку онтологических вопросов, связанных с возможностями и перспективами человеческой творческой деятельности.

Подобные вопросы имели важное значение в контексте развития европейской культуры и постоянно обращают внимание богословов и философов, поскольку на протяжении столетий они были своеобразным фокусом развития философско-эстетической проблематики, способствуя повышению социокультурного статуса искусства и общественного интереса к нему.

В данной связи особую. Значимость приобретает исследование истории философско-эстетического и богословского осмысления проблем онтологии искусства в контексте развития культуры.

В статье мы ставим цель –проследить эволюцию классического метафизического дискурса художественной репрезентации, а также проанализировать современные интерпретации репрезентативной приоды искусства от онтологической герменевтики М. Хайдеґґера й Г.-Ґ. Ґадамера до постмодерного дискурса репрезентации Ж. Бодрийяра, Ж. Дерида и Ж. Делёза..

Отправной методологической позицией в исследовании избран концепт онтологической герменевтики, разработанной М.Хайдеггером и Г.-Г.Гадамером. Это обусловлено тем фактом, что философская герменевтика как теория продуктивной интерпретации позволяет рассматривать исследуемые явления в историческом ракурсе, последив изменения, обусловленные социокультурной динамикой, эволюцией в мировосприятии.

В историческом генезисе герменевтики проявляется также непосредственная связь с метафизической традицией символической интерпретации сакральных текстов разнообразных религиозных традиций –греко-римской, иудейской, христианской. В более широком значении задача герменевтики состоит в прокладке мостов сквозь общественное и историческое пространство, в создании условий для адекватного современного понимания, а также интерпретаций культурных текстов, принадлежащих к разным эпохам и традициям, во всей их смысловой глубине, перспективе и полифоничности.

Определенная сложность состоит в том, что предметом историко-эстетического и культурологического анализа являются тексты, большинство которых базируется на классическом метафизическом дискурсе, на европейской традиции метафизики, которая идет от Парменида, Платона и Аристотеля, основанной на допущении возможности постижения граничных основ реальности.

Использование классического дискурса, ориентированного на создание смысловой иерархии, является абсолютно адекватным для анализа традиционного и классического религиозного искусства.

Диалог классической и постмодернистской философии, сопоставление контрастных, даже противоположных взглядов, открывает дополнительные возможности для исследования новых аспектов данной проблематики и переоценки сложившихся стереотипов

Понятие репрезентации имеет ключевое значение для понимания самой сути процесса художественного восприятия, ведь оно связано с диалектикой идеального и реального.

Глубокое эстетическое проникновение в сущность произведения искусства предполагает обращение к символической структуры художественного образа, интерпретации которого не исчерпываются историко-культурным контекстом эпохи.

В XX веке религиоведы предложили особый термин для обозначения области непознаваемого и недоступного для человека, но имеющегося в его духовном опыте. При этом они пытались дистанцироваться от христианского наследия и занять некую «объективную» позицию, равноудаленную от конкретных форм религиозности. Это искусственно созданное понятие «сакральное», которое не имеет прямой аналогии ни в одной религиозной традиции, но специально придумано для того, чтобы в рамках феноменологии религии обозначить то общее и универсальное, что есть во всех религиях. Об этом писали Мирча Элиаде, Патрик Труссон, Роже Кайуа и Рене Жирар(1).

Сакральное (от лат. sacrum) на русский язык переводят как священное, освященное, святое. В латинском языке слово «сакральное» происходит от индоевропейского корня *sak, что выражает присутствие сверхъестественной силы. В религии Древнего Рима это понятие имело конкретное содержание и соответствовало традиционным индоевропейским языческим представлениям. Религиоведческое понятие «сакральное» намеренно очищено от всех культурно-исторических смыслов и схематически выражает условное разделение всех явлений мира на священные и профанные.

Помогая в решении некоторых задач классификации религиозных феноменов и структуризации духовного опыта, использование этого термина создает иллюзию понимания религии, приближения к тайне непознаваемого. При этом сами ученые разделились в понимании сущности сакрального. Одни писали о культурно-исторической обусловленности и социальных функциях представлений о сакральном (например, Э. Дюркгейм и Р. Жирар), другие (М. Элиаде и Р. Кайуа) подразумевали некую неопределенную сверхъестественную сущность, настолько загадочную и чуждую человеку, что ни одна конкретная религия (даже религия Откровения) в принципе не может дать адекватного представления о ней.

Философы неоднократно пытались предложить термины для выражения абстрактных и умозрительных представлений о Божественной сущности. «Бог философов» в разное время находил различные воплощения. Это были Единое, абсолют, универсум, сверхбытие и даже небытие. Наиболее соответствующим целям философского размышления оказалось понятие немецкой классической философии — «трансцендентное».

Трансцендентное (лат. trascendens – «перешагивающий, выходящий за пределы») — недоступное человеческому опыту. Подразумевается нечто высшее, запредельное, недостижимое для человека. Но в силу его непознаваемости о нем нельзя сказать ничего конкретного и определенного, тем более бессмысленно к нему обращаться как к Богу. Это предельно абстрактное понятие, доступное для мышления, но не доступное для индивидуального опыта и личного общения.

Рудольф фон Отто ввел еще один термин, аналогичный сакральному. Это — «нуминозное» (от лат. numen — «мановение, воля, повеление, божественное могущество, величие, божественность, божество, бог»). Нуминозное — термин феноменологии религии, обозначающий данности религиозного опыта, связанные с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего Божественного присутствия. Здесь акцент делается на ощущениях и переживаниях человека, испытывающего нечто необычное.

Невозможно дать строгое и содержательное определение сакрального. Оно противопоставляется профанному, которое в свою очередь определяется как противоположность или отсутствие сакрального. Получается тавтология, замкнутый круг, при этом не добавляется никакого нового понимания. Вообще, в философии и религиоведении происходит последовательное упрощение и сужение, замена и подмена изначальных смыслов, существующих в развитых религиях. Вместо «Бога» (Творца и Промыслителя) предлагается «божество» (нечто неопределенное, без лица и имени), затем «божественное» (безличное высшее начало) и в завершение – «сакральное» (неведомая сила, вызывающая у человека состояния восхищения и экстаза или страха и трепета).

Термин «сакральное» имеет смысл только в конкретных религиоведческих исследованиях и то не в качестве существительного, а как прилагательное в словосочетаниях «сакральное пространство», «сакральное время». Также вполне корректно использование в религиоведении понятий «сакрализация» и «десакрализация» (секуляризация).

К тому же уже есть понятие, аналогичное сакральному,— это святое. Это понятие — производное от традиционного понимания Бога. Чаще используется слово «святость» — обозначающее свойство, качество, присущее самому Богу или даруемое Им. Оно имеет богатую традицию употребления и толкования, глубокие исторические корни, богословское обоснование и опору на духовный (молитвенный и аскетический) опыт и Божественное Откровение, на Священное Писание и Предание Церкви.

Признавая таинственность, сокровенность и непостижимость Божественной природы, Православие все же подчеркивает, что люди не просто пребывают перед неведомой силой, а Бог открывает Себя им в Творении и Откровении, являет Себя в мире в чудесах и Боговоплощении. Все это дает огромное количество смыслов и символов, а также конкретный и богатый духовный и мистический опыт. Освоить и исполнить все это богатство — задача человека в его жизни.

Слова «святой», «святость» есть практически во всех языках. Греческое Ἁγιίος — «отделенный для Бога, посвященный Богу, священный; святой, праведный, безгрешный, непорочный, чистый, благочестивый, почитаемый в качестве божества»; Ἁγίωσυίνη — «святость, посвящение»(2). Другое слово — ίέροίς означает – «святой, исконно по природе священный, посвященный богам, принадлежащий богам, святыня, жертва, жертвоприношение».

Латинское sanctus — «святой, священный, освященный, особый, возвышенный, глубоко почитаемый, ненарушимый, незыблемый, неприкосновенный, секретный, торжественный, праздничный, безупречный, непорочный, чистый, добродетельный, благочестивый»(3). Подразумевается нечто отобранное или подготовленное для богов и ставшее священным в силу какого-либо ритуального действия, наделенное святостью, приобщившееся к святости и само ставшее святыней вследствие этого.

Sacer, sacra, sacrum — «святой, священный, посвященный, предназначенный божеству, святыня, жертва, священнодействие, жертвоприношение, богослужение, празднество, тайна, таинство»(4). Здесь имеется в виду нечто, принадлежащее богам, священное по самой своей природе и сути, запретное для человека, неприкасаемое. Можно предположить, что в определенном смысле качество священности, которое может быть утрачено, противопоставляется качеству священности как неотъемлемому, данному по природе.

В других индоевропейских языках (авестийском и готском) священное также понимается в двух смыслах: во-первых, как нечто здоровое, то есть телесно и духовно неповрежденное, целое, возникшее на основе внутреннего развития организма, что растет, прибывает в своей силе и, наконец, достигает состояния святости само по себе. Во-вторых, священное как что-то такое, что человек обнаруживает, выявляет в противопоставлении чему-то другому, как нечто обособленное, отделенное от мира человека(5). Противополагаются, с одной стороны, обладающие этим качеством по самой своей природе, по сущности, следовательно — от богов, и, с другой стороны, наделенное этим качеством в силу действия человека, по ритуалу, как следствие отделения священного от профанного.

В русском языке понятие «святой» (церковносл. «святый») относится к истинному Богу или к человеку, отмеченному Божией благодатью. «Святой — избранный; отделенный на священное употребление, освященный; посвященный; всесовершенный, праведный (о Боге); угодник Божий. Это слово у наших предков означало сильный, крепкий; потом светлый, сияющий, незапятнанный, чистый, почтенный»(6).

Можно сделать вывод, что святое — это нечто, имеющее особый нравственный, ритуальный и онтологический статус. Это некая вещь или человек, место или время, выделенное, отделенное от всего остального, выходящее за рамки обычного, противостоящее обыденному и повседневному. Святое — это нечто особенное, очищенное и освященное, возвышенное, приготовленное Богу, предназначенное и посвященное Ему, принятое Богом, а следовательно, причастное Божественному бытию, получившее Божественные свойства и качества, ставшее опасным и неприкосновенным.

Некто или нечто является святым не само по себе, а становится таковым только благодаря причастности к Божественному бытию, будучи принесенным в жертву и освященным свыше. Можно выделить особую способность святого, священного — передавать часть своих свойств тому, что приходит с ним в соприкосновение. Святость дается, даруется, вещь или человек наделяется святостью. Даровать, передать святость, наделить ею может только то, вернее — Тот, Кто сам является источником святости, ее носителем и обладателем в полной мере и совершенной форме.

Святость в полном смысле этого слова может быть только там, где есть абсолютное бытие, безусловное и безотносительное существование, вечность и бесконечность, целостность и полнота, творческая сила и могущество, совершенство и красота, истина и благо. Свято только то, что является Первопричиной, то есть причиной самого себя, Первоначалом, то есть условием и гарантом существования всего остального мира, его смыслом и целью. Святое имеет особый онтологический статус, исключительное место и значение в бытии, высший смысл и абсолютную ценность и является предельной целью. Святость по своей сути самоценна и самодостаточна, вечна и неизменна.

Поэтому понятие святости относится исключительно к Богу и в своей сущности определяется Им. Святость — это неотъемлемая особенность, отличительное качество Бога. Святость — это то, что отличает Бога от всего остального. Только Бог свят в полном смысле этого слова. Бог свят Сам по Себе, безусловно, безотносительно, неотъемлемо, абсолютно, то есть по Своей природе, по сущности. Бог есть единственный источник святости, условие и причина святости, основание и гарантия святости, исполнение и полнота святости.

Понятие святости соотносится с понятиями сверхъестественного, трансцендентного, таинственного, сокровенного. Можно говорить об эстетике апофатического богословия. Есть какая-то особая красота в непознаваемости и непостижимости Божественной сущности. Таинственность и потаенность внутренней Божественной жизни оборачиваются возможностью приобщения к Божественным тайнам через Церковь, церковные Таинства. Скрытое и сокровенное приоткрывается в творении и откровении, невозможное и несбыточное осуществляется в феномене чуда. Но в прямом смысле красота проявляется там и тогда, когда Бог Сам открывает, являет Себя, показывает или сообщает Свои священные тайны людям, прежде всего святым. Через Откровение и Богоявление мы знаем о том, что Бог есть Святая Троица.

Святость — это свойство бытия Святой Троицы. Лица Святой Троицы являются личностями, субъектами. Им присущи личностное самосознание, неисчерпаемая полнота и внутреннее богатство. Они обращены друг к другу. Эта взаимообращенность, взаимообщение трех Ипостасей есть совершенная любовь, полнота взаимного приятия и открытости. Каждое из лиц Троицы устремлено к другим, осуществляет себя в них. Лица Троицы соединяются между собой. Но соединяются, не сливаясь друг с другом, сопребывая и проникая друг в друга без всякого смешения и слияния (Иоанн Дамаскин).

Они отдают себя друг другу и принимают в себя другого. Такая полнота взаимопроникновения — это не смешение, не слияние, а совершенное взаимопроникновение, сочетаемое с совершенным сохранением собственной идентичности. Таким образом, тайна внутрен-

ней жизни Божественной Троицы выражается в логике троичности, в эстетике Святой Троицы, проявляется как внутренняя духовная красота и интеллектуальное совершенство. Красота святости — это красота Божественной Личности, красота любви и самопожертвования.

Именно свойство святости соединяет внутреннее и внешнее в Божественной жизни: внутреннее — невидимые качества Божества, сокрытые глубины, сокровенные тайны,— и его внешнее — видимые, явные проявления, иерофании и теофании, Божественные энергии и действия. Святость Бога проявляется в мире как Божественная власть, могущество и величие, недостижимое для человека, и поэтому грозное и ужасающее. Святость Бога предстает как истина и правда, праведность и справедливость, суд и милость. Святость Бога является в мир как свет и красота, святое не может не быть красивым и прекрасным. Святость Бога обнаруживается в мире как благо, благодать, то есть благодатная, благословляющая сила, дающая жизнь. Святость Бога открывается людям как добро и любовь. В святом нет никакой тьмы, зла и греха.

Святость Бога выражается в Божественной красоте. Божественная красота — источник всего красивого, прекрасного в мире и человеке. Бог сообщает, дарует всему свою собственную красоту. Изначально Божественное творение — благое и красивое. «И увидел Бог, что это хорошо». Божественная красота — это творческая причина, смысл и цель всего красивого, образец, идеал и предел всего прекрасного. Обретение святости, благодати Духа Святого, преображение — это путь восхождения человека к Божественной красоте.

Божественная красота показывает Царство Божие и призывает к нему все сущее. Божественная красота влечет, притягивает к себе. Она вызывает чувства духовной радости и удовольствия, наслаждения и блаженства. И все, кто не может остаться равнодушным, устремляются к Божественной красоте, при этом освящаясь и преображаясь. С человеком происходят реальные онтологические изменения, меняется его внутреннее состояние и положение в бытии, его онтологический статус. Для этого должны быть причины, превосходящие его бытие, укорененные в бытии абсолютном и совершенном, то есть в сверхбытии.

Красота — это не только эстетическая, но и онтологическая категория, так как она связана с Божественной красотой, с Богом как источником и основанием любой красоты. В красоте природы или человека, особенно в нравственной и духовной красоте, проявляется, присутствует, обнаруживается, как бы просвечивает красота Божественная.

Весьма показательно представление о славе Божией как проявлении Божественной сущности, как одновременном явлении сверхъестественной власти и видимой красоты. Понятие «слава Божия» явно имеет и онтологическое, и эстетическое содержание. Слава Божия соединяет внутреннее, потаенное, скрытое, сокровенное с внешним, проявленным, открытым, видимым. Вечное, непознаваемое и таинственное — со сбывшимся, познанным и очевидным. Слава Божия — это внутреннее качество Бога, связанное с силой и могуществом, властью и величием. Бог есть Господь, Творец и Вседержитель. «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки» (Мф. 6, 13).

И одновременно слава Божия — это конкретное свершение Божественной воли в мире, реальное осуществление Божественного Промысла в истории, полное и совершенное исполнение замысла Бога о мире и человеке. Слава Божия — это невидимое, ставшее видимым, реальность, невозможное для человека, оказавшееся возможным для Бога. Слава Божия — это видимое и осязаемое воплощение обетований, претворение смысла и красоты, грядущая абсолютная реализация в человеке и человечестве образа и подобия Божия. «…великий город, святый Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию» (Откр. 21, 10–11).

В предчувствии этого события, в предвидении такого чуда, в ожидании этой встречи человек прославляет Господа, поет славословие «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». Чудо — это вторжение высшей реальности в материальный мир, преображение бытия и самораскрытие сверхбытия, превосхождение ограниченности и относительности человеческого существования, достижение полноты и совершенства. Когда-то чудо станет явным, видимым, очевидным. «И небеса прославят чудные дела Твои, Господи» (Пс. 88, 6).

Человек не только наблюдатель, очевидец и свидетель Божественных чудес. К тому же человек сам по себе — чудо. Человек — это чудо, осознающее само себя, тварь, которая постигает в себе Творца. Чудом является сама возможность видеть и мыслить это. «И мы видели славу Его» (Ин. 1, 14–15). Может быть, в этом и есть предназначение человека — видеть и прославлять чудеса Божии, красоту творения и «сияние славы» (Евр. 1, 3). Поэтому и человек может и должен быть причастен к святости Бога.

В высшем смысле святым является только Бог, не имеющий ничего общего с нечистотой, грехом и злом. Однако можно говорить и о другом аспекте святости — о святости человека. Человека сотворенного, но несущего на себе последствия грехопадения и согрешающего сейчас. Будучи личностью и имея свободу воли, человек может выбирать между добром и злом, грехом и покаянием, преступлением и исправлением. И хотя человек не может стать святым по своей воле и только за счет собственных усилий, все же невозможное по природе становится для него возможным по благодати. Если человек посвящает себя Богу, желает принять Его и стремится служить Ему. Не являясь святым по своей сущности, человек может стать святым по другим основаниям — по личному выбору и своим действиям. «… по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках» (1 Пет. 1, 15).

Потому что свято все, что исходит от Бога или служит Ему. Люди, предметы и места, отделенные для Бога и в которых (или на которых) пребывает Бог, называются святыми. Во всем этом проявляется святость Божия. Святость утверждается через Бога — Святого и Освящающего. Человек, дело и время становятся святы, когда Бог делает их своими, тем самым освящая. Не человек творит святость, она исходит от Бога; поскольку Он свят, то и нам следует быть святыми. Святой человек — отделенный, отстранившийся от зла, чуждающийся греха, чистый, избранный Божий. Святыми мы называем тех, кто стал причастником Божественной благодати и освящения. «Будьте святы, ибо Я свят» (1 Пет. 1, 16).

И это дар Божий через заступничество Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. «Святыми же называет здесь не совершенных только в добродетели, но и всех тех, которые стремятся к тому совершенству, хотя еще и не достигли его. И этим ничто не препятствует освящаться через Причастие Святых Таин и в этом отношении быть святыми, подобно тому как и вся Церковь… они называются святыми ради Святого, с Которым они имеют общение и Которого Тела и Крови причащаются»(7). Святость — свойство Божие, проявляющееся в отношении человека.

Святость — это действие Бога, проявление Его свойств, явление Его энергий, того, что называется благодать. Благодать — это такие особые качества, способности и силы, которые человек не имеет сам по себе, но Бог ему дает, и человек может принять и усвоить. «И от полноты Его все мы приняли и благодать» (Ин. 1, 16). Это то, что человеку не принадлежит, но возможно для него, становится доступным при некоторых условиях и обстоятельствах, открывается ему и нисходит на него.

Благодать — это то, чего человеку не достает по его сущности, чего не хватает в его сегодняшнем греховном состоянии. И это то, что ему необходимо для полноценной жизни и служения Богу. Благодать — это милость и сила Божия, проявляющаяся в отношении к человеку и выражающаяся в даровании ему спасения. «Благодатью вы спасены» (Ефес. 2, 5).

Таким образом, святость предстает как свойство человека, но не его собственное, неотъемлемое качество, а полученное свыше, дарованное ему Богом. Святость дается человеку по милости Божией, по Его благодати, как дары Святого Духа. Святые — это люди, наделенные Богом за их веру и добрые дела особым качеством святости и способностью творить чудеса. Святые — участники, причастники святости Бога, общники Его Божественного естества, созерцатели Божественной красоты и ее выразители. Они воплощают духовную красоту в своем духовном опыте. Человек — икона Бога, и в Его святых образ Божий достигает полноты и совершенства.

Святость человека есть уподобление Богу, отражение и осуществление в человеке Божественных совершенств. Поэтому в некотором смысле можно говорить о святости как о плодах веры и верности, как о результате трудов человека по исправлению своей греховной

жизни, как следствии поста и молитвы, итоге добрых дел и аскетических подвигов. Но без Бога человек не может этого делать и без Его помощи не смог бы достичь достойных результатов. Поступки человека обретают подлинный смысл и высшую ценность, если они ориентированы на святость.

Реальное воплощение святости — святые и святыни. Святыней можно считать все, полученное от Бога или посвященное Богу. Это особые предметы, слова и книги, изображения и звучания, места или моменты времени. Святыни преисполнены смысла, высших ценностей, это духовные сокровища. Святыни хранят в себе тайну Божественного бытия. Но их святость воспринимается как зримое свидетельство бытия Божия. Святыни являют Божественную красоту и даруют человеку духовное наслаждение и радость. Они показывают присутствие Бога в жизни людей и действие Его Промысла. Святыни — это носители Божественной благодати.

Святость Бога является через Божественную любовь. Бог дарует Свою любовь людям. Она является причиной творения мира и человека, основанием и условием человеческого бытия и высшей целью его существования. Любовь человеческая есть отражение Божественной любви и ответ на нее. «Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога» (1 Иоан. 4, 7). В святых пребывает любовь Божия. А кто любит Бога, тот обретает святость. «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Иоан. 4, 16).

Таким образом, понятие святости имеет богатое и конкретное содержание. При сравнении понятий «святость» и «сакральное» видно, что введение нового термина не обосновано. Ничего не добавляя и не решая каких-то задач, это лишь дает простор для умозрительных спекуляций и эзотерических интерпретаций.

Библиографический список

1 См.: Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999; Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000; Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М., 2003; ТруссонП. Сакральное и миф // http://nationalism.org/vvv/trusson-sacral-and-myth.htm; ЖирарР. Насилие и священное. М., 2000.

2 См.: Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991; Греческо-русский словарь Нового Завета. М., 2000.

3 См.: Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1986; Петрученко О. Латинско-русский словарь. М., 1994.

4 См.: Там же.

5 См.: Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 845–860.

6 Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. II, стлб. 2016.

7 Николай Кавасила. Изъяснение Божественной литургии. Киев, 2003. С. 87–88.

«Общечеловеческие ценности» в контексте современной глобализации как социально-философская проблема духовности

М.В. Козлова (г. Красноярск)

Процессы современной глобализации, протекающие в экономической и политической, социальной сферах, с одной стороны ведут к объединению человечества, с другой — обостряют противоречия, стоящие на пути возникновения глобального общества. Камнем преткновения по праву можно считать проблему «общечеловеческих ценностей» (ОЦ), от правильно-

го разрешения, а точнее от их истолкования во многом зависит возможность реализации установившегося в истории человечества стремления к единению.

На сегодняшний день рационалистический подход к идее ценностей, как и сама рациональная система ценностей, со становлением и развитием которой связаны величайшие достижения западноевропейской цивилизации, к началу XXI столетия оказалась исчерпанной. «Разве свобода есть безусловная ценность? А как быть с аналогичным стремлением других? Человек - доброе или злое существо? И мы не можем сказать теперь — «по природе», поскольку сущность человека социально-исторически открыта, не задана. Но столь же открытым оказывается вопрос о природе «добра» и «зла»! У человечества разум отнял уверенность в том, что оно четко знает разницу их. Возникает философское «обоснование» этих антиномий: смысложизненные проблемы объявляются псевдопроблемами, провозглашаются толерантность, эпистемологический анархизм, метод заменяется стилем» [1, с. 34].

Рационалистический подход к действительности содержит в себе наряду с созидательным разрушительное, деструктивное начало. Доказательством этого является, то что претензия на универсальность и общечеловечность ценностей своей культуры, как и подхода к оценке действительности, у западного общества только усиливается, выливаясь в международные военные конфликты.

Не удивительно, что сегодня, несмотря, казалось бы, обыденность понятия «ОЦ», как показывает исследование, отсутствует единый взгляд и не существует единого мнения не только в плане составляющих его наполнения, но и использования в научной сфере вообще. Исходя из этого, представляется целесообразным все работы посвящённые данной проблеме, сгруппировать по трём основным направлениям.

Первое направление представляют ярые сторонниками западноевропейского вектора развития мировой цивилизации, для которых общечеловеческие ценностями однозначно и безоговорочно ассоциируется с системой принятых стандартов Западной Европе. (Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Фрэнсис Фукуяма и т.д.)

Збигнев Бжезинский пишет: «Культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире. Ее привлекательность, вероятно, берет свое начало в жизнелюбивом качестве жизни, которое она проповедует, но ее притягательность во всем мире неоспорима. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире. Язык Internet — английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной «болтовни» — также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров. Наконец, Америка превратилась в Мекку для тех, кто стремится получить современное образование; приблизительно полмиллиона иностранных студентов стекаются в Соединенные Штаты, причем многие из самых способных так и не возвращаются домой. Выпускников американских университетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте». ...«Демократические идеалы, связанные с американскими политическими традициями, еще больше укрепляют то, что некоторые воспринимают как американский «культурный империализм». В век самого широкого распространения демократических форм правления американский политический опыт все больше служит стандартом для подражания» [2].

С позиции нашего исследования важно отметить, что авторами данного направления, как правило, игнорируется духовность в её классически русском понимании. Фактически духовность проявляющая себя в моральном нормативании, как «путь к совершенству» (Н. М. Чуринов) заменяется рассуждениями о приоритете свобод и верховенстве права. Именно поэтому данное направление может быть использовано только в плане подтверждения концепции о разделении двух типов обществ и насущной необходимости разработки именно отечественного проекта, где духовная составляющая играет принципиальную роль.

Как показывает практика, западные ценности не всегда могут утвердиться в незападных странах. Причины этого, на наш взгляд, кроются в самой природе западных ценностей. Граждане западных стран, оказываясь вне границ западного мира, преимущественно преследуют свои личные интересы, а не стремятся к изменению социального строя периферийных обществ или к созданию внутри них относительно замкнутых сообществ.

Тема первого разрыва в ценностях, вызванного сменой аграрного производства индустриальным, интересовала еще Г. В. Ф. Гегеля. В «Философии права» он показал, что распад ценностей во время Великой французской революции был остановлен институализацией индивидуализма посредством частной собственности, контракта, буржуазной семьи, права и гражданского общества. Но с культурой неограниченного индивидуализма, в которой ломка правил становится единственным правилом, связаны серьезные проблемы: распад общих ценностей представляет собой потерю социального капитала – основы консолидации общества, без которой оно и не может существовать [3, с. 8]. Особенно сильным изменениям подвергаются отношения людей. Описываемый ценностный сдвиг на Западе в сторону массовой культуры интересует нас не как производство и потребление суррогатного продукта, а как особый тип отношения людей, кажущийся суррогатным в сравнении с предшествующим.

Второе направление Второе направление относится к противоположному полюсу, поскольку представлено работами авторов, выступающих категорически против культурного единообразия, навязываемых Западом ценностей («То, что для Запада универсализм, для остальных – империализм» [4, с. 282]) и зачастую отрицающих наличие общечеловеческой платформы (Н. С. Трубецкой, В. К. Егоров и др.), самые радикальные исследователи отрицают даже внешние проявления так называемых общечеловеческих ценностей (мода, формальные: сотовые телефоны, интернет, и т.д.). К данному направлению отнесены исследования, конкретизирующие разработки Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера, А.Тойнби, К. Ясперса.

В качестве яркого представителя данного направления рассмотрим работу Николая Сергеевича Трубецкого «Европа и человечество», которая послужила базой для формулирования евразийской доктрины. Здесь была обоснована идея равноценности всех культур мира и аргументированно заявлено о насильственном европейском влиянии на другие страны. Рассмотрены две крайние в представлении обществознания начала XX века позиции: шовинизм и космополитизм. Трубецкой доказывает, что эти позиции не столь и различны, как это видится европейцам и просвещенным кругам других стран. Если оценивать космополитизм не предвзято, то он предстанет в обличье все того же шовинизма, но не узконационального, а относящегося к более обширному культурному ареалу – романо-германскому. И данный специфический шовинизм выражается по отношению к неромано-германским народам.

Европейские космополиты, по словам Трубецкого, «под «цивилизацией» разумеют ту культуру, которую в совместной деятельности выработали романские и германские народы Европы, а под цивилизованными народами –прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев и лишь затем –другие народы, которые приняли европейскую культуру. Таким образом, мы видим, что та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, упразднив все прочие культуры, есть культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист». Приравнивая космополитизм к шовинизму, Трубецкой тем самым обвиняет европейцев в целенаправленном насилии – одном из важнейших следствий их эгоцентризма – над неромано-германскими народами, прежде всего в культурном отношении. Причем активное участие в такой европеизации принимает неромагерманская интеллигенция, которая в массе своей не задумывается о сути происходящих на их родной культурной почве процессов, вследствие чего не желает и не умеет им противостоять. Для всякого же народа исключительно важно следовать своим историческим путем, не навязывая собственные «цивилизационные» стереотипы другим народам. Это возможно лишь с помощью углубленного самопознания, которое имеет важное значение для самостоятельного исторического развития всякого народа. Что же до европейского влияния, то оно признается Трубецким благотворным, но в определенных границах, которые для каждого народа различны и могут быть выявлены

лишь в процессе самопознания. Если неромано-германские народы, «сталкиваясь с европейской культурой, будут свободны от предрассудков, заставляющих видеть во всех элементах этой культуры нечто абсолютно высшее и совершенное, то им незачем будет заимствовать непременно всю эту культуру… они возьмут из нее только те элементы, которые им понятны и удобны, и в дальнейшем будут свободно изменять те элементы, применительно к своим национальным вкусам и потребностям, совершенно не считаясь с тем, как оценят эти изменения романогреманцы со своей эгоцентрической точки зрения». Однако при терпимом отношении к отдельным чертам европейского культурного влияния, считает Трубецкой, общий цивилизационный вектор этого влияния не может быть принят культурой народов, населяющих Россию-Евразию. Отсюда вполне категорично формулируется задача, актуальная для любого негерманского народа: «оградить себя от обмана «общечеловеческой цивилизации», от стремления во что бы то ни стало быть «настоящим европейцем» [5, с. 115].

В. К. Егоров статье «Философия культуры и дискуссии о процессах глобализации», обращает внимание на то, что в связи с углубляющимся процессом глобализации на философско-методологическом уровне переосмысливается вопрос об общечеловеческой культуре. «общечеловеческое», понимаемое как кем-то и как-то отобранное, унифицированное и принятое за эталон, — это гибель культуры, человеческой цивилизации, ибо предполагает усреднение, исключающее многообразие, можно и нужно сказать и многотворчество, что составляет сущность культуры, является источником ее развития». Автор подчеркивает, что тревога, усиливающаяся в процессе глобализации, и одновременное возрастание опасности формирования однополярного мира, далеко небезосновательна, так как здесь налицо как шаблонизация, усреднение культуры под эгидой глобализации, так и формирование административно-политического механизма («империй») для удержания и упрочения господства чего-то одного, чему противится сама сущность, природа человеческой культуры. Общечеловеческое в отмеченном качестве — это трагедия, утверждает В. К. Егоров. Автор возлагает надежду на понимание общечеловеческого как кассиреоской «гармонии диссонансного», как единства в многообразии и разнообразии. В. К. Егоров выдвигает тезис, что глобализация как естественный процесс способна реализовать подобную трактовку и тем самым сможет не только сделать мир едины, а его культуру универсальной, но и создаст «новый мир новых миров». «Глобализация – не ниверсализация и мультикультурализм, а межкультурализм… утверждение, что мы сейчас живем в одно мире, является социологически непротиворечивым только в отношении экономических и геополитических процессов» [6, с. 98-104].

Известный исследователь отечественной философии С. С. Хоружий полагает, что «идеи культурной автономии, сбережения этнокультурного своеобразия всех сколько угодно малых культур с большой силой вспыхнули на Западе и во всем мире. Возникло и целое теоретическое направление «экология культуры», в котором, как в экологии вообще, один из главных принципов –ценность и важность разнообразия. Именно этот принцип отстаивал Трубецкой, и по праву его надо признать одним из предшественников экологии культуры» [7, с. 58].

Мы отмечаем, что авторы, представляющие данное направление оперируют понятиями, входящими в поле определения «духовного опыта» общества.

К третьему направлению мы бы отнесли наиболее конструктивный, с нашей точки зрения, подход, при котором система общечеловеческих ценностей рассматривается в своём прямом значении, то есть как аккумулирование наиболее передового и ценного опыта каждого социума, являющегося элементом мирового сообщества.

В современных услових реальную перспективу имеет только многостороннее сотрудничество, базирующееся на синтезе основополагающих ценностей Запада и Востока. Он пишет, что «мир может и должен почерпнуть важные уроки и у незападных культур — в плане внутренней политики и экономики, международных отношений, а также конструирования новой глобальной архитекторы. Это особенно верно в таких вопросах, как уважение к власти, забота о коллективном благе и сохранение общинных связей — правда лишь в случае, если такие ценности и соответствующие им институты будут существенно модифицированы.

Имеются основания утверждать, что мир фактически движется к синтезу пиетета Запада к индивидуальным правам с почтением Востока к социальным обязательствам (конечно, в различных вариациях); западного внимания к автономии личности и восточной заботы об общественном порядке; правового и политического эгалитаризма Запада с авторитаризмом Востока; западного отрицания великих идеологий, то есть утопизма, и пространных восточных указаний на то, что можно и чего нельзя делать людям; секуляризма и морального релятивизма Запада с представлениями о потустороннем существовании и трансцендентальных смыслах, присущими мировоззренческим системам Востока, включая индуизм, конфуцианство и некоторые африканские традиции. В процессе синтеза происходит взаимная адаптация восточных и западных компонент.

На практике подобный подход в значительной степени удалось реализовать японцам, отчасти китайцам. Именно здесь попытались найти оптимальное сочетание между лучшими проверенными наработками в области западно-европейского опыта (разделение властей, парламентаризм, гласность), не упустив при этом менталеобразующие элементы своей культуры. Вместе с тем, согласно нашему исследованию, подобная оптимизация носит временный характер и проявляет себя чаще всего в институциональном плане. Очевидно не случайно бьют тревогу японские, южно-корейские учёные по поводу потери уровня духовности в их обществах.

Разное восприятие мира потенциально порождает разделение обществ на два разных типа, которые, несмотря на глобализацию и хаотизацию социальной действительности, в конечном счёте наблюдаются нами и сегодня. В соответствии с эти разделением мы анализируем систему ценностей. В частности определяем, что для системы ценностей коллективистского типа общества характерен приоритет общественного над личным, то есть ценности общего плана превалируют над личными, сугубо телесными, что в свою очередь определяет способность членов коллективистского общества к выходу за рамки узкоэмпирического бытия, являющуюся основой проявления духовности.

Вполне понятно, что коллективистское общество задаёт определённую систему ценностей как на данный момент, так и на перспективу развития, то есть оно может существовать именно как не потребительское общество. Анализ истории в контексте нашего исследования показывает, что развитие коллективистского общества возможно при условии возобладания духовных ценностей над материальными, в противном случае, если начинают доминировать материальные ценности, духовная составляющая вымывается, что приводит к столкновению индивидуально-материальных интересов, поскольку вопрос коллективной собственности (коллективно-материального) ставится под сомнение и отдельные личности, имеющие завышенные притязания на долю общественного продукта, которые не соответствуют их вкладу в поступательное развитие общества, начинают претендовать на особые права, что рано или поздно приводит к сужению в коллективистском обществе сферы духовного и, в итоге, превалированию материальных ценностей.

Вполне естественно, также, что если в силу разных геополитических географических, климатических и прочих условий кому-то в коллективе удалось взять под контроль большую часть собственности, то он попытается найти рычаги для оправдания этого, что возможно лишь при деформации духовных ценностей, потому что коллектив может существовать, когда члены общества ограничивают свои завышенные телесно-материальное притязания.

То есть мы исходим из тезиса, что «общество развивается гармонично лишь тогда, когда материально-техническое могущество коррелирует с нравственным возвышением человека, когда каждой ступени технологического роста соответствует такая же ступень духовного возрастания общества [8, с. 37]. Духовные ценности - категория, указывающая на человеческое, социальное и культурное значение различных духовных образований (идей, теорий, образов), рассматриваемых в контексте «добра и зла», «истины или лжи», «прекрасного или безобразного», «справедливого или несправедливого». В духовных ценностях выражается общественная природа самого человека и условия его бытия.

Духовные ценности притягивают к себе внимание человека, поднявшегося до уровня личности. Он относится к ним с уважением, признанием, почтением. Вещные ценности притягивают к себе внимание человека массы и он относится к ним с не меньшим почтением, чем личность – к духовным. Оба ряда ценностей являются двумя полюсами ценностного отношения к миру. Они, каждая по-своему, определяют нравственные, эстетические и др. поступки людей, их помыслы и действия по всему диапазону взаимоотношений, по всем ключевым точкам, где расходятся их пристрастия и интересы.

Духовные ценности качественно отличаются от вещных. Человек отличается от любых других существ наличием абстрактных идеалов и принципов, создаваемых разумом, что делает человека собственно человеком, а не просто живым существом. Материальная обеспеченность, даже самая высокая, сама по себе не делает человека духовным. Она создает лишь предпосылки для развития духа. Вещи, предметы выполняют в этом отношении только служебную роль.

Главным фактором проявления духовности является созидательная деятельность человека в обществе и на благо общества, реализация данного типа деятельности, возможна при распространении духовных ценностей на уровне общества и формирование способности ограничивать свои притязания во внешнем мире, способности к самодисциплине. Однако технологизация жизни, с одной стороны, внутренне связана, и более того, является одним условий формирования атмосферы гедонизма, индивидуалистической притязательности и достижительности. Завышенные притязания, характерные для эмансипирующейся личности глобального мира, потому и завышенные, что не могут быть удовлетворенными у всех без исключения. Очевидно, что личность, решившая поставить указанный принцип в центр своих жизненных стратегий, должна отказаться от таких качеств, как социальная ответственность, коллективная идентичность, гражданский долг. Более того, она прямо заинтересована в ослаблении социальных регуляторов и нормативов, обеспечивающих социально одобряемое поведение. По Владимиру Сергеевичу Соловьеву, бессмертие отдельной, эгоистичной, противопоставляющей себя всем другим души невозможно.

Таким образом ценности коллективистского типа общества, в котором культура, образование, традиции учат служению во благо общества, воспитывают способность к самоограничению, априори имеет благоприятные условия для реализации своего духовного потенциала. В отличие от индивидуалистического общества, цель которого не мешать раскрытию индивидуальности человека, однако односторонняя интерпретация данного подхода, приводит к тому, что человек, оказывается нравственно ничем не ограничен при этом противопоставленный обществу, он воспринимает его как средство достижения своих корыстных интересов. Для индивидуалистического общества на первый план выходят внешние показатели успеха «модно — не модно», «престижно — не престижно».

Таким образом любое разрушение коллектива согласно законам диалектики ведёт к увеличению массы потребительской энтропии. Каждый новый цикл русской истории начинается высоким духовным подъемом, «сослужением ангелов», а завершается глубоким нравственным вырождением в первую очередь высшего, правящего слоя, подменяющего долг жертвенного служения ненасытной жаждой эгоистического стяжания. Именно это вырождение высших, их неуемный эгоизм и приводит к потере обществом чувства внутреннего единства, к энтропии общенациональных ценностей и целей (вера, безопасность) к развращению народа, утрате им нравственных сдержек, и в результате – к социальному катаклизму и разрушению, как общества, так и организующего его государства» [9, с. 162].

Отсюда следует, что разрушение СССР вне политического контекста, как сложившейся коллективистской структуры, и замена её на индивидуалистический хаос автоматически привела (вне зависимости от внешнего давления западных идеологов развала СССР) к давлению материального над духовным. По нашему мнению, советское общество было духовным в большей степени в виду его коллективистской сущности.

Мы расцениваем отрицательно разрушение СССР, но не в буквально политическом смысле, не в стратегически идеологическом, а с точки зрения разрушения сложившегося

сложившегося коллективистского общества и образа мыслей, который нужно было сохранить, убрав идеологическую надстройку (элементы многопартийности на коллективистской основе).

Несмотря на то, что рынок предполагает индивидуалистическую концепцию, тем не менее на пример Китая и других восточных стран, показывает возможность сочетания индивидуалистической инициативы с коллективистским духовным началом.

Если индивидуалистические общества в результате глобализации не были трансформированы, поскольку человек индивидуалистического общества потенциальный космополит и он использует принцип. Для коллективистского человека понятия Родина, патриотизма, и т.д. Исключительно как проекты опираясь на конечную цель в виде безграничной свободы.

Коммерциализация культуры, ее всецелое подчинение рынку ведет к устранению привычных ценностных иерархий, связанных со служением высшему, трансцендентному идеалу. В результате наблюдается высвобождение инстинкта и чувственности из-под контроля разума и морали, что нередко преподносится как способ реализации человеческой свободы. Однако в философской классике свободный человек понимался как требовательная к себе, ответственная и дисциплинированная личность, которая не нуждается во внешнем контроле и понукании. Сегодня мы наблюдаем подмену термина и стоящей за ним реальности. Под свободой все чаще понимается принципиальная неготовность к творческому усилию, желание потакать собственным прихотям. Все большее число людей желают не просто отказаться от тяжелого бремени социального контроля в пользу более эффективной самодетерминации, но от всякого напряжения и ответственности вообще. В этой связи, очевидно, что «адепты раскованной чувственности» не способны к продуктивной производственной деятельности, жертвенности и нравственной мобилизованности, т. е. ко всему тому, что необходимо для гармоничного развития общества.

На Западе, где беспокойство по поводу разлагающего влияния массовой культуры выражали признанные метры –в первую очередь из консервативного лагеря, альтернативу поначалу пытались сформулировать в либерально-технократическом ключе. В частности, на рубеже 60-70-х годов возобладала точка зрения, согласно которой само развитие техники коммуникаций в ближайшем будущем исправит изъяны массового духовного (или антидуховного) производства. В особенности большие надежды возлагались на новый тип телевидения.

Массовое телевидение.. – это конвейер, поставляющий содержательно все более облегченную продукцию, удовлетворяющую невзыскательные вкусы» [10, с. 320].

В этом плане общечеловеческие ценности представляют собой хорошо проработанный проект индивидуалистического общества, сущность которого состоит в следующем.

Во-первых. Игнорирование диалектического подхода к действительности, который не только предполагает всеобщую связь явлений, но и признание познаваемости мира как принципиального элемента объединяющего людей.

Во-вторых. Потенциальную конфликтность, которую несёт в себе индивидуалистическое общество из-за обязательного столкновения потребительских интересов в значительной степени прикрывается хорошо разрекламированной правовой системой. Именно она пытается заменить веками сложившиеся этические нормы характерные для коллективистского общества. Другими словами осмысленное проверенное веками система норм и этических регуляторов заменяется сценической по своей сути, спущенной сверху системой норм одобренных государством. Прецедентное право как попытка выйти из правового тупика наоборот порождает потенциальный хаос поскольку берёт за основу не духовное обобщение существующей практики, а идёт на поводу конкретного индивида.

В-третьих, само понятие общечеловеческих ценностей даже в своём внешнем декларативном выражении предполагает упор на количественные, материальные, вполне прагматические показатели, то есть под видом спасения общечеловеческих ценностей идёт как правило не морально-духовная аргументация уровня духовности, поскольку она не поддаётся переводу на проектно пиаровские рельсы и соответственно претензии и основания для бомбё-

жек находят не в истинном духовном оскорблении народа, а во внешней игре слов, где при помощи «нарушении прав», «ось зла», «нецивилизованность», и т.д. Происходит вмешательство ведущую за собой духовную катастрофу. « «Карикатурный скандал» возник из-за глубокого морального и духовного кризиса современной Европы, из-за того, что она сорвалась с якоря христианства и гуманизма и отдала себя во власть дьявольских соблазнов неолиберализма. Он показал, что Европа снова теряет инстинкт самосохранения. Интересно замечание владыки, что, строго говоря, даже европейский классический либерализм сам по себе не провоцирует подобных конфликтов, не дает основания глумиться над чувствами верующих, подвергать осмеянию религию как святыню. И действительно, секулярный европейский гуманизм, выросший из христианского учения о моральном равенстве людей, не отвергает ни разнообразия религий, ни разнообразия культур. Следует отметить, что даже современный постмодернизм не провоцирует подобных конфликтов между религиями, не призывает оскорблять чувства верующих. Постмодернизм предполагает сосуществование различных ценностей и идеологий» [11]

Социологические исследования показали, что если для жителей США приоритетными ценностями являются такие, как личная свобода и индивидуальные права, а также свобода самовыражения, то представителями восточных культур предпочтение отдается совсем другим ценностям. Для них важными являются приоритет нации перед общиной, а общества перед личностью, семья как базовый элемент общества, общественный порядок, дисциплина и уважение к старшим. В американской же культуре права личности существенно превалируют над ее обязанностями перед обществом. Ведь в США даже преступник рассматривается скорее как жертва общества, его репрессивной системы. Именно этими коренными различиями во взглядах на роль человека в обществе, на его права и обязанности перед ним и обусловлено то *духовное противостояние* цивилизаций Востока и Запада, которое мы наблюдаем уже сегодня и которое, вероятнее всего, в ближайшие десятилетия будет только усиливаться. Это противостояние и является главным источником той международной напряженности, нарастание которой становится все заметнее в последнее десятилетие. Наглядными свидетельствами этого процесса являются многочисленные и все учащающиеся факты проявления международного терроризма.

Таким образом, мы можем утверждать, что разрекламированная западная правовая система также по сути сужает сферу духовного, концентрируясь на сугубо материальном. *(индульгенция, общая индульгенция, пример реформация)*

Работы отечественных учёных, как современных, так и более ранних периодах всегда акцентировали внимание на особенности русского человека, хотя по-разному объясняли эти особенности через менталитет, исторический, географический и прочие факторы.

Однако не только Россия, но весь мир в той или иной степени почувствовал несовременность навязывания системы общечеловеческих ценностей при всей их актуальности, по нашему мнению, главная причина разочарований в плане перспективности господства общечеловеческих ценностей, являются следующие

Во-первых, отсутствие определённости в плане соотношения духовной и материальной составляющей во всей системе общечеловеческих ценностей.

Во-вторых, всё более понятной становится ошибочность утвердившейся аксиологической шкалы при явном доминировании материальных ценностей, что проявляется при оценке уровня и перспектив развития любого социума (например, однозначно сбрасываются со счетов, как перспективные те страны, которые явно отстают от западно-европейских по количеству произведённых материальных ценностей на душу населения и если даже подобная социологическая шкала включает культуру и образование то она также основывается исключительно на экономических показателях, подобный подход не только не в состоянии объяснить феноменальной способности к выживанию и воспроизводству отдельных не цивилизованных стран, но даже приводит к парадоксальным, иногда противоположным выводам, количество насилия в американских вузах растёт несмотря на максимальную материальную

обеспеченность, а дети с азиатских стран умудряются занимать первые места при чём часто не в прямой связи с материальной обеспеченностью, материальной обеспеченностью).

Наше исследование, основанное на исторических примерах, показывает, что успехи в образовательной культурной сферах не являются следствием не только больших финансовых средств выразившимся в резком укреплении материально технической базы, здесь явно не прямо пропорциональная зависимость, о чём свидетельствует опыт борьбы с неграмотностью в 30-е годы, а также и духовно-нравственное возрождение Германии и Японии после войны. В этом плане как опять таки показывает исторический опыт приоритетным является именно духовные начала оформленное в соответствующую национальную идею и детализированная на уровне конкретных социальных институтов. В этом плане мы можем и должны говорить о духовности индивидуалистического общества, что абсолютно не противоречит концепции Чуринова, однако, в системе общечеловеческих ценностей основанной, как отмечалось выше, почти исключительно на устоявшихся ценностях западного индивидуалистического общества, они полностью подчинены довлеющей материальной сфере. Именно поэтому часто на Западе естественная попытка сохранить свой социокультурный облик не правомерно ассоциируется нецивилизованностью и даже с фундаментализмом. С другой стороны слишком свободное отношение западных СМИ с духовными ценностями не европ мира (например, так называемый карикатурный скандал), только подтверждает доминирование вульгарного материализма ведущего к полной бездуховности, как на уровне обыденного так и на уровне теоретического сознания запада. «Противоречие между традиционными и современными ценностями помещено не между ними, оно находится в системе именно современных ценностей, не позволяя им укорениться с достаточным основанием ни в личностной, ни в общественной сферах. В этом, автор, видит одну из основных причин реального отсутствия сколько-нибудь целостной системы ценностей современного человека, как на Западе, так и на Востоке. Практически это можно видеть повсюду: террористы, апеллируя к системе религиозных ценностей, оправдывающей их действия, сознательно или бессознательно совершают подмену религиозных ценностей актуально-политическими целями, и действуют, уже из содержания последних, избравшего их демократического большинства.

Все это, убедительно демонстрирует ценностную анархию в современном мире, которая для удобства и оправдания именуется плюрализмом, но означает только одно: современный мир утратил ценностные основания своей жизнедеятельности. Отсюда фрагментарность и непоследовательность; условность союзов и региональных объединений; волюнтаризм, отсутствие стабильности и критериев в политике; абсолютная манипулируемость гигантскими массами людей; чрезвычайная и не оправданная власть СМИ и т.д.»

Карикатурный скандал возник из-за глубокого морального и духовного кризиса современной Европы, из-за того, что она сорвалась с якоря христианства и гуманизма и отдала себя во власть дьявольских соблазнов неолиберализма. Он показал, что Европа снова теряет инстинкт самосохранения. Интересно замечание владыки, что, строго говоря, даже европейский классический либерализм сам по себе не провоцирует подобных конфликтов, не дает основания глумиться над чувствами верующих, подвергать осмеянию религию как святыню. И действительно, секулярный европейский гуманизм, выросший из христианского учения о моральном равенстве людей, не отвергает ни разнообразия религий, ни разнообразия культур. Следует отметить, что даже современный постмодернизм не провоцирует подобных конфликтов между религиями, не призывает оскорблять чувства верующих. Постмодернизм предполагает сосуществование различных ценностей и идеологий.

Таким образом, общечеловеческие ценности являются изначально релятивистским понятием, амбивалентность которых заложена как в неоднозначности понятия «ценность», так и противоречивости понятия «общечеловеческой». Система общечеловеческих ценностей, порождённых индивидуалистическим обществом, приводит в глобальном мире не только к нарушению баланса между духовными и материальными компонентами, но и, как показывает практика, к доминированию только материальных ценностей

Библиографический список

1 Русаков В.М. Проблема рационального и иррационального в современной философии // Вестник РФО. – 2003. – №1.

2 Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt

3 Федотова В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России [Текст] / В. Г.-Федотова// Вопросы философии. – 2005. – №11.

4 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

5 Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.

6 Егоров В.К. Философия культуры и дискуссии о процессах глобализации // Глобализация и перспективы современной цивилизации / Отв. Ред. К.Х.Делакаров. М.: КМК, 2005.

7 Хоружий С.С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии. – 1994. – №11.

8 Мантатов, В.В., Мантатова Л.В. /Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. – Улан-Удэ: из-во ВСГТУ, 2007.

9 Зубов А.Б. Циклы русской истории // Вопросы философии. – 2003. – №2.

10 Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Эксмо, 2003.

11 Ципко А. Третье средневековье // Литературная газета. – 2006 – 29-марта-4 апр.

Раздел 6.

КОНЦЕПЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МИРОУСТРОЙСТВА

В.И.Вернадский и проблемы социальной автотрофности (к 150-летию со дня рождения великого русского ученого и мыслителя)

А.Д. Московченко (г. Томск)

Мировое научное сообщество отмечает славный юбилей великого русского ученого. Биогеохимик, мыслитель, один из основоположников русского космического движения, крупнейший естествоиспытатель XX века.

Вместе с тем ряд идей В.И. Вернадского до сих пор остаются невостребованными. Особенно это относится к идее автотрофности человечества, которая многих смущает и настораживает. С одной стороны – она чрезвычайно привлекательна для обсуждения различных сторон человеческой жизнедеятельности, с другой – является источником совершенно нового, парадоксального знания и мировидения.

Сложность восприятия идеи автотрофного человечества заключается еще и в том, что «физика» (биогеохимия) и метафизика (философия) в данном случае тесно переплетаются, и отделить одно от другого подчас не представляется возможным. В этом особенность эпохальных открытий в естество- и обществознании. Строгая рациональность суждений сочетается с выходом за пределы рационального, в иррациональную область. В незаконченном труде «Научная мысль как планетное явление», над которым В.И. Вернадский работал в течение двух лет (1937–1938 гг.), высказывается странный с точки зрения научного рационализма вывод: «… величайшие открытия не вызываются ни научной, ни логической мыслью» [1. С. 152]. Примеров таких странных открытий в области науки и методологии можно привести множество. Характерно это и для зарождения идеи социальной автотрофности В.И. Вернадского, которое подробно описано им в дневниках [2. С. 112–119].

Начало 1920 года, юг России, идет гражданская война, на В.И. Вернадского обрушивается тифозная горячка. Он погружается в беспамятство и больше месяца находится между жизнью и смертью. Но время от времени у него случаются минуты просветления, он подзывает жену и диктует ей свои размышления. Болезнь вытянула из подсознания удивительные космические видения. Перед взором ученого прошла вся его будущая жизнь до самой смерти, получили разрешение все задававшиеся им с юности научные и метафизические вопросы. Это прежде всего учение о биосфере и ноосфере, рассмотренные с автотрофных позиций. Биосфера (живое вещество планеты Земля) впервые представилась ему с биоавтотрофнокосмологической точки зрения, как живое целостное планетарно-космическое явление, как трансформатор и усилитель солнечных и космических энергий. С этих позиций биосфера – это не что иное как законсервированная солнечная и космическая энергия. Далее воображение В.И. Вернадского охватывает более широкие научные перспективы, где биосфера и социосфера начинают развиваться как единое живое разумное космическое образование, а в качестве механизма развития выступает такое удивительное свойство живых систем как автотрофность. В специально-научном плане автотрофность определяется как механизм резонансного преобразования низкоорганизованной энергии косного вещества в высокоорганизованную энергию живого вещества под влиянием солнечных и космических излучений. В.И. Вернадский поднимается на общенаучный уровень понимания автотрофности. Тогда автотрофность выступает как механизм преобразования не только косного вещества в живое, но и живого вещества в социальное, в результате которого появляется новый автотрофный человек.

В.И. Вернадский необычайно расширил объем и содержание автотрофных представлений: это не только свойство природно-ноосферных систем, но и систем социального плана. В таком случае в качестве консерванта солнечных и космических излучений выступает не только биосфера, но и социосфера (материально-производственная и духовно-интеллектуальная деятельность человека). Оказывается биосфера и социосфера представляет собой единое естественноисторическое образование. Тогда понятной становится мысль ученого о возможности превращения человеческого общества из природного гетеротрофного (паразитического) состояния в автотрофное (созидательно-творческое).

В этом странно-болезненном творческом состоянии (ему 57 лет) в нем проявился, как он сам отмечал, «Демон Сократа», произошел мировоззренческий и методологический перелом, переход в совершенно новое психофизическое духовно-интеллектуальное состояние. В.И. Вернадский ощутил в себе не только качества крупного ученого, но и выдающего мыслителя. Видения «прочертили» ему стратегию будущей научной деятельности: 1) создание Международного института для изучения живого вещества, 2) построение теории живого вещества через призму автотрофных представлений о природе и обществе. Более того, он должен был подготовить обширный доклад и выступить с лекцией (на международном уровне) о будущем автотрофном человечестве.

Сходные творческие прорывы в метафизико-трансцендентный мир мы обнаруживаем у выдающегося психоаналитика XX века – К. Юнга. В автобиографической книге (в главе «Видения») он описывает странное психодуховное состояние, которое послужило поворотным пунктом в его последующей творческой жизни. В начале 1944 г. он пережил тяжелейший инфаркт, во время которого почувствовал что умирает. У него возникает (как он сам отмечает) космическое видение, где он рассматривает нашу планету как бы со стороны, а себя – как сумму того, что он когда-то сказал и сделал. Когда К. Юнг выздоровел, в нем что-то радикально изменилось и его мысли приняли совершенно новое направление, важнейшим из которых явилось планетарно-космическое учение об архетипах. У К. Юнга, также как и у В.И. Вернадского, возникла уверенность в абсолютном единстве всего сущего, где природное и метафизическое слиты воедино. Эту слитность выражает как **автотрофность** (резонансный космический синтез природно-биосферного и социосферного), так и **архетип** (бессознательное психическое планетно-космическое явление, которое представляет целое человечество и его судьбу). У К. Юнга архетип является психосферой, выступающей в качестве трансформатора и усилителя психокосмических бессознательных процессов в те или иные формы человеческой культуры, у В.И. Вернадского автотрофность проявляет себя как трансформатор и усилитель солнечных и космических излучений, в результате чего косное превращается в живое, живое – в социальное, а социальное – в планетарно-космическое [3. С. 148–151].

Космические мотивы в мировоззрении В.И. Вернадского и К. Юнга повлияли на поиск новых логико-методологических ориентиров. В.И. Вернадский предполагал написать большую работу «О необходимости критического созидания логики естествознания». Остались разрозненные заметки, где виден огромный интерес ученого к восточной философии, особенно к философии индусов [1. С. 196–204]. К. Юнг в последние годы своей жизни активно сотрудничал с физиками-теоретиками, особенно с В. Паули по поводу «логики квантовой механики» [4. С. 438–449].

Величайшие ученые XX века В.И. Вернадский и К. Юнг были вынуждены (кем?) в экстремальных ситуациях выходить за рамки научной рациональности в метафизическую область черпая оттуда уникальную информацию об иных мирах, напрямую воздействующую на землян, на ее наиболее чутких и пытливых исследователей. При этом их организм (в результате экстремальных потрясений) подвергался психофизической трансмутации всех нервных центров, что позволило совместить, согласовать энергетику (вибрационные ритмы) ученых с энергетикой Космоса. Вибрационная синхронизация позволила им войти в те «космические видения», о которых они говорили.

В 1922 г. В.И. Вернадский выехал во Францию читать курс лекций по минералогии и геохимии. В Парижском университете среди прочих была прочитана лекция «Автотрофное человечество», которая спустя год была опубликована на французском языке, а на русском – в 1980 г. в трудах биохимической лаборатории [4]. В ней высказывается идея о возможности превращения человечества из гетеротрофного состояния в автотрофное. Впервые явление автотрофности рассматривается с двояких позиций: физических (изотопия атомов) и метафизических (становление автотрофного космического человека). Физике (и биологии) автотрофности (фото- и хемосинтез) посвящено множество работ, а вот к метафизике автотрофности (социальной автотрофности) впервые обратился В.И. Вернадский. Сделана попытка соединить биосферное и социосферное с автотрофных позиций. Задача невероятной сложности. В качестве примера можно привести идею дополнительности квантовых представлений Н. Бора, но она не выходит за рамки физического и естественнонаучного знания в целом. Проблема, которую поставил русский ученый намного грандиознее: речь идет о создании нового человека – автотрофного социального космического существа. Со временем человек «из существа социально гетеротрофного сделается существом социально-**автотрофным**. Последствия такого явления в механизме биосферы были бы огромны … впервые в геологической истории земного шара появилось бы автотрофное животное – автотрофное позвоночное» [5. С. 482]. Академик С.Р. Микулинский, выступая с докладом «О понятии ноосферы», посвященном 125-летию со дня рождения великого ученого, высказал замечательную мысль о том, что «Если бы Вернадский не был бы геологом, он вряд ли вышел на такие проблемы. Но он никогда не создал бы ее, если бы не вышел за пределы геологии» [1. С. 487]. Органическое совмещение качеств ученого-энциклопедиста и мыслителя позволило В.И. Вернадскому диалектически соединить биогеохимию автотрофности и метафизику будущего человеческого бытия (величайшее чудо появление нового космического человека).

В парижской лекции «Автотрофное человечество» В.И. Вернадский ставит две задачи: 1) изменить форму питания (автотрофное питание); 2) изменить источники энергии (автотрофные энергии). Особенно примечательна завершающая глава (XIX) лекции, где обращается пристальное внимание на необычайную сложность изготовления искусственной пищи для будущего человека. Сможет ли человек со временем избавиться от растительной и животной пищи? «Для получения синтетическим путем пищи необходимо синтезировать те изотопические смеси (химические элементы), которые отвечают природным состоянием химических элементов в живых системах… Для синтеза пищи необходимо будет не только создать те химические тела и их смеси, которые в виде хлеба, мяса и т.п. употребляет в пищу человечество, но и изменить изотопические смеси некоторых из входящих в их состав химических элементов, и это, кажется нам, по крайней мере сейчас, может быть сделано» [5. С. 486].

Таким образом поставлена действительная проблема, которая становится все более актуальной: возможно ли создание искусственной пищи (сперва в лабораторных, а затем в промышленных условиях) близкой по составу атомов к пище природной? Решение данной проблемы радикально меняет физико-химические и психо-душевные качества человека. По сути, речь идет об изменении физической и духовной сферы человека в сторону автотрофности, когда он будем независим в своем питании от живых природных систем (растительных и животных). Современная наука и технология (биогеохимия и генная инженерия) утверждают что это возможно, и многое сейчас делается в технологии производства и приготовлении пищи, в фармацевтике, в производстве полимеров, когда из нефти получают искусственные белки, жиры, сахар и т.д. Особенно это актуально для космической индустрии и питания космонавтов.

Но в этом случае радикально меняется наше предназначение и смысл существования. Переход к социальной автотрофности изменяет традиционные мировоззренческие и методологические ориентиры. На передний план выходят смыслообразующие вопросы. Неужели смысл жизни состоит в том, чтобы только питаться, не умереть с голоду, прикрыть наготу свою, ведь большинство людей вынуждены только этим заниматься: ходить на работу, полу-

чать деньги для удовлетворения непосредственных физических потребностей. На этом построена тотальная идеология потребительского общества, которую нам навязывают международные глобалисты [6].

Идея В.И. Вернадского об автотрофности человечества говорит нам о том, что необходимо радикально менять жизненные установки: главное – творчество на благо всех людей, живущих на Земле, с выходом в космическое пространство, а вопросы питания со временем отойдут на второстепенный план. Все больше появляются людей «солнцеедов», которые изменили образ жизни и структуру питания в сторону автотрофности, постепенно отказываясь от мясной, а затем и от растительной пищи, обращая главное внимание на творческую духовно-нравственную сторону жизни. Но это для людей экстремальных, основная же, стоящая перед человечеством проблема, накормить миллионы людей продуктами, которые исключали бы искусственные изотопические смеси, несовместимые с природными изотопическими смесями живых систем [7]. Решив эту продовольственную проблему, можно будет постепенно переходить к тому состоянию, которое мы наблюдаем у «солнцеедов».

Автотрофные идеи В.И. Вернадского выводили его на совершенно новое понимание философии и культуры в целом. Он с горечью отмечал, что современная ему «философия живет прошлым … что перестраивающаяся в корне огромная область биологических и геологических наук ею по существу не затрагивается, она не дала самостоятельного анализа вскрытых новых явлений» [1. С. 259–257].

Традиционная философия, главным образом западноевропейская, катастрофически отстает от развития науки и технологии. В.И. Вернадский прозорливо отмечал: «Время философии в будущем. Оно наступит тогда, когда философия переработает огромный, бурно растущий научный материал научно установленных фактов и научных эмпирических их обобщений, непрерывно увеличивающийся и современной философией уже в значительной мере чуждый» [1. С. 275]. Необходим тесный творческий контакт ученых, главным образом биогеохимиков, и метафизиков (философов). Свободное философское искание истины должно опираться на фундамент строгих научных фактов. Именно в этом ключе возможно создание новой философии, построенной на биоавтотрофнокосмологической основе [8–10]. Это во многом «нестандартная» философия привлекает все большее внимание современных молодых исследователей [11]. Особенность биоавтотрофнокосмологической философии, которая сформировалась в лоне русской космической мысли, заключается в планетарно-космическом взгляде на все стороны человеческой жизни через призму социоавтотрофного космического человека, становление которого займет многие десятилетия. Произойдет освобождение от тех природных (гетеротрофных) качеств (с помощью генной и культурной инженерии), которые заставляют человека убивать и пожирать все живое. Исполнятся в полной мере древние и христианские моральные заповеди: не убий, не укради и т.д. Наступит социально-гармоническое сообщество людей о котором мечтали ученые и мыслители всех времен и народов.

Практическое значение идей автотрофности человечества огромно и всеохватно. Прежде всего для решения глобальных проблем человечества: *экологических* (автотрофная среда и автотрофные технологии), *продовольственных* (автотрофное производство и приготовление пищи), *энергетических* (альтернативная энергетика: солнечная, ядерно-водородная, холодного ядерного синтеза и т.д.), *геополитических* (органическая связь западных и восточных мировоззрений), *экономических* (биоавтотрофная инновационная экономика), *культурно-воспитательных* (автотрофный здоровый образ жизни), *образовательных* (автотрофные образовательные технологии), *государственно-политических* (автотрофные социальные общины), *научно-технологических* (автотрофная генная и социальная инженерия) и т.д. [12].

Почему же автотрофная идея В.И. Вернадского до сих пор не востребована научным и культурным сообществом не только в России, но и во всем мире. Есть ряд очень серьезных причин:

1) мировое засилье транснациональных компаний и транснациональных банков, проповедующих идеологию «золотого миллиарда», разрушительную для всего человечества, пре-

следующих собственные цели, связанные с порабощением людей во всемирном масштабе посредством системы глобального управления и контроля [13]. Во главе угла этой идеологии лежит создание потребительского общества. Проводится тотальная блокировка всех инновационных технологий автотрофного направления. Необходим решительный переход от потребительской цивилизации западного мира к автотрофной, когда автономные, оптимальные и гармонические качества человеческих сообществ станут категорическим императивом нашего времени. Следует поднять разработку идей автотрофности человечества на государственный, а затем и на межгосударственный уровень. Пришло время для организации международного института по проблемам автотрофности человеческой жизнедеятельности и создания ноосферных автотрофных процессов в общественном производстве [14, 15].;

2) идея автотрофности требует панорамного (голографического и трансдисциплинарного) мышления с выходом в беспредельный Космос. Для современных людей она носит слишком большой масштаб, слишком далеко устремляется в будущее, много невидимых факторов нужно учитывать. Мало кто может в полной мере проникнуть в эти глубины. А это уже область метафизическая (философская и мистико-эзотерическая). Это предел наших знаний и откровений. С этих позиций необходимо срочно перестраивать образование и воспитание, особенно высшее, насыщая его все усиливающимся биоавтотрофнокосмическим началом;

3) восприятие автотрофных социальных идей требует особенной софийной соборности человеческой жизнедеятельности, связанной с сердечным переживанием за все, что творится на планете Земля, в ближнем и дальнем Космосе. Вместе с тем софийная соборность возможна только в условиях социалистического общинного производства. Это нашло свое воплощение в «Философии» общего дела Н. Федорова, в творчестве Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Вл. Соловьева, Н. Бердяева, П. Флоренского;

4) катастрофическое отставание философского и культурного сообщества от запросов и вызовов времени. Необходима государственная образовательная и культурная стратегия с учетом автотрофных идей В.И. Вернадского, где естественнонаучная и гуманитарно-научная составляющие образовательного процесса слиты воедино. На передний план должны выходить дисциплины биоавтотрофнокосмологического плана.

Предстоящие природные и социальные изменения в мире переведут человечество на новый энергоинформационный космический этап развития. Грядущие опасности для человеческого вида могут оказаться намного серьезнее, чем мы в состоянии их вообразить. Вместе с тем человеческая сущность сопротивляется необходимым радикальным жизнеутверждающим переменам. В.И. Вернадский высказал в начале прошлого века величайшую прогнозную спасительную идею автотрофного человечества. Остается только ее осмыслить и претворить в жизнь.

Библиографический список

1. Вернадский В.И. Философия мысли натуралиста. – М. : Наука, 1988. – 520 с.
2. Вернадский В.И. Из дневника // Прометей. Ист.-биограф. альманах «Жизнь замечательных людей» : сост. Г.П. Аксенов. – М. : Молодая гвардия, 1988. – С. 112–120.
3. Московченко А.Д. Эзотерические прозрения в творчестве В.И. Вернадского и К. Юнга (сравнительный анализ) // Методология науки : материалы Всероссийского семинара. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1997. – Вып. 2. – С. 148–151.
4. Вернадский В.И. Труды биохимической лаборатории. – М. Наука, 1980. – Т. 16. – 320 с.
5. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Труды. Воспоминание современников. Суждения потомков : сост. Г.П. Аксенов. – М. : Современник, 1993. – С. 462–486.
6. Урсул В.И. Неонацизм в глобальных процессах современности // Вестник военного университета. – 2007. – № 3. – С. 20–29.

7. Печуркин Н.С. Энергия и жизнь. – Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1988. – 190 с.
8. Московченко А.Д. Русский космизм, автотрофность, человек будущего. – Томск : Знамя Мира, 1986. – 72 с.
9. Московченко А.Д. Проблема интеграции фундаментального и технологического знания. – Томск : Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2001. – 192 с.
10. Московченко А.Д. Автотрофная стратегия выживания // Вестник РФО. – 2011. – № 1. – С. 112–116.
11. Харламов С.Ю. Эволюция концепции автотрофности человечества В.И Вернадского // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. – 2008. – Т. 12, № 5. – С. 12–21.
12. Московченко А.Д. Автотрофное человечество – глобальный феномен современной культуры // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320, № 6. – С. 81–84.
13. Колеман Д. Комитет 300 (Тайна мирового правительства). – М. : Витязь, 2003. – 320 с.
14. Московченко А.Д. Философия автотрофной цивилизации. Проблема интеграции естественных, гуманитарных и технических наук. – Томск : Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 263 с.
15. Московченко А.Д. Русский космизм. Автотрофное человечество будущего. – Томск : Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2012. – 146 с.

Глобальная демократическая устойчивость: проблемы и перспективы

А.Д. Урсул, Т.А. Урсул. (г. Москва)

Двадцатый век принес человечеству многочисленные возможности. С одной стороны – это возможности экономического, технологического, духовного развития, а с другой – возможности прекращения существования человечества через ядерную и экологическую глобальные катастрофы. Ядерная катастрофа способна погубить человечество в историческое мгновение, в то время как экологическая катастрофа проявляется незаметно, постепенно, обрекая человечество на деградацию и медленное вымирание.

Реальная возможность такого рода глобальных угроз требует отказа от старой модели (формы) цивилизационного развития, которое неумолимо ведет к глобальной антропогенной катастрофе и формированию вначале в теории, а затем и на практике новой – в перспективе стратегии развития человечества, которое должно стать рационально управляемым в планетарном масштабе. Предполагается, что глобальное управление станет возможным при переходе мирового сообщества к устойчивому развитию (УР), под которым понимается развитие общества, позволяющее удовлетворять потребности нынешних поколений, не нанося при этом ущерба возможностям, оставляемым в наследство будущим поколениям для удовлетворения их собственных потребностей. Сейчас же социально-экономическое развитие происходит в основном за счет существенного сокращения природных ресурсов, особенно невосполнимых, и деградации экологических условий. Поэтому XXI век становится критическим столетием в развитии и существовании нашей цивилизации, поскольку в этом веке решается судьба человеческого рода на планете, его выживания и сохранения окружающей природной среды.

Стало очевидным, что для того, чтобы человечество смогло выжить, необходимо коренным образом трансформировать процесс социально-экономического развития, изменив многие общечеловеческие ценности, цели и ориентиры, сформировавшиеся в современной модели неустойчивого развития – НУР (так на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. – ЮНСЕД в Рио-де-Жанейро была названа та форма развития, по которой

продолжает пока развиваться наша цивилизация). На ЮНСЕД было принято беспрецедентное историческое решение изменить модель, или форму мирового развития, превратив неустойчивое развитие цивилизации, чреватое умножением опасностей и угроз, в том числе и глобальных, в устойчивое развитие. До сих пор реальной альтернативы стратегии и концепции устойчивого развития цивилизации не предложено, тем более принятой на уровне ООН.

Экологический акцент в этой концепции явился правильным шагом, ориентированным на длительную, стратегическую перспективу. Устойчивое развитие в этом понимании предполагает выживание цивилизации и даже повышение качества жизни всего населения планеты без роста масштабов использования природных ресурсов и без деградации окружающей среды до таких пределов, что это не привело бы к превышению несущей емкости Земли как экологической системы

За последние 20 лет концепция устойчивого развития в России и мире рассматривалась в основном в природоохранной плоскости. Между тем, окружающая среда и развитие являются не двумя отдельными областями, а двумя аспектами одной и той же повестки дня. Требуется существенно более комплексный и целостный подход к формированию стратегии устойчивого развития, обеспечивающий учет не только экологических и социальных издержек экономического роста.

Саммит "Рио+20" оправдал прогнозы многих экспертов, ожидавших лишь незначительный прогресс в процессе Рио-92, начавшегося тоже в Бразилии. "Саммит Rio+20 – лишь бледная тень саммита, проходившего в этом же городе двадцать лет тому назад", заявил в своей еженедельной колонке в газете The Gardian известный английский писатель и политик Джордж Монбиот.

Авторы откликов на саммит, конечно, дают свои объяснения причинам незначительного позитивного эффекта Рио+20 (и они называются в многочисленных обзорах процесса и результатов этого саммита). Звучало и требование общественности, принявшей участие в Конференции Рио+20, именовать итоговый документ как «Будущее, которого мы не хотим" [1]. Однако стоит назвать и еще одну, возможно, даже главную причину (кроме неготовности политиков и большинства населения планеты принимать стратегию УР в ее современном виде). Эта причина, на наш взгляд, в весьма слабой разработанности теоретических аспектов стратегии УР и видения глубинной природы глобальной устойчивости. В этом сказался традиционный подход к науке в рыночной стихии, когда идет принижение фундаментальной науки. На суд общественности подают весьма упрощенную и одностороннюю концепцию УР, которая не является достаточно адекватной, поскольку выделяется в основном экологический аспект и его связь с экономикой и социальной сферой. Безусловно, это делать необходимо, но этого мало, важно расширить предметное поле исследования проблемы устойчивости, сделать концепцию УР более целостной. Это как раз то, чего, как уже отмечается, пока недостает и российским разработкам в этой же области [2].

Формулирование новой стратегии развития означает постепенное соединение в единую самоорганизующую систему экономической, экологической и социальной сфер деятельности. В этом смысле устойчивое развитие должно характеризоваться (как минимум) экономической эффективностью, биосферосовместимостью и социальной справедливостью при общем снижении антропогенного пресса на биосферу.

Но оказалось, что этого явно недостаточно и устойчивой перспективы можно и не достигнуть, если не учитывать краткосрочные вызовы и угрозы УР со стороны современной рыночной экономики. И не только экономики, экологии и социальной сферы, но и политики, да и ряда других существенных сторон реальной жизнедеятельности человечества. В этом сказалось противоречие между провозглашенной новой формой развития цивилизации и нынешней формой неустойчивого развития. Новая модель развития цивилизации оказалась, с одной стороны, более перспективной, поскольку именно с ее помощью цивилизация сможет выжить. Но, с другой стороны, созданная пока на теоретическом уровне, эта модель оказывается менее системной и не учитывает еще многие составляющие в плане развития и безопасности, которые характеризуют современную модель развития, часто именуемую моделью

неустойчивого развития. Именно эти составляющие «тянут назад» движение в правильном, но недостаточно системном, весьма «урезанном» направлении. Устойчивому будущему противостоят угрозы со стороны пока не включенных областей деятельности (они-то продолжают развиваться в рамках модели НУР) и они существенно тормозят прогресс на пути к УР экологической ориентации.

Вывод остаточно очевиден: надо существенно расширять видение нашего общего устойчивого будущего, согласуя между собой как долгосрочные, так и краткосрочные цели, задачи и принципы развития. На это обращал внимание в своих лекциях недавно побывавший в нашей стране Д. Медоуз. Надо существенно облегчить достижение долгосрочных целей, в том числе и Целей развития тысячелетия [3] (которые с 2015 г. сменятся Целями УР), минимизируя современные угрозы, делая этот желаемый тип развития более системным и безопасным. Иначе через 10 лет, после очередного кризисного этапа в экономике или иной сфере деятельности человека в модели НУР представители руководства стран и гражданского общества опять на очередном форуме ООН по УР придут к еще более неутешительным результатам. Нужно находить такое оптимальное соотношение между моделью неустойчивого развития, по которой человечество движется не в нужном направлении и моделью будущего развития, которое сможет обеспечить выживание цивилизации, снижая кризисные составляющие своего развития. Тогда угрозы реализации УР существенно уменьшатся.

Основная идея перехода к УР заключается в выживании и стабильном продолжении существования человечества в условиях сохранения биосферы. Это подразумевается в определении понятия УР. На ЮНСЕД широко использовалась дефиниция этого понятия, которая ранее была приведена в книге «Наше общее будущее»: «устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [4, с. 50]. И это понимание, на наш взгляд, прежде всего, должно проявиться на демографическом уровне, который оказался наименее изученным наукой, особенно в глобальном ракурсе.

Поставив вопрос о глобальном демографическом процессе в перспективе УР, мы сталкиваемся с проявлением ряда противоречий в понимании этой проблемы. С одной стороны человечество в планетарном масштабе не должно численно изменяться таким образом, чтобы исчезнуть с лица Земли, как это уже случилось с подавляющим большинством биологических видов. Это означает, что человеческий род, будучи уникальным не только как биологический вид, но и как новая социальная ступень эволюции материи, должен воспроизводить свою численность на необходимом уровне, ниже которого уже не сможет сохраниться. Тем самым, для реализации устойчивого развития необходимо не переходить некоторый, пока не установленный, нижний предел воспроизводства народонаселения планеты.

С другой стороны, с позиций устойчивого развития существует и верхний предел (тоже пока точно не определенный) упомянутой численности народонаселения планеты. Считать, что, чем больше будет населения на Земле, тем полнее будут реализовываться цели устойчивого развития, тоже нельзя. Ведь биосфера, как и вся планета, имеет пространственные, ресурсные и другие ограничения и эволюционный коридор своей естественной устойчивости, т.е. несущую емкость биосферы. Эта устойчивость как естественная безопасность может нарушаться, и может произойти глобальная катастрофа. Тем самым беспредельное увеличение численности народонаселения (о котором мечтал, например, русский космист Н.Ф. Федоров) уже может разрушить наш общий дом с другими живыми существами, т.е. весьма вероятен глобальный омницид.

Как видим, эти весьма общие рассуждения в духе реализации целей глобального перехода к устойчивому развитию говорят о том, что численность населения земного шара должна находиться в определенном эволюционном коридоре с верхними и нижними пределами, в который должны вписываться все дальнейшие демографические траектории на нашей планете.

Поэтому необходимо будет рассмотреть, как идет реальный демографический процесс в мире и как он коррелируется с теми представлениями об этом процессе с позиций глобаль-

ного перехода к устойчивому развитию. Именно от выработки адекватных представлений об этом соотношении зависит как демографическая стратегия в мире в целом, так и демографическая политика каждого государства-члена ООН, взявшего курс на переход к устойчивому будущему.

Из двух главных и взаимосвязанных целей глобального перехода к социоприродному устойчивому развитию – сохранения человечества и биосферы – наиболее приоритетной является сохранение и выживание человеческого рода. Прежде всего, с этой целью и предложена была идея перехода мирового сообщества к УР. С помощью этой идеи предполагается «обмануть» природу, которая на протяжении всей биологической эволюции последовательно уничтожала все появляющиеся виды живых существ, отводя им средний срок существования на планете всего несколько миллионов лет. Из существующих миллиарды лет, мы вряд ли найдем в современной биосфере какой-то вид, исключая некоторые микроорганизмы (археи и бактерии). Во всяком случае, животных, тем боле таких крупных как человек, не существует среди долгожителей нашей планеты.

Но человек в темпоральных сроках существования не желает подчиняться естественным законам эволюции биосферы и благодаря своему разуму и другим социальным качествам, отличающего его от животных, стремится продлить свое бытие на неопределенно долгие времена. Теоретически такая идея вовсе не противоречит естественным эволюционным процессам особенно на главной и перманентно-прогрессивной траектории эволюции во Вселенной (супермагистрали глобально-универсальной эволюции) [6].

Поэтому можно считать, что если идея выживания человечества через переход к устойчивому развитию в принципе может быть реализована, то наряду с другими видами устойчивости (экономической, социальной, экологической и др.) должна будет осуществиться и демографическая устойчивость, причем, на наш взгляд, она должна быть приоритетной.

Демографическая устойчивость в глобальном ракурсе – это, на наш взгляд, самый главный вид устойчивости, который должен реализоваться при эволюционном переходе к устойчивому будущему. Глобальная демографическая устойчивость – это то, что лежит в основе идеи перехода к новой цивилизационной стратегии. Все остальные упомянутые и другие виды глобальной устойчивости явно или неявно направлены на реализацию главного вида «человеческой устойчивости» – устойчивости социально-демографических процессов как основного индикатора выживания цивилизации [6].

Выдвижение этого «индикатора» устойчивости будущего развития, хотя и кажется очевидным с позиций здравого смысла, может не устроить некоторых «глубинных» экологов, для которых выживание человечества представляется столь же равноправным, как и выживание любого другого вида живых существ. И здесь опять-таки уместно заметить, что выживание такого уникального вида как человеческий род не может быть лимитировано лишь естественными биологическими законами. Если все иные живые существа в своем популяционно-видовом бытии (не говоря уже об индивидуальном) смертны, то человек в социально-биологическом видовом аспекте через свою рациональность и социальность претендует уже на видовое бессмертие, о чем в начале прошлого века мечтал К.Э.Циолковский. Потому вряд ли идею демографической устойчивости следует рассматривать как очередную «антропошовинистическую» идею.

Человеческий род претендует на социально-биологическое бессмертие (как непрерывное существование и развитие) не просто как вид живых существ, а как социальное информационно-интеллектуальное материальное образование (ступень эволюции материи), призванное продолжить универсальную эволюцию на ее супермагистрали. А это в принципе невозможно без обретения соответствующей демографической безопасности и устойчивости социальной (пока «в лице» человечества) ступени эволюции.

Приняв гипотезу–цель обретения демографической устойчивости в качестве главной для реализации глобального перехода к устойчивому развитию, рассмотрим далее отношение ее к другим видам устойчивости (прежде всего экологической) и реализации в глобаль-

ном аспекте. Здесь мы также обнаружим ряд противоречий, которые в процессе упомянутого перехода необходимо будет разрешить.

Очевидно, что переход к устойчивому развитию как на глобальном, так и на национальном уровнях вносит определенные коррективы в реализацию оптимальной демографической политики и стратегии, преследуя двоякую цель – обеспечение демографической безопасности и устойчивости на государственном и, соответственно, – на планетарном уровнях. Однако для каждой конкретной страны существует специфика реализации демографической устойчивости в зависимости от сложившейся к данному моменту демографической ситуации и необходимыми (и возможными) действиям руководства государств по ее приближению к «устойчивой траектории».

В документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД, 1992 г. [7]) отмечается, что рост численности населения мира и масштабов производства в сочетании с нерациональными структурами потребления ложится все более тяжелым бременем на жизнеобеспечивающий потенциал биосферы. И хотя в материалах ЮНСЕД конкретные рекомендации по изменению численности населения планеты не содержатся, тем не менее, многие исследователи полагают, что между возможностью глобального перехода к устойчивому развитию и коренным изменением демографической политики государств имеется самая тесная взаимосвязь. И это новый подход в демографическим проблемам, поскольку динамика населения всей планеты как целого, как правило, до недавнего времени не исследовалась, ограничиваясь отдельными странами (хотя эти проблемы и рассматривались экспертами ООН).

Примерно миллион лет назад численность предков человека была около ста тысяч. Население земного шара в его неолитической истории только возрастало и к этой тенденции сознание человека уже привыкло. Впрочем, было снижение численности населения планеты один раз из-за глобальной природной катастрофы, которая произошла примерно 75 тысяч лет тому назад, когда извержение супервулкана Тоба в Индонезии привело к резкому (не меньше, чем на порядок) снижению численности предков человека. Следствием этого извержения было разрушение трофических цепей и обострение конкуренции за оставшиеся доступные ресурсы в ходе длительной вулканической зимы. Не исключено, что в перспективе ближайших десятков или сотен лет его извержение может повториться, спровоцированное усилением вулканической деятельности. Второй раз сильное снижение численности населения произошло скорее всего из-за истребления человеком мегафауны как основного источника белковой пищи в конце палеолита (хотя предполагаются и природные факторы уменьшения крупных животных). Не исключено, что такого рода депопуляции происходили и до вышеупомянутых кризисно-катастрофических явлений. За сельскохозяйственный период неолитической революции (10–12 тыс. лет тому назад) население планеты увеличилось примерно в 100 раз по сравнению с несколькими миллионами собирателей и охотников в конце палеолита. Начало же использования энергии ископаемого топлива для получения продовольствия, передвижения людей и промышленных нужд увеличило эту цифру за 200 лет в 10 раз.

Прибавление каждого следующего миллиарда человек к одному миллиарду, который обитал на планете в 1800 г. занимало все меньшее количество лет. Второй миллиард добавился к концу 30-х годов XX века, третий – к 1960 г., четвертый еще через 15 лет, пятый – уже через 12 лет, шестой миллиард – в 2000 г., т.е. тоже через 12 лет. Сейчас на планете проживают более 7 млрд человек.

При этом в развитых индустриальных странах народонаселение почти не увеличивается за счет естественного прироста (прирост – от 0 до 1%). Однако в развивающихся странах, где проживает около 5 млрд. человек, число жителей растет со скоростью от 2 % до 8% в год в зависимости от страны и региона.

Однако количественный рост населения Земли не будет беспредельным. По прогнозам ООН [8] к 2050 г., население планеты достигнет 9 млрд, а затем даже 9,5 -10 млрд человек в 2100 г.– и, возможно, стабилизируется на этом уровне, после чего станет плавно уменьшаться. Однако, если рост средней продолжительности жизни превысит 100 лет в ближайшие то-

же сто лет, то это может привести к росту населения даже до 11 млрд человек, что создаст огромную нагрузку на окружающую среду и продовольственное и пенсионное обеспечение. С учетом перехода на путь устойчивого развития это потребует больших инвестиций в сферу планирования семьи, что должно привести к сокращению рождаемости.

Исследования, проведенные С.П. Капицей в области глобальных демографических процессов [9], также показывают, что население Земли стабилизуется на уровне 10–11 млрд и даже не удвоится по сравнению с тем, что уже есть. Сейчас численность населения развитых стран стабилизировалась на одном миллиарде (который часто именуют «золотым миллиардом»). В этих странах просматриваются тенденции, которые в недалеком будущем станут влиять на другие страны, затронут остальные народы. Так закончится глобальный демографический взрыв никак не связанный с исчерпанием ресурсов и экологией и представляет собой некоторую внутреннюю динамическую характеристику развития человечества.

Эти исследования также свидетельствуют, что предел роста народонаселения планеты определяется не экологией и природными ресурсами, а иными – внутренними демографическими императивами и пока еще не исследованными закономерностями. Не исключено, как полагает С.П. Капица, что эти закономерности определяются информационными факторами, что представляется нам в общем вполне правильным предположением, но пока не очень понятным и детально разработанным объяснением. Поэтому, если это так, речь не идет о том, что ресурсно-экологические факторы являются определяющими в глобально-демографическом процессе, они могут в той или иной степени его корректировать – ускорять либо замедлять. Впрочем, нам представляется, что здесь, если не прямо, то опосредовано могут действовать и глобальные ограничения экстенсивного роста, в том числе и через информационные характеристики развития цивилизации.

Ведь формирующийся глобальный мир обретает свою целостность не только под влиянием деятельности человека, но и природных – глобальных ограничений и особенностей. Глобальный мир оказывается целостным, но ограниченным земным миром социоприродных взаимодействий, воздействующих и даже определяющих все другие процессы на нашей планете. Наиболее зримые ограничения – не только ограничения территориальные, ставящие предел дальнейшему экстенсивному развитию, но и исчерпаемость природных ресурсов, глобальная экологическая угроза и т.д. Это и ограничения темпорального характера, связанные с пространственными пределами, очень часто ставящие временной финал развитию тех или иных процессов на Земле, в том числе и существованию человечества.

Глобализация, глобальные проблемы, другие глобальные процессы, тесно связанные с космическими процессами, возникли именно благодаря пространственной шарообразности и тем самым замкнутости нашей планеты как небесного тела, глобальной ограниченности земного шара и его биосферы, в которой развертывается антропогенная деятельность. Глобализация и ряд других социоприродных глобальных процессов уже были «запрограммированы» природными особенностями земного шара, как, возможно, и глобальные демографические процессы. Глобализация оказалось обусловленной природными характеристиками и особенностями биосферы и даже космическими свойствами планеты как небесного тела. В этом пространственно-природная специфика всех глобальных процессов, включая глобализацию и глобальные проблемы.

Сказанное означает, что в течение XXI–XXII вв. естественным образом может произойти демографический переход, заключающийся в том, что расширенное воспроизводство населения планеты сменится ограниченным воспроизводством и последующей количественной стабилизацией (низкая рождаемость и низкая смертность). Если будущее развитие подтвердит возможность стихийной реализации глобального демографического перехода, то нет необходимости включать предлагаемые некоторыми экологами механизмы жесткого демографического регулирования, направленного на резкое снижение общей численности народонаселения планеты во имя дальнейшего существования оставшихся и будущих поколений. Если, конечно, будет ясно, что к нынешним более семи миллиардов прибавление очередных трех-четырх миллиардов человек не приведет к такому усилению антропогенного давления

на биосферу, которое необратимо нарушит ее устойчивость и вызовет природные катастрофы.

Между тем подобные опасения у демографов существуют, и поэтому предполагается, что появилась новая цель, чтобы создать механизм поддержания равновесия между постоянным по численности человечеством и ограниченными ресурсами Земли. Таким механизмом и является устойчивое развитие цивилизации, разрешающее социоприродное противоречие между растущими потребностями мирового сообщества и невозможностью биосферы обеспечить эти потребности [10]. На это социоприродное противоречие обратил в свое время Т.Мальтус, но только современная экологическая ситуация завершила спор о том, прав ли был этот ученый и высветила его глобальный и угрожающий бытию человечества характер [11, с. 11-13].

По сути дела, идет речь о восстановлении равновесия путем обуздания демографического взрыва в основном в развивающихся странах и снижения иными путями общего антропогенного давления на планету. Из двух исторически известных стратегий снижения количества народонаселения – повышение смертности (голод, войны, эпидемии, геноцид и т.п.) и ограничение рождаемости с помощью планирования семьи речь может идти только о втором направлении так называемой гуманной депопуляции, т.е. о добровольном и сознательном сокращении рождаемости супружескими парами. С такой инициативой в послевоенные годы выступила Индия, однако потерпела фиаско. И это не случайно – ведь и мировые религии, и почти все государства всегда поощряли иную тенденцию. Однако ряд ученых теперь стихийный рост народонаселения часто связывают с траекторией, ведущей к глобальной экологической катастрофе. Вот почему сейчас говорят о предстоящей демографической революции не только в плане стихийного демографического перехода, но и как гуманной депопуляции (за счет планирования семьи, теперь, возможно, даже стратегического планирования), которая могла бы гарантировать демографическую безопасность мирового сообщества и скорейший выход на путь УР.

В работах Римского клуба уже моделировались процессы и сценарии регулирования роста населения планеты. Если бы стратегия регулирования роста населения была введена еще с 1975 г., то "нулевой рост" мог быть достигнут к 2050 г. Если регулирование начиналось бы с 1985 г., то к 2050 г. население планеты достигло бы 8 млрд., а если с 1995 г., – то уже 10 млрд [12]. Как видим, демографическое моделирование показывает, что на рост народонаселения может существенно влиять государственное регулирование и возможный переход к глобальному управлению.

Даже при переходе на экологически безопасные технологии в условиях продолжения демографического роста, общая антропогенная нагрузка на биосферу к середине XXI в. может возрасти более, чем в два раза, что может быть чревато необратимой потерей устойчивости биосферы. Становится понятным, что рациональные механизмы, включая сознательное материнство (планирование семьи), являются одним из резервов ухода от экологического коллапса и важно это начать реализовывать в самое ближайшее время и на гуманных началах, ибо негуманно это сделает сама природа. Речь идет о возможном влиянии экологического фактора на все демографические прогнозы, которые строились пока без учета быстро нарастающего разрушения биоты с полным уничтожением естественных наземных экосистем в связи с нарушением устойчивости биосферы хозяйственной деятельностью человека.

Между тем, существует различие в форме депопуляции в прошлом и возможной «экологической» депопуляции в этом тысячелетии. Когда говорится о возможной управляемой гуманной депопуляции, то речь не идет о том, чтобы снизить количество населения обязательно в развивающихся странах, а оставить “золотой миллиард” развитых стран. Такая точка зрения неадекватна существу вопроса перехода к УР, поскольку нужно видеть конечную и комплексную цель – сокращение антропогенного давления (чего отнюдь не «преследовала», например, упомянутая верхнепалеолитическая депопуляция, когда также произошло существенное сокращение населения планеты).

В этом смысле правы представители развивающихся стран, когда говорят о том, что рост народонаселения в этих странах – не главная угроза стабильности биосферы, поскольку четыре пятых населения “Юга” потребляют менее 20 % всех ресурсов и в четыре раза меньше загрязняют окружающую среду, чем развитые страны. С этой точки зрения имеющий место однопроцентный рост населения США представляется большей угрозой для биосферы, чем более, чем двухпроцентный в любой из развивающихся стран, поскольку один (“средний”) житель США потребляет в 15–20 раз больше ресурсов, чем “средний” гражданин Индии, а тем более Эфиопии или Афганистана. В этом смысле более, чем 1 млрд населения Индии оказывает такое же антропогенное воздействие на биосферу, что и несколько десятков миллионов американцев, – а ведь их сейчас более 300 млн., и каждый год в США происходит рост на 3 млн человек. При сохранении нынешней однопроцентной скорости увеличения народонаселения США достигнет в 2030 г. 350 млн человек, а к середине XXI в. – около 400 млн. человек. Если не будут приняты специальные меры по уменьшению антропогенного давления, то США будет оказывать давление на биосферу как 8 млрд человек развивающихся стран к концу демографического перехода, что весьма красноречиво говорит об “американском типе” использования ресурсов и характере образования отходов. Вот почему США должны, как ранее полагал Совет по устойчивому развитию при Президенте США (упраздненный Дж. Бушем), первыми показать пример решения проблемы роста населения и эффективности использования ресурсов.

Нужно отметить, что ранее на отрицательные последствия общего увеличения народонаселения на планете внимания почти не обращалось. Между тем количество населения и особенно его плотность играет важную роль в цивилизационных процессах, хотя этот процесс еще малоизучен. И, тем не менее, биосферно-экологический взгляд на эту проблему показывает необходимость детального изучения демографических процессов, поскольку рост численности и плотности народонаселения существенно влияет как на внутрисоциальные процессы, так и на отношения общества и природы. Увеличение плотности народонаселения и превышение экологодопустимого предела совпало с началом кровопролитных войн в истории человечества. В дальнейшем для поддержания устойчивости переуплотненного в экологическом смысле общества начинают использоваться различного рода ограничения [13].

Учитывая грядущий демографический переход и необходимость создания благоприятных условий для жизнедеятельности будущих потомков, каждой стране необходимо пересмотреть свою демографическую политику.

До сих пор многие принимаемые меры, многочисленные демографические программы и проекты оказались неэффективными, ибо, на наш взгляд, они исходили из неадекватных причин и оценок воздействия народонаселения на окружающую природную среду. Главной причиной (если речь идет о глобальном измерении) возможной общепланетарной антропоэкологической катастрофы является увеличение антропогенного давления на биосферу, которое, несомненно, связано с количественным ростом народонаселения, а также с ростом его материальных (не духовных) потребностей, удовлетворение которых становится возможным только за счет как косного вещества планеты, так и биоты, ее потребления и, как следствие, разрушения, потери устойчивости биосферы. По мнению исследователей, посвятивших себя изучению этой проблемы, мировому сообществу в целом необходимо решить задачу существенного снижения (почти на порядок) потребления первичной биологической продукции [14]. В основном она может решаться путем уменьшения давления на биосферу хозяйственного освоения богатых биоразнообразием территорий, прекращения уничтожения лесов и сокращения ветландов, увеличения площади особо охраняемых территорий, что создает необходимый задел потенциала естественной (дикой) природы, которая регулирует и стабилизирует окружающую среду. Ясно, что снижение антропогенного давления может идти не только в результате предлагаемой рядом ученых гуманной депопуляции.

Идея о необходимости снижения антропогенного давления на планету, в том числе, и за счет демографического фактора, противоречит традиционным взглядам. Возможность устойчивого роста средств существования во все прошлые времена обеспечивал рост населе-

ния. До недавнего времени рост населения почти не сдерживали в глобальном масштабе экологические условия, несмотря на то, что допустимая численность населения с точки зрения экологии существенно (в несколько раз) меньше уже проживающего на ней количества людей. Совершенно очевидно, что в силу территориально-пространственных и иных экологических условий любая территория имеет определенную несущую емкость как для живого, так и для населяющего (заселяющего) ее человечества. Дальнейшее перенаселение ведет к подрыву устойчивости биосферы планеты и других "планетосфер" (геосфер) и бумерангом сказывается на человечестве и биоте. Заметим, что демографическая компенсация требует двухпроцентного увеличения ВНП на каждый процент естественного прироста населения.

До сих пор росту народонаселения на планете Земля в основном способствовали экономические факторы благодаря тому, что происходил пропорциональный рост трудоспособного населения в его общем количестве. Это было закономерно для периода экстенсивного роста экономики и демографического роста (взрыва) всего человечества. Антропогенное давление, вызванное демографическим ростом и развитием производства, на каком-то определенном этапе было превышено. Если исходить из предполагаемой некоторыми учеными допустимой численности народонаселения планеты (В.Г. Горшков, Н.Ф. Реймерс и др.) равному одному млрд, то это соответствует 1800 г. на Земле, когда промышленная революция лишь начала свое победное шествие по пространству планеты. Вполне допустимо, что вот уже два столетия человечество ведет широкомасштабное, возможно, пока еще обратимое, но уже глобальное разрушение биосферы, подрывая ее устойчивость и тем самым условия своего существования и биоты. Этим оно отличается от многих биологических систем, стабилизирующих свою среду обитания, где нарушают среду обитания лишь крупные животные, численность которых не превышает одного процента всего живого вещества.

Фактически речь идет об отказе от стихийного демографического развития и переходе к глобально-управляемому, более соответствующему целям устойчивого развития интенсивному (в смысле качества, а не количества) демографическому процессу.

В данном случае речь идет о совершенно иной – «устойчивой» демографической стратегии, отличающейся от традиционной (естественной) и требующей включения разумно регулируемых механизмов гуманной депопуляции. И хотя такая превентивная саморегуляция – весьма противоречивый и сложный феномен, но в принципе – реализуемый глобально управляемый процесс. Впрочем, определенные моменты в этом аспекте содержатся в принятой ЮНСЕД "Повестке дня на XXI век" [15], где подчеркивается, что проблема сдерживания численности населения весьма деликатна и требует понимания всеми слоями общества (особенно женщинами) взаимосвязи между демографическими тенденциями и факторами, с одной стороны, и устойчивым развитием, – с другой. Документ носит общеполитический рекомендательный характер и акцентирует внимание на необходимости обстоятельного развертывания в странах, входящих в ООН, работ по проблемам народонаселения, связи их с возможностями перехода на путь УР и кардинального изменения общемировых демографических тенденций.

Понятно, почему рекомендации ЮНСЕД носят весьма дипломатический характер, хотя такого рода рекомендации содержались почти во всех последующих крупных документах ООН, посвященных проблеме связи демографической проблемы и устойчивого развития. Ведь человечество будет принимать решения, которые должно бы поддерживать большинство населения, и в этом смысле переход к УР оказывается и императивом социально-половых, т.е. гендерных взаимоотношений. Однако, если возможен "гендерный консенсус" по поводу принятия и реализации устойчивого развития человечества, то существует область принятия решений и деятельности, в которой женщинам принадлежит определяющая роль: имеется в виду решающая роль женщин как участников процессов воспроизводства населения, в реализации их репродуктивных функций.

Конечно, в "Повестке дня на XXI век" речь идет о необходимости принятия таких мер, чтобы женщины и мужчины имели право свободно и ответственно принимать решения в отношении количества детей и регулирования деторождения и имели доступ к информации, и

к средствам, которые они могли бы использовать в соответствии с индивидуальной системой ценностей, имели бы возможность получения образования. Однако весь жизненный опыт человечества показывает, что, хотя в решениях о регулировании деторождения и соответствующих действиях участвуют как мужчины, так и женщины, окончательное решение все же в большинстве своем принадлежит женщинам. Именно поэтому говорят о "сознательном материнстве", а не о сознательном отцовстве. Тем более, что существует мнение, что рост материального обеспечения привел к тому, что женщина теперь в состоянии самостоятельно выращивать потомство.

Как показывает анализ, демографическая и другие глобальные проблемы в значительной степени могут быть решены оптимальным образом, если будет происходить гармонизация гендерных отношений в ходе дальнейшего перехода на путь УР. Речь, прежде всего, идет о преодолении господства мужчин над женщинами, что особенно очевидно в плане социально-экономическом – женщины владеют лишь одной сотой всего имущественного состояния, получают десятую часть общемировой заработной платы, зато две трети рабочего времени, затрачиваемого человечеством, падает на женский пол.

Вопрос же о кардинальном изменении естественных демографических тенденций весьма непростой не только потому, что он, как уже отмечалось, противоречит всему предшествующему развитию человечества и нашему обыденному миропониманию. Этот вопрос касается не только интимных сторон жизни каждого человека, но и ориентации его сознания, особенно религиозных убеждений. И не случайно на Каирской конференции в 1994 г. по народонаселению и развитию представители христиан и мусульман, за которыми почти половина верующих на планете, не приняли рекомендации по депопуляции в качестве стратегии дальнейших действий в этом направлении. Это существенно влияет на судьбу перехода к УР мирового сообщества, по крайней мере, в его “жестком” депопуляционном варианте, отвергая его экстремизм. Понятно, что многие верующие на планете не поддержат тех ученых (в основном кардинально настроенных экологов), которые ратуют за скорейший и жесткий вариант депопуляции.

Многие ученые уже убеждены в необходимости изменения глобальной демографической стратегии, но общественность в целом мире не готова к восприятию этой "новой" демографической идеи. Ее необходимо детально разработать (чем сейчас занимаются уже не только экологии, но и профессиональные демографы) и выносить на широкое обсуждение, ибо это не просто очередная локальная реформа, а демографическая революция глобального масштаба, от которой зависит выживание человечества как уникального рода и дальнейшее выживание и устойчивое развитие как социума, так и биоты. Причем, на наш взгляд, не исключено, что глобальный естественный демографический переход сделает то же самое, что в более жестком варианте планируют экологи.

Библиографический список

1. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию получил наименование «Будущее, которого мы хотим» // URL: http://www.un.org/ru/sustainablefuture.

2. Бедрицкий А.И. Об итогах Конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20» // Природно-ресурсные ведомости. №6 (381). Июнь 2012 г.

3. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций Утверждена резолюцией 55/2 Генеральной. Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. Официальный сайт ООН **www.un.org/ru.** Документ A/RES/55/2 (PDF, 218K).

4. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию / Пер. с англ. М., 1989.

5. Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М.: МГУ, 2012.

6. Бабурин С.Н., Урсул А.Д. Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. М., 2010.

7. URL: http://www.un.org/geninfo/bp/enviro.html.

8. World Population Prospects: The 2010 Revision. http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm.

9. *Капица С.П. Сколько людей жило, живет* и *будет жить* на *земле. Очерк теории роста человечества*. М., 1999.

10. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Российская газета. 1996. 9 апр.

11. Лисин В.С., Юсфин Ю.С. Ресурсно-экологические проблемы XXI века и металлургия. М., 1998.

12. Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: Академкнига, 2007.

13. Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И. и др. Экологические проблемы; что происходит, кто виноват и что делать? М., 1997.

14. Горшков В.Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М., 1995.

15. Повестка дня на XXI век URL: www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21.

Информационная многокачественность материи

В.А. Кушелев (г. С.-Петербург)

Особенности становления конкретной формы материи не могут быть раскрыты с помощью исследования природы только одних временных ее характеристик. Их исследование должно быть дополнено анализом соответствующих ей пространственных характеристик. Как уже отмечалось, изначальный факт проявления Вселенной в информационном плане может быть представлен различием двух элементарных составляющих события, его небытием и бытием или отношением единого и много. Многое в рамках данного отношения представлено бытием. Оно само не может быть различием, состоящим меньше, чем из двух частей. В противном случае, став одним, оно обретает статус «единого» и утрачивает свою наглядность, а вместе с ней возможность стать фактом. Со своей стороны «единое» не может иметь частей, а потому не способно к количественному, т.е. эволюционному изменению. Следовательно, само допущение факта уменьшения различия двух до одного означало бы признание возможности перехода фактуального, т.е. бытия в нефактуальное, т.е. небытие. Признание такого положения, в свою очередь, свидетельствовало бы о возможности растворения в идеальном состоянии материального и сопровождалось бы нарушением всех законов сохранения материи.

Требование минимизации различия двух в начальном событии - это требование, которое предполагает в своей основе возможность введения принципа сохранения и для информации. Если различие внутри бытия не может быть меньше двух, то оно не может исчезнуть, а потому всегда свойственно любой конкретной форме материи. Информационный квант события потому и предстает в форме дуализма, что не может состоять только из одной величины, так как единое неизбежно позиционирует собой многое. Но, если начало эволюции самого бытия в информационном плане представлено минимальным различием двух, то вся последующая эволюция информационного ряда разворачивается в одном направлении.

Она, во-первых, множится, т.е. изменяется, но только однозначно как процесс возрастания этого исходного различия двух. Причём, умножение многого всегда носит бинарный

характер. Тяжёлые и лёгкие частицы появляются парами с противоположными зарядами, т.е. изначальное различие двух в рамках одного события в дальнейшем с каждым очередным информационным квантом сопровождается возрастанием на две новые пары, образуя, соответственно, различие четырёх, восьми и т.д. Аналогичный дуализм обнаруживается в эволюции растительных и животных видов: мужское - женское, хищник – жертва, субъект – объект. С появлением наблюдателя этот дуализм не исчезает.

Во-вторых, нужно иметь в виду то, что одного наличия минимального различие двух частей бытия недостаточно для того, чтобы объяснить его роль начала становления всего последующего информационного ряда. Ведь если каждое одно будут автономно друг от друга, то мы в своем понимании многого снова придем к единому, но уже в материальной его интерпретации. Отличие двух составляющих события, т.е. небытия и бытия от двух изначальных частей бытия заключается в том, что в рамках события небытие и бытие соотносятся друг с другом, а две части бытия взаимодействуют друг с другом. Поэтому между ними, опять-таки, должна изначально существовать связь, лишающая их обоюдной однозначности.

В-третьих, данная связь становится, в свою очередь, основой взаимодействия двух изначальных частей бытия, разрушая автономность каждой из них, и образует собой исходную универсальную связь двух. Именно данная связанность двух, придавая многообразию бытия характер пространства, обретает статус субстанции. В информационном смысле не само многое является пространством бытия, а связи между всеми его частями, неизменно удерживающие их в состоянии непрерывного взаимодействия друг с другом.

В-четвертых, в исходном многообразии двух частей бытия каждая из них имеет отличие друг от друга. Но это такое отличие, которое имеет характер противоположения. Соответственно, всякое последующее дробление частей бытия будет происходить, как сказал бы Аристотель, посредством противолежащих признаков, « … ибо противоположность, как мы установили, это – до конца доведенное различие», « … причем они отличаются друг от друга в наивысшей степени », т.е. это различие, выявленное до конца, доведенное до противоположения одного другому [1, с. 275]. Данное противопоставление двух изначальных частей многого в онтологическом плане означает, что такого рода части бытия не просто воздействуют друг на друга, но и при этом взаимно дополняют друг друга. В таком случае взаимодействие двух образует между частями бытия внутреннюю связь, так как обе исходные части замыкаются на самих себя. Таким образом, универсальная связь двух формирует собой пространство бытия многого, придавая ему статус конкретно организованного бытия. В гносеологическом плане универсальная связь двух изначально предзадана всему последующему ряду становления бытия многого как субстанциональная основа его пространственной организации, как «есть - бытие», доступное восприятию наблюдателя.

И только затем «есть бытие» в информационном ряду становления бытия предстает как квант события, а в онтологическом плане – как космическая эпоха с характерным для нее, но ограниченным разнообразием вещества на всем протяжении ее существования. Переход от предшествующей эпохи к последующей эпохе означает собой переход от одного ограниченного разнообразия вещества к другому, но уже расширенному его разнообразию.

Что же происходит при этих переходах с универсальной связью двух? С возрастанием информационного разнообразия увеличивается и число связей между частями многого. А так как каждая часть с переходом к новой эпохе дробится далее, то возникают и опосредованные связи, так как не все части могут взаимодействовать непосредственно друг с другом. В результате такого рода изменений, которые нарастают с переходом к каждой новой эпохе, универсальная связь истончается. Но так как информационный ряд становления Вселенной как конкретной формы материи неизбежно завершается во времени своего существования, то в рамках последней космической эпохи универсальная связь растворяется полностью. Исчезновение универсальной связи означает, что части бытия многого утрачивают все непосредственные связи между собой, а потому перестают взаимодействовать друг с другом. Замкну-

тость информационного пространства разрушается и сменяется его открытостью. Отсутствие взаимодействий между частями означает прекращение всяких изменений. Пространство становится безграничным. Время исчезает. Есть только бытие, как сказал бы Парменид, и нет небытия, ибо начальные условия становления Вселенной исчерпаны полностью. Данное состояние бытия в пределе становления конкретной формы материи можно рассматривать как состояние «мертвого хаоса». Оно выражает собой состояние «чистого бытия», когда «есть бытие» полностью актуализовано и предстает уже в статусе «есть Все».

Таким образом, становление информационного поля конечной во времени формы материи символично можно представить в следующем виде.

O ((O11), (01111), (011111111), ..., N, …, $(01_{(n-1)})$) (IO)

где 0 - это небытие, взятое в пределе своего значения и олицетворяющее собой отрицание всех конкретных форм материи (всех Вселенных);смысл которого выражается фразой “нет Всего”, (011) - это начальный квант становления небытия и бытия нашей Вселенной «есть бытие»; смысл которого в том, что появление бытия стало границей, отделившей его от собственного небытия и от небытия всех иных конкретных форм материи, I - это бытие, взятое в пределе возрастания разнообразия своих форм, т.е. в пределе своего становления (есть Все), (O 1111), (O11111111) – следующие друг за другом информационные эпохи становления Вселенной, образующие собой информационный ряд квантования событий (космических эпох) , N – наблюдатель.

Данная последовательность информационных состояний материи может служить основой классификации нескольких реальностей, образующих собой временную системность. В рамках ее следует выделить такие типы их разновидностей как реальная реальность, мнимая реальность, виртуальная реальность.

Реальная реальность представлена информационными квантами (O11), (O1111), и т. д. Мнимая реальность представлена природой наблюдателя, который является составной, но в информационном плане особой частью реальной реальности, способной изменяться в противоположном ей, т.е. обратном направлении, а следовательно, в другом времени. Виртуальные реальности представлены информационным антисобытием (IO) и информационными пределами (нет Всего) и (есть Все).

Прежде, чем приступить к объяснению природы каждой из них, следует напомнить, что в истории философии сложились такие основные направления как материализм, объективный идеализм, дуализм, субъективный идеализм, если речь идёт о познании. К этому перечню можно ещё добавить и субъективный материализм, если речь идёт о деятельности. Их отношения между собой складывались по принципу взаимоисключения, согласно которому считалось, что, если реальность одна, то и правильным может быть только одно из этих направлений. Соответственно, остальные направления теряли право на существование, так как не могли быть истинными. Не случайно, сторонники одного направления, стремясь утвердить свои позиции, отвергали возможность существования остальных направлений. Повторяем, господствующее представление в философии на протяжении всей её истории, согласно которой одной чувственно-воспринимаемой реальности должна соответствовать только одна истина, искажала суть самой философии, низводя ее до уровня науки.

Однако такая однозначная привязанность знания к вещественно- энергетической реальности на самом деле свойственна только нашему опыту, а потому характерна для всех конкретных наук. Вместе с тем, если мы рассматриваем конкретную форму материи (Вселенную) в различные стадии её становления, то она, действительно, имеет одни и только одни вещественно- энергетические характеристики. Поэтому, например, в физике не может двух различных, тем более, противоположных высказываний об одном и том же объекте, которые могли быть оба признаны истинными.

В метафизическом плане вещественно- энергетическая реальность становления Вселенной может рассматриваться не как одна единственная информационная реальность «есть

бытие», границами которой, с одной стороны, выступает идеальное (небытие), а с другой - материальное (чистое бытие), а как одна из нескольких различных информационных реальностей.

Вместе с тем, в самом информационном событии, образованным отношением «небытие-бытие», в рамках которого разворачиваются необратимые вещественно-энергетические процессы, а общая направленность изменения задается термодинамической стрелой времени, имеется возможность образования и становления другой информационной реальности. Говоря словами Платона, реальности иного, т.е. такой реальности, представляющей собой фрагмент многого, становление которого обнаруживает в своем пределе единое в статусе «единое существует». В данном случае речь должна идти о реальности обратимых процессов, которым свойственно возрастание упорядоченности за счет поглощения исходного разнообразия. Такого рода процессы протекают уже в рамках отношения «бытие-небытие», когда информационное изменение бытия устремляется к небытию как к своей предельной границе. Ограниченный набор многого обретает тогда единое в самом себе как нечто иное для себя. Только с присущим ему статусом «единое существует». Отношение обратимости «бытие-небытие», таким образом, формирует в своих границах информационное антисобытие, правда, мнимое, с характерной для него направленностью изменения в виде информационной стрелы времени. Антисобытие данного типа является мнимым потому, что в пределе своего изменения едва лишь ограниченный набор разнообразия многого, т.е. бытия обретает в своем становлении единое, т.е. небытие оно тотчас перестает существовать. Но это несуществование всего лишь явление информационного плана. Перестает существовать процесс, направленный на увеличение упорядоченности, т.е. обратимость, тогда как сами элементы исходного материального многого никуда не исчезают, а при достижении предельного результата вовлекаются снова в необратимый процесс. Небытие, присущее бытию как иное, не обнаруживает при этом способности к субституциональности, т.е. способности замещать собой бытие. Вот почему достижение ограниченной частью бытия предела своей упорядоченности не сопровождается разрывом непрерывности бытия данным локальным небытием, а означает собой лишь смену направленности и времени изменения все того же бытия. К данному классу мнимых антисобытий относятся все биологические, психические, социальные процессы, А так же процессы познания и деятельности. Таким образом, наряду с информационным событием метафизика рассматривает и другие информационные реальности становления бытия, например, реальность мнимого антисобытия, которое является внутренним фрагментом самого события.

В качестве особого типа информационных реальностей можно рассматривать виртуальные реальности, т.е. пределы события, взятые сами по себе. Их следует считать виртуальными потому, что они не доступны чувственному восприятию, но могут быть умопостигаемы. Роль такой особой информационной реальности играет небытие. Если исходить из того, что любой конкретной формой материи до её возникновения не было, то одной из её информационных характеристик становится небытие, исключающее всякое взаимодействие с бытием, но способное соотноситься с ним. Оказывается, что и бытие в свою очередь может присутствовать в небытие как многое в едином лишь репрезентативно, т.е. может быть присуще ему только как иное, т.е.положительностью частей. Теперь уже бытие как иное не обнаруживает в небытие своей способности к субституциональности, т.е. способности замещения небытия собой. В этом случае бытие может быть представлено в небытии лишь как возможность его дробления, как его возможность иметь части, каждая из которых и все они, взятые вместе соизмеримы с небытием в целом, так как отрицательность небытия делает его бесконечной величиной, а потому часть бесконечного так же является бесконечной величиной. Такого рода соизмеримое отрицание бытия небытием предполагает в дальнейшем их совместную информационную аннигиляцию, но теперь уже с помощью повторного отрицания настоящим временем, которое одновременно отрицает как многое (будущее), так и «единое существует» (прошлое) с помощью «единое едино». Ибо прошлое отрицает буду-

щее, а объективное настоящее временя отрицает и прошлое, и будущее одновременно, образуя собой предел отрицания бытия в виде виртуальной реальности «нет Всего».

Но и в пределе становления бытия образуется столь же парадоксальная информационная характеристика материи – «вневременное». Это такое особое состояние материи, которому не свойственно изменение и время и которое потому позволяет ей стать причиной самой себя, так как начальные условия становления ее конкретной формы полностью исчерпаны. В этом случае в пределе актуализации, т.е полагания бытием самого себя мы обнаруживаем другого рода виртуальную реальность «есть Все».

Вместе с тем достижения предела становления бытия «есть Все» его отношение с небытием не разрывается, а всего лишь трансформируется. Отношение «небытие- бытие» заменяется в пределе становления бытия отношением «Бытие-Небытие». Информационный квант событие (OI) переходит в информационный квант антисобытия (IO). Квант антисобытия отличается от кванта события тем, что бытие в рамках события обретает свое качество в полной мере путем его количественного становления. Ибо бытие способно заменить в самом себе одни свои формы другими, реализуя заграничные для себя начальные условия в процессе их актуализации и демонстрируя этим самым свою способность к субституциональности, т.е. способность к замещению себя самим собой. Тогда как квант антисобытия – это качество без количества, ибо небытие отрицает существования бытия, но всего лишь как конкретную форму материи. Сама же материальность бытия не отрицается небытием. В чем же смысл такого мгновенного качественного изменения? Бытие в пределе своего становления «есть Все» полностью актуализирует в себе начальные условия и перестает существовать как конкретная форма материи. Оно само тотчас обретает статус начального условия становления других конкретных форм материи. По этому антисобытие (IO) мгновенно, т.е. без всяких количественных переходов трансформируется в новое событие (O1). Но так как в пределе «есть Все» материя обретает свойство безграничного пространства, то сразу могут возникнуть несколько конкретных форм материи одновременно, т.е. несколько, а может быть и безграничное множество конкретных по своим формам Вселенных.

Таким образом, метафизика в информационном плане предполагает несколько качественно различных информационных реальностей, отличных друг от друга, но составляющих собой единый временной цикл, в рамках которого они сменяют друг друга в определённой последовательности, создавая в целом одну системную определённость. Своеобразие данной системности в том, что она временная по своей природе. Пространственная системность проявляется в том, что в ней все части представлены одновременно, тогда как во временной реально есть всего лишь одна часть, тогда как остальные части отсутствуют. Другими словами, они не проявляются все вместе, а могут лишь сменять друг друга, образуя, тем не менее, циклическую целостность.

И реальная реальность и мнимая реальность – это реальности, обусловленные начальными условиями, и потому объяснение их природы основывается на философском дуализме. Все виртуальные реальности являются проявлением предела становления каждой из них. В нем информационная реальность предстаёт как абсолют, так как динамика ее изменения сменяется статикой ее состояния. Это, во-первых, статичная по своей природе и самодостаточная по своей организации информационная реальность бытия «есть Всё» – безграничное пространство чистого бытия, абсолют актуализации материи. Она ничем не обусловлена извне, но является и причиной самой себя, и необходимостью для самой себя. Ей не свойственны любые проявления следствия и случайности, а потому она не обусловлена чем-то иным кроме себя. Именно к пределу становления бытия «есть Все» применимо утверждение Спинозы о том, что природа является причиной самой себя.

Это, во-вторых, статичная по своей природе и самодостаточная по своей организации информационная реальность «нет Всего» – вечное время, бесконечный резервуар возможностей возникновения все новых и новых форм материи. И вместе с тем – наичистейшая из всех форм, говоря словами Аристотеля. Это наичистейшее небытие является таковым потому, что в нем уже нет репрезентации бытия, ибо его присутствие как иного (многое не суще-

ствует) в акте первого отрицания бытия полностью исключается актом второго отрицания, согласно которому нет и небытия, и бытия, т.е. «нет Всего». Особенность этой виртуальной реальности в том, что она не обусловлена ни иными, ни даже собственными свойствами. Она выступает как абсолютное проявление случайности и следствия, полностью исключающую и причину, и необходимость самой себя, а потому являющейся воплощением реальности, взявшейся неизвестно из чего и неизвестно когда, т.е. и не из чего другого, но и не из самой себя.

Это, в-третьих, виртуальная информационная реальность антисобытия (I 0). Это реальность отношения взаимоисключения одного предела «есть Всё» другим пределом «нет Всего», в результате чего статика бытия трансформируется в динамику становления новых конкретных форм материи. Виртуальной её делает то, что отношение взаимоисключения не сопровождается изменением количества. Информационное антисобытие – это изменение качества без количества, так как каждый из пределов является проявлением абсолюта. И один из них не обусловлен ничем, даже самим собой, а другой обусловлен лишь самим собой и ничем иным.

Временная системность, как уже отмечалось выше, отличается от пространственной системности тем, что каждая её часть проявляется автономно от других, образуя вместе с тем связанную последовательность. Тогда как в случае пространственной системности части присутствуют одновременно с целым. С одной стороны каждая из пяти информационных реальностей обнаруживает себя, когда другие предполагаются только еще как возможности. Естественно, что в рамках временной системности каждая её часть несёт в себе одновременно и информацию о целом, т.е. выступает в роли части-целого. Учитывая эту особенность, необходимо решить вопрос о том, как строится эта последовательность, т.е. каковы отношения этих пяти информационных реальностей между собой?

Метафизическая проблема, которая при этом возникает, – это проблема соотношения относительного и конкретного, обусловленного чем-то иным, с абсолютным, которое не обусловлено самим собой и не обусловлено ни чем извне.

Аристотель, пытаясь решить эту проблему, пришёл к выводу, что последовательность материальных причин не может иметь в качестве первопричины опять-таки материальную причину. Поэтому первопричина, с его точки зрения, должна быть идеальной, так как она не нуждается для своего проявления во внешней причине. С нашей точки зрения, идеальное как виртуальную реальность нельзя признать причиной чего бы то ни было, тем более, и причиной самой себя, а потому она может выражать собой случайное следствие.

С другой стороны, рассматривая первоначала как основания возникновения конкретной формы материи, мы невольно допускаем, что ей предшествовала другая форма материи, в пределе существования которой и образовались начальные условия возникновения нашей. В свою очередь ей предшествовала ещё одна, ставшая начальным условием её возникновения. И таким образом, мы оказываемся в русле рассуждений Аристотеля, которые приведены выше. Спрашивается, можно ли избежать введения идеальной первопричины, как это сделал Аристотель, и исходить только из факта существования материи, принимая за исходный пункт своего рассуждения то, что материальное может порождаться только материальным?

С нашей точки зрения, такое утверждение будет правомерным в том случае, если в рамках временной системности мы будем строить последовательность циклов, начиная не с информационного события, а с информационного антисобытия. Имея ввиду то, что оно является посредником при переходе от одной конкретной формы материи к другой конкретной форме (Вселенной). Как уже отмечалось, выше информационное антисобытие – это виртуальная реальность, содержанием которой выступает отношение асимметрии пределов «есть Всё» и «нет Всего».

«Есть Всё» – это такая виртуальная информационная реальность, которая представляет собой «мёртвый хаос», т.е. неограниченное ничем многообразие элементарных единиц материи, утративших полностью взаимодействие между собой, а потому прекратившими дальнейшее дробление своих частей и в силу этого ставшими в пределе становления элементар-

ными. Так как «мёртвый хаос» – это многое, то можно говорить о пространстве материи в момент прекращения своего изменения, т.е. в тот момент, когда универсальная связь двух перестала существовать. А, следовательно, то, что ограничивало многое как целое исчезло, потому что положительная неаддитивность перестала играть роль действенного конструкта. Виртуальность предела становления конкретной формы материи проявляется именно в том, что статика бытия многого устраняет не только границы, но и направленность всякого изменения. Это то состояние материи, когда она становится причиной самой себя и необходимостью для самой себя. И к которой применимо утверждение Парменида, что если есть только бытие и нет небытия, то нет ни движения, ни времени. «Мертвый хаос» – это умопостигаемое бытие. И эта его умопостигаемость возможна только в форме виртуальной реальности. Сам факт отсутствия изменения и времени является основанием для утверждения, что материальное способно порождаться только материальным, ибо вне движения и времени такое состояние материи не имеет никакой направленности. При отсутствии какой-либо направленности изменения многого каждый фрагмент безграничного пространства, находясь во вневременном состоянии, не ориентирован ни в каком направлении, а потому не способен иметь ни предшествующего, ни последующего состояния. Следовательно, сама процедура введения элементарного правомерна ни в начале становления конкретной формы материи, когда она уже ориентирована во времени, а в пределе своего становления, когда сформировалась виртуальная реальность, как вневременное состояние бытия.

Таким образом, в рамках информационного антисобытия, чистое бытие, утратившее способность к направленному изменению, обнаруживает свою дискретность, в рамках которой ни одна из частей «мёртвого хаоса» не может быть ни первой, ни второй по отношению к остальным. Тем самым, проблема первопричины заменяется лишь констатацией факта того, что бытие есть. И сам факт его существования не нуждается ни в прошлом, ни в будущем. Бытие предстаёт как действительность, лишённая какой-либо возможности, так как в этом состоянии оно утратило всякую способность порождать новое следствие и обнаруживать в себе случайность. И как сказал бы Гегель, такое бытие есть в себе и для себя бытие, а с нашей точки зрения такое бытие является причиной самого себя и необходимостью для самого себя.

Вместе с тем, если каждый фрагмент «мёртвого хаоса» утрачивает связи с другими фрагментами и оказывается элементарным, то дальнейшее умножение разнообразия бытия прекращается. Он становится элементарным в пределе деления. Он элементарен потому, что не может делиться дальше, а не потому, что элементарность содержится в нем изначально как выражение его природы, заложенная в него в момент зарождения Вселенной. Поэтому элементарность – это свойство виртуальной реальности, свойство самодостаточности, обретенная каждой частью пространства, за счет которой она обретает статус целого. Внутренний фактор начинает доминировать над внешним фактором. В пределе становления бытием своей конкретной формы материя обнаруживает возможность собственного саморазвития в развитии своих отдельных частей, ибо внешняя элементарность частей виртуальной реальности не исключает их внутренней структурности. Внешние взаимодействия сдерживали внутреннюю энергию. Но в состоянии «мёртвого хаоса», сдерживавшие эту энергию извне силы перестают действовать. И внутренняя энергия становится определяющим фактором для данной элементарности, которая как целое обретает импульс к своему расширению и дроблению, начиная процесс становления других новых конкретных форм материи. Переход от внешней элементарности к внутреней целостности и является проявлением виртуальности информационного антисобытия. Он выражается в переходе от симметрии отношения небытия и бытия к асимметрии отношения пределов бытия «есть Всё» и небытия «нет Всего». При этом действительность, лишенная возможности, трансформируется в одночасье в возможность, лишенную действительности, ибо часть еще только должна обрести себя в виде действительности целого, но эту новую действительности можно обрести только путем количественного становления внутреннего бытия этой части, постепенно достигая своей самодостаточности как целого в новой конкретной форме.

Таким образом, виртуальная информационная реальность «нет Всего» – это чистое время, лишенное действительности бытия, с его пространственной определённостью. Статус времени этого предела как виртуальной реальности – объективное настоящее время, в котором в нерасчленённом виде объективное прошлое и объективное будущее сливаются в единое целое. Объективное настоящее – это возможность формирования симметрии небытия и бытия в виде симметрии отношения прошлого и будущего, определяющего границы становления каждой новой конкретной формы материи.

ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛ И ПРОБЛЕМА ПРЕДЕЛОВ

Чтобы ответить на этот вопрос, следует иметь в виду, что различие философии и науки определяется различием тех задач, которые призваны решать каждая из них. Наука не способна выйти за границы опыта. Поэтому ее предметом исследования становится реальность бытия, изменению которой свойственна термодинамическая стрела времени. Тогда как необычность построения последовательности качественных характеристик времени, определяющих направленность космологической стрелы времени, наглядно демонстрирует необходимость использования философских категорий, вовлечения в круг исследования таких ее проблем как, например, проблемы отношения материального и идеального.

Действительно, если космологическая стрела времени предстает в виде последовательности: объективное настоящее (объективное прошлое \ объективное будущее) вневременное, в которой настоящее время изымается из промежуточного положения между прошлым и будущим и выносится за рамки их отношения друг к другу, то при этом возникает ряд проблем, решение которых выходит за рамки возможностей науки. К ним и следует отнести проблему статуса прошлого и будущего времени и проблему их разграничения друг от друга.

Очевидно, что, если изъять настоящее время, служащее естественным посредником между ними, то будет невозможно разграничить между собой прошлое и будущее время так, чтобы при этом сохранялась фактуальность каждого из них. И здесь со всей очевидностью проявляется различие возможностей философии и науки.

С точки зрения науки прошлое – это характеристика того состояния объекта, которое было, но затем перестало существовать, а будущее – это характеристика обретаемого вновь состояния того же самого объекта. В этом случае время выступает характеристикой изменения объекта. При этом и прошлое, и будущее – его фактуальные характеристики, так как объект в прошлом существовал и имел конкретные характеристики этого существования, а в будущем он продолжает своё существование, обретая в нём свои новые характеристики. Но общим и для прошлого, и для будущего является то, что объект проявляет себя через своё бытие, не покидая сферу материального.

С точки зрения философии прошлое является характеристикой идеального, а будущее - характеристикой материального. В прошлом данное, конкретное материальное не только уже не существует, но и вообще никогда не существовало. Оно существует только в будущем. В этом проявляется их существенное различие. А потому, с точки зрения философии прошлое и будущее можно разделить, не прибегая при этом к услугам настоящего. Их различие естественно: прошлое является нефактуальным по своей природе, а будущее – фактуальным. Но, если прошлое – идеально, а будущее – материально, то, спрашивается, как они соотносятся между собой?

С точки зрения науки будущее вытекает из прошлого, обуславливается им. Именно переход от прошлого к будущему как от причины к следствию, а не наоборот, и задаёт времени его направленность.

Философская интерпретация отношения прошлого и будущего ставит вопрос совершенно по-новому: является ли различие прошлого и будущего как различие нефактуального и фактуального непреодолимым барьером между ними? В этом случае будущее не может вытекать из прошлого. В связи с этим и возникает проблема их отношения друг с другом, объяснять природу которого необходимо иначе, чем это делает наука. Иными словами, философский анализ отношения прошлого и будущего смещает данную проблему в область ме-

тафизики первоначал, трансформируя отношения прошлого и будущего времени в область отношения между небытием и бытием, единым и многим.

Выявление природы отношения первоначал, в свою очередь, неразрывно связано с необходимостью метафизического анализа симметрии и асимметрии их отношения. В связи с этим следует понять, во-первых, то, что, если будущее не вытекает из прошлого, а лишь соотносятся друг с другом, равновелики или разновелики они? А во-вторых, если они не следуют друг за другом, то возникают одновременно или нет? Ответы на эти вопросы означают одновременно и метафизическое решение парадокса времени.

Впервые проблему отношения небытия и бытия как проблему отношения единого и многого, как известно, предпринял Платон. Однако время, в рамках его интерпретации предстает не ведущей, а сопутствующей характеристики. Вместе с тем, Платон приходит к мысли, что время не является только характеристикой бытия, которая сопутствует его изменению. Время выступает и характеристикой другого начала – небытия, придавая ему значение вечности. Естественно, он не придавал различию времени небытия и времени бытия статус различия прошлого и будущего, но сам факт признания им различия двух первоначал как двух отличных друг от друга реальностей, каждой из которых свойственно своё особое время, которое позволяет видеть в его позиции аналогию с нашим подходом.

В дальнейшем в физике И.Ньютон повторил эту позицию Платона, введя независимые друг от друга континуумы времени и пространства, которому было также присуще своё время. И.Ньютон говорит как об абсолютном времени, так и о времени, характеризующем изменение конкретных тел. Однако и в случае с Платоном, и в случае с Ньютоном остался без ответа вопрос о том, связаны или нет между собой время одной и другой реальностей, а если связаны, то как?

Физика, как и всякая другая наука, базирующаяся на опыте, как уже отмечалось выше, ответить на эти вопросы не может в принципе. Философия в лице Платона предложила два варианта решения этой проблемы. Один из них исходит из предположения, что “единое едино”, а другой – из предположения, что “единое существует” [2, с.369]. Сам Платон выбирает второй вариант – “единое существует”, так как находит ему объяснение, в то время как первый вариант кажется ему неразрешимым. Вся последующая история философии стремится в основном придерживаться этого второго варианта.

Рассмотрим аргументацию Платона, повлиявшую на выбор им варианта “единое существует”, которому предшествует анализ первого варианта “единое едино”.

Саму постановку проблемы первоначал Платон начинает с ревизии или, как он говорит, испытания “…учения нашего отца Парменида…”, стремясь доказать, что “…небытие в каком-либо отношении существует и, напротив, бытие каким-то образом не существует” [2, с. 308]. И потому “…мы в одинаковом положении по отношению как к тому, так и к другому” [2, с. 310].

Прежде всего, и совершенно справедливо, Платон предлагает исследовать природу бытия как одного из начал. Он пишет: “…сначала надо тщательно исследовать бытие: чем оказывается оно у тех, кто берётся о нём рассуждать?” [2, с. 310]. Видимо Парменид привлекателен для Платона тем, что в отличии от физиков, начиная от Фалеса, поиск первоначал у которых связывался с конкретной формой бытия, что у него бытие рассматривается в целом. Кроме того, для Платона в позиции античных физиков неприемлемо и то, что противоположное начало тоже конкретно и также относится к бытию. Если “…тёплое и холодное или другое что-нибудь двойственное есть всё, – что произносите вы о двух (началах бытия), когда говорите, будто существуют они оба вместе и каждый из них в отдельности? Как нам понимать это ваше бытие?” [2, с. 310]. Нужно отметить, что и в современной физике используется представление о симметрии противоположных по знаку частиц, например, электрона и протона. Однако, несмотря на противоположность по знаку, и протон, и электрон фактуальны по своей природе, а потому обе частицы принадлежат к сфере бытия.

К своему вопросу: как нам понимать это ваше бытие – Платон добавляет: “Должны ли мы, по-вашему, допустить нечто третье кроме тех двух и считать всё тройственным, а вовсе

не двойственным? Ведь если вы назовёте одно из двух (начал) бытие, то не сможете сказать, что оба они одинаково существуют, так как в том и другом случае было бы единое (начало), а не двойственное" [2, с. 310].

Естественно, что такие свойства времени как прошлое и будущее с точки зрения физики по логике Платона не могут выступать характеристиками противоположных и взаимоисключающих начал, так как для физиков оба этих свойства характеризуют одну и ту же реальность или как сказал бы Платон, единое (начало), а не двойственное, т.е. относится только к бытию. Именно в силу этого физики не способны сформулировать представление о космологической стреле времени в принципе. Действительно, если прошлое и будущее являются характеристиками одного начала, т.е. бытия, то тем самым исключается сама возможность получить временную характеристику бытия и как многого, и как целого, единого одномоментно. "…Ведь если бытие обладает свойствами быть как-то единым, то оно уже не будет тождественно единому и всё будет больше единого» " [2, с. 312]. Точно также, замечает Платон, и от обратного: "…если бытие есть целое не потому, что получило это свойство от единого, но само по себе, то оказывается, что бытию не достаёт самого себя" [2, с. 311]. Очевидно, что если прошлое не принадлежит бытию и лежит за границей этого начала, то спрашивается, каким образом будущее получает этот свой статус. Ведь прошлое, находясь вне пределов бытия принадлежит уже небытию как другому началу. И каждое в отдельности, и бытие и небытие обретают свою собственную природу: небытие становится прошлым, а бытие - будущим.

Однако если прошлое и будущее проявляются неоднозначно, т.е. одно принадлежит небытию, а другое – бытию, то, спрашивается, как в таком случае будущее связано с прошлым? Действительно, если прошлое не принадлежит бытию, то оно неизменно, тогда как будущее принадлежит бытию и потому является характеристикой его непрерывного изменения. Прошлому присуща тождественность нефактуального: того, чего не было, не может быть меньше или больше. Напротив, будущему тождественность не присуща в принципе. Действительно, если мы считаем бытие "…несущимся и движущимся, то этим утверждением мы исключаем тождественное из области существующего" [2, с. 318]. Но, если это так, то как в таком случае объяснить возникновение будущего, не способного вытекать из прошлого? Предположение, согласно которому будущее вытекает из прошлого, означало бы признание того факта, согласно которому небытие и бытие взаимодействуют друг с другом. Однако в случае их взаимодействия, как отмечает Платон, "…надо, подражая мечте детей, чтобы всё неподвижное двигалось, признать бытие и всё и движущимся и покоящимся" [2, с. 318].

Если же мы исключаем возможность взаимодействия между небытием и бытием и, соответственно, между прошлым и будущим, т.е. исходим из предположения об их изолированности друг от друга, то в этом случае мы, говоря словами Платона, "…не в силах познать ни одного из них в отдельности" (2, с. 320), "… поскольку они несмешиваемы и неспособны приобщаться друг к другу, мы их за таковые и принимаем в своих рассуждениях. Или же мы всё, как способное взаимодействовать, сведём к одному и тому же? Или же одно сведём, а другое нет? [2, с. 321]. Заметим, что в данном случае речь идет у Платона о несводимости одновременно покоя и движения к бытию. Если же одно, т.е. движение сводимо к бытию, а другое нет, то покой не присущ бытию, а, следовательно, он присущ только небытию. Тем самым, Платон формулирует дилемму метафизики первоначал: единое, прибывающее в покое (небытие) взаимодействует или не взаимодействует со многим (бытием) и присущим ему движением? Первый вариант он отвергает, ибо, если единое не взаимодействует со многим и бытие не вытекает из небытия, то в этом случае "… единое не существует как единое, да и (вообще) не существует, если доверять такому рассуждению". "А если что не существует, то может ли что-либо принадлежать ему или исходить от него?" [2, с. 368]. "Следовательно, не существует ни имени, ни слова для него, ни знания, ни чувственного его восприятия, ни мнения" [2, с. 369]. И Платон делает вывод о неприемлемости этого варианта в силу его парадоксальности: "И так, должно существовать бытие единого нетождественное с единым, ибо иначе это бытие не было бы бытием единого и единое не было бы причастно ему, но бы-

ло бы всё равно, что сказать “единое существует” или “единое едино”. Теперь же мы исходим не из предположения “единое едино”, но из предположения “единое существует” [2, с. 369]. Но, добавляет Платон, “…если кто скажет в итоге, что единое существует, то не будет ли это означать, что единое причастно бытию? Конечно, будет” [2, с. 369].

И так, выбор сделан: вариант “единое едино”, когда единое рассматривается автономно от многого, для Платона неприемлем, ибо в этом случае должно существовать бытие единого не тождественное с единым, т.е. единое как неделимое целое должно обнаружить различие, а, следовательно, обрести части и потерять свою самоцелостность. Платон принимает второй вариант – “единое существует” и предлагает проследить: “…какие следствия проистекают из предположения: “единое существует?” [2, с. 369].

Прежде чем проанализировать то, насколько убедительны аргументы Платона в пользу второго варианта “единое существует”, необходимо отметить, что этот его выбор в истории философии привёл к тенденции, способствовавшей утрате философией статуса науки наук, который она едва-едва обретала. Исследование идеального как заграничного первоначала из области философии перекочевала в средние века в религию, ибо бог мог существовать только изолировано от природы, т.е. как “единое едино”, а философия должна лишь аргументировать это положение, становясь служанкой богословия.

В Новое и Новейшее время, т.е. Х1Х – ХХ века философия в силу того же положения “единое существует”, а, следовательно, причастно бытию, становится служанкой науки, выполняя роль комментатора её достижений.

В чём же всё-таки привлекательность варианта “единое существует” по сравнению с вариантом “единое едино”, к которому пришёл Платон после всесторонних размышлений? Прежде всего, видимо тем, что “…если мы охватим разумом само единое, которое, как мы утверждаем, причастно бытию, но возьмём его только само по себе, без того, чему, по нашему утверждению, оно причастно, – окажется ли оно единым или будет также многим?” [2, с. 370-371].

Другими словами, если мы единое будем рассматривать не как характеристику целостности бытия, которое мы охватываем разумом извне, но и также охватываем разумом извне само единое, то, как справедливо заметил Платон, такое единое также становится многим. И тогда “…с другой стороны, бытие и единое не тождественно, но лишь относятся к одному и тому же существующему единому, которое мы допустили, то ведь необходимо, чтобы само существующее единое было целым, а единое и бытие – его частями” [8, с. 370], не объясняя при этом каким образом единое не имеющее частей, тем не менее, в рамках существующего единого эти части обретает.

Таким образом, у Платона обнаруживается две ипостаси идеального: идеальное как целое и идеальное как часть. Такого рода позиция Платона вполне приемлема для методологического обоснования космологической стрелы времени. Однако сам факт признания двух ипостасей идеального ещё недостаточен, хотя и необходим. Ведь одновременно следует признать и две ипостаси бытия (материального): бытие становящееся (есть – бытие) и бытие ставшее (есть Всё – бытие).

Снова вернёмся к рассуждению Платона о том, что такое бытие, где он анализирует позицию тех, кто признаёт двойственность начал бытия, т.е. тёплого и холодного, так как его оппоненты утверждают, что эти два начала существуют “…оба вместе и каждая из них в отдельности…” [2, с. 310]. И дальше в связи с этим он задаётся вопросом: “Должны ли мы по-вашему допустить нечто третье кроме тех двух и считать всё тройственным, а вовсе не двойственным? Ведь если вы назовёте одно из двух (начал) бытие, то не можете сказать, что оба они одинаково существуют, так как в том и другом случае было бы единое (начало), а не двойственное” [2, с. 310]. И добавляет к этому: “Или вы хотите оба (начала) назвать бытием?” [2, с. 310].

В этих высказываниях Платона следует выделить две возможные проблемы. Первая проблема обнаруживает себя в том, чтобы определить какой статус следует придать “Всему” как тому некоему третьему кроме тех двух? Вторая проблема определяется тем, что значит

считать “Всё” тройственным? Ведь если мы будем, как говорит Платон, исходить из двух начал, то третье “Всё” в свою очередь тоже может обрести две ипостаси: отрицательную “нет Всего” и “есть Всё”, т.е. “Всё” может быть использовано в двух противоположных друг другу значениях. Платон говорит о тройственном “Всё” лишь как о едином всеобъемлющем начале по отношению к двойственному, не наделяя его каким-нибудь знаком. Однако, можно предположить, что неявно этот знак у тройственного “Всё” у него отрицательный. Ибо “Всё” у него – это целое, т.е. “существующее единое”, самодостаточное по отношению к его частям: “единому” и “бытию”. Следовательно, это тройственное “Всё” у него отрицательно. Вместе с тем по своему статусу “существующее единое” выступает у него не в роли отрицательного начала, а в роли отрицательного предела “нет Всего”. По крайней мере, мы можем так предположить. В то время как единое, взятое как его часть – это отрицательное первоначало “не было – бытие”. В этом случае отрицательное первоначало выступает зеркальным отображением положительного первоначала (многого) и одновременно становится частью идеального второго порядка, т.е. частью отрицательного предела (нет Всего). Но отрицательный предел является не только отрицанием материального первоначала (многого), т.е. “есть – бытие”, но и отрицанием отрицательного первоначала “не было – бытие”, т.е. отрицанием его небытия как конкретной формы материи. Или, точнее, выступает в роли отрицания отрицания.

Вторая проблема, поставленная Платоном в его вышеприведенных высказываниях: что считать бытием? Возможно ли признание двух качеств и у самого бытия, т.е. у многого, если мы будем рассматривать его вне отношения с единым, а само по себе? “Ведь если вы назовете одно из двух (начал) бытием, то не можете сказать, что оба они одинаково существуют…” [2, с. 310]. Да, двух начал у бытия не может быть. Но вот говорить о начале становления бытия и о пределе этого становления вполне возможно. Ведь многое в отличие от единого по Платону имеет части, способно изменяться и т.п., а потому непрерывно умножается, т.е. изменяется, увеличивая своё многообразие. И это возрастание многого не бесконечно. Если бытие как многое имеет начало, то его исходное разнообразие не может быть меньше двух, так как последующее уменьшение до одного означало бы обретение им статуса единого, а, следовательно, сопровождалось бы его переходом из бытия в небытие. Но если бытие изначально может быть представлено различием двух, то процесс его становления как многого может идти только по пути увеличения собственного многообразия. Наличие минимального различия (двух) является началом бытия и характеризуется как “есть – бытие”, а в пределе своего последующего умножения как многообразия бытие обретает значение “есть Всё”. Вот почему возникает два класса отношений: отношение первоначал, т.е. отношение между “не было – бытие” и “есть – бытие”, и отношения пределов как отношение “нет Всего” и “есть Всё”.

В силу того, что у Платона вопрос об отношении пределов не ставился как особая проблема, то его позиция интересна , прежде всего, с точки зрения того, как он рассматривал отношения первоначал. Остановимся на этом подробнее. И так, “существующее единое” – это целое, т.е. “Всё”, а единое и бытие – его части, т.е. его первоначала. “Если бытие и единое различны, – пишет Платон, – то единое отлично от бытия не потому, что оно – единое, ровно как и бытие есть что-то иное сравнительно с единым не потому, что оно – бытие, но они различны между собой в силу иного и различного” [2, с. 371].

Следует иметь в виду, что под понятием иное во времена Платона понималось отношение между, например, “А” и “не-А”, а под понятием различного, другого – отношения между “А”, “В”, “С”. Очевидно, что отношение “единого” и “бытия” как частей “существующего единого” – это отношение одного и иного, а отношение самих частей внутри бытия, т.е. отношение между частями многого – это отношение различия или другого. “Поэтому иное не тождественно ни единому, ни бытию” [2, с. 371], которые образуют собой пару, где каждый из двух членов, в свою очередь, будет одним первоначалом. В дальнейшем Платон постулирует сложение этого одного члена с любым парным сочетанием, ибо “…если существует одно, то необходимо, чтобы существовало и число” [2, с. 372], признание которого приводит к

признанию существования многого, причастного бытию. “Значит бытие, - говорит Платон, - поделено между множеством существующего и не отсутствует ни в одной вещи, ни в самой малой, ни в самой большой”. “…как, в самом деле, бытие может отделиться от какой-либо существующей вещи? Да, никак не могло бы” [2, с. 373]. Следовательно, бытие у Платона присуще многому, каждой вещи, входящей в это многое. “Что же, есть ли между ними какая-нибудь, которая была бы частью бытия и в то же время не была бы частью?” [2, с. 373]. На этот вопрос он отвечает так: “Напротив, если она существует, то, полагаю я, пока она существует, ей необходимо быть чем-то одним, а быть ничем невозможно”. “Таким образом, единое присутствует в каждой отдельной части бытия, не исключая ни меньшей, ни большей части, никакой-либо другой” [2, с. 373].

Но говорить о принадлежности бытию множества частей ещё не достаточно, так как каждая вещь многого не только существует, но и изменяется. Поэтому правильнее было бы утверждать в терминологии Гегеля, что каждая вещь многого становится и в силу этого всегда обладает неполнотой бытия за исключением предела “есть Всё”. Соответственно, и всё многое не есть изначально полное бытие, а есть становящееся бытие, умножающееся в своем стремлении к предельному множеству своего многообразия.

Однако и этой поправки недостаточно. Следует учитывать еще и то, что все части многого связаны между собой, хотя этими связями целого не образуют и в единое не превращаются. Взаимосвязанность частей бытия образует собой, своего рода пространство бытия, но пространство “втянутое в себя”. Эта особенность пространства проистекает из того, что связь между частями уменьшает целостность каждой части в отдельности, а, следовательно, и всего их пространства в целом. Другими словами, бытие многого, если и обладает целостностью, то это целое имеет положительный неаддитивный эффект: оно меньше суммы всех своих частей. В силу этого бытие, хотя и принадлежит каждой части, но при этом единому не тождественно.

Однако и это еще не всё. Для понимания отношения единого и многого необходимо уточнить ещё и характер изменения самой связи. Связь двух вещей в начальный момент становления бытия является предельно полной, а потому универсальной: пространственность многого (двух) наиболее выражена, т.е. максимально в своем проявлении и минимально в своей “втянутости”. В процессе становления, т.е. умножения разнообразия многого в силу двойственности начала многого и отсутствия материального одного в роли исходного единого центра, способного доминировать над другими, стягивая все связи в один пучок, проявляется ещё и деление самих связей на непосредственные (взаимодействие частей непосредственного окружения) и опосредованные (воздействие на данную часть множества опосредованно через другие части). По мере становления бытия происходит возрастание роли опосредованных связей, которое сопровождается нарастающим истончением универсальной связи двух, и как следствие этого происходит усиление эффекта (втянутости) в себя пространства многого, т.е. сопровождается возрастанием степени положительности неаддитивного эффекта самого пространства многого.

Всё вышесказанное необходимо иметь в виду для того, чтобы сделать вывод о том, что, если бытию и присуще единое, то только как пространство взаимодействующих частей многого, как универсальная связь двух, неспособной придать бытию тождественность единому.

То, что целое может быть в трёх вариантах, о которых как о трёх видах организованных комплексов указывал в своей тектологии Богданов А.А., наделяя каждый из них либо аддитивным эффектом, либо положительным неаддитивным эффектом, либо отрицательным неаддитивным эффектом. Платон, естественно, не предполагал этого. Его утверждение о том, что “единое существует”, принятое им в противовес “единое едино”, базировалось на одном из этих трёх вариантов целого, а именно, на том варианте целого, которому присущ положительный неаддитивный эффект “Следовательно, не только существующее единое есть многое, но и единое само по себе, разделенное бытием, необходимо должно быть многим” [2, с. 374]. В этом положении содержится признание того, что не только единое способно обнаруживаться во многом, но и многое способно обретать единое, т.е. единое и многое способны

соотноситься друг с другом как целое и части. Но, так как части суть части целого, то единое должно быть ограничено как целое. В самом деле, разве части не охватываются целым, замечает Платон. “Следовательно, существующее единое есть, надо полагать, одновременно и единое, и многое, и целое, и части, и ограниченное, и количественно бесконечно” [2, с. 374]. “Так не составляет ли единое целого?” [2, с. 375]. “Ведь каждая из частей находится в целом и вне целого нет ни одной” (Там же). “Но если все части находятся в целом и если все они составляют единое и всё охватывается целым, то не значит ли это, что единое охватывается единым, и таким образом, единое уже находится в себе самом? (Там же).

Очевидно, что Платон так и не сумев объяснить то, как единое способно наделять собой многое, а многое каким-то образом обнаруживать в себе единое, сделав его причастным бытию тем, что наделяет его частями, он прибегает к эквилибристике и жонглированию другими понятиями, не замечая при этом, что подмена единого целым не решает сути проблемы. Действительно, если целое объемлет все части и вне целого нет ни одной,

То это означает, что ни одна часть не может выйти за границу своей целостности, а потому неспособна придать единому свойство делимости. В этом случае, перефразируя Платона [2, с. 374], существующее единое не только не может стать многим, но и единое само по себе не может быть разделено и не должно быть многим не при каких условиях. Не может быть и “существующего единого”, а только “единое едино”, для которого исключается как неприемлемое утверждение Платона о том, что существующему единому “…одновременно присуще и единое, и многое, и целое, и части, и ограниченное, и количественно бесконечное” [2, с. 374].

Единственным аргументом в пользу “существующего единого” остается утверждение Платона: “Следовательно, поскольку единое – это целое, оно находится в другом, а поскольку оно совокупность всех частей – в самом себе. Таким образом, единое необходимо должно находиться и в себе самом, и в ином” (2, с. 375). С точки зрения типологии Богданова А.А., такому целому присущ аддитивный эффект: целое равно сумме своих частей, и оно является нейтральным комплексом, которому чужд процесс становления. Однако, если всё таки допустить становление в рамках нейтрального комплекса, то и бесконечное дробление частей всегда соответствовало бы тому же неизменному целому, так как любая их сумма всегда бы была равна целому, а часть бесконечного множества сама представляет из себя бесконечность. Вот почему именно неаддитивный эффект присущ становлению, независимо от того является ли он положительным или отрицательным.

То, что фактор неаддитивного эффекта не принимался, да и не мог приниматься Платоном во внимание, делает сомнительными все его последующие высказывания, которые вытекают из его утверждения, что целое – это лишь сумма его частей. Так, например, он утверждает: “…всегда находясь в себе самом и в ином, единое должно всегда и двигаться, и покоиться” [2, с. 376]. А ведь до этого он писал, что хотел увидеть того, кто утверждал бы, что небытие способно изменяться. Далее он пишет: “Потом оно должно быть тождественным самому себе и отличаться от самого себя и точно также тождественным другому и отличаться от него, коль скоро оно обладает вышеуказанными свойствами” [3, с. 376]. То, что небытие тождественно самому себе – это ещё понятно, но вот то, что небытие должно быть одновременно тождественно бытию, а, соответственно, покой – движению – это, конечно, принять трудно даже из рук самого Платона. И потому трудно понять, почему “…единое необходимо должно находиться и в себе самом и в ином” [2, с. 375], т.е. в бытии.

Единое, действительно, может быть иным по отношению к самому себе, если это единое – идеальное первоначало (не было – бытие), а иным по отношению к нему выступает тоже самое идеальное, но уже в роли предела “нет Всего”. В этом случае мы можем говорить, что идеальное первоначало – это, действительно, часть идеального, взятого в пределе своего становления. Но это не противоречит тому утверждению, что идеальное не способно делиться на части. Ибо идеальное как часть всегда равна идеальному как целому. Именно в этом случае правомерно использовать представление об аддитивном эффекте, характеризующим

такое отношение целого и частей, в котором часть равна целому, если согласно Кантору, эта часть бесконечного множества. Точно также мы можем утверждать и в отношении многого. Оно может быть тождественно самому себе в пределе становления материального “есть Всё”, и вместе с тем, может быть иным в состоянии своего первоначала “есть – бытие”. В этом случае оно обусловлено своей неполнотой и зависимостью от начальных условий своего возникновения, влияние которых полностью устраняется в пределе становления. Эта нетождественность бытия самому себе как первоначала отчасти компенсируется пространством связей его частей, образуемым универсальной «связью двух» изначальных частей. Следовательно, единое может быть иным только по отношению к самому себе, а не по отношению к другому, как это утверждал Платон [2, с. 377]. Причем, “единое” как одно из первоначал и “единое едино” как предел не имеют между собой количественного различия. Они различаются качественно по принципу двойного отрицания. Вот почему и объективное настоящее, и объективное прошлое – это отрицательные характеристики времени. Тогда как многое как материальное первоначало “есть бытие” и как предел становления “есть Всё” отличаются друг от друга и качественно, и количественно. Качественное различие материального начала от предела его становления в том, что начало имеет положительную характеристику времени количественную по своей природе – объективное будущее, а предел становления материального характеризуется вневременным состоянием, т.е. отсутствием какой-либо как положительной, так и отрицательной характеристикой времени, а, следовательно, качественно отличающейся от количественного времени своего первоначала. Таким образом, многое в пределе своего становления никогда не тождественно самому себе, тем более, оно не может быть тождественно небытию как другому первоначалу: так конечное никогда не может быть тождественным бесконечному. Лишь в пределе своего становления многое обнаруживает безграничность своего бытия и становится асимметричным идеальному первоначалу, т.е. “не было – бытию”. С переходом от симметрии первоначал к асимметрии пределов предел становления бытия “есть Всё” тотчас отрицается идеальным пределом “нет Всего”, и информационное событие (О 1) трансформируется в информационное антисобытие (1 О).

Вот почему приведённое выше высказывание Платона не совпадает с его другим утверждением: “Итак, в какой мере единое отлично от другого, в такой же мере другое отлично от единого, и что касается присущего им свойства “быть отличными”, единое будет обладать не иным каким-либо отличием, а тем же самым, каким обладает другое. А что хоть как-то тождественно, то подобно…” [2, с. 380]. В этом мимолетном и промежуточном высказывании Платона можно усмотреть намек на симметрию, на то, что другое отлично от единого не произвольным отличием, а тем же самым, каким обладает и это другое, в силу которого они и подобны друг другу. Если бы это рассуждение Платон продолжил бы, то он смог бы прийти к выводу, что такое подобие позволяет исключить взаимодействие между единым и многим, введя вместо него отношение между ними. Это, в свою очередь, могло бы послужить поводом выбора иного варианта из предложенных им вместо варианта “единое существует” можно было бы принять вариант “единое едино” и, соответственно, дополнить его аналогичным ему утверждением “многое многого”. Однако Платон такого шага не сделал. Напротив, он переходит к рассмотрению связи единого и другого с точки зрения их тождественности и их одновременно их отличия друг от друга, утверждая при этом, что они подобны и не подобны друг другу “…в соответствии с обоими свойствами и каждым из них порознь…” [2, с. 381]. И далее, это подобие и неподобие единого и другого приводит каждое из них к подобию и неподобию по отношению к себе самому. В силу чего, “…единое находится в себе самом как в целом” [3, с. 381]. Это замечание Платона справедливо лишь в той мере, в которой подобие и неподобие относятся к соотношению идеального первоначала “не было – бытие” и идеального предела “нет Всего”. Ровно как и к соотношению материального первоначала “есть – бытие” и материального пределе “есть Всё”. Идеальное первоначало подобно идеальному пределу в силу их нефактуальности, т.е. в силу отрицательности их свойств как характеристик времени, но одновременно и неподобны друг другу, так как отрицательность

объективного прошлого “не было – бытие” является частью отрицательности объективного настоящего “нет Всего”, хотя при этом сама часть равна целому.

Точно также материальное первоначало “есть – бытие” подобно своему материальному пределу “есть Всё”, в силу их фактуальности. Вместе с тем они и неподобны друг другу в силу количественного различия многообразия форм этой фактуальности. Что касается отношения самих начал, т.е. идеального и материального, то следует говорить не в смысле подобия (ибо как нефактуальное может быть подобно фактуальному?), а в смысле меры их соотношения друг с другом, согласно которой они становятся симметричными друг другу. Действительно, единое потому и едино, что оно всегда тождественно с самим собой, а многое потому всегда многого, что всегда нетождественно с самим собой, ибо всегда представлено только различием. Хотя идеальное в силу своего подобия неподобия первоначала и предела также обнаруживает различие, а материальное в силу подобия неподобия своего начала и предела обнаруживает как тождество так и различие между собой,

Но для идеального – это различие качественное в силу их количественного равенства, а их отношению присущ аддитивный эффект. Для материального это тождество количественное в силу их качественного неподобия, так как начало не имеет причины, а определяется только начальными условиями, лежащими за пределами данного бытия. В то время как предел изменения материального обнаруживает, что оно стало причиной самого себя, но причиной неспособной порождать собственные следствия. В результате этого возникает неподобие пределов идеального и материального, ибо в пределе изменения идеального полностью исключается количество. В пределе изменения материального полностью исключается качество, в силу чего они становятся асимметричными, несовместимыми друг с другом и порождают отношения взаимоисключения. Можно сказать, что пределы, в некотором смысле, “кувыркаются” друг через друга, создавая, тем самым, вращение для симметрии первоначал.

Библиографический список

1. Очерки феноменологической философии. СПб.,1997.
2. Платон. Собр. соч. в 4 т. / Платон. М., 1993. Т.2.
3. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / М.Хайдеггер М.,1993.

Национальная и международные нормы экологического права: состояние, тенденции, перспективы

В.Н. Молчанов (г. С-Петербург)

Отметим отличия «духа» экологического права высокоразвитых стран (ВС), стран третьего мира (ТМ) и нашего – Российского (РФ). Концептуальной основой экологического права в ВС служит «компенсационная» модель. Она предполагает возмещение ущербов в области экологии. При этом любой **проект** проходит ведомственную, муниципальную и независимую (общественную) экспертизы, где различный «угол зрения» оформляется в комплексную оценку по возможным экологическим рискам, указывается сумма компенсации ущербов и назначаются процедуры «возврата» в экологию. Возврат может быть не только в виде прямых валютных отчислений, но и в скрытой форме: введение новых (пионерских) экологически чистых технологий, ресурсосберегающих технологий и т.д. Мониторинговый контроль за экологической чистотой и возврата ущербов возложен на муниципальный орган управления. Если компенсация ущербов осуществляется в виде новых эффективных технологий существенно улучшающих экологию, то муниципальные власти на своем уровне устанавливают все доступные их уровню управления льготы для субъекта деятельности и могут

выйти с ходатайством о получении льгот (например, налогов, кредитов) на национальном уровне. В этой модели «управления экологией» главным «дирижером» является экономика: если экологически грязное производство может быть прибыльным – действуйте! Чем эта модель хороша – честностью концепции: «прогресс» остановить нельзя, хотим мы того или нет – общество нуждается в увеличении товаров и услуг (?). Однако, у экономической модели управления экологией есть и свои недостатки и негативные тенденции в области международного экологического права. В чем здесь суть дела. На национальных территориях ВС вводятся все более жесткие («чистые») нормы экологического права. Естественно, производство с экологически грязными технологиями становится нерентабельным из-за очень высоких компенсационных выплат. В таком случае национальному производителю на территории ВС и экономике ВС в целом выгодно переместить экологически грязные производства на территории, где экологические нормы «мягче» , а уровень компенсации по экологическим ущербам ниже. Так порождается системный, цивилизационный конфликт. Грязные технологии перемещаются в страны третьего мира, и эти страны по существующим «правилам игры» не имеют перспектив «подняться» , в значительной мере потому ,что «высокоразвитые страны» не заинтересованы в этом !

Косвенно, но «глобально» на экологию Планеты влияет наивысший приоритет современной цивилизации – **экономическая эффективность**. Если бы этот критерий целесообразности социальной организации «обслуживал» Международное сообщество в целом – как единый социально-экономический организм, то, возможно, до какой-то стадии развития такого организма этот критерий мог бы сохранить достаточно высокий приоритет. Наивысший же вряд ли, т.к. с точки зрения экономической целесообразности трудно объяснимы многие социальные формы организации, например, поддержание жизни этносов заполярья, высоких гор и пустынь.

Действительно, ведущие страны («семерки») призывают землян к сохранению среды обитания, биологического разнообразия,…На словах, декларативно – да, на деле – нет. Если бы страны- участницы ООН на деле были обеспечены правом на нормальную окружающую среду, эффективно поддерживаемую органами международного контроля, возможно ли было бы опустынивание планеты (1 млн. га в год – невосполнимая вырубка лесов в интересах небольшой группы собственников), колоссальное загрязнение Мирового океана нефтями, производимое «за интерес» группы частных собственников, и т.д. и тому подобное.

Природу потенциального концептуального конфликта вида **глобальной экологической катастрофы** в терминах экономической эффективности можно пояснить следующим образом. С момента утверждения **международной кредитно-финансовой сиситемы** (МКФС) (братья Ротшильды - примерно полтора столетия назад) - системы банковского капитала скорость богатения определялась ссудным процентом банковского кредита. В настоящее время, в зависимости от степени риска вложения капитала, ссудный процент (ставка «рефинансирования» – в теперешнем благозвучье) находится в интервале (0,25 – 35) %. Нижний предел – 0,25 % - в Японии, где фактически нет ссудного процента на национальной территории, верхний предел – 35 % - в странах(«третьего мира») с рисковым вложением капитала. В конце 50-х годов 20 столетия в страны Европы начался ввоз иностранных рабочих. Прибыль от этого «предприятия» составляла до 65% в месяц. С середины 60-х годов 20 столетия в ростовщической цивилизации («деньги делают деньги») произошел скачок: начался интенсивный вывоз капитала в страны с **дешевой рабочей силой**. Для ясности понимания сути дела прибыль «вывозителя» капитала можно **модельно** оценить по формуле: **П = ((Ов - Оп)/Оп x N x 100**)% = **((К – 1) x N x 100)%**.Здесь П – прибыль «от оплаты труда» в коротком цикле жизни капитала д–Т–Д (в «отверточной сборке» – менее месяца); **Ов** и **Оп** – средневзвешенная или совокупная по полному циклу (инвестиции (д) – производство (Т) – продажа (Д)) одноименного производства оплата труда «вывозителя» и «приемщика» капитала, в **Оп** – естественно включить издержки производства по транспортировке, хранению и таможенному обслуживанию произведенного товара; **К** = **Ов/Оп, К**– кратность оплаты труда ; N – число полных циклов производства. Так, если **К**=15 (разница в оплате труда,с уче-

том накладных расходов, ФРГ – РФ) , а **N – месяц = 1** , то **П = ((15 –1) х 1 х 100)% = 1400%.** Соответственно **в год** возможно**: П = ((15 – 1) х 12 х 100)% = 16800%** и более! Известно, что **К** может быть более 50. Именно эта сверхприбыль, полученная по сверхпростой модели, и является основным потенциальным источником Глобального экологического кризиса на Планете. И, если Международное Сообщество в ближайшие два-три десятилетия не найдет альтернативы критерию так организованной экономической эффективности как проявления наивысшей «целесообразности» в жизни Мирового Сообщества, то может случиться **беда**. Именно в силу этого «экономического интереса» международные экологические нормы плохо определены по ответственности за последствия по истинным ответчикам экологических катастроф, не содержат расчетных методов, не имеют международных стандартов по качеству среды обитания в области так любимых «прав человека».

Заметим, что чистота национальных экологических норм на территориях ВС не освобождает эти страны от экологического кризиса не только потому что мир массопереноса без границ. Бог ростовщической цивилизации – экономическая эффективность как наивысший критерий целесообразности , непрерывно меняет облик Планеты, увеличивая площадь городов и проживающего в них населения. Не нужно быть сильным экологом или социопсихологом, чтобы понять губительность этого пути развития Планеты. Однако **экономическая эффективность** вложения капитала **диктует** именно этот **путь развития**, поскольку «достраивать» инфраструктуру городов значительно **дешевле**, чем начинать ее с «нуля» - вне урбанизированных центров. Можно прогнозировать, что в первой трети 21 столетия Европа может иметь дифицит питьевой воды именно вследствие этой общеростовщической самоценности экономической эффективности.

Концептуальная основа экологического права в РФ – запретительная: ПДК, ПДН, ПДВ,… Согласно нашей «запретительной» модели предполагается ,что любое производство должно обладать определенным уровнем экологической чистоты. Для сравнения с нормами в ВС: у нас нельзя (по декларируемой норме) ввести экологически грязное производство, у «них» - можно, но за соответствующие деньги. Казалось бы, «наша» норма лучше, экологически более гуманна. Декларативно – да, а на практике – «как получится». Почему ? Потому, что субъект деятельности у нас и у них может нарушить технологические регламенты по «злой воле» или по случаю аварии , природной катастрофы. У «них» эта беда включена на уровне экспертизы проекта в потенциальный «возврат» в экологию (страхование экологических рисков), у «нас» пока нет, но, возможно, в скором будущем будет введено обязательное экологическое страхование в новых нормах права. Но вот пример, где наша запретительность целесообразна. По нашей норме экологической безопасности вновь вводимые объекты повышенного радиационного риска (атомные электростанции, например) должны быть удалены от субъектов риска (жилье, производство,…) не менее 25 км. У «них» такой нормы удаления нет – просто жизненного пространства для организации такой нормы нет. Из сего комментария следует, что для нас приемлемо разумное сочетание обеих моделей экологического права.

Теперь о соотношении интересов национальных и международных в области экологического права. Как говорилось выше, международные нормы «экологической чистоты» либо не определены, либо очень мягки. Они построены «по деньгам», т.е. Мы (ООН) предоставляем Вам столько экологического комфорта, сколько Вы в состоянии его обеспечить за собственные средства. Можно сказать, что это концепция норм экологического права стран «третьего мира».

В статье 15 Конституции РФ и статье 93 «Закона об охране окружающей среды» РФ продекларировано преимущество норм Международного права над национальными на территории РФ, если Россией заключены соответствующие международные соглашения. Можно с уверенностью утверждать, что это неудачно сформулированные нормы. Во-первых, это нормативный прецедент класса «потеря суверенитета» или феномен «правового якоря» в модели управления Миром из единого центра (**мондиализм**). Этот управленческий модельный новояз столь же наивный от невежества, как и канувшая в лету модель с **диктатурой проле-**

тариата. Здесь – диктатура интернационального **капитала**: «**информационная цивилизация**» с монокультурой, моноправом – единой системой ценностей – Земля общий дом **всечеловека** – человека **мира**. В этой модели **мира** традиционные прежде формы мировой идеологической агрессии: **сионизм, фашизм, коммунизм** заменены на новообразование - **общечеловеческие ценности.** Раз общечеловеческие, значит национальность – атавизм, дикость – тормоз **прогресса цивилизации**. Это новая форма идеологической агрессии, используемая для достижения власти в модели **мондиализм** – управлении Миром из единого **центра**. И очередная демонстрация социально-философско-экологического невежества авторов новой модели управления **миром.** Нам этот «фьючерс» не нужен и его (приоритет «международного» над «национальным») следует удалить из нашего законодательства.

И,наконец, во-вторых: наши экологические нормативы, в особенности в заполярье, много «жестче» международных и «международный приоритет» принесет только вред России.

Следует упомянуть еще об одном аспекте отношений национальных и международных норм экологического права и национальных интересов. В последние два десятилетия международное сообщество договорилось о соблюдении стандартов качества (ICOO…) продукции, поступающей на Мировой рынок. Для достижения гарантий качества были разработаны соответствующие механизмы: торгово-промышленные палаты, национальные и международные органы сертификации качества. В результате большой работы утвердились международные стандарты на потребительском рынке Планеты. При этом фактически были достигнуты грани качества вида «граница с низу», т.е. «не хуже», где «от кутюр» - высокое качество осталось в виде свободной нормы – «по большим деньгам». Это сильное достижение в области «соблюдения прав потребителя» в международном масштабе, обеспечиваемое членам-участникам Всемирной торговой организации (ВТО). К экологии эти нормы имеют прямое отношение в области продуктов питания ,а также в бытовых приборах и промышленном оборудовании, когда потребительские свойства этих товаров могут влиять на здоровье и безопасность потребителя. К сожалению, и благородный первичный акт заботы о потребителе в развитии превратился в средство недобросовестной конкуренции. Так, страны «семерки» для процветания национальных и транснациональных корпораций очень часто прибегают к недобросовестному манипулированию «качеством» в области безопасности, продвигая на мировой рынок свои товары и технологии. На мировом рынке с помощью рычага «сертификат» часто побеждают не «лучшие», а те кто в результате лоббирования получил право представлять интересы Мирового Сообщества. (Например, навигационное оборудование, средства спасения, фильтры очистки воздуха и т.д. в оборудовании судов). Качество превратилось в инструмент давления и извлечения сверхприбылей для сильных мира сего. Этот порядок угнетающе тяжел для России, т.к. она, выйдя на мировой рынок из изоляции, не имеет авторитета в области продаж новых технологий за отсутствием времени общения и устойчивых корпоративных связей. Поэтому сертифицирование сильных новейших технологий России приходится осуществлять совместно с известными на мировом рынке производителями , часто платя за это лоббирование непомерно высокую цену.

О корпоративности в международном праве, имеющем отношение к экологии. Сегодня 135 членов ВТО не смогли разрешить очередной системный кризис: Австралия, Аргентина, Канада, США не смогли навязать Сообществу «не дотировать фермеров Евросоюза». Да Евросоюз дотирует свое сельское хозяйство, обеспечивая при этом свою продовольственную безопасность (в отличие от нас), и предоставляет рабочие места и, что не менее важно, не увеличивает уровень урбанизации – некуда уже! На самом же деле конфликт глубже и фундаментальнее, чем о нем говорят политические обозреватели. Этот конфликт трехчастен. Во-первых, суть его в вывозе капитала в страны с дешевой рабочей силой: страны – вывозители капитала, имея сверхприбыли, не хотят поделиться ими через нормы ВТО, например, с источниками этих сверхприбылей. И это в «легальном бизнесе». А отсюда и во-вторых и в-третьих: страны-приемщики капитала не имеют возможности встать «с колен»,а «высокоразвитые страны» заинтересованы в сохранении дистанции в уровне развития и используют для

этого все средства, в том числе и международные союзы и их нормы права. Вот такая беда планетарного масштаба. Делиться надо, господа! Ведь та же Европа, по ночам умывая шампунем брусчатку (асфальт сильно токсичен – экологически вреден) своих маленьких старинных городков, не сверхвысоко эффективным производством своим, наукой или управлением обеспечила такой уровень (праздника) жизни. Она получила эти блага, орудуя **капиталом** – своей кредитно финансовой системой! Именно в силу этого **обстоятельства** этот конфликт носит концептуально-системный характер и является **цивилизационным.** А положит конец этому конфликту состояние **глобальной экологии**. Соблазн получать сверхприбыли уже сейчас с огромной скоростью **увеличивает вовлечение в производство** товаров **всех природных ресурсов Планеты**, увеличивает ее урбанизированные площади, истребляет легкие Планеты (сельва Амазонии, леса Мадагаскара, нефть и ПАВ на поверхности Мирового океана),… США потребляют 45 % всех производимых энергетических ресурсов, имея 5 % населения Планеты. Когда-то **природа** откажет **человек**у в сотрудничестве. По прогнозам членов Римского клуба и нашего физика В.Г. Горшкова это произойдет в 2030 – 2040 г.г. Время еще есть, но при условии, что Человечество начнет совершать разумные поступки. В рамках этой цивилизации пока никакого эффективного инструмента кроме экономики нет, следовательно им и нужно воспользоваться. Каким образом ? Перво-наперво, как уже говорилось выше, странам- «вывозителям» капитала следует поделиться сверхприбылями с их источниками и Мировым Сообществом, образовав соответственные национальные и международные фонды :

- **ликвидации последствий национальных и международных катастроф;**
- **восстановления и сохранения качества окружающей среды;**
- **поддержания социального минимума: питания, здоровья,образования и жилья**.

При этом бедные страны обретут надежду и механизм богатения, а Международное Сообщество получит резервные фонды, регулирующие уровень урбанизации и состояние планетарной экологии. Далее международные экологические нормы должны утвердить предельно допустимый уровень качества окружающей среды, а также выработать механизмы контроля соблюдения этих норм. В последующем - представляется естественным введение **международной рентной платы за используемые природные ресурсы**. То есть богатые страны, например США, должны платить налог «за природные энергетические ресурсы» в Международный банк энергетических ресурсов. Понятно, что такого рода налог будет определяться по международному соглашению, регулирующему уровень потребления природных ресурсов Планеты. Аналогом механизма регулирования пользования природными ресурсами можно использовать принцип налогообложения физических лиц, где применяется нелинейная шкала «изъятий» у богатых для дотирования бедных из фондов потребления. По-видимому, целесообразно ввести социально-экологические налоги «за урбанизацию», проведя экологическое районирование Планеты. Эти международные налоги должны ввести новый «дух» в понятие права, породить солидарную ответственность планетарного масштаба, убрать постыдное умолчание двойных стандартов, основанных золотым тельцом, установить в Мире порядок, построенный на истинном братстве народов планеты Земля. Если Человечество договорилось о нормах права, регулирующих биологическое разнообразие флоры и фауны Планеты, то, наконец, пришло время честно договориться и о регулировании этнического разнообразия Земли. У Жизни Атома, Вселенной, Бактерии или Человека есть только один точный и общий **смысл** – «**жить**».Т.е. у каждого из этих объектов **глобальным общим** свойством является **самопродолжение**. Жизнь самоценна и самодостаточна. Поэтому прогнозируемая **мондиалистами** информационная цивилизация, построенная на моноправе, моноэстетике,«м**ононациональности» – концептуально ошибочна**, поскольку она «по умолчанию» содержит некий корректор, отрицающий «национальное самопродолжение». Отсюда следует, что отрицание национальности есть высшая форма **расизма** или глобального идеологического (концептуального) уродства.

Мировая Гармония проявляется в устойчивом самопродолжении мирового этнического разнообразия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисенко Ирина Геннадьевна, соискатель кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск. .

Бороноева Нина Алексеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Галиахметов Равиль Нургаянович, кандидат философских наук, доцент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Головей Виктория Юрьевна, доктор философских наук, доцент Волынского педагогического университета им. Л.Украинки, г. Луцк (Украина).

Григоренко Дмитрий Евгеньевич, кандидат философских наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета им. ак. М.Ф.Решетнёва, г. Красноярск.

Гринченко С.Н., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской Анадемии наук, г. Москва.

Грякалов Алексей Алексеевич, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, г. С-Петербург.

Дуреева Наталья Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Иванова Людмила Александровна, ассистент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Кефели Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета (ВОЕНМЕХ) им. М.Ф.Устинова, г. С-Петербург.

Козлова Мария Владимировна, ассистент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор Института проблем информатики РАН, г. Москва.

Коловская Анна Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Константинов Петр Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Константинов Илья Петрович, аспирант кафедры философии Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Корольков Александр Аркадьевич, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, г. С-Петербург.

Кудашов Вячеслав Иванович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Сибирского федерального университета, председатель Красноярского отделения философского общества, г. Красноярск.

Кузнецова Мария Федоровна, кандидат философских наук, доцент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Кушелев Виталий Анатольевич, доктор филсоофских наук, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. С-Петербург.

Максимов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института военного обучения Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Молчанов Виктор Николаевич, кандидат физико-математических наук, доцент, Балтийский Фонд Экологической Безопасности, г. С-Петербург.

Морозов Виктор Васильевич, кандидат философских наук, доцент**,** заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирской пожарно-

спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Железногорск.

Московченко Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, г. Томск.

Наливайко Нина Васильевна, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Философия образования», г. Новосибирск.

Никитенко Виктор Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН, г. Биробиджан.

Пфаненштиль Иван Алексеевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Пфаненштиль Лариса Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теоретических основ экономики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Рассказов Леонид Дементьевич, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет», г. Красноярск.

Светлов Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения, г. С.-Петербург.

Сидоренко Екатерина Владимировна, соискатель кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Солкина Полина Александровна, ассистент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им М.В.Ломоносова, академик Академии наук Республики Молдова, г. Москва.

Урсул Татьяна Альбертовна, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», г. Москва.

Усольцев Владимир Андреевич, доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры менеджмента факультета экономики и управления Уральского государственного лесотехнический университет, г. Екатеринбург

Черных Сергей Иванович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного аграрного университета, г. Новосибирск.

Чуринов Николай Мефодьевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных наук Сибирского государственного аэрокосмического университета им. ак. М.Ф.Решетнёва, г. Красноярск.

Яценко Михаил Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета, г. Красноярск.